О.А. Ржешевский

Сталин и Черчилль

Встречи. Беседы. Дискуссии

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

АССОЦИАЦИЯ ИСТОРИКОВ
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

—

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY

ASSOCIATION OF THE SECOND
WORLD WAR HISTORIANS

O. A. Rzheshevsky

STALIN CHURCHILL

Meetings. Talks. Discussions

Documents, commentaries
1941-1945

MOSCOW NAUKA 2004

О. А. Ржешевский

СТАЛИН ЧЕРЧИЛЛЬ

Встречи. Беседы. Дискуссии

Документы, комментарии
1941-1945

МОСКВА НАУКА 2004

УДК 94(4)
ББК 63.3(4)
Р48

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 03-01-00450д*

Рецензенты:
доктор исторических наук А.С. ОРЛОВ,
доктор исторических наук А.М. ФИЛИТОВ

Ржешевский О.А.

Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941-1945 / О.А. Ржешевский; Ин-т всеобщей истории. - М.: Наука, 2004. - 564 с. - ISBN 5-02-009821-3 (в пер.)

Книга содержит документы фондов И. Сталина и У. Черчилля, хранящиеся в архивах России, Великобритании и США, раскрывающие дипломатическую и политическую историю антигитлеровской коалиции. На основе официальных записей встреч, бесед и дискуссий Сталина и Черчилля во взаимосвязи с событиями второй мировой и Великой Отечественной войн рассматриваются советско-английские отношения, поиски двумя "непримиримыми союзниками" компромисса, его возможностей и пределов, значение в этом искусства переговоров и личных отношений. Часть документов публикуется впервые. Документы сопровождаются комментариями, картами и иллюстрациями.

Для историков, дипломатов и широкого круга читателей.

ТП 2004-1-№ 298

ISBN 5-02-009821-3

Галине Акимовне

ОТ АВТОРА

В марте 2002 г. Восточный департамент Министерства иностранных дел Великобритании провел в зале Локарно совместно с дипломатами и историками РФ семинар на тему "Черчилль и Сталин". На семинар были приглашены видные британские историки и дипломаты (около 60 человек). С докладами выступили директор Историко-документального департамента МИД РФ доктор исторических наук П.В. Стегний[1] "Сталин и Черчилль. Новые архивные документы", директор Института всеобщей истории РАН академик А.О. Чубарьян "Сталин, Черчилль и начало холодной войны". Британская сторона представила доклады: профессоров Д. Дилкса "Черчилль, Иден и Сталин" и Д. Робертса "Процентное соглашение 1944 г." Взаимный интерес вызвал первый визит Черчилля в Москву и его переговоры со Сталиным в 1942 г. С докладами на эту тему выступили профессор М. Фолли и автор данной книги.

К открытию семинара британская сторона издала в рабочем варианте сборник документов на тему "Черчилль и Сталин". В работе форума приняли участие Чрезвычайный и полномочный посол РФ в Великобритании Г.Б. Карасин, дочь У. Черчилля М. Соумс, его переводчик Х. Ланги, ряд руководителей отделов и других видных чиновников Форин оффис. Итоги семинара подвел бывший посол Великобритании в РФ сэр Р. Брейтвейт. Работа семинара освещалась в печати Великобритании и России. Это один из примеров внимания и интереса, который сохраняется в мире к личности И. Сталина и У. Черчилля, их жизни и непримиримой борьбе за противоположные идеалы, прерванной недолговечным, но великим союзом, объединившим усилия стран и народов во имя разгрома фашистского нашествия.

Сталину и Черчиллю посвящена обширная литература, тысячи книг и статей. Отметим лишь некоторые издания в России, Великобритании и США, полностью или частично посвященные их жизни и деятельности в период 1941-1945 гг. Среди документальных и мемуарных публикаций в нашей стране выделим фундаментальные издания Министерства иностранных дел: "Переписка Председателя Совета Министров СССР И.В. Сталина с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны

[1] В настоящее время - Чрезвычайный и Полномочный посол Российской Федерации в Турции.

1941-1945 гг." в 2-х томах (М., 1957, 1986); "Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945" в 2-х томах (М., 1983); "Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны" в 6-ти томах (М., 1984); "Документы внешней политики". Т. XXII-XXIV (М., 1992-2000), а также том 15-й Сочинений И.В. Сталина (1941-1945) (М., 1997) и новое дополненное издание его книги "Великая Отечественная война Советского Союза" (М., 2001); мемуары У. Черчилля "Вторая мировая война" в 6-и томах (Пер. с англ. М., 1955); мемуары И.М. Майского "Воспоминания" (М., 1965), СМ. Штеменко "Генеральный штаб в годы войны" (М., 1968), А.А. Громыко "Памятное" (М., 1988), Г.К. Жукова "Воспоминания и размышления" в 3-х томах (М., 1996); "Дипломаты вспоминают. Мир глазами ветеранов дипломатической службы" (М., 1997).

В той или иной степени рассматриваемая тема освещается в каждом из биографических исследований или других трудах, посвященных Сталину или Черчиллю. В числе изданных в России книг: Волкогонов Д. А. "Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина" в двух книгах (М., 1989); Розанов Г.Л. "Сталин - Гитлер. 1939-1941" (М., 1991); Такер Р. "Сталин. Путь к власти" (М., 1991); Марьямов Г. "Кремлевский цензор" (М.,1992); Радзинский Э. "Сталин" (М., 1997); Жухрай В. "Сталин: правда и ложь" (М., 1996); Громов Е.С. "Сталин: власть и искусство" (М., 1998); Иванов Р.Ф. "Сталин и союзники" (Смоленск, 2000); Яковлев Н.Н. "Сталин: путь наверх" (М., 2000); Соловьев Б.Г., Суходеев В.В. "Полководец Сталин" (М., 2001); Басистов Ю.В. "Сталин - Гитлер. От пакта до войны" (СПб., 2001); Емельянов Ю.В. "Сталин. Путь к власти" и Он же. "Сталин. На вершине власти" (М., 2002); Карпов В.В. "Генералиссимус" в двух книгах (М., 2002); Орлов А.С. "Сталин: в преддверии войны" (М., 2003); Суходеев В.В. "Сталин в жизни и легендах" (М., 2003); Жуков Ю.Н. "Иной Сталин" (М., 2003); Невежин В.А. "Застольные речи Сталина" (М., 2003); Гареев М.А. "Верховный Главнокомандующий вооруженными силами генералиссимус Сталин" (в кн. "Полководцы Победы и их военное наследие" (М., 2003); Медведев Ж., Медведев Р. "Неизвестный Сталин" (М., 2004).

Очевиден в России и интерес к У. Черчиллю. Британскому лидеру посвящен ряд исследований отечественных и зарубежных авторов: Трухановский В.Г. "Уинстон Черчилль" (М., 2003, 5-е издание); Уткин А.И. "Черчилль" (М., 1997); Бедарида Ф. "Уинстон Черчилль" (Пер. с франц. М., 2003); Роуз Н. "Черчилль. Бурная жизнь" (Пер. с англ. М., 2003).

Среди изданий в Великобритании и США о Черчилле в первую очередь следует назвать очередной, третий том военных документов Черчилля "Расширение масштабов войны. 1941"; документы "Полной переписки У. Черчилля и Ф. Рузвельта" в трех томах; уникальный, в восьми томах, биографический труд М. Гилберта "Уинстон Черчилль", особенно нам интересен седьмой том этого труда "Путь к победе. 1941-1945". В последнее десятилетие привлекли внимание книга Д. Эдмондса "Большая тройка"; сборник статей британских и американских историков "Черчилль", книги М. Гилберта "В поисках Черчилля. Путешествие историка", Д. Чормли "Черчилль. Конец славы. Политическая био-

графия", Д. Карлтона "Черчилль и Советский Союз", Р. Дженкинса "Черчилль", М. Фолли "Черчилль, Уайтхолл и Советский Союз" и ряд других изданий[2].

Характерная черта трудов российских авторов о Сталине - полярность взглядов и заключений. Одни, их в последнее десятилетие большинство, представляют жизнь и государственную деятельность Сталина с негативных позиций; другие, их меньшинство, - с положительных. В Великобритании и США подчеркиваются положительные черты жизни и деятельности Черчилля, его руководства государством и войной, личности как человека (исключение составляет, пожалуй, лишь книга историка Д. Чормли).

Изданная в Великобритании литература о Сталине нередко содержит крайне мало достоверных сведений о самом советском лидере. Основное внимание в ней отводится освещению в негативных тонах истории "сталинской системы", Советского Союза. Примерами таких публикаций последних лет могут служить энциклопедический очерк профессора Оксфордского университета Р. Сервиса "Сталин как военный лидер" и книга С. Себага-Монтефиоре "Сталин: суд красного царя"[3]. С точки зрения научных знаний и фактического материала они весьма ненадежны[4]. В то же время компетентны и достоверно документирова-

[2] The Churchill War Papers. Vol. 3. The Ever Widening War. 1941. L., 2000, N.Y., 2001; Churchill and Roosevelt. The Complete Correspondence / Ed. with a Commentary W.F. Kimball. L., 1984. Vol. I-III; *Winston S.* Churchill by Martin Gilbert. Vol. VII. Road to Victory 1941-1945. L., 1986; The Diaries of Sir Alexandr Cadogan O.M. 1938-1945 / Ed D. Dilks L., 1971; *Averell Harriman W., Abel Elie.* Special Envoy to Churchill and Stalin. 1941-1946. N.Y., 1975; *Lord Moran.* Winston Churchill: The Struggle for Survival. L., 1966; *Birse A.* Prime Minister's Interpreter. L., 1975; *Edmonds R.* The Big Three. L., 1991; Churchill / Ed. R. Bloke and R. Louis. Oxford, 1994); *Gilbert M.* In Search of Churchill: A historian's journey. L., 1994; *Charmley D.* Churchill: The End of Glory: A political biography. L., 1995; *Carlton D.* Churchill and the Soviet Union. L., 2000; *Folly M.* Churchill, Whitehall and the Soviet Union. N.Y., 2000; *Jenkins R.* Churchill. L., 2001.

[3] *Service R.* Stalin as War Leader in the Oxford Companion to World War II. L., 1995. P. 1050-1057; *S.-Montefiore S.* Stalin: The Court of the Red Tsar. L., 2003.

[4] В политически ангажированной книге С. Себага-Монтефиоре руководитель СССР предстает параноиком и маньяком. Р. Сервис слабо знает деятельность Сталина в годы войны, либо искажает события. Так, он оценивает контрнаступление Красной Армии под Москвой зимой 1941 года как "сумасбродное" решение и утверждает, что в результате, при больших потерях, "с которыми Сталин не считался", советские войска продвинулись лишь "на несколько километров" (р. 1052). Трудно предположить, что профессор Р. Сервис не знал о разгроме немецких войск под Москвой зимой 1941/42 г., который явился началом коренного перелома в войне и, как показали последующие события, во многом предрешил ее исход. В этом же энциклопедическом издании в обстоятельной статье "Битва под Москвой" историк из США Э. Зимке дает этому событию противоположную оценку, приводит в подтверждение запись начальника генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Ф. Гальдера о том, что поражение вермахта в битве под Москвой стало "самым крупным кризисом в истории двух мировых войн". В статье также сообщается, что немецкие войска сумели удержать за собой участок фронта на расстоянии 150 км от

ны отмеченные ранее труды М. Гилберта, М. Фолли, а также А. Аксе¬ла "Война Сталина", Д. Робертса "Победа под Сталинградом" и некоторые другие публикации, одним из действующих лиц которых является Сталин. К ним можно также отнести с необходимыми критическими замечаниями книгу А. Бивора "Сталинград" и фрагменты его же труда "Падение Берлина. 1945".

Сталин и Черчилль - союзники-антагонисты, руководители государств с противоположными социально-политическими системами, антиподы по происхождению, мировоззрению, жизненному пути в целом. Волею обстоятельств сын сапожника, профессиональный революционер, глава социалистического государства и выходец из высшей касты буржуазного общества, лидер крупнейшей в мире империи должны были найти пути к сотрудничеству, от которого зависели судьбы их стран и народов. Они искали и находили подходы друг к другу, принимая решения в интересах объединения усилий во имя борьбы против нашествия агрессоров. Тем более ценен не имеющий прецедента в истории опыт сотрудничества руководителей СССР, США и Великобритании, его возможностей и пределов, поучительных поисков Сталиным и Черчиллем взаимных компромиссов, в том числе в личных отношениях, также необходимых для достижения общей цели. Важно, на наш взгляд, прояснить на этом фоне условия и причины, которые привели к созданию англо-советского союза, а затем вызвали его, казалось, предотвратимый распад - историю, в которой многие решения зависели от Сталина и Черчилля, их влияния на политику США.

В основе книги - документы архивов России, Великобритании и США, раскрывающие историю становления англо-советских отношений в годы войны, доступные и наиболее полные записи личных встреч, бесед, дискуссий Сталина и Черчилля, некоторые сопутствующие материалы. Это документы Архива Президента Российской Федерации (фонд 45), Архива внешней политики Российской Федерации (фонды 06, 059), Российского Государственного архива социально-политической истории (фонд 55), а также Государственного Архива Великобритании, Архива У. Черчилля при Кембриджском университете и Национального Архива США. Значительная часть документов 1942-1945 гг., в том числе многие записи бесед двух лидеров по рассматриваемой теме, публикуются впервые. Они содержат немало открытий, устраняют некоторые "белые пятна" в истории антигитлеровской коалиции, дают представление о механизме принятия решений союзными державами и их лидерами, объясняют успехи и просчеты советской и британской дипломатии[5].

Москвы (р. 762). На других участках фронта они были отброшены от Москвы на расстояние до 400 км (подробнее см.: *Мягков М.Ю.* Вермахт у ворот Москвы. 1941-1942. М., 1999; *Невзоров ЕМ.* Московская битва. М., 2001; *Axell A.* Stalin's War. L., 1997; *Roberts J.* Victory at Stalingrad. L., 2002; *Beevor A.* Stalingrad. L., 1999; *Idem.* Berlin: The Dawnfall 1945. L., 2002).

[5] Документы 1941 - первой половины 1942 г. из книги автора "Война и дипломатия" (М.: Наука, 1997) публикуются с дополнениями и уточнениями.

Автор выражает глубокую признательность руководителям и сотрудникам отечественных и зарубежных архивов, всем, кто предоставил возможность изучения и публикации этих документов. Искренне благодарен академикам Ю.А. Полякову, Г.Н. Севостьянову, А.О. Чубарьяну, президенту Академии военных наук генералу армии М.А. Гарееву, докторам исторических наук Л.В. Поздеевой, В.А. Золотареву, А.А. Кошкину, А.С. Орлову, А.А. Улуняну и А.М. Филитову, кандидатам исторических наук Е.В. Белевич, Е.Н. Кулькову, М.Ю. Мягкову и Ю.А. Никифорову; А.А. Чурилину за замечания и советы. Трудно переоценить значение консультаций и поддержки, которую оказали автору официальный биограф У. Черчилля сэр М. Гилберт, лорд А. Буллок, профессора Ж. Харрис, Д. Дилкс, Д. Рейнольде, Д. Робертс, доктор Г. Шукман (Великобритания), профессора Л. Гарднер, Д. Детуайлер и У. Кимболл (США).

Документы публикуются в соответствии с оригиналом, с расшифровкой отдельных слов и сокращений.

О.А. Ржешевский

Москва, февраль 2004 г.

Одним из новых источников в изучении рассматриваемой темы могут послужить документы и материалы Мемориального кабинета-библиотеки У. Черчилля в Ливадийском дворце (Ялта), открытого 6 февраля 2004 г. (см.: Известия. 2004. 7 февр.).

Глава первая

МОСКВА. 15-22 ДЕКАБРЯ 1941 ГОДА. ПРОЯСНЕНИЕ ПОЗИЦИЙ. "СТАЛИН ПОКАЗЫВАЕТ СВОИ КОГТИ"

8 декабря 1941 г. на борту крейсера "Кент" министр иностранных дел Великобритании А. Иден направился в Советский Союз для ведения переговоров, имевших целью укрепить сотрудничество двух стран в войне против нацистской Германии и ее союзников в Европе. А. Идена сопровождали постоянный заместитель министра иностранных дел А. Кадоган, личный советник О. Харви, представитель Форин оффис Ф. Робертс, заместитель начальника имперского генерального штаба генерал А. Ней и другие лица. С делегацией также выехал из Лондона в Москву посол СССР в Великобритании И.М. Майский. Поездка осуществлялась по инициативе У. Черчилля и на основе договоренности с И. Сталиным[1].

Военное положение Советского Союза было крайне тяжелым. С началом войны немецкие войска в короткие сроки продвинулись в северо-западном направлении на 400—450 км, в западном - на 450-600 км, в юго-западном - на 300-350 км, захватив территорию Латвии, Литвы, часть Эстонии, Украины, почти всю Белоруссию и Молдавию, вторглись на территорию Российской Федерации, вышли на подступы к Ленинграду, Смоленску и Киеву. Вскоре войска Юго-Западного и Южного фронтов оставили Киев, Одессу, Донбасс. Противник прорвался в Крым, подошел вплотную к Севастополю и в ноябре достиг Ростова-на-Дону. На главном, московском направлении советские войска еще в конце июля оставили Смоленск. Дивизии вермахта приближались к Москве. 20 октября Москва и прилегающие к городу районы были объявлены на осадном положении. Обстановка достигла критического рубежа, когда противник форсировал в ноябре канал Москва-Волга и на какое-то время достиг Химок (ныне в городской черте Москвы). Потери советских войск были огромны. С июня по декабрь 1941 г. Красная Армия и Военно-Морской Флот потеряли убитыми, умершими от ран, оказавшимися в плену и пропавшими без вести 3 млн 138 тыс. человек, лишились более 6 млн единиц стрелкового оружия, 20 тыс. танков и САУ, 100 тыс. орудий и минометов, 10 тыс. самолетов. Только под Киевом и Вязьмой около 1,2 млн бойцов и командиров Красной Армии были окружены, погибли или оказались в плену[2].

Постепенно в развернувшейся до крайнего ожесточения борьбе все большее значение приобретали твердость духа и единство советского народа, его самоотверженность на фронте и в тылу. Стойкая оборона Бреста, Лиепаи, Таллина, Могилева, Ленинграда, Одессы, Севастополя и, наконец, Москвы способствовали срыву гитлеровского плана "молниеносной войны" - расчетов завершить ее в 1941 г. до наступления зимы. Советские войска учились искусству ведения войны, оказывали противнику все более решительное сопротивление. По немецким данным, с июня по ноябрь 1941 г. сухопутные силы вермахта без учета потерь союзников Германии потеряли убитыми, ранеными и пленными около 750 тыс. человек. Потери немецкой авиации за тот же период достигли 5,5 тыс. самолетов[3]. 5-6 декабря войска Красной Армии перешли под Москвой в стратегическое контрнаступление, кардинально изменившее обстановку на фронте и оказавшее большое влияние на военно-политическое положение в мире.

Визит Идена в Москву по стечению непредсказуемых обстоятельств пришелся на те дни, когда произошло чрезвычайное событие, изменившее расстановку сил в войне в целом, - в результате вероломного и внезапного нападения 7 декабря 1941 г. японских авианосных сил на главную военно-морскую базу США на Тихом океане разразилась война между США и Японией. Известие о нападении Японии на Пёрл-Харбор и вступлении США в войну застало Идена еще в Англии на пути из Лондона в Скапа-Флоу, где его ожидал крейсер "Кент". Великобритания к этому времени находилась в не менее трудном положении, чем СССР, хотя угроза вторжения вермахта непосредственно на Британские острова была позади. Страна вела войну уже более двух лет, стойко выдержала "блиц" 1940 года, разгромила итальянские армии в Африке, но потерпела поражение в битве за Францию и утратила стратегические позиции на скандинавском и балканском плацдармах. Контрнаступление 8-й британской армии в Ливии, начатое 18 ноября 1941 г. (его успех должен был укрепить позиции Идена на переговорах, равно как и контрнаступление Красной Армии под Москвой - позиции Сталина), вынудило итало-немецкие войска к частичному отступлению от границ Египта. Но резко обострилась обстановка на Тихом океане. Англия была вынуждена вступить в войну с Японией. Вслед за ударом по Пёрл-Харбору японские вооруженные силы атаковали важнейшие стратегические позиции Великобритании в этом районе, высадив 7-8 декабря десант в Британской Малайе и Сиаме (как и авианосные силы, которые нанесли удар по Пёрл-Харбору, десант был скрытно направлен к месту назначения еще до начала войны). Японская авиация, разбомбив британские аэродромы, 10 декабря потопила линкор "Принц Уэльский" и крейсер "Рипалс" - основу мощи Восточного флота Великобритании, остатки которого укрылись затем в Австралии. Это означало, что практически все имперские владения Великобритании в Восточной Азии, включая Сингапур, Цейлон и Индию, оказались без прикрытия с моря, что в условиях пре-

восходства японского флота, авиации и сухопутных войск угрожало катастрофой.

Британо-советские отношения со времени нападения Германии на СССР как бы в одночасье изменились. Жесткое противостояние на международной арене в предвоенные годы, воспрепятствовавшее в канун второй мировой войны созданию системы коллективной безопасности и предотвращению германской агрессии, сменилось принятием важных политических решений в целях объединения усилий двух стран в борьбе против общего врага. Довольно распространенная точка зрения, что после заключения советско-германских договоров и до нападения Германии на СССР англо-советские отношения оставались однозначно враждебными, требует уточнения. Для более объективной характеристики этих отношений и двусторонних переговоров, в ходе которых Англия стремилась "навести мосты", а СССР не сжигать их (в Лондоне переговоры в основном велись между И. Майским и парламентским заместителем министра иностранных дел Р. Батлером, в них также участвовали Э. Галифакс, позднее А. Иден, а в Москве - С. Криппс), приведем такие примеры.

6 октября 1939 г., вслед за заключением советско-германского договора о дружбе и границе, У. Черчилль пригласил И. Майского и в ответ на его вопрос: "Что Вы думаете о мирных предложениях Гитлера?" — сказал: "Некоторые из моих консервативных друзей рекомендуют мир. Они боятся, что в ходе войны Германия станет большевистской. Но я стою за войну до конца. Гитлер должен быть уничтожен. Нацизм должен быть сокрушен раз и навсегда. Пускай Германия становится большевистской. Это меня не пугает. Лучше коммунизм, чем нацизм". Далее он разъяснил позицию британского правительства в создавшейся новой обстановке: "1) основные интересы Англии и СССР нигде не сталкиваются; 2) СССР должен быть хозяином на восточном берегу Балтийского моря, и он очень рад, что балтийские страны включаются в нашу, а не в германскую государственную систему; 3) необходимо совместными усилиями закрыть немцам доступ в Черное море; 4) британское правительство желает, чтобы нейтралитет СССР был дружественным по отношению к Великобритании".

21 февраля 1940 г. В. Молотов направил указание И. Майскому следующим образом разъяснить Р. Батлеру политику СССР в отношении Германии: «1) Мы считаем смешным и оскорбительным для нас не только утверждение, но даже просто предположение, что СССР будто бы вступил в военный союз с Германией; 2) хозяйственный договор с Германией есть всего лишь договор о товарообороте, по которому вывоз из СССР в Германию достигает всего 500 млн марок, причем договор экономически выгоден СССР, так как СССР получает от Германии большое количество станков и оборудования, равно как изрядное количество вооружения, в прода-

же которого, как известно, отказывали нам как в Англии, так и во Франции; 3) как был СССР нейтральным, так он и останется нейтральным, если, конечно, Англия и Франция не нападут на СССР и не заставят взяться за оружие. Упорно распространяемые слухи о военном союзе СССР с Германией подогреваются не только некоторыми элементами в самой Германии, чтобы замирить Англию и Францию, но и некоторыми агентами самой Англии и Франции, желающими использовать воображаемый "переход СССР в лагерь Германии" для своих особых целей в области внутренней политики»[4].

С поражением Франции заметно менялись в пользу СССР как потенциального союзника настроения британского общества.

И. Майский сообщал в Москву 19 июня 1940 г.:

«Вчера в конце дебатов по выступлению Черчилля в парламенте произошла следующая демонстрация: лейборист Джон Морган произнес небольшую речь, в которой он приветствовал назначение Криппса послом в Москву и призвал палату отметить прибытие Криппса "в эту великую страну и пожелать ему успеха в его работе". Со всех сторон (не только от лейбористской, но и с консервативной) раздались шумные одобрения, и все обернулись лицом к дипломатической галерее, в которой я сидел в числе других послов. Черчилль полуприподнялся с скамьи правительства и также обернулся в мою сторону, сделал дружественный жест по моему адресу рукой. Примеру Черчилля последовали ряд других министров, сидевших рядом»[5].

24 февраля 1941 г. в ответ на инициативу А. Идена приехать в Москву для встречи с И. Сталиным в целях улучшения англо-советских отношений заместитель наркома иностранных дел А. Вышинский сообщил британскому послу в Москве С. Криппсу, что "сейчас еще не настало время для решения больших вопросов"[6]. Негативная тенденция в англо-советских отношениях (крайнего обострения они достигли в результате вступления СССР в войну против Финляндии) получила новый импульс в связи с прилетом в Англию 10 мая 1941 г. заместителя Гитлера по НСДАП Р. Гесса и советскими подозрениями об англо-германском сговоре. Однако, как свидетельствуют доступные исследователям британские документы, связанные с миссией Гесса (часть их еще остается закрытой), советские подозрения на этот раз не подтвердились. Правительства Великобритании и США все более склонялись к поддержке СССР в надвигавшейся войне против Германии. В день нападения нацистской Германии на СССР У. Черчилль первым из глав иностранных государств заявил о поддержке СССР в борьбе с гитлеровской агрессией. В речи по Би-Би-Си вечером 22 июня 1941 г., к которой он готовился весь день, Черчилль от имени правительства обещал оказать "России и русскому народу всю помощь, которую только сможем". Премьер-министр не оставил сомнений в том, что и впредь будет последовательным противником коммунизма и обосновал занятую теперь позицию тем,

что "опасность, угрожающая России - это опасность, грозящая нам и Соединенным Штатам".

26 июня И.М. Майский сообщил в Москву: "Эффект акции Черчилля был огромен как в самой Англии, так и в США... Вы знаете из моих предыдущих сообщений, я считал британскую волю к войне достаточно устойчивой и не предвидел возможностей англо-германской сделки в непосредственном будущем. Я допускал поэтому, что в случае германской атаки на СССР Англия займет благоприятную для нас позицию. Однако быстрота и решительность, с которой такая позиция действительно была занята, явилась для меня приятным сюрпризом..."[7]

Уже 27 июня британская военная и экономическая миссия во главе с британским послом в СССР С. Криппсом, генерал-лейтенантом М. Макфарланом и контр-адмиралом Г. Майлсом прибыла в Москву. Немногим более чем через неделю в Лондон и Вашингтон направилась для переговоров о военном сотрудничестве советская военная миссия во главе с заместителем начальника Генерального штаба начальником Главного разведывательного управления генерал-лейтенантом Ф.И. Голиковым. У. Черчилль писал 7 июля Сталину: "Мы приветствуем прибытие русской военной миссии с целью согласования будущих планов"[8].

Крупным событием явилось подписание 12 июля 1941 г. в Москве советско-британского соглашения о совместных действиях в войне против Германии, положившее начало формированию антигитлеровской коалиции. Соглашение содержало обязательство оказывать друг другу помощь и поддержку в войне против гитлеровской Германии и не вступать в сепаратные переговоры[9].

Немалую роль в развитии советско-английского сотрудничества сыграло последовавшее 16 августа 1941 г. соглашение о товарообороте, кредите и клиринге. Оно предусматривало предоставление Советскому Союзу кредита в сумме 10 млн ф.ст. Важное значение в становлении союзнических отношений имел визит в Москву Г. Гопкинса - личного представителя президента США и переговоры Г. Гопкинса с И. Сталиным и В. Молотовым (30-31 июня 1941 г.) об американских поставках в СССР. Однако в первую очередь в Вашингтоне ожидали оценок военно-политического положения в СССР и перспектив борьбы на советско-германском фронте. 1 августа Гопкинс направил президенту Рузвельту и государственному секретарю Хэллу следующую телеграмму: "Я имел две продолжительные и удовлетворительные беседы со Сталиным, и я сообщу вам лично то, что он передает через меня. Однако уже теперь я хотел бы сказать вам, что я очень уверен в отношении этого фронта. Моральное состояние населения исключительно высокое. Здесь существует безграничная решимость победить"[10]. Одновременно Гопкинс и британский посол в Москве С. Криппс рекомендовали созвать в ближайшее время в Москве конференцию трех держав по воп-

росам распределения ресурсов. Рузвельт эту рекомендацию поддержал и направил Сталину соответствующее предложение, которое было принято.

Еще большее значение имели первые серьезные результаты военно-политического сотрудничества Великобритании и СССР. В конце августа 1941 г. по согласованию между двумя правительствами советские и британские войска были введены в Иран и в начале сентября вступили в Тегеран, предотвратив вовлечение страны в войну на стороне Германии. 8 сентября того же года в Тегеране было подписано соглашение, положившее начало англо-советско-иранскому сотрудничеству в годы войны. Иранское правительство обязалось не допускать каких-либо действий в ущерб борьбе СССР и Великобритании с гитлеровской Германией, содействовать транспортировке через иранскую территорию военных грузов союзников, что имело в последующем большое значение для поставок в СССР по программе ленд-лиза. СССР и Великобритания со своей стороны решили оказывать Ирану экономическую помощь. В октябре СССР и Великобритания совместно потребовали от правительства Афганистана прекратить прогерманскую деятельность различных группировок на своей территории. В ответ созванный 5 ноября королем Захир Шахом высший законодательный орган страны Большая джирга одобрил политику строгого нейтралитета. Аналогичный демарш, предпринятый ранее Великобританией и СССР по отношению к Турции, также дал возможность нейтрализовать или, по меньшей мере, ослабить германское влияние в этой стране дипломатическими средствами.

Московская конференция трех держав - СССР, Великобритании и США - проходила в Москве 29 сентября - 1 октября 1941 г. (английскую делегацию на конференции возглавлял министр снабжения лорд Бивербрук, американскую - личный представитель президента посол А. Гарриман, с советской стороны переговоры вели И. Сталин и В. Молотов). В ходе конференции были приняты первые конкретные решения по вопросам оказания западными союзниками помощи СССР. За содержанием переговоров и их итогами внимательно следили в Лондоне и Вашингтоне. Публикуемые ниже документы характеризуют начальные позиции сторон и нервозную обстановку на конференции: немецкие войска приближались к Москве.

№ 1

Запись беседы Председателя Совета Народных Комиссаров СССР с главами делегаций Великобритании и США на Московской конференции представителей трех держав

29 сентября 1941 г.

*Бивербрук**. Я позволю себе внести на Ваше рассмотрение предложение выступить в четверг на конференции, чтобы сообщить о достигнутых результатах и отметить роль Соединенных Штатов Америки. Такое выступление создало бы атмосферу триумфа, укрепило бы общий фронт и произвело бы сильное впечатление на Англию, США и даже Францию. Я добиваюсь наилучших результатов совещания в интересах всех трех стран.

Сталин. Я не вижу в этом необходимости. К тому же я очень занят. Я не имею времени даже спать. Я думаю, что будет вполне достаточно выступления товарища Молотова.

На предложение Бивербрука привести делегатов конференции в Кремль Сталин вновь указывает на свою занятость. Бивербрук заявляет, что он еще вернется к этому вопросу.

Бивербрук. С помощью Америки мы сможем доставлять 500 танков, из них не больше 50% легких танков, а остальные тяжелые.

Сталин. Каковы вес легких танков и калибр пушек?

Бивербрук. 7-8 и 13 т, а калибр - от 37 до 40 *мм.*

Сталин. Согласны, если малые танки будут не меньше 7 т и пушки не меньше 37 *мм.* Но нельзя ли увеличить количество?

Бивербрук. Сейчас речь идет о снабжении в течение ближайших восьми месяцев. После этого мы сможем давать и больше. Мы в своем предложении дошли до предела возможностей. Конечно, необходимо будет держать Архангельский порт открытым.

Гарриман. Куда Вы хотели бы, чтобы американские танки были посланы - в Архангельск, Владивосток или через Иран? Этот вопрос, конечно, может быть решен в комиссии, если мы не можем принять решение сейчас же.

Сталин. В Архангельск, поближе к фронту.

Бивербрук. Там, по моим сведениям, очень мало кранов.

Сталин. Число кранов может быть увеличено.

Бивербрук. Перейдем теперь к авиации. Мы будем посылать из Великобритании по 200 истребителей в месяц в течение восьми

* *Здесь и ниже в подобных случаях курсив наш. - Ред.*

месяцев и большее количество после этого. Если мы не согласимся внести какие-либо изменения в типы истребителей, мы намерены посылать "Харрикенны", "Спитфайеры" или другие типы. Придется посылать их морским путем в Архангельск (воздухом посылать их невозможно), конечно, в разобранном виде.

Сталин. Не может ли лорд Бивербрук сказать, каков вес "Харрикейнов" и "Спитфайеров".

Бивербрук. Сейчас сказать не могу.

Сталин. Какие моторы?

Бивербрук. Моторы "Мерлен", "Роллс-Ройс" в 800 лошадиных сил. Эти истребители спасли Великобританию.

Сталин. Насколько мне известно из литературы, мощность должна быть 1050 лошадиных сил.

Бивербрук. Весьма возможно. Завтра смогу сказать точнее.

Сталин. Будут ли они снабжены вооружением?

Бивербрук. Да, пушками и боекомплектами.

Сталин. Желательно иметь боекомплекты для каждого самолета на 20 вылетов. "Томагавки" имели боекомплекты лишь на четыре-пять вылетов, что наши летчики считают весьма недостаточным.

Бивербрук. Мы послали для "Томагавков" из Англии боекомплекты на 1100 тысяч выстрелов, из Америки отправлено 3150 тыс. 10 октября прибудет 500 тыс., из них 200 тыс. бронебойных и 100 тыс. трассирующих. Я думаю, что этого будет пока достаточно, а если нет, мы дошлем. Мы не заинтересованы в том, чтобы самолеты оставались в бездействии.

Сталин. Наши самолеты берут с собой по 600 патронов для мелкокалиберных пулеметов, по 300 для крупнокалиберных и по 150 для *20-мм* пушек. Эти количества надо помножить на 20. Самолет живет у нас месяц и пять дней, что равносильно 20 вылетам. Если не иметь указанного количества амуниции, то самолет может некоторое время оставаться в бездействии.

Бивербрук. Этот расчет правилен, если при каждом вылете самолет каждый раз израсходует все взятые запасы. Мы, во всяком случае, заинтересованы в том, чтобы от самолета было максимум пользы, и мы позаботимся о достаточном снабжении истребителей амуницией.

Гарриман. Меня удивляют приведенные цифры.

Сталин. Наш пулемет делает 2400 выстрелов в минуту, крупнокалиберный - 1100-1200, *20-мм* пушка - 800, а *23-мм* - 580. Каждый самолет берет 500-600. Это на 15 секунд.

Бивербрук. Это правильно. Я ознакомлю Вас с результатами британского опыта в этом отношении.

Сталин. Мы не берем трассирующих пуль. Опыт показал их бесполезность. Нам нужны зажигательные пули.

Бивербрук. Зажигательные также можем посылать. А бронебойные нужны?

Сталин. Да, нужны. Нельзя ли получать самолеты одного типа: либо "Харрикейны", либо "Спитфайеры", дабы нашим летчикам легче было освоить.

Бивербрук. Я вчера понял Вас в том смысле, что Вы хотите иметь также "Спитфайеры", и я сегодня телеграфировал заказ, который я могу, конечно, отменить.

Сталин. Я говорил вчера о том, что мы предпочли бы иметь одни "Спитфайеры". Если же нельзя, то мы готовы взять одни "Харрикейны".

Говорят, что есть пулеметные танкетки трехтонные. Могли бы Вы нас снабжать ими?

Бивербрук. К этому вопросу мы еще вернемся.

Я убедил Гарримана, чтобы из США были посланы 1800 самолетов в течение девяти месяцев, из них около 100 будут посланы в октябре, 150 в ноябре, 200 в декабре, 200 в январе, а остаток в течение дальнейших пяти месяцев, по соглашению между Великобританией и США. Половину каждой месячной отправки будут составлять бомбардировщики. Истребители будут в небольшом количестве типа "Томагавк", а остальные "Китигаук". Это улучшенный, типа "Томагавк", и летчикам, знакомым с этим типом, не придется вновь осваивать "Китигаук". Согласно Вашим желаниям, радиус будет от 600 до 700 км, а бомбы в одну тонну в среднем, некоторые будут больше, другие меньше.

Сталин. Двухмоторные?

Бивербрук. Все двухмоторные. Некоторые самолеты из этого количества будут посланы из Англии.

Сталин. Мы вчера выразили желание получить больше бомбардировщиков, чем истребителей, а именно в пропорции 75-25%.

Бивербрук (разводя руками). Это абсолютно невозможно.

Сталин. У нас есть специальный тип бомбардировщика "Штурмовик". Он имеет броню в 5-7, а местами и в 13 *мм.* Он бьет по танковым колоннам и живой силе. Вооружен пушками и бомбами. Мотор не высотный, он летает на высоте 50-150 м. Туманная погода для него не имеет значения, если туманы не очень низки. Он дает большой эффект в бою. На нем пушки 23 *мм,* но скоро поставим в 37 *мм.* Скорость у земли 380-400 км. Мотор русский, М-38. Одномоторный. Команда состоит из одного чело-

века. Мощность 1250 лошадиных сил. Немцы очень не любят его. Ваши военные видели его.

Бивербрук. Интересно было бы посмотреть его.

Мы можем давать и другие вещи: полевые пушки, тяжелые самолеты типа "Брен". Я хотел бы обсудить каждый предмет один за другим и прийти здесь к определенным решениям. Мы намерены вновь приехать через восемь-девять месяцев с предложением снабжения в большем масштабе. После того как мы придем здесь к определенным решениям, остальные предметы могут быть переданы Комитетам снабжения в Лондоне и Вашингтоне. Если этот план одобряется, то я приступлю к перечислению дальнейших видов снабжения.

Нужны ли Вам 25-фунтовые пушки?

Сталин. Мы можем обходиться без них. Нельзя ли получить зенитные орудия?

Бивербрук. Их нет у нас.

Гарриман. К сожалению, мы очень отстаем в производстве зениток. У нас есть *90-мм* зенитки, которые мы только начинаем производить. Мы очень дорожим ими, но я уполномочен предложить из них 152 пушки в течение 9 месяцев, а *37-мм* - 756 в течение шести месяцев. Это единственные два типа, которые мы производим около 150 в месяц.

Бивербрук. Зенитные орудия самолетов не сбивают. Мы предпочитаем поэтому истребители.

Сталин. При массовых налетах зенитки пугают, не дают бить по цели и заставляют разбрасывать бомбы в беспорядке.

Бивербрук. Из противотанковых орудий мы могли бы дать немного двухфунтовых с бронебойными снарядами. Мы теперь делаем только бронебойные орудия. В течение ближайших 9 месяцев мы сможем доставить 2750. Они пробивают броню в 50 *мм.* Они все на прицепах.

Мы можем дать пулеметы калибром свыше 6,72 *мм,* употребляемых в "Томагавках". Магазин содержит 97 и 37 патронов.

Можем предложить трехдюймовые мортиры, употребляемые в пехоте. Они стреляют на расстояние 1500 ярдов.

Сталин. Нет, не понадобятся. Мы заменяем их минометами.

Бивербрук. У нас есть противотанковые мины, которые мы можем Вам давать по 60 тыс. в месяц.

Сталин. Да, нужны.

Бивербрук. Ручные гранаты?

Сталин. У нас есть.

Бивербрук. Мы можем Вам дать некоторое количество противотанковых ружей, а позднее сможем давать их больше. Калибр смогу сообщить Вам завтра.

Сталин. Да, хорошо.

Бивербрук. Нужны ли Вам танкетки на команду в два-три человека?

Сталин. Да, нужны.

Бивербрук. Есть автоматические ружья "Стен" типа "Томсон" восемь-девять патронов в магазине.

Сталин. Нет, не нужны. У нас есть с магазином в 10 патронов.

Бивербрук. Вы их заказывали, и нами уже посланы 20 тыс.

Сталин. Нет, нам не нужны.

Гарриман. У нас есть небольшие четырехколесные автомобили, построенные специально для армии, в особенности для связи, типа "Джип". Их у нас 5 тыс.

Сталин. Хорошо, возьмем.

Гарриман. Я запрошу, сможем ли мы дать их в большем количестве.

Сталин. А как насчет колючей проволоки?

Гарриман. Можно.

Сталин. Сколько?

Гарриман. Я должен буду запросить.

На этом беседа закончилась, и продолжение намечено на 6 час. вечера следующего дня.

№ 2

Из записи беседы Председателя Совета Народных Комиссаров СССР с главами делегаций Великобритании и США на Московской конференции представителей трех держав

30 сентября 1941 г.

Гарриман вручает записку на английском языке, заключающую ответы британской и американской делегаций по отдельным пунктам нашего списка заявок, предварительно зачитав эту записку.

Сталин. Мы могли бы взять 8-10 тыс. 3-тонных грузовиков в месяц. Если невозможно, то согласны были бы взять часть полутора- и двухтонными.

Гарриман. О количестве говорить сейчас не могу. Но мы сделаем усилия, чтобы максимально удовлетворить вас.

Сталин. 4 тыс. т колючей проволоки в месяц нам недостаточно. Мы хотели бы получить сразу 10-15 тыс. т. Нельзя ли получить теперь двухмесячную поставку в 8 тыс. т в один месяц?

Гарриман. Сейчас обещать не могу.

Бивербрук. В дополнение к толуолу мы отправим вам 10 тыс. т ТНТ, но я не знаю, в каком месяце. Это взрывчатое вещество, содержащее толуол.

Гарриман вручает список товаров, которые желательно получать из СССР.

Бивербрук. Я предложил бы закончить конференцию, с тем чтобы мы могли вернуться в Великобританию и США и там обсудить вашу морскую заявку с нашими правительствами. Я хочу, чтобы Великобритания шла далеко, очень далеко, чтобы получилось ощущение настоящего сотрудничества.

Сталин. А сколько вы можете дать танкеток?

Бивербрук. 200 в месяц теперь, а потом и больше. Все, что мы производим и что не содержится в ваших заявках, мы вам дадим. Вам нужно только нам сказать, что вы хотите. Я делаю это предложение от имени моего правительства. Не нужно ли вам четвертьтонных бомб?

Сталин. Мы предпочитали бы полутонные бомбы.

Бивербрук. Можно вам предложить кислородные цилиндры на 75 и 750 л, а также разные ракеты, например для освещения воды, дымовые и т.п.

Сталин. Надо все это изучить.

Бивербрук. Можете мне телеграфировать об этом.

Гарриман. Если Вы не будете возражать, то я хотел бы здесь оставить постоянного представителя при посольстве, который занимался бы специально вопросами снабжения и помогал бы в этом нашему послу.

Сталин. Было бы очень хорошо: [...]

Гарриман. Я хочу вернуться к поднятому мною вчера вопросу касательно сибирских аэродромов. К кому мог бы обратиться наш генерал Чанэй.

Сталин. К генералу Голикову.

Как поживает Гесс?

Бивербрук. Я был у него 8 сентября.

Сталин. Разве он так гостеприимен?

Бивербрук. Он находится в доме, обнесенном проволокой, с решетками на окнах. Он мне вручил меморандум в 40-50 страниц, собственноручно им написанных, где развивается тезис против России. Он жаловался, что его, приехавшего спасти Англию, держат за решеткой и не разрешают даже переписываться с род-

ными. Он особенно настаивает, чтобы ему разрешили снестись с Гитлером. По моему личному мнению, которого не разделяет Черчилль, Гесс приехал с чьего-то ведома в Англию, рассчитывал приземлиться, вызвать через своих сторонников движение против Английского правительства и затем улететь обратно. Но его, очевидно, не встречали в условленном месте или не подавали нужных сигналов, горючее вышло, и Гессу пришлось спуститься на парашюте. Черчилль же думает, что Гесс ненормален.

Мы хотели бы что-нибудь сделать для турок. Они относятся к нам с сочувствием.

Сталин. Это было бы хорошо, дабы Турция не ушла к Германии. Но она все-таки не ведет себя как союзница Англии.

Бивербрук. Они ничего не сделали, чтобы причинить нам вред, никаких неприятностей. Они были задеты нашими действиями в Ираке и Иране. Помощь им сводится к доставке орудий, которые вам не нужны. Я вчера говорил о тысяче *87-мм* полевых пушек, которые для турок означали бы очень многое.

Сталин. Чтобы помогать, надо иметь гарантии, что помощь не пропадет. Уверен ли в этом лорд Бивербрук? Союза между Турцией и Англией не существует, а есть нейтралитет.

Бивербрук. Мы хотели бы воскресить союз.

Сталин. Это должно было бы быть условием помощи.

Бивербрук. Мы не можем жаловаться на них. Мы сами не выполняли некоторых обязательств.

Сталин. Турция боится Болгарии и ее союза с Германией.

Распространяется ли блокада на Финляндию?

Бивербрук. Я думаю, что мы готовы распространить ее, но я прошу не полагаться на этот ответ. Я мог бы дать более точный ответ на это из Англии.

Сталин. Финляндия ведет себя очень дерзко в отношении союзницы Англии - СССР. В начале войны она говорила, что стремится к установлению старых границ, а теперь она ведет себя как вассал Германии.

Бивербрук. Значит, вы хотите блокады Финляндии?

Сталин. Это было бы продолжением блокады Германии. Финляндия давно уже перешла свои границы.

Я как-то запрашивал президента Соединенных Штатов Америки, не может ли он пригрозить Финляндии разрывом отношений. Не знаете ли, господин Гарриман, что за этим последовало?

Гарриман. Не могу сказать, но лично полагаю, что это было бы политически трудно для президента.

Сталин. Я думаю, что наше соглашение с Англией о сотрудничестве против Германии и о незаключении сепаратного мира следовало бы превратить в союзный договор, который охваты-

вал бы не только военный, но и послевоенный период. Наше правительство целиком стоит за это.

Бивербрук. Я лично поддержал бы такое предложение и хотел бы, чтобы этот вопрос был поднят. У нас имеется военный кабинет и комитет обороны, к компетенции которого поднятый вопрос и относится. Членами комитета обороны являются Черчилль, Эттли, Иден и Бивербрук. Они принимают определенные решения, не запрашивая остальных членов правительства.

Сталин. Нельзя ли закончить конференцию подписанием соглашения о сотрудничестве трех держав?

Бивербрук. Я думаю, что это было бы трудно для Америки.

Гарриман. Лорд Бивербрук говорит на основании личного опыта. Не следует нажимать на президента соглашениями.

Сталин. Я не нажимаю, а лишь спрашиваю.

Гарриман. Вы должны понимать, куда президент ведет свою страну.

Сталин. Но все-таки есть много неясного в позиции Америки: с одной стороны, она поддерживает воюющую Англию, а с другой стороны, поддерживает дипломатические отношения с Германией.

Бивербрук. Америка делает все, что может, для причинения вреда Германии. Страна очень дружественна в отношении Великобритании, но армия и флот не готовы расставаться со своим собственным снабжением. Рузвельт, Гопкинс и Гарриман, однако, все протаскивают. Я хотел бы, чтобы Вы были таким же другом этих людей, как мы сами.

Гарриман. Для внесения ясности добавлю, что наш флот хочет войны с Германией и по всем определениям понятия войны он уже воюет, получив приказ стрелять по германским судам. Армия же наша слишком мала, но затруднения преодолеваются.

Бивербрук. С 1 июля 1942 года мы будем доставлять вам по 375 танков в месяц и по 500 танков в месяц - с 1 января 1943 года. Я не вижу оснований, почему США не могли бы вам доставлять такие же количества. Могу обещать от имени своего правительства поднять доставку аэропланов до 300 в месяц с 1 июля и до 400 - с 1 января 1943 года. Если Америка даст те же количества, то вы будете получать тогда по 800 в месяц. Повторяю еще раз, если мы производим что-либо в Великобритании, не содержащееся в вашем списке, то мы всегда готовы определенный процент продукции предоставлять вам.

Сталин. Мы очень хотели бы получать из Америки грузовики.

Считаете ли нужным коммюнике для прессы?

Бивербрук и *Гарриман.* Да.

Гарриман. Мы посылаем военную миссию в Китай. Имели Вы что-нибудь сказать по этому поводу?

Сталин. Было бы неплохо, но Китай перестал воевать.

Гарриман. Продолжаете ли вы снабжать Китай?

Сталин. Нет, ввиду наших собственных нужд мы прекратили снабжение, но еще 4 месяца тому назад мы послали туда артиллерию и авиацию.

Бивербрук. Американцы недавно послали в Китай 67 бомбардировщиков, которые предназначались для Англии.

Гарриман. Можете ли Вы что-нибудь сказать относительно Японии?

Сталин. При подписании договора о нейтралитете совершенно не поднимался вопрос о помощи Китаю. Нет ли возможности оторвать Японию от Германии? Америка, кажется, работает над этим? Это было бы неплохо.

Гарриман. Все, что я могу сказать, это что Великобритания и Америка этим вопросом много занимались. Мы теперь представляем единый фронт, чтобы дать Японии понять ошибочность ее отношений с державами "оси". Эта политика, которую мы развиваем со встречи президента с Черчиллем, даст уже хорошие результаты.

Сталин. У меня такое впечатление, что Япония не Италия и не хочет идти в рабство к Германии. Поэтому есть основания для отрыва ее от Германии.

Принимается решение о прекращении конференции с завтрашнего дня и подготовке тем временем коммюнике для прессы.

№ 3

Секретный протокол Московской конференции представителей США, СССР и Великобритании

1 октября 1941 г.

Конференция представителей трех держав - США, СССР и Великобритании, собравшаяся в Москве 29 сентября 1941 года и заседавшая по 1 октября, на основании заявлений, сделанных означенными представителями, и изучения представленных материалов, пришла к единодушному решению о снабжении Советского Союза Великобританией и Соединенными Штатами Америки, каковое снабжение будет разрешено к поставке в производственных центрах Великобритании и США в период начиная с октября 1941 года до конца июня 1942 года. Великобритания и США окажут помощь в транспортировке материалов в СССР, Список предметов снабжения нижеследующий:

	Заявка СССР	Удовлетворение
Самолеты	По 400 штук в месяц, из них 300 штук бомбардировщиков ближнего действия и 100 штук истребителей.	По 400 самолетов в месяц, из них 100 бомбардировщиков и 300 истребителей. В этом числе из Великобритании - по 200 истребителей в месяц и из США - по 100 истребителей и по 100 бомбардировщиков в месяц.
Танки (пушечные)	По 1100 штук в месяц малых или средних или тех и других в любой пропорции.	По 500 танков в месяц, из них не более 50% малых. Сверх того будут поставляться из Великобритании танкетки (с пулеметами) по 200 штук в месяц, а в дальнейшем и больше.
Зенитные пушки ***31-мм*** или выше (45 ***мм,*** 75 ***мм,*** 90 ***мм)*** с боеприпасом	По 300 штук в месяц.	152 зенитные пушки ***90 мм*** в течение 9 месяцев с боеприпасом из США.
Противотанковые орудия ***31-мм*** или выше до 60 ***мм*** с боеприпасом	По 300 штук в месяц.	756 орудий 37 ***мм*** до истечения 9 месяцев из США и 500 2-фунтовых (около 40 ***мм)*** орудий с 1000 снарядов на пушку в течение 9 месяцев из Великобритании, а всего 1256 орудий.
Противотанковые ружья от 12 ***мм*** до 19 ***мм*** с боеприпасом	По 2000 штук месяц.	14 ***мм*** по 200 штук в месяц с 200 патронами на ружье. После конца настоящего года количество будет увеличено до 250 ружей в месяц, а с марта месяца 1942 г. - до 300 ружей в месяц, с еще большим увеличением в дальнейшем количества ружей и патронов из Великобритании.
Разведывательные автомобили	По 2000 штук в месяц и грузовики (3 т, 2- и 1,5-тонные) по 10 000 штук в месяц.	5000 штук в течение ближайших 9 месяцев из США. Г-н Гарриман предполагает выяснить возможность увеличения этого количества разведывательных автомобилей, а также определить цифру поставок грузовиков.

	Заявка СССР	Удовлетворение
Полевые телефонные аппараты	С фоноиндукторным вызовом - по 6000 штук в месяц; без источника питания - по 6000 штук в месяц.	
Полевой телефонный провод (семижильный)	По 100 000 километров в месяц.	Вопрос о поставке этих предметов будет выяснен в Вашингтоне, причем, однако, уже теперь имеются шансы на некоторые поставки их.
Подводный телеграфный кабель (гуттаперчевый)	По 50 километров в месяц.	
Морской кабель	По 100 километров в месяц.	
Алюминий	По 4000 тонн в месяц (не считая 5000 тонн, отгруженных в сентябре) и дюралюминиевый прокат по 500 тонн в месяц.	Сверх находящихся уже в пути 5000 тонн будет поставляться по 2000 тонн в месяц из Канады в течение 9 месяцев. Кроме того, г-н Гарриман выяснит возможность поставки из США по 2000 тонн алюминия и по 500 тонн дюралюминиевого проката в месяц.
Олово	По 1500 тонн в месяц.	По 1500 тонн в месяц из Великобритании.
Свинец	По 7000 тонн в месяц.	По 7000 тонн в месяц из Великобритании.
Никель	По 800 тонн в месяц.	Вопрос снабжения этим металлом будет немедленно изучен в Великобритании и США.
Молибден	По 300 тонн в месяц.	По 300 тонн в месяц из США.
Кобальт	По 10 тонн в месяц.	По 10 тонн в месяц из Великобритании.
Медь электролитная	По 3000 тонн в месяц.	По 3000 тонн в месяц из Великобритании.
Латунный прокат	По 5000 тонн в месяц.	Часть будет доставлена из США, а остальное будет принято во внимание с целью осуществления по возможности этого снабжения.

	Заявка СССР	Удовлетворение
Магниевые сплавы	По 300 тонн в месяц.	В Лондоне и Вашингтоне будет выяснено количество возможных поставок.
Цинк электролитный	По 1500 тонн в месяц.	Великобритания гарантирует поставку по 1500 тонн в месяц, выражая надежду, что половина этого количества будет поставляться из США, не связывая, однако, американское правительство.
Биметалл	По 3000 тонн в месяц.	Великобритания и США изучат возможности поставки этого металла.
Трубы и другие изделия из меди	По 300 тонн в месяц.	Г-н Гарриман будет рекомендовать поставку этих материалов.
Ферросилиций	По 7000 тонн в месяц.	Размеры поставки будут изучены в Великобритании и в США.
Феррохром	По 2000 тонн в месяц.	
Броневые листы для танков	По 10 000 тонн в месяц.	1000 тонн в месяц из США. Возможность увеличения поставок будет выяснена в Вашингтоне.
Твердые сплавы и режущий инструмент	На сумму по 500 000 долларов в месяц.	Размеры поставок будут изучены в Великобритании и в США.
Серебрянка	По 50 тонн в месяц.	Предложение будет изучено, возможно, что поставки будут осуществлены.
Быстрорежущая сталь	По 300 тонн в месяц.	Поставка этих предметов будет принята во внимание по получении спецификаций.
Сталь инструментальная (углеродистая и легированная)	По 1500 тонн в месяц.	
Сталь калиброванная (углеродистая и легированная)	По 1300 тонн в месяц.	
Сталь горячекатаная (углеродистая и легированная)	По 7000 тонн в месяц.	Вопрос будет подвергнут изучению в Великобритании и в США.

	Заявка СССР	Удовлетворение
Стальные заготовки хромокремне-марганцевые	По 8000 тонн в месяц	
Стальная лента холоднокатаная	По 8000 тонн в месяц.	Вопрос об этих предметах был изучен американской делегацией, которая полагает возможным удовлетворение советских заявок. Ответ может быть дан только после изучения вопроса в США.
Стальной лист холоднокатаный	По 8000 тонн в месяц.	
Белая жесть	По 4000 тонн в месяц.	
Стальная проволока по спецификации	По 7000 тонн в месяц.	
Стальной трос	По 1200 тонн в месяц.	
Стальные трубы легированные	По 300 тонн в месяц.	
Проволока из нержавеющей стали	По 60 тонн в месяц.	
Проволока нихромовая	По 70 тонн в месяц.	80 тонн уже поставляется из США. Нынешняя заявка на 70 тонн в месяц будет удовлетворена по возможности из США.
Проволока колючая	По 4000 тонн в месяц.	Предполагается, что это количество может быть доставлено из США.
Толуол	По 4000 тонн в месяц.	1250 тонн в месяц будет поставляться из США начиная с ноября с.г. Будет изучена возможность увеличения этих поставок. Кроме того, возможно скорее будут отправлены 10 000 тонн ТНТ, причем месячное количество будет сообщено в скором времени из Вашингтона.
Порох нитроглицериновый	По 3000 тонн в месяц.	Вопрос должен быть изучен соответствующими инстанциями в Лондоне и Вашингтоне.

	Заявка СССР	Удовлетворение
Фенол	По 1500 тонн в месяц.	
Нефтепродукты (авиабензины, компоненты авиабензинов, масла и смазки, автобензины и газойль) по спецификации	По 20 000 тонн в месяц.	США всегда будут готовы получать предложения о поддержании необходимых запасов в СССР.
Этилен-гликоль	По 120 тонн в месяц.	Вопрос об удовлетворении этой заявки будет изучен в Вашингтоне.
Бромистый натр	По 100 тонн в месяц.	Ввиду отсутствия информации вопрос должен быть изучен в США.
Фосфор	По 100 тонн в месяц.	Будет доставлен из США.
Дибудилфталат	По 300 тонн в месяц.	Вопрос будет изучен в Лондоне и Вашингтоне.
Диметиланилин	По 300 тонн в месяц.	""
Дифиниламин	По 300 тонн в месяц.	""
Коллоксилин нитролаковый	По 300 тонн в месяц.	
Металлорежущие станки по спецификации	По 1200 штук в месяц.	Признается желательным удовлетворить советские заявки, но не могут быть гарантированы те или иные типы или классификации. Все станки, какие могут быть доставлены, будут поставляться СССР из Великобритании и США.
Электропечи	По 50 штук в месяц.	"
Кузнечно-прессовое оборудование по спецификации	На сумму по 4 000 000 долларов в месяц.	
Разное промышленное оборудование	На сумму по 3 000 000 долларов в месяц.	""
Алмазы	На сумму 150 000 долларов в месяц.	Будут поставляться из Великобритании.

	Заявка СССР	Удовлетворение
Абразивы	На сумму 300 000 долларов в месяц.	Нет сомнения в возможности снабжения этими предметами, но необходимо выяснение вопроса в США.
Графитированные электроды	По 400 тонн в месяц.	Будут поставлены из США.
Графит тигельный (цейлонский)	По 100 тонн в месяц.	Некоторое количество может быть доставлено из Великобритании и после выяснения точное количество будет сообщено Москве.
Каучук	По 6000 тонн в месяц.	Заявка будет удовлетворена из Великобритании.
Джут	По 4000 тонн в месяц.	
Шеллак	По 300 тонн в месяц.	
Кожа подошвенная	По 1500 тонн в месяц.	США разрешили уже к вывозу 3000 тонн. Может быть разрешено и больше после рассмотрения в Вашингтоне.
Шерсть	2000 тонн в месяц.	Будет разрешена к вывозу из Великобритании.
Армейские ботинки	По 400 000 пар в месяц.	Размеры ежемесячных поставок будут уточнены в Лондоне и Вашингтоне.
Армейское сукно	По 1 200 000 метров в месяц.	
Пшеница	По 200 000 тонн в месяц.	Можно достать в Канаде, где имеются большие запасы.
Сахар	По 70 000 тонн в месяц.	Большие количества имеются на Филиппинах и в Голландской Индии.
Какао-бобы	По 1500 тонн в месяц.	Поставки будут из Великобритании.

Заявка по военно-морскому флоту (согласно приложению) будет рассмотрена в Лондоне и Вашингтоне.

Заявка по медицинскому снабжению (согласно приложению) будет рассмотрена в Лондоне и Вашингтоне.

Американский Красный Крест уже дал согласие на поставку некоторых материалов.

Заявка Великобритании на товары из СССР (согласно приложению) будет рассмотрена в Москве.

Черчилль, ознакомившись с ходом переговоров и мнениями экспертов, сформулировал на заседании военного кабинета 24 ноября цель поездки Идена в Москву: объяснить русским "ограниченные возможности" поставок в Россию, а также других сфер ее военной поддержки - и высказал уверенность, что Гарриман займет ту же позицию в части, касающейся поставок из США[11].

Поездка Идена преследовала и важные политические цели. Предстояло обсудить в Москве и подписать союзный договор между Великобританией и СССР. Надо сказать, что союзным отношениям ведущих держав антигитлеровской коалиции, объединивших усилия в борьбе с агрессорами, с первых дней сопутствовали весьма острые противоречия по многим вопросам политики и стратегии, которые либо устранялись, либо смягчались путем взаимных компромиссов в ходе личных встреч их лидеров, а также других видных государственных деятелей, обмена посланиями, целенаправленной деятельностью дипломатических служб. Это в первую очередь относилось к взаимоотношениям СССР с западными союзниками. К началу переговоров Идена с советским руководством неотложного прояснения требовали как минимум две проблемы - о военном взаимодействии сторон и послевоенном устройстве Европы, в первую очередь о будущих западных границах СССР. От позиции сторон по этим вопросам зависел успех визита А. Идена и его главной цели - подписания союзного договора между Великобританией и СССР. Советская и английская стороны обстоятельно готовились к переговорам. Черчилль контролировал все приготовления к поездке Идена вплоть до того, в какой каюте разместить того или иного члена делегации на крейсере "Кент", а затем едва ли не ежедневно отправлял ему информацию о положении на фронтах и очередные указания. Иден вез из Лондона британский проект соглашения. В Кремле и на Кузнецком мосту, где размещалось здание НКИД, были подготовлены проекты двух договоров. Принципиальных различий между проектами соглашения и договоров, судя по их текстам, не было.

№ 4

Советский проект договора о союзе и взаимной военной помощи между СССР и Великобританией в войне против Германии

16 декабря 1941 г.

Президиум Верховного Совета СССР, с одной стороны, и Его Величество Король Великобритании, с другой стороны,

Будучи воодушевлены непреклонной волей довести до победного конца навязанную гитлеровской Германией войну и

Считая, что эта цель может быть достигнута лучше всего путем установления союза и военной взаимной помощи между ними,

Согласились, в развитие заключенного 12 июля с.г. Соглашения о совместных действиях Правительства Союза ССР и Правительства Его Величества в Соединенном Королевстве в войне против Германии, заключить настоящий Договор и назначили в качестве своих полномочных представителей

Президиум Верховного Совета Союза ССР

....

....

Его Величество Король Великобритании

....

....

которые по предъявлении своих полномочий, найденных в должной форме, согласились о нижеследующем:

Статья 1

Устанавливается союз между СССР и Великобританией, и оба союзных государства взаимно обязуются оказывать друг другу военную помощь и поддержку всякого рода в войне против гитлеровской Германии и соучастников гитлеровской агрессии в Европе.

Статья 2

Обе Стороны обязуются не вступать в переговоры с гитлеровским правительством Германии или каким-либо другим германским правительством, которое представляло бы нацистско-империалистический режим, и не заключать перемирия или мирного договора с Германией, кроме как с обоюдного согласия.

Статья 3

Обе Договаривающиеся Стороны обязуются не заключать каких-либо союзов и не участвовать в коалициях, направленных против одной из Договаривающихся Сторон.

Статья 4

Настоящий Договор вступает в силу немедленно по подписании и подлежит ратификации в кратчайший срок.

Обмен ратификационными грамотами состоится в Лондоне.

№ 5

Советский проект договора об установлении взаимного согласия между СССР и Великобританией при решении послевоенных вопросов и об их совместных действиях по обеспечению безопасности в Европе после окончания войны с Германией

16 декабря 1941 г.

Президиум Верховного Совета Союза ССР, с одной стороны, и Его Величество Король Великобритании, с другой стороны,

Будучи озабочены стремлением направить свои совместные усилия к лучшей организации дела мира и обеспечению безопасности в Европе после победы над гитлеровской Германией, согласились заключить настоящий Договор и назначили своих полномочных представителей:

Президиум Верховного Совета Союза ССР

Его Величество Король Великобритании

которые по предъявлении своих полномочий, найденных в должной форме, согласились о нижеследующем:

Статья 1

Обе Стороны взаимно обязуются при решении послевоенных вопросов, связанных с организацией дела мира и безопасности в Европе, действовать по взаимному согласию.

Статья 2

Обе Стороны согласились о том, что по окончании войны они примут все меры к тому, чтобы сделать невозможным повторение агрессии и нарушение мира со стороны Германии.

Статья 3

Настоящий Договор вступает в силу немедленно по подписании и подлежит ратификации в кратчайший срок.

Обмен ратификационными грамотами состоится в Лондоне.

№ 6

Английский проект Соглашения

16 декабря 1941 г.

Председатель Совета Народных Комиссаров СССР и Министр Иностранных Дел г-н Антони Иден, представляющий Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве, руководимые желанием обеспечить наилучшее сотрудничество между их Правительствами во время войны, в деле мирного урегулирования, а также в течение последующего восстановительного периода, излагают следующие пункты, согласованные между ними:

1. Оба Правительства совместно подтверждают принятие ими принципов декларации от 14 августа 1941 года, сделанной Президентом Соединенных Штатов и Премьер-Министром Соединенного Королевства.

2. Оба Правительства обязуются сотрудничать всеми возможными путями, пока германское военное могущество не будет настолько сломлено, что оно не сможет в дальнейшем угрожать миру во всем мире. Они, далее, обязуются не заключать мира ни с одним из правительств Германии, которое ясно не откажется от всех агрессивных намерений.

3. Оба Правительства приняли решение сотрудничать в деле восстановления и последующего сохранения мира по окончании настоящей войны. Мирное урегулирование должно включать установление и поддержание условий, которые обеспечат, чтобы Германия не смогла снова нарушить мир во всем мире.

4. Оба Правительства обязуются сотрудничать в деле переустройства Европы после войны с полным вниманием к интересам друг друга с целью:

а) гарантирования и укрепления экономической и политической независимости всех европейских стран, существующих как отдельные государственные единицы или как федерации;

б) переустройства промышленной и экономической жизни тех стран, территории которых были оккупированы державами оси.

5. В отношении территориальных вопросов, подлежащих рассмотрению при мирном урегулировании, оба Правительства будут строить свою политику на принципе, изложенном в совместной декларации Президента Соединенных Штатов и Премьер-Министра Соединенного Королевства, гласящем, что они "не стремятся к территориальным или другим приобретениям", а также на провозглашенном г-ном Сталиным в его заявлении 6 ноября 1941 года принципе невмешательства во внутренние дела других народов. Они согласны выработать применение этих

принципов совместно друг с другом, Соединенными Штатами Америки и другими заинтересованными союзными государствами.

6. Ни то, ни другое Правительство не вступят ни в какое секретное соглашение с какой-либо третьей державой, которое затрагивало бы или могло бы затронуть переустройство Европы после войны.

7. Оба Правительства согласны оказывать друг другу всю возможную экономическую помощь после войны, и с этой целью они обменяются экономическими миссиями.

8. Оба Правительства убеждены, что сотрудничество между ними, как во время войны, так и в мирное время, предусмотренное в настоящем Соглашении, явится благом не только для их народов, но и для будущего всего мира. Они искренне желают, чтобы все страны, объединенные теперь в сопротивлении тоталитарной агрессии, участвовали бы в этом сотрудничестве[12].

Английская сторона подчеркивала естественную связь эвентуального соглашения с Атлантической хартией Ф. Рузвельта и У. Черчилля, подписанной 14 августа 1941 г. (СССР выразил свое согласие с основными положениями хартии в сентябре 1941 г.), в то время как советская сторона предлагала заключить не соглашение, а более обязывающий договор и подписать его юридически высшими должностными лицами государств. Действительность оказалась намного сложнее.

Крейсер "Кент" после длительного и опасного пути прибыл 12 декабря 1941 г. в Мурманск. Иден практически все это время провел в постели по причине сильной простуды. Далее было решено следовать поездом, поскольку разбушевалась метель и лететь самолетом оказалось невозможно. 13 декабря Идена на борту крейсера приветствовали официальные советские представители. Он записал в дневнике: "Итак, прощай, Англия. Через несколько минут мы были на берегу, где перед нами открылась впечатляющая картина. Все та же таинственная полутьма. Строй солдат в полушубках на фоне государственных флагов двух стран, крайне ярких, изготовленных из дешевой материи, сливающихся в общий всплеск цвета, а за ними скопище бараков, недостроенных лачуг, случайные зрители темными пятнами на снегу, бросившие вызов метели. Заиграл оркестр. Мы отдали салют, последовала обычная церемония. Солдаты выглядели очень молодо. В целом картина неожиданно произвела прекрасное впечатление. Мы сели в машины, до Мурманска было шестнадцать миль. По дороге в полутьме отдавали честь стоявшие с интервалами солдаты. Убедительное свидетельство советской людской мощи"[13].

В тот же день Иден с делегацией выехал поездом в Москву. Из Мурманска он направил телеграмму Черчиллю: «Глубоко сожалею о потере кораблей "Принц Уэльский" и "Рипалс". Согласен, что в сложившейся обстановке мы ничего не сможем предложить русским, за исключением уже обещанных поставок. Я сделаю все возможное, чтобы произвести

Прибытие А. Идена в Москву 15 декабря 1941 года

на Сталина впечатление значимостью наших операций в Ливии и нашей решимостью их продолжать. Необходимость обеспечения пути через Средиземное море возросла вследствие превосходства японских сил на Тихом океане и потенциальной угрозы Индийскому океану. Аргументы в пользу ослабления нашего воздушного наступления во Франции теперь приобретают новую силу. Если Вы решите воздержаться [от предварительно согласованной посылки эскадрильи английских самолетов из Ливии на советско-германский фронт. - *О.Р.]* с тем, чтобы обеспечить поддержку в Ливии и на Дальнем Востоке, я уверен, что Сталин отнесется к этому с пониманием...»[14]

В пути (а он нередко проходил вблизи линии фронта) Идена более всего поразила противовоздушная охрана поезда - через каждые два вагона следовала открытая платформа с зенитными установками, расчеты которых, правда сменяясь каждые два часа, несли службу на сильном морозе и ветре. В Вологде к английской делегации присоединился посол Великобритании в СССР С. Криппс (посольство было эвакуировано из Москвы в Куйбышев). В Москве около полуночи с 15 на 16 декабря Идена и сопровождающих его лиц встречали заместитель председателя Совета Народных Комиссаров и народный комиссар иностранных дел В.М. Молотов, заместитель начальника Генерального штаба РККА генерал-лейтенант А.М. Василевский, комендант Москвы генерал-майор К.Р. Синилов и другие официальные лица. Согласно просьбе С. Криппса британскую делегацию, в том числе А. Идена, разместили в

гостинице "Националь". Питание, обеспечение легковым транспортом и подготовка бомбоубежища для английской делегации были возложены на НКВД.

На следующий день, 16 декабря, состоялась первая беседа И. Сталина с А. Иденом. В особых папках архива И. Сталина имеется следующая препроводительная запись: "ЦК ВКП(б) - тов. Поскребышеву А.Н. Направляю Вам для товарища И.В. Сталина записи бесед тов. Сталина и тов. Молотова с Иденом 16-20 декабря 1941 г., составленные тов. Майским, с приложением копий соответствующих документов.

Старший помощник наркома С. Козырев. 3.01.42."

Далее следует запись первой беседы, продолжавшейся около полутора часов.

№ 7

Первая беседа с А. Иденом 16 декабря в 19 часов 00 минут

Присутствуют: с советской стороны тт. Сталин, Молотов и Майский
с английской стороны Иден и Криппс
(переводит т. Майский)

После взаимных приветствий и выражения удовольствия со стороны Идена вновь оказаться в Москве* и встретиться с т. Сталиным, тов. Сталин предложил Идену проекты двух договоров - о военной взаимопомощи и о разрешении послевоенных проблем. (Тексты этих проектов прилагаются.) Бегло ознакомившись с названными текстами, Иден заявил, что каких-либо принципиальных возражений против такого рода договоров у него нет, но что он хотел бы, конечно, несколько внимательнее изучить предложенные тексты и, может быть, внести в них те или иные небольшие поправки.

Тт. Сталин и Молотов не возражали против намерения Идена.

Затем тов. Сталин заявил, что, по его мнению, было бы желательно приложить ко второму договору секретный протокол, в котором была бы намечена общая схема реорганизации европейских границ после войны. Схема эта сводилась к следующему:

1. **Польша.** Западная граница Польши должна включать Восточную Пруссию и Коридор, причем немецкое население этих районов должно быть эвакуировано в Германию. Восточная граница Польши (граница с СССР) должна идти по реке Неман, причем Тильзит должен находиться в руках Литвы, составляющей

---

* *Впервые А. Иден посетил Москву в марте 1935 г. - О.Р.*

часть СССР. Далее к югу эта граница в основном должна идти примерно по линии Керзона, которая может быть в известных пунктах частично модифицирована.

2. **Чехословакия** должна быть восстановлена в своих старых границах, включая Судеты. Этот последний район, ввиду его стратегической важности, ни в коем случае не может быть передан в руки Германии. Сверх того, территория Чехословакии должна быть увеличена на юге за счет Венгрии, которая должна понести надлежащее возмездие за свое поведение в ходе этой войны.

3. **Югославия** должна быть восстановлена в своих старых границах и несколько расширена за счет Италии (Триест, Фиуме, острова в Адриатическом море и т.д.).

4. **Албания** может быть восстановлена как независимое государство при гарантии ее независимости другими державами.

5. **Турция** в виде компенсации за соблюдение ею нейтралитета может получить Додеканес, населенный турками район Болгарии к югу от Бургаса и, может быть, какие-либо территории в Сирии. Полезно было бы также передать Турции некоторые острова Эгейского моря, закрывающие выходы из ее важнейших портов, вроде Смирны. По этому пункту Иден заметил, что на Додеканес давно уже претендуют греки, ибо население названных островов является греческим, однако признал необходимость обсуждения и того или иного урегулирования данного вопроса. Тов. Сталин, со своей стороны, прибавил, что отход от Болгарии Бургасского района явился бы наказанием за поведение Болгарии во время войны. Болгария должна была бы также несколько пострадать территориально и на своей югославской границе. По мнению тов. Сталина, для Болгарии совершенно достаточно иметь один морской порт в виде Варны.

6. **Греция** должна быть восстановлена в своих старых границах. То же должно быть сделано и в отношении всех остальных оккупированных Германией стран.

7. **Франция.** По вопросу о будущем Франции тов. Сталин задал Идену вопрос, что он думает на эту тему? Вполне очевидно, что Петэн и компания - люди совершенно безнадежные, люди, которые сделали ставку на победу Германии. Но каково все-таки возможное будущее Франции? Можно ли сейчас высказать по данному поводу известные предположения или же лучше игнорировать всю эту проблему? Иден ответил, что он вполне согласен с тов. Сталиным в оценке Петэна и компании. Что же касается будущего Франции, то ему кажется, что Франция пройдет через очень длинный период разложения и депрессии прежде, чем она снова сможет стать великой державой. Не исключено, что этого

и вообще не случится и что Франция перейдет на положение второстепенной европейской державы, вроде Испании. Тов. Сталин высказал мнение, что если бы Франция осталась после этой войны в состоянии длительной прострации, то в интересах безопасности Великобритании было бы целесообразно, чтобы последняя имела свои военные и морские базы на французском берегу в таких пунктах, как, например, Булонь, Дюнкерк и т.д. Равным образом было бы целесообразно, чтобы Бельгия и Голландия находились в открытом военном союзе с Великобританией и чтобы последняя на их территории также имела право содержать свои военные, воздушные и морские базы. Это было бы важно не только с точки зрения интересов безопасности Великобритании, но также и как гарантия независимости Бельгии и Голландии. Советский Союз был бы готов поддерживать эти притязания Англии. Советский Союз также не возражал бы против того, чтобы Англия имела свои морские базы в Норвегии или Дании, при условии гарантии некоторыми державами входов и выходов из Балтийского моря. Иден выразил тов. Сталину благодарность за его обещание поддержки Великобритании в приобретении морских и других баз в только что названных странах.

8. **Германия.** В отношении Германии тов. Сталин сказал, что абсолютно необходимым является ослабление Германии, в первую очередь, путем отделения Рейнской области с ее промышленным районом от остальной Пруссии. Как должна быть оформлена дальнейшая судьба Рейнской области, - в виде ли независимого государства, протектората и т.д., - можно будет обсудить в дальнейшем. Важно самое отделение. Австрия должна быть восстановлена как независимое государство. Возможно, что то же следовало бы сделать с Баварией.

9. **Советский Союз** считает необходимым восстановление своих границ, как они были в 1941 году, накануне нападения Германии на СССР. Это включает советско-финскую границу, установленную по мирному договору между СССР и Финляндией 1940 года, Прибалтийские республики, Бессарабию и Северную Буковину. Что касается границы СССР с Польшей, то она, как уже выше было сказано, в общем и целом могла бы идти по линии Керзона и с включением Тильзита в состав Литовской республики. Кроме того, Советский Союз, сделавший в 1940 году подарок Финляндии в виде возвращения Петсамо, считал бы необходимым, ввиду позиции, занятой Финляндией в нынешней войне, вернуть себе этот подарок. Далее Советский Союз хотел бы, чтобы Румыния имела военный союз с СССР с правом для последнего иметь на румынской территории свои военные, воздушные и морские базы. Объем самой Румынии должен быть не-

сколько увеличен на западе за счет Венгрии, в рамках которой в настоящее время проживает до 1,5 миллионов румын. Это также явилось бы дополнительным наказанием для Венгрии за ее роль в войне. На севере такого же рода отношения Советский Союз хотел бы иметь с Финляндией, т.е. Финляндия должна была бы состоять в военном союзе с СССР, с правом последнего иметь на финской территории свои военные, воздушные и морские базы.

Изложив все это, тов. Сталин заметил, что данная схема должна была бы лечь в основу того секретного протокола, который следовало бы приложить к договору о послевоенных проблемах. Далее тов. Сталин коснулся еще двух вопросов послевоенного порядка. Во-первых, он высказал мнение, что Германия должна будет возместить пострадавшим от нее странам (Великобритании, Советскому Союзу, Польше и др.) нанесенный ею вред. Во-вторых, в будущей реконструированной Европе в интересах поддержания мира и порядка желательно было бы создать военный союз демократических государств, во главе которого стоял бы какой-либо совет или другой центральный орган, имеющий в своем распоряжении международную военную силу. Советский Союз также не имел бы возражений против создания в Европе тех или иных государственных федераций. Тов. Сталин просил Идена высказать свое мнение по всем затронутым им вопросам.

Иден начал с текстов договоров, подлежащих оглашению, и в этой связи вручил т. Сталину выработанный им свой проект соглашения (текст прилагается). Иден полагал, что текст будущих договоров мог бы в известной мере явиться объединением нашего текста с предложенным им английским текстом, тем более что в ряде пунктов они совпадают.

Что касается проблем послевоенной Европы, то Иден высказал свою большую благодарность тов. Сталину за столь подробное и откровенное изложение того, что он думает по этому поводу. Лично Иден согласен с мнением, высказанным тов. Сталиным. Иден полагает, что в послевоенной Европе ответственность за ее реконструкцию и за поддержание мира и порядка ляжет главным образом на наши два государства совместно, конечно, с Соединенными Штатами, поскольку последние готовы будут вообще сотрудничать в этом деле. В отношении будущей Германии Иден может заверить тов. Сталина, что британский народ твердо решил сделать все, что в его власти, для предупреждения нового повторения германской агрессии. Как это должно быть сделано, требует внимательного рассмотрения и обсуждения. Идену представляется, что при всяких условиях необходим самый строгий военный контроль над Германией и что Англия, Советский Союз

и Соединенные Штаты (если последние этого захотят) должны будут организовать подобный контроль. По вопросу о раздроблении Германии британское правительство не принимало никаких решений, но в принципе оно против этого не возражает. Идену кажется, что раздробление Германии желательно было бы провести по возможности путем стимулирования сепаратистских движений в Германии. Однако британское правительство готово обсуждать и всякие другие способы проведения данной политики. Британское правительство при всяких условиях стоит за независимость Австрии. Оно готово рассматривать вопрос о независимости Баварии и независимости Рейнской области. Иден должен, однако, заметить, что британское правительство до сих пор всерьез не занималось проблемой будущего Германии, как и вообще проблемами послевоенной Европы. Здесь оно далеко отстало от Советского правительства. Поэтому, сейчас он может высказать лишь свое собственное мнение, как отдельный министр. Однако по возвращении домой он доложит весь вопрос кабинету, который его обсудит и после того дискуссия на данную тему может быть продолжена через Майского в Лондоне или через Криппса в Москве. В вопросе о репарациях британское правительство держится той точки зрения, что денежные репарации не имеют никакой цены. Опыт прошлой войны показал, что денежные репарации ведут только к целому ряду финансовых и экономических затруднений и больше вредят победителям, чем побежденным. Иное дело реституция тех материальных ценностей (товары, машины и т.п.), которые Германия уничтожила или захватила.

Тов. Сталин заметил, что Советский Союз также считает, что денежные репарации мало полезны и что Германия должна произвести реституцию в натуре. Самое лучшее было бы лишить Германию и Италию их наиболее совершенных станков в интересах оккупированных или пострадавших стран.

Иден полностью согласился с тов. Сталиным и заявил, что он не видит оснований, почему мы не должны были бы требовать, чтобы Германия восстановила, например, Советскому Союзу те станки, машины, фабрики и т.д., которые она разрушила.

Переходя далее к более общему вопросу о схеме послевоенной реконструкции, Иден добавил, что еще до того, как СССР был вовлечен в войну, Рузвельт прислал Черчиллю послание, в котором просил британское правительство не принимать на себя никаких секретных обязательств о послевоенной реконструкции Европы без предварительной консультации с ним. Это, конечно, не исключает возможности дискуссий между Англией и СССР по вопросу о базисе будущего мира. Однако в интересах более успешного и гладкого проведения реконструкции послевоенной

Европы было бы очень важно держать все время тесный контакт с Соединенными Штатами.

Тов. Сталин возразил, что есть ряд вопросов, которые касаются интересов безопасности только наших двух стран. Такие вопросы, казалось бы, мы могли бы обсуждать вполне самостоятельно.

Иден с этим отчасти согласился, однако продолжал настаивать на том, что в вопросах мирового порядка участие Соединенных Штатов является обязательным.

Тов. Сталин согласился с этим последним заявлением.

Иден выразил благодарность тов. Сталину за его положительное отношение к вопросу о федерировании малых европейских государств. Иден полагает, что подготовляющаяся конфедерация Польши и Чехословакии должна рассматриваться, как положительный факт. Было бы желательно, чтобы и Балканские страны также нашли ту или иную форму федеративного объединения. Тем самым всем этим странам легче было бы сохранять и поддерживать свою экономическую и политическую независимость.

Далее Иден вновь вернулся к вопросу о договорах и стал спрашивать тов. Сталина, как было бы лучше поступить с имеющимися у нас тремя документами (два советских и один английский текст)? Не следовало ли бы как-нибудь их объединить?

Тов. Сталин ответил, что текст, предлагаемый Иденом, очень напоминает декларацию. Наоборот, советское правительство предлагает два договора. Декларация - это алгебра, договора - это простая практическая арифметика. Мы хотим арифметики, а не алгебры. Так как Иден в этом месте несколько двусмысленно засмеялся, то тов. Сталин добавил, что из его слов не следует заключать, будто бы он относится неуважительно к алгебре. Алгебра - хорошая наука, к которой он относится с полным почтением, но сейчас, при данных конкретных обстоятельствах, мы предпочитаем арифметику. Гитлер на каждом шагу хвалится заключаемыми им договорами. Было бы поэтому более целесообразно, чтобы мы не ограничивались декларациями, а заключили настоящие договора. Затем тов. Сталин спросил, как быть с предложенным им секретным протоколом?

Иден ответил, что он не может подписать подобного документа без предварительной консультации со своими коллегами. К тому же британское правительство до сих пор еще не прорабатывало по-настоящему поднятых тов. Сталиным проблем.

Тов. Сталин тогда заявил, что он не настаивает на немедленном принятии тех его предложений, которые касаются изменения границ за пределами СССР, но он полагал бы, что вопрос о западной границе СССР мог бы быть разрешен немедленно.

Иден возразил, что он не может дать сейчас ответа на этот вопрос. Данный вопрос, как и все вообще вопросы об изменениях границ, происшедших на протяжении нынешней войны, британским правительством до сих пор откладывались до мирной конференции. Британское правительство не раз делало заявления, что оно не считает возможным признание новых границ немедленно, до конца войны. Такова была политика британского правительства в течение минувших двух лет. Далее британское правительство обещало американскому правительству консультировать с ним по всем вопросам подобного рода. Наконец, в соответствии с конституцией Британской Империи, британское правительство должно консультировать также с доминионами. Поэтому Иден считает, что ответ на вопрос о советской западной границе он сможет дать только в Лондоне через Майского после того, как он снесется со всеми вышеупомянутыми инстанциями.

Иден полагает, что такой метод более правилен не только с чисто юридической, но также и с политической точки зрения.

Тов. Сталин поинтересовался, не облегчило ли бы разрешение вопроса о признании западной советской границы, если бы данный вопрос в Лондоне был урегулирован не в порядке договора, а в порядке обмена нот?

Иден ответил, что технически это, может быть, несколько облегчило бы желательное разрешение вопроса, но по существу все-таки, прежде чем принимать соответственное решение, британскому правительству пришлось бы консультировать с Соединенными Штатами и доминионами.

Тов. Сталин заметил, что он не имеет никаких возражений против информирования Соединенных Штатов о наших переговорах по данному вопросу. Наоборот, он был бы очень доволен, если бы Соединенные Штаты приняли участие в признании советской западной границы 1941 года.

Иден возразил, что сомневается в готовности правительства Соединенных Штатов это сделать в настоящее время. По его мнению, лучше всего будет, если по возвращении в Англию он, прежде всего, проконсультирует премьер-министра и затем сообщит нам его точку зрения.

Тов. Сталин ответил, что он хотел бы подчеркнуть свое желание прийти к соглашению с Англией по данному вопросу, чтобы иметь тут с нею единый фронт.

Иден подтвердил, что он тоже очень хотел бы единого фронта с Советским Союзом как по этому, так и по многим другим вопросам, но, тем не менее, сейчас он находится в большом затруднении. Вопрос о границах вообще еще не изучался и не решался британским правительством. Иден иллюстрирует свою мысль

примером. По вопросу о будущем Польши он, лично, вполне согласен с тем, чтобы Восточная Пруссия вошла в состав Польской Республики. Он не имеет оснований думать, что Черчилль будет против этого возражать. Тем не менее сейчас он не может высказать никакого мнения от имени премьера просто потому, что до сих пор никогда не говорил с ним на данную тему.

Тов. Сталин заметил, что вполне понимает позицию Идена, однако он должен с особой силой подчеркнуть, что военные цели СССР и Англии должны быть идентичны, ибо только в этом случае наш союз может быть крепок. Если у нас будут различные военные цели, не будет никакого союза.

Иден выразил согласие с этим положением и прибавил, что его целью является примирение военных целей обеих сторон. Он допускает, что между СССР и Англией могут быть известные разногласия по тому или иному пункту, однако не сомневается, что в основном наши военные цели одинаковы и что единый фронт в этой области вполне возможен. Тем не менее, поскольку вопрос о границах еще не обсуждался и не решался кабинетом, Иден все-таки не считает возможным принимать на себя сейчас в Москве какие-либо связывающие обязательства. Иден спросил тов. Сталина, говорил ли он что-нибудь полякам по вопросу о границах будущей Польши?

Тов. Сталин ответил, что пока ничего не говорил, но скажет, если это окажется нужным. Во всяком случае тов. Сталин полагает, что Польше должны быть отданы все земли до Одера, а остальное пусть будет Пруссия или, вернее, не Пруссия, а Берлинское государство.

Иден высказал сомнение в целесообразности раздробления Германии на части, если для этого не будет предпосылки в виде сепаратистских движений среди германского народа. Иначе возникнет ирредентистское движение, которое в недалеком будущем вновь объединит всю страну.

Тов. Сталин возразил, что именно такого рода рассуждения привели нас к нынешней войне. Желает ли Иден нового нападения со стороны Германии?

Несколько смущенный Иден пытался защищаться, ссылаясь на то, что нельзя слишком упрощать подобные вопросы.

Далее Иден заявил, что по поручению премьера он хотел бы ознакомить тов. Сталина с военным положением Великобритании и сообщить ему некоторые данные о количестве и диспозиции ее вооруженных сил. Суть сообщения Идена сводилась к следующему:

В 1939 году, в начале войны, Англия по сравнению с Германией была сильна на море, хотя ей и не хватало судов для конвоирования торговых караванов. Первая линия британского воз-

душного флота состояла из 1300 самолетов. Количество сухопутных войск было невелико, причем не было ни одной механизированной дивизии. После Дюнкерка Англия осталась в ужасном положении. Во Фландрии было потеряно все вооружение десяти дивизий и очень большое количество авиации. Германия заняла северный французский берег, с которого ей легко было бомбить крупные промышленные центры Великобритании. Встала угроза вторжения. Задачи флота были в чрезвычайной степени отягчены. Воздушных сил не хватало. Во всей Англии имелась лишь одна полностью обученная и вооруженная дивизия. Не было ни укреплений, ни плана защиты. Не лучше обстояло дело в империи, в Египте и вообще на Ближнем Востоке. Британских сил было совершенно ничтожное количество. Достаточно сказать, что, например, в Судане после Дюнкерка находилась всего лишь одна бригада, в то время как итальянцы в Абиссинии имели свыше 150 тысяч войск.

Перед Англией во всей остроте встал вопрос о том, чтобы как-нибудь выжить. Положение осложнялось опасной ситуацией на море. В обычное время Англия возит ежегодно до 70 млн тонн грузов. Теперь программа была сокращена до 40 миллионов тонн. Для реализации этой программы Англия располагала торговым флотом в 12,5 млн тонн[2]*. В каждый данный день на море находилось 600 военных судов. Морская война с каждым днем усиливалась. Потопления судов росли. Высшей точки эти потопления достигли в мае-июле 1941 г., когда Англия в среднем теряла до 500 тысяч тонн в месяц. Таких потерь она долго переносить не могла бы. К счастью, однако, благодаря принятым мерам цифра потоплений была сильно сокращена и, например, в ноябре упала до 130 тысяч тонн в месяц.

Сейчас, спустя полтора года после Дюнкерка, положение Англии значительно крепче. Ее сухопутные силы (включая метрополию, Ближний Восток и т.д.) составляют 2 $^1/_4$ миллиона человек. Воздушный флот насчитывает 750 тыс. человек и скоро, вероятно, дойдет до 1 миллиона. В морском флоте имеется 500 тысяч, в торговом флоте - 125 тысяч. Большое количество людей занято в судостроении и на починке судов. В общей сложности это составляет 4 миллиона человек. Сверх того, Англия имеет до 1,5 млн "отечественной гвардии" (ополчение). Большое количество женщин вовлечено в промышленность и в военное дело. На Ближнем Востоке Англия сейчас имеет 18 дивизий. К весне будущего года она рассчитывает иметь там 28 дивизий, в том числе 5 или 6 механизированных. В Индии создается армия в 1,5 млн

---

[2]* Имеется в виду флот океанского значения, за вычетом каботажного, рыболовного и т.п.

человек, из которых 800 тысяч уже имеются налицо. Гарнизон в Малайе состоит из 4 дивизий. Империя дала Англии в общей сложности 25 дивизий, из них Канада - 5, Австралия - 4, Южная Африка - 2, Новая Зеландия - 1,5 и Индия - 13.

В воздушном флоте Англия сильнее всего в истребителях. Выполнение авиационных программ было несколько замедлено во время прошлогодних воздушных налетов. Количество бомбардировщиков постепенно увеличивается. На Ближнем Востоке Англия имеет сейчас 60 эскадрилий. Главная масса их сосредоточена в Северной Африке, где Англия ведет наступательную кампанию в Ливии. Здесь силы противника исчисляются в 10 дивизий, из них около одной трети немцы. Авиация противника в Ливии достигает 600 самолетов. Немцы и итальянцы пытаются слать подкрепления в Ливию, но не в состоянии покрыть свои потери. Британское правительство ставит своей задачей в ближайшее время очистить Средиземное море, занять не только Ливию, но и Триполи с тем, чтобы сделать возможным использование Средиземного моря для транспортных целей, а также подготовить возможность наступательных операций в Европе. Однако события на Дальнем Востоке, начавшиеся уже после отъезда Идена из Лондона, вносят совсем новый элемент в общую ситуацию.

Выслушав сообщение Идена, тов. Сталин заявил, что, по мнению советского военного командования, весьма крупные германские воздушные силы (до 1500 самолетов) переброшены немцами в Японию и что как раз эти немецкие воздушные силы, а не японские нанесли в последнее время такие чувствительные удары британскому флоту на Дальнем Востоке. В подтверждение своей мысли тов. Сталин указал, что за последнее время на нашем фронте количество германской авиации сокращается, а в то же время германское производство самолетов достигает в среднем 2-2 $^{1}/_{2}$ тысяч в месяц. Куда же в таком случае деваются немецкие аэропланы? Кроме того, мы хорошо знаем из собственного опыта, что представляют из себя японские летчики. Мы наблюдали их также в Китае. Можно смело сказать, что последние события в Малайе - не японская работа.

Иден был чрезвычайно заинтересован сообщением тов. Сталина и стал спрашивать, каким образом немцы оказались в состоянии перебросить свои воздушные силы на Дальний Восток?

Тов. Сталин ответил, что это сделано, вероятнее всего, через Южную Америку, а возможно, также через Испанию и Португалию[3]*.

---

[3]* *Цели, которые преследовал Сталин этим экстраординарным сообщением, и его источник остаются неизвестными. - О.Р.*

Иден выразил тов. Сталину большую благодарность за сообщенные им сведения и сказал, что со своей стороны постарается произвести надлежащую проверку их через английские каналы. Затем Иден заявил, что, уезжая из Англии, он имел у себя "в кармане" 10 эскадрилий самолетов, которые и хотел предложить нам для посылки на советский фронт, как только это позволят операции в Ливии. Однако сейчас он получил сообщение, что эти десять эскадрилий британское правительство вынуждено направить в Сингапур.

Тов. Сталин ответил, что вполне понимает положение британского правительства и не имеет возражений против переадресовки названных десяти эскадрилий.

Иден выразил сожаление по поводу такого оборота дел, но тов. Сталин еще раз подтвердил, что вполне понимает создавшуюся ситуацию, ибо мы, на нашем фронте, тоже не раз переживали трудные периоды. Тов. Сталин поинтересовался, не отразятся ли последние события на отправке танков в СССР?

Иден ответил, что не отразятся, поскольку, во всяком случае, речь идет об Англии. У Идена имеются, однако, опасения насчет Америки. Если американцы прекратят свои поставки, то, например, англичане на Ближнем Востоке окажутся в очень тяжелом положении, ибо там они оперируют американскими самолетами, а "Харрикейны", изготовляемые в Англии, идут в СССР.

Далее тов. Сталин спросил, что Иден хотел бы знать о нашей военной ситуации?

Иден ответил, что ему было бы интересно иметь представление о нашем общем плане операций в течение зимы и весны будущего года.

Тов. Сталин заметил, что военная политика СССР до сих пор сводилась к политике отступления с боями. Мы защищали каждый пункт, каждый район, стремясь постепенно утомить и измотать германские силы. Теперь наступил переломный момент. Немецкая армия утомлена. Ее командиры надеялись закончить войну до зимы и не сделали надлежащих приготовлений для зимней кампании. Германская армия сейчас плохо одета, плохо питается, морально падает все ниже. Она начинает испытывать надрыв. В то же время СССР подготовил крупные подкрепления и в последние недели пустил их в действие. Это создало перелом на фронте и привело к тем событиям, которые мы наблюдали в течение последних недель. Немцы пытались закопаться в землю, но они мало склонны к постройке сильных укреплений. Наши войска прорывают их укрепления. Наши контратаки постепенно развились в контрнаступления. Мы имеем в виду вести такую политику в течение всей зимы. Вероятно, немцы попытаются соз-

дать новые формирования и бросить их на Восточный фронт с тем, чтобы остановить наше наступление. Когда это будет, не известно, но, надо думать, не раньше, как месяца через два. Это время мы постараемся использовать возможно лучше. Трудно загадывать, как далеко мы продвинемся в ходе нашего наступления, но, во всяком случае, такова будет наша линия вплоть до весны. У нас имеется сейчас известное превосходство в воздухе, хотя и не очень большое. Немцы имеют еще крупное превосходство в танках, и танки нам очень нужны, особенно "Валентины", которые оказываются вполне пригодными для операций в зимнее время. Танки "Матильда", наоборот, пригодны для операций летом, но не зимой, ибо их моторы недостаточно сильны для зимнего времени. Мы наступаем и будем наступать на всех фронтах. Германская армия, в конце концов, вовсе не так сильна. Репутация ее сильно раздута.

Иден поблагодарил тов. Сталина за его сообщение, подчеркнув его большую важность и интерес для британского правительства. Затем Иден затронул вопрос о Турции и спросил, нельзя ли сделать что-либо для того, чтобы теснее связать Турцию с союзниками?

Тов. Сталин ответил, что лучшим средством для достижения такого результата было бы пообещать Турции Додеканес.

Иден опять вернулся к греческим притязаниям на Додеканес, но тов. Сталин ответил, что в Греции ведь тоже имеются турки и что, во всяком случае, возможно было бы предложить туркам и грекам известный обмен островами.

Иден признал мысль тов. Сталина вполне правильной, но заметил, что несколько времени тому назад, когда англичане рассчитывали захватить Додеканес, они начали было вести переговоры с греками и турками по вопросу о его дальнейшей судьбе. Разговоры эти не привели ни к какому положительному результату. Тем не менее Иден полагает, что можно было бы сделать попытку пойти по линии, указываемой тов. Сталиным. Далее Иден спросил, наблюдаются ли в последнее время в отношении турок к Германии какие-либо изменения?

Тов. Сталин ответил, что турки очень боятся немцев, хотя и не любят их.

Иден поинтересовался мнением тов. Сталина по вопросу: пропустят ли турки немецкие войска через свою территорию?

Тов. Сталин выразил в этом сомнение.

Иден ответил, что он согласен с тов. Сталиным.

В заключение Иден предложил, чтобы на следующее утро тов. Майский и Кадоган (постоянный товарищ министра иностранных дел, приехавший с Иденом) встретились и набросали

бы на основе трех имеющихся документов текст тех двух договоров, которые имеет в виду тов. Сталин.

Это предложение было принято.

Заседание закончилось около 20 час. 30 мин.

Имелись два проекта секретного протокола.

№ 8

Конфиденциально

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ
к Договору об установлении взаимного согласия
между СССР и Великобританией
при решении послевоенных вопросов
и об их совместных действиях
по обеспечению безопасности в Европе
после окончания войны с Германией

Стороны, подписавшие сего числа вышеуказанный Договор, считая необходимым уточнить постановления статей 1 и 2, согласились о том, что под организацией дела мира и безопасности в Европе, а также под мерами по обеспечению неповторения агрессии и нарушения мира со стороны Германии они понимают:

1. Восстановление Бельгии, Голландии, Норвегии, Дании, Люксембурга в их прежних границах, существовавших до оккупации их войсками гитлеровской Германии.

2. Восстановление **Франции** в ее границах, существовавших до оккупации ее войсками гитлеровской Германии, при условии удаления правительства Петэна и восстановления демократического режима.

3. Восстановление **Чехословакии** в старых границах и расширение ее территории за счет Венгрии.

4. Восстановление **Югославии** и расширение ее территории за счет Италии по побережью Адриатического моря и путем присоединения прилегающих островов.

5. Восстановление **Албании** как самостоятельного государства с установлением международной гарантии ее самостоятельности.

6. Восстановление **Греции** в ее границах.

7. Расширение территории Турции за счет Болгарии (район Бургаса) и Додеканесских островов, а также острова Родос - за счет Италии.

8. Установление контроля заинтересованных стран над Проливами, соединяющими Балтийское и Северное моря, Б[ольшой] и М[алый] Бельты, Эресунн, Каттегат и Скагеррак.

9. В отношении **Румынии** признается необходимым: а) в целях обеспечения безопасности СССР передать Советскому Союзу территорию, занимаемую устьем Дуная с его тремя рукавами; б) передать Румынии те районы Венгрии, которые населены преимущественно румынами.

10. Восстановление Польши в границах 1939 года, с оставлением в пользу СССР территорий Западной Украины и Западной Белоруссии, за исключением районов с преобладающим польским населением (оставить в составе Польши город Львов, при условии передачи СССР Белостока и Вильно или, наоборот, передать Польше Вильно и Белосток, с оставлением Львова в СССР), а также - расширение территории Польши за счет западной части Восточной Пруссии.

11. В интересах организации мира и безопасности на Западе Европы устанавливается военный союз Англии с Бельгией и Голландией, с предоставлением Англии права держать свои войска и военно-морской флот в этих странах.

В этих же целях Англии предоставляется право иметь свои военно-морские базы в некоторых портах на западном побережье Германии.

12. При решении всех возможных планов организации европейских государств и, в первую очередь, в Восточной части Европы будет учтена роль СССР, как державы, ведущей великую освободительную войну в интересах всех европейских государств, подвергшихся агрессии и оккупированных ныне войсками гитлеровской Германии, и являющейся крупнейшим фактором в деле обеспечения прочного мира в Европе и недопущения новых актов агрессии со стороны Германии.

13. Ввиду того, что **Финляндия** нарушила подписанный ею 12 марта 1940 г. Мирный Договор с Советским Союзом, приняв участие вместе с Германией в вероломном нападении на СССР, и своей политикой поддержки гитлеровской агрессии вынуждала Англию объявить состояние войны с нею, признается необходимым восстановление Финляндии в границах и на условиях Мирного Договора от 12 марта 1940 г., с отделением от нее в пользу СССР района Петсамо, ранее добровольно уступленного Советским Союзом Финляндии. Эти минимальные территориальные изменения в Финляндии должны сопровождаться: а) заключением советско-финляндского пакта о взаимопомощи, с правом СССР держать в течение 20 лет на территории Финляндии ограниченное количество своих войск и б) удалением виновного в нападении на СССР финляндского правительства.

14. Восстановление оккупированных войсками гитлеровской Германии территорий **Эстонии, Латвии и Литвы** в составе

СССР - в государственных границах, существовавших к 22 июня 1941 г.

15. Восстановление оккупированных войсками гитлеровской Германии и ее соучастником - Румынией **Бессарабии и Северной Буковины** в составе СССР - в государственных границах, существовавших к 22 июня 1941 года.

16. Германия, Италия, Венгрия, Румыния, Финляндия должны возместить Англии, СССР, Польше, Чехословакии, Югославии, Греции, Бельгии, Норвегии, Голландии убытки, понесенные от нападения указанных выше стран.

17. В отношении **Германии** (кроме указанного в п. 16) признается необходимым:

а) полное разоружение, необходимое в интересах гарантии спокойствия европейских государств;

б) восстановление Австрии как самостоятельного государства;

в) разделение Германии на ряд самостоятельных государств, причем Пруссия превращается в самостоятельное государство с отделением от нее территории Восточной Пруссии;

г) часть Восточной Пруссии, прилегающая к Литве (включая Кенигсберг), отходит к СССР сроком на 20 лет в качестве гарантии возмещения понесенных СССР убытков от войны с Германией. Другая ее часть - отходит к Польше (как это предусмотрено п. 10)

18. В части, касающейся возможных *послевоенных* государственных *образований* в Европе в виде федераций, союзов или блоков некоторых европейских государств на Севере Европы, в Восточной Европе или на Балканах и вопроса о целесообразности этих образований, Договаривающиеся Стороны условились обсудить эти вопросы дополнительно, причем основными предпосылками для решения этих вопросов они условились считать следующие:

а) добрая воля и согласие непосредственно заинтересованных государств - возможных участников этих федераций и союзов - на такого рода государственные образования;

б) демократический характер устройства государств-участников этих образований;

в) отсутствие угрозы безопасности со стороны таких образований по отношению к обеим Договаривающимся Сторонам.

19. Признается необходимым создание Европейского Совета, как международной организации, в распоряжении которой в качестве орудия сохранения мира в Европе должно находиться определенное количество войск.

№ 9

Конфиденциально

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ
к Договору об установлении взаимного согласия между СССР и Великобританией при решении послевоенных вопросов и об их совместных действиях по обеспечению взаимной безопасности после окончания войны с Германией

Стороны, подписавшие сего числа вышеуказанный Договор, считая необходимым уточнить постановления статей 3 и 4 названного Договора, согласились о следующем:

Под обеспечением взаимной безопасности и законных интересов Договаривающиеся Стороны понимают:

1) Восстановление оккупированных войсками гитлеровской Германии территорий **Литвы, Латвии и Эстонии** - в составе СССР - в государственных границах, существовавших к 22 июня 1941 г.

2) Восстановление оккупированных войсками гитлеровской Германии и ее соучастником Румынией **Бессарабии и Северной Буковины** в составе СССР - в государственных границах, существовавших к 22 июня 1941 года.

3) Вопрос о **Финляндии** обе Договаривающиеся Стороны согласились обсудить дополнительно в ближайшее время с тем, чтобы решить его в духе действительного обеспечения безопасности СССР. При этом должно быть учтено, что Финляндия нарушила подписанный ею 12 марта 1940 года Мирный Договор с Советским Союзом, приняв участие вместе с Германией в вероломном нападении на СССР, и отвергла миролюбивые предложения Правительства СССР, летом 1941 года, о прекращении военных действий и готовности со стороны СССР обсудить вопрос о территориальных уступках в пользу Финляндии, оставшись в лагере гитлеровской Германии для поддержки ее агрессивной политики.

4) Вопрос о **Польше** и о ее государственных границах с СССР Договаривающиеся Стороны условились обсудить дополнительно, с учетом установившихся дружественных союзных отношений между СССР и Польской Республикой, а также с учетом национальных особенностей населения.

5) В части, касающейся возможных *послевоенных* государственных *образований* в Европе в виде федераций, союзов или блоков некоторых европейских государств на Севере Европы, в Восточной Европе или на Балканах и вопроса о целесообразности

этих образований, Договаривающиеся Стороны условились обсудить эти вопросы дополнительно, причем основными предпосылками для решения этих вопросов они условились считать следующие:

а) добрая воля и согласие непосредственно заинтересованных государств - возможных участников этих федераций и союзов - на такого рода государственные образования;

б) демократический характер устройства государств - участниц этих образований;

в) отсутствие угрозы безопасности со стороны таких образований по отношению к обеим Договаривающимся Сторонам.

6) В отношении **Германии** обе Стороны пришли к выводу, что в интересах гарантии спокойствия европейских государств в будущем следует предусмотреть в послевоенном плане организации мира полное разоружение Германии, а также в дальнейшем рассмотреть вопрос о государственном устройстве Германии с учетом необходимости предупреждения новых актов агрессии и нарушения мира со стороны Германии.

7) При решении всех возможных планов организации европейских государств и, в первую очередь, в Восточной части Европы будет учтена особая роль **СССР,** ведущего великую освободительную войну в интересах всех европейских государств, подвергшихся агрессии и оккупированных ныне войсками гитлеровской Германии, и являющегося крупнейшим фактором в деле обеспечения прочного мира в Европе и недопущения новых актов агрессии со стороны Германии.

8) В отношении **Турции** Договаривающиеся Стороны условились приложить максимальные усилия к тому, чтобы не допустить переход Турции в русло агрессивной политики гитлеровской Германии и в лагерь держав оси.

9) В отношении **Ирана** Стороны условились обеспечить скорейшее заключение Союзного договора с Ираном и дальнейшую свою политику по отношению к этой стране проводить в зависимости от позиции Иранского правительства и честного выполнения взятых им на себя по Договору обязательств.

Иден излагает историю с секретным протоколом следующим образом:

«На первой встрече Сталин вручил два проекта кратких договоров. Один - о военном союзе, другой - о совместных действиях в решении послевоенных проблем в Европе и предотвращении новой агрессии со стороны Германии. Оба договора должны были быть опубликованы, но второй имел секретный протокол, касающийся некоторых вопросов европейских границ.

Предложенный Сталиным протокол указывал, что наши надежды в Лондоне на то, что удастся ограничить обсуждение вопроса о границах общими положениями Атлантической хартии, не оправдались. Цель русских была уже твердо определена. Она лишь незначительно изменилась в последующие три года и заключалась в том, чтобы обеспечить максимальные границы будущей безопасности России.

Сталин предложил расширить территорию Польши на западе за счет Германии. Другим оккупированным странам должны быть возвращены их прежние границы, Австрия восстановлена, в то время как Рейнская область и, возможно, Бавария будут отторгнуты от Германии. Советский Союз восстановит свои границы 1941 года с Финляндией и Румынией и возвратит Прибалтийские государства. Его границы с Польшей будут проходить по линии Керзона*. Сталин также хотел получить право иметь базы в Финляндии и Румынии с гарантией выхода из Балтики. Советское правительство не будет препятствовать, как он сказал, созданию британских баз в Дании и Норвегии...

Я затем объяснил Сталину, что не могу согласиться с секретным протоколом без консультаций с кабинетом министров и добавил: "Рузвельт еще до того, как Россия подверглась нападению, направил нам послание с просьбой не вступать без консультаций с ним в какие-либо секретные соглашения, касающиеся послевоенной реорганизации Европы. Это не исключает обсуждения между нашими двумя странами основ установления мира. Рузвельт был обеспокоен в связи с тем, что я предложил югославскому правительству некоторое расширение территории страны, и его это насторожило, поскольку он не хотел, чтобы Соединенные Штаты как одна из сторон будущего мирного договора обнаружили, что многие вопросы решены без их участия"»[15].

Во время поездки Иден детально информировал Черчилля о содержании переговоров со Сталиным и получил от премьер-министра ряд весьма важных указаний и рекомендаций. Связь не прерывалась и когда премьер по стечению обстоятельств находился за пределами страны. (Черчилль на линкоре "Герцог Йорк" направился в США для встречи с Рузвельтом.) Зондаж о вступлении СССР в войну с Японией был предпринят Иденом по телеграфным указаниям Черчилля, полученным на борту крейсера "Кент". Предварительно вопрос 10 декабря 1941 г. был обсужден и согласован на заседании военного кабинета.

---

* Восточная граница Польши с вариантами на ее южном участке, предложенная на Парижской мирной конференции 1919-1920 гг. С 1921 по 1939 г. русско-польская граница находилась значительно восточнее [линии Керзона]. Линия Риббентропа-Молотова 1939 г. проходила несколько западнее [линии Керзона] *(примеч. А.Идена. - Ред.).*

№ 10

Черчилль-Идену
12 декабря 1941 года

Ввиду сильного желания Соединенных Штатов, Китая и, как я ожидаю, Австралии видеть Россию воюющей против Японии, вы не должны препятствовать благоприятному решению Сталина, если он чувствует достаточную силу, чтобы его принять. Я имею в виду, что мы не должны оказывать на него излишнего давления, учитывая сколь незначительным может быть наш собственный вклад[16].

№ 11

Черчилль-Идену
13 декабря 1941 года

Секретно.

Рассмотрена вероятность просьбы к русскому правительству о передаче нам части его подводных сил на Дальнем Востоке, но её отклонили, так как нет возможности найти экипажи. Если же русские смогут передать нам подводные лодки с экипажами и они будут действовать под британским флагом под нашим командованием, тогда другое дело[17].

№ 12

Черчилль-Идену
13 декабря 1941 года

Лично и секретно

Очень может быть, что недавние успехи на русском фронте могут способствовать желанию Сталина вступить в войну против Японии. (Началось контрнаступление Красной Армии в битве под Москвой. - *О.Р.)* Обстановка каждый день меняется в нашу пользу, и вам предстоит на месте решить, каким в рамках разумного должно быть давление, которое нам следует на него оказать[18].

Утром 17 декабря Майский и Кадоган, как было условлено, подготовили согласованный вариант соглашения о союзе и взаимной помощи[19]. Далее Иден пишет в воспоминаниях, что он задал Майскому вопрос: одобрены ли новые тексты? Последовал ответ: "За исключением одного или двух моментов незначительного характера". "Когда мы возобновили переговоры, - продолжал Иден, - выяснилось, что Майский

был неправ. Характер беседы, до этого спокойный, неожиданно сменился, и Сталин показал свои когти. Он начал с того, что запросил немедленного признания советских границ 1941 года как границ, которые будут указаны в послевоенном мирном договоре"[20].

Дискуссия 17 декабря действительно временами была весьма острой. Сталин настаивал, Иден сопротивлялся, и дело едва не дошло до разрыва.

№ 1 3

Вторая беседа 17 декабря в 24 часа 00 минут

Присутствуют: с советской стороны тт. Сталин, Молотов и Майский
с английской стороны Иден, Криппс и Кадоган
(Переводит т. Майский)

После открытия заседания *Иден* начал с вопроса, видел ли тов. Сталин уже результаты утренней работы над текстами соглашений? Иден имел тут в виду подготовленные в течение утра тексты соглашений, подработанные т. Майским и Кадоганом.

Тов. Сталин ответил, что результаты, несомненно, интересные, но что гораздо больше его интересует вопрос о будущих границах СССР. Не получил ли Иден уже ответа по этому вопросу от британского правительства?

Иден ответил, что не получил и даже не пытался получить. Премьер-министр в настоящее время находится в пути, в океане*, и он не имеет возможности снестись с ним по вопросу, поставленному т. Сталиным. В Лондоне же нет никого, кто мог бы с достаточным авторитетом от имени британского правительства сказать решающее слово по данному вопросу. Иден может повторить сейчас только то, что он сказал вчера, а именно, что по возвращении в Лондон он поставит вопрос о западных границах СССР перед правительством и будет консультировать по тому же вопросу с Соединенными Штатами. Дальнейшие сношения по данному предмету придется вести через обычные дипломатические каналы.

Тов. Сталин возразил, что вопрос о границах СССР (независимо от общего вопроса о границах в Центральной и Западной Европе) представляет для нас исключительную важность. Советское правительство особенно заинтересовано в нем, в частности, еще и потому, что как раз вопрос о прибалтийских странах и

---

* Накануне Иден сообщил, что Черчилль отправился в США на свидание с Рузвельтом в связи с событиями на Тихом океане.

Финляндии явился камнем преткновения при переговорах о пакте взаимопомощи, происходивших в 1939 году при правительстве Чемберлена.

Иден ответил, что он не был в то время членом правительства Чемберлена и не знает всех деталей тогдашних переговоров. Он полностью, однако, сознает чрезвычайную важность для нас западной границы и сделает все возможное для урегулирования данного вопроса в благоприятном для СССР смысле. Однако он просит не требовать от него невозможного. Здесь, в Москве, он не в состоянии сейчас официально признать западную границу СССР, как она была в 1941 году.

Тов. Сталин тогда задал вопрос, необходимо ли для урегулирования вопроса о балтийских государствах специальное решение британского правительства? Данный вопрос является аксиоматическим. СССР ведет жестокую борьбу с гитлеровской Германией. Он несет тягчайшие жертвы, теряя сотни тысяч людей в общей борьбе с Великобританией, нашим союзником. На его плечах лежит главная тяжесть войны. В таких условиях нужно ли еще решение британского правительства для признания западной границы СССР? Разве этот вопрос не является аксиоматическим?

Иден заметил, что юридическая позиция такова: в настоящий момент для британского правительства три балтийских государства не существуют. Они не имели дипломатического статуса. Балтийские посланники, которые еще продолжают существовать в Лондоне, сохраняют свое положение лишь в порядке любезности. С ними британское правительство не ведет никаких переговоров, не обменивается нотами, документами и т.д. Однако исполнить желание тов. Сталина и официально признать границу СССР 1941 года Иден сейчас не может. Он вновь повторяет здесь ту мотивировку, которую приводил на предшествующем заседании.

Тогда *тов. Сталин* заявил, что в таком случае будет очень трудно прийти к заключению договоров, о которых идет речь.

Иден еще раз возвращается к своей мотивировке, напоминая, что британский премьер-министр уже давно публично заявил, что Англия не может признать никакого изменения границ в Европе, происшедшего на протяжении войны.

Тов. Сталин возразил, что вчера он поставил вопрос о признании британским правительством, по крайней мере, границ СССР, как они были в 1941 году. Наши войска могут в близком будущем вновь занять балтийские государства. Что же, Великобритания в этом случае откажет нам в признании этих границ?

Иден снова, с легкими вариациями, повторил уже изложенную выше мотивировку отказа.

Тов. Сталин тогда спросил, куда же может завести Англию подобная постановка вопроса? Завтра Англия, пожалуй, заявит, что она не признает Украины, как части СССР.

Иден ответил, что тут имеется явное недоразумение. Англия не признает лишь изменений границ, происшедших во время войны. Между тем Украина до войны составляла часть СССР. К ней поэтому никак не может относиться вышеупомянутое заявление премьера.

Тов. Сталин ответил, что позиция, занятая Иденом, в сущности ничем не отличается от позиции, которую в свое время занимало правительство Чемберлена в вопросе о балтийских государствах. Тов. Сталин чрезвычайно удивлен данным обстоятельством, но если это так, то, очевидно, будет очень трудно прийти к соглашению о заключении договоров.

Иден выразил сожаление по поводу последнего заявления тов. Сталина и вновь вернулся к своей аргументации, на этот раз особенно подчеркнув необходимость предварительной консультации с Америкой по вопросу о западной границе СССР. В заключение он указал на ту разницу, которая, по его мнению, существует между положением вещей в 1939 году и 1941 году. Тогда британское правительство признавало балтийские страны независимыми государствами. Сейчас оно не признает их независимого существования, и потому фактическая ситуация резко изменилась.

Тов. Сталин заметил, что положение создалось чрезвычайно смехотворное.

Иден согласился, что положение действительно может казаться смехотворным, однако заявил, что он не считает данный вопрос такой важной политической проблемой. Балтийские государства перестали существовать. Фактически они стали частью Советского Союза. Желает ли тов. Сталин, чтобы британское правительство признало балтийские государства частью СССР де-юре?

Тов. Сталин ответил: мы находимся сейчас в гуще величайшей войны в истории, а вы увлекаетесь тонкими формулами относительно де-юре и де-факто. Это сейчас несвоевременно. В соответствии с Конституцией СССР три балтийских государства составляют часть его. Это является результатом проведения в них плебисцита, во время которого огромное большинство населения высказалось в пользу вступления в Советский Союз. Если СССР сохранит три балтийские республики в своей Конституции, станет ли британское правительство против этого возражать?

Иден ответил, что британское правительство, конечно, не может иметь по этому поводу никаких возражений.

Тогда *тов. Сталин* сказал, что если это так, то должны быть найдены слова для выражения данного положения.

Иден вновь повторил свою прежнюю мотивировку и только добавил, что Атлантическая хартия не допускает изменения статуса государств без согласия на то их населения. Впрочем в данном конкретном случае, пожалуй, требование Атлантической хартии может считаться имеющимся налицо.

Тов. Сталин реагировал на это замечанием, что если Иден не изменит своей позиции, то придется отложить подписание договоров.

Иден ответил, что вопрос о том, подписывать или не подписывать договора, зависит от советского правительства. Он, однако, не думает, чтобы явилось достаточно оснований отказываться от подписания договоров, если даже вопрос о западной границе СССР сейчас не может быть разрешен вполне удовлетворительно. Договора могли бы как раз облегчить признание со стороны Великобритании и Соединенных Штатов советских границ 1941 г.

Тов. Сталин возразил, что вся война между СССР и Германией возникла в связи с западной границей СССР, включая, в особенности, балтийские государства. Он хотел бы знать, готова или не готова Англия, наш союзник, поддержать нас в восстановлении этих границ?

Иден вновь возвращается к своей мотивировке отказа признать границу и напоминает, что во время советско-польских переговоров, предшествовавших подписанию договора 30 июля, он также отказался признать границы Польши, на которых настаивал Сикорский.

Тов. Сталин подчеркнул, что мы связаны статьями нашей Конституции. Иден ответил, что он не связан статьями нашей Конституции, но зато связан заявлениями британского премьера по вопросу о границах, а также своим обещанием Рузвельту не принимать на себя каких-либо обязательств в данной сфере без предварительной консультации с Соединенными Штатами. К тому же весь вопрос о западной границе СССР встал перед ним сегодня в несколько неожиданном виде. Выезжая из Лондона, он не знал, что от него потребуется официальное признание западной границы СССР, как она была в 1941 году.

Тов. Сталин вновь вернулся к нелепости создавшегося положения. Завтра советские войска могут занять три прибалтийские республики, а Англия, пожалуй, на мирной конференции станет возражать против этого занятия? Самое лучшее в создавшейся обстановке - отложить подписание договоров.

Иден ответил, что если бы советские войска завтра заняли балтийские государства, это доставило бы ему величайшее удовлетворение.

Тов. Сталин возразил, что в таком случае он совершенно не понимает позицию британского правительства. Как будто бы союзник должен поддерживать союзника. Если бы кто-нибудь пришел к нему и сказал, что необходимо выделить Ирландское свободное государство из Британской Империи, он просто прогнал бы его. Если Великобритания пожелала бы иметь воздушные морские базы в Бельгии и Голландии, он, конечно, оказал бы ей в этом всякую поддержку. Так должен вести себя союзник в отношении союзника. Если Англия не считает для себя возможным занять подобную позицию, то лучше тогда отложить подписание договоров и остаться при том пакте взаимопомощи, который был заключен между обеими странами в июле месяце.

Иден заметил, что неподписание договоров вызвало бы большое разочарование в Англии и в доминионах. В этих договорах, ведь, нет ничего такого, что ослабляло бы позицию СССР в своем требовании на признание границы 1941 года.

Тов. Сталин возразил, что общественное мнение имеется не только в Англии, но также и в СССР. И если бы наше общественное мнение услышало ту дискуссию, которая происходит на сегодняшнем заседании, то оно пришло бы в ужас, и ему с Молотовым очень не поздоровилось бы, если бы они подписали договора без признания границ 1941 года.

Иден еще раз попытался защитить свою позицию моментом неожиданности. Он-де заранее не был предупрежден, что от него в Москве потребуют признания западной границы СССР.

Тов. Сталин, однако, возразил, что через тов. Майского он был предупрежден о желании советского правительства заключить два договора - о военной взаимопомощи и о послевоенной организации мира и безопасности, включая вопрос о границах европейских государств. Тов. Сталин не настаивал на признании всех европейских границ в том виде, как они были изложены им накануне, ибо сознает, что это сложный и новый для британского правительства вопрос. Однако советские границы совсем иное дело. Тов. Сталин еще раз выражает свое удивление по поводу отношения Англии, нашего союзника, к поднятому вопросу.

В ответ *Иден* апеллировал к своему прошлому, как сторонника англо-советского сближения. Никто в Великобритании не сделал так много, как он, для достижения этой цели. Однако мы должны понимать, что возможности каждого министра имеют свои границы. Если он сейчас, не имея на то полномочий, признал западную границу СССР, как она была в 1941 году, что сказали бы тогда доминионы, что сказала бы, например, Канада, которая посылает сотни тысяч солдат на помощь Великобритании? Министр, который сделал бы что-либо подобное, не просу-

ществовал бы и 24 часа, как министр, после своего возвращения в Англию.

Тов. Сталин возразил, что он, конечно, не хочет требовать от Идена ничего невозможного. Он понимает ограниченность его полномочий, но он адресуется не к нему, а через него к британскому правительству. Невольно создается впечатление, что Атлантическая хартия направлена не против тех людей, которые стремятся установить мировое господство, а против СССР.

Иден стал решительно опровергать такое заключение, доказывая, что вопрос о советских границах отнюдь не находится в противоречии с Атлантической хартией. Иден по вышеуказанным мотивам только лишен возможности признать советскую западную границу немедленно. Для этого требуется лишь известное время, известная отсрочка.

Тов. Сталин заметил, что, когда Англия давала свои обещания Америке, мы еще не были союзниками. В то время британское и французское правительства собирались оказывать Финляндии помощь в войне против Советского Союза. Сейчас положение радикально изменилось. Доказательством является хотя бы тот факт, что Англия в настоящее время находится в войне с Финляндией.

Иден заметил, что Англия сделала это ради удовлетворения просьбы СССР.

Тов. Сталин возразил, что во всяком случае вся ситуация в настоящее время резко отличается от той, которая была раньше, а между тем создается положение, как будто бы СССР приходится просить Англию об одолжении.

Иден стал протестовать против последнего замечания тов. Сталина, подчеркивая, что договора, о которых идет речь, построены на базе полного равенства и взаимности.

Тов. Молотов выразил удивление по поводу упорства, с которым Иден отстаивает свою позицию. Мы толкуем об общих военных целях, об общей борьбе, но в одной из важнейших военных целей - нашей западной границе мы не можем получить поддержки Великобритании. Разве это нормально?

Иден возразил, что тов. Молотов, как Народный Комиссар Иностранных Дел, должен особенно хорошо понять его положение: Иден не может ангажировать свое правительство, не имея на то надлежащих инструкций. Иден уверен, что если бы здесь вместе с ним находился премьер-министр, то все равно оба они не могли бы официально признать западную границу СССР без консультации с доминионами и с Соединенными Штатами. Имеются и иные затруднения. Как мог бы Иден, например, согласиться на

определенную фиксацию польско-советской границы, не сказав об этом ни слова полякам?

Тов. Сталин ответил, что он отнюдь не настаивает на немедленном разрешении вопроса о польской границе. Он надеется достигнуть соглашения по данному вопросу позднее, в переговорах с Польшей и Англией. Как Идену уже известно, в основу советско-польской границы он готов положить керзоновскую линию. Тов. Сталин гораздо более заинтересован сейчас в признании советских границ с Финляндией, балтийскими государствами и Румынией. Нам очень важно знать, придется ли нам вести с Англией борьбу на мирной конференции из-за наших западных границ.

Иден высказал надежду, что этого, конечно, не случится. Британское правительство вполне сознает необходимость прийти к соглашению о границах до мирной конференции, но для этого все-таки необходимо обсуждение данного вопроса в надлежащих инстанциях, с надлежащими лицами. Идену очень неприятно, что ему приходится упорствовать в своем нежелании дать немедленное официальное признание западной границы СССР, но тов. Сталин должен понять его положение.

Тов. Сталин подтвердил, что положение его понимает, но вместе с тем еще раз выразил удивление по поводу позиции британского правительства в данном вопросе.

Тов. Молотов высказал мнение, что поскольку вопрос о западной границе СССР является крупнейшим вопросом для нас, то в создавшейся обстановке лучше всего было бы отложить подписание договоров.

Иден вновь заявил, что это вопрос, который должно решить советское правительство. Он очень сожалел бы, если подписание не состоялось бы. Это имело бы плохой эффект на общественное мнение в союзных странах. Это было бы использовано немцами, которые, конечно, в конце концов узнали бы о том, что происходило в Москве.

Тов. Сталин предложил отложить обсуждение вопроса до следующего дня с тем, чтобы обеим сторонам дать время обдумать и, может быть, прийти к каким-либо выводам, дающим возможность договориться.

Предложение тов. Сталина было принято.

Затем тов. Сталин коснулся положения на Дальнем Востоке, высказав при этом мнение, что Япония, конечно, может иметь там некоторые первоначальные успехи, но что в конечном счете через несколько месяцев Япония должна потерпеть крах.

Иден ответил, что слова тов. Сталина сильно поднимают его дух, ибо он привык с большим уважением относиться к его суждениям.

Тов. Сталин тогда спросил Идена: если его ожидания в отношении Японии действительно оправдаются и если наши войска успешно будут оттеснять немцев на западе, не думает ли Иден, что создадутся условия для открытия второго фронта в Европе, например на Балканах?

Иден ответил, что он готов обсуждать данный вопрос. Он привел с собой генерала Нея, который ожидает в приемной и который с пользой мог бы принять участие в таком обсуждении. Один из мотивов, заставляющих британское правительство вести операции в Ливии, сводится как раз к тому, чтобы подготовить возможности для наступательных операций в Европе. Затем Иден спросил т. Сталина, действительно ли он думает, что Япония может крахнуть, скажем, в течение ближайших шести месяцев?

Тов. Сталин ответил, что он действительно так думает, ибо силы японцев очень истощены и они долго не могут держаться. Если вдобавок японцы вздумают нарушить нейтралитет и атаковать СССР, то конец Японии придет еще скорее.

Иден высказал сомнение в том, что японцы рискнут нас атаковать. Они были бы сумасшедшими, если бы это сделали.

Тов. Сталин, однако, вновь заявил, что такая возможность отнюдь не может считаться исключенной.

Заседание закончилось около 2-х часов ночи.

Иден заканчивает свою запись о переговорах 17 декабря следующими словами: "Мы долго спорили, и ни одна из сторон не уступала, но у меня есть некоторая надежда, что я все-таки убедил его (Сталина. - *О.Р.)* в неосуществимости его требований"[21].

№ 14

Третья беседа 18 декабря в 19 часов 00 минут

Присутствуют: с советской стороны т.т. Сталин, Молотов и Майский
с английской стороны Иден, Криппс и Кадоган
(Переводит т. Майский)

Тов. Сталин предложил Идену новый проект договора о послевоенной организации мира и безопасности (текст прилагается), высказав при этом мнение, что, как ему кажется, в данном проекте для статьи 4-й найдена формула, могущая удовлетворить обе стороны[22].

Иден сообщил, что он также выработал некоторые компромиссные предложения, но предварительно хотел бы обсудить новый проект тов. Сталина.

Так как перевод на английский язык и переписка на машинке статьи 4-й из проекта тов. Сталина заняли известное время, то пока заседание перешло к обсуждению вопроса о военном договоре.

Тов. Сталин спросил Идена, почему мы не могли бы заключить сейчас договора по всей форме? Почему Иден предлагает вместо этого сейчас подписать лишь соглашение? Великобритания имеет, например, договор о взаимопомощи, заключенный по всей форме с Турцией. Неужели СССР хуже Турции? Если британское правительство видит какие-либо препятствия к заключению формального договора с СССР, то было бы лучше всего, если бы оно нам это откровенно сказало.

Иден возразил, что подозрения тов. Сталина в нежелании британского правительства заключить формальный договор с СССР не имеют под собой никакого основания. Иден предлагает заключить соглашение, а не договор по соображениям чисто юридического порядка. Формальный договор заключается от имени короля, который является королем не только Великобритании, но также доминионов и императором Индии. Для заключения такого договора требуется согласие не только британского правительства, но также правительств доминионов. Иден имеет полномочия от британского правительства, но не имеет от правительств доминионов. Поэтому он и предлагает заключить соглашение, юридическая сила которого в глазах англичан ничуть не менее, чем сила договора. Если, однако, тов. Сталин предпочитает договор, то Иден предлагает такой выход: подписать в Москве соглашение, а затем по приезде в Лондон и после соответственной консультации с доминионами превратить это соглашение в договор, каковой и ратифицировать. Такая процедура возможна.

Тов. Сталин согласился принять данное предложение Идена. Затем он перешел к другому вопросу и указал, что если мы не желаем превратить военное соглашение в простую бумажку, то необходимо, чтобы оно было подтверждено определенными практическими действиями. В прошлом мы ставили вопрос о втором фронте, создание которого британское правительство по разным соображениям отклоняло. Затем мы выдвинули другое предложение - о присылке британских войск на советский фронт. Если британское правительство считает в настоящий момент данное предложение мало осуществимым, то мы готовы не настаивать на нем и выдвигаем теперь новое, третье предложение: совместная англо-советская операция на севере, в районе Петсамо, и в Северной Норвегии. СССР смог бы дать для этой операции сухопутные силы, от Англии потребовалась бы помощь флотом и

авиацией. В результате было бы оккупировано Петсамо и в Северной Норвегии был бы создан очаг сопротивления германской агрессии. В дальнейшем туда можно было бы направить и норвежских волонтеров. Германских войск в данном районе мало, при этом все это больше австрийцы. Тов. Сталин интересовался мнением Идена по вопросу о северной операции.

Иден ответил, что для посылки подкреплений на советский южный фронт Англия в настоящее время не располагает достаточными силами. Что же касается северной операции, то она представляется ему весьма желательной и осуществимой. Он готов начать переговоры о ней уже сейчас, во время своего пребывания в Москве, привлекши к обсуждению этого вопроса генерала Нея. Иден хотел знать, однако, когда, примерно, данная операция предполагается?

Тов. Сталин ответил, что северная операция могла бы быть начата через месяц или, может быть, через 6 недель.

Иден обещал срочно заняться данным вопросом.

Затем беседа коснулась вопроса о возможности отправки британских войск в СССР на более позднем этапе, причем Иден спросил тов. Сталина, на какой участок фронта он считал бы целесообразным направить английские войска.

Тов. Сталин ответил, что если бы английские войска были присланы северным путем, то он готов был бы направить их на Ленинградский фронт, где-нибудь по границе с Эстонией. Он мог бы, конечно, дать им место и на финском фронте, но полагает, что англичане, вероятно, захотели бы избежать вооруженных действий против Финляндии. Если же британские войска пришли бы с юга, то они могли бы принять участие в операциях на украинском фронте.

Иден ответил, что до окончания ливийской кампании, включая и поход на Триполи, Англия едва ли окажется в состоянии отправить в СССР какие-либо вооруженные силы. К тому же при решении вопроса об отправке надо учесть также и то обстоятельство, что отправка британских войск северным или южным путем должна неизбежно отразиться на возможности доставки в СССР необходимого военного снабжения. Идену кажется малоэкономным, с военной точки зрения, отправлять в СССР войска за счет подвоза снаряжения. К тому же у англичан нет войск, пригодных для операций в зимний период. Тем не менее, если тов. Сталин считает это необходимым, Иден готов поставить данный вопрос перед премьер-министром.

Тов. Сталин в ответ на это заметил, что он отнюдь не склонен настаивать на присылке английских войск в СССР, если британское правительство считает это невозможным.

Тут как раз был принесен английский текст новой формулировки статьи 4-й, данной тов. Сталиным, и заседание перешло к рассмотрению второго договора - о послевоенной организации мира и безопасности.

Иден предложил внести в статью 1-ю проекта тов. Сталина слова: "Обе договаривающиеся стороны обязуются совместно консультировать по условиям мирного договора, включая вопрос о границах".

Это предложение было принято тов. Сталиным с поправкой, что обе стороны будут не "совместно консультировать", а "действовать по взаимному согласию в выработке условий" местного договора и т.д. Иден согласился с предложенной модификацией.

Далее Иден предложил новый текст первой части статьи 4-й, который гласил следующее: "Обе договаривающиеся стороны обязуются работать совместно над реконструкцией Европы после войны с полным учетом интересов каждой из них". Упоминания о "приобретениях" и невмешательстве во внутренние дела других народов были выброшены.

Тов. Сталин возразил, что он не может согласиться на такую формулировку. Наоборот, он считает необходимым оставить как упоминание о "приобретениях", уточнив лишь их, как "территориальные приобретения", как и упоминание о невмешательстве во внутренние дела других народов. Это последнее в особенности необходимо потому, что за границей многие говорят о намерении СССР "большевизировать Европу".

Иден согласился с т. Сталиным. Однако формулировку статьи 4-й в проекте тов. Сталина он отказался принять, находя, что она является признанием границ СССР 1941 года, хотя и в слегка завуалированной форме. Иден далее предложил дать одновременно с подписанием договора письмо, в котором он обязуется по возвращении в Англию принять меры к устройству обсуждения вопроса о будущих границах между САСШ, Великобританией и СССР. Проект этого письма Иден вручил тов. Сталину. (Текст прилагается.)

Тов. Сталин согласился с текстом письма при условии, что из него будет выкинуто упоминание о границах СССР.

Иден не возражал против такого выбрасывания. Со статьей 4-й, однако, создался тупик. Иден отверг формулу тов. Сталина, а тов. Сталин заявил, что формула Идена для нас неприемлема. Иден пытался защищать свою позицию, заявляя, что его намерением при поездке в Москву было выработать и опубликовать "Московскую хартию", которая в известной мере явилась бы противовесом "Атлантической хартии". Теперь он видит, что это не удастся. Он просил бы поэтому тов. Сталина принять его фор-

мулировку статьи 4-й с дополнительным письмом, проект которого он только что ему вручил.

Тов. Сталин возразил, что этого недостаточно. Т. Сталин выразил также удивление по поводу нежелания Идена признать необходимость восстановления наших старых границ, границ 1941 года, хотя на прошлом заседании он готов был признавать расширение территории Югославии, Польши, Греции и других союзных государств. Между тем восстановление старых границ абсолютно необходимо. Лучшим примером тому является Ленинград. Если британское правительство с этим не соглашается, создается впечатление, что оно, пожалуй, не возражало бы и против расчленения СССР.

Иден стал решительно возражать против такого подозрения. Все дело в том, что британское правительство по причинам, о которых Иден уже говорил, отказывается вообще от признания каких-либо новых границ, возникших в течение войны, - будут ли это границы Югославии, Греции или даже самой Великобритании. Иден сказал, что он очень сожалеет о необходимости упорствовать в своей точке зрения, но у него нет иного выхода: без консультации с США и доминионами поднятый вопрос не может быть решен.

Тов. Молотов заметил, что сейчас, ввиду предстоящего свидания Черчилля с Рузвельтом, разрешение вопроса о границах могло бы быть облегчено.

Тов. Сталин подчеркнул громадные жертвы, приносимые Советским народом в борьбе против Германии. Эта борьба ведется не ради интересов прусского короля, а ради обеспечения наших собственных границ.

Иден в обоснование своей позиции привел следующий аргумент: как он мог бы объяснить признание нашей границы 1941 года, например, полякам?

Криппс в целях уточнения поставил вопрос: какие именно границы подразумеваются в формулировке статьи 4-й в проекте тов. Сталина? Границы 1941 года?

Тов. Сталин подтвердил, что формулировка эта имеет в виду границу 1941 года.

Иден заявил, что выполнение требования тов. Сталина означало бы признание польской границы, как она была в 1941 году.

Тов. Сталин возразил, что наше соглашение может не касаться польской границы. Он был бы готов дать по этому поводу специальное письмо Идену одновременно с подписанием договора.

Иден пытался защитить свою позицию указанием на то, что данное письмо носило бы секретный характер и, если бы Идену

в парламенте или в другом месте стали задавать вопрос о польско-советской границе, он не мог бы на него ссылаться.

Тов. Сталин ответил, что копию своего письма к Идену он послал бы генералу Сикорскому и даже готов был бы его опубликовать.

Однако Иден продолжал сопротивляться принятию статьи 4-й в формулировке тов. Сталина.

Со своей стороны тов. Сталин заявил, что ввиду неясного отношения британского правительства к вопросу о советских границах, каковое было обнаружено во время вчерашней встречи, советское правительство вынуждено настаивать на введении пункта о признании советских границ в договоре о послевоенной организации мира и безопасности.

Тов. Молотов заметил, что мы предполагаем подписать с англичанами договор о союзе, но для этого надо знать, из-за чего мы воюем.

Иден ответил, что мы воюем для того, чтобы разбить Гитлера. От каких-либо уступок по формулировке статьи 4-й он отказался.

Тов. Сталин выразил по этому поводу сожаление и заявил, что в таком случае подписание договора не может состояться.

Иден ответил, что, как это ему не неприятно, он вынужден прийти к выводу, что подписание действительно не может состояться. Ему ясна теперь ситуация, он знает, о каких трудностях идет речь, и по возвращении в Лондон постарается принять меры к устранению этих трудностей. Но теперь он не видит иного выхода, как отложить вопрос о договоре.

Тов. Сталин заметил, что Идену следовало бы снестись по данному вопросу с премьер-министром. Во времена чемберленовского правительства Черчилль резко атаковал последнее в связи с провалом переговоров о пакте взаимопомощи из-за балтийских государств. Тов. Сталин не думает, чтобы премьер-министр стал возражать против подписания договора на базе предложенного им проекта.

Иден возразил, что, как он совершенно уверен, премьер-министр занял бы ту же позицию, какую занимает он, Иден. Требования тов. Сталина по существу означают немедленное признание части будущего мирного договора. Для этого еще не наступило время. К тому же с премьер-министром сейчас очень трудно снестись по соображениям технического порядка. Поэтому Иден может только предложить еще раз обдумать создавшуюся ситуацию и завтра сказать окончательное слово.

Заседание закончилось в 21 час 00 мин.

Британская запись беседы несколько отличается от советской записи. В заключительной части британской записи говорится:

"Extracts from Eden-Stalin meeting of 18 December 1941

...*Eden:* I see that you do not like my Article 4 together with the letter as much as your own redraft of that article. My difficulty about your draft is that I am not clear what it really means. In my letter 1 say that we had the principles laid down in the Charter and will discuss between the three Governments the actual frontiers proposed. Your draft of Clause 4 either has no definite meaning or else it means that we bind ourselves to agree to your frontiers as they were in 1941, and that is the proposal that we have already discussed at such length. I would like to have Article 4 in the form that I have submitted together with the letter which I propose.

Stalin: That is difficult to accept.

Eden: I do not want to be anything but completely honest and open with you. I do not want to cover up what is really a difference of opinion by words which may be misunderstood, and I do not really know what your new Article 4 is intended to cover.

Stalin: In the new clause I have first of all added the word 'Security'.

Eden: I do not take any objection to that. That is quite all right.

Stalin: We have already discussed the necessity for the second alteration, that in Article 4. We have spoken of the possibility, for instance, of the increase of the territory of Yugoslavia, and it seemed that you were not necessarily against that. We also discussed the incorporation of East Prussia in Poland and the giving of certain islands to Greece and Turkey. And to none of these did you object. In fact, you accepted the necessity for increasing the territories of these countries. All we ask for is to restore our country to its former frontiers. We must have these for our security and safety; for instance, at Leningrad. I want to emphasise the point that, if you decline to do this, it looks as if you were creating a possibility for a dismemberment of the Soviet Union.

Eden: That is not in the least the case. If you were to ask me now to give my signature for definite frontiers for any country, say, Greece or Yugoslavia, or even Great Britain itself, I should have to refuse in exactly the same way. I think you have probably a strong case on the ground of security, and I shall be glad to put it forward, as I said that I would do. But what I cannot do now is to put these definite frontiers into an agreement...

Eden: How could I explain this clause to the Poles? They would inevitably read it as meaning that we had agreed that the U.S.S.R. should go back to the frontiers which they held immediately before the outbreak of their war with Germany.

Cripps: Could we know whether the phrase having full regard to the interests of the U.S.S.R. in the restoration of its frontiers', means the recognition by us of the U.S.S.R. frontiers of 1941?

Stalin: Yes, it does mean the recognition of the right of the U.S.S.R. to their 1941 frontiers.

Eden: The Poles pressed me very hard at the time of their agreement with the Soviet Union to agree with them upon their Estonian frontier, but I refused.

If I now agree to this Article I should, in fact, be agreeing to the Polish frontier as it was in 1941.

Stalin: This does not entail an agreement on the Polish frontier. This does not affect it and I would give a letter to make that quite clear.

Eden: Yes, but that is how it will be read throughout the world.

Stalin: So far as the effect on public opinion is concerned, everyone would ask the question whether Hitler was right in violating our frontiers when he started the war. The British Government is apparently hesitating about this, but I have no doubts about it, nor would the public.

Eden: I have no doubt about it either, but this agreement is an agreement upon the principles on which we would work together for peace now and after the war, and what you are now trying to do is to put into it a decision as to a particular portion of the frontiers of Europe.

Stalin: After I observed last night such an uncertain attitude on the part of the British Government as regards the situation in the Baltic States I felt bound to introduce such a clause into the agreement.

Molotov: We are going to sign a treaty of mutual assistance or alliance and we must know what we are fighting for and where we stand.

Eden: We are fighting to beat Hitler. Quite apart from the question of my right to make this agreement, if I signed it I should have any number of questions put to me as to its effect upon Poland, etc., and what was its exact meaning, and I could not, of course, disclose your private letter, but if you wanted me to put into my letter an acknowledgement of your views, I would certainly be prepared to do that.

Stalin: My letter as to the exclusion of the Polish frontiers would be sent to General Sikorski, too, and I should be prepared to have it published as well. My formula must stand.

Eden: I am afraid I cannot possibly accept it.

Stalin: That is very regrettable.

Eden: I have tried very hard to meet you on this and I am prepared to do anything except to agree to definite frontiers, and I cannot do that without breaking pledges I have already made to other people, and I am not going to break pledges"[23].

В английской записи отсутствуют предложение Сталина о консультациях с Черчиллем по вопросу о границах и ответ Идена на это предложение. В советской записи более четко зафиксирована позиция по польскому вопросу, в английской - аргументация неприемлемости советских условий признания границ 1941 года. Имеются и другие расхождения.

№ 15

Наш последний проект
(Сообщен Идену 18.XII)

СОГЛАШЕНИЕ
между СССР и Великобританией
о разрешении послевоенных вопросов
и об их совместных действиях
для обеспечения безопасности в Европе
после окончания войны с Германией

Правительство СССР и Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве заключили следующее соглашение:

Статья 1.

Подтверждая свое признание принципов декларации, провозглашенной 14 августа 1941 г. Президентом Соединенных Штатов и Премьер-министром Великобритании, обе договаривающиеся стороны обязуются при разрешении послевоенных вопросов, связанных с организацией мира и безопасности в Европе, действовать по взаимному согласию.

Статья 2.

Обе договаривающиеся стороны согласились, что после прекращения военных действий они примут все меры, находящиеся в их власти, к тому, чтобы сделать невозможным повторение агрессии и нарушение мира со стороны Германии.

Статья 3.

Обе договаривающиеся стороны обязуются совместно работать над реконструкцией Европы после войны, с полным учетом интересов безопасности каждой из них, равно как интересов СССР в деле восстановления его границ, нарушенных гитлеровской агрессией, и в согласии с двумя принципами - не стремиться к территориальным приобретениям для себя в Европе и не вмешиваться во внутренние дела народов Европы.

Цели указанной реконструкции должны в особенности включать:

а) обеспечение и укрепление экономической и политической независимости всех европейских стран - будут ли они федерированы или существовать как отдельные государственные единицы;

б) реконструкцию промышленной и экономической жизни стран, оккупированных Германией или ее соучастниками.

Статья 4.

Обе договаривающиеся стороны согласились оказывать друг другу всякую возможную экономическую помощь после войны.

№16

Письмо министра иностранных дел Великобритании Председателю Совета Народных Комиссаров СССР

18 декабря 1941 г.

Я полагаю, что в результате подписания двух соглашений, законченных сегодня, теперь между правительством СССР и правительством Его Величества существуют отношения, подобные отношениям, созданным Атлантической хартией между правительством Его Величества и правительством Соединенных Штатов.

Эти три документа в действительности устанавливают принцип, что правительство Его Величества будет работать вместе с Вашим правительством и правительством Соединенных Штатов всеми путями как во время, так и после войны.

В ходе наших бесед Вы подняли вопросы, относящиеся к некоторым особым границам и, в частности, к западным границам СССР. Вы просили меня поддержать от имени правительства Его Величества взгляды СССР в отношении последнего. Однако я должен был бы подумать о том, что урегулирование этих вопросов включало бы в себя применение принципа сотрудничества между нами и что правильным было бы возможно скорее организовать переговоры трех сторон с целью прийти к соглашению по этим и другим подобным вопросам, касающимся устройства Европы после войны. Действительно, теперь ясно, что это является существенной предпосылкой к подготовке будущего мирного урегулирования.

Я со своей стороны заверяю Вас, что полностью изложу своему правительству объяснения, которые Вы мне дали в отношении позиции Вашего правительства, и что я буду поддерживать инициативу организации подобных переговоров трех сторон в возможно ближайшее время, которое будет удобно участникам[24].

В воспоминаниях Идена о беседе 18 декабря говорится весьма скупо: "Наша вечерняя встреча со Сталиным была полностью неудачной, и меня весьма раздражало то, что я считал неблагоразумным в его взглядах. Молотов ничем не помог, и мы холодно расстались"[25]. Далее Иден вспоминает, что по дороге в гостиницу они с Криппсом и Кадога-

ном, чтобы как-то поправить положение, договорились устроить шумный протест и возмущение в связи с советской позицией на переговорах. Академик В.Г. Трухановский, работавший в годы войны в Наркомате иностранных дел, в книге об А. Идене так комментирует этот эпизод: "Расчет строился на том, что в гостинице есть устройства для подслушивания и возмущение англичан тут же дойдет по назначению. Как сообщает Кадоган, все охотно согласились участвовать в этом спектакле и очень старались"[26]. "Не знаю, - пишет Иден, - оказало ли все это какое-либо влияние, но через несколько часов Майский позвонил и сообщил ответ на мою просьбу о поездке на фронт". Просьба была удовлетворена. При этом Майский добавил, что, как он надеется, "перерыв в переговорах будет полезен для обеих сторон"[27].

Поездка на фронт состоялась 19 декабря и произвела на Идена большое впечатление. "Мы покинули гостиницу в 8 утра, - пишет он в мемуарах, - Майский, я и Ней в одной машине. Наша военная миссия (ее возглавлял генерал М. Макфарлан. - *О.Р.)* выехала с нами. Примерно четыре часа езды с одной остановкой для прогулки, и мы в Клину. Следы боев по мере приближения к городу. Несколько разбитых танков, исковерканных деревьев и много разрушений. Политика выжженной земли, и это было очевидно, осуществлялась едва ли не повсеместно. Иногда встречалась уцелевшая деревня. Гораздо чаще две трети были уничтожены, и так снова и снова. Большинство домов деревянные, только печи из кирпича, и когда дома сожжены, то печи как бы упирались в небо. Картина более впечатляющая, чем даже полные разрушения". Иден далее пишет о надругательстве гитлеровцев над музеем Чайковского в Клину, встрече и беседе с советским генералом, разговоре с немецкими пленными и заключает: "Я откровенно сказал Майскому во время поездки о позиции русских, касающейся соглашения, и что их неудача, как следствие этого, никого не обрадует кроме тех, кто не хотел бы дружеских отношений между нашими странами. Ней считал, что я достиг результата, но по возвращении Криппс сообщил о своих неудовлетворительных переговорах с Молотовым, продолжавшихся два с половиной часа"[28]. В дневнике В. Молотова содержится запись этих переговоров.

№ 17

Прием английского посла Криппса 19 декабря 1941 года

Криппс заявляет, что он желает поставить вопросы, по которым он, с разрешения Идена, выскажет свое собственное мнение. Первый вопрос касается взаимоотношений СССР с Египтом. Вы знаете, говорит Криппс, что мы стремились к улучшению взаимоотношений СССР с Египтом. В настоящее время английское правительство достигло того, что к советским пароходам будет

проявляться такое же отношение, как и к пароходам других стран. Что касается проезда советских граждан через Египет, то английское правительство получило от египетского премьера согласие обсудить вопрос об установлении дипломатических отношений с СССР на заседании кабинета. Если бы отношения были установлены, то все вопросы были бы разрешены гладко. Английское правительство надеется, что его усилия в этом направлении увенчаются успехом. Однако если этого даже не произойдет, то английское правительство будет просить Египет выработать особый порядок транзита советских граждан через эту страну.

Тов. Молотов отвечает, что мы, собственно, не поднимали вопроса об установлении дипломатических отношений с Египтом. Нам бросилось в глаза отношение египетского правительства к тов. Литвинову*. Если египетское правительство считает желательным установление дипломатических отношений с СССР, то это можно было бы осуществить. Если оно не считает желательным установление таких отношений, то мы этого вопроса тоже не поднимаем.

Криппс заявляет, что английское правительство очень озабочено тем, чтобы урегулировать этот вопрос. Если бы Советское правительство пожелало послать своих офицеров на ливийский фронт, то английское правительство хотело, чтобы вопрос в отношении проезда их через Египет был бы разрешен гладко. Что же касается случая с Литвиновым, то английское правительство было чрезвычайно раздражено поведением египетского правительства.

Далее Криппс заявляет, что второй вопрос, который он хотел сегодня поставить, это вопрос о воздушной защите Архангельска. Английское адмиралтейство выразило беспокойство по поводу того, что в связи с наступлением ледового периода германская авиация может нанести серьезное повреждение ледоколу. В условиях погоды настоящего времени истребительная авиация не всегда в состоянии быстро подниматься со своих аэродромов. Поэтому вопрос обороны Архангельска зенитной артиллерией приобретает большую важность. Поводом, послужившим к указанному беспокойству, выраженному английским адмиралтейством, послужил случай полета на высоте 2000 футов над Архангельском германского разведывательного самолета. Этот самолет не встретил никакого сопротивления. Вопрос защиты Архангельска особенно беспокоит англичан ввиду недостатка ледоколов. Он, Криппс, поднимает этот вопрос в настоящем разговоре

---

* *Речь идет о задержке вылета М. Литвинова через Каир в США. - О.Р.*

с тов. Молотовым с тем, чтобы было произведено изучение вопроса об организации зенитной защиты Архангельска.

Тов. Молотов отвечает, что пока, насколько известно, никаких недоразумений на почве налетов германской авиации в Архангельске не имело места. Однако тов. Молотов обещает сообщить о заявлении Криппса Командованию военно-воздушных сил и запросить у них соответствующую информацию

Криппс благодарит тов. Молотова.

Криппс говорит, что в отношении главного вопроса, возникшего в ходе переговоров, он представил свои соображения в письменном виде. (При этом по предложению Криппса переводчик зачитывает текст его письма.) Криппс указывает, что главным вопросом он считает задачу - облегчение достижения решения в желаемом для обеих сторон смысле. Он, со своей стороны, прилагает к этому все усилия.

Тов. Молотов благодарит Криппса и заявляет, что он может заверить его, что Советское правительство, начиная от его главы тов. Сталина, желает наилучшего развития наших отношений с Великобританией. Затем тов. Молотов останавливается на некоторых вопросах, затронутых в письме Криппса. В этом письме говорится, что вопрос о признании границ СССР оказался новым для английского правительства и что Иден не был информирован о нем. Тов. Молотов говорит, что он имеет перед собой телеграмму от 27 ноября тов. Майскому в Лондон. В телеграмме сказано, что мы имеем в виду обсудить во время приезда Идена вопрос о двух договорах, один из которых - договор о взаимопомощи - должен быть заключен во время войны, а другой - относительно сотрудничества с Великобританией на послевоенное время. До отъезда Идена из Лондона мы высказали свое мнение по вопросу о втором договоре. Мы прямо указывали, что в этом договоре речь должна идти о государственных границах других стран, в том числе о государственном устройстве и границах Германии. Но поскольку Иден считал обсуждение вопроса о границах и государственном устройстве Германии преждевременным, мы не настаивали на нем. Из этого факта нужно сделать вывод, что эти вопросы не были новыми для Идена. При этом тов. Молотов зачитал Криппсу соответствующее место из телеграммы тов. Майскому от 27 ноября. Тов. Молотов указывает, что это формальная и не главная сторона вопроса. Он хочет добавить по существу следующее. Криппс ссылается на заявление Черчилля в начале 1940 года, т.е. на заявление, сделанное до нападения Германии на СССР. С тех пор мы не только заключили мирный договор с Финляндией и не только на основе всеобщего голосования в Советский Союз вошли Латвия, Эстония, Литва и не только всеоб-

щим голосованием было подтверждено включение Бессарабии и западных областей Украины и Белоруссии в СССР, но и все эти акты вошли в нашу Конституцию. Но особенно важным надо считать тот факт, что после этого СССР начал вести войну против германской агрессии. Пролито много крови советских людей. Сотни тысяч убиты. Сотни тысяч ранены. Кровь продолжает обильно литься и дальше. И вот если учесть фактическое положение дела, то надо считаться с заявлением британского правительства в совершенно другой обстановке и при совершенно других отношениях между нашими странами. Тов. Молотов говорит, что ему кажется, что надо еще более считаться с тем, что война, сопровождающаяся огромным количеством жертв, священна тем, что в этой войне защищается наше государство от агрессии и что в этой войне Англия и СССР стали союзниками, чего не было, когда Черчилль сделал свое заявление, на которое ссылается Криппс. Тов. Молотов полагает, что если не считаться с изменившейся обстановкой, то это значит пройти мимо самого важного факта. Мы во всяком случае не можем пройти мимо этого важного факта. Я прошу понять, говорит тов. Молотов, что, когда Иден предложил отложить рассмотрение вопроса о послевоенных границах европейских государств, тов. Сталин согласился отложить рассмотрение этого вопроса. Но тов. Молотов спрашивает - если мы подпишем два документа, не договорившись по вопросу о границах СССР, оставив этот вопрос открытым, то какая цена будет этим документам. Если нам придется отвечать перед нашим народом, общественным мнением и Верховным Советом на вопрос, признает ли Великобритания границы СССР, и мы ответим, что мы не договорились по этому поводу, то это будет иметь самые отрицательные последствия для Правительства и с таким ответом мы не можем явиться ни перед лицом общественного мнения, ни перед лицом армии, которая принесла уже громадные жертвы. Господин Криппс ссылается в своем заявлении на то, что если не будет достигнуто соглашение в Москве, то это обрадует и подымет дух противников соглашений внутри Великобритании. Допустим, что это так, что они обрадуются этому. Но тов. Молотов должен сказать, что если эти элементы, враждебно относящиеся к соглашению с СССР, узнают, что СССР согласился оставить вопрос о своих границах открытым, то эту победу своего враждебного отношения к СССР они получат без борьбы, при помощи г-на Идена. Тов. Молотов полагает, что не в интересах ни Идена, ни Британского правительства дать этим элементам возможность одержать победу без борьбы. Напротив, он полагает, что подавляющая масса населения в Англии прекрасно поймет и согласится после 6 месяцев войны СССР с Гер-

манией, в которой нам приходится нести большую тяжесть борьбы, что теперь отношения с Советским Союзом нельзя строить на том, что было 1 1/2-2 года тому назад. Наши отношения должны быть построены на другой основе, в соответствии с теми отношениями, которые сложились между СССР и Англией в борьбе с общим врагом. Отсюда нужно сделать вывод, что нельзя держаться за старые формулы, которые не подходят к новой обстановке. Надо считаться с изменившейся обстановкой. Лучше отложить соглашение на некоторое время, чем оставлять эти вопросы нерешенными и вызывающими взаимные недоразумения. Во всяком случае, я знаю хорошо мнение тов. Сталина и всего Правительства, что без внесения ясности в этот вопрос мы не можем подписать этих соглашений.

Криппс отвечает, что он очень признателен за столь детальный ответ. Он в одном уверен, а именно в том, что у нас общая цель. Разница в том, как достичь этой цели. Он считает, что Советское правительство недооценивает вреда, который будет нанесен при возвращении Идена в Англию без соглашения. Если бы ему, Криппсу, было известно, что вопрос о границах должен быть разрешен в ходе переговоров в Москве, то он постарался бы не допустить приезда Идена в СССР. Нужно иметь в виду, что возвращение Идена в Лондон без соглашения принесет очень серьезный вред англо-советским отношениям. Криппс говорит, что тов. Молотов помнит, что когда он прибыл после войны в СССР [по-видимому, после советско-финской войны. - *О.Р.*], то он высказал мнение о необходимости постепенного развития англо-советских отношений. Первым шагом в этом развитии было июльское соглашение, а в настоящее время мы хотим развить этот шаг в форме военного союза. При этом возникли затруднения, заключающиеся в том, что Советское правительство желает получить от Великобритании признание своих границ 1941 года. Он вполне согласен, что обстоятельства совершенно изменились со времени заявления Черчилля. Но остается действительным тот факт, что это заявление было оглашено на весь мир и что Великобритания должна консультироваться с Америкой и доминионами. Если мы оставим вопрос о границах открытым, то он, Криппс, не сомневается, что этот вопрос можно легко будет разрешить впоследствии. Однако если мы не подпишем договор о послевоенном сотрудничестве, то разрешение этого вопроса может быть отложено на очень значительное время или навсегда. В настоящее время вопрос состоит в том, чтобы определить, как лучше получить согласие Америки, будет ли это легче в том случае, если будет подписано соглашение о сотрудничестве после войны или таковое не будет подписано. На его, Криппса, взгляд,

легче будет получить согласие Америки, если соглашение о послевоенном сотрудничестве будет заключено. Другими словами, подписав соглашение, мы предпримем определенные шаги к удовлетворительному решению о советских границах. С другой стороны, если визит Идена будет безрезультатным, то мы сделаем шаг во вред отношениям между СССР и Великобританией. Было бы лучше, если бы Иден вообще не приезжал в СССР. Но он прибыл. Нам надо справиться с положением, которое создалось в результате присутствия в СССР британского министра иностранных дел.

Тов. Молотов говорит, что он не представляет себе, чтобы Черчилль теперь, при совершенно новой обстановке, держался той же точки зрения, как и 1 $^1/_2$-2 года тому назад. Он также не представляет себе, что Рузвельт признал бы ненужным считаться с изменившимися отношениями между СССР и Великобританией, с одной стороны, и Соединенными Штатами Америки, с другой стороны. Если дело идет об общей декларации, то такая декларация имеется. Это - Атлантическая декларация Рузвельта и Черчилля от 14 августа, к которой присоединился и СССР. Но теперь дело идет не только об этом. Воюющие страны - Англия, СССР и США - должны знать, за что каждая из них воюет. Элементарные интересы этих стран должны быть признаны. Вопрос о границах - это самый элементарный вопрос. Без того чтобы не договориться по этому вопросу, не может быть настоящего прочного союза, а мы хотим, чтобы он был. Если этого нельзя сделать сегодня, то отложим подписание соглашения. Но надо обеспечить крепкую базу нашим отношениям в борьбе с общим врагом. Таков смысл позиции Советского правительства, выраженный тов. Сталиным в переговорах с Иденом.

Криппс заявляет, что если ничего не будет подписано сейчас, то положение станет более затруднительным. Может пройти много месяцев, прежде чем соглашение состоится, или оно может вообще не состояться никогда. Положение очень серьезное с точки зрения внутреннего положения в Англии. Элементам, которые стремятся к налаживанию хороших отношений с СССР, будет нанесен удар, а враждебные элементы получат большой стимул в своей деятельности во вред англо-советским отношениям.

Тов. Молотов заявляет, что он понимает Криппса, но мы не можем не считаться со своим народом. Мы не можем подписать соглашение после 6 месяцев войны, оставив открытыми весьма существенные вопросы. Тов. Сталин прямо сказал, что ни он, ни Правительство не могут явиться с таким ответом перед народом. Он сказал даже, что народ может послать такое правительство к черту.

Криппс заявляет, что он понимает это, но он хотел бы, чтобы Советское правительство знало, какое впечатление произведет на английское общественное мнение факт неудачного визита Идена в СССР. Далее он заявляет, что хотел бы сделать другое конфиденциальное сообщение тов. Молотову. Криппс говорит, что принято решение, что он выезжает обратно в Англию. Этот вопрос обсуждался ранее и не стоит в связи с переговорами. По возвращении в Англию он надеется работать над дальнейшим улучшением англо-советских отношений. Однако трудности в настоящих переговорах, конечно, сильно затруднят его деятельность в Англии в этом направлении.

Тов. Молотов выражает надежду, что Криппс окажет свое содействие и при разрешении этих трудностей. Разрешение этих вопросов будет прочной основой англо-советских отношений как во время войны, так и после войны.

Криппс говорит, что он очень сожалеет, что до переговоров в Москве не было выяснено заранее, что соглашение не может быть подписано без разрешения этих вопросов. Если бы об этом было известно до переговоров, то Иден смог бы проконсультироваться с доминионами.

Тов. Молотов говорит, что мы не можем допустить, чтобы у британского правительства могли быть в этом отношении какие-либо сомнения.

Тов. Молотов далее говорит, что никогда не было такого положения, чтобы вместе с СССР в войне, например против Финляндии, находились Австралия, Канада, Новая Зеландия и др[угие] доминионы Великобритании. Это должно бы показать, насколько изменились отношения Великобритании с СССР. Вопрос о границах СССР не может вызвать неожиданности. Нам казался он естественным. Когда мы встретились с тем, что этот вопрос должен остаться открытым, то это было для нас полной неожиданностью.

Криппс отвечает, что он уверен, что тов. Молотов не хочет сказать, что вопрос должен остаться открытым. Он не может согласиться с этим, так как Иден сказал, что по возвращении в Англию он примет меры к выяснению этого вопроса. Он не может консультироваться с доминионами здесь, в Москве, до возвращения в Лондон.

Тов. Молотов заявляет, что мы не можем сказать нашим людям, что у нас с Великобританией по такому важному вопросу нет договоренности или что договор подписан без ясного ответа на этот вопрос. Этого никто не поймет в новых условиях и при новых отношениях с Великобританией.

Криппс говорит, что поэтому он предлагает заявить в специальном коммюнике, что вопрос о границах обсуждается.

Тов. Молотов отвечает, что можно обсуждать много вопросов, но это не значит, что внесена ясность, когда приступают к обсуждению этих вопросов.

Криппс заявляет, что можно быть уверенным, что будет достигнуто согласие между Черчиллем и тов. Сталиным.

Тов. Молотов отвечает, что он придерживается такого же мнения и поэтому считает возможным подписать соглашение без задержки, не оставляя вопрос открытым.

Криппс заявляет, что в этом случае Великобритания может нарушить свои обещания третьим лицам.

Тов. Молотов отвечает, что, конечно, он не предлагает нарушать этих обещаний. Он предлагает либо запросить мнение лица, которому было дано это обещание, либо отложить подписание соглашения на некоторое время.

Криппс заявляет, что он не намерен продолжать обсуждение этого вопроса. Он считает, что он выполнил долг, предупредив тов. Молотова о последствиях, которые могут возникнуть в случае неблагоприятного исхода переговоров.

Тов. Молотов заявляет, что он старался дать наиболее подробные разъяснения позиции Советского правительства.

Криппс говорит, что в переговорах шла речь относительно высадки экспедиционных сил в Петсамо. Видимо, этот вопрос теперь должен отпасть.

Тов. Молотов говорит, что это предложение было сделано в разговоре между тов. Сталиным и Иденом и этот вопрос должен быть решен между тов. Сталиным и Иденом.

№ 18

Вручено Криппсом т. Молотову
19 декабря 1941 года

Письмо С. Криппса В. Молотову

Я не могу не чувствовать, что Советское Правительство не поняло полностью положения, создавшегося в отношении двух предложенных соглашений.

Советское Правительство, кажется, считает, что отказ министра иностранных дел включить статью о признании границ СССР 1941 года проистекает из определенного отказа Британского правительства признать эти границы.

Это неправильно. Действительное положение дел заключается в следующем:

1. В начале войны, когда Германия оккупировала Европу, Премьер-Министр сделал публичное заявление в том смысле, что Британское Правительство не признает никаких территориальных изменений, сделанных во время войны. Такие изменения могут быть только в сущности признаны согласно этой декларации по мирному договору. Это заявление не имело прямого отношения к действиям СССР, но поскольку территориальные перемены в Балтийских государствах и Финляндии, так же как в Бессарабии и Северной Буковине, произошли после оглашения этой декларации, они в сущности покрываются условиями декларации. В то время, когда происходили эти перемены, СССР поддерживал тесные отношения с Германией и не был в хороших отношениях с Великобританией и поэтому не было особой причины для того, чтобы сделать какое-либо исключение из декларации в пользу СССР.

2. Согласно Британской Конституции [Своду законов. - *О.Р.*], невозможно возложить обязательства на других членов Британской империи без предварительной консультации с ними по такому делу, как в данном случае. Так как Советское Правительство не предупредило заранее Британское Правительство, что оно считало этот пункт существенным условием для любого другого соглашения, то до этих переговоров не было консультации по этому вопросу с доминионами. Поэтому, согласно Конституции, невозможно никакому представителю Британского Правительства обязать Правительство признать эти границы, пока не состоялось подобной консультации.

3. До нападения Германии на СССР Британское Правительство, принимая во внимание помощь, оказываемую ему США, и по просьбе последних приняло на себя обязательство, что оно не согласится ни на какие изменения европейских границ, начиная с сентября 1939 года, без предварительной консультации с Американским Правительством по этому вопросу. Британское Правительство обязано уважать это обязательство, и оно не может поэтому дать согласие в отношении границ Советского Союза 1941 года, которые значительно отличаются от границ, существовавших в сентябре 1939 года, без того, чтобы не вступить предварительно в консультацию с Американским Правительством.

Полагая, как это делаю я, что Советское Правительство и Правительство Великобритании желают совместно работать в возможно тесном и дружественном союзе в деле поражения гитлеровской Германии во время войны, а также в деле переустройства свободной Европы после войны, возникает вопрос, как лучше преодолеть настоящее затруднение.

Советское Правительство считает существенным, чтобы любой прочный союз был бы основан на признании его границ 1941 года. Так как обе страны искренне желают такого прочного союза, первое, что нужно сделать, это найти, как лучше и наиболее быстро может Британское Правительство принять решение, чтобы с полным основанием включить это в документ. Конечно, также существенно, что должно быть сделано все возможное, чтобы это решение было принято в смысле, желаемом Советским Правительством.

Советскому Правительству хорошо известно, что в Великобритании, доминионах и Соединенных Штатах Америки имеются элементы, которые не разделяют желания их правительств работать с Советским Союзом после войны и которые будут только очень рады сделать что-нибудь возможное для того, чтобы помешать этому сотрудничеству. В настоящее время не существует ни договора, ни соглашения, обязывающего Британское и Советское Правительства к подобному сотрудничеству. Если враждебные элементы поймут, как они этого хотят, что подобному сотрудничеству можно помешать путем отсрочки решения или путем неблагоприятного решения по вопросу о советских границах, они немедленно сосредоточат свои усилия в этом пункте, и им может удаться вызвать большие затруднения в этом вопросе, которые, наверняка, отсрочат решение и могут даже привести к неблагоприятному решению.

Если, с другой стороны, вопрос сотрудничества после войны будет урегулирован в общем смысле соглашением подобно предложенному, тогда вопрос согласия относительно границ не будет таким, чтобы его можно было использовать для отсрочки или срыва этого послевоенного сотрудничества, и тем меньше будет трудностей в достижении благоприятного решения.

Самая плохая услуга, которая может быть оказана тем, кто стремится к достижению максимального сотрудничества между двумя странами, состоит в том, чтобы дать настоящим встречам окончиться без подписания соглашения, даже в самом общем виде, относительно послевоенного сотрудничества. Если это случится, то это уничтожит всякую возможность сотрудничества в этой области в лучшем случае на очень значительное время, а возможно и навсегда.

Я не думаю, чтобы было возможно переоценить ущерб, который будет нанесен советско-английским отношениям, если окажется, что настоящие встречи приведут к тупику в отношениях между двумя странами.

Если Советское Правительство обеспокоено тем, что его общественное мнение может иметь подозрение, что границы СССР неприемлемы для его союзника - Великобритании, нельзя ли справиться с этим положением без того, чтобы не вызвать полного срыва переговоров со всеми плохими результатами, которые это может иметь в отношении мнения союзников?

Если соглашения при их опубликовании будут сопровождаться коммюнике в духе указанного ниже, то это должно было бы рассеять всякое беспокойство, которое могло иметь место в этом вопросе. Коммюнике могло бы иметь следующее содержание:

"Правительства СССР и Великобритании, изложив в двух договорах, подписанных ими, широкую основу их сотрудничества и их союза, готовы совместно изучить вопрос послевоенных европейских границ, имея в виду достичь соглашения о схеме, которая даст как их собственным странам, так и другим союзным странам большую гарантию от возможности какой-либо новой агрессии в будущем и полную возможность мирного развития. Они готовы немедленно начать консультации, и выражается надежда, что Соединенные Штаты Америки пожелают присоединиться к этим консультациям".

Возвратившись из поездки на фронт, Иден получил из Лондона ответ на свою телеграмму о требованиях Сталина "немедленно признать русские границы 1941 года", в которой говорилось, что эти вопросы необходимо предварительно обсудить в Лондоне, а также с Соединенными Штатами и доминионами[29]. Получил Иден поддержку своей позиции и лично от Черчилля. Он телеграфировал Идену: "Вы, конечно, не будете резки в беседе со Сталиным. Мы связаны по отношению к Соединенным Штатам обязательством не заключать какие-либо тайные и особые пакты. Обратиться к президенту Рузвельту с подобными предложениями значило бы встретить категорический отказ. Это могло бы повести к длительным недоразумениям между нами..."[30] Черчилль, как свидетельствует М. Гилберт, допускал некоторые территориальные уступки СССР в интересах обеспечения его безопасности, в частности Ленинграда, но в целом занимал по этому вопросу негативную позицию. 21 декабря он телеграфировал К. Эттли: "Требования Сталина о Финляндии, Балтийских государствах и Румынии прямо противоречат первой, второй и третьей статьям Атлантической хартии, к которой Сталин присоединился"[31]. Заключительная беседа А. Идена со Сталиным состоялась на следующий день.

№19

Четвертая беседа 20 декабря в 19 часов 00 минут

Присутствуют: с советской стороны тт. Сталин, Молотов и Майский
с английской стороны Иден, Криппс и Кадоган
(Переводит т. Майский)

Иден начал с сообщения о том, что в ответ на свою телеграмму в Лондон по поводу возникших затруднений он получил ответ военного кабинета, который и хотел бы довести до сведения тов. Сталина. Затем Иден прочитал текст этого ответа, который во всем существенном подтверждал линию, занятую Иденом. Затем Иден заявил, что он готов подписать первый договор - о военной взаимопомощи, а также второй договор - о послевоенной организации мира и безопасности в первоначальном варианте, предложенном т. Сталиным, и дополнительно дать то письмо, о котором он говорил накануне. В крайнем случае, он был бы готов подписать хотя бы только первый договор. Если бы тов. Сталин согласился с предлагаемым Иденом методом, то он, Иден, был бы готов по возвращении в Англию поставить вопрос о признании советской западной границы 1941 года перед британским правительством, доминионами и правительством Соединенных Штатов.

Тов. Сталин ответил, что оба договора тесно между собой связаны и было бы трудно отделить один от другого. Тов. Сталину также не нравится идея превращения соглашения в договор, о возможности чего Иден говорил вчера. Ведь соглашение должно было бы быть опубликовано и последующее превращение его в договор подало бы повод к разным нежелательным толкам и слухам. Лучше потому отложить подписание соглашений на те дветри недели, которые потребны Идену для консультирования со всеми заинтересованными инстанциями.

Иден заметил, что считает необходимым сделать одно разъяснение: британское правительство не делает никакого различия между соглашением и договором с точки зрения юридической. Оба они одинаково обязательны для него.

Тов. Сталин ответил, что в таком случае тем больше оснований подписать договора, а не соглашения.

Иден заявил, что, как он уже раньше говорил, у него нет никаких возражений против заключения договоров. Затем он пустился в длинные рассуждения о том, что было бы жаль бросить в корзину два договора, которые так легко могли бы быть подпи-

саны с пользой для обеих сторон. Если из этих договоров ничего не выйдет, то эффект данного факта на англо-советские отношения будет отрицательный. Идену непонятно, почему Советское правительство отказывается заключить договора, которые ни в какой мере не ослабляют позиции Советского Союза в вопросе о границах, а, наоборот, являются важным шагом на пути к признанию советских границ 1941 года. Ввиду указанных соображений Иден обращается к тов. Сталину с просьбой все-таки подписать договора, о которых велись переговоры.

Тов. Сталин возразил, что, по его мнению, независимо от того, будут или не будут подписаны договоры, англо-советские отношения должны улучшаться, ибо война заставляет обе стороны все более и более сближаться. Война заставляет также различные страны отбрасывать в сторону различные предрассудки и предвзятые взгляды. В свете этих соображений не следует придавать слишком трагический характер факту неподписания договоров. Если эти договоры будут подписаны в Лондоне, на две или три недели позже, от этого ничего не изменится. Пока же наши отношения будут базироваться на июльском договоре о взаимопомощи. Продолжая, тов. Сталин говорит, что он, пожалуй, был бы готов подписать оба договора, быть может с небольшими редакционными изменениями, если бы у нас не было дискуссий по вопросу о границах. Эти дискуссии вскрыли ситуацию, которой он никак не ожидал. Он вспоминает, как в прошлом Англия имела союз с царской Россией, в состав которой входили Финляндия, Бессарабия и более половины Польши. Ни один государственный деятель Англии в то время не думал протестовать против союза на том основании, что названные территории входят в состав Российской империи. Ныне, однако, вопрос о финской границе и балтийских республиках является, видимо, камнем преткновения. Тов. Сталин указывает, что он предлагал приложить к договорам протоколы, но английская сторона возражала против этого, и он отказался от протоколов. Он отказался также от требования создания второго фронта. Неясно также, в каком положении находится вопрос о северной операции в районе Петсамо. Ввиду всех этих сделанных им уступок, тов. Сталин считает себя вправе требовать известной компенсации в виде признания нашей западной границы 1941 года.

Иден реагировал на слова тов. Сталина заявлением, что он очень рад перспективам улучшения англо-советских отношений, о которых говорил тов. Сталин. Он в особенности рад этому потому, что тов. Сталин в своем недавнем послании премьер-министру говорил об отсутствии хороших отношений и о необходимости для улучшения

[следующие страницы т. Майским не редактировались]

их заключения договоров о военной взаимопомощи и послевоенной организации мира и безопасности. Именно для того, чтобы улучшить отношения с помощью заключения названных договоров, Иден и приехал из Лондона в Москву. Если, однако, тов. Сталин полагает, что такое улучшение неизбежно должно идти автоматически, без договоров, то у Идена возникает вопрос, зачем ему нужно было предпринимать столь длинное и сложное путешествие.

Далее Иден вновь касается вопроса о границах и еще раз повторяет свою хорошо известную аргументацию о причинах, по которым для него не представляется возможным сейчас подписать договор, официально признающий западную советскую границу 1941 года. В связи с упоминанием тов. Сталиным о его отказе настаивать на втором фронте Иден процитировал ряд только что полученных им сообщений о военном положении в Гонконге и на Малайском полуострове. Это положение очень серьезно, и, конечно, для британского правительства сейчас было бы в высшей степени важно, чтобы СССР оказал давление на Японию в целях отвлечения ее сил с юга. Тем не менее британское правительство не обращается к советскому правительству с подобной просьбой, вполне понимая трудность ее исполнения для СССР в настоящий момент. Советское правительство должно также понимать трудность выполнения для Англии той просьбы о создании второго фронта в Европе, с которой СССР обращался к Великобритании в прошлые месяцы. Что касается Петсамо, то тут положение совершенно ясное: британская сторона готова принять участие в этой операции, и было бы хорошо, если бы генерал Ней мог всерьез поговорить об этом с кем-то из наших военных.

Тов. Сталин ответил, что в его послании премьер-министру, о котором только что упоминал Иден, говорилось лишь о том, что англо-советские отношения неясны и что причиной этой неясности является отсутствие договоров между обеими странами о военных целях и организации мира после войны. Тов. Сталин при этом прибавил, что ясность по только что названным пунктам способствовала бы улучшению отношений. Наоборот, сохранение неясности могло бы отрицательно отразиться на отношениях и создать препятствия к взаимному доверию. В этом послании тов. Сталин не поднимал вопроса о присылке кого-либо из Англии в Москву. Все, чего тов. Сталин хотел в своем послании, это уточнения и уяснения отношений, что могло быть проделано как в Лондоне, так и в Москве. Мистер Черчилль, однако, предложил послать Идена в Москву, и тов. Сталин, конечно, мог отнестись к такому предложению лишь с полным сочувствием. В свете толь-

ко что указанного у Идена нет оснований упрекать советское правительство за то, что ему, Идену, пришлось сделать длинное путешествие впустую.

Иден откликнулся на слова тов. Сталина замечанием, что он никому не делает упреков, он просто выражает свое разочарование.

Тов. Сталин ответил, что он тоже разочарован невозможностью прийти к соглашению. Он, однако, несколько удивлен зависимостью английской политики от американского правительства. Ему казалось, что Англия располагает большей свободой движений в своих отношениях с другими странами. В этой недооценке роли Америки в британском правительстве, возможно, лежит причина трудностей прийти к соглашению. Тов. Сталин отнюдь не чувствует себя обиженным тем обстоятельством, что Англия не смогла создать второго фронта или отправить свои войска в СССР. Тов. Сталин отправил свое послание Черчиллю 8 ноября, когда положение Англии было значительно лучше, чем теперь, а положение на советском фронте значительно хуже, чем сегодня. С тех пор ситуация изменилась, и это изменение необходимо принимать во внимание. Тов. Сталин не склонен требовать чего-либо невозможного и поэтому не настаивает на присылке английских войск на советский фронт. Если британское правительство готово принять участие в операциях по Петсамо, он может это только приветствовать и готов устроить генералу Нею свидание с начальником советского генерального штаба маршалом Шапошниковым.

Тут же, по телефону, тов. Сталин договорился с маршалом по затронутому вопросу. Свидание Нея с Шапошниковым было фиксировано сегодня же в 23 часа 00 мин.

Иден заметил, что англо-советские отношения важнее договоров. Поэтому он не склонен больше настаивать на подписании договоров и по возвращении в Лондон постарается сделать все возможное для урегулирования возникших затруднений.

Тов. Сталин поблагодарил Идена за это его обещание и высказал убеждение, что дальнейшее улучшение англо-советских отношений не за горами. Тов. Сталин, со своей стороны, готов содействовать такому улучшению.

Далее *Иден* поднял вопрос о Дальнем Востоке. Ввиду серьезности создавшегося там положения он просил тов. Сталина сказать, может ли и когда Англия рассчитывать на известную помощь ей против Японии. Иден понимает, что такая помощь в настоящий момент для нас едва ли мыслима. Но как будет обстоять дело, например, весной?

Тов. Сталин ответил, что если СССР объявил бы войну Японии, то ему пришлось бы вести настоящую, серьезную войну на

суше, на море и в воздухе. Это ведь не то, что декларация войны, которую Японии могла бы объявить Бельгия или Греция. Стало быть, советское правительство должно тщательно учитывать свои возможности и силы. В настоящий момент СССР еще не готов для войны с Японией. Значительное количество наших дальневосточных войск в последнее время было переброшено на Западный фронт. Сейчас на Дальнем Востоке формируются новые силы, но потребуется еще не меньше четырех месяцев, прежде чем СССР будет надлежащим образом подготовлен в этих районах. Тов. Сталин полагает, что было бы гораздо лучше, если бы Япония напала на СССР. Это создало бы более благоприятную политическую и психологическую атмосферу в нашей стране. Война оборонного характера была бы более популярна и создала бы монолитное единство в рядах советского народа. Лучшей иллюстрацией тому является война СССР против гитлеровской агрессии. Тов. Сталин полагает, что нападение Японии на СССР возможно и даже вероятно, если немцы начнут терпеть поражения на фронте. Тогда Гитлер пустит в ход все средства нажима для того, чтобы вовлечь Японию в войну с СССР.

Иден высказал опасения, что японцы в Восточной Азии смогут применить чисто гитлеровскую тактику - бить врагов поодиночке: сначала покончить с Англией, а потом напасть на Советский Союз.

Тов. Сталин возразил, что Англия не одна воюет против Японии. Вместе с нею воюют Китай, Голландская Индия и Соединенные Штаты.

Иден реагировал на это замечание, что пока главный удар выносит Англия на Малайском полуострове, где союзники не могут ей помочь.

Тов. Сталин поинтересовался вопросом, не может ли помочь Англии Китай?

Иден сообщил, что генерал Вевел сегодня должен прибыть в Чунцин. Китайское правительство обещало Англии свою помощь, но ему не хватает оружия для наступления, и Англия пока не может ему в этом помочь.

Тов. Сталин спросил, что думает Иден о позиции Китая? Собирается ли он действительно воевать?

Иден ответил, что китайское правительство заявляет о своей готовности воевать.

Тов. Сталин, однако, возразил, что китайское правительство сейчас фактически ничего не делает. Затем он прибавил, что был бы готов возобновить разговоры с Англией на тему о дальневосточной ситуации весной. Возможно, конечно, что японцы атакуют СССР раньше, тогда позиция сама собой прояснится.

Иден поблагодарил тов. Сталина за его готовность вернуться к дальневосточному вопросу через несколько месяцев, затем прибавил, что если бы СССР оказался в войне с Японией, то он мог бы оказать Англии большую помощь своими подводными лодками[32]. У самой Англии таких лодок на Дальнем Востоке нет. Голландское правительство имеет их около 15. Кроме того, оно имеет известное количество легких крейсеров. Этого недостаточно. Впервые в своей истории Англии приходится переживать неприятное и необычное для нее положение: вести войну, не имея господства на море.

Тов. Сталин заметил, что подводные лодки можно быстро и легко делать. Если сейчас начать, то через 6 месяцев Англия и Америка могут добиться крупного превосходства над японцами в этом роде оружия.

Иден возразил, что все это так, но что ближайшие 6 месяцев необходимо как-то пережить. Пока же ситуация остается чрезвычайно опасной. Далее Иден сообщил, согласно полученной им сегодня телеграмме, британское правительство решило продолжать наступательную кампанию в Ливии, несмотря на события на Дальнем Востоке. Дальнему Востоку в ближайшие недели и месяцы придется, очевидно, обходиться собственными силами.

Тов. Сталин высказал мнение, что решение британского правительства является вполне разумным. Италия - это самое слабое звено в "оси". Если это звено лопнет, провалится вся "ось". Очень жаль, что Англия не атаковала Италию в 1939 году или даже еще раньше. Если бы она это сделала тогда, сейчас она была бы хозяином Средиземного моря.

Иден сказал: "Мы поддались шантажу".

Тов. Сталин задал вопрос: а может быть, тут сыграли значительную роль какие-то демократические иллюзии?

Иден ответил, что роль сыграли и иллюзии, и огромная переоценка могущества Италии. Тут же Иден сообщил, что вчера английские суда имели нерешительное столкновение (помешала темнота) с итальянским конвоем, везшим подкрепление из Италии в Ливию. Четыре торговых судна сопровождались линкорами, крейсерами и эсминцами. По-видимому, в Ливию перевозились немецкие войска.

Тов. Сталин заметил, что итальянцы на нашем фронте воюют очень плохо. Немцы обращаются с ними, как с неграми, и часто расстреливают их. Постепенно Италии опротивеет союз с Германией. Ливийская кампания должна быть закончена, и было бы хорошо, если бы англичане дошли до Бизерты. В этом не было бы ничего аморального или нарушающего демократические принципы. Временное занятие каких-либо стратегических пунктов или территорий

во время войны вполне допустимо и разумно. Возможно, конечно, что Вернон Бартлет был бы разочарован и стал бы возражать против подобных действий, но это не имеет никакого значения.

Иден заявил, что он вполне согласен с тов. Сталиным. Все, что помогает борьбе демократии, морально. Англичане расстреляли французский флот в Иране.

Тов. Сталин подтвердил, что это правильно. Война имеет свою логику, и во время войны можно не стесняться занимать нужные стратегические пункты.

Иден сказал, что англичане в течение последних двух дней заняли португальский остров Тимор.

Тов. Сталин реагировал на это восклицанием: "Очень хорошо! Если бы вы этого не сделали, японцы бы это сделали".

Иден сообщил, что ливийская кампания развивается успешно и что англичане уже имеют 10 тыс. пленных, в том числе 4 тысячи немцев.

Тов. Сталин заметил, что немцы нам в плен не сдаются, кроме отдельных единиц. В Клину мы предложили им капитуляцию с обещанием жизни, но наше предложение было отвергнуто. У нас не осталось иного выхода, как уничтожить немцев. То же самое произошло и в Калинине.

Иден выразил тов. Сталину благодарность за разрешение посетить Клин. Он видел там известное число немецких пленных, и на него произвели сильное впечатление их внешний вид и их одежда. Платья, которые были на пленных, совершенно не соответствовали условиям русской зимы.

Тов. Сталин с иронией заметил, что Гитлер в октябре хвастался своей подготовленностью к зимней кампании.

Иден заметил, что, по словам пленных, подобное платье носят все немецкие солдаты.

Тов. Сталин возразил, что из этого правила есть одно исключение: войска "СС", которые лучше одеты. Но теперь осталось уже немного данного рода войск.

Затем вопрос перешел к обсуждению коммюнике, проект которого был предложен как тов. Сталиным, так и Иденом. Единогласно был утвержден текст, предложенный тов. Сталиным.

Заседание закончилось в 20 час. 30 мин.

Краткая запись этой же беседы, опубликованная Иденом четверть века спустя, воспроизводит некоторые важные аспекты ее содержания. Он выделяет в этой записи свое пожелание о вступлении СССР в войну против Японии и ответ советского руководства. Иден далее пишет, что каждая из сторон придерживалась "собственной точки зрения", и сообщает, что его преследовало ощущение "нереальности" происходящего,

и дело не только в том, что после заключительной беседы за ужином пили водку и ели икру, когда "вокруг были голод и нищета", и не в том, что "на расстоянии оружейного выстрела" от Кремля находились германские войска. "Атмосфера в этих отделанных золотом комнатах, - пишет он, - была нездоровой, потому что там, где правит один человек, все остальные боятся"[33].

Наутро А. Иден направил У. Черчиллю телеграмму, в которой говорилось: "Наша работа завершилась на дружественной ноте. Заключительные дискуссии со Сталиным были наилучшими, и я уверен, что визит удался. Мы преодолели по меньшей мере некоторые из прежних подозрений. Сталин, я убежден, искренне стремится к военному соглашению, но не подпишет его до тех пор, пока мы не признаем его границ, и нам следует ожидать продолжения торгов по этому вопросу. Между тем наша позиция и Америки полностью защищены. Банкет длился сегодня до пяти утра. День рождения Сталина. Мы пили за Ваше здоровье и некоторых других тоже. Сталин говорил о Вас очень тепло"[34].

В своем прогнозе об условиях подписания англо-советского договора Иден ошибался. И не только он. А. Кадоган записал в дневнике 20 декабря: "Совершенно ясно, что русские не подпишут договора, если мы не признаем их границ 1941 года"[35].

Вечером 22 декабря Иден и сопровождающие его лица покинули Москву, и, встретив Рождество в пути, 30-го вернулись в Лондон. По согласованию сторон 29 декабря 1941 г. в Лондоне и Москве было опубликовано совместное коммюнике.

№ 20

Англо-советское коммюнике о беседах И.В. Сталина и В.М. Молотова с г. Иденом в Москве

Во второй половине декабря 1941 г. в Москве между Председателем Совета Народных Комиссаров СССР И.В. Сталиным и Народным Комиссаром Иностранных Дел В.М. Молотовым, с одной стороны, и Министром Иностранных Дел Великобритании Антони Иденом - с другой, происходил исчерпывающий обмен мнений по вопросам, касающимся ведения войны и послевоенной организации мира и безопасности в Европе. При этом присутствовали посол СССР в Великобритании И.М. Майский и британский посол в СССР Стаффорд Криппс. Кроме того, в некоторых заседаниях принимали участие постоянный товарищ министра иностранных дел Великобритании Александр Кадоган и заместитель начальника имперского генштаба Великобритании генерал-лейтенант Ней.

Беседы, происходившие в дружественной атмосфере, констатировали единство взглядов обеих сторон на вопросы, касающи-

еся ведения войны, в особенности на необходимость полного разгрома гитлеровской Германии и принятия после того мер, которые сделали бы повторение Германией агрессии в будущем совершенно невозможным. Обмен мнений по вопросам послевоенной организации мира и безопасности дал много важного и полезного материала, который в дальнейшем облегчит возможность разработки конкретных предложений в этой области.

Обе стороны уверены, что московские беседы знаменуют собой новый и важный шаг вперед в деле дальнейшего сближения СССР и Великобритании[36].

№ 21

Выступление Идена по радио в 23 часа 15 минут 4 января 1942 года (краткое содержание)

Иден заявил, что счастлив, что он снова находится на родине. Он еще более счастлив, что посетил СССР. Несколько лет тому назад он был в Москве. Тогда же он был уверен, что между СССР и Великобританией не существует противоречий. Обе страны констатировали, что они желают сотрудничать для поддержания мира. Когда после этого мир был нарушен, он снова приехал в Москву. Далее Иден дает подробное описание его путешествия в Мурманск и подробно излагает встречу в Мурманске. Из Мурманска он отправился по железной дороге в Москву, о которой немцы заявляли, что она перерезана. Но Геббельс лгал. Эта железная дорога не перерезана. В Москве, в городе, который еще недавно хотел захватить Гитлер, его, Идена, встретил тов. Молотов.

Беседы, которые Иден вел с тт. Сталиным и Молотовым, можно разделить на две части. В первой части были обсуждены вопросы войны. Иден просил не ожидать, что он сможет многое сообщить своим слушателям. Сами результаты покажут это лучше. Во второй части переговоров речь шла об условиях мира и безопасности. Окончательных решений не было принято. В ближайшем будущем необходимо проконсультироваться с доминионами и другими союзниками Англии. Важно, что положено начало.

Особенно он хотел бы отметить уверенность и решимость Советского правительства в войне против Гитлера. При этом Советское правительство отнюдь не недооценивает мощи германской военной машины. Внезапное гитлеровское нападение дало Гитлеру военное преимущество, но политически он проиграл. Это нападение объединило всю Россию в решимости уничтожить

всех немецких оккупантов. В России нет квислингов. В течение лета и осени советские войска отступали с боями. Теперь это отступление превратилось в контрнаступление. Немцы почувствовали все трудности русской зимы. Армия Гитлера не была подготовлена к зимней кампании. Я сам в этом убедился. Я посетил места боев в Клину, видел результаты упорных боев, которые происходили вдоль дороги. Иден разговаривал с группой немецких пленных. Они были плохо одеты и дрожали от холода. Иден дает подробное описание обмундирования германских солдат, с которыми он разговаривал. Он спросил пленных: типично ли их обмундирование для всей германской армии? Пленные ответили утвердительно. Иден сказал, что войска "СС" находятся в привилегированном положении: они одеты лучше.

В заключение этой части своего выступления Иден заявил, что уверенность русских имеет под собой все основания.

Иден видел также вооружение Красной Армии. Выпуск танков и самолетов в СССР увеличивается. Он также рад заявить о том, что поставки английских танков и самолетов в СССР также возрастают. Особенно популярны английские "Харрикейны". Он заявил, что английское и американское вооружение, поставляемое в СССР, хорошо используется.

В заключение Иден сказал, что поездка и переговоры в СССР убедили его в том, что возможно более тесное сотрудничество между СССР и Англией. При этом он заметил, что мы не можем пройти мимо трудностей. Но СССР, так же как и Великобритания, полон решимости добиться полного разгрома Германии. СССР убежден, что народы не смогут жить в безопасности, пока не будет уничтожен Гитлер. СССР, так же как и Великобритания, предпримет все, чтобы сделать невозможным повторение германской агрессии. Мы должны работать как во время войны, так и после войны с тем, чтобы обеспечить прочный мир[37].

Итак, договор между Великобританией и СССР подписать не удалось. Но позиции сторон прояснились. Кто сделает первый шаг к необходимому компромиссу?

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Подробнее см.: Переписка Председателя Совета Министров СССР И.В. Сталина с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М., 1986. Т. 1. С. 43-46.

[2] Гриф секретности снят: Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 1993. С. 147, 351-359.

[3] *Reinhardt K.* Die Wende vor Moskau: Das Scheitem der Strategie Hitlers in Moskau Winter 1941/42. Stuttgart, 1972. S. 172.

[4] АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 326. Д. 2238. Л. 44-53.

[5] Там же. Д. 13. Л. 4.

[6] Там же. П. 353. Д. 2409. Л.54. См. также: *Gorodetsky G.* Stafford Cripps' Mission to Moscow. 1940-1942. Cambridge, 1984.

[7] АВП РФ. Ф. 059. Оп. 7. П. 13. Д. 5. Л. 27-31. Такие шифрограммы в 1941 г. рассылались персонально следующим адресатам: Сталину (2 экз.), Молотову, Ворошилову, Кагановичу, Микояну, Берия, Жданову, Вышинскому, Деканозо¬ву, Лозовскому и Корнейчуку.

[8] The Churchill War Papers. By Martin Gilbert. L., 2000. Vol. 3. 1941. P. 903. Миссии Голикова придавалось особое значение. Сталин дважды его принимал по вопросам поездки. Советский руководитель также принял Крипписа. В свою очередь Рузвельт принял и обстоятельно беседовал с Голиковым, но Черчилль, несмотря на то что Голиков в период июля-сентября 1941 г. трижды был в Англии, от встречи с ним уклонился. Голиков объясняет это тем, что британский премьер не смог найти время для встречи (подробнее см.: *Golikov F.* On Military Mission Mission to Britain and the United States. M., 1987).

[9] Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны: Документы и материалы в двух томах. Т. 1. 1941-1943, М., 1983. С. 82-83. Подробнее см.: *Admiral N. Kharlamov.* Difficult Mission: War Memoirs. Moscow, 1983.

[10] Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945. М., 1984. Т. 1. 1941-1943. С. 482.

[11] The Churchill War Papers. Vol. 3. P. 1500.

[12] Советско-английские отношения... С.184—187.

[13] The Eden Memoirs: The Reckoning. L., 1965. P. 287-288.

[14] Ibid. P.288.

[15] Ibid. P. 289-290.

[16] The Churchill War Papers. Vol. 3. P. 1615.

[17] Ibid. P. 1622.

[18] Ibid. P. 1623.

[19] Советско-английские отношения... С. 191-192; The Eden Memoirs... P. 295.

[20] The Eden Memoris... P. 295.

[21] Ibid. P.2 96.

[22] Эта формула была следующей: "Обе Договаривающиеся Стороны обязуются совместно работать над реконструкцией Европы после войны с полным учетом интересов безопасности каждой из них, равно как интересов СССР в деле восстановления его границ, нарушенных гитлеровской агрессией, и в согласии с двумя принципами - не стремиться к территориальным приобретениям для себя в Европе и не вмешиваться во внутренние дела народов Европы" (Советско-английские отношения... С. 518). В прилагаемом к беседе 17 декабря советском проекте соглашения это статья 3. Видимо, А. Поскребышеву ошибочно был направлен один из рабочих вариантов договора.

[23] The Foreign Office and the Kremlin: British Documents on Anglo-Soviet Relations. 1941-1945 / Ed. with the Introduction by Graham Ross. L., 1984. P. 85-87.

[24] Советско-английские отношения... С. 197-198.

[25] The Eden Memoirs... P. 297.

[26] *Трухановский В.Г.* Антони Иден: Страницы английской дипломатии. 30-50-е годы. М., 1976. С. 234.

[27] The Eden Memoirs... P. 297-298.

[28] Ibid. P. 299.

[29] Ibid. P. 299-300.

[30] *Черчиль У.* Вторая мировая война / Пер. с англ. М., 1955. Т. III. С. 610-611.

[31] Winston S. Churchill by Martin Gilbert. Vol. VII: Road to Victory. 1941-1945. L., 1986. P. 15.

[32] Постановка вопроса о вступлении СССР в войну с Японией свидетельствует о том, что историю решения, принятого на Тегеранской конференции, следует по меньшей мере начинать с декабря 1941 г. Оно явилось не только следствием советских обязательств перед союзниками по антигитлеровской коалиции. Прежде всего, это решение было вызвано враждебной агрессивной политикой, которую проводили правящие круги Японии по отношению к императорской России, а затем и СССР с начала века (подробнее см.: *Кошкин А.* Крах стратегии "спелой хурмы". М., 1989). Заявление Сталина о готовности через несколько месяцев вернуться к обсуждению вопроса о вступлении СССР в войну с Японией может указывать на завышенные расчеты советского руководства, связанные с успехом развернувшегося контрнаступления Красной Армии в битве под Москвой.

[33] The Eden Memoirs... P. 302, 303.

[34] Ibid. P. 303.

[35] The Diaries of Sir Alexander Cadogan. O.M. 1938-1945 / Ed. by D. Dilks. L., 1971. P. 422.

[36] См.: Times. 1941. 29 Dec. P. 4.

[37] Весьма болезненной была реакция Берлина на визит Идена в Москву. Немецкие газеты писали: «Иден вернулся из своей поездки в Москву. Он привез с собой 12 большевистских чиновников и его встретила толпа с пением Интернационала. Как лондонская "Таймс", так и московская газета "Известия" подтверждают, что отныне между Великобританией и большевизмом нет никаких оговорок и что в переговорах с Иденом Европа выдана большевикам для переустройства. Таким образом Великобритания окончательно высказалась за большевизм. В то время как подлинный социалистический новый порядок, претворяемый в жизнь национал-социализмом и фашизмом, Англия хочет искоренить и с этой целью развязала войну, она готова на будущее время предоставить московскому большевизму свободу рук. Возможно, что это делается в тайной надежде, что на Великобританию большевизм не распространится. Но факт, что коммунистическая партия Англии за последние месяцы утроила свой численный состав, говорит о чем-то другом. Во всяком случае, Европа теперь знает, что Иден отдает в награду большевикам европейский континент. Тем самым для всех народов Европы стало ясно, что борьбу надо вести как против Советского Союза, так и против Англии» (Deutshe Algemeine Zeitung. 1941. Dec. 31).

Глава вторая

ЛОНДОН. 22-27 МАЯ 1942 ГОДА. ДИРЕКТИВА СТАЛИНА И ПОДПИСАНИЕ ДОГОВОРА

Вопросы заключения англо-советского договора и открытия второго фронта приобрели ключевое значение. В конце апреля Сталин и Черчилль обменялись следующими телеграммами:

№ 2 2

И.В. Сталин - У. Черчиллю

лично и секретно

1. Благодарю Вас за выраженную Вами готовность обратиться в начале мая к Германии и Финляндии с предупреждением относительно применения Англией ядовитых газов в случае, если Германия и Финляндия прибегнут к этому оружию в войне против СССР...

2. На днях Советское Правительство получило от г. Идена проекты двух договоров между СССР и Англией, существенно отличающиеся в некоторых пунктах от текста договоров, фигурировавших во время пребывания г. Идена в Москве. Ввиду того, что это обстоятельство ведет к новым разногласиям, которые трудно исчерпать в порядке переписки, Советское Правительство решило, несмотря на все трудности, направить в Лондон В.М. Молотова для исчерпания путем личных переговоров всех вопросов, тормозящих подписание договоров. Это тем более необходимо, что вопрос о создании второго фронта в Европе, поставленный в последнем послании Президента США г. Рузвельта на мое имя с приглашением В.М. Молотова в Вашингтон для обсуждения этого вопроса, требует предварительного обмена мнений между представителями наших правительств.

Примите мой привет и пожелание успеха в борьбе с врагами Великобритании.

И. СТАЛИН

22 апреля 1942 г.

№ 2 3

У. Черчилль - И.В. Сталину

Получено 25 апреля 1942 г.

Весьма Вам благодарен за Ваше послание от 23 апреля. Мы, конечно, будем приветствовать визит г-на Молотова, с которым, я уверен, мы сможем проделать много полезной работы. Я очень рад, что Вы находите возможным разрешить этот визит, который, я уверен, будет весьма ценным.

Вечером 19 мая 1942 г. с подмосковного аэродрома Раменское стартовал самолет-бомбардировщик ТБ-7 (Пе-8), пилотируемый майором Э. Пусепом[1]. Экипажу и пассажирам предстояло пересечь линию фронта, совершить посадку в Великобритании, затем в Исландии, Канаде, наконец, в США и вернуться обратно. Непростой и по сегодняшним меркам маршрут (около 20 тыс. км) был в те годы беспрецедентным и рискованным, а задание ответственным. На борту самолета находился заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров и нарком иностранных дел В.М. Молотов, направлявшийся в Лондон и Вашингтон для переговоров с Премьер-Министром Великобритании У. Черчиллем и Президентом США Ф. Рузвельтом по важнейшим вопросам совместной борьбы трех ведущих держав антигитлеровской коалиции против нашествия агрессоров. Предложения западных союзников использовать для трансатлантического перелета их самолет Сталин отклонил.

Южнее Старой Руссы советский самолет незамеченным миновал линию фронта, взял курс на Швецию, затем к берегам Шотландии и утром 20 мая, ведомый британскими радионавигационными службами, приземлился на аэродроме Тилинг, том самом, где Э. Пусеп в роли второго пилота недавно побывал вместе с трагически погибшим командиром корабля капитаном С. Асямовым[2].

Из Тилинга нарком и сопровождающие его лица поездом выехали в Лондон. В тот же день Молотов отправил в Москву первое сообщение.

№ 2 4

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 7.40 21 мая 1942 года

1. Самолет благополучно приземлился в Тилинге в 8 часов по московскому времени. Перелет занял 10 часов 15 минут. Приходилось обходить грозовые облака.

2. Поездом прибыли на станцию Брунсман Парк, под Лондоном, где были встречены Иденом.

3. Принял предложение английского правительства и остановился в Чекерсе (под Лондоном), в загородной резиденции премьера, где останавливался Гопкинс и другие.

4. При встрече с Иденом условились начать с утра 21 мая переговоры в кабинете Черчилля, из разговоров заключаю, что с самого начала Черчилль вступит в переговоры.

5. Не обошлось без почетных караулов в Тилинге и Чекерсе. Были и киносъемки. Но обещали не допускать публикации раньше времени.

6. Сегодня же свяжусь с Литвиновым[3] о подготовке перелета в США предположительно через 3-4 дня.

7. Придется за это время проверить состояние моторов на нашем самолете, так как за полтора часа до посадки один мотор дал течь; и эта течь продолжалась и при посадке.

20.05.1942
МОЛОТОВ

Положение на фронтах второй мировой войны для СССР, Великобритании и США оставалось крайне сложным. Агрессоры достигли максимальных успехов в войне.

В Советском Союзе противник захватил огромную территорию, где проживало более 70 млн человек. Контрнаступление под Москвой (5 декабря 1941 г. - 7 января 1942 г.) потрясло вермахт и, казалось, поставило его на грань поражения. В ходе дальнейшего зимнего наступления (январь-апрель 1942 г.) перед Красной Армией была поставлена задача окружить и полностью разгромить группу армий "Центр" (командующий генерал-фельдмаршал Г. Клюге). Ее выполнению должно было способствовать наступление на севере под Тихвином и на юге в направлении Ростова-на-Дону. Однако принятое решение не обеспечивалось необходимыми силами, особенно подвижными соединениями, что привело лишь к частичному успеху. Тем не менее войска Западного (командующий генерал армии Г. Жуков), Калининского (командующий генерал-полковник И. Конев) и Брянского (командующий генерал-полковник Я. Черевиченко) фронтов в конечном счете отбросили противника от Москвы на расстояние до 400 км. К концу марта 1942 г. в 16 немецких танковых дивизиях, действовавших на Восточном фронте, оставалось 140 боеспособных машин. Для усиления своих группировок германскому командованию пришлось перебросить на восток до 30 новых дивизий.

Но уже в мае обстановка на советско-германском фронте стала изменяться в пользу немецких войск. Предвестником грозного поворота событий, в результате которых стратегическая инициатива вновь оказалась на стороне противника, явилось поражение Красной Армии под Керчью и Харьковом. Новому успеху вермахта способствовали достигнутая внезапность наступления и умелое им руководство, просчеты Советского Верховного Командования и недооценка сил противника со

стороны командующего Крымским фронтом Д. Козлова, а также С. Тимошенко и Н. Хрущева, упорно настаивавших на проведении наступления в районе Харькова (первый в то время был главнокомандующим юго-западного направления и командующим Юго-Западным фронтом, второй - членом Военного Совета), отсутствие второго фронта в Европе и ряд других факторов.

Потеря Керчи и Керченского полуострова, окружение советских войск под Харьковом создали условия для начала общего стратегического наступления на всем южном крыле фронта, прорыва немецких войск на Кавказ и к Сталинграду.

В первые месяцы 1942 г. заметно ухудшилось положение на заморских территориях Великобритании. Наступление 8-й британской армии в Африке, начатое в конце 1941 г., вынудило немецко-итальянские войска под командованием Э. Роммеля отступить от границ с Египтом, но разгромить их не удалось, и уже в январе 1942 г. они перешли в контрнаступление, едва не достигнув Александрии. В Восточной Азии, на Тихом океане Великобритания фактически лишилась всех своих имперских владений. Особенно болезненной была капитуляция войск в Британской Малайе и падение 15 февраля 1942 г. Сингапура, главной военно-морской базы Великобритании в этом регионе. Потери британских войск при этом составляли 140 тыс. человек, японских - 10 тыс. Нарастала непосредственная угроза Цейлону и Индии, лишенным вследствие поражения британского флота защиты с моря. В борьбе за морские коммуникации в Атлантике, жизненно важные для обороны Великобритании, верх брали "волчьи стаи" немецкого подводного флота. За декабрь 1941 г. и четыре месяца 1942 г. они потопили 340 судов западных союзников, а их производство не восполняло потерь.

Соединенные Штаты Америки в результате внезапного нападения Японии на главную военно-морскую базу американского флота на Тихом океане в Пёрл-Харборе и последующего японского наступления утратили совместно с Великобританией и Голландией стратегические позиции в центральной части Тихого океана и в Восточной Азии. Япония в период декабря 1941 - мая 1942 г. оккупировала огромную территорию с богатейшими запасами стратегического сырья - свыше 6 млн кв. км с населением более 150 млн человек, включая Гонконг, Малайю, Голландскую Индию (Индонезию), Бирму, Таиланд, Филиппины, Соломоновы острова и другие территории.

Оборона Филиппинских островов (командующий генерал Д. Макартур) длилась более четырех месяцев. 7 мая 1942 г. японские войска захватили последний очаг сопротивления армии США на этих островах - крепость Коррехидор, взяв в плен 12 тыс. солдат и офицеров. Захватчики расширили оккупацию Китая, вышли на подступы к Индии, Австралии и Аляске. Германские подводные лодки все активнее действовали в водах американского побережья. В апреле 1942 г. у берегов США находилось 28 германских подводных лодок, в мае - 35, в июне - 40. За первые шесть с половиной месяцев 1942 г. немецкие подводники потопили у берегов США 360 судов общим тоннажем 2,25 млн бр. тонн, потеряв при этом 8 подводных лодок. Однако расчеты на то, что после

достижения таких успехов удастся сломить волю США к сопротивлению, не оправдались. Япония, как и ранее Германия, стремившаяся за несколько месяцев вывести из войны Великобританию, оказалась перед необходимостью вести длительную войну с коалицией государств, во много раз превосходящей ее по экономическому и военному потенциалу.

В период, предшествовавший прилету В. Молотова в Великобританию, между Москвой и Лондоном велись интенсивные переговоры через И.М. Майского и путем прямого обмена письмами между И. Сталиным и У. Черчиллем. В центре внимания находились вопросы практического взаимодействия в войне, поставок в СССР вооружения и боевой техники, заключения союзного договора между СССР и Великобританией, который не удалось подписать во время приезда А. Идена в Москву в декабре 1941 г. Советское руководство придерживалось при этом в основном тех же позиций, что и при переговорах с Иденом в Москве[4].

На следующий день после прилета В. Молотова в Великобританию состоялась его первая встреча с У. Черчиллем.

№ 25

Запись беседы Молотова с Черчиллем 21 мая 1942 года

Присутствовали: Эттли[5], Иден, Кадоган, Сарджент[6], Файэрбрэс[7], Майский, Павлов

Черчилль приветствует тов. Молотова и его советников и выражает свое удовлетворение по поводу его приезда в Лондон. Черчилль спрашивает тов. Молотова, как прошел перелет?

Молотов благодарит и отвечает, что перелет прошел благополучно.

Черчилль выражает Молотову сожаление по поводу катастрофы с английским самолетом, в которой погибли сотрудники военного атташе советского посольства в Лондоне.

Молотов отвечает, что это очень печальный факт, но происшествия в авиации всегда возможны.

Молотов говорит, что он хотел бы сказать несколько слов в связи со своим приездом в Лондон. Он говорит, что уполномочен правительством вести переговоры с английским правительством и высказать мнение советского правительства по двум основным вопросам, для обсуждения которых он приехал в Англию. Затем по второму из этих вопросов он, Молотов, направляется в Соединенные Штаты Америки.

Первый вопрос касается двух договоров, протокола, а также письма по польскому вопросу, проекты которых обсуждались во время переговоров в декабре в Москве между Иденом, тов. Сталиным и им.

Второй вопрос - это вопрос об открытии второго фронта на Западе.

Вот два основных вопроса, по которым он, Молотов, уполномочен доложить мнение Советского правительства в Лондоне. Упомянутые вопросы не исключают, что могут быть обсуждены и другие вопросы, которые сочтут нужным поставить английское и советское правительства, поскольку это будет необходимо в интересах дела.

Молотов говорит, что сначала он хочет изложить мнение советского правительства по первому вопросу, а именно о договорах, касающихся сотрудничества Англии и СССР как в военное, так и в послевоенное время. Эти вопросы мы не сумели закончить в декабре месяце прошлого года. Не переходя к существу договоров, он, Молотов, выражает надежду и желание советского правительства закончить эту работу в ближайшие дни. Молотов говорит, что он готов приступить к обсуждению деталей и существа этих договоров как только Черчилль и Иден будут к этому готовы.

Молотов указывает, что он готов признать важность первого вопроса и готов уделить ему все необходимое внимание, но он должен заявить, что советское правительство считает особо важным вопрос о втором фронте на Западе. Инициатива постановки вопроса о втором фронте в данном случае исходит не от советского правительства. Этот вопрос поставил на рассмотрение в самом срочном порядке Президент США Рузвельт. В своем послании на имя тов. Сталина Рузвельт заявил, что ввиду невозможности осуществить в ближайшее время его встречу с тов. Сталиным он считает желательным мой приезд в Америку. Так как советское правительство не сомневается, что вопрос о втором фронте касается СССР и Великобритании, то советское правительство, дав согласие на его, Молотова, поездку в США, вместе с тем признало необходимым, чтобы он, Молотов, мог обсудить этот вопрос с Черчиллем и Иденом в Лондоне перед отъездом в США. Молотов напоминает о том, что сегодня исполняется 11 месяцев, т.е. почти год, с начала исключительно напряженной советско-германской войны, что подчеркивает важность вопроса, поставленного Рузвельтом. Мы признаем важность этого вопроса не только с точки зрения СССР, но и с точки зрения Англии и Америки. Он, Молотов, понимает, что вопрос о втором фронте - это вопрос военный. В связи с этим вместе с ним приехал генерал-майор Исаев[8], который достаточно посвящен в детали этого вопроса. Но он хотел бы подчеркнуть, что вопрос о втором фронте - это в первую очередь политический вопрос, и ему, Молотову, кажется, что рассмотрение этого вопроса, как

здесь, в Англии, так и в США, должно получить именно такой характер.

Молотов просит извинения за длинное вступление о целях своего приезда. Он считает, что можно перейти к существу упомянутых вопросов или к тем вопросам, которые будут поставлены английским правительством. Какие вопросы обсуждать сначала - он предоставляет решить премьер-министру.

Черчилль заявляет, что английское правительство весьма удовлетворено тем, что Молотов желает обсудить вопрос о втором фронте как в Англии, так и в США. Но он хотел бы предварительно договориться с Молотовым относительно публичности его пребывания в Англии. Черчилль спрашивает Молотова, не считал ли бы он более целесообразным опубликовать [сообщение] об его пребывании в Англии? Ему, Черчиллю, представляется весьма невероятным, что пребывание Молотова в Англии не станет известным. Английское правительство может не допустить опубликования сообщений о приезде Молотова в английской печати, но в Лондоне много нейтральных посольств, и они могут сообщить своим правительствам об его приезде в Лондон. Кроме того, факт его приезда может стать известным в США, где нет газетной цензуры.

Молотов в своем ответе Черчиллю заявляет, что он должен сказать, что советское правительство обратилось с просьбой к правительствам США и Англии не публиковать никаких сообщений о его визите до возвращения в Москву. В этом вопросе мы придерживаемся того же самого метода, который был применен во время пребывания Идена в Москве. Он, Молотов, повторяет просьбу советского правительства к английскому правительству воздержаться от публикации об его приезде в Лондон до возвращения в Москву. Молотов указывает, что, конечно, возможно проникновение тех или иных сведений о его приезде, в том числе и в Германию, но совсем другое дело, когда эти сведения получат подтверждение со стороны английского и советского правительств. Молотов просит, чтобы английское правительство сделало все, что оно может, чтобы не допустить публикаций об его приезде.

Черчилль отвечает, что английское правительство, конечно, сделает все, что возможно, для выполнения просьбы советского правительства.

Молотов предлагает перейти к обсуждению интересующих обе стороны вопросов.

Черчилль заявляет, что он предложил бы начать с общего обсуждения проектов договоров и затем продолжить обсуждение договоров сегодня вечером во время встречи Молотова с Иденом.

Относительно обсуждения вопроса о втором фронте Черчилль предлагает ограничиться на данном совещании общими замечаниями по этому поводу и затем встретиться завтра утром для более подробного рассмотрения вопроса на заседании, на котором он будет присутствовать и на котором будут присутствовать начальники британских штабов. Он будет рад, если Молотов пригласит на это совещание советских генералов.

Молотов не возражает против предложения Черчилля, но снова подчеркивает, что вопрос о втором фронте - это прежде всего вопрос политический, а не военный.

Черчилль предлагает приступить к общему обсуждению проектов договоров.

Молотов заявляет, что советское правительство знакомо с проектом британского правительства, а британское правительство знакомо с проектом советского правительства. Проект договора, представленный Иденом через нашего посла в Лондоне, сильно отличается от проекта договора, который обсуждался в декабре месяце прошлого года в Москве*. Последний английский проект содержит даже совершенно новые статьи. Поскольку наши проекты как договоров, так и дополнительного протокола известны английскому правительству, он, Молотов, просил бы разъяснить в краткой форме, почему английское правительство не может принять советских предложений?

Черчилль в своем ответе заявляет, что советские проекты договоров наталкиваются на большие политические трудности в Англии, так как они противоречат принципам Атлантической декларации. С другой стороны, он, Черчилль, знает, что и Рузвельт неодобрительно относится к обсуждаемым проектам договоров. Поэтому он полагает, что заключение этих договоров вызвало бы сильное беспокойство общественного мнения как в Англии, так и в Америке, которое нанесло бы ущерб нашим общим усилиям. Черчилль подчеркивает, что английское правительство имеет сильное желание сотрудничать с СССР не только во время войны, но и в послевоенный период в интересах безопасности СССР и Англии, в целях уничтожения нацизма и неповторения войны. Желание английского правительства демонстрировать этот факт настолько велико, что оно готово подписать с Советским Союзом договор на основе последних английских предложений. Английское правительство обязано дать отчет парламенту о своих действиях и обеспечить себе поддержку большинства парламента и английского общественного мнения. Если это усло-

---

* *Обсуждавшиеся в ходе этой и последующей бесед с А. Иденом варианты проектов (см. док. №5, 6, 7) в архиве И.В. Сталина отсутствуют. - О.Р.*

вие не будет выполнено, то заключение договоров не будет полезным и может нанести ущерб англо-советским отношениям. В заключение Черчилль предлагает детально обсудить вопрос о заключении советско-английских договоров с Иденом.

Молотов заявляет, что он для того и приехал в Лондон, чтобы обсудить все вопросы, касающиеся наших договоров, и готов это сделать в соответствии с предложением Черчилля. Советское правительство считает своим долгом обсудить как договор о военном союзе, так и договор о послевоенном сотрудничестве, прежде всего, с британским правительством, с которым оно начало обсуждение этих вопросов, с которым оно выразило желание найти общий язык и договориться. Молотов говорит, что он не сомневается в том, что обе стороны будут считаться с мнением американского правительства, но он должен сказать, что надо говорить о договорах, приемлемых не только для английского общественного мнения, но также и приемлемых для советского правительства и советского общественного мнения. Если мы не сможем подписать договоров, приемлемых как для советского, так и для английского общественного мнения, то придется отложить решение этого вопроса. Можно прожить еще некоторое время и без договоров, но лучше, конечно, если они будут заключены.

Молотов говорит, что он должен сказать откровенное мнение советского правительства по поводу договоров. Теперь, на исходе советско-германской войны, вопрос о договорах стоит серьезнее, чем в прошлом году с точки зрения настроений и общественного мнения в СССР. Нашей стране пришлось пережить немало трудностей и принести немало жертв. Он, Молотов, должен сказать, что у нас в СССР никто не согласится с договорами, в которых не будет минимальных условий, оправдывающих жертвы, принесенные Советским Союзом в советско-германской войне, и в которых не будет известных минимальных условий, обеспечивающих безопасность СССР на будущее время. В наших проектах договоров мы остановились на указанном минимуме условий, понятных советскому общественному мнению, дальше которых нам трудно идти.

Молотов далее заявляет, что советские проекты не противоречат Атлантической декларации. Но когда нам говорят, что надо считаться с мнением когда-то существовавших правительств Литвы, Латвии, Эстонии, которые уже давно потеряли почву под ногами, то он, Молотов, должен сказать, что это требование не имеет под собой никаких оснований. Что касается Польши, то он должен сказать, что по наиболее сложному вопросу - о советско-польской границе, несмотря на трудности, которые имели и имеют

место в советско-польских отношениях, советское правительство надеется и готово полюбовно договориться с польским правительством. Но мы готовы это сделать при учете наших минимальных интересов. Молотов заявляет, что он надеется, что эта точка зрения советского правительства будет полностью понята британским правительством.

Молотов говорит, что он хотел бы добавить несколько слов по вопросу о минимальных условиях, которые должны войти в советско-английский договор. Для нас минимальным условием является восстановление границ СССР, нарушенных Гитлером в войне против СССР. Мы не можем уступить в этом вопросе. Никто в СССР, после понесенных жертв, не одобрит советское правительство, если оно отступит от требования восстановления того, что было нарушено Гитлером. С другой стороны, именно ввиду того, что нам навязана эта тяжелая война, восстановления нарушенных границ недостаточно. Мы хотим, чтобы безопасность СССР на северо-западе и на юго-западе от его границ была бы минимально гарантирована на будущее время. Договора, не содержащие этих минимальных условий, будут встречены в СССР отрицательно и не получат одобрения. Если мы сможем договориться с британским правительством в этих рамках, то будет хорошо. Если это невозможно, то лучше отложить подписание договоров.

Что касается самого деликатного вопроса - о советско-польской границе, то советское правительство заявляет, что оно все сделает, чтобы договориться с польским правительством полюбовно и на основе взаимности. Все остальное решить нетрудно.

Черчилль в своем ответе указывает, что имеются два проекта договоров. Различие этих проектов можно обсудить вечером с Иденом. Сейчас он хотел бы, чтобы Молотов был уверен в целях британского правительства. Британское правительство уверено, что возможно выиграть войну и что после войны британское, советское и американское правительства будут нести полную ответственность за устройство мира. Британское правительство желает работать совместно с СССР в интересах обеих стран. Но невозможно подписать документы, которые подчеркивают разногласия между СССР и Великобританией. Цель английской политики - это дружба с СССР. Если мы осуществим эту цель, то все остальное приложится.

Переходя к вопросу о втором фронте, Черчилль говорит, что он хотел бы сделать следующее замечание. Как Великобритания, так и США готовы вторгнуться на европейский континент самыми большими силами. Английское правительство рассматривает в настоящее время вопрос о создании в Европе второго фронта и

о поднятии (raise) народов, находящихся под нацистской тиранией, и освобождении этих народов. Английское правительство все сделает, чтобы осуществить эту задачу. В связи с этим, вопросы, которые надо обсудить, - это вопросы технического и тактического порядка: проблема транспорта, тоннажа, десантных средств, воздушной обороны противника и т.д. В настоящее время все эти вопросы изучаются английскими военными специалистами. Он, Черчилль, хотел бы сообщить о том, что во время встречи с Рузвельтом в августе прошлого года он обсуждал эти вопросы с Рузвельтом и еще тогда просил его принять меры к созданию необходимых количеств десантных средств. Он еще раз просил Рузвельта об этом во время своей последней встречи с ним в январе этого года. Рузвельт обещал принять соответствующие меры с целью создания необходимого количества десантных средств. Англия также работает над разрешением этой проблемы и готовится к вторжению с максимальной энергией. Мы, говорит Черчилль, готовы серьезно рисковать, если имеется обоснованная надежда на успех наших операций.

Черчилль заявляет, что завтра на совещании Молотов ознакомится с физическими возможностями английского правительства. Второй фронт в Западной Европе будет создан, как только появятся соответствующие условия для вторжения. Но в настоящее время английское правительство связано в своих возможностях.

Молотов в своем ответе Черчиллю заявляет, что он разделяет его мнение, что дружба наших стран вытекает из исторических условий и соответствует глубоким интересам обеих стран. Поскольку наши страны нашли общий язык и поскольку теперь будут уточнены интересующие их вопросы, то он, Молотов, полагает, что дружба даст свои результаты и в послевоенное время. Что касается второго фронта, то Молотов заявляет, что он понимает соображения, изложенные Черчиллем, но он надеется, что вопрос о втором фронте может быть решен положительно в смысле ближайшего срока.

Черчилль заявляет, что он понимает срочность вопроса о создании второго фронта. Каждому ясно, что трудности вторжения могут увеличиваться. Но он хотел бы, чтобы Молотов ознакомился с возможностями реализации в настоящее время этого желания обоих правительств.

Черчилль спрашивает, согласен ли Молотов на встречу советских генералов с британскими генералами для обсуждения вопроса о возможностях организации второго фронта в настоящее время?

Молотов говорит, что он не возражает против этой встречи, но прежде всего он хотел бы выяснить политическую сторону во-

проса о втором фронте. Он говорит, что, при всей важности военной стороны этого вопроса, он все же носит сугубо политический характер и он должен решаться не только с военной, но, прежде всего, с политической точки зрения.

№ 26

Запись беседы с Иденом
21 мая 1942 года

1. В начале беседы Молотов и Иден констатировали отсутствие разногласий по договору о военном союзе. Поэтому было решено приступить к обсуждению советского и английского проектов договора о послевоенном устройстве.

2. **В статье 1-й** советского проекта этого договора ("Договор между Великобританией и СССР о разрешении послевоенных вопросов и о их совместных действиях для обеспечения безопасности в Европе после окончания войны с Германией и ее союзниками в Европе") Иден предложил дополнить фразу "Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются при разрешении послевоенных вопросов, связанных с организацией мира и безопасности в Европе, действовать по взаимному согласию" словами "и с учетом других заинтересованных государств". Иден заявил, что эти слова надо вставить для американцев. Он считает это необходимым сделать в интересах наших взаимоотношений с Америкой.

Молотов ответил, что если это полезно и целесообразно с точки зрения наших взаимоотношений с Америкой, то я согласен с этой поправкой.

3. **Статья 2-я** Иденом принимается в нашей редакции. Он просил только вместо союза "и" во фразе "...со стороны Германии и государств, связанных с ней в осуществлении актов агрессии в Европе", поставить "или", на что Молотов дал согласие.

4. При обсуждении **статьи 3-й** английского проекта **Молотов** заявил, что меня удивляет редакция этой статьи в английском проекте. У меня и у тов. Сталина сложилось впечатление, что Иден во время пребывания в Москве не возражал против предложения тов. Сталина о письме Совпра [Советского правительства] Идену о том, что вопрос о советско-польской границе будет разрешен по взаимному согласию между СССР и Польшей, как между союзными и дружественными государствами. Мы считали, что по этому поводу у нас нет разногласий с бритпра [британским правительством]. Последняя же английская редакция этой статьи

ставит этот вопрос иначе, чем было условлено между СССР и Польшей при заключении советско-польского соглашения от 30 июля 1941 г.[9], когда вопрос о границах СССР с Польшей был оставлен открытым. Мы считаем, что заключение нашего договора на этой основе не связывает Англию никакими обязательствами, так как вопрос о советско-польской границе остается открытым. Исходя из этого, тов. Сталин в декабре сделал предложение о письме, и это предложение, как нам казалось в Москве, не встречало возражений.

Иден ответил, что англопра [английское правительство] связано обязательствами по отношению к полякам по англо-польскому договору[10], что нашло свое отражение в заявлении, которое было сделано англопра польскому правительству при подписании советско-польского соглашения от 30 июля 1941 г. В связи с этим он, Иден, хотел бы указать в статье третьей, что эта позиция английского правительства остается в силе. Это поможет рассеять возможные сомнения поляков относительно советско-польской границы. Если Советское Правительство предпочитает обмен письмами по этому вопросу, то он не возражает против этого.

Молотов ответил, что мы готовы подписать с поляками договор о границе на основе линии Керзона с некоторыми небольшими изменениями этой линии в пользу СССР. Мы готовы принять это старое английское предложение о советско-польской границе. Если это неприемлемо для англопра, то совпра предлагает ограничиться советским письмом на имя британпра о том, что вопрос о советско-польской границе подлежит урегулированию между польским правительством и СССР.

Иден ответил, что когда он был в Москве, он не имел полномочий решать вопрос о Прибалтике. Теперь этот вопрос согласован. Английское правительство готово принять советскую редакцию статьи 3-й относительно восстановления границ СССР. Но вопрос о советско-польской границе вызовет оппозицию со стороны поляков. Цель, которую преследует английская редакция проекта этой статьи, состоит в том, чтобы избежать этой оппозиции. Поэтому, если Советское Правительство предлагает обменяться письмами по вопросу о советско-польской границе, то он, Иден, ответит на его [Советского правительства] письмо в духе второго абзаца статьи 3-й английского проекта.

Молотов ответил, что это было бы большим затруднением. Вопрос о границах СССР невозможно ставить под сомнение. Касаясь существа вопроса о советско-польской границе, Молотов заявил, что совпра считает нужным удовлетворить поляков, как это известно Идену из переговоров в Москве в декабре прошло-

го года, за счет Восточной Пруссии. Вполне законно, что Германия должна принести жертвы за войну против СССР, Англии, Польши и других стран. Мы не считаем возможным предрешать вопрос о советско-польской границе в договоре с Англией или, чтобы Англия односторонне в пользу Польши сейчас поддерживала разрешение вопроса, подлежащего урегулированию между польским и советским правительствами. Смысл предложения Идена - это односторонняя поддержка Польпра [Польского правительства]. Рассматривая обсуждаемый Договор о послевоенном устройстве между Великобританией и СССР, как базу для дальнейшего развития отношений, мы, конечно, имеем в виду решение отдельных вопросов послевоенного времени с Великобританией и другими странами в последующее время. Мы не хотели бы, однако, чтобы английское правительство в спорном пока советско-польском вопросе оказывало одностороннюю поддержку Польше, сохраняя свою позицию 1941 г. Это было бы направлено против СССР. Поэтому мы считаем необходимым предоставить разрешение этого вопроса советскому и польскому правительствам. Возможны два предложения - решить вопрос о советско-польской границе по существу на основе линии Керзона или отложить разрешение этого вопроса. Советское Правительство предлагает компромисс, оставив пока вопрос о советско-польской границе открытым. Если компромиссы вообще полезны, то польза предлагаемого нами компромиссного решения для Англии несомненна. При этом мы идем даже на то, что оставляем пока открытым вопрос о самой большой части западной границы СССР в Договоре с Англией и письмом обещаем в будущем урегулировать с Польшей этот вопрос в дружественном порядке. Это - большая уступка со стороны СССР. Уступка же Англии в этом вопросе должна состоять в том, что английское правительство не повторяет своего заявления полякам от 30 июля 1941 г. и оставляет этот вопрос для урегулирования между польским и советским правительствами.

Иден заявляет, что это очень трудно осуществить. Мы пошли СССР навстречу в вопросе о Прибалтике, остался открытым лишь вопрос о советско-польской границе. Англопра связано обязательствами по отношению к полякам, принятыми им еще до начала войны. Он, Иден, считает предлагаемую Советским Правительством компенсацию Польше за счет Восточной Пруссии реалистичной и разумной. Он согласен с тем, что нет надобности устанавливать советско-польскую границу в настоящее время. Это можно сделать впоследствии. В данный момент он, Иден, стремится обеспечить от нападок поляков позицию английского правительства, выраженную в его письме, направлен-

ном полякам при подписании советско-польского соглашения. Если не подтвердить этой позиции в настоящее время, то поляки обвинят английское правительство в нарушении обещания.

Майский подал реплику, что Англо-Польский Договор 1939 года не гарантирует границ Польши.

Молотов указывает, что Майский прав, когда говорит, что англо-польский договор, заключенный до войны, не гарантирует границ Польши. Но даже не в этом дело. Советское Правительство предлагает решить вопрос о советско-польской границе или теперь же по существу (линия Керзона), или оставить вопрос о советско-польской границе открытым, не предрешая его ни в ту, ни в другую сторону. Советское Правительство не может пойти на дальнейшие уступки в этом вопросе. Мы делаем уступку Польше, учитывая позицию Великобритании. В заявлениях, которые были сделаны тов. Сталиным, как главой Советского Правительства и как Народным Комиссаром Обороны, сказано, что мы боремся в войне с Германией за восстановление границ СССР, нарушенных гитлеровской агрессией. Мы не можем отказаться от этой позиции, в особенности после жертв, принесенных нашей страной. В отступление от этой позиции, желая пойти навстречу Великобритании, мы готовы заявить, что берем на себя обязательство договориться с Польшей полюбовно, и предлагаем Великобритании также сделать уступку - не повторять своего заявления полякам от 30.VII.41 г. Разумный компромисс должен быть построен на уступках с обеих сторон. Если компромисс в польском вопросе окажется приемлемым, то он может послужить базой развития отношений не только между Великобританией и СССР, но и между СССР и Польшей.

Иден говорит, что английское правительство не имеет трудностей в принятии позиции, изложенной Молотовым. Эта позиция пригодна для английского правительства в отношении СССР. Но позиция Великобритании в отношении Польши определяется обязательствами английского правительства перед Польшей. Когда он, Иден, был в Москве, Советское Правительство просило о согласии Великобритании в отношении советских границ в Прибалтике. Английское правительство согласилось впоследствии на восстановление границ СССР в Прибалтике. Вопрос о советско-польской границе было решено оставить открытым до урегулирования его между СССР и Польшей. Он, Иден, хотел бы в настоящих переговорах с Советским Правительством подчеркнуть, что английское правительство не отступает от своей позиции по отношению к полякам от 30 июля 1941 г.

Молотов заявляет, что компромисса не получается. Мы делаем уступки, а британское правительство не делает уступок.

Иден говорит, что английское правительство сделало уступку в вопросе о Прибалтике.

Молотов заявляет, что балтийские государства в течение сотен лет входили в состав России. Что же касается Польши, то мы не претендуем на всю Польшу. Мы готовы пойти навстречу английскому правительству, оставив вопрос о наиболее значительной части западной советской границы открытым. Однако английское правительство остается на старой позиции, и компромисса не получается.

Иден спрашивает, какого мнения придерживается Советское Правительство в настоящее время о советско-польском договоре от 30.VII.41 г.

Молотов отвечает, что Советское Правительство придерживается того же самого положительного мнения об этом договоре, как и раньше. Но мы никаких обязательств полякам о границе не давали. Наоборот, мы полагаем, что граница СССР, нарушенная Гитлером, должна быть восстановлена. Польшу можно было бы, по мнению Совпра, удовлетворить, как это известно Идену из переговоров в Москве, за счет Германии, а не за счет СССР. Мы еще не давали самим полякам обещания о компенсации Польше за счет Германии. Но это предложение может служить базой для урегулирования советско-польского вопроса, заключающего в себе немало трудностей. Эти трудности, как мы думаем, могут быть преодолены, когда поляки узнают о существовании советского предложения о серьезной компенсации Польше за счет Германии.

Иден говорит, что когда он был в Москве, то Сталин и Молотов согласились оставить вопрос о советско-польской границе открытым. Сталин и Молотов просили тогда английское правительство о признании границ СССР в Прибалтике. Английское Правительство сделало уступку и согласилось с Советским Правительством в отношении Прибалтики. В настоящее время ему, Идену, непонятно, какую уступку должно сделать английское правительство в вопросе о советско-польской границе. Ему, Идену, представляется сейчас необходимым попытаться найти форму ответного письма Идена на письмо Молотова по этому вопросу.

Молотов говорит, что в своем письме Иден мог бы сообщить, что принимает к сведению письмо Советского Правительства. Это не будет означать, что английское правительство переходит на позицию Советского Правительства, а означает, что английское правительство делает уступку по сравнению с занятой им в июле 1941 года позицией.

Иден говорит, что в своем ответном письме он мог бы сказать, что принимает к сведению письмо Молотова и высказывает удовлетворение, что Советское Правительство готово урегу-

лировать вопрос о советско-польской границе в дружественном духе. Затем он хотел бы сослаться на то, что английское правительство в этом вопросе стоит на позиции, изложенной в письме Польскому правительству от 30.VII.41 г.

Молотов заявляет, что это означало бы одностороннюю поддержку Польши в ущерб интересам СССР. В английском ответе можно было бы не повторять прежнего английского заявления полякам.

Иден отвечает, что английское правительство не имеет намерения оказывать одностороннюю поддержку Польше. В качестве доказательства того, что Англия не гарантировала никаких границ Польши, Иден привел свое заявление в Палате Общин от 30.VII.41 г. в связи с письменным заявлением польскому правительству от того же числа. В этом заявлении определенно указывается, что Англия не взяла на себя никаких обязательств в отношении гарантирования каких-либо границ в Восточной Европе.

Иден говорит, что надо попытаться найти форму ответа английского правительства и еще раз посмотреть заявление английского правительства полякам от 30.VII.41 г.

5. Переходя к другим замечаниям по статье третьей, **Иден** заявляет, что английское правительство считало бы необходимым исключить слова: "а также интересов Великобритании в деле возвращения занятых вражескими силами британских территорий в Европе" и слова "в Европе" и "Европы", чтобы не вызывать кривотолков в вопросе о невмешательстве во внутренние дела других народов и не создать впечатления, что мы признаем этот принцип только в отношении Европы.

Молотов ответил, что он не возражает против предложения Идена исключить из договора указанные слова.

6. **Иден** говорит, нельзя ли сохранить в договоре статью о Федерациях в духе ее редакции, принятой в декабре прошлого года в Москве.

Молотов отвечает, что Иден, конечно, имеет право поставить этот вопрос, как обсуждавшийся еще в декабре. Но он, Молотов, должен объяснить причины, по которым эта статья была исключена из договора. Дело в том, что по некоторым материалам, имеющимся в распоряжении Советского Правительства, делаются попытки направить некоторые федерации против СССР. Это нас насторожило. Ввиду наличия таких попыток, а также поскольку этот вопрос подлежит детальному обсуждению и урегулированию между СССР и Великобританией, Советское Правительство решило воздержаться от заявления заранее поддерживать всякие федерации и считало возможным не касаться этого вопроса о договоре. Мы надеемся, что когда вопрос о фе-

дерациях будет решаться, то он будет разрешен в дружественном духе в отношении СССР и Англии.

Иден ответил, что Великобритания никогда не будет участвовать в соглашениях, направленных против СССР. Он говорит, что включение статьи о федерациях крайне желательно, и обещает подыскать подходящую формулировку этой статьи.

На беседе присутствовали: с советской стороны тт. Майский, Соболев[11] и Павлов. С английской стороны - Кадоган, Сарджент и Файрбрэс.

№ 27

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 3.10 22 мая 1942 года

СТАЛИНУ

1. Сегодня состоялось два заседания - утром и днем; оба, примерно, по два часа. На утреннем заседании присутствовали с английской стороны Черчилль, Иден, Эттли, Кадоган, Сарджент (помощник Кадогана) и в качестве переводчика Файербрес, с нашей стороны - я, Майский и Павлов в качестве переводчика. На дневном заседании присутствовали с английской стороны Иден, Кадоган, Сарджент и Файербрес. С нашей - я, Майский, Соболев и Павлов.

2. На утреннем заседании с Черчиллем я изложил цели моего приезда: обсуждение и, по возможности, решение вопроса о договорах и вопроса о втором фронте, упомянув о возможности рассмотрения и других вопросов. При этом я подчеркнул особую важность и срочность вопроса о втором фронте, сославшись на инициативу Рузвельта, в связи с приглашением меня в США по этому вопросу. Черчилль не возражал, но присовокупил, что британское правительство тоже, может быть, найдет какие-либо "другие вопросы" для рассмотрения. Я согласился.

3. Утром Черчилль в нескольких весьма общих заявлениях высказался главным образом по первому вопросу, что ни в чем существенном не отличалось от того, что Иден раньше говорил Майскому. Черчилль заявил о важности идти в ногу с США и о нежелании нарушать "Атлантическую хартию", ссылаясь на трудности с признанием наших проектов договоров в парламентских кругах Англии. Черчилль заявил, что целью британского правительства является обеспечение дружбы и доверия между тремя державами - СССР, Англии и США, ибо на плечи этих держав после победы ляжет руководство делами мира. Если такая дружба будет, все остальное приложится. Поэтому-де не следует создавать затруднений в заключении договоров.

4. На это я ответил, что мы считаем нужным в первую очередь договориться с Англией, что при этом, конечно, стороны учтут мнение США и нежелательность нарушения хартии, но я подчеркнул, что из этого и исходят наши предложения о договорах, которые ближе к тому, что обсуждалось с Иденом в Москве, чем английские предложения. Поэтому мы и ограничились минимальными условиями, без которых общественное мнение в СССР не поймет и не признает каких-либо договоров, особенно после всех принесенных жертв и переносимых трудностей. Минимальным для нас является восстановление того, что было нарушено Гитлером, плюс дополнительные минимальные гарантии безопасности, прежде всего на северо-западе и на юго-западе от границ СССР. Если британское правительство считает, что соглашение на данной базе сейчас невозможно, то лучше отложить вопрос о договорах до более благоприятного будущего. В конце дискуссии Черчилль предложил мне встретиться с Иденом и попробовать договориться с ним о тексте договоров.

5. По вопросу о втором фронте Черчилль в утреннем заседании сделал краткое заявление, смысл которого сводится к тому, что британское правительство и американское правительство в принципе решили создать такой фронт в Европе с максимально доступными им силами и в возможно кратчайший срок и к этому они энергично готовятся.

Однако Черчилль уклонился от каких-либо уточнений этих общих формулировок, не преминув сослаться на большие технические трудности, связанные с реализацией второго фронта. Для обсуждения данного вопроса Черчилль предложил 22 [мая] утром устроить специальное совещание с участием начальников английских штабов, а также Исаева. Я ответил, что согласен на любой метод обсуждения этого вопроса, но подчеркнул, при всей важности обсудить детали военной стороны этого дела, считаю, что это не чисто военный вопрос, а прежде всего политический вопрос и при том большой срочности.

6. В дневном заседании с Иденом началось обсуждение текстов договоров. Текст договора о военной взаимопомощи был согласован без труда. В тексте договора о послевоенном сотрудничестве были согласованы преамбула, а также статьи 1 и 2 с небольшими поправками. В статье 3 Иден предложил выбросить упоминание о возвращении Англии ее оккупированных врагом территорий в Европе (так как речь в данной связи может идти лишь о нескольких мелких островах в Ламанше), но с сохранением всей той части, которая касается наших границ. Кроме того, Иден предложил также выбросить упоминание "Европа" в той части статьи, которая говорит о неприобретении территорий и невмеша-

тельстве во внутренние дела других народов, для того чтобы не создавать почвы для кривотолков, будто бы, отказываясь от таких действий в Европе, мы допускаем возможность их на других территориях. Я принял эти предложения. По вопросу о Польше была длительная дискуссия. При этом я доказывал, что из желания пойти навстречу Англии мы предлагаем компромисс, в котором мы делаем большую уступку, не требуя сейчас согласия Англии на восстановление советско-польской границы 1941 года и обещая этот вопрос дружественно урегулировать непосредственно с Польшей, а Англии предлагаем сделать меньшую, а именно не подтверждать своего заявления от 10 июля 1941 года*. Иден настаивал, что Англия не может отказаться от подтверждения этого заявления, но согласился не вносить ничего в договор и обещал к завтрашнему дню набросать проект своего письма в ответ на то письмо, которое я должен буду послать ему одновременно с подписанием договора. На вопрос Идена я объяснил, что мы исключили из нашего проекта упоминание о европейских федерациях ввиду наличия попыток направить некоторые из этих федераций против СССР. Иден заявил, что он тоже безусловно против этого и поищет соответствующей формулировки, на что я согласился. Обсуждение дальнейших статей состоится при следующей встрече.

7. 22 мая, помимо заседания о втором фронте, предусмотрен завтрак у Черчилля, а также прием у короля, который выразил желание меня видеть.

8. Черчилль вновь пробовал поднять вопрос об оглашении моего пребывания в Лондоне, но ввиду моих возражений отказался от своего намерения.

21.V.42 г. МОЛОТОВ

Сталин внимательно следил за ходом переговоров, которые вел Молотов, лично редактировал проекты документов и направлял по важнейшим вопросам свои директивы.

№ 28

Запись беседы с Иденом 22 мая 1942 года

Присутствовали: Иден, Кадоган, Сарджент, Файэрбрэс,
тт. Молотов, Майский, Соболев, Павлов

1. **Молотов** предлагает начать обсуждение письма по польскому вопросу.

---

* *Следует читать: от 30 июля 1941 г. - О.Р.*

Иден заявляет, что его трудности заключаются в том, что английское правительство связано определенными обязательствами по отношению к полякам. Его письмо по польскому вопросу имеет своей задачей подтвердить в переговорах с советским правительством позицию британского правительства, которую оно заняло в августе 1939 г. в отношении поляков. Эта позиция определяется обязательствами английского правительства. Это не означает, конечно, что английское правительство не стало бы приветствовать урегулирование польского вопроса в переговорах непосредственно между польским и советским правительствами.

Молотов говорит, что, во всяком случае, позиция может быть улучшена.

Иден спрашивает, что надо понимать под улучшением.

Молотов отвечает, что он предлагал бы договориться по польскому вопросу по существу, приняв за основу линию Керзона. Он, Молотов, ничего не предлагает, кроме старой позиции английского правительства.

Иден замечает, что, когда он был в Москве, вопрос о советско-польской границе было решено оставить открытым.

Молотов заявляет, что этот вопрос можно оставить открытым. Но если подтвердить вновь прежнюю позицию британского правительства, то получится, что английское правительство оказывает одностороннюю поддержку полякам во вред СССР. Молотов предлагает оставить вопрос о советско-польской границе открытым.

Иден говорит, что его письмо по польскому вопросу не исключает решения польского вопроса на основе линии Керзона или другой базе. Его письмо заверяет поляков в том, что позиция английского правительства, выраженная им во время заключения советско-польского договора, остается неизменной. Он затрудняется найти другую редакцию своего письма, которая бы говорила о меньшем.

Молотов заявляет, что он хочет привести некоторые конкретные данные. Иден говорил, что британское правительство согласно с решением вопроса о советской границе в Прибалтике, но возражает в вопросе о советской границе с Польшей. Вот данные. Граница СССР с Прибалтийскими республиками составляет 400 клм., а с Польшей 800 клм., то есть в два раза больше. Спрашивается, как мы можем говорить в договоре об учете интересов СССР в деле восстановления границ, когда $^{2}/_{3}$ всей этой границы СССР остаются спорным вопросом и, более того, английское правительство еще снова заявляет, что оно не признает изменения границ 1939 года. Если англичане поддерживают позицию

Польши в отношении $^2/_3$ границы СССР на Западе, то спрашивается, что остается от статьи 3 Договора?

Иден заявляет, что советское предложение состояло в том, чтобы оставить вопрос о советско-польской границе открытым. Его, Идена, письмо не решает вопроса о границах и не гарантирует никакой границы. Английское правительство не предлагает гарантии границ и не оказывает поддержку какой-либо стране. Оно только лишь подтверждает свою позицию в отношении поляков от 30.VII.41 г. Это означает, что оно остается на базе своего договора с поляками, не гарантирующего Польше определенных границ.

Молотов говорит, что это означает игнорирование сложившихся фактов. Мы предлагали в декабре и теперь предлагаем не принимать никакого решения в отношении Польши. Мы считаем нужным решать вопрос об удовлетворении интересов Польши не за счет территорий, которые населены украинцами и белорусами, вошедших в состав СССР, а за счет общего врага СССР и Польши - Германии. Мы не хотим ссориться с Польшей. Мы предлагаем Польше больше, чем дала бы ей линия Керзона, и мы готовы идти на это. Мы считаемся с желанием Англии поднять значение Польши, но не за счет украинцев и белорусов, а за счет общего врага Великобритании, Польши и СССР - за счет Германии. Если мы можем договориться на этой основе, то это, действительно, могло бы дать базу для дружественного развития англо-советских отношений. В 1939 году тогдашняя Польша помешала сближению Англии и СССР, и теперь польский вопрос снова создает затруднения без достаточных оснований к этому.

Иден говорит, что в предлагаемом им проекте ответного письма советскому правительству нет ничего не согласующегося с его письмом полякам от 30.VII.41 г. Позиция английского правительства состоит в том, чтобы вопрос о советско-польской границе оставить открытым до решения его между советским и польским правительствами. Его, Идена, письмо от 30.VII.41 г. касается не границ, а определяет общую позицию британского правительства в отношении поляков.

Молотов заявляет, что если бы Иден написал в своем письме то, что он говорит, или то, что он заявил в парламенте 30.VII.41 г., мы могли бы тогда это обсудить. Молотов предлагает Идену заявить в своем письме, что вопрос о польской границе остается открытым.

Иден отвечает, что именно такова позиция британского правительства. Но он полагает, что вряд ли будет возможным отразить в его письме заявление в парламенте. Иден говорит, что по

существу проект его письма мало отличается от советско-польского договора.

Молотов заявляет, что наш договор с поляками оставляет вопрос о советско-польской границе открытым. Заявление же Идена в его письме является явно односторонним, односторонне-пропольским. Молотов замечает, что в прошлый раз Иден обещал подыскать формулировку для компромисса. Однако вместо новой формулировки Иден повторяет свою старую формулировку.

Иден улыбается и выражает сомнение в возможности успешно разрешить этот вопрос.

Молотов говорит, что если ничего не выходит с письмом по польскому вопросу, тогда не стоит тратить время. Видимо, с третьей статьей не выходит.

Иден говорит, что он согласен с этим.

Молотов предлагает перейти к рассмотрению других статей договора.

Иден отвечает согласием.

2. **Молотов** говорит, что если мы договоримся по другим вопросам, то в пункте о федерациях можно было бы принять за основу декабрьскую формулировку. Молотов говорит, что если взять старую декабрьскую формулировку статьи о федерациях, то пункт а) этой статьи гласил: "Обеспечение и укрепление экономической и политической независимости всех европейских стран, будут ли они федерированы или существовать, как отдельные государственные единицы". Можно было бы в этот текст внести поправку и принять его в следующем виде: "Обеспечение и укрепление экономической и политической независимости всех европейских стран **на дружественных основах в отношении СССР и Великобритании,** будут ли они федерированы или существовать, как отдельные государственные единицы".

Иден говорит, что он предложил бы принять старую, с небольшим изменением, формулировку этого пункта, а именно в следующем виде: "Обеспечение и укрепление экономической, военной и политической независимости всех европейских стран и поощрение региональных соглашений и конфедераций в подходящих случаях".

Молотов поясняет, что его поправка вызвана тем, что есть факты, которые заставили насторожиться советское правительство. Иден уже заявил вчера, что он также против того, чтобы федерации были направлены против СССР - поэтому, должно быть, предложенная им (Молотовым) поправка будет приемлема для Идена. Молотов добавляет, что он готов продумать и новую формулировку Идена п. *а ст.* 3.

3. **Иден** говорит, что редакция ст. ст. 4, 5, 6 советского проекта совпадает с соответствующими статьями английского проекта и, следовательно, статьи 4, 5, 6 можно считать согласованными. Остается, таким образом, один трудный вопрос, а именно вопрос о статье 4 английского проекта. Эта статья, как объяснил вчера Черчилль, была включена в договор по просьбе Рузвельта. Было бы очень полезным оставить эту статью в той или иной форме в договоре, учитывая, что в общем американскому правительству не нравится этот договор. Он, Иден, хотел бы разъяснить смысл этой статьи. Предположим, что мы договоримся о включении Восточной Пруссии в состав Польши. Тогда эта статья будет означать, что мы желаем принять меры для переселения германского населения из Восточной Пруссии.

Молотов говорит, что в случае с Восточной Пруссией не будет разногласий. Молотов спрашивает, нельзя ли обсудить прежде вопрос о протоколе, который составляет неразрывную часть договора об обеспечении безопасности СССР на северо-западе и на юго-западе, а также о безопасности Великобритании в районе Бельгии и Голландии. Молотов спрашивает, каково отношение Идена к этому протоколу, точное содержание которого уже известно Идену от Майского.

Иден заявляет, что до обсуждения протокола он хотел бы слышать от **Молотова,** принимает ли советское правительство включение в договор статьи 4.

Молотов говорит, что это новый вопрос для советского правительства. Принятие статьи 4 английского проекта связано с большими трудностями, которые можно уяснить на следующем примере. Согласно этой статье мы, признавая в договоре включение Эстонии в состав СССР, заявляем, что все желающие переселиться могут выехать из Эстонии. Мы тем самым будоражим население Эстонии и самим договором ведем пропаганду среди недовольных, а, следовательно, искусственно создаем внутренние трудности для СССР. Договор, с одной стороны, признает включение Эстонии в СССР, а с другой стороны, развивает нежелательную пропаганду, толкая недовольные элементы среди населения к предъявлению всякого рода претензий к советскому правительству. Поэтому советское правительство не желало бы включать статью 4 в договор.

Переходя к вопросу о протоколе, Молотов говорит, что он хотел бы объяснить причины, по которым возник вопрос о необходимости подобного протокола. Молотов говорит, что СССР считает необходимым, чтобы при заключении англо-советского

договора были предусмотрены минимальные условия для обеспечения безопасности СССР в тех районах, из которых соучастники Гитлера - Финляндия и Румыния - предприняли агрессию против СССР. Мы хотим на будущее предупредить будущие комбинации этих двух участников теперешней гитлеровской агрессии с Германией против СССР путем заключения между этими странами и СССР пактов о взаимопомощи с гарантией их независимости со стороны СССР. Мы считаем, что Великобритания могла бы пойти по тому же пути с целью обеспечения на будущее своей безопасности в районах Бельгии и Голландии, имея в виду, что именно территории этих стран Германия использовала для агрессии против Великобритании.

Иден говорит, что ему не ясно, какую форму примут эти статьи. Английское правительство не намерено заключать договоров с Бельгией и Голландией о взаимопомощи. Ему, Идену, не совсем ясно, что требуется от британского правительства при подписании подобного протокола.

Молотов говорит, что смысл подписания подобного протокола состоит в том, что мы признаем желательным заключение пактов взаимопомощи Советским Союзом и отдельно Великобританией со странами, которые были очагами военной опасности для СССР и соответственно Великобритании. В отношении Финляндии и Румынии СССР и Великобритания должны договориться о необходимости восстановления действия соглашений этих стран с СССР, т.е. мирного договора от 12.III.1940 г. с Финляндией и советско-румынского соглашения от 27-28 июня 1940 года, а также заключения договоров о взаимопомощи с гарантией для Финляндии и Румынии их независимости. Особым пунктом следовало бы предусмотреть условия по обеспечению безопасности Великобритании в районе Бельгии и Голландии, территория которых, как известно, используется теперь Германией против Англии. Конечно, заключение договоров между Англией и этими странами (поскольку территория этих стран может быть использована Германией против Англии и в будущем) является всецело делом Англии.

Иден повторяет, что ему все еще не ясно содержание предлагаемого протокола. Иден просит Молотова вручить ему сегодня к вечеру проект предлагаемого протокола с тем, чтобы он мог его рассмотреть со своими коллегами.

Молотов говорит, что он может представить проект протокола, но он хотел бы знать отношение Идена к подобному протоколу, а также желал бы слышать от Идена о том, какие вопросы требуют разъяснения.

Иден говорит, что для этого он хотел бы получить проект протокола в письменной форме.

Молотов обещает представить **Идену** проект протокола сегодня вечером.

№ 29

Письмо О. Сарджента И. Майскому

Министерство иностранных дел
22 мая 1942 года

Уважаемый Посол,

В соответствии с договоренностью во время беседы вчера вечером я посылаю Вам проект письма, которое г-н Иден мог бы направить г. Молотову по вопросу о польской границе в ответ на предложенный г. Молотовым проект письма, которое г. Молотов предложил бы адресовать г. Идену по подписании Политического Договора. Совершенно ясно, что обмен этими письмами должен произойти в день подписания Договора и что этот обмен будет иметь одинаковую с Договором силу.

В советском проекте письма содержится ссылка на "договоренность, состоявшуюся некоторое время тому назад, между Председателем Совета Народных Комиссаров И.В. Сталиным и Премьер-Министром Польской Республики генералом В. Сикорским". Нам не совсем ясно, к какой договоренности относится эта ссылка, и Вы, наверное, согласитесь с тем, что мы должны ознакомиться с этой договоренностью, прежде чем мы сможем дать ответ на советский проект письма. Поэтому, когда мы ближе ознакомимся с указанной договоренностью, для нас может оказаться необходимым соответственно изменить проект ответа, который я Вам посылаю сегодня.

Есть еще один небольшой вопрос, в который нужно внести ясность. Последняя фраза советского письма гласит:

"При этом Советское Правительство выражает уверенность, что этот вопрос будет разрешен по взаимному соглашению между дружественными и союзными отношениями двух стран".

Вы согласитесь, что в этой фразе имеется какая-то ошибка в последних семи словах, т.к. они не имеют смысла. Не могли ли Вы препроводить нам правильный текст?

В отношении постановления статьи 5-й английского проекта по вопросу о конфедерациях г-н Иден весьма озабочен тем,

чтобы эти конфедерации не были бы направлены против Советского Союза. Нам кажется, что этому можно было бы эффективно противодействовать, дополнив существующий текст статьи словами "против агрессии или проникновения со стороны Германии и Италии". Тогда полный текст этой статьи будет следующий:

"Статья 5.

а) Поощрение региональных соглашений и конфедераций среди государств Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, где такие соглашения или конфедерации являются желательными в целях обеспечения и укрепления политической, военной и экономической безопасности этих государств против агрессии со стороны Германии и Италии".

Верьте мне

искренне Ваш

В.О. САРДЖЕНТ

№ 30

Советский проект письма В.М. Молотова А. Идену по польскому вопросу

Господин министр, подписывая сего числа договор между СССР и Великобританией о разрешении послевоенных вопросов и об их совместных действиях для обеспечения безопасности в Европе после окончания войны с Германией и ее союзниками в Европе, я уполномочен правительством СССР заявить следующее:

Советское правительство считает само собой разумеющимся, что вопрос о послевоенных границах между Советским Союзом и Польской Республикой составит предмет особого соглашения между правительством Польши и СССР, как об этом было в свое время условлено между председателем Совета Народных Комиссаров СССР И.В. Сталиным и премьер-министром Польской Республики генералом Сикорским.

При этом Советское правительство выражает уверенность, что этот вопрос будет разрешен по взаимному согласию названных правительств в духе существующих между обеими странами дружественных, союзных отношений.

Примите и прочее.

Министру Иностранных Дел Великобритании г. А. Идену

№ 31

Протокол заседания у Черчилля 22 мая 1942 года

Присутствовали: тт. **Молотов,** Майский, Соболев,
генерал-майор Исаев,
контр-адмирал Харламов[12], Черчилль,
Иден, Эттли, Кадоган, адмирал Дэдли Па¬
унд[13], генерал-лейтенант Ней,
главный маршал авиации Портал[14], гене-
рал-майор Исмэй[15],
бригадир Л.С. Холлис[16]
Переводчики: Файрбрэс и Павлов

Черчилль, открывая заседание, заявляет, что Молотов вчера высказал мнение, что вопрос о втором фронте является не только военно-техническим, но и политическим вопросом. Он, Черчилль, просил бы Молотова изложить взгляды советского правительства на второй фронт.

Молотов говорит, что вопрос о втором фронте в Западной Европе - это не новый вопрос. Он поднимался еще 10 месяцев тому назад. В последнее время он был поставлен по инициативе Рузвельта, который обратился в апреле к тов. Сталину с просьбой направить его, Молотова, в Вашингтон для переговоров с ним о втором фронте. При этом Рузвельт выразил пожелание, чтобы с ним, Молотовым, был направлен генерал. Это приглашение было принято советским правительством. Хотя инициатива принадлежит в данном случае США и Рузвельту, но, как представляет советское правительство, главная задача организации второго фронта вначале может пасть на Великобританию. Поэтому советское правительство считало необходимым, чтобы он, Молотов, перед поездкой в США обсудил эти вопросы с британским правительством и выяснил точку зрения английского правительства на этот вопрос в данный момент. Мы должны рассмотреть здесь этот вопрос, как союзники и как наиболее заинтересованные в данном вопросе страны. Советское правительство считает вопрос о втором фронте актуальным и срочным. Оно хотело бы, чтобы таким этот вопрос был признан и английским правительством. Молотов заявляет, что здесь ему нет необходимости подробно говорить, что советско-германский фронт имеет огромную протяженность, что это фронт весьма активный и напряженный уже в течение многих месяцев. Ему нечего доказывать не только военным, но и невоенным, что ближайшие недели и месяцы будут особенно напряженными и чреватыми опасностями для

СССР, а значит и для наших союзников. Когда наши войска этой зимой били немецкую гитлеровскую армию, они в то же время готовились к событиям весны и лета 1942 года. Мы испытывали большое напряжение зимой, ведя наступательные операции в трудных условиях, но мы считали, что это будет наилучшей подготовкой к разгрому гитлеровской армии разбойников. Но Гитлер не собирается сдаваться. С ним можно покончить только силой и упорной борьбой. Главная тяжесть борьбы и разгрома гитлеровских войск находится на плечах нашей армии. Она гордится этой честью. Особенно трудным периодом будут ближайшие недели и месяцы, когда должна быть предпринята отчаянная попытка гитлеровской армии, чтобы нанести Красной Армии удар. Отсюда вытекает сегодняшняя постановка вопроса о втором фронте. Присутствующим известно, что на обеих сторонах советско-германского фронта стоят огромные вооруженные силы с огромным вооружением. Свою и при этом почетную роль в поставках этого вооружения для СССР сыграли и играют Англия и США. Но сейчас вопрос стоит для нас более остро, чем когда-либо за период советско-германской войны, и поэтому сейчас дело заключается не только в усилении снабжения, но и в открытии второго фронта, что стало теперь столь актуальным и срочным делом. Молотов говорит, что он еще не может сказать, как смотрит британское правительство на вопрос второго фронта, так как он не знает этого. Но он, Молотов, хочет смотреть правде в глаза, видеть факты, как они есть. Мы представляем себе факты следующим образом: с обеих сторон стоят друг против друга и частично уже приступили к решающим летним операциям миллионы вооруженных людей. Мы не знаем точного соотношения сил обеих сторон. Но мы считаем вероятным и исходим из предположения, что силы противника превосходят наши силы, и этим объясняется трудное положение наших армий в данный период. Мы, во всяком случае, считаем, что в данный момент после тяжелых 11 месяцев войны с Германией и после того, как Гитлер мерами насилия, гнета и принуждения ограбил почти всю Европу и навербовал в свою армию всякими средствами огромные полчища солдат из союзных с Германией стран, нам не приходится закрывать глаза на то, что перевес сил, возможно, находится на стороне нашего непримиримого врага.

Целью его (Молотова) визита является узнать, как рассматривает Британское Правительство перспективы оттягивания в 1942 году некоторого количества германских войск из СССР, где в настоящее время немцы, видимо, имеют преимущество в вооруженных силах. Следует припомнить, что Гитлер может собрать силы и ресурсы угнетенных и порабощенных им народов, населя-

ющих большую часть Европы. Нельзя игнорировать опасность создавшегося теперь положения на нашем фронте борьбы с Германией.

Говоря конкретно, предложение, которое он должен сделать, состоит в следующем: могут ли Союзники Советского Союза и, в первую очередь, Великобритания оттянуть от нашего фронта летом и осенью 1942 года хотя бы 40 германских дивизий и связать их боями в Западной Европе. Если это будет сделано, тогда вопрос разгрома Гитлера был бы решен в 1942 году, и во всяком случае этот разгром был бы тогда предрешен уже в текущем году. Могут ли это сделать Союзники? Нам бы хотелось, чтобы Правительство Великобритании ответило на этот вопрос.

Черчилль говорит, что во всех прежних войнах господство на море давало державе, которая им обладала, большие преимущества в смысле возможности высадки десанта по своему желанию на побережье противника, так как противнику было невозможно быть повсюду в состоянии готовности для встречи вторжения с моря. Применение авиации совершенно изменило положение дела. Например, во Франции и в Голландии противник мог бы в течение нескольких часов перебросить свои воздушные силы в любые угрожаемые точки побережья. Горький опыт показал, что десантная операция... не была разумным военным предложением. Неизбежным последствием было то, что мы были лишены возможности использовать значительную часть побережья для высадки десанта. Мы были вынуждены поэтому изучить наши возможности в тех пунктах побережья, в которых превосходство нашей истребительной авиации позволило бы завоевать господство в воздухе. Наши возможности оказались ограниченными пределами Па-де-Кале, оконечностью у Шербурга и частью района Бреста. Вопрос о высадке десанта в этом году в одном из этих районов изучается, и с максимальной энергией ведется подготовка. Наши планы строятся на предположении, что высадка последовательными волнами десантных атакующих войск вызовет воздушные бои, которые, если они будут продолжаться в течение недели или 10 дней, окончатся фактическим уничтожением авиационной мощи на континенте. Когда это будет достигнуто и воздушное сопротивление будет ликвидировано, десанты в других пунктах побережья могли бы быть произведены под прикрытием превосходящих сил нашей морской мощи. Решающее значение в осуществлении наших планов и приготовлений имеет наличие специальных десантных средств, необходимых для того, чтобы произвести высадку начального десанта на весьма сильно защищенном побережье противника. К сожалению, наши ресурсы в области специального типа этих средств пока весьма ограниче-

ны. В августе прошлого года на встрече в Атлантике он, Черчилль, убедил Президента Рузвельта в срочной необходимости для США приступить к строительству возможно большего количества танковых десантных и других судов, нужных для вторжения. Позднее, в январе этого года, Президент согласился, что США должны приложить еще большие усилия в деле строительства этих судов. Мы, с нашей стороны, в течение более чем года выпускали такое количество судов, которое было возможно выпускать, учитывая потребности строительства судов для военно-морского флота и торгового флота, потерпевшего тяжелые потери.

В апреле Президент Рузвельт командировал г-на Гопкинса и генерала Маршалла в Лондон с предложением, чтобы США совместно с Великобританией в самое ближайшее время максимально облегчили бремя борьбы, которую ведет Россия. Мы немедленно согласились с этим предложением, и в настоящее время происходит совместное изучение этого вопроса. Однако нельзя ожидать, что США будет располагать необходимыми вооруженными силами раньше конца 1942 года и что в этом году мы будем располагать большим количеством десантных средств, в которых столь сильно нуждаемся. На 1-е августа мы будем иметь только 383 единицы; на 1-е сентября - 566 единиц. В 1943 году мы будем располагать значительно большим числом судов, и мы смогли бы высадиться на побережье противника в пяти или шести пунктах в любом месте от Нордкапа до Байонны. Однако Британское Правительство исполнено самой серьезной решимости рассмотреть вопрос о том, что можно сделать в этом году, чтобы оказать столь необходимую помощь доблестным русским армиям, которые принимают на себя столь значительную часть военной мощи Германии и которые уже нанесли ей столь глубокие раны.

Нужно, однако, иметь в виду следующие два пункта: во-первых, при самой доброй воле и старании невероятно, что какая-нибудь операция, которую мы могли бы предпринять в 1942 г., если бы она даже была успешной, оттянула бы значительное количество наземных вооруженных сил противника с Восточного фронта. В воздухе, однако, положение иное: на различных театрах войны мы сковываем уже приблизительно $^1/_2$ истребительной и $^1/_3$ бомбардировочной мощи германской авиации. Если бы план проведения воздушных сражений над континентом оказался успешным, немцы предстали бы перед выбором: либо перед уничтожением всей своей истребительной авиации на Западе, либо перед необходимостью переброски части своих воздушных сил с Востока.

Второй вопрос относится к предложению г. Молотова, что наша цель должна состоять в том, чтобы оттянуть не менее 40 германских дивизий из России. Следует отметить, что в настоящее время против нас в Ливии действуют 11 дивизий "оси", из которых 3 германские, в Норвегии находится эквивалент 8 германских дивизий и 25 дивизий находятся во Франции и Голландии. Всего 44 дивизии.

Но мы не удовлетворены этим, и если можно сделать какое-либо усилие или составить план с условием, что он будет разумным и осуществимым для того, чтобы в этом году облегчить бремя, лежащее на России, мы не поколеблемся осуществить это. Ясно, что если бы ради действий во что бы то ни стало мы предприняли бы некоторую операцию, которая окончилась бы несчастьем и дала бы противнику случай ликовать за наш счет, то это не принесло бы пользы ни делу России, ни делу Союзников в целом. Резюме сказанного, таким образом, состоит в том, что мы и США сделаем все, что физически возможно, чтобы пойти навстречу русскому правительству и народу в этом деле.

Молотов говорит, что если будет позволено, то он хотел бы задать несколько вопросов.

Молотов спрашивает, разделяется ли точка зрения на второй фронт, высказанная Черчиллем, также и Рузвельтом, поскольку Черчилль в своем выступлении ссылался на правительство США?

Черчилль отвечает, что американское правительство разделяет желание и решимость английского правительства возможно скорее и возможно большими силами вторгнуться на европейский континент. Английское правительство рассчитывает произвести эту операцию в 1943 году, когда для этой цели как Англия, так и США будут располагать 1-1,5 миллиона американских и английских войск. Английское правительство готовится к высадке десанта, большого количества войск на большом количестве судов. Если бы высадка десанта была возможна в 1942 году, то Америка не смогла бы принять в этом активного участия из-за недостатка войск и десантных средств.

Молотов спрашивает Черчилля, правильно ли он его понимает, что в вопросе о создании второго фронта нет различия во взглядах американского и английского правительств?

Черчилль отвечает, что различий во взглядах обоих правительств на этот вопрос не имеется. Как американцы, так и англичане изучают вопрос создания второго фронта, и пока о дате открытия второго фронта не принято никакого решения.

Молотов спрашивает, какая максимальная часть (процент) английских войск участвовала в активных военных действиях в

Европе и в Африке, если взять любой наиболее напряженный месяц войны 1942 года.

Черчилль отвечает, что в настоящее время на Британских островах находится эквивалент 40 дивизий, из которых 20 являются действительно мобильными дивизиями. Эти дивизии не участвуют в военных действиях. Если бы они участвовали, тогда Англия не имела бы в своем распоряжении сил для защиты островов. Причем он должен сказать, что из этого количества дивизий ежемесячно покидает английские острова 50 000 войск для участия в военных действиях на Среднем и Дальнем Востоке. В апреле и марте месяцах Великобритания имела на Среднем Востоке, начиная от Персии и кончая Ливией, 16 дивизий, в Индии 7 дивизий. Причем английские потери в результате военных действий с японцами составляют 4-5 дивизий.

Молотов говорит, что советское правительство не сомневается в том, что британское правительство хотело бы, чтобы советские армии имели успех летом 1942 года. Союзники желают того же, что и мы. Но он, Молотов, хотел бы спросить Черчилля, как оценивает британское правительство перспективы летних боев для Красной Армии. Независимо от того, считает ли английское правительство эти перспективы благоприятными или неблагоприятными, или просто неясными, он, Молотов, просил бы Черчилля, не стесняясь, высказать свое мнение по этому поводу.

Черчилль отвечает, что мы не знаем, каковы резервы или ресурсы Красной Армии. Прошел год с начала советско-германской войны. Многие военные специалисты других стран, включая германских, думали, что СССР скоро потерпит поражение. Вопреки этим предположениям, Гитлер потерпел ряд поражений, в особенности зимой. При этом бои на советско-германском фронте происходили и происходят в условиях, когда Красная Армия захватывает все больше и больше инициативу в свои руки. Английское правительство не может на основании информации своей разведки отметить концентрации значительных германских сил для большого наступления. Английское правительство отметило лишь, что германское наступление, которое было зафиксировано на май месяц, отложено теперь до середины июня. Это имеет существенное значение. Английское правительство полагает, что наступление Гитлера в этом году будет менее сильным, чем в прошлом году. Но мы в этом не уверены. Он, Черчилль, еще раз повторяет, что он не знает ресурсов советских армий и не спрашивает о них своих гостей.

Молотов говорит, что мы - советское правительство и великий народ СССР - верим в свои силы. Но мы должны считаться

и с возможностью серьезных опасностей. В связи с этим он, Молотов, хотел бы спросить Черчилля, какова будет позиция Великобритании, если СССР в 1942 году не выдержит в предстоящих боях напора, который Гитлер наверняка постарается сделать максимальным? Молотов говорит, что если можно получить ответ Черчилля на этот вопрос, то он хотел бы сообщить его своему правительству.

Черчилль сказал, что если русские будут побеждены или советская военная мощь будет серьезно подорвана немцами, Гитлер, по всей вероятности, двинет как можно больше своих войск и воздушных сил на Запад с целью вторжения в Великобританию. Он может также ударить через Баку на Кавказ и Персию. Это поставило бы нас перед серьезнейшей опасностью, и мы бы ни в коем случае не чувствовали уверенности в том, что располагаем достаточным количеством сил для отражения этого удара. Поэтому наше благополучие зависит от сопротивления Советской Армии. Тем не менее, если против ожидания Советская Армия будет побеждена и наступит худшее из худших, мы будем драться и надеемся с помощью Соединенных Штатов завоевать подавляющее превосходство в воздухе, которое в течение следующих 18 месяцев или 2 лет даст нам возможность подвергнуть уничтожающим атакам германские города и промышленность. Более того, мы будем поддерживать блокаду и высаживать на континент десанты во все более увеличивающемся количестве. В конце концов мощь Великобритании и Соединенных Штатов одержит верх. Нельзя пройти мимо того факта, что после падения Франции Великобритания одна противостояла в течение целого года многочисленным гитлеровским победоносным дивизиям, обладая лишь плохо вооруженными войсками. Но это явилось бы трагедией для человечества - такое продолжение войны, и совершенно искренней является наша надежда на русскую победу и горячо желание взять на себя нашу долю участия в сокрушении дьявольских сил. Он, Черчилль, хотел бы, чтобы г. Молотов понял, что заветным желанием Британской нации и армии является желание сразиться с врагом возможно скорее и тем помочь мужественной борьбе русской армии и народа.

В заключение Черчилль просил Молотова принять во внимание трудность вторжения с моря. После того как Франция вышла из войны, мы в Великобритании оказались почти безоружными - имели всего лишь несколько плохо вооруженных дивизий, меньше чем 100 танков и меньше чем 200 пушек. И все-таки Гитлер не сделал попытки вторжения по причине того, что он не мог завоевать господства в воздухе. Такая же трудность стоит перед нами в настоящее время.

В заключение он предлагает, чтобы генерал Исаев и адмирал Харламов встретились с генерал-лейтенантом Неем и вице-адмиралом лордом Л. Маунтбаттеном сегодня же и последние дадут детальные разъяснения о специальных транспортных средствах, необходимых для высадки десантов.

Молотов спрашивает с оттенком иронии: "Но каковы, собственно, перспективы такой встречи военных?"

Черчилль, несколько замявшись, все же предлагает устроить такую встречу.

Молотов соглашается с этим.

Молотов благодарит Черчилля за его ответ. Он повторяет, что мы глубоко верим в свои силы. Мы уже сделали немало для того, чтобы покончить с Гитлером, и сделаем еще больше для его полного разгрома. Мы верим в наши силы и в силы наших союзников.

Черчилль заявляет, что английское правительство искренне желает возможно скорее и на возможно большем фронте начать действовать, чтобы помочь СССР в его весьма тяжелой борьбе.

№32

Запись беседы с Черчиллем и Иденом 22 мая 1942 года

22 мая вечером Черчилль и Иден приехали в Чекерс. После обеда, около 10 часов вечера, Черчилль и Иден пригласили т.т. Молотова и Майского в отдельную комнату, где находился, между прочим, большой подвижной глобус мира, и здесь произошла длинная беседа, продолжавшаяся в течение трех часов. Переводил тов. Майский.

1. **Военное положение.** Львиную долю времени заняло подробное сообщение Черчилля о военном положении. Много в этом сообщении было такого, что всем известно из газет, однако были и такие вещи, которые имеют секретный характер. Свой доклад (ибо сообщение Черчилля очень походило на доклад) премьер делал, стоя у глобуса, с сигарой в зубах и то и дело отхлебывая из стакана с виски. Сообщение Черчилля в основном сводилось к следующему:

а) **Дальний Восток.** Черчилль, с усмешкой заявляя "я - японец", мысленно старался поставить себя в положение японского главного военного командования и предугадать, чего можно ожидать от японцев в течение ближайших месяцев. По мнению Черчилля, японцы сильно растянули свою коммуникационную линию, сильно разбросали свои

силы по различным территориям, островам и полуостровам, захваченным ими в последние полгода, и потому в состоянии производить в каждый данный момент только одну, максимум две крупные операции. Исходя из данной предпосылки, Черчилль задавался вопросом: куда же пойдет Япония? Перед Японией - говорил Черчилль - имеется несколько возможных направлений. Начнем с севера. Пойдет ли она против СССР? Сомнительно, по крайней мере в ближайшие месяцы. Сомнительно, по мнению Черчилля, потому, что здесь Японии пришлось бы атаковать очень могущественные советские силы. С чем? По английским сведениям, японцы сейчас имеют в Маньчжурии 23 дивизии, в самой Японии 7, в районе южных морей *29* и примерно 10-12 дивизий в Китае. Общая же численность японской армии определяется 72 дивизиями. С 23 дивизиями атаковать СССР на Дальнем Востоке нельзя, а дополнительные силы взять пока неоткуда. К тому же война с СССР означала бы величайшую опасность для Японии с воздуха, против которой она плохо защищена. В итоге Черчилль приходил к выводу, что наступление Японии в северном направлении маловероятно. Япония могла бы рискнуть на такое наступление лишь в том случае, если бы дела на Западном фронте СССР пошли для него плохо, но этого Черчилль не ожидает.

б) Может ли Япония пойти на Австралию? Тоже маловероятно. Ибо Австралия слишком удалена от японских баз, а белое население Австралии очень энергично и воинственно. К тому же здесь имеются американцы. Атака Австралии означала бы дальнейшее растяжение коммуникационных линий и дальнейшее разбрасывание японских сил. Поэтому Черчиллю кажется маловероятным австралийское направление японской агрессии. Пойдет ли Япония на Индию? Это не исключается, однако и тут Япония мало выигрывает с точки зрения военно-стратегической. Индия огромная страна с сотнями миллионов населения. В ней легко завязнуть и утонуть. Черчиллю поэтому кажется сомнительным, чтобы Япония сделала главным объектом своего наступления Индию. Возможно, что она атакует район Калькутты, но скорее всего лишь для целей военной демонстрации и отвлечения внимания англичан в другую сторону. Пойдет ли Япония в Китай? Это направление кажется Черчиллю более всего вероятным. Захватив Бирму и начало Бирманской дороги, японцы скорее всего двинутся по этой дороге в глубь Китая с надеждой окончательно его

отрезать от Англии и САШ и нанести смертельный удар правительству Чан Кайши. Такое направление выгодно для японцев еще и в том отношении, что оно будет вести не к растяжению, а к сокращению линии фронта. Оно может обещать Японии также некоторые более постоянные результаты - консолидацию японских завоеваний в Китае. Тов. Молотов заметил в этом месте, что хотя японцы и могут иметь такие расчеты, однако завоевание Чунцина и ликвидация правительства Чан Кай-ши представляли бы очень трудную операцию, которая, пожалуй, оказалась бы для Японии непосильной.

в) Охарактеризовав таким образом военную ситуацию на Дальнем Востоке, Черчилль перешел к изложению мероприятий, принимаемых и намечаемых Англией в этом районе. В Индии расположены 7 дивизий (4 дивизии было потеряно во время боев последних месяцев на Дальнем Востоке. Упомянув в этой связи о Сингапуре, Черчилль, сильно покраснев, воскликнул: "Сингапур - это позорное имя! Мы стыдимся того, что там произошло!"). В Индию подбрасываются английские и американские воздушные силы. Идея состоит в том, чтобы базировать их на западном берегу Бенгальского залива и оттуда бить по японскому флоту и японским базам на восточном берегу Бенгальского залива, в Малайе, в Голландской Индии. Большое внимание уделяется укреплению Цейлона, который сейчас, после потери Сингапура, является главной морской базой в Индийском океане, и Мадагаскару, оккупированному англичанами (т. Молотов тут выразил удовлетворение по поводу данного шага британского правительства). Одновременно идет консолидация морских сил в Индийском океане, и к середине июля Черчилль рассчитывает иметь там очень солидный флот (8 линкоров, 3 авиаматки, большое количество крейсеров, эсминцев и т.д.). В итоге Черчилль приходит к выводу, что хотя положение для Англии на Дальнем Востоке сейчас и трудное, но для пессимизма оснований нет.

г) Далее Черчилль перешел к Среднему и Ближнему Востоку, включая сюда и Северную Африку. Он дал довольно подробный исторический обзор событиям в этих районах на протяжении последних двух лет и затем коснулся современности. Британских войск здесь имеется 16 дивизий (с крупными пополнениями). Общая стратегическая линия состоит в том, чтобы разбить Роммеля или, по крайней мере, вытеснить его из Киренаики и вновь занять Бенгази.

Это важно в особенности для сохранения Мальты. Защита Мальты была и остается героической, но сейчас, после того как немцы значительные воздушные силы перебросили из Сицилии на советский фронт, проблема Мальты является не столько проблемой боевой защиты, сколько проблемой продовольствия. Население Мальты достигает 300 тыс. человек. Его надо кормить. На Мальте имеются известные запасы продуктов, но нужен подвоз. Сейчас забросить на Мальту конвой - очень трудная операция благодаря господству немцев в воздухе в районе Мальты. Если Бенгази будет в руках англичан, положение изменится. Из Бенгази они будут в состоянии прикрывать конвой с воздуха вплоть до Мальты. Имеются симптомы, что в ближайшие дни в Ливии начнется боевое оживление. Роммель готовится к наступлению. Английский главком Охинлек[17], по различным соображениям, считает, что ему будет выгоднее, если атакуют немцы. Силы на Ливийском фронте (особенно механизированные силы) обеих сторон приблизительно одинаковы, но у англичан больше резервов. В других районах Ближнего Востока положение, по мнению Черчилля, достаточно прочно. В Иране англо-советская кооперация функционирует неплохо. Трансиранская дорога быстро увеличивает свою пропускную способность. Растет также грузовой транспорт. Черчилль считает, что пути через Иран принадлежит большое будущее. В Ираке, Сирии, Египте, Аравии положение в общем благоприятное для Англии. Турция также держится удовлетворительно, и Черчилль не думает, чтобы она пошла на поводу у Германии. К концу года англичане и американцы рассчитывают подбросить Турции значительное количество современного вооружения, и это должно будет еще больше связать Турцию с союзниками. В итоге общая ситуация в этом районе не располагает Черчилля к пессимизму. Наоборот, он смотрит на будущее с бодростью,

д) Наконец, Англия. В самой Англии имеется в настоящее время около 40 дивизий, из которых 20 обучены и вооружены, а 20 еще не могут считаться вполне готовыми к бою. 50 тысяч человек ежемесячно отправляются из Англии на Ближний и Дальний Восток. Воздушные силы Англии сильно возросли и, по мнению Черчилля, сейчас равняются примерно германским, особенно в бомбардировщиках. Беда лишь в том, что значительная часть их должна все время посылаться за пределы Англии на другие фронты. Британское правительство серьезно думает о создании

> второго фронта в Европе, но было бы неразумно идти на какие-либо авантюры, которые неизбежно должны кончиться провалом. В прежние войны десант не представлял из себя трудной операции для державы, господствующей на море. Сейчас положение изменилось - благодаря авиации. Сейчас десант возможен только там и только тогда, где и когда высадка может быть прикрыта с воздуха авиацией. Под этим углом зрения англичанам приходится подходить к вопросу о втором фронте на континенте. Английский десант может иметь воздушное прикрытие только на сравнительно узкой зоне французского берега (от Дюнкерка до Шербурга). Это прекрасно известно и немцам. Вот почему немцы заранее являются готовыми к возможности десанта на континенте и даже знают, где он может произойти. Стало быть, для успешности операции англичане должны иметь на соответственном участке колоссальное превосходство воздушных сил. А если бы при начале десанта им удалось разбить германские воздушные силы, оказывающие сопротивление, то дальнейшая высадка войск на французском берегу стала бы значительно легче, - не только в указанной зоне, но и в других более отдаленных от Великобритании частях. Исходя из указанных соображений, англичане разрабатывают свои планы и, может быть, не так уж далек тот день, когда они сделают попытку их реализации. Второй фронт на континенте мыслится англичанами как совместная англо-американская операция. Об этом было договорено в апреле месяце на совещании Черчилля с Гопкинсом и генералом Маршаллом. Черчилль полагает, что тов. Молотову во время его пребывания в США было бы очень полезно по вопросу о втором фронте иметь серьезную беседу с Рузвельтом и всеми его ближайшими советниками.

Во время этого сообщения Черчилля тов. Молотов задавал отдельные вопросы для уточнения информации, но не вступал в дискуссию и не солидаризировался с Черчиллем, за некоторыми исключениями, отмеченными выше.

2. **Договора.** После того как "доклад" Черчилля о военном положении был закончен, разговор перешел на вопрос о договорах. Черчилль еще раз подробно остановился на мотивах, заставляющих его относиться с большой опаской к включению вопроса о границах в текст договора. Моя основная цель - говорил Черчилль - это создание тесного сотрудничества между СССР, Великобританией и США сейчас и после войны. С этой точки

зрения надо стремиться устранить с дороги все те моменты, которые могут разделить эти державы, и, наоборот, подчеркивать те моменты, которые могут их объединить. Вопрос о границах, по мнению Черчилля, несомненно такой вопрос, который способствует созданию различного рода недоразумений и разногласий между Соединенными Штатами, с одной стороны, и Англией и СССР - с другой. Вот почему Черчилль считал бы гораздо более выгодным с точки зрения общего дела, если бы в англо-советских договорах можно было избежать всех тех моментов, которые могли бы вызвать недоразумения и недопонимание в США. После этого вступления Черчилль предоставил слово Идену - последний сообщил, что он разработал проект нового договора (одного, а не двух), который, по его мнению, способен был бы вывести нас из создавшихся затруднений. Этот новый договор исключает все спорные моменты, но зато создает прочный план для сотрудничества СССР и Великобритании сейчас и после войны. Новый договор предусматривает не только военную взаимопомощь между обоими государствами, но также и взаимопомощь после войны на срок в 20 лет. Иден обещал вручить текст нового договора завтра, 23-го мая. Заканчивая, Иден прибавил, что он очень надеется на готовность тов. Молотова положить в основу переговоров именно этот новый проект. Тов. Молотов ответил, что, не видя текста нового договора, он, разумеется, не может высказать о нем никакого суждения. Однако полагает, что было бы гораздо целесообразнее не начинать нового дела, а, наоборот, закончить то дело, над которым обе стороны работали с декабря прошлого года. Иден с этим не соглашался и вместе с тем дал понять, что если тов. Молотов будет настаивать на заключении старого договора, то его подписание придется отложить до возвращения тов. Молотова из Америки.

3. **Операции бомбардировщиков.** В одном месте доклада Черчилля о военном положении тов. Молотов, прервавши его, спросил, не было ли бы возможности для советских бомбардировщиков, сбрасывающих бомбы на Берлин, вместо возвращения назад в СССР пролетать дальше на запад - в Англию, здесь отдыхать и заправляться, и отсюда с новым грузом бомб делать обратный рейс Лондон-Берлин-СССР? Черчилль отнесся положительно к этой мысли и заявил: "Да, конечно, это было бы очень хорошо".

4. Тов. Молотов спросил также Черчилля, не согласился ли бы он дать советским военным английский прибор на самолетах, точно определяющий в воздухе расстояние и местонахождение вражеского самолета. Черчилль, указав на то, что Англия дает нам важный военный прибор для зенитной стрельбы по самоле-

там, решительно отказался дать этот прибор, сказав, что Англия не разрешает применять этот прибор за пределами своей страны, чтобы прибор не попал к немцам. Черчилль отказался сделать это и в обмен на какой-либо интересующий Англию военный секрет СССР, заявив, что он не может торговаться в таком деле.

Во время беседы затрагивались и некоторые другие вопросы (например, о судебном процессе в Анкаре), но это делалось между прочим, без особого обсуждения.

№ 33

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 7.00 23 мая 1942 года

По предварительной информации, неисправности мотора устранены и самолет готов к дальнейшему полету. Неисправность была следующая: в четвертом моторе выбивало масло из регулятора шага винта.

На аэродром для более надежной проверки самолета к вылету 21 мая командированы авиационные инженеры Борисенко и Богомолов.

Необходимые карты маршрута для дальнейшего полета получены у англичан.

22/V-42

МОЛОТОВ

№ 34

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 15.40 23 мая 1942 года

СТАЛИНУ

22 мая на заседании у Идена продолжалось обсуждение вопроса о договорах.

1. Иден настаивал на статье 4 английского проекта о праве переселения. Я защищал наш проект.

2. По протоколу Иден заявил, что пункт о Бельгии и Голландии должен быть исключен, поскольку для Британского правительства пока вопрос неясен. Что касается пунктов о Румынии и Финляндии, то по представлении нашего текста он обсудит их с кабинетом.

3. По пункту о федерациях я предложил известную поправку к декабрьскому проекту.

Вообще со стороны англичан не видно желания пойти нам навстречу.

23.V.42 г.

МОЛОТОВ

№ 3 5

Телеграмма из Москвы
Лондон. Молотову

Обе твои шифровки получил. На фронте пока нет больших изменений. В районе Барвенково и Изюма идут большие бои. У немцев в этом районе шесть танковых дивизий. Изюм в наших руках. Барвенково у немцев. В районе Харькова наше наступление приостановлено. Керченский полуостров пришлось очистить. На других фронтах пока все по-старому, идет накопление сил, подтягивание наших резервов. Нам очень нужны истребители, танки. Поставьте перед англичанами вопрос об усилении поставки истребителей, танков, особенно Валентина.

СТАЛИН

23.V.42 г.

№ 3 6

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 15.40 23 мая 1942 года

СТАЛИНУ

Иден согласился не упоминать в договоре о подтверждении его заявления от 30 июля 1941 года на имя Сикорского и предложил вместо этого следующий текст его письма в ответ на мое письмо по польскому вопросу:

"Имею честь подтвердить получение Вашего письма от сегодняшнего числа в связи с подписанием договора, касающегося послевоенного сотрудничества между нашими обеими странами. Принимая к сведению содержащееся в Вашем письме заявление относительно границ между СССР и Польской республикой, имею честь информировать Вас о следующем: в понимании правительства Его Величества в Соединенном королевстве упоминание о границах в статье 4 договора не относится к границам

Польши. Позиция правительства Его Величества в этом вопросе остается такой же, как она была охарактеризована в связи с подписанием соглашения между Советским Союзом и Польшей от 30.VII.41 г. в сообщении польскому правительству".

Я предлагаю согласиться с текстом этого письма Идена при условии добавления в конце письма следующей фразы (поставив в конце вышеприведенного текста вместо точки запятую) "а также в заявлении, сделанном мною от имени правительства в палате общин в тот же день, что правительство Его Величества не гарантировало никаких границ в Восточной Европе".

Жду ответа.

23.V.42 г.

МОЛОТОВ

№ 37

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 15.40 23 мая 1942 года

СТАЛИНУ

Проявляя специальное личное внимание ко мне (завтрак, обед, длительная личная беседа до поздней ночи в Чекерсе), Черчилль по существу двух основных вопросов ведет себя явно несочувственно нам. В последней беседе он дал понять, что лучше отложить подписание обоих договоров, так как трудно договориться, не обидев США.

На назначенном 23 мая третьем обсуждении у Идена проекта договоров я сделал попытку договориться с использованием последних указаний в Москве. Кроме того, буду ждать согласия и на мое предложение о тексте ответного письма Идену с моей поправкой (жду быстрого ответа из Москвы).

Тем не менее не имею уверенности, что договорюсь. Иден заявил, что 23 мая, вместо прежнего проекта договора о послевоенных проблемах, он даст какой-то новый проект, как можно было понять, с упором на экономическую взаимопомощь после войны.

Черчилль и Иден настаивают также на том, что[бы] после США я снова заехал в Англию и, с учетом результатов моих бесед с Рузвельтом, еще раз обсудить с нами интересующие обе стороны вопросы, что об этом Черчилль хочет просить Сталина. Я ответил на это, что планом моей поездки предусмотрено, что из США я лечу прямо в СССР, что изменить это может только Москва.

ВЫВОДЫ:

1. Все последние беседы создают у меня впечатление, что Черчилль выжидает событий на нашем фронте и сейчас не торопится договариваться с нами.

2. Возвращение после США в Англию считаю нецелесообразным, так как нет перспектив на улучшение дел от этого.

3. Видимо, и в США благоприятных перспектив для моей поездки нет, но обещание приехать придется выполнить.

Вылет в США намечаю на 25 мая, если погода будет благоприятная. Самолет в порядке.

23 мая пошлю проект коммюнике.

23.V.42 г.

МОЛОТОВ

№ 38

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 16.35 23 мая 1942 года

СТАЛИНУ

22 мая утреннее заседание, на котором с английской стороны присутствовали Черчилль, Эттли, Иден и начальники штабов, посвящено вопросу о втором фронте.

Я сделал заявление, в котором обосновал важность создания второго фронта в Европе в течение ближайших недель и ближайших месяцев тем, что летом должны развернуться крупнейшие бои на советско-германском фронте, что не исключено наличие некоторого превышения сил у немцев по сравнению с нашими, что в этих условиях оттяжка на Западный фронт хотя бы 40 германских дивизий могла бы сыграть решающую роль и наверняка обеспечила бы разгром или, по крайней мере, предрешение разгрома Гитлера еще в 1942 году. В ответ Черчилль ясно дал понять, что второй фронт возможен только в 1943 году или может быть в конце 1942 года. В ответ на мой вопрос он заявил также, что Рузвельт в вопросе о сроках второго фронта стоит на его позиции. Главное препятствие, по утверждению Черчилля, состоит в том, что у англичан и американцев нет достаточного количества судов, специально приспособленных к десантным операциям, но зато в 1943 году Черчилль грозит атаковать европейский континент в 5-6 местах с помощью 1-1,5 миллиона англо-американских войск.

После нескольких уточняющих вопросов пришлось признать, что английское правительство не признает возможным организацию второго фронта в желательный нам короткий срок.

23.V.42 г.

МОЛОТОВ

№39

Молотову. Телеграмма из Москвы

1. Мы не возражаем против твоего добавления к тексту ответного письма Идена о советско-польской границе.

2. Предлагаем сразу перенести дело на второй район* по всем пунктам, а нашего текста протокола о Финляндии и Румынии не предъявлять Идену.

3. Советуем согласиться на то, чтобы на обратном пути остановиться в Лондоне.

4. Передай Черчиллю мой ответ на его послание:

"Я получил переданное в Куйбышеве 20 мая Ваше послание, в котором Вы сообщаете, что в настоящее время тридцать пять пароходов с военными грузами для СССР находятся на пути в советские порты. Благодарю Вас за сообщение и предпринятые Вами меры по отправке пароходов. Со своей стороны наши воздушные и морские силы предпримут все возможное в целях охраны этого транспорта на том участке пути, о котором Вы сообщили мне в своем послании от 9 мая сего года".

5. Дела у Тимошенко пошли хуже. Он надеется выправить положение.

СТАЛИН. 23.V.1942 г.

Последующее обсуждение с Иденом 23 мая и частично 24 мая имевшихся проектов договоров, обмен телеграммами между Молотовым и Сталиным 22-23 мая по этому вопросу были беспредметными. В Лондоне, как мы теперь знаем, к приезду Молотова был подготовлен принципиально новый проект договора, о чем и поставил его в известность Черчилль. Ориентация британского премьера на открытие второго фронта только в 1943 году, фактическое отклонение советских требований о признании в договоре западных границ СССР и условий обеспечения их безопасности привели советского наркома к выводу о бесперспективности позиции, занятой британской стороной. Молотов информировал Сталина, что новый британский проект неприемлем, но в беседе с Чер-

---

* *Вероятно, "на второй фронт". - О.Р.*

чиллем и особенно с послом США в Лондоне Д. Вайнантом, занял более сдержанную позицию. Обе стороны понимали, что все зависит от инструкций, которые получит Молотов из Москвы. Советского наркома подстерегала большая неожиданность.

№ 40

Запись беседы с Иденом 23 мая 1942 года

Присутствовали: тт. Майский, Соболев, Павлов
Кадоган, Сарджент, Фаэрбрэс

Иден заявляет, что он предлагает новый проект Договора, объединяющий договор о союзе и договор о послевоенном сотрудничестве. Этот новый проект включает почти все вопросы, которые ранее обсуждались, и предусматривает заключение между СССР и Великобританией пакта о взаимопомощи на срок 20 лет.

Молотов, ознакомившись с новым проектом, говорит, что он не может еще сказать своего мнения по поводу нового проекта. Он хотел бы слышать от Идена, чем объясняется возникновение нового проекта взамен декабрьских проектов?

Иден отвечает, что причиной разработки нового проекта Договора были трудности, которые возникли при обсуждении прежних проектов договоров. В новый проект включены вопросы, уже согласованные между обеими сторонами, и исключены спорные пункты, в особенности по польскому вопросу, и статья 4 английского проекта. Этот проект нового Договора является попыткой поставить отношения Великобритании и СССР на прочную основу. Мы хотели, говорит Иден, показать, что готовы работать совместно с СССР в течение целого поколения. Новый проект не исключает возможности заключения других соглашений в будущем между Великобританией и СССР.

Молотов спрашивает, в чем состоит отличие этого нового проекта от тех, которые рассматривались до сих пор?

Иден отвечает, что главное различие заключается в том, что в новый проект включена статья, предусматривающая обязательство об оказании взаимопомощи в течение 20 лет. Действие этой статьи может быть прервано, если будет обеспечено послевоенное устройство Европы, которым будут удовлетворены обе стороны. Он, Иден, уверен, что американское правительство не может иметь ни малейшего повода к возражениям против подобного Договора, то есть против того, чтобы наши страны стали

союзниками в войне против Гитлера и поддерживали дружественные отношения между собой непосредственно в послевоенный период и продолжали бы свою деятельность по принятию мер предосторожности против Германии. Он, Иден, полагает, что такой Договор был бы тепло встречен в Америке и в Англии, а также всюду, где имеется решимость бороться и предупредить в будущем повторение агрессии со стороны Германии. Хотя Договор не затрагивает спорных вопросов о границе Советского Союза, тем не менее является очевидным, что если английское правительство обязуется гарантировать оказание Советскому Союзу помощи в течение 20 лет, то это означает, что английское правительство желает видеть Россию сильной и обеспеченной в смысле безопасности.

Молотов спрашивает, только ли в этом состоит отличие нового проекта от старых?

На этот вопрос отвечает **Кадоган,** который говорит, что единственное отличие нового Договора от старого заключается в том, что, с одной стороны, он оставляет открытыми вопросы, которые привели к трудностям в переговорах между Великобританией и СССР, но, с другой стороны, они, англичане, предлагают заключить на 20 лет пакт о взаимопомощи, при помощи которого они рассчитывают достичь того, о чем договорились в Москве, а именно, совместной работы обеих стран как во время войны, так и после войны. Это не исключает возможности прийти к соглашению по другим вопросам в будущем, в которых будут заинтересованы Великобритания и СССР.

Молотов отвечает, что он полагает, что, вероятно, новый проект при детальном его обсуждении может быть с известными дополнениями принят к рассмотрению. Но основной недостаток этого проекта состоит в том, что он только что появился на свет и, как новорожденный, не встал еще на ноги. Новый проект необходимо доложить Советскому Правительству, а это сейчас сделать затруднительно: он, Молотов, находится в Лондоне, а Правительство в Москве. По телеграфу Советское правительство, вероятно, не сможет решить этого вопроса, и он, Молотов, не видит возможности преодолеть эти трудности до его возвращения в Москву. Молотов говорит, что, не касаясь существа Договора, он хотел бы сказать, что после первого чтения Договора возникает вопрос о целесообразности исключения целого ряда вопросов из прежних проектов. Молотов говорит, что он считает необходимым, ввиду указанных им трудностей, закончить обсуждение прежних английских и советских проектов, тем более что один из проектов окончательно согласован. Не исключена возможность, что мы сможем найти практический выход по пунктам, которые

еще не согласованы между нами. Молотов предлагает оставить вопрос о новом проекте открытым и обещает о нем доложить в Москве.

Иден, продолжая настаивать на обсуждении нового английского проекта, заявляет, что он предложил его, так как обе стороны застряли при обсуждении прежних проектов договоров. Он предложил поэтому формулировки, которые устранили бы трудности. Кабинет еще не обсуждал этого проекта, но он, Иден, уверен, что кабинет одобрит этот проект, так как он уже получил одобрение премьер-министра Черчилля. В заключение Иден говорит, что он не возражает, если этого желает Молотов, продолжить обсуждение прежних договоров.

Молотов просит Идена высказать его мнение о секретном Протоколе*.

Иден отвечает, что он только что получил прилагаемый советской стороной протокол. Иден спрашивает, должен ли быть этот протокол секретным?

Молотов отвечает, что протокол должен быть секретным, чтобы не возбуждать страстей.

Иден отвечает, что он признается, что английскому правительству будет трудно подписать секретный протокол, так как современная английская дипломатия отказалась от методов секретной дипломатии. Он признает необходимость того, что этот протокол должен быть секретным. В противном случае наверняка надо ожидать реакции со стороны Румынии и Финляндии. Что касается вопроса об обеспечении безопасности Великобритании со стороны Бельгии и Голландии, то английское правительство не намерено заключать пакта о взаимопомощи ни с Бельгией, ни с Голландией. Далее он, Иден, хотел бы знать, что практически означает статья 2-я Протокола? Означает ли она наказание Финляндии и Румынии? Объясняется ли ввод войск в Финляндию и Румынию тем, что советское правительство считает необходимым предотвратить то, что случилось раньше в этих странах в отношении СССР? Может быть, эта статья означает что-нибудь другое? В общем он, Иден, прежде чем сможет дать ответ относительно секретного протокола, должен будет передать его на рассмотрение своим коллегам по кабинету. То, что он высказал сейчас, является лишь его первыми впечатлениями, первыми мыслями.

Молотов отвечает, что вопрос о Протоколе не новый. Этот вопрос обсуждался в Москве в связи с задачей по обеспечению

---

* *Как видно, телеграмму Сталина (док. № 39) с указанием не вручать Идену проект секретного протокола (док. №41) Молотов к этому времени еще не получил. - О.Р.*

безопасности наших стран и на основе желательности сотрудничества в послевоенный период. До его приезда в Лондон советский посол Майский излагал содержание Протокола Идену. Наш письменный проект ничем не отличается от того, что было изложено Майским в устной форме. Тем не менее, поскольку он, Молотов, видит, что вопрос о Протоколе как в отношении его секретности, так и содержания вызывает сомнение и, по меньшей мере, может повести к затяжке переговоров, он, Молотов, готов заменить секретный Протокол поправками к тексту самого Договора и отказаться от Протокола.

Иден говорит, что он хотел бы сказать несколько слов о Протоколе. Верно, что И.В. Сталин поднимал в Москве вопрос об обеспечении СССР со стороны Финляндии и Румынии, но в то время не было предложено проекта Протокола и последний явился результатом наших переговоров в Лондоне. Он, Иден, хотел бы выслушать поправки, которые Молотов готов сделать к Договору в случае отказа от Протокола.

Молотов отвечает, что он готов снять вопрос о заключении как секретного, так и несекретного Протокола. Но в этом случае он предложил бы к статье 3-й поправку. Молотов предлагает в первом абзаце статьи 3-й исключить слова "каждый из них" и формулировать этот абзац следующим образом: "Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются совместно работать над реконструкцией Европы после войны с полным учетом интересов безопасности Великобритании, в особенности в районе Па-де-Кале и южной части Северного моря, и интересов безопасности СССР, особенно в районе Финского залива и северо-западной части Черного моря, равно как интересов СССР в деле восстановления его границ, нарушенных агрессией гитлеровской Германии и ее союзников в Европе, а также интересов Великобритании в деле возвращения занятых вражескими силами британских территорий в Европе и в согласии с двумя принципами - не стремиться к территориальным приобретениям для себя в Европе и не вмешиваться во внутренние дела народов Европы". Молотов поясняет, что смысл этой поправки заключается в том, чтобы не конкретизировать, какие меры будут приняты для обеспечения безопасности СССР и Великобритании. Эта статья будет означать, что мы уговорились, что Па-де-Кале и район Северного моря, а также Финский залив (дело касается Финляндии) и северо-западный район Черного моря (дело касается Румынии, так как территория Румынии в этой части Черного моря примыкает к тем районам СССР, где СССР должен быть особенно бдителен) представляют интерес в смысле обеспечения безопасности соответственно Великобритании и СССР. Молотов говорит, что

именно из указанных районов пришла агрессия в отношении Великобритании и СССР и мы, Договаривающиеся Стороны, естественно не можем игнорировать это обстоятельство на будущее время. Молотов подчеркивает, что советское правительство считает указанное условие обеспечения безопасности настолько элементарным, что он, Молотов, не видит основания для разногласий в этом вопросе.

Иден заявляет, что он не думает, что было бы необходимо определять в этой статье сферу английской безопасности. Английское правительство не думает заключать ни с Бельгией, ни с Голландией пактов о взаимопомощи. Эти страны не были агрессивны в отношении Великобритании, и английское правительство не ожидает агрессивных действий со стороны Бельгии и Голландии в будущем.

Молотов говорит, что мы в предложенной формулировке не упоминаем ни Бельгии, ни Голландии. Мы предлагаем формулировку, которая не связывает обе стороны. Молотов указывает, что действительно Голландия и Бельгия не предпринимали агрессивных действий в отношении Великобритании, но эти обе страны были использованы Германией в качестве базы для нападения на Англию.

Иден заявляет, что упоминание о мерах безопасности Великобритании в статье 3-й вызовет, по его мнению, большое возбуждение во Франции. Иден в шутливой форме замечает, что, вероятно, Молотов не хотел бы быть большим роялистом, чем сам король.

Молотов заявляет, что мы не настаиваем на каждой букве своей формулировки, но мы считаем, что в Договоре должны быть предусмотрены интересы безопасности обеих стран. Молотов замечает, что ему не совсем понятна незаинтересованность Англии в районах, указанных в советском проекте, и спрашивает, не интересует ли Англию в данном случае и вопрос о южной части Германии?

Иден смеется и заявляет, что в отношении Германии нет ничего незаконного.

Молотов заявляет, что он не думает, чтобы Великобритания не была бы заинтересована в обеспечении собственной безопасности со стороны Бельгии и Голландии.

Иден отвечает, что он должен посоветоваться по этому вопросу с коллегами по кабинету.

Молотов предлагает перейти к обсуждению следующего вопроса.

Иден предлагает дополнить пункт "б" статьи 3 словами: "Полное сотрудничество в межсоюзническом плане для оказания

помощи в деле..." и далее как в русском тексте. Это, как объявляет Иден, необходимо для того, чтобы показать американцам готовность наших стран работать совместно с Америкой в деле снабжения Европы продовольствием после войны.

Молотов говорит, что советская сторона должна будет обсудить эту поправку. Далее он, Молотов, переходя к статьям 4-5 и 6 советского проекта, заявляет, что они совпадают с соответствующими статьями английского проекта и, следовательно, в этом вопросе не имеется разногласий. Можно приступить к обсуждению статьи 4-й английского проекта.

Молотов говорит, что, поскольку вопрос, затрагиваемый в статье 4-й английского проекта, является новым вопросом, который раньше не затрагивался, он предпочел бы вообще не включать эту статью в Договор. Но можно, конечно, обсудить это предложение англичан.

Иден говорит, что Черчилль уже объяснил, почему трудно было бы исключить эту статью из Договора, а также указал на причины, по которым она была включена в Договор. Эта статья была включена в Договор по предложению Рузвельта. Он, Иден, должен откровенно сказать, что его коллеги по кабинету придают большое значение статье 4-й. Иден говорит, что если в Договоре мы будем касаться изменения границ после войны, то британское правительство просило бы обязательно включить подобную статью.

Молотов отвечает, что он уже высказался о мотивах, по которым советское правительство относится с большой осторожностью к этой статье. Этот пункт договора вызывает недоумение советского правительства. Такой пункт толкает население соответствующих районов и республик к предъявлению и выискиванию различных претензий к государству. Кроме того, статья эта прямо пропагандирует выезд из соответствующих республик и тем будоражит население, искусственно вносит беспокойство. Помимо этого, включение такой статьи может создать впечатление, что советское правительство чинило когда-либо препятствия к свободному выезду, в то время как практических трудностей в деле выезда отдельных лиц не было. Если какой-нибудь гражданин захотел бы выехать в будущем, после войны, он, Молотов, не думает, что будут существовать какие-либо возражения против этого со стороны советских органов. Но пропаганда предъявления претензий к государству, вносящая возбуждение среди населения, конечно, нежелательна для советского правительства. Тем не менее если Иден настаивает на включении этой статьи в Договор, то можно подыскать формулировку, несколько ограничивающую эту статью. Тов. Молотов предлагает

вторую фразу статьи 4 английского проекта формулировать следующим образом: "Высокие Договаривающиеся Стороны признают желательность включения в мирное урегулирование соответствующего условия, обеспечивающего, по возможности, жителям таких территорий, принадлежащим к национальному меньшинству, которые могут пожелать покинуть эти территории, право сделать это и взять с собой движимое имущество".

Иден признает, что эта поправка улучшает редакцию статьи.

Молотов говорит, что он хотел бы пояснить, в чем состоит смысл этой статьи для советского правительства. Он говорит, что наиболее деликатным вопросом для СССР является вопрос о поляках. Мы много ссорились с поляками в прошлом, но не хотели бы ссориться с ними в дальнейшем и желали бы устранить поводы для возможных недоразумений с ними. Можно было бы в конце концов, учитывая наши специфические отношения с поляками и их щепетильность, пойти им навстречу. Например, в Литве проживает много поляков. Литва, в соответствии с Конституцией СССР, будет составной частью СССР. Некоторые поляки могут пожелать переселиться из Литвы. В этом случае можно было бы не возражать против выезда поляков в Польшу, и в другие места из Литвы. Он, Молотов, хотел бы привести также и другой пример. Часть прежней Польши, а именно Западная Украина и Западная Белоруссия, должны войти в состав СССР, но в этих областях имеются поляки, которые могут захотеть выехать в Польшу. Мы не мешали бы этому. Конечно, в данном случае можно было бы обойтись и без особой статьи в англо-советском договоре, но можно и пойти в этом договоре на такую оговорку, которая для национальных меньшинств (примеры с поляками) оговаривает право выселения, пойдя на уступки и приняв его, Молотова, поправку, ограничивающую эту статью.

Иден, делая предположение, что часть Финляндии будет возвращена СССР, спрашивает, получит ли право финское меньшинство переселиться в этом случае в Финляндию.

Молотов отвечает, что в отношении Финляндии мы претендуем на восстановление мирного договора, согласно которому часть Финляндии отошла к СССР, но он должен сообщить о следующем: прежде чем эта часть территории была передана СССР, финляндское правительство отвело все свое население в Финляндию. Мы пришли на территорию, где уже не было финского населения. Лишь кое-где в лесах оставались отдельные финны. Мы разрешили этим финнам в количестве около 1500 человек уйти в Финляндию. Таким образом, для той части территории, которая по мирному договору с Финляндией должна была быть возвращена СССР, вопроса о переселении не существует. Иное дело в слу-

чае с поляками, среди которых могут быть желающие переселиться. Он, Молотов, думает, что и здесь дело ограничится единицами. Но есть отдельные польские группы населения в Литве, Западной Украине и Западной Белоруссии. Например, около бывшей советско-польской границы имеются польские деревни. Он, Молотов, думает, что большинство поляков не пожелает уйти, но советское правительство, идя навстречу Англии, может сделать уступку, оговорив в Договоре право переселения для жителей из национальных меньшинств.

Иден спрашивает, будет ли разрешено бессарабцам выехать из Бессарабии в том случае, если Бессарабия будет воссоединена с Советским Союзом.

Молотов отвечает, что это более сложный вопрос. Бессарабия более чем в течение 100 лет была территорией России и в течение лишь последних 20 лет принадлежала Румынии. Румыния стремится всех бессарабцев называть румынами. Большинство же населения Бессарабии составляют молдаване, которые не являются румынами. Когда Румыния была у власти в Бессарабии, она стремилась причислить к румынам всех бессарабцев без различия национальностей. В царское время подобным же образом всех бессарабцев считали русскими.

Иден говорит, что, как он понимает Молотова, литовцы не получат разрешения на переселение. Это очень серьезный вопрос. Он, Иден, благодарит за предложение в части изменения редакции статьи, которую он должен будет поставить на рассмотрение своих коллег.

Далее Иден говорит, что он хотел бы сделать предложение, касающееся обсуждения польского вопроса. До завтрака он говорил с Черчиллем. Срок отъезда Молотова в Америку, вероятно, будет зависеть от погоды. Черчилль обратился к Сталину с посланием, в котором он выразил благодарность за приезд Молотова в Лондон. Он, Иден, говорит, что английское правительство надеется, что Молотов по возвращении из Америки мог бы остановиться в Лондоне на несколько дней и поработать вместе с ним, Иденом, над разрешением польского вопроса. По мнению премьера, это лучше было бы сделать именно после возвращения Молотова из Америки.

Молотов отвечает, что план его поездки утвержден правительством. Он должен пробыть в Англии, чтобы кончить вопросы, касающиеся англо-советских отношений, и затем выехать в Америку для решения вопросов, касающихся советско-американских отношений, и возвратиться после этого в Москву. Таков план. Он, Молотов, считал бы целесообразным придерживаться порядка - кончать начатое дело, т.е. закончить работу, не оста-

навливаясь на полдороге. Он, Молотов, хотел бы закончить обсуждаемый вопрос в той степени, которая будет приемлема английскому правительству. За приглашение Черчилля остановиться на обратном пути в Москву в Лондоне, он, Молотов, выражает благодарность.

№ 41

Конфиденциально

Дополнительный протокол к Договору между СССР и Великобританией о разрешении послевоенных вопросов и об их совместных действиях для обеспечения безопасности в Европе после окончания войны с Германией и ее союзниками в Европе*

Стороны, подписавшие сего числа вышеуказанный договор, считая необходимым уточнить постановления статьи 3 названного договора, согласились, что при учете интересов безопасности СССР и Великобритании они будут исходить из нижеследующего:

1. В связи с тем, что Финляндия нарушила подписанный ею 12 марта 1940 года мирный договор с Советским Союзом, приняв участие вместе с Германией в вероломном нападении на СССР, и отвергла миролюбивые предложения Правительства СССР летом 1941 года о прекращении военных действий, оставшись в лагере гитлеровской Германии для продолжения агрессивной политики, - признается необходимым, наряду с восстановлением полного действия постановлений договора от 12 марта 1940 года, чтобы Советский Союз и Финляндия в целях обеспечения безопасности обеих стран и предотвращения в послевоенный период нарушения мира со стороны Германии в этой части Европы заключили между собою договор о взаимной помощи с гарантией независимости Финляндии.

2. В связи с тем, что Румыния нарушила соглашение о границе между СССР и Румынией, установленное обменом нот между Советским и Румынским правительствами 27-28 июня 1940 года, и приняла участие вместе с Германией в вероломном нападении на СССР, признается необходимым наряду с восстановлением советско-румынских границ в соответствии с вышеуказанным соглашением, чтобы Советский Союз и Румыния, в целях обеспечения безопасности обеих стран и предотвращения в послевоенный

* *См. док. № 40.*

период нарушения мира со стороны Германии в этой части Европы, заключили между собой договор о взаимной помощи с гарантией независимости Румынии.

3. В целях создания гарантий независимости Бельгии и Голландии, а также для обеспечения безопасности Великобритании, Бельгии и Голландии признается необходимым заключение договора о взаимной помощи между Великобританией и каждым из названных государств.

№ 42

Вручено Иденом т. Молотову
23 мая 1942 г.

ПРОЕКТ ДОГОВОРА

Его Величество король Великобритании, Ирландии и британских владений за морями, император Индии и Президиум Верховного Совета СССР,

желая подтвердить основы соглашения между Правительством Его Величества в Соединенном Королевстве и Правительством СССР о совместных действиях в войне против Германии, подписанного в Москве 12 июля 1941 года, и заменить его формальным Договором;

желая содействовать после войны поддержанию мира и предупреждению дальнейшей агрессии со стороны Германии или государств, связанных с нею в актах агрессии в Европе;

желая далее дать выражение своему намерению к тесному сотрудничеству друг с другом, а также с другими Объединенными Нациями, при выработке Мирного Договора и во время последующего периода реконструкции на базе принципов, провозглашенных в декларации Президента Соединенных Штатов Америки и Премьер-Министра Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии от 14 августа 1941 г., к которой присоединилось также Правительство СССР;

желая, наконец, обеспечить взаимную помощь в случае нападения на любую из Высоких Договаривающихся Сторон Германии или всякого иного государства, связанного с ней в актах агрессии в Европе, решили с этой целью заключить Договор и назначили в качестве своих полномочных представителей

Его Величество король Великобритании, Ирландии и британских владений за морями, император Индии от имени Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии....

Президиум Верховного Совета СССР...,

которые по обмене своих полномочий, найденных в надлежащей форме, согласились о нижеследующем:

Часть I

Статья I.

В силу союза, установленного между ними, Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются взаимно оказывать друг другу военную и другую помощь и поддержку всякого рода в войне против Германии и всех тех государств, которые связаны с ней в актах агрессии в Европе.

Статья П.

Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются не вступать ни в какие переговоры с гитлеровским правительством или любым другим правительством в Германии, которое ясно не откажется от всех агрессивных намерений, и не вести переговоров или не заключать перемирия или мирного договора с Германией или любым другим государством, связанным с ней в актах агрессии в Европе иначе, как по взаимному согласию.

Часть II

Статья III.

(I) Высокие Договаривающиеся Стороны заявляют о своем желании объединиться с другими единомышленными государствами в принятии предложений об общих действиях для сохранения мира и сопротивления агрессии.

(II) Впредь до одобрения подобных предложений они примут все меры, находящиеся в их власти, чтобы сделать невозможным повторение агрессии и нарушение мира Германией или любым из государств, связанных с ней в актах агрессии в Европе.

Статья IV.

Если одна из Высоких Договаривающихся Сторон будет вовлечена в военные действия с Германией или всяким иным государством, упомянутым в статье III (пункт II), в результате нападения этого государства на данную сторону, то другая Высокая Договаривающаяся Сторона сразу же [окажет] Высокой Договаривающейся Стороне, вовлеченной таким образом в военные действия, всякую военную и другую помощь и содействие, находящиеся в ее власти.

Эта статья должна оставаться в силе до тех пор, пока она не будет заменена принятием предложений, упомянутых в статье III (пункт I). Если таковые предложения не будут приняты, она останется в силе на период (20) лет и после того впредь до отказа от нее со стороны любой из Высоких Договаривающихся Сторон в соответствии с условиями статьи VIII.

Статья V.

Высокие Договаривающиеся Стороны согласились работать совместно в тесном и дружеском сотрудничестве после восстановления мира в целях организации безопасности и экономического процветания в Европе. Они будут принимать при этом во внимание интересы Объединенных Наций в осуществлении указанных целей и будут также действовать в соответствии с двумя принципами - не стремиться к территориальным приобретениям для самих себя и не вмешиваться во внутренние дела других государств.

Статья VI.

Высокие Договаривающиеся Стороны согласились оказывать друг другу после войны всякую взаимную экономическую помощь.

Статья VII.

Каждая из Высоких Договаривающихся Сторон обязуется не заключать никаких союзов и не принимать участия ни в каких коалициях, направленных против другой Высокой Договаривающейся Стороны.

Статья VIII.

Настоящий Договор подлежит ратификации в кратчайший срок и обмен ратификационными грамотами должен произойти в ________возможно скорее.

Он вступает в силу немедленно по обмене ратификационными грамотами и после того заменит собой Соглашение между Правительством СССР и Правительством Его Величества в Соединенном Королевстве, подписанное в Москве 12 июля 1941 года.

Часть 1-я настоящего Договора остается в силе до восстановления мира между Высокими Договаривающимися Сторонами и Германией и державами, связанными с ней в актах агрессии в Европе.

Часть 2-я настоящего Договора остается в силе на период (20) лет. После того, если одна из Договаривающихся Сторон не сделает за 12 месяцев до срока заявления о желании отказаться от Договора в конце указанного периода (20) лет, он будет продолжать оставаться в силе до тех пор, пока одна из Договаривающихся Сторон не сделает 12-месячного письменного предупреждения о своем намерении его ликвидировать.

В свидетельство чего вышеназванные полномочные представители подписали настоящий Договор и приложили к нему свои печати.

Учинен в 2-х экземплярах на русском и английском языках.

"   "__________1942 г.

Оба текста имеют одинаковую силу.

№ 43

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 6.40 24 мая 1942 года

Исаев, выходя из автомобиля, упал и повредил себе коленную чашечку левой ноги. Нога в гипсе, лететь дальше не может. Придется оставить его в Лондоне до излечения. Информируйте Василевского.

23/V-1942 г.
МОЛОТОВ

№ 44

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 6.40 24 мая 1942 года

СТАЛИНУ

23 мая состоялась третья беседа с Иденом о договорах. Иден начал беседу внесением совершенно нового предложения. Он вручил мне текст нового договора, который вместе с его оценкой по существу посылаю особо. Этот проект объединяет неспорные части обоих обсуждаемых договоров. В нем нет ничего о границах СССР и о праве переселения в другую страну, но содержится мысль о взаимопомощи на 20 лет после войны. Я сказал, что проект нового договора должен быть доложен правительству, когда я приеду в Москву, а теперь предложил обсудить поправки к прежним проектам. Я внес предложение вместо протокола (который я снял) внести поправку в наш текст статьи 3 ввиду добавления слов об "интересах безопасности Великобритании, особенно в районах Па-де-Кале и южной части Северного моря и интересах безопасности СССР, особенно в районах Финского залива и северо-западной части Черного моря". Иден косо посмотрел, выразил пока сомнение в необходимости предложенного мною относительно Великобритании, но обещал доложить правительству.

К статье 3 Иден дал новые формулировки двух ее пунктов. Пункт "а" сформулирован им так: "Обеспечение и укрепление экономической, военной и политической независимости всех Европейских стран и поощрение в подходящих случаях региональных соглашений и конфедераций на базе дружественных отношений к СССР и Великобритании". Считаю приемлемым и буду настаивать на таких поправках: исключить слово "военной" и

заменить слово "поощрение" словом "поддержание". Пункт "б" сформулирован Иденом так: "Полное сотрудничество в межсоюзнических планах по оказанию помощи в деле реконструкции промышленной и экономической жизни стран, оккупированных Германией или ее союзниками в Европе". Считаю это приемлемым.

Я внес также поправку в статью 5 английского проекта (о праве переселения) с добавлением, что это делается "по возможности" и только в отношении жителей, "принадлежащих к национальному меньшинству". Иден обещал обсудить. Иден спросил, принимаем ли мы текст его письма по польскому вопросу. Я обещал подумать над возможностью дать новую формулировку по этому вопросу. Иден также сказал, что он доложит правительству мои сегодняшние предложения лишь после получения от меня новой формулировки по польскому вопросу.

Прошу срочно дать ответ на мое вчерашнее предложение по польскому вопросу.

Общая моя оценка сегодняшней беседы с Иденом сводится к тому, что он не ожидал моих новых предложений (поправок) и уже приготовился к срыву обсуждавшихся двух договоров, а для прикрытия дал проект нового выхолощенного договора.

23.V-1942 г. МОЛОТОВ

№ 45

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 8.55 24 мая 1942 года

Посылаю текст нового договора, врученного мне Иденом 23 мая. Преамбль исключен, как несущественный, договор из двух частей:

Часть первая.

Статья 1. В силу Союза, установленного между нами*, Высокие договаривающиеся стороны обязуются взаимно оказывать друг другу военную и другую помощь и поддержку всякого рода в войне против Германии и всех тех государств, которые связаны с ней в актах агрессии в Европе.

Статья 2. Высокие договаривающиеся стороны обязуются не вступать ни в какие переговоры с гитлеровским правительством или любым другим правительством в Германии, которое ясно не откажется от всех агрессивных намерений, и не вести переговоры

** Сталин от руки вместо "нами" вставил "Великобританией и Советским Союзом". - О.Р.*

или не заключать перемирия или мирного договора с Германией или любым другим государством, связанным с ней в актах агрессии в Европе, иначе, как по взаимному согласию.

Часть 2-я.

Статья 3. 1) Высокие договаривающиеся стороны заявляют о своем желании ассоциироваться с другими единомышленными государствами в принятии предложений об общих действиях для сохранения мира и сопротивления агрессии.

2) Впредь до одобрения подобных предложений они примут все меры, лежащие в их власти, чтобы сделать невозможным повторение агрессии и нарушение мира Германией или любым из государств, связанных с ней в актах агрессии в Европе.

Статья 4. Если одна из Высоких договаривающихся сторон будет вовлечена в военные действия с Германией или всяким иным государством, упомянутым в статье 3 (пункт 2), в результате нападения этого государства на данную сторону, то другая высокая договаривающаяся сторона сразу же окажет договаривающейся стороне, вовлеченной таким образом в военные действия, всякую военную и другую помощь и содействие, лежащие в ее власти.

Эта статья должна оставаться в силе до тех пор, пока она не будет заменена принятием предложений, упомянутых в статье 3 (пункт 1). Если таковые предложения не будут приняты, она останется в силе на период (в 20 лет) и после того вплоть до отказа от нее со стороны любой из Высоких договаривающихся сторон в соответствии с условиями статьи 8.

Статья 5.

Высокие договаривающиеся стороны согласились работать совместно в тесном и дружеском сотрудничестве после восстановления мира в целях организации безопасности и экономического процветания в Европе. Они будут принимать при этом во внимание интересы объединенных наций в осуществлении указанных целей и будут также действовать в соответствии с двумя принципами - не стремиться к территориальным приобретениям для самих себя и не вмешиваться во внутренние дела других народов[2]*.

Статья 6.

Высокие договаривающиеся стороны согласились оказывать друг другу после войны всякую взаимную экономическую помощь.

Статья 7.

Каждая из Высоких договаривающихся сторон обязуется не заключать никаких союзов и не принимать участия ни в каких коалициях, направленных против другой Высокой договаривающейся стороны.

---

[2]* *Сталин заменил слово "народов" на "государств". - О.Р.*

Статья 8.

Настоящий договор подлежит ратификации в кратчайший срок и обмен ратификационными грамотами должен произойти в........возможно скорее.

Он вступает в силу немедленно по обмене ратификационными грамотами и после того же заменит собой соглашение между правительством СССР и правительством Его Величества в Соединенном Королевстве, подписанное в Москве 12 июля 1941 г.

Часть 1-я настоящего договора остается в силе до восстановления мира между Высокими договаривающимися сторонами и Германией и державами, связанными с ней в актах агрессии в Европе.

Часть 2-я настоящего договора остается в силе на период (20) лет. После того, если одна из договаривающихся сторон не сделает за 12 месяцев до срока заявления о желании отказаться от договора в конце указанного периода (20) лет, он будет продолжать оставаться в силе до тех пор, пока одна из договаривающихся сторон не сделает 12-месячного письменного предупреждения о своем намерении его ликвидировать.

Считаем этот договор неприемлемым, так как он является пустой декларацией, в которой СССР не нуждается [курсив мой. - *О.Р.]*.

23/V-1942 г. МОЛОТОВ, МАЙСКИЙ

№ 46

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 6.00 25 мая 1942 года

СТАЛИНУ

Предполагаю, что англичане внесут еще некоторые поправки в послевоенный договор (?) (могут отклонить мое предложение об особых интересах безопасности СССР в районах Финского залива и северо-запада Черного моря), - в этом случае я снесусь с Вами дополнительно, хотя это излишне затягивает мое пребывание в Лондоне.

Телеграфьте.

Ввиду моей информации Вам о последних беседах с Черчиллем и Иденом хорошо бы получить Вашу оценку этих бесед и Ваши указания о моем дальнейшем поведении в Лондоне

24.V.42 г.

МОЛОТОВ

№ 47

Телеграмма из Москвы
Получена в Лондоне в 18.30 24 мая 1942 года

МОЛОТОВУ

1. Проект договора, переданный тебе Иденом, получили. Мы его не считаем пустой декларацией и признаем, что он является важным документом. Там нет вопроса о безопасности границ, но это, пожалуй, неплохо, так как у нас остаются руки свободными. Вопрос о границах, или скорее о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны, будем решать силой.

2. Мы предлагаем отбросить поправки к старым проектам договоров и принять за основу проект Идена, объединяющий оба договора.

3. Наши поправки к проекту Идена: Часть 1 статья 1 - вместо слов "в силу Союза, установленного между нами", сказать "в силу Союза, установленного между Великобританией и СССР". Далее: часть 2, конец статьи 5 - вместо слов "не вмешиваться во внутренние дела других народов" сказать "не вмешиваться во внутренние дела других государств".

4. Если есть у Вас другие поправки, сообщите нам поскорее.

5. Желательно поскорее подписать договор и после этого вылететь в Америку.

ИНСТАНЦИЯ

№ 48

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 20.20 24 мая 1942 года

СТАЛИНУ

1) Ответ по польскому вопросу получил. Через три часа назначена четвертая встреча с Иденом.

2) Ответ Черчиллю о конвоях сегодня передам непосредственно или (ввиду воскресенья) через Идена.

3) Как предлагаете, дам согласие Черчиллю остановиться в Англии на обратном пути. Так как Черчилль послал Сталину послание об этом, то прошу ответ Сталина переслать через меня с тем, чтобы я его мог передать Черчиллю в подходящий момент. Для этого мне придется задержать на сутки передачу этого отве-

та, чтобы сообщение об обратном моем заезде не послужило поводом к откладыванию ответа на наши предложения по договору.

4) Проекта коммюнике пока не посылаю ввиду затяжки в переговорах.

5) Сегодня предполагаю принять Бивербрука[18], отдельно де-Голля и отдельно американского посла Вайнанта.

24/V-1942 г.

МОЛОТОВ

№ 49

Запись беседы с Иденом 24 мая 1942 года*

Присутствовали: Иден, Кадоган, Сарджэнт, Файэрбрэс
тт. Молотов, Майский, Соболев, Павлов

Молотов говорит, что он предложил бы более подробно изложить позицию английского правительства в письме Идена по польскому вопросу. Он, Молотов, считал бы более правильным, оставив без изменения предложенный Иденом проект письма по польскому вопросу, дополнить его изложением заявления Идена в палате общин 30 июля 1941 г. о том, что английское правительство не гарантирует никаких границ в Восточной Европе. Тов. Молотов передает Идену советский проект ответного письма Идена и говорит, что он надеется, что этот проект будет принят, так как, конечно, Иден согласится с Иденом.

Иден, принимая этот проект, говорит: что было бы лучше лишь сослаться на его заявление в палате общин. Он, Иден, не думает, что было бы возможным полностью изложить его заявление. В этом случае пришлось бы полностью изложить также и его ноту полякам от 30.VII.1941 г., которая говорит о непризнании английским правительством территориальных изменений, которые были произведены в Европе с 1939 г.

Молотов отвечает, что в письме Идена можно было бы изложить также содержание ноты Идена полякам от 30.VII.41 г., а также повторить его заявление в палате общин 30.VII.41 г.

Иден говорит, что он подумает о предложении Молотова. Со своей стороны он предложил бы в письме Молотова на его имя

---

* *Судя по содержанию беседы, телеграмму Сталина (инстанции) от 24 мая 1942 г. (док. № 47) Молотов еще не получил. - О.Р.*

по польскому вопросу более подробно изложить заявление т. Сталина Сикорскому в декабре 1941 г.

Молотов отвечает, что по поводу польской границы Сикорский получил в Москве более подробное разъяснение, чем заявление Идена в палате общин от 30 июля 1941 г.

Иден говорит, что декларация в палате общин интерпретирует то, что содержится в неявной форме в его ноте полякам от 30 июля 1941 г. Он, Иден, думает, что его предложение позволило бы добиться чистого равновесия двух позиций. О предложении т. Молотова он должен сообщить кабинету и посовещаться с премьером.

Молотов, переходя далее к вопросу предложенных им поправок к ст. 3 Договора, говорит, что он хотел бы слышать от Идена его мнение об этих поправках.

Иден отвечает, что ему непонятно, что подразумевается под обеспечением интересов безопасности СССР в районе Финского залива и в северо-западной части Черного моря. Он, Иден, хотел бы знать, означает ли это оккупацию советскими войсками Финляндии и северо-западной части Черного моря. Во всяком случае, по мнению Идена, предложенная формулировка о полном учете интересов безопасности СССР в этих районах вызовет большие возражения со стороны общественного мнения Англии, США и других стран, чем упоминание в Договоре о границах СССР. Создается впечатление, что мы устанавливаем карту послевоенного устройства в одной части Европы, не дожидаясь заключения мира, и решаем эти вопросы без учета общественного мнения Англии и США. Он, Иден, хотел бы, чтобы мы вернулись к обсуждению английского проекта Договора, предложенного им вчера. Этот Договор содержит больше, чем любой договор, заключенный Великобританией с какой-нибудь другой страной. Предлагаемый проект нового договора предусматривает заключение пакта о взаимопомощи на 20 лет. Это соглашение английское правительство готово подписать немедленно, и никто в мире не будет иметь ни малейших возражений против подобного договора между нашими странами. Этот договор послужит основанием, на котором будут построены прочные дружественные отношения между Великобританией и СССР как во время войны, так и в послевоенный период. Вместе с тем новый договор не исключает переговоров между нашими странами как союзниками не только по вопросам, касающимся Финляндии и Румынии, но как по политическим, так и по экономическим проблемам, связанным с переустройством всей Европы. С другой стороны, договор избегает спорных вопросов, упоминание о которых может принести только ущерб общему фронту союзников. Премьер изложил в

общей форме отношение американского правительства к прежним проектам наших договоров. Американский посол в Великобритании Вайнант, который является большим сторонником англо-советской дружбы и специально выезжал в Америку для того, чтобы поддержать заключение упомянутых соглашений между Великобританией и СССР, указывал на опасность и риск, которые могут возникнуть из факта подписания подобных договоров нашими странами с точки зрения взаимоотношений Великобритании и СССР с США. Он, Иден, уверен, что такого рода опасность усилится, если мы подпишем договор в прежней его форме, да еще со ссылкой на Финляндию и Румынию. Если же обе стороны подпишут новый предложенный английским правительством договор, то эти трудности не возникнут. В этом случае Молотов может поехать в США с чувством уверенности, что сделано все, чтобы улучшить отношения между Великобританией и СССР без нанесения ущерба отношениям этих стран с США. Исходя из этих соображений, он, Иден, представил английский проект нового договора на рассмотрение советского правительства. Ему, Идену, известно, что премьер очень сильно надеется на подписание именно такого нового договора.

Молотов отвечает, что новый проект представляет большой интерес для советского правительства и, безусловно, будет доложен правительству. Но затруднение состоит в том, что этот проект является новым. Этот новый проект можно будет обсудить после его возвращения в Москву. Поэтому он, Молотов, предлагает закончить в настоящее время обсуждение старых проектов. Он говорит, что, насколько он понял Идена, возникло недоразумение, так как по высказываниям Идена получается, будто в предложенных Молотовым поправках к статье 3 якобы упоминаются Финляндия и Румыния. Тов. Молотов подчеркивает, что в его поправках нет упоминаний ни о Финляндии, ни о Румынии. Финский залив омывает не только берега Финляндии. Он омывает также берега Ленинграда и Эстонии, которая, как признало английское правительство, входит в состав СССР. Договор не предрешает вопроса о карте Европы в послевоенный период. В соответствии с предлагаемым договором СССР договорится с финнами о специальных мерах безопасности в Финском заливе, которые не затронут суверенитета Финляндии. Что же касается полуострова Ханко, который был передан СССР в аренду в целях обеспечения интересов безопасности СССР в Финском заливе, то эта аренда была признана договором и финнами. Что касается Румынии, то она также не упоминается в поправке, предложенной Молотовым вчера. В этой поправке говорится о северо-западной части Черного моря, но это не означает, что речь идет о

всей Румынии. СССР интересует устье Дуная, так как немцы, например, теперь спускают по Дунаю в Черное море свои подводные лодки. С другой стороны, известно, что устье Дуная не принадлежит полностью Румынии, а в известной части принадлежит и СССР. В какой форме будет стоять вопрос об обеспечении безопасности СССР в устье Дуная - сейчас, конечно, трудно сказать. Но признание интересов безопасности СССР в северо-западной части Черного моря вряд ли может вызывать недоумения. Дело в том, что военные действия гитлеровских войск против СССР начались почти одновременно также и с северо-западной части Черного моря и с территории Финляндии. Поэтому признание интересов безопасности СССР в таких районах представляет собой элементарную вещь. Что касается ссылки на общественное мнение Америки, то в Америке, как и в Великобритании, имеются элементы, дружественно настроенные в отношении СССР, в смысле желания иметь СССР в качестве союзника в борьбе с Германией. Эти элементы составляют большинство в США, и нет оснований ожидать возражений со стороны большинства населения США против нашего договора.

Иден, возвращаясь снова к английскому проекту нового договора, говорит, что он хотел упомянуть еще о двух моментах. Новое в этом договоре - это только упоминание о пакте о взаимопомощи на 20 лет. Все остальное фактически повторяет то, что сказано либо в прежнем проекте военного, либо в прежнем проекте политического договора. Что касается позиции Америки, то он, Иден, должен сказать, что, к сожалению, Молотов не прав. Как говорил премьер, эти проекты договоров не нравятся Рузвельту, Хэллу и Уэллесу, т.е. людям, которые являются нашими друзьями, и это представляет собой большое затруднение. Он, Иден, должен признать, что он не прав в своих ссылках на Финляндию и Румынию и тов. Молотов был совершенно прав, когда поправил его. Но он, Иден, думал, что выражает то, что имело в виду советское правительство, говоря об обеспечении интересов безопасности СССР в районе Финского залива и северо-западной части Черного моря. Он думал бы также, что прямая ссылка на Румынию могла бы быть менее беспокойной, чем ссылка на северо-западную часть Черного моря, которую Турция могла бы истолковать как относящуюся к Болгарии и к самой Турции. Иден подчеркивает, что он не настаивает на другой формулировке поправки к статье 3.

Молотов отвечает, что поправка к ст. 3-ьей имеет в виду только Румынию. Болгария же расположена скорее в юго-западной части Черного моря. Тов. Молотов говорит, что можно было бы принять любую формулировку, которая показывала бы, что

речь идет только о Румынии. Что касается Америки, то если мы договоримся по обсуждаемым вопросам, то он, Молотов, готов принять на себя ответственность за то, чтобы показать американскому правительству, что мы проделали полезную работу, подписав договор.

Иден заявляет, что он хотел бы знать, что нового вносит поправка к статье 3 с упоминанием Финского залива и северо-западной части Черного моря по сравнению с постановлением договора о восстановлении границ СССР. Иден заявляет, что это последнее условие распространяется на Эстонию и на острова, которые определяют позицию СССР в Финском заливе. Он, Иден, хотел бы также знать, что означает поправка Молотова в отношении северо-западной части Черного моря. Он, Иден, хотел бы слышать, означает ли упоминание о северо-западной части Черного моря желание СССР получить базы и содержать оккупационные войска в этом районе. Иден говорит, что он хотел бы знать намерения советского правительства, которые оно имеет в виду, говоря об интересах обеспечения безопасности СССР как в районе Финского залива, так и в северо-западной части Черного моря.

Молотов отвечает, что замечание Идена о восстановлении границ СССР в Финском заливе не совсем правильно в отношении Ханко, где нет советской границы. Территория Ханко принадлежит Финляндии, но СССР получил право аренды этого полуострова в соответствии с договором о Финляндии. Вопрос об обеспечении безопасности СССР - это не просто вопрос о границах СССР. Возникнут ли другие вопросы об обеспечении интересов безопасности - это дело будущего. Но важно признать интересы безопасности СССР в Финском заливе и в северо-западной части Черного моря, тем более что эти районы были плацдармом для гитлеровского нападения на СССР. Тов. Молотов говорит, что дело идет не об оккупации Румынии. В предложенном нами секретном дополнительном протоколе предусматривается гарантирование независимости Румынии и заключение с Румынией пакта о взаимопомощи. Он, Молотов, напоминает о том, что до войны существовал пакт о взаимопомощи между СССР и Францией. В результате этого пакта Франция не сделалась зависимой от СССР и не было оккупации Франции. Конечно, говорит Молотов, этот пакт был неудачным и желательно это учесть в отношении Румынии. Но мы сейчас не предусматриваем, как конкретно обеспечить интересы безопасности СССР на будущее время. Но уже в настоящее время мы считаем нужным признать в договоре необходимость сделать это. Заключение такого договора послужило бы базой для развития дружественных отноше-

ний между нашими странами и для заключения в дальнейшем договора об англо-советском сотрудничестве на 20 лет после войны.

Иден заявляет, что он представит проект этого договора с внесенными во время обсуждения поправками на рассмотрение кабинета, но предварительно он хотел бы просмотреть все статьи, чтобы окончательно уяснить себе поправки.

Молотов не возражает.

Переходя к отдельным статьям, **Иден** говорит, что в отношении преамбулы, а также в отношении ст. ст. 1 и 2 английского и советского проектов не имеется трудностей. Что касается ст. 3, то ему ясно, что именно предлагает советское правительство к этой статье. Переходя к ст. 5 английского проекта, Иден заявляет, что, как ему кажется, пункт (а) этой статьи представляется приемлемым с добавлением слов "на базе дружественных отношений СССР и Великобритании". Это добавление, предложенное Молотовым, он, Иден, принимает.

Молотов говорит, что он хотел бы получить одно разъяснение по ст. 5 английского проекта. Дело в том, что в новой формулировке пункта (а) статьи 5 английского проекта сказано, что имеется в виду обеспечить политическую, экономическую и военную безопасность европейских государств. Он, Молотов, хотел бы услышать от Идена, почему в этой статье говорится также об обеспечении военной безопасности.

Иден отвечает, что эта формулировка всегда содержалась в английском проекте и была введена для того, чтобы предусмотреть военное укрепление европейских государств против возможной агрессии со стороны Германии.

Далее **Молотов** говорит, что он имеет еще одно замечание к статье 5 английского проекта. Он предпочитал бы сказать в пункте (а) этой статьи вместо "поощрение региональных соглашений и конфедераций" - "поддержка региональных соглашений и конфедераций". Тов. Молотов говорит, что между словами "поддержка" и "поощрение" есть разница. Когда мы говорим о поощрении, то это означает, что мы берем инициативу на себя, в случае же поддержки - инициатива лежит на стороне тех, которые создают региональные соглашения и конфедерации.

Иден заявляет, что поддержка (support) по-английски звучит более сильно, чем поощрение (encouragement). Поэтому он предложил бы пункт (а) английского проекта статьи 5 изложить в следующем виде: "обеспечение и укрепление экономической, военной и политической независимости всех европейских стран. Это должно быть достигнуто в подходящих случаях посредством

региональных соглашений и конфедераций на базе дружественных отношений Великобритании и СССР".

Молотов отвечает, что против этой формулировки не имеется возражений.

Иден говорит, что в пункте (б) статьи 5 английского проекта желательно оставить слово "полное".

Молотов отвечает, что он не настаивает на исключении слова и его можно оставить в тексте.

Переходя к статье 4 английского проекта с поправками Молотова, ограничивающими характер этой статьи, **Иден** заявляет, что в этой редакции статья не отвечает просьбам американцев.

Молотов указывает, что до некоторой степени она отвечает пожеланиям американцев.

Иден соглашается с мнением т. Молотова.

Молотов предлагает выкинуть из второй фразы этой статьи слово "беспрепятственно".

Иден не возражает. При этом он спрашивает т. Молотова, правильно ли понял его, что литовцы не являются нацменьшинством в Литве.

Молотов отвечает, что Иден правильно понял его. Литовцы не составляют нацменьшинства в Литве, но таковым являются, например, поляки в Литве.

Иден заявляет, что в результате можно считать согласованным с советской стороной статьи 5, 6 и 7 английского проекта. Но имеется один факт, который ему еще не совсем понятен. В проекте письма Молотова Идену по польскому вопросу имеется ссылка на договоренность между Сикорским и Сталиным. Он, Иден, хотел бы знать, какая договоренность имеется при этом в виду и когда она была достигнута.

Молотов отвечает, что письменной договоренности между т. Сталиным и Сикорским по вопросу о польской границе не было. В декабре месяце, во время визита Сикорского в Москву, имела место его беседа с т. Сталиным в том направлении, что вопрос о советско-польской границе будет урегулирован в дружественном духе. Тов. Сталин высказал пожелание, чтобы Польша стала большой и сильной державой, и это Сикорский приветствовал.

В конце беседы Молотов вручил Идену послание тов. Сталина Черчиллю по поводу отправки в СССР конвоя из 35 судов.

№ 5 0

Английский проект ответного письма Идена по польскому вопросу*

Сэр,

Имею честь подтвердить получение Вашего письма от сегодняшнего числа в связи с подписанием договора, касающегося послевоенного сотрудничества между нашими обеими странами.

Принимая к сведению содержащееся в Вашем письме заявление относительно границ между СССР и Польской Республикой, имею честь информировать Вас о следующем:

В понимании Правительства Его Величества в Соединенном Королевстве упоминание о границах в статье 3 договора не относится к границам Польши. Позиция Правительства Его Величества в этом отношении остается такой же, как она была охарактеризована в сообщении, сделанном польпра 30.VII.41 г. в связи с подписанием соглашения, заключенного в тот день между Советским Союзом и Польшей.

№ 5 1

Выписка из официального отчета о прениях в палате общин 30 июля 1941 года

Вопрос:

Мак-Ивен: Прав ли я, полагая, что в результате этого соглашения Правительство Е.В. не принимает на себя гарантий границы в Восточной Европе?

Ответ:

Иден: Да, сэр. Обмен нот, которые я зачитал в Палате, не предусматривает никакой гарантии границ Правительством Е.В.

№ 5 2

Прием лорда Бивербрука 24 мая 1942 года

Беседа происходила в [советском] посольстве.

Бивербрук выразил Молотову благодарность за то, что он его принял, и спросил, как прошел перелет.

Молотов ответил, что рад видеть Бивербрука. Перелет прошел благополучно.

* *См. док. № 30.*

Бивербрук ответил, что из США он тоже летел на самолете на большой высоте, пользуясь кислородом. Перелет был весьма удобным. В Америке он, Бивербрук, встречался с Рузвельтом и был у него в тот момент, когда последний писал телеграммы с приглашением Молотова в Вашингтон. Рузвельт является активным сторонником второго фронта. Он отличный человек для беседы по этому вопросу. Хэлл, Уэллес, Гопкинс, генерал Маршалл - тоже хорошие люди. Адмирал Кинг - удовлетворительный человек. Но Рузвельт лучше всех. Он одобрил его, Бивербрука, речь о втором фронте. В общем американское правительство идет впереди своего народа. В Англии - другое дело: народ, общественное мнение и широкие военные круги хотят второго фронта, а правительство тормозит это дело и отстает от своего народа. Правительство стало неповоротливым, как это было и в прошлую мировую войну, благодаря тому, что оно утонуло в организационной работе.

Молотов ответил, что вопрос о втором фронте является самым важным вопросом. Этот вопрос был поднят по инициативе американского правительства. Открытие второго фронта было бы реальной, существенной помощью СССР, и поэтому Советское Правительство с удовлетворением приняло приглашение американского правительства направить его, Молотова, в Лондон и Вашингтон для переговоров по этому вопросу. Молотов заметил, что он не знает, что ему следует ожидать от своего визита в Вашингтон. Что касается английского правительства, то из переговоров в Лондоне нельзя сказать, чтобы английское правительство относилось с энтузиазмом ко второму фронту в Европе, по крайней мере в этом году. Молотов указал, что английское правительство в ходе переговоров подкрепляет свои возражения ссылками на США. Молотов спросил, насколько правильны эти ссылки?

Бивербрук ответил, что Рузвельт является как раз тем человеком, с которым следует говорить о втором фронте. Что касается ссылок на американское правительство, то американцы весьма чувствительно относятся к религиозному вопросу в СССР. Они хотели бы обратить тов. Сталина в христианство. Кроме того, американцы не хотят включения Прибалтики в СССР в то время, как в Англии прибалтийские республики уже признаны составной частью СССР.

Бивербрук заявил, что он восхищен борьбой советской армии за период после его возвращения из Москвы.

Молотов ответил, что, возможно, Бивербрук, будучи в Москве, накануне так называемого решающего наступления Гитлера не был так уверен в силе Красной Армии, как теперь, когда Красная Армия нанесла Гитлеру ряд поражений. Эти успехи

Красной Армии придали больше уверенности советскому народу и подняли дух самой Красной Армии.

Затем Молотов сказал, что хотел бы обратиться к Бивербруку с просьбой. Дело в том, что немцы к югу от Харькова, помимо большого количества пехоты, бросили в бой 6 танковых дивизий и большое количество самолетов. В связи с этим мы ощущаем очень острую нужду в танках и в самолетах-истребителях. Сегодня он, Молотов, получил от тов. Сталина телеграмму с указанием обратиться к Черчиллю с просьбой увеличить поставки танков "Валентин" и истребителей. Он, Молотов, просил бы Бивербрука оказать содействие в осуществлении этой просьбы Советского Правительства.

Бивербрук ответил, что он охотно это сделает.

№53

Запись беседы с американским послом в Англии Вайнантом 24 мая 1942 года

Беседа происходила в [советском] посольстве.

Молотов спросил Вайнанта, знаком ли он с проектом договоров, которые обсуждаются им с английским правительством, а также с последним английским проектом?

Вайнант ответил, что он знает эти проекты. Он сам является большим сторонником сотрудничества СССР, Англии и США не только в нынешней войне, но и в послевоенный период. Он, Вайнант, хотел бы, чтобы к англо-советскому соглашению присоединились бы также и США. Во время своей недавней поездки в США он защищал проекты советско-английских соглашений, но ему не удалось добиться одобрения этих проектов со стороны американского правительства, поскольку в этих договорах содержится упоминание о советских границах. Подписание этих прежних проектов было бы неодобрительно встречено в США и увеличило бы трудности Рузвельта в деле оказания помощи СССР. Что касается нового английского проекта*, то Рузвельт относится к нему одобрительно, и поэтому он, Вайнант, рекомендовал бы Молотову подписать именно этот последний английский проект.

Молотов ответил, что новый английский проект представляет интерес, и, поскольку он получил одобрение Рузвельта, Советское Правительство внимательно отнесется к его рассмотрению.

---

* *См. док. №42.*

Далее **Вайнант** коснулся вопроса о втором фронте и сказал, что Рузвельт является его горячим сторонником, что в этом отношении Молотов найдет также полную поддержку у Гопкинса и у генерала Маршалла.

Что касается Англии, то в момент пребывания Гопкинса и Маршалла в Лондоне вопрос здесь был поднят на большую высоту, главным образом благодаря энтузиазму и решительности американских представителей. После их отъезда настроения в отношении второго фронта в кругах английского правительства несколько спали. По мнению Вайнанта, Черчилль и Иден хотят второго фронта, но начальники штабов не питают к этой идее симпатий (особенно начальник генерального штаба Брук). В связи с указанной ситуацией он, Вайнант, считал бы нежелательным осложнять положение Рузвельта внесением в договор вопроса о границах, так как, по его мнению, второй фронт важнее договоров.

В конце беседы Вайнант восторженно отозвался о Майском, отметив, что несколько лет назад Майский был единственным человеком, который правильно предсказал ход исторического развития.

Молотов также отметил Майского, как выдающегося советского дипломата.

Во время пребывания в Великобритании В. Молотов встретился с председателем Национального комитета Свободной Франции генералом Ш. де Голлем, а на обратном пути из США - с президентом Чехословацкой Республики Э. Бенешем, председателем Совета Министров Польши генералом В. Сикорским и министром иностранных дел Э. Рачинским, министром иностранных дел Югославии М. Нинчичем. Эти встречи и беседы отражали общую линию советской внешней политики того времени - курс на объединение усилий европейских стран в борьбе против агрессии Германии, ее союзников и сателлитов, поддержку находившихся в эмиграции правительств европейских стран, оккупированных захватчиками.

Одной из дальних целей этого курса было установление таких отношений со странами Центральной и Восточной Европы, которые будут способствовать ликвидации враждебной буферной зоны, существовавшей до войны на западных границах СССР, признанию этих границ и обеспечению их безопасности.

Этот курс советской политики нашел свое отражение и в беседе В. Молотова с де Голлем. Надо сказать, что отношения генерала де Голля и Национального комитета Свободной Франции с ведущими державами антигитлеровской коалиции складывались весьма непросто. Великобритания 28 июня 1940 г. признала де Голля "главой всех свободных французов" в противовес прогитлеровскому правительству Петена, обосновавшемуся во французском городе Виши. США не торопились с признанием де Голля и в интересах безопасности американского континента заключили с правительством Виши (совместно с Канадой) соглашение о нейтрализации французских территорий в Америке, что

вызвало протест де Голля, стремившегося утвердить свое руководство в заморских владениях Франции. Был "нейтрализован" и о-в Мартиника, о котором упомянет де Голль в беседе с Молотовым. Немало конфликтов возникало у де Голля и в отношениях с Великобританией. Один из них связан с высадкой 5-7 мая 1942 г. британских войск на французском острове Мадагаскар и занятием военно-морской базы Диего-Суарес. Высадка была произведена ввиду японской угрозы острову, но без предварительной информации об этом де Голля и участия подчиненных ему вооруженных сил Франции. СССР и США некоторое время поддерживали дипломатические отношения с правительством Виши. СССР - до конца июня 1941 г. Посол США был отозван из Виши в апреле 1942 г.

26 сентября 1941 г. Советское правительство в официальном письме на имя де Голля признало его руководителем "всех свободных французов" и заявило о готовности оказать ему помощь в общей борьбе с гитлеровской Германией и ее союзниками.

О позиции де Голля по отношению к СССР, США и Великобритании в тот период можно судить по его телеграмме от 3 января 1942 г. полномочному представителю Свободной Франции в Леванте Ж. Катру, в которой он следующим образом расставляет свои оценки: "Для государственного департамента в Вашингтоне весь французский вопрос сводится к тому, чтобы добиться предотвращения активного сотрудничества Виши с Германией. Корделл Хэлл полагает добиться этого, стараясь любой ценой уберечь Виши... Англичане, хотя и без убежденности, сообразуют свою политику с американскими указаниями. Однако они вносят в нее некоторые коррективы...

В конце концов все дело заключается в том, что англосаксы вообще и американцы в особенности хотят, конечно, выиграть войну, но не собираются вести ее по-настоящему, то есть подвергать себя всем тем опасностям и риску, которые она несет с собой.

Россия, наоборот, ведет войну, не щадя усилий. Вот почему в настоящее время мы ближе к ней, чем к какой-либо другой державе, и я надеюсь, что в скором времени мы сможем доказать это дипломатическими, а может быть, и военными мероприятиями"[19].

№ 54

Беседа с председателем Французского национального комитета генералом де Голлем и комиссаром по иностранным делам Национального комитета Дежаном

24 мая 1942 г.

Лондон

Беседа началась в 20 ч. 03 минуты. Беседа происходила в помещении посольства (у т. Богомолова[20]).

Де Голль начал с приветствия по адресу советского народа и Красной Армии от имени свободных французов.

Молотов поблагодарил его и в свою очередь приветствовал французский народ, объединенный в борьбе против гитлеровской Германии. Молотов выразил чувства симпатии движению свободных французов и готовность Совпра поддержать это движение.

Де Голль стал жаловаться на трудности, которые встречает это движение в лагере союзников и, в частности, со стороны Англии и США, которые сводят значение движения свободных французов до уровня чисто военной организации, избегая всячески политической квалификации этого движения. Живым примером такого отношения англичан и особенно американцев является их политика в отношении Мартиники и Мадагаскара. Сводя значение деголлевского движения до уровня чисто военного движения, Англия и США получают возможность вести политику "свободных рук" во французских колониях. После занятия Диего-Суареца Нацкомитет обратился к англичанам с просьбой отправить туда связного офицера, т.к. на Мадагаскаре имеется много деголлистов. Англичане отказали де Голлю в этой просьбе.

Такая позиция англичан и американцев по отношению к движению свободных французов вызывает недоумение во Франции, где люди начинают сомневаться в значении этого движения, т.к. оно не может защитить интересов французского народа.

Молотов ответил, что он понимает трудность положения Нацкомитета и выражает свое сочувствие движению свободных французов и желание Совпра оказать ему поддержку. В частности, это может относиться и к вопросу о Мартинике и Мадагаскаре. Молотов сказал, что он хорошо понимает чувства французского народа по отношению к тем территориям, которые принадлежат Франции. Что же касается вопроса о суверенитете французского народа, то Совпра желало бы видеть этот суверенитет полностью восстановленным и Францию возрожденной во всем ее прежнем величии и блеске.

- Присутствовавший на беседе **Дежан** спросил, в какой именно форме Совпра может поддержать Нацкомитет в отношении Мадагаскара, и при этом намекнул, что наиболее важным вопросом является установление на этом острове французской администрации.

Де Голль добавил к этому, что Нацкомитет претендует в данном случае на признание французского суверенитета по отношению к Мадагаскару, как и к другим колониям.

Молотов сказал, что для начала Советское Правительство проявит интерес к этому вопросу перед правительством Англии и США, а дальнейшие мероприятия будут более ясны после выяснения последствий такого проявления интереса к этому вопросу со стороны Правительств СССР.

- Де Голль и **Дежан** поблагодарили за обещание поддержки.

Де Голль коснулся вопроса об участии СССР в современной войне, сказал, что военная мощь и военные усилия СССР произвели громадное впечатление на французский народ и явились для него стимулом к повышению его собственной активности в борьбе с врагом, а также большим аргументом в пользу СССР, что, однако, не означает готовности французского народа подражать Советскому Союзу в вопросе построения внутрифранцузского режима.

Молотов ответил в категорической форме, что Советское Правительство считает, что внутренний режим Франции - это дело самого французского народа, который сам выберет себе систему и правительство, которые обеспечат счастливое будущее и процветание Франции. Советское Правительство не будет вмешиваться во внутренние дела Франции.

Де Голль подчеркнул, что он сам лично и большинство французского народа сознают, что надо всецело поддержать военные усилия Красной Армии, и что голлисты производят сейчас много важных военных акций, которые могут облегчить высадку англосаксонских войск Франции и открыть второй фронт.

Молотов дал краткую характеристику двум течениям, которые имеются в Англии по поводу второго фронта, и подчеркнул, что, исходя из хорошо понятных национальных интересов, англичане должны пойти на открытие второго фронта в этом году, чтобы поскорей закончить эту войну.

Де Голль сказал, что он лично во всех беседах с англичанами и американцами высказывает ту же мысль и настаивает на скорейшем открытии второго фронта. При этом де Голль пожаловался на слабость материальной поддержки со стороны англичан. Нет достаточного количества оружия, литературы, газет, листовок.

Молотов еще раз подчеркнул готовность Совпра оказать де Голлю поддержку.

В конце беседы де Голль коснулся вопроса о своих вооруженных силах. Если дела в Ливии пойдут благополучно и опасность германо-итальянского нападения не возрастет, то Нацкомитет обратится к Советскому Правительству с просьбой принять в Действующую Армию одну французскую бригаду.

Молотов поблагодарил его за это.

Де Голль добавил, что в настоящее время он хочет послать в СССР небольшую группу летчиков, чтобы принять хотя бы небольшое участие в той борьбе, которую ведет Красная Армия против Германии. Де Голль попросил прислать в Левант советского генконсула или офицера для связи, чтобы он мог познако-

миться с генералом Катру, который является одновременно и губернатором Леванта и командующим войсками де Голля на Ближнем Востоке. Связной мог бы на месте познакомиться с войсками де Голля.

Молотов сказал, что Советское Правительство рассмотрит это предложение.

- В конце беседы **де Голль** просил передать его сердечный привет тов. И.В. Сталину.

Беседа длилась 1 ч. 20 минут.

№ 55

Телеграмма из Москвы
Получена в Лондоне в 22.55 24 мая 1942 года

МОЛОТОВУ. Я получил сегодня от Черчилля новое послание, где он считает необходимым, чтобы ты по возвращении из США на своем обратном пути вновь посетил Лондон для беседы и переговоров с Черчиллем и Иденом. Я уже писал тебе от имени инстанции, что тебе следует на обратном пути остановиться в Лондоне.

Передай Черчиллю следующий мой ответ:

"Ваше последнее послание получил 24 мая. Вячеслав Молотов как и я считаем, что было бы целесообразно на обратном пути из США остановиться в Лондоне для завершения переговоров с представителями Великобританского правительства по интересующим наши страны вопросам".

СТАЛИН

№ 56

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 9.15 25 мая 1942 года

В дополнение к моим №№ 20-23* досылаю текст преамбулы нового проекта договора, врученного мне Иденом 23 мая,

"Его Величество Король Великобритании, Ирландии и британских доминионов за морями, император Индии и

Президиум Верховного Совета СССР,

**См. док. №45.*

Желая подтвердить положения соглашения между правительством Его Величества в Соединенном Королевстве и правительством СССР о совместных действиях в войне против Германии, подписанного в Москве 12 июля 1941 г., и заменить его формальным договором;

Желая содействовать после войны поддержанию мира и предупреждению дальнейшей агрессии со стороны Германии или государств, связанных с нею в актах агрессии в Европе;

Желая далее дать выражение своему намерению к тесному сотрудничеству друг с другом, а также с другими объединенными нациями при выработке мирного договора и во время последующего периода реконструкции на базе принципов, провозглашенных в декларации Президента Соединенных Штатов Америки и Премьер-Министра Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии от 14 августа 1941 г., к которой присоединилось также Правительство СССР;

Желая, наконец, обеспечить взаимную помощь на случай нападения на любую из Высоких Договаривающихся сторон Германии или всякого иного государства, связанного с ней в актах агрессии в Европе,

Решили с этой целью заключить договор и назначили в качестве своих полномочных представителей

Его Величество Король Великобритании, Ирландии и британских доминионов за морями, Император Индии от имени Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии...

Президиум Верховного Совета СССР...,

Которые по обмене своими полномочиями, найденными в надлежащей форме, согласились о нижеследующем:

Часть первая". И т. далее.

24.V.42 г. МОЛОТОВ

№57

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 9Л5 25 мая 1942 года

1. Принимаю директиву инстанции к руководству и считаю, что и новый проект договора может иметь положительное значение. Я сразу недооценил этого.

2. Только что беседовал с американцем Вайнантом, который просил не подписывать прежних проектов со спорными в данной обстановке вопросами о границах до моего разговора с Рузвель-

том. Вайнант дал понять, что он знает и согласен с новым проектом, причем высказал, что считает желательным подпись США под этим договором. Не предложить ли это Черчиллю (предварительно осторожно прощупав его), а при его согласии и Рузвельту? Во всяком случае наше согласие на переход к новому проекту договора покажу как большую нашу уступку Черчиллю и особенно Рузвельту, недовольство которого прежними проектами Черчилль и Иден очень подчеркивали.

3. 25 мая предложу Идену обсудить его новый проект и постараюсь закончить дело 26 мая.

4. Ваши поправки, конечно, проведем. Если будут у меня другие поправки, сейчас же пошлю их Вам.

5. Дополнительно посылаю текст вводной части договора. Если будут поправки к ней, прошу телеграфировать.

24.V.42 г. МОЛОТОВ

№ 58

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 9.15 25 мая 1942 года

1. Предлагаю дополнительно следующую поправку к статье 5 нового проекта. В конце первой фразы после слов "в Европе" добавить: "с полным учетом интересов безопасности каждой из них". Других поправок не имею.

2. Кроме того, хочу при подходящем случае посоветовать Идену ликвидировать посольства трех прибалтийских стран в Лондоне. Это же можно будет прощупать и при благоприятной обстановке посоветовать так в Вашингтоне.

Жду ответ.

24.V.42 г. МОЛОТОВ

№ 59

Запись беседы с Иденом
25 мая 1942 года

Присутствовали: Иден, Кадоган, Сарджэнт, Лоу[21], Файэрбрэс
тт. Молотов, Майский, Соболев, Павлов

Молотов говорит, что он хотел бы сообщить Идену о следующем: разумеется, он информировал Советское правительство о том, что английской стороной предложен проект нового Догово-

ра, и о том, что он, Молотов, считал бы целесообразным заняться рассмотрением нового Договора. Он, Молотов, сообщил также, что Черчилль одобрил и считает правильным проект нового Договора и предпочитает этот Договор старым проектам. Одновременно он информировал правительство, что, по сведениям Черчилля и Идена, американское правительство и Рузвельт не желали бы заключения Договора между Великобританией и СССР, в котором содержались бы спорные вопросы, вызывающие возражения в американских и английских кругах. Молотов говорит дальше, что он беседовал вчера с американским послом Вайнантом и слышал от него, что действительно таково мнение в Америке и, в частности, мнение Рузвельта. Молотов просил Советское правительство по возможности дать ему указания для немедленного обсуждения вопроса о заключении нового Договора. Трудности в обсуждении проекта Договора в Москве заключаются в том, что такого рода проекты договоров рассматриваются не в Совете Народных Комиссаров, а в Президиуме Верховного Совета под председательством тов. Калинина и с участием тов. Сталина, и так как в состав Президиума Верховного Совета входят лица, не всегда находящиеся в Москве, то это затягивает обсуждение.

Он, Молотов, еще не имеет окончательных директив, но надеется получить эти директивы сегодня вечером или завтра утром*. Он, Молотов, посоветовался с Послом и считает в настоящее время возможным приступить к рассмотрению проекта в предварительном порядке с целью выяснения некоторых вопросов. Поскольку проект нового Договора повторяет большую часть пунктов старых проектов, не вызывающих возражений, и поскольку он рассчитывает получить директивы в ближайшие часы, Молотов предлагает начать рассмотрение пунктов и статей, которые являются новыми и требуют разъяснения.

Иден заявляет, что он хочет тепло поблагодарить Молотова за понимание и терпение, которое Молотов проявил при обсуждении трудных вопросов, с которыми мы встретились, в особенности в отношении США. Он, Иден, не имеет ни малейшего сомнения в том, что проект нового Договора является наиболее полезным инструментом, способствующим развитию дружественных отношений между нашими странами как во время войны, так и в послевоенный период. Английская сторона полностью в распоряжении Молотова, чтобы приступить к рассмотрению

** Директива к этому времени была получена и, как следует из дальнейшей беседы, Иден это понял. - О.Р.*

Договора. Предварительно, может быть, ему, Идену, будет разрешено упомянуть об одном вопросе. Дело в том, что для английского правительства было бы трудным, имея в виду отношения с США, подписать старый Договор до визита Молотова в США. Этой трудности не существует в случае с новым Договором, и английское правительство готово подписать этот Договор, когда будет удобно Молотову. Разумеется, эта готовность английского правительства вовсе не уменьшает его желания видеть Молотова своим гостем на обратном пути из США.

Молотов отвечает, что его визит затянулся, но он надеется, что при рассмотрении проекта нового Договора не будет трудностей. Он, со своей стороны, намерен ограничиться минимальными замечаниями и изменениями к проекту этого Договора. Он хотел бы предложить, не рассматривая в данное время преамбулы, приступить сразу к разъяснению отдельных статей Договора, так как более существенные вопросы содержатся в статьях. Молотов заявляет, что в отношении 1-й статьи у него нет возражений, поскольку она повторяет то, что было сказано в прежнем проекте. Ему, Молотову, только кажется, что в статье 1-й вместо слов "между ними" лучше сказать "между Великобританией и СССР".

Иден говорит, что против этой поправки не имеется возражений, и просит вместо "Великобританией" сказать "Соединенным королевством".

Молотов не возражает.

Далее, переходя к II-й части Договора, Молотов говорит, что здесь требуется разъяснение. Он хотел бы знать, что означает слово "ассоциироваться" в пункте 1 статьи 3-й.

Иден отвечает, что он имеет в виду, что в конечном счете после войны будет создано некое международное устройство как для Европы, так и для всего мира и что обе наши страны, США и другие страны будут сотрудничать в этом устройстве. Иден говорит, что 2-я часть статьи 3-й является оперативной частью и касается положения в период непосредственно после окончания войны и будет действовать до тех пор, пока не будет создан желательный для обеих стран порядок, организация которого может потребовать длительного времени. Действие этого пункта распространяется на весь период, вплоть до момента, когда мы получим некоторый международный механизм для сохранения мира.

Молотов спрашивает, что надо понимать под выражением "единомышленные государства"?

Иден отвечает, что в этом пункте говорится о желании СССР и Великобритании объединиться с единомышленными государствами, т.е. с государствами не типа Германии, не с гангстерами.

Молотов спрашивает, не следует ли сказать, что 2-я часть относится к послевоенному периоду?

Иден соглашается и заявляет, что, пожалуй, мы должны сказать об этом во 2-й части статьи 3-й.

Молотов отвечает, что он не возражает против выражения "ассоциироваться", но его интересует вопрос, имеются ли в виду какие-нибудь конкретные формы ассоциации?

Иден отвечает, что таких форм ассоциации в настоящее время еще не существует в проекте.

Молотов говорит, что он предложил бы пункт 1-й статьи 3-й, в соответствии с тем, что он говорил, формулировать следующим образом:

Высокие Договаривающиеся Стороны заявляют о своем желании ассоциироваться с другими единомышленными государствами в принятии предложений об общих действиях в послевоенный период для сохранения мира и сопротивления агрессии.

Иден принимает поправку Молотова.

Молотов говорит, что у него больше не имеется замечаний по статье 3-й.

Молотов, переходя к статье 4-й, говорит, что он предложил бы также упомянуть в этой статье о послевоенном периоде и формулировать начало первой фразы статьи 4-й в следующем виде:

Если одна из Высоких Договаривающихся Сторон после окончания нынешней войны...

и далее сохранить прежний текст.

Иден отвечает, что он не имеет возражений против этой поправки.

Переходя к статье 5-й Договора, **Молотов** спрашивает, не считает ли Иден желательным найти такую формулировку статьи 5-й, в которой было бы сказано об обеспечении интересов безопасности сторон, подписывающих Договор. Молотов говорит, что он пока ничего не предлагает, а только ставит этот вопрос. Если это будет приемлемо, то потом можно обсудить соответствующую поправку к статье 5-й.

Иден отвечает утвердительно и говорит, что это следовало бы сделать.

Молотов говорит, что, наконец, он предложил бы в конце статьи 5-й заменить слово "народов" словом "государств".

Иден признает, что эта поправка улучшает редакцию статьи 5-й.

Молотов говорит, что до получения указаний из Москвы он не имеет вопросов по остальной части Договора. Он полагает,

что по получении этих указаний можно будет наряду с остальными статьями обсудить также и проект преамбулы Договора, хотя он, Молотов, не думает, что потребуются какие-либо поправки к преамбуле.

Молотов спрашивает, не имеет ли Иден предложений о названии Договора?

Иден говорит, что он не думал о названии Договора.

Молотов заявляет, что у него также нет конкретных предложений на этот счет, и предлагает обдумать название Договора.

Иден говорит, что Сарджент напоминает ему о том, что как СССР, так и Великобритания имеют обязательство информировать турецкое правительство о советско-английском договоре до его подписания. Он, Иден, думает, что, может быть, Молотов повидает с этой целью турецкого посла в Лондоне.

Молотов отвечает, что он обдумает этот вопрос, и турки будут информированы о подписываемом Договоре или в Куйбышеве, или, как это предлагает Иден, в Лондоне.

№ 60

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 2.25 26 мая 1942 года

СТАЛИНУ

1. Кроме поправки к статье 5 предлагаю поправку к статье 4, где первую фразу второго абзаца лучше дать в следующей редакции:

"Эта статья должна оставаться в силе до тех пор, пока договаривающиеся стороны не согласятся с тем, что она может быть заменена принятием предложений, упомянутых в статье 3 (пункт 2)".

2. Предлагаю следующее краткое название договора

"Договор между СССР и Великобританией о союзе, взаимной военной помощи в войне против Германии и ее союзников в Европе и о сотрудничестве в разрешении послевоенных вопросов"*

Жду ответ.

Сегодня начинаем с Иденом обсуждение нового договора. Надеюсь завтра кончить.

25.V.42 г.
МОЛОТОВ

---

* *Сталин от руки внес изменения в название договора: "Договор между СССР и Великобританией о союзе и взаимной помощи в войне против гитлеровской Германии и о сотрудничестве после войны". - О.Р.*

№ 61

Телеграмма из Москвы
Отправлена в 11.20 26 мая 1942 года

МОЛОТОВУ

1. Твоя поправка к статье 4 приемлема.

2. Название договора нужно сделать короче, вроде следующего:

"Договор между СССР и Великобританией о Союзе и взаимной помощи в войне против гитлеровской Германии и о сотрудничестве после войны".

ИНСТАНЦИЯ

№ 62

Иден вручил т. Молотову
25 мая 1942 г.

ПРОЕКТ ЗАЯВЛЕНИЯ

Проекты деклараций, которые должны быть сделаны турецкому правительству одновременно правительством Его Величества и Советским Правительством непосредственно перед подписанием англо-советского договора.

(Только британская декларация).

1. Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве, как союзник Турции, желает в первую очередь информировать турецкое правительство о своем намерении заключить договор с правительством Союза Советских Социалистических Республик.

(Только советская декларация).

Правительство Союза Советских Социалистических Республик во исполнение своего обязательства, согласно протоколу от 17 декабря 1929 года о возобновлении Советско-Турецкого договора о дружбе и нейтралитете от 17 декабря 1925 года, желает информировать Турецкое Правительство о своем намерении заключить договор с Правительством Его Величества в Соединенном Королевстве.

(Текст декларации обоих правительств).

2. Договор подтверждает и заменяет англо-советское соглашение о совместных действиях в войне против Германии, подписанное в Москве 12 июля 1941 года. Он выражает их намерение тесного сотрудничества друг с другом, а также объединившими-

ся нациями в деле мирного урегулирования и в течение последующего периода реконструкции на основе принципов, провозглашенных в декларации Президента Соединенных Штатов Америки и британского Премьер-Министра от 14 августа 1941 года, к которой присоединилось и Правительство Союза Советских Социалистических Республик. Он также служит осуществлением желания Правительства Его Величества и Советского Правительства совместно работать в тесном и дружественном сотрудничестве после восстановления мира в деле организации как безопасности, так и экономического процветания в Европе, учитывая интересы объединившихся наций в этих вопросах и действуя в соответствии с двумя принципами - не стремиться к территориальным приобретениям для самих себя и не вмешиваться во внутренние дела других народов.

3. Оба правительства, желая объединиться с другими единомышленными государствами в принятии предложений об общих действиях после войны в целях сохранения мира и сопротивления агрессии, соглашаются, что впредь до принятия подобных предложений они примут все меры, находящиеся в их власти, чтобы сделать невозможным повторение агрессии и нарушения мира Германией или любым из государств, связанных с нею в актах агрессии в Европе. Далее они соглашаются о том, что, если, тем не менее, одна из сторон окажется вовлеченной в военные действия с упомянутыми выше государствами до принятия решения об общих действиях в целях сохранения мира и сопротивления агрессии, они немедленно окажут друг другу всякую военную и другую поддержку и помощь, находящиеся в их власти. Это обязательство об оказании друг другу взаимной помощи останется в силе в течение 20 лет до тех пор, пока оно не будет заменено тем временем более широким планом по поддержанию мира и сопротивлению агрессии.

4. (Правительство Союза Советских Социалистических Республик, Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве) желает воспользоваться этой возможностью, чтобы вновь самым торжественным образом подтвердить заверения, которые оно дало турецкому правительству 10 августа 1941 года следующего содержания:

"Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве подтверждает свою верность конвенции, заключенной в Монтре, и заверяет Турецкое Правительством в том, что оно не имеет никаких агрессивных намерений или притязаний в отношении Проливов; Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве, так же как и Советское Правительство готовы честно соблюдать территориальную целостность Турецкой Республики;

полностью понимая стремление Турецкого Правительства избежать вовлечения в войну, Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве, так же как и Советское Правительство, были бы готовы оказать Турции всякую помощь и поддержку в том случае, если она подвергнется нападению какой-нибудь другой державы".

Проект заявления А. Идена, одобренный в Москве, не отражает скрытой напряженности советско-турецких отношений в этот период. Она была вызвана прогерманскими тенденциями в политике турецкого правительства, последствиями договора о территориальной неприкосновенности и дружбе, подписанного в Анкаре 18 июня 1941 г., за три дня до нападения Германии на СССР, немецким послом фон Папеном и турецким министром иностранных дел Ш. Сараджоглу. Этому договору номинально противостоял англо-франко-турецкий договор о взаимопомощи, заключенный 19 октября 1939 г. сроком на 15 лет. После капитуляции Франции в 1940 г. он сохранил силу как англо-турецкий договор. На практике Турция оказывала помощь в войне Германии, начала сосредоточение войск на границе с СССР и, как сообщал в Берлин фон Папен, была склонна "присоединить к себе... ценнейшие бакинские месторождения нефти". Поражение немецких войск под Москвой, совместные демарши Великобритании и СССР, а затем и США имели немаловажное значение в сдерживании агрессивных планов экстремистских кругов Турции, но не ослабили турецкой помощи Германии. Экспорт турецкого стратегического сырья (главным образом хрома) в Германию возрос в 1942 г. в два раза. Турция получила германский кредит в 100 млн марок и согласилась на поставки германского вооружения[22].

№63

Запись беседы с Гарриманом[23] 25 мая 1942 года

Беседа происходила в [советском] посольстве.

Гарриман заявил, что американские поставки в СССР страдают от недостатка тоннажа. Этим объясняется невыполнение американцами московского протокола. Но он заверяет, что лично он делает все возможное для увеличения поставок в СССР. Для этой цели он, собственно, и был послан Рузвельтом в Лондон. Два специальных американских морских офицера следят за продвижением конвоев в СССР. Поставки будут увеличены немедленно, если будет возможно достать дополнительное количество тоннажа. Однако в настоящее время из предполагавшихся к отправке в мае 50 с лишним судов США будут в состоянии отправить только половину этого количества. Ввиду этого он, Гарриман, просил бы

указать, в каких видах снабжения мы наиболее остро нуждаемся, чтобы отправить эти грузы в первую очередь.

Гарриман спросил также, каково положение на фронте.

Молотов поблагодарил Гарримана за его старания в области поставок в СССР. Отвечая на его вопрос, он сказал, что положение на нашем фронте нельзя назвать благоприятным. К югу от Харькова немцы бросили в бой значительное количество авиации и 6 танковых дивизий. В связи с этим тов. Сталин поручил ему, Молотову, просить английское правительство об увеличении поставок танков и самолетов-истребителей.

Гарриман обещал оказать в этом деле свое содействие.

№ 64

Запись беседы с Черчиллем и Иденом 25 мая 1942 года

Беседа состоялась в городской резиденции (квартире) премьера - Даунинг стрит, 10, при чем присутствовали только четверо: Черчилль, Иден - с английской стороны, т.т. Молотов и Майский - с советской. Переводил т. Майский. Беседа началась в 10 часов вечера и закончилась после часа ночи. Премьер вел себя так же, как и во время первой беседы 22-го: усиленно курил сигару и прихлебывал из стакана с виски.

1. Беседа началась с того, что **Черчилль** стал расспрашивать т. Молотова о положении на советском фронте и о наших взглядах на военные перспективы этого лета. Интересовался также Черчилль вопросами военного производства в СССР. Говоря о советском фронте, Черчилль велел принести карту этого фронта, как она составляется британским генеральным штабом на основе получаемой им информации.

Тов. Молотов коротко ориентировал Черчилля в положении на советском фронте, отметив ряд неточностей, имеющихся на английской карте, и ознакомил его также с некоторыми данными о военной продукции СССР (главным образом, самолетов). **Черчилль** в общем был как будто бы удовлетворен сообщенной ему информацией, но сделал явный жест изумления, смешанного с известным недоверием, когда т. Молотов сказал, что, по нашим расчетам, немцы могут иметь в этом году на советском фронте примерно такое же количество войск, как и СССР, а может быть, и немного больше. Со своей стороны, Черчилль высказал мнение, что общая тенденция военного положения становится лучше с точки союзников, и высказал уверенность в неизбежности по-

беды союзников. При этом он привел такой расчет: САШ производят сейчас 372 тыс. самолетов всевозможных родов в месяц, Англия произвела в апреле 2100, СССР, по мнению англичан, произвел в том же апреле 2900 (тут т. Молотов прервал Черчилля словами: "Гораздо меньше!"*), всего, таким образом, союзники производят в месяц не меньше 8 тыс. самолетов. В то время, как "ось" производит их не больше 3,5 тыс. (Германия 2500, Италия 500-600, Япония 400-500). Таким образом, уже сейчас союзники имеют громадный перевес над "осью" в области авиационного производства. Дальше этот перевес будет еще больше увеличиваться. Тем самым им обеспечена победа. В данной связи Черчилль прибавил, что в ближайшие дни, как только погода несколько улучшится, Англия начнет гигантские воздушные бомбардировки Германии, причем в налетах будут участвовать по 1000 бомбардировщиков зараз. В этой же связи Черчилль заметил, что в ближайшее время собирается вновь отправиться в САШ. Главная причина состоит в следующем: хотя авиационная продукция САШ быстро растет, но получение самолетов из Америки в Англию становится все более затруднительным, т.е. американцы отказываются отпускать самолеты за границу под предлогом создания собственного американского флота. Целью поездки Черчилля будет в первую очередь получить побольше самолетов от САШ теперь же, летом и осенью нынешнего года. Затем **т. Молотов** настойчиво поставил перед Черчиллем вопрос об увеличении посылок СССР истребителей и танков "Валентин", сославшись на специальное поручение, полученное им сегодня от т. Сталина. **Черчилль** обещал сразу же заняться этим вопросом и после того сообщить ответ. Подчеркивая верность Англии своим обещаниям по Московскому Протоколу, премьер, однако, указал на большие трудности, возникающие в последнее время с отправкой конвоев. В данной связи он заявил, что считал бы очень желательным организацию совместной англо-советской операции в северной Норвегии и Финляндии для очистки названных районов от немцев. Если бы этого удалось достигнуть, транспортировка снабжения из Англии и САШ в СССР стала бы сравнительно легче и безопасней. Черчилль обещал подготовить проект такой операции в ближайшие дни. Черчилль предложил также ежедневно сообщать получаемую им военную информацию с фронтов нашему посольству в Лондоне и просил выделить для этой цели специального человека.

2. Беседа коснулась также проекта нового договора, о котором **Иден** говорил вечером 22-го мая. Поскольку текст

---

* *В апреле 1942 г. в СССР было произведено около 2 тыс. самолетов. - О.Р.*

этого договора днем 25-го в основном был одобрен обеими сторонами, Иден передал тут же проект некоторых поправок к договору, которые после короткого обмена мнений были согласованы.

Иден также передал проект своего заявления турецкому послу о предстоящем заключении договора, которое он собирался сделать этому последнему 26-го днем.

Тут же передан был и "протокол" того заседания у Черчилля (22-го мая утром), на котором обсуждался вопрос о втором фронте.

3. **Молотов** вручил Черчиллю послание тов. Сталина, в котором Сталин давал согласие на вторичную остановку Молотова на обратном пути из Америки. **Черчилль** и **Иден** были чрезвычайно довольны, и премьер тут же дал понять, что ему очень хотелось бы повстречаться с т. Сталиным. Молотов поддержал это намерение премьера и высказал мысль о том, что встреча была бы, несомненно, очень полезна и интересна, и что т. Сталин был бы рад повидать Черчилля. Черчилль оживился и воскликнул: "Вот, очистим север Норвегии и на завоеванной территории устроим наше свидание, а может быть, и свидание трех - с участием президента Рузвельта".

Беседу записал И.М. МАЙСКИЙ

P.S. Запись сделана весьма суммарно, не отражает многих характерных деталей беседы (расспросов Черчилля о том, каковы методы работы т. Сталина и т.д.), которые восстановить невозможно, т.к. во время этой беседы неофициального характера записей, естественно, не велось. - В.М[олотов]

№ 65

Вручено Черчиллю
25 мая 1942 года

Послание И.В. Сталина господину Черчиллю

Ваше последнее Послание получил 24 мая. Вячеслав Молотов, как и я, считаем, что было бы целесообразно на обратном пути из США остановиться в Лондоне для завершения переговоров с представителями Великобританского Правительства по интересующим наши страны вопросам.

24 мая 1942.

№ 66

Телеграмма из Москвы
Отправлена в 14.00 25 мая 1942 года

МОЛОТОВУ

1. Вводная часть к проекту Идена вполне приемлема и не нуждается в поправках.

2. Советуем никаких больше поправок не вносить в проект Идена кроме тех двух, о которых вчера сообщили тебе.

3. Намекать Черчиллю насчет того, чтобы Рузвельт присоединился к договору, не следует, так как это будет нескромностью и англичане расценили бы это как умаление их роли.

4. Если американцы или Черчилль сами поставят вопрос о присоединении США, то ты должен принять это с полной готовностью.

5. Мы согласны на то, чтобы ты посоветовал Идену ликвидировать прибалтийские посольства.

ИНСТАНЦИЯ

№ 67

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 11.15 26 мая 1942 года

СТАЛИНУ

1. Днем у Идена кратко обсудили и наметили поправки. Вечером Черчилль пригласил к себе на квартиру, где окончательно договорились о тексте договора и долго беседовали. Поправки внесены небольшие в духе Ваших и моих предложений. Черчилль и Иден довольны. Подписываем договор 26 мая в 5 часов вечера. Опубликование откладывается до дня моего возвращения в Москву.

2. Иден заявил, что он будет информировать турок о договоре, спрашивал, не сделать ли это совместно. Я ответил, что мы информируем турок в Куйбышеве. Прошу поручить это Вышинскому (имея в виду протокол 1929 года).

25. V. 42 г.
МОЛОТОВ

№ 68

Запись беседы с лордом Маунтбаттеном - начальником штаба комбинированных операций 26 мая 1942 года

Беседа происходила в [советском] Посольстве.

Маунтбэтон заявил, что англичане решили приступить к постройке специальных боевых машин, способных оперировать в горах на почве, покрытой снегом. Английский штаб предполагает забросить при помощи авиации эти машины будущей зимой в Норвегию для операций в тылу немцев с целью разрушения важных объектов. Они предполагают при помощи этих машин вывести из строя 50% всех электростанций, работающих в Норвегии. Кроме того, можно было бы забросить аэросани в Карпаты, откуда они смогли бы проникнуть в Румынию для разрушения нефтяных районов в Плоешти. Он, Маунтбэтон, полагает, что разрушение нефтяных районов Плоешти могло бы быть проведено с помощью аэросаней более успешно, чем с помощью авиации. Операции подобных снежных боевых машин по разрушению коммуникаций в тылу у немцев, в Норвегии и на Балканах, заставили бы немцев оттянуть с советско-германского фронта несколько десятков тысяч войск для охраны тыла. Это принесло бы существенное облегчение СССР в борьбе с германской армией. Поэтому английский штаб был бы очень благодарен, если бы Советское правительство оказало помощь в деле конструирования указанных снежных боевых машин путем предоставления чертежей и передачи опыта. В настоящее время в США находится профессор Пайк, который уже два года специально работает над разрешением этой проблемы и он, Маунтбэтон, был бы очень благодарен, если бы Молотов смог его принять. Этот профессор может объяснить подробно все детали проблемы создания снежной боевой машины, над разрешением которой совместно с англичанами работают также и американцы.

Молотов ответил, что он слышал об этом вопросе. Он не имеет специальных знаний в этой области и сейчас не может входить в рассмотрение деталей этого дела. Тем не менее он обещает ознакомиться с этим вопросом. Молотов говорит, что он согласен принять профессора Пайка в Вашингтоне.

№ 69

Телеграмма из Лондона Получена в Москве в 0Л0 27 мая 1942 года

Передаю полученный от Идена проект сообщения турецкому правительству о предстоящем подписании англо-советского союзного договора, который Иден предлагал сделать совместно и

который он 26 мая сделает только от английского правительства (с соответствующими коррективами):

"Проект заявления.

Проекты деклараций, которые должны быть сделаны турецкому правительству одновременно правительством Его Величества и Советским правительством непосредственно перед подписанием англо-советского договора.

(Только британская декларация).

1. Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве, как союзник Турции, желает в первую очередь информировать турецкое правительство о своем намерении заключить договор с правительством Союза Советских Социалистических Республик.

(Только советская декларация).

Правительство Союза Советских Социалистических Республик во исполнение своего обязательства согласно протоколу от 17 декабря 1929 года о возобновлении Советско-Турецкого договора о дружбе и нейтралитете от 17 декабря 1925 года желает информировать Турецкое правительство о своем намерении заключить договор с правительством Его Величества в Соединенном Королевстве.

(Текст декларации обоих правительств).

2. Договор подтверждает и заменяет англо-советское соглашение о совместных действиях в войне против Германии, подписанное в Москве 12 июля 1941 года. Он выражает их намерение тесного сотрудничества друг с другом, а также с другими объединившимися нациями в деле мирного урегулирования и в течение последующего периода реконструкции на основе принципов, провозглашенных в декларации Президента Соединенных Штатов Америки и британского Премьер-Министра от 14 августа 1941 года, к которой присоединилось и правительство Союза Советских Социалистических Республик. Он также служит осуществлением желания правительства Его Величества и Советского правительства совместно работать в тесном и дружественном сотрудничестве после восстановления мира в деле организации, как безопасности, так и экономического процветания в Европе, учитывая интересы объединившихся наций в этих вопросах и действуя в соответствии с двумя принципами - не стремиться к территориальным приобретениям для самих себя и не вмешиваться во внутренние дела других народов.

3. Оба правительства, желая объединиться с другими единомышленными государствами в принятии предложений об общих действиях после войны в целях сохранения мира и сопротивления агрессии, соглашаются, что впредь до принятия подобных предложений они примут все меры, находящиеся в их власти, чтобы сделать невозможным повторение агрессии и нарушения мира Германией или любым из государств, связанных с нею в актах

агрессии в Европе. Далее они соглашаются о том, что, если, тем не менее, одна из сторон окажется вовлеченной в военные действия с упомянутыми выше государствами до принятия решения об общих действиях в целях сохранения мира и сопротивления агрессии, они немедленно окажут друг другу всякую военную и другую поддержку и помощь, находящиеся в их власти. Это обязательство об оказании друг другу взаимной помощи останется в силе в течение 20 лет до тех пор, пока оно не будет заменено тем временем более широким планом (?) по поддержанию мира и сопротивлению агрессии.

4. (Правительство Союза Советских Социалистических Республик, Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве) желает воспользоваться этой возможностью, чтобы вновь самым торжественным образом подтвердить заверения, которые оно дало турецкому правительству 10 августа 1941 года следующего содержания:

"Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве подтверждает свою верность конвенции, заключенной в Монтре, и заверяет Турецкое правительство в том, что оно не имеет никаких агрессивных намерений или притязаний в отношении Проливов; Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве, так же как и Советское Правительство готовы честно соблюдать территориальную целостность Турецкой республики; полностью понимая стремление турецкого правительства избежать вовлечения в войну, Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве, так же как и Советское Правительство были бы готовы оказать Турции всякую помощь и поддержку в том случае, если она подвергнется нападению какой-нибудь другой державы".

Я передал Кадогану через Майского, что вообще не вижу необходимости в повторении заверения от 10 августа 1941 года.

26.V.42 г. МОЛОТОВ

№ 70

Телеграмма из Москвы
Отправлена в 15.10. 27 мая 1942 года

МОЛОТОВУ

Переданный тебе Иденом проект сообщения турецкому правительству о предстоящем подписании англо-советского Союзного договора получили. Еще до получения твоей телеграммы с этим проектом, на основании твоей телеграммы за № 31 *, где ты

---

* *См. док. № 67.*

сообщал о том, что Договор будет подписан 26 мая, и в соответствии с твоей просьбой, мы поручили Вышинскому сделать соответствующее заявление о предстоящем подписании договора турецкому посольству в Куйбышеве. Вышинский сделал такое заявление турецкому поверенному в делах вечером 26 мая. Текст устного заявления Вышинского не расходится с сообщенным тобой проектом. О своем заявлении турецкому посольству Вышинский сообщил для сведения в Анкару Виноградову[24].

ПО ПОРУЧЕНИЮ ИНСТАНЦИИ - ДЕКАНОЗОВ[25]

№ 71

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 05.45 27 мая 1942 года

Сегодня, 26 мая, подписали с Иденом договор. Обменялись речами, текст которых пришлю. Все прошло хорошо.

26.V.42 г.
МОЛОТОВ

Подписание англо-советского союзного договора. Лондон, 26 мая 1942 года (справа налево: У. Черчилль, А. Иден, В. Молотов, И. Майский)

Телеграмма из Лондона

Получена в Москве в 15.35 27 мая 1942 года

1) Встреча с королем состоялась. Ничем особенным непримечательна.

2) Заходил ко мне дважды Бивербрук. Советовал нажимать на английское правительство и уверял, что Рузвельт за второй фронт.

3) Принял де-Голля. Он не доволен, что англичане и американцы признают его только как руководителя военных сил свободных французов, но не считаются с ним в таких делах, как вопрос о Мадагаскаре или о. Мартинике. Предложил, чтобы СССР учредил консульство в Леванте. Я обещал изучить.

4) Заходил ко мне Гарриман. Уверял, что Рузвельт будет доволен договором и что он все делает для снабжения СССР.

5) С Черчиллем говорил об ускорении поставок истребителей и танков. Обещал принять меры, но не сказал ничего конкретного.

6) 26 мая устроил завтрак англичанам. Военный кабинет во главе с Черчиллем был в полном составе. Завтрак прошел хорошо.

7) 27 мая днем собираюсь вылететь в США, если позволит погода.

МОЛОТОВ

Для 10-го Отдела*. Передайте в Вашингтон: 27 мая в полдень самолет вылетает из Прествик по ранее намеченному маршруту, если позволит погода. О фактическом вылете самолета сообщит Майский.

26/V-1942 г. МОЛОТОВ

№ 73

Телеграмма из Лондона

Получена в Москве в 14.35 28 мая 1942 года

Передаю полный текст договора, подписанного 26 мая 1942 года:

"ДОГОВОР

между СССР и Соединенным Королевством Великобритании о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны.

---

* *Отдел связи НКИД. – О.Р.*

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик и

Его Величество Король Великобритании, Ирландии и Британских владений за морями, император Индии,

Желая подтвердить условия соглашения между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Его Величества в Соединенном Королевстве о совместных действиях в войне против Германии, подписанного в Москве 12 июля 1941 года, и заменить его формальным договором;

Желая содействовать после войны поддержанию мира и предупреждению дальнейшей агрессии со стороны Германии или государств, связанных с нею в актах агрессии в Европе;

Желая далее дать выражение своему намерению к тесному сотрудничеству друг с другом, а также с другими объединенными нациями при выработке мирного договора и во время последующего периода реконструкции на базе принципов, провозглашенных в декларации президента Соединенных Штатов Америки и премьер-министра Великобритании от 14 августа 1941 года, к которой присоединилось также Правительство Союза Советских Социалистических Республик;

Желая, наконец, обеспечить взаимную помощь в случае нападения на одну из Высоких Договаривающихся сторон Германии или всякого иного государства, связанного с ней в актах агрессии в Европе,

Решили с этой целью заключить договор и назначили в качестве своих полномочных представителей

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик Вячеслава Михайловича Молотова, Народного Комиссара Иностранных Дел

Его Величество Король Великобритании, Ирландии и Британских владений за морями, Император Индии от имени Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии достопочтенного Антони Идена, члена Парламента, Министра Иностранных Дел Его Величества,

Которые по предъявлении своих полномочий, найденных в надлежащей форме, согласились о нижеследующем:

ЧАСТЬ 1.

СТАТЬЯ 1. В силу Союза, установленного между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенным Королевством, Высокие Договаривающиеся стороны взаимно обязуются оказывать друг другу военную и другую помощь и поддержку всякого рода в войне против Германии и всех тех государств, которые связаны с ней в актах агрессии в Европе.

СТАТЬЯ 2. Высокие Договаривающиеся стороны обязуются не вступать ни в какие переговоры с гитлеровским правительством или любым другим правительством в Германии, которое ясно не откажется от всех агрессивных намерений, и не вести переговоров или не заключать перемирия или мирного договора с Германией или любым другим государством, связанным с ней в актах агрессии в Европе, иначе, как по взаимному согласию.

ЧАСТЬ 2.

СТАТЬЯ 3.

1. Высокие Договаривающиеся стороны заявляют о своем желании объединиться с другими единомышленными государствами в принятии предложений об общих действиях в послевоенный период в целях сохранения мира и сопротивления агрессии.

2. Впредь до одобрения таких предложений они примут после окончания военных действий все меры, находящиеся в их власти, чтобы сделать невозможным повторение агрессии и нарушение мира Германией или любым из государств, связанных с ней в актах агрессии в Европе.

СТАТЬЯ 4. Если одна из Высоких Договаривающихся сторон в послевоенный период снова окажется вовлеченной в военные действия с Германией или всяким иным государством, упомянутым в статье 3 (пункт 2), в результате нападения этого государства на данную сторону, то другая Высокая Договаривающаяся сторона сразу же окажет договаривающейся стороне, вовлеченной таким образом в военные действия, всякую военную и другую помощь и содействие, лежащие в ее власти.

Эта статья останется в силе до того, как по обоюдному согласию Высоких Договаривающихся сторон будет признана излишней, ввиду принятия ими предложений, упомянутых в статье 3 (пункт 1). Если таковые предложения не будут приняты, она останется в силе на период в 20 лет и после того впредь до отказа от нее со стороны любой из Высоких Договаривающихся сторон в соответствии с условиями статьи 8.

СТАТЬЯ 5. Высокие Договаривающиеся стороны с учетом интересов безопасности каждой из них согласились работать совместно в тесном и дружеском сотрудничестве после восстановления мира в целях организации безопасности и экономического процветания в Европе. Они будут принимать во внимание интересы объединенных наций в осуществлении указанных целей и будут также действовать в соответствии с двумя принципами - не стремиться к территориальным приобретениям для самих себя и не вмешиваться во внутренние дела других государств.

СТАТЬЯ 6. Высокие Договаривающиеся стороны согласились оказывать друг другу после войны всякую взаимную экономическую помощь.

СТАТЬЯ 7. Каждая из Высоких Договаривающихся сторон обязуются не заключать никаких союзов и не принимать участия ни в каких коалициях, направленных против другой Высокой Договаривающейся стороны.

СТАТЬЯ 8. Настоящий договор подлежит ратификации в кратчайший срок и обмен ратификационными грамотами должен произойти в Москве возможно скорее.

Он вступает в силу немедленно по обмене ратификационными грамотами и после того заменит собой соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Его Величества в Соединенном Королевстве, подписанное в Москве 12 июля 1941 года.

Часть 1-я настоящего договора остается в силе до восстановления мира между Высокими Договаривающимися сторонами и Германией и державами, связанными с ней в актах агрессии в Европе.

Часть 2-я настоящего договора остается в силе на период 20 лет. После того, если одна из Договаривающихся сторон в конце указанного периода в 20 лет не сделает за 12 месяцев до срока заявления о своем желании отказаться от договора, он будет продолжать оставаться в силе до тех пор, пока одна из Договаривающихся сторон не сделает 12-месячного письменного предупреждения о своем намерении прекратить его действие.

В свидетельство чего вышеназванные полномочные представители подписали настоящий договор и приложили к нему свои печати.

Учинен в Лондоне в 2-х экземплярах на русском и английском языках 26 мая 1942 года.

Оба текста имеют одинаковую силу.

В. МОЛОТОВ Антони ИДЕН"

27.V.42 г. МОЛОТОВ

№ 74

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 16.00 28 мая 1942 года

Передаю текст моей ответной речи на речь Идена при подписании договора 26 мая 1942 года.

"Господин Черчилль, господа.

Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Великобританией о союзе в войне против гитлеровской

Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны, который я имел честь только что подписать от имени Правительства СССР, является важной политической вехой в развитии отношений между Великобританией и Советским Союзом. Наш договор нужен народам не только СССР и Великобритании, но и народам других стран. Позвольте выразить уверенность, что все народы, которые испытали на себе нападение немецко-фашистских империалистов или свободе и чести которых угрожала и еще может угрожать гитлеровская банда разбойников, угнетателей, насильников, - все они выразят удовлетворение появлением на свет этого исторического договора. Наши союзники во всем мире разделят с нами горячее чувство удовлетворения. Наш договор нужен для того, чтобы скорее обеспечить разгром гитлеровской Германии, чтобы мы скорее пришли к желанной цели - к победе.

Настоящий договор определяет общую линию действий Советского Союза и Великобритании также и после войны. 20-летний срок действия этого договора по окончании войны, - действия на основе военной и экономической взаимопомощи против возможной новой агрессии со стороны Германии и во имя обеспечения безопасности и экономического благополучия народов Европы, - говорит сам за себя; Гитлер и его сообщники по кровавому разбою в Европе теперь еще больше почувствуют, как крепнут и сплачиваются объединенные силы их противников. Тем лучше для нас, для наших народов, для нашего общего дела.

Этот договор говорит и содержит больше, чем известное англо-советское соглашение прошлого года. Договор 26 мая 1942 года является новым, важным этапом в развитии англо-советских отношений на основе союза и военной взаимопомощи против нашего общего и непримиримого врага в Европе, как сейчас, так и в будущем. Он дает надежную основу для совместной работы и после войны, что во многом усиливает его значение.

Еще больше следует подчеркнуть то, что относящееся в этом договоре к сегодняшнему дню уже успешно осуществляется, проводится на деле. Такой договор с большим удовлетворением будут приветствовать народные массы Советского Союза, где под руководством великого вождя - полководца И.В. Сталина Красная Армия ведет героическую борьбу против германских захватчиков, непоколебимо веря, что недалеко то время, когда наше правое дело одержит полную победу.

Приношу искреннюю благодарность премьер-министру Великобритании господину Черчиллю и министру иностранных дел господину Идену, так много сделавшим для настоящего договора, за их активное участие во всей работе.

Я выражаю самую искреннюю признательность правительству Великобритании за гостеприимство, оказанное мне, как представителю Правительства СССР.

В заключении я хотел бы выразить твердую уверенность в том, что подписанный сегодня договор с честью послужит делу нашей победы, делу великого будущего наших народов".

27.V.42 г. МОЛОТОВ

№ 75

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 18.00 28 мая 1942 года

Передаю для сведения текст речи Идена при подписании договора

Речь Идена при подписании договора 26 мая 1942 года:

"От имени правительства Его Величества в Соединенном Королевстве приветствую Вас, господин Молотов, в качестве министра иностранных дел Союза Советских Социалистических Республик. Мы встречаемся в мире, который охвачен войной, когда наши две страны находятся в схватках с общим врагом. Под воздействием войны мы нашли то понимание, которого нам не удавалось достигнуть в течение нескольких лет мирного времени.

Договор, который мы только что подписали, отражает наши обязательства совместно продолжать борьбу, пока не будет одержана победа.

От имени своих коллег я заверяю Вас, что со стороны правительства и народа нашего острова не будет колебаний в том предприятии. Такова, следовательно, первая часть нашей задачи - низвержение Гитлера и уничтожение всего того, что знаменует его режим. Но в нашем договоре имеется и вторая глава. Придет время, когда война окончится. Придет время, когда наш общий враг будет разбит и снова воцарится мир. Мы должны позаботиться о том, чтобы на этот раз мир был прочным. В договоре, который мы подписали, мы обязуемся работать совместно во имя этой цели. Никогда еще в истории наших двух стран наша ассоциация не была столь тесной. Никогда наши взаимные обязательства в отношении будущего не были столь совершенными. Это, безусловно, является счастливым предзнаменованием. В нашем соглашении нет ничего исключающего. Мы стремимся к миру и безопасности не только для обеих наших стран, но и для всех объединившихся наций. Но взаимопонимание между нами является одной из основ мира не только для нас, но и для всего мира.

Мы подписали наш договор, и часть нашей работы лежит уже позади.

Я хотел бы сказать теперь, господин Молотов, насколько мы высоко ценим государственную мудрость и понимание, которое Вы проявили в наших переговорах.

Я хотел бы также поблагодарить господина Майского, Вашего посла, который сделал так много во время своего пребывания в Великобритании, чтобы построить мост между нашими обеими странами. Часть работы уже позади нас, но еще более значительная часть лежит впереди. Нужно выиграть войну, нужно построить мир. Ни одна из этих задач не может быть разрешена лишь нами одними. Вы, господин Молотов, покидаете наши берега и отправляетесь в Соединенные Штаты. Будущее человечества будет в сильной степени зависеть от сотрудничества Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Британского Сообщества наций.

Мы благодарим Вас за Вашу работу вместе с нами и желаем Вам счастливого пути".

27.V.42 г. МОЛОТОВ

№ 76

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 21.45 27 мая 1942 года

МОСКВА-КУЙБЫШЕВ

Сегодня около 9 часов утра самолет с товарищем Молотовым вылетел в США.

27/V-1942 г. НОВИКОВ[26]

Главным результатом визита В.М. Молотова было подписание союзного договора между СССР и Великобританией. Но почему практически за несколько дней произошло столь радикальное изменение советской позиции? Документы вполне определенно указывают, что Молотов, вылетая из Москвы, не был ориентирован на подписание договора, исключающего признание советских границ 1941 года. Думается, что существенной причиной согласия советской стороны с британским проектом явилась, как и во время визита Идена в Москву в декабре 1941 года, конкретная военно-политическая обстановка, положение на фронтах.

Во второй половине мая 1942 г. обстановка на советско-германском фронте ежедневно менялась к худшему. В результате поражения Красной Армии на Керченском полуострове и очевидного провала Харьковской операции наступление немецких войск угрожало катастрофой на

южном крыле советско-германского фронта. Но главное, советская сторона связывала с визитом Молотова расчеты на достижение договоренности об открытии в 1942 г. второго фронта в Европе и готова была для достижения этой цели ко многим уступкам и компромиссам. Надежды были. Ф. Рузвельт, приглашая В. Молотова, писал И. Сталину: "Я имею в виду весьма важное военное предложение, связанное с использованием наших вооруженных сил таким образом, чтобы облегчить критическое положение на Вашем западном фронте. Этой цели я придаю огромное значение"[27]. Наконец, договор, необходимый как Великобритании, так и СССР, предлагалось заключить сроком на 20 лет с гарантией сотрудничества как в годы войны, так и в послевоенное время. С подписанием англо-советского договора курс на укрепление антигитлеровской коалиции получал важную опору. Еще одной такой опорой должен был стать договор с США.

Через 34 года Молотов, уже много лет находясь на пенсии, так рассказывал писателю Ф. Чуеву о том, что происходило в Лондоне (запись от 30 июня 1976 г.): «Мы настаивали на документе о наших послевоенных границах. Деталей не помню, а сущность помню, конечно. Мы настаивали все время, я напирал на это. Сталин в 1941 году, потом я прилетал с проектом в 1942-м. Черчилль: "Это мы никак не можем". Я так и вертелся туда-сюда. Послал Сталину телеграмму. Отвечает: согласитесь без этого. Я - вперед. Все упиралось в признание за нами Прибалтики. Они не соглашались. А когда мы от этого отошли, конечно, это было необходимо в тот момент, - они удивились, Черчилль был поражен. Иден обрадовался очень, когда мы пошли навстречу»[28].

О своем и Майского отношении к новому британскому проекту Молотов ничего не сказал. Он, естественно, выполнил указание Сталина немедленно согласиться с британским проектом и подписать договор, но еще длительное время выяснял причину, как и почему он, Молотов, просчитался. Возвратившись в Москву, Молотов дал поручение А. Соболеву совместно с группой сотрудников НКИД подготовить сравнительный анализ советского проекта договора 1941 г., который обсуждался в Москве с Иденом, с договором, подписанным в 1942 г. Первый анализ его не удовлетворил. Работа была выполнена повторно. И, видимо, не принесла В. Молотову удовлетворения.

А. Буллок пишет, что "Молотов вовремя подписал договор, отправился с ним в Вашингтон и получил высокую оценку Черчилля за свои способности как государственного деятеля"[29].

27 мая 1942 г. Черчилль сообщил Рузвельту: "На этой и на прошлой неделе мы с Молотовым очень хорошо поработали, и, как Вайнант несомненно информировал Вас, мы полностью изменили положения договора. Теперь они, по моему мнению, свободны от тех возражений, которые были у нас обоих, и полностью совместимы с нашей Атлантической хартией. Договор был подписан вчера во второй половине дня в обстановке большой сердечности с обеих сторон. Молотов - государственный деятель и обладает свободой действий, весьма отличной от той, которую Вам и мне приходилось наблюдать у Литвинова. Я очень уверен, что Вы сумеете с ним хорошо договориться. Пожалуйста, сообщи-

те мне ваши впечатления". В тот же день Рузвельт сообщил Черчиллю: «Мы ожидаем нашего гостя сегодня вечером, но не будем обсуждать "Болеро" до четверга. Не можете ли Вы сообщить мне срочно краткое содержание того, о чем Вы говорили с ним относительно "Болеро"? Это поможет мне»[30]. Черчилль без задержки ответил на вопрос американского президента. Тем временем самолет с Молотовым пересекал Атлантику.

Направляясь из Англии в США, Молотов в общих чертах знал, что правительство Великобритании информирует правительство США об англо-советских переговорах. Опубликованные после войны американские дипломатические документы это подтверждают[31].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ТБ-7 - серийный самолет-бомбардировщик, советская "летающая крепость". Создан в 1936 г. конструктором В.М. Петляковым, после гибели которого в авиакатастрофе (1942 г.) самолет был переименован в Пе-8. Экипаж 8-12 человек, четыре мотора по 1850 л.с, скорость до 440 км/ч, дальность полета 4,7 тыс. км, бомбовая нагрузка свыше 2 т. По ряду показателей превосходил американские дальние бомбардировщики Б-17 (1935) и "Либерейтор" (1940), но уступал "сверхкрепости" Б-29 (1942). В годы войны было построено 79 бомбардировщиков Пе-8. Э.К. Пусеп - Герой Советского Союза, эстонец по национальности.

[2] К полету в Великобританию и США готовились два самолета ТБ-7, командирами экипажей на которых были С. Асямов и Э. Пусеп. Этой подготовкой, проводившейся в глубокой тайне и по личным указаниям Сталина, непосредственно руководил командующий авиацией дальнего действия генерал-лейтенант А.Е. Голованов, впоследствии главный маршал авиации. В конце апреля 1942 г. было принято решение направить в Великобританию для практической подготовки предстоящих переговоров и "обкатки" маршрута делегацию во главе с помощником наркома иностранных дел В.Н. Павловым (переводчик Сталина и Молотова на многих встречах с высшими государственными и военными деятелями западных стран). Самолет пилотировал капитан Асямов, вторым пилотом был Пусеп. Перелет на Британские острова прошел удачно. В Лондоне с британской стороны было высказано пожелание ознакомиться с советским самолетом. Группа британских инженеров и советских представителей вылетела к месту осмотра на английском самолете. Демонстрировать ТБ-7 по жребию предстояло Асямову. Жребий оказался роковым. В 200 милях от Лондона английский самолет разбился, все находившиеся на его борту погибли. В Москве возникли подозрения о виновности в этом британской стороны. На обратном пути в Москву ТБ-7 пилотировал Пусеп. Полет проходил на высоте 8 тыс. м. В районе линии фронта самолет подвергся атаке немецкого истребителя. Отстреливаясь из пушек, экипаж не допустил немецкий самолет на близкую дистанцию, с которой можно было бы вести достаточно точный огонь. Тем не менее один из немецких снарядов достиг цели, повредив антенну радиокомпаса, но не взорвался, и самолет благополучно приземлился на подмосковном аэродроме.

[3] М.М. Литвинов - советский дипломат, в 1941-1943 гг. посол СССР в США, в 1930-1939 гг. - нарком иностранных дел СССР.

[4] Помощник наркома иностранных дел В.Н. Павлов передал И.М. Майскому письмо В.М. Молотова и ряд рабочих документов, связанных с предстоящими

переговорами (см.: СССР и германский вопрос 1941-1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. М., 1996. С. 151-159). Как вспоминает академик В.Г. Трухановский, эти документы В. Павлов в целях предосторожности зашил в подкладку пиджака.

[5] К. Эттли - лидер лейбористской партии, заместитель премьер-министра Великобритании.

[6] О. Сарджент - помощник заместителя министра иностранных дел Великобритании.

[7] Р. Файербрейс - военный атташе Великобритании в СССР.

[8] Ф.М. Исаев - член советской делегации, начальник управления Генерального штаба, генерал-майор.

[9] 30 июля 1941 г. в присутствии У. Черчилля и А. Идена было подписано советско-польское соглашение, по которому стороны обязались оказывать друг другу всякого рода помощь и поддержку в войне против гитлеровской Германии. Достижению соглашения во многом способствовало правительство Великобритании. Территориальному вопросу был посвящен первый пункт соглашения, его решение оставалось открытым. "Правительство СССР, - говорилось в соглашении, - признает советско-германские договоры 1939 г. касательно территориальных перемен в Польше утратившими силу. Польское правительство заявляет, что Польша не связана никаким соглашением с какой-либо третьей стороной, направленным против Советского Союза" (Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1973. Т. 7. С. 208). При подписании соглашения британская и польская стороны обменялись нотами. Вечером 30 июля 1941 г. А. Иден, выступая в палате общин с сообщением о советско-польском соглашении, заявил, что британское правительство не принимает на себя каких-либо гарантий границ в Восточной Европе. Это, по-видимому, было расценено советской стороной как косвенное непризнание границ СССР 1941 года, что и повлекло за собой дискуссию.

[10] 25 августа 1939 г. в обстановке нараставшей угрозы германской агрессии Великобритания и Польша подписали договор о взаимопомощи.

[11] А.А. Соболев - член советской делегации; генеральный секретарь НКИД СССР, впоследствии советник посольства СССР в Великобритании.

[12] Н.М. Харламов - руководитель советской военной миссии в Великобритании, контр-адмирал.

[13] Д. Паунд - начальник британского Главного морского штаба, адмирал.

[14] Ч. Портал - начальник штаба ВВС, главный маршал авиации Великобритании.

[15] X. Исмей - начальник Военного штаба премьер-министра У. Черчилля, генерал-майор.

[16] Л. Холлис - помощник X. Исмея.

[17] К. Окинлек - командующий британскими войсками на Ближнем Востоке, фельдмаршал (1946 г.).

[18] У. Бивербрук - министр снабжения в правительстве У. Черчилля.

[19] Советско-французские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945: Документы и материалы: В 2-х т. М, 1983. Т. 1. 1941-1942. С. 382.

[20] А.Е. Богомолов - посол СССР при союзных правительствах в Лондоне. Первоначально был аккредитован при находившихся в эмиграции правительствах Греции, Норвегии, Чехословакии, Польши, Югославии.

[21] Р. Лоу - парламентский помощник министра иностранных дел Великобритании.

[22] Документы министерства иностранных дел Германии: Германская политика в Турции (1941-1943). М., 1946. С. 34.

[23] А. Гарриман - специальный представитель президента США.

[24] С.А. Виноградов - посол СССР в Турции.

[25] В. Г. Деканозов - заместитель наркома иностранных дел.

[26] К.В. Новиков - советник посольства СССР в Великобритании.

[27] Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1944 гг. М., 1986. Т. 2. С. 16.

[28] Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991. С. 69-70.

[29] *Rzheshevsky O.A.* War and Diplomacy: The making of Grand Alliance. Documents from Stalin's Archives / Ed. by Harold Shukman, St. Anthony College. Oxford. UK. Harwood Academic Publishers, 1996. P. XX.

[30] Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence / Ed. with a Commentary by W.F. Kimball. L., 1984. Vol. 1. P. 490, 492.

[31] Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers (FRUS), 1941. Wash., 1958. Vol. 1. P. 192-205; 1942. Whash., 1961. Vol. III. P. 497-558.

Глава третья

ВАШИНГТОН. 29 МАЯ - 5 ИЮНЯ 1942 ГОДА. БОЛЬШОЙ СОЮЗ СОЗДАН

27 мая 1942 г. В. Молотов и сопровождающие его лица вылетели в Вашингтон. Англия проводила советский самолет и экипаж доброжелательно. Британские специалисты обеспечили полет всей необходимой документацией и советами[1].

Случайная встреча в Исландии на аэродроме Рейкьявика, где 27 мая сделал посадку самолет, оказалась жизненно важной для экипажа и пассажиров. Дело в том, что вторую и последнюю перед Вашингтоном промежуточную посадку самолет должен был совершить на канадском аэродроме Гандер (о-в Ньюфаундленд), вокруг которого на огромном пространстве простиралась почти безлюдная местность. Знаток трассы полковник ВВС США Арнольд предупредил командира советского самолета, что аэродром в Гандере известен непредсказуемыми туманами, и посоветовал в этом случае дозаправиться на авиационной базе Гус-Бей (п-ов Лабрадор). Аэродром в Гандере действительно оказался закрыт туманом, горючее было на исходе. Радиомаяк точно вывел самолет к Гус-Бею. Без задержек вылетели в Вашингтон, которого с трудом, из-за перегрева двигателей, достигли через восемь часов полета.

29 мая В.М. Молотова на аэродроме в Вашингтоне встретили государственный секретарь США К. Хэлл, другие официальные лица, посол СССР в США М. Литвинов.

К тому времени обстановка на Тихом океане - главном театре военных действий США против Японии, после тяжелых поражений начала стабилизироваться. В апреле-мае успехам японских войск в Бирме, их высадке на о-вах Минданао (29 апреля) и Тулаги (3 мая) уже противостояли первые успехи вооруженных сил США - бомбардировка самолетами дальней авиации Токио и ряда других японских городов (20 апреля), высадка американских войск на о-ве Новая Каледония (25 апреля), а также союзных британских войск на о-ве Мадагаскар (5-7 мая). Однако главным событием стало морское сражение в Коралловом море (7-8 мая), в результате которого военно-морской флот США впервые сорвал крупную операцию японских сил по захвату Порт-Морсби (Новая Гвинея) - ключевого рубежа в японских планах наступления на Австралию. И хотя в битве за Атлантику положение оставалось угрожающим, США и их вооруженные силы уверенно наращивали свою мощь, опираясь на обширный индустриальный потенциал страны, прочность внутриполитического положения, важнейший и уникальный гео-

политический фактор - недосягаемость собственной территории для противника.

Советско-американские отношения со времени начала второй мировой войны претерпели большие изменения. Этот процесс, как и в отношениях с Великобританией, получил импульс вскоре после заключения советско-германских соглашений и начала второй мировой войны, но с тем различием, что инициатива принадлежала советскому руководству. Точкой отсчета можно считать письмо И. Сталина, направленное в ноябре 1939 г. президенту Ф. Рузвельту, переданное полпредом СССР в США К. Уманским через государственного секретаря К. Хэлла, в котором выражалась надежда, что "общими усилиями может быть восстановлен мир"[2]. Война СССР против Финляндии резко обострила советско-американские отношения. США объявили "моральное эмбарго" - фактический запрет торговли с СССР, оказывали некоторую экономическую и военную помощь Финляндии, активно поддерживали ее в международных делах. Однако дипломатические отношения США и СССР в этот период не были однозначно враждебными.

В дневнике В. Молотова содержится следующая запись его беседы с послом США в Москве Л. Штейнгардтом 1 февраля 1940 г., который, задав вопрос о перспективах урегулирования советско-финского конфликта, продолжал: "После революции Рузвельт - единственный президент, являющийся другом Советов: Вильсон, Гардинг, Кулидж, Гувер не были друзьями СССР и не хотели его признавать. Вопреки общественному мнению Рузвельт пошел на признание. За последнее время многие обращались к нему с требованиями порвать отношения с СССР, но он на это не пошел". В ответ на вопрос Штейнгардта об угрозе независимости Финляндии Молотов ответил, что он не хочет представить дело так, будто советское руководство опасалось нападения самой Финляндии, но "при развертывании европейской войны враждебная к СССР Финляндия могла бы стать опасным очагом войны". Он подчеркнул, что "в отношении независимости Финляндии у СССР не было и нет никаких претензий"[3].

Заключение мира с Финляндией, поражение Франции и англо-французской коалиции, изменившее соотношение сил на европейском континенте в пользу Германии, обострение американо-японских противоречий способствовали развитию позитивной тенденции в советско-американских отношениях.

В апреле 1940 г. начались регулярные встречи, а по существу переговоры между США и СССР, которые с американской стороны преимущественно вел заместитель государственного секретаря США С. Уэллес, а с советской стороны К. Уманский. В Москве возникавшие вопросы обсуждали в основном В. Молотов и Л. Штейнгардт. 6 августа была достигнута договоренность о продлении американо-советского торгового соглашения. Экспорт в СССР за 1940 г. увеличился на 54%. США заняли в общем балансе экспортных торговых сделок СССР второе место после Германии. В то же время импорт сократился на 17%. Сальдо в пользу США в 1940 г. возросло до 66 млн долл., против 31,6 млн долл. в 1939 г.[4] 25 сентября 1940 г. Молотов дал указание Уманскому сообщить

министру финансов США Г. Моргентау о согласии советского правительства осуществить поставки в Соединенные Штаты марганца, хрома, асбеста и платины[5].

Главным камнем преткновения стала прибалтийская проблема, советское решение которой было неприемлемо для США. Экономическое контрдавление в виде блокирования договорных поставок в СССР промышленного оборудования не могло принести и не принесло желаемых для США результатов. "Вот если бы СССР захотел купить в США 5 миллионов пальто, - заявил на одной из встреч с советскими представителями Штейнгардт, - то он ручается, что Советский Союз получит эти вещи на следующий день"[6]. Моргентау информировал Уманского о том, что "весь вопрос о военных заказах находится в руках Госдепартамента, к которому и надо адресовать требования"[7].

Л. Штейнгардт, убеждая советское руководство, что СССР своими действиями в Польше, Бессарабии и Прибалтике подорвал благожелательное к себе отношение американцев, в то же время подчеркивал, что после падения Франции произошла "коренная перемена во взглядах США на события в мире в сторону реализма, и сложившаяся обстановка благоприятствует постановке вопроса об улучшении советско-американских отношений". Штейнгардт указал, что США "положительно решили вопросы о вывозе 70% закупленного оборудования, фрахте американских судов для этой цели, высокооктановом бензине, продаже вагонных осей и ожидают, что СССР сделает что-либо для дальнейшего улучшения взаимоотношений"[8].

СССР принял к сведению мнение правительства США о том, что Тройственное соглашение, заключенное между Германией, Италией и Японией 27 сентября 1940 г., усиливает опасность для стран, не участвовавших в войне, и что американское правительство надеется, что страны, не входящие в Тройственный союз, воздержатся от вступления в какое-либо соглашение с любым из участников Тройственного пакта[9]. Учитывая предстоящие в начале ноября президентские выборы (Ф. Рузвельт был избран на третий срок), советское руководство отказало настойчивым требованиям немецкой стороны опубликовать официальное сообщение о предстоящем визите Молотова в Берлин (11-13 ноября 1940 г.) до этих выборов и приняло неординарное по тем временам решение - сообщило в Вашингтон о своем согласии на открытие 15 декабря консульства США во Владивостоке, переговоры о котором велись по инициативе США уже длительное время. В условиях обострявшихся американо-японских отношений это был рискованный для СССР шаг в правильном направлении. "Важно отметить, - писал 5 декабря 1940 г. американскому послу в Японии госсекретарь США, - что почти одновременно с визитом (Молотова в Берлин. - *О.Р.)* советское правительство начало действовать более разумно и доброжелательно в решении многих вопросов, касающихся отношений между американским и советским правительствами"[10].

В наступившем 1941 г. советско-американские отношения медленно продолжали улучшаться. В первых числах января правительство США сообщило о своем согласии отменить "моральное эмбарго", а за-

тем, 21 января, Уэллес в беседе с Уманским (это была их 15-я встреча) сделал важное заявление: "Если бы СССР оказался в положении сопротивления агрессору, то США оказали бы ему помощь"[11]. Такого рода заверения повторялись потом неоднократно. Был достигнут желательный для американской стороны компромисс в вопросе советско-германских торговых отношений. Позиция США, изложенная Штейнгардтом в беседе с заместителем наркома иностранных дел Лозовским, была следующей: "США помогают Англии, СССР помогает Германии, но США и СССР являются нейтральными державами, между ними нет никаких противоречий, которые толкали бы их к конфликту. Наоборот, имеются все возможности для дружеских отношений"[12]. Но в Госдепартаменте считали необходимым, чтобы СССР дал публичное заверение, что продукция, закупленная в США, не поступит в Германию. 24 февраля 1941 г. Уэллес на очередной встрече с Уманским заявил: "Не считает ли Советское правительство, что в интересах развития советско-американской торговли и с целью произвести благоприятный психологический эффект в США было бы целесообразно, чтобы Советское правительство в той или иной форме официально заявило, что товары, закупленные СССР в США, предназначались исключительно для нужд СССР"[13].

1 марта 1941 г. Госдепартамент США выпустил пресс-релиз, в котором говорилось: "В ходе продолжавшихся переговоров с заместителем государственного секретаря США Самнером Уэллесом советский посол Константин А. Уманский сделал сегодня по поручению своего правительства заявление, что товары, которые закупались и закупаются в Соединенных Штатах Союзом Советских Социалистических Республик, включая нефтепродукты и индустриальное оборудование всех категорий, предназначаются исключительно для удовлетворения внутренних потребностей Союза Советских Социалистических Республик"[14]. И хотя такие конфликты продолжались, их время подходило к концу. В тот же день Уэллес сделал Уманскому заявление, которому американское правительство придавало характер исключительной важности. Он сообщил, что "по конфиденциальным сведениям, имеющимся в распоряжении американского правительства, в аутентичности которых у американского правительства нет ни малейших сомнений, германские военные планы заключаются в том, чтобы *после достижения победы над Англией* (выделено мною. - *О.Р.),* несмотря на поддержку последней Соединенными Штатами, напасть на СССР, причем планы этого нападения разработаны германским командованием во всех деталях"[15]. Это сообщение было немедленно отправлено Уманским в Москву. По существу оно являлось дезориентирующим: Германия завершала подготовку к внезапному нападению на СССР.

История с конфиденциальными сведениями Уэллеса на этом не заканчивается. В тот же день, 1 марта, они были направлены Госдепартаментом послу США в Москве с указанием срочно в устном порядке сообщить их Молотову. Их текст заметно отличался: вместо слов "после победы над Англией" значилось *"в недалеком будущем"*[16] (выделено мною. - *О.Р.)* Штейнгардт выразил Хэллу сомнение в целесообразности передачи этих сведений Советскому правительству, в частности на том

основании, что это ускорит заключение политического соглашения СССР и Японии. Но Хэлл 4 марта ответил Штейнгардту, что эти сведения уже сообщены 1 марта Уманскому[17].

В Москве действительно ожидался приезд министра иностранных дел Японии И. Мацуока, и 13 апреля 1941 г. был подписан советско-японский пакт о нейтралитете. Вскоре после этого Штейнгардт дипломатично заявил Лозовскому: "По мнению Соединенных Штатов, японцы не имеют намерения проводить агрессию в южном направлении, и сам Мацуока заявил категорически об этом. Это было бы сумасшествием... Он, Штейнгардт, также не считает, что пакт о нейтралитете между СССР и Японией направлен против Соединенных Штатов. В действительности этот пакт является еще одним актом к сохранению мира на Тихом океане"[18]. В США понимали, что СССР остается мощной противодействующей Японии силой на Дальнем Востоке, и учитывали это в своей политике.

Позитивные результаты в ходе советско-американских переговоров этого периода достигались с большим трудом, осложнялись взаимными, подчас необоснованными претензиями, и отношения во многом оставались натянутыми, но тенденция к сближению, обусловленная нараставшей угрозой агрессии как против СССР, так и против США, тем не менее прокладывала дорогу. Большая заслуга в этом принадлежала Рузвельту. "Он уже давно склонялся к мнению, что политика Советского Союза носит скорее не коммунистический, а националистический характер, более прагматична, нежели идеологизирована. Вследствие этого он отклонял аргументы Буллита и прислушивался к мнению Джозефа Дэвиса, который сменил Буллита на посту посла в Москве.

Нацистско-советский пакт и советское нападение на Финляндию, вызвавшие возмущение президента, были интерпретированы Белым домом как следствие скорее советских опасений германской агрессии, нежели коммунистической экспансии"[19].

Надо сказать, что немалый вклад в развитие позитивной тенденции в отношениях с СССР связан в этот период с деятельностью Л. Штейнгардта. Он видел причины многих просчетов английской дипломатии и предупреждал Соединенные Штаты от их повторения. Его оценки международного положения и политики СССР, несмотря на неприятие советского режима, помогали Рузвельту объективнее разобраться в обстановке. "Основная ошибка союзной, а затем и английской дипломатии, - писал Штейнгардт 2 октября 1940 г. в Вашингтон, - заключалась в том, что она была постоянно направлена на то, чтобы попытаться побудить Советский Союз предпринять определенные действия, которые если и не привели бы к военному конфликту с Германией, то повлекли за собой настоящий риск возникновения такого конфликта". И далее: "Если говорить о советской политике, как я ее понимаю, то она направлена на то, чтобы избежать войны, и, конечно, чем дальше удастся предотвратить нападение Германии и Японии, вовлеченных где бы то ни было в большие войны, тем успешнее будет собственное сопротивление"[20].

Реалистичной была оценка расстановки сил в американской политике и у советской дипломатии. Однако ей не хватало гибкости. Уман-

ский и Уэллес не нашли "общего языка", не доверяли друг другу, что усложняло обстановку на переговорах. Уманский сообщал в Москву, что, по его мнению, Уэллес "тяготеет к более враждебному нам лагерю... Он занимает как бы центристское положение между сторонниками сближения типа Икеса, Моргентау, Гопкинса и обозленной антисоветской кликой буллитовской масти"[21]. О "тупом упорстве" Уэллеса говорил Штейнгардт на одной из бесед с советскими дипломатами[22]. Но все это имело второстепенное значение. Главное - ко времени нападения Германии на СССР Черчилль и Рузвельт пришли к общему выводу о том, что они выступят в поддержку СССР в борьбе против нацистской агрессии, хотя, какой будет эта поддержка, было далеко не ясно.

24 июня 1941 г. вслед за Черчиллем об этом заявил на пресс-конференции Ф. Рузвельт: "Разумеется, мы собираемся предоставить России всю ту помощь, которую мы сможем"[23]. Реакция в США на нападение Германии на СССР была неоднозначной, более противоречивой, чем в Великобритании. Она продемонстрировала сложный спектр расстановки политических сил в стране, их различное отношение к поддержке социалистической России в борьбе против нацистской агрессии. Г. Трумэн, в то время сенатор от штата Миссури, за день до выступления Рузвельта призвал правительство следовать иному политическому курсу: "Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя я не хочу победы Гитлера ни при каких обстоятельствах"[24].

Однако государственные лидеры США отклонили позицию этой части истеблишмента. Их аргументы были реалистичны и убедительны - поражение СССР означает прямую угрозу не только мировым позициям США, но и самой независимости страны.

3 июля И. Сталин со своей стороны заявил об уверенности в том, что справедливая борьба советского народа на свободу страны "сольется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы"[25]. Путь к созданию военно-политического союза трех держав был открыт.

После поездки личного представителя президента США и главы администрации по ленд-лизу Г. Гопкинса в Москву в конце июля 1941 г., трехсторонней конференции в Москве (28 сентября - 1 октября 1941 г.) США предоставили Советскому Союзу из средств, ассигнованных по ленд-лизу, беспроцентный заем на сумму 1 млрд долл., что явилось исключительно важным решением в политике поддержки СССР и процессе становления антигитлеровской коалиции. И хотя ко времени битвы под Москвой, во многом определившей дальнейший ход войны, поставки союзников еще не могли оказать заметного влияния на ход вооруженной борьбы, их политическое значение было очевидным[26].

Вступление США во вторую мировую войну, объявление Германией и Италией войны Соединенным Штатам превратили сотрудничество СССР и США в фактор первостепенного военно-политического значения.

В феврале 1942 г. Рузвельт принял решение о предоставлении СССР второго кредита в размере 1 млрд долл. на прежних условиях

(начало выплаты беспроцентного займа предусматривалось через пять лет после окончания войны в течение 10 лет). Была создана советская правительственная закупочная комиссия в США, достигнута договоренность по предложению США об установлении прямой радио-телефонной связи между Москвой и Вашингтоном - сотрудничество развивалось по многим направлениям, но договора или соглашения, подобно советско-английскому, заключенному год назад, все еще не было. Возникли и другие разногласия. Они были вызваны хотя и дипломатичным, но отказом СССР денонсировать пакт о нейтралитете с Японией и предоставить американским ВВС базы на советском Дальнем Востоке. Такое развитие событий могло, по мнению советского руководства, усугубить и без того существовавшую угрозу японской агрессии против СССР в то время, как главные силы Красной Армии вели тяжелейшую борьбу против вермахта на Западном фронте, исход которой был далеко не ясен.

Постоянные осложнения в отношениях вызывало невыполнение американской стороной согласованных поставок в СССР по ленд-лизу, которые за период с 1 октября 1941 г. по 30 июля 1942 г. составили около 30% от договорного на этот период объема. Но эти и другие разногласия во многом преодолевались взаимными поисками решений, направленных на объединение усилий в борьбе против общего врага.

С этой целью В. Молотов и был приглашен в Вашингтон. Предстояло обсудить вопрос о втором фронте и подписать соглашение о взаимной помощи в войне. Это был первый официальный визит на таком уровне в истории межгосударственных отношений СССР и США. Рузвельт принял Молотова незамедлительно. Сталин и Черчилль внимательно следили за ходом переговоров в Вашингтоне и фактически являлись их участниками. Формы и методы этого участия были различны.

№ 77

Черчилль - Рузвельту
27 мая 1942 года[27]

В течение этой и прошлой недели мы с Молотовым проделали очень хорошую работу, и, как Вайнант, несомненно, сообщил Вам, мы полностью переделали положения договора. Теперь они, по моему мнению, свободны от тех моментов, которые вызывали возражения либо у нас, либо у них, и полностью соответствуют нашей Атлантической хартии. Договор был подписан вчера, во второй половине дня, в обстановке большой сердечности, проявленной обеими сторонами.

Молотов является государственным деятелем и имеет свободу действий, весьма отличную от той, которую Вы и я наблюдали у Литвинова. Я совершенно уверен, что Вы сможете достичь

хорошего взаимопонимания с ним. Пожалуйста, дайте мне знать о Ваших впечатлениях...

Я должен выразить свою благодарность за выделение Вами 70 танкеров для создания запасов нефти в Соединенном Королевстве. Если бы не эта помощь, то наши запасы снизились бы к концу этого года до опасного уровня. Эта акция оказывается еще более великодушной, если учесть тяжелые потери, понесенные Америкой в танкерах, и трудности, связанные с выделением такого числа судов.

№ 78

Запись беседы Молотова с Рузвельтом 29 мая 1942 года

Присутствовали: Гопкинс, Хэлл, Литвинов[28]

Переводчики: Павлов и Кросс

Беседа состоялась сразу по прибытии самолета в Вашингтон - с аэродрома на автомобиле Молотов прибыл к Рузвельту вместе с Хэллом и Литвиновым.

После приветствия **Рузвельт** заявил, что вопрос, для обсуждения которого он пригласил Молотова в Вашингтон, он предложил бы обсудить завтра на совещании в присутствии генерала Маршалла и адмирала Кинга с участием советских военных.

Молотов выразил свое согласие.

Затем **Рузвельт** сказал, что он хотел бы коснуться сейчас нескольких вопросов.

Американское правительство имеет сведения, что немцы жестоко обращаются с советскими военнопленными, поэтому американское правительство считало бы, что для улучшения положения советских военнопленных в Германии было бы целесообразно, если бы Советский Союз присоединился к Женевской конвенции об обращении с военнопленными.

Молотов отвечает, что действительно немцы жестоко обращаются с советскими военнопленными. Немцы показали, что они не соблюдают никаких международных правил. Что касается присоединения СССР к Женевской конвенции, то Советское Правительство не считало нужным это сделать, во-первых, потому что оно присоединилось к Гаагской конвенции, содержащей все важные положения, что и Женевская конвенция и, во-вторых, Советское Правительство не присоединилось к Женевской конвенции в связи с вопросом о советских военнопленных в Герма-

нии потому, что оно не хочет создавать видимость, что немцы в какой-либо мере соблюдают международные правила.

Далее **Рузвельт** указал, что согласно информации, полученной американским правительством, в Иране имели место беспорядки со стороны курдских племен. Американскому правительству известно, что советские военные власти в Иране приняли меры для прекращения этих беспорядков и намерены использовать для этой цели иранские войска. Американское правительство хотело бы знать, не может ли оно быть полезным, например через свою миссию в Тегеране, в деле оказания помощи советским властям в борьбе с указанными беспорядками в Иране.

Молотов благодарит Рузвельта за выраженную им готовность помочь СССР в Иране.

Затем **Рузвельт** заявляет, что в последнее время отношения между СССР и Турцией нельзя было назвать дружественными, какими они были раньше. Американское правительство очень желало бы, чтобы отношения между Турцией и СССР стали снова дружественными, какими они были раньше. Оно желало бы знать, не может ли оно помочь СССР в этом деле?

Молотов подтверждает желание СССР иметь хорошие отношения с Турцией и спрашивает Рузвельта, какие последние новости он может сообщить ему?

Рузвельт отвечает, что последние сообщения говорят о благоприятном положении на советско-германском фронте. Рузвельт добавляет, что американское правительство получает в настоящее время все большее и большее количество сообщений о падении морального состояния германского населения. При этом увеличивается не только количество этих сообщений. Все эти сообщения, кроме того, говорят о весьма значительных качественных переменах в настроениях германского населения. Эти сообщения поступают из Швеции и из Швейцарии.

Молотов подтверждает, что действительно моральное состояние населения Германии должно падать. Моральное состояние германской армии также не то, каким оно было в начале советско-германской войны.

Рузвельт говорит, что германская пропаганда пытается поддержать моральное состояние немцев путем запугивания их перспективой уничтожения германского народа в случае поражения Германии.

Молотов отвечает, что гитлеровцы это действительно делают. Тов. Сталин имел это в виду, когда в своих известных приказах в феврале и мае месяцах дал по этому поводу необходимое разъяснение, проводя различие между германским народом и гитлеровцами. Необходимо оторвать германское население от правительства.

Рузвельт отвечает, что он с большим интересом прочитал приказы тов. Сталина по этому поводу, - о том, что Советское правительство проводит различие между нацистами и германским народом. Он считает это правильным и всячески приветствует такую постановку вопроса.

Затем Рузвельт спрашивает Молотова, не имеют ли немцы в настоящее время устарелых самолетов и не замечено ли ухудшение качества германского вооружения?

Молотов отвечает, что применения устарелых самолетов на советско-германском фронте замечено не было. Немцы применяют на нашем фронте в последнее время новые самолеты типа Мессершмидт 109-Ф. Этот истребитель не является совершенно новой конструкцией. Но на этом самолете поставлен форсированный мотор самолета Мессершмидт-109.

Что касается немецких танков, то качество их, видимо, ухудшилось, бронь стала более хрупкой. Вместе с тем немцы создали тяжелые танки, но они замечены на нашем фронте в небольшом количестве.

В области тяжелой артиллерии замечено, что нередко снаряды германской тяжелой артиллерии не разрываются.

Что касается утверждения немцев о том, что якобы германская армия на Керченском полуострове использовала новый вид оружия, то надо сказать, что мы не получили никаких сообщений от своих армий об этом новом оружии. Вероятно, речь идет об обычной германской пропаганде.

Рузвельт отвечает, что он получил сообщение о том, что германское командование приняло решение не применять газов до тех пор пока не произойдет вторжение на территорию самой Германии. Рузвельт предупреждает, что он не может гарантировать правильность этого сообщения.

Касаясь ответа Молотова на его вопрос по поводу использования немцами устарелого вооружения, Рузвельт сказал, что в противоположность немцам японцы в настоящее время в южной части Тихого океана пользуются устарелыми самолетами и плохо обученными летчиками. Он не знает, нужно ли это объяснить недостатком самолетов у японцев или переброской лучших японских самолетов в Северную часть Тихого океана, к югу от островов Лучу, где они концентрируют в настоящее время значительные военно-морские силы. Цель этой концентрации не совсем ясна. Возможно, что отсюда японцы двинутся или в направлении Австралии или в направлении через Гуам на Гавайские острова или в район Петропавловска для нападения на Камчатку.

Рузвельт спрашивает, имеются ли в СССР оборонительные мероприятия на Камчатке?

Молотов отвечает, что имеются, но не столь значительные и в настоящее время принимаются меры для укрепления обороны Камчатки.

Молотов спрашивает Рузвельта, когда американцы и англичане будут бить японцев?

Рузвельт говорит, что в настоящее время силы американского флота распылены. Американский флот должен патрулировать и охранять коммуникации Атлантического океана, а также коммуникации в Ираке и Суэц.

№ 79

Запись беседы с Рузвельтом 29 мая 1942 года (перед обедом)[29]

Присутствовали: Гарри Гопкинс
Переводчики: Кросс, Павлов

Молотов спрашивает Рузвельта, знает ли он о договоре, который мы подписали в Лондоне с англичанами. Молотов говорит, что ему известно, что Рузвельт не сочувствовал той статье прежних проектов советско-английского договора, в которой содержалось упоминание о границах СССР. На это ссылались как Черчилль, так и Иден. Мы считали возможным пойти в этом вопросе английскому и американскому правительствам навстречу и не включили в новый договор упоминания о границе. Тем не менее в вопросе о границах мы остаемся на наших прежних позициях.

Рузвельт отвечает, что он действительно не хотел упоминания в договоре вопроса о границах, принимая во внимание американское общественное мнение. Он считает, что для постановки этого вопроса нужно избрать соответствующий момент, который еще не наступил.

Далее Рузвельт сообщает, что он хотел бы поставить перед Молотовым один важный вопрос. Он думает, что, для того чтобы воспрепятствовать возникновению войны в течение ближайших 25-30 лет, необходимо создать международную полицейскую силу из *3-4* держав. Он хотел бы знать отношение Советского правительства к подобному предложению.

Молотов отвечает, что этот вопрос выдвигается жизнью и самой войной. Надо, конечно, принять меры, которые максимально или в полной мере обеспечили бы народы от новой войны.

Для этого необходимо объединить силы нескольких решающих держав.

Рузвельт говорит, что полицейская сила должна быть образована в составе США, Англии, СССР и Китая. После нынешней войны победители - США, Англия, СССР, должны сохранить свое вооружение. Страны-агрессоры и соучастники агрессоров - Германия, Япония, Франция, Италия, Румыния и, даже больше того, Польша и Чехословакия, должны быть, во-первых, разоружены, а во-вторых, в дальнейшем необходимо, чтобы нейтральные инспекторы наблюдали за разоруженными странами и не давали бы им возможности секретно вооружаться, как это делала Германия в течение 10 лет. Если, однако, какая-нибудь из стран начала бы секретно вооружаться, то 4 полицейских объявят стране блокаду. Рузвельт говорит, что Молотов, вероятно, помнит его речь в Чикаго в 1937 году, в которой он говорил о карантине. Если этого окажется недостаточным, тогда четыре полицейских будут бомбить эти страны. Другими словами, четыре полицейских, представляя половину населения земного шара, должны будут силой поддерживать мир. Он, Рузвельт, просил бы Молотова сообщить об этом плане Сталину. Конечно, мы не можем объявить об этом открыто до окончания войны, но мы должны договориться по этому вопросу заранее.

Молотов отвечает, что в такой форме этот вопрос не выдвигался и он требует изучения. Молотов обещает доложить о предложении Рузвельта тов. Сталину.

Рузвельт говорит, что во время встречи с Черчиллем в Ньюфаундленде, он и Черчилль составили 8 пунктов будущей Атлантической Декларации. Между ним и Черчиллем было полное единодушие относительно конечных целей. Но когда он, Рузвельт, спросил Черчилля, как гарантировать выполнение поставленных целей, Черчилль не имел ответа. У него не было на этот счет никаких планов, и он начал говорить об организации общества наций, иными словами, о Лиге Наций. Но Лига Наций оказалась неработоспособной организацией. Когда Литвинов в 1932 году был в Женеве, он, Рузвельт, сделал предложение о разоружении. СССР принял это предложение. Возражала Франция. Когда он снова в 1934 году обратился с предложением о разоружении, то оно было принято СССР и отклонено Англией. Лига Наций не может быть работоспособным органом. Мы должны создать международную полицейскую силу. Поэтому он, Рузвельт, предложил Черчиллю включить в Декларацию пункт о разоружении агрессоров теми странами, которые одержат победу в нынешней войне. Этот пункт был принят

и включен в Декларацию. Мы не должны сейчас разрабатывать детали разоружения. Одного разоружения недостаточно. Мы должны сделать разоружение постоянно действующим фактором путем создания полицейской силы в составе Англии, США и Китая. Он, Рузвельт, думает, что Черчилль будет вынужден принять это предложение, если США и СССР будут настаивать на этом.

Молотов спрашивает, высказывает ли Рузвельт свое предложение в окончательной форме или, может быть, этот вопрос находится в начальной стадии обсуждения? Кроме того, Молотов спрашивает, было ли информировано Китайское правительство о проекте Рузвельта и будет ли исключена Франция из числа участников предполагаемого соглашения?

Рузвельт отвечает, что Китайское правительство не информировано о его проекте. Участие Китая в предполагаемом соглашении находится под вопросом. Это зависит от того, способен ли будет Китай создать централизованное правительство и сможет ли он быть полицейской силой по отношению к Японии. Это еще не ясно, и решение вопроса об участии Китая зависит от дальнейших событий. Что касается Франции, то она исключается из числа участников соглашения. Однако он, Рузвельт, предполагает, что впоследствии, по решению США, Англии и СССР, к общему соглашению могут присоединиться и другие страны, в том числе и Франция. Большое же количество участников в предполагаемом объединении на первой стадии его существования таит в себе опасность, что большое количество полицейских может затеять драку в своей среде.

Молотов говорит, что проект Рузвельта - большой и важный вопрос. Современные войны тяжелы для народов. Мы испытали на себе современную войну. Население нашей страны крайне остро переживает испытания войны, которые еще не кончились. Поэтому в нашей стране проект Рузвельта будет встречен с большим вниманием.

Рузвельт говорит, что в течение 10-20 лет поддержание мира должно быть обеспечено силой. Тогда постепенно весь мир поймет необходимость мира и все страны присоединятся к требованию четырех держав о поддержании мира. Цель предполагаемого объединения состоит в том, чтобы помешать немцам и японцам атаковать кого-нибудь.

Мы надеемся, что через 25 лет немцы и японцы также поймут, что они не должны нападать на своих соседей.

После этой встречи в Москву была послана первая телеграмма.

№ 80

Телеграмма из Вашингтона
Получена в Москве в 23.55 30 мая 1942 года

Вечером 29 мая прилетел в Вашингтон. На аэродроме встречали Хэлл и Литвинов. Сразу поехали к Рузвельту, где была беседа, во время которой Рузвельт между прочим предложил мне побеседовать с Хэллом об Иране, Турции, применении Женевской конвенции к советским военнопленным в Германии. Я согласился и дал некоторые разъяснения. Рузвельт пригласил вечером к себе на обед. Во время этой встречи он хотел поговорить о втором фронте.

В Исландии задержались на полтора дня из-за погоды. 28 мая в 1 час утра вылетели в Вашингтон с остановкой в Лабрадоре. Полет прошел хорошо. Хорошо бы получить краткую информацию о военных делах, имея, в частности, в виду вопросы Рузвельта.

30.V.42 г. МОЛОТОВ

№ 81

Запись беседы с Рузвельтом во время обеда и после обеда 29 мая 1942 года[30]

Присутствовали: Г. Гопкинс.
Переводчики: Кросс и Павлов.

Рузвельт заявляет, что он считает, вопреки мнению многих американцев, необходимым в первую очередь покончить с Гитлером, а затем с Японией. Поэтому он готов сделать все в 1942 году, чтобы облегчить бремя борьбы СССР против Гитлера. Рузвельт советовался со своими военными. Они, как узкие специалисты своего дела, всегда видят трудности. Но мы должны толкать их вперед. Он, Рузвельт, просил, чтобы для помощи СССР сделать больше того, что возможно. США к концу года будут иметь в своем распоряжении армию в 4 миллиона человек и флот с численным составом в 600 тысяч человек. Американские военные считают, что вторжение в Европу может быть произведено через Англию. Поэтому в Ирландию были отправлены первые американские войска и отправка дальнейших контингентов будет продолжаться. Высадка десантов в Европе должна произойти через проливы. При рассмотрении вопроса о вторжении в Европу перед нами встает транспортная проблема переброски войск как

из США в Англию, а также впоследствии из Англии через канал в Европу. На побережье Франции имеются 3-4 порта, сильно укрепленные немцами. Эти порты необходимо использовать для выгрузки танков и другого вооружения. В других местах французского побережья этого сделать нельзя, так как у берегов Франции очень мелко. Напротив, людской состав войск даже для 30 дивизий можно было бы высадить в ряде других пунктов побережья помимо портов. Следовательно, трудности состоят в том, чтобы найти достаточные количества тоннажа как для перевозки танков, так и войск. В настоящее время ни США, ни Англия не располагают необходимым тоннажем для высадки десанта, значительного количества вооружения и личного состава. Американское правительство приняло соответствующие меры, чтобы изыскать и построить соответствующее количество десантных средств трех различных видов. Эти десантные средства будут немедленно перебрасываться в Великобританию. Однако все эти приготовления могут быть закончены в 1943 году и, следовательно, операция вторжения в Европу с гарантией успеха могла бы быть осуществлена в 1943 году. Однако он, Рузвельт, убеждает американских военных пойти на риск и произвести высадку 6—10 дивизий во Франции. Пусть не будет гарантии, что эта операция будет успешной. Надо идти на жертвы, чтобы помочь СССР в 1942 году. Возможно, что придется пережить Дюнкерк и потерять 100-120 тысяч войск. Однако эта операция будет иметь очень большое значение в смысле своего влияния на моральное состояние немцев. Она облегчит положение и поднимет еще выше дух Красной Армии.

Рузвельт спрашивает Молотова, что он думает по поводу его предложения о высадке в Европе 6-10 дивизий?

Молотов отвечает, что на советско-германском фронте сосредоточены громадные массы вооружения и войск с обеих сторон. Если объективно рассмотреть соотношение сил, то, пожалуй, получится некоторое превосходство на стороне Гитлера, которому удалось собрать большое количество войск и вооружения почти со всей Европы. На советско-германском фронте летом 1942 года предстоят серьезные бои. Моральное состояние Красной Армии и советского народа в настоящее время выше, чем в начале войны. Тем не менее при численном превосходстве Гитлера надо считаться с возможностью отступления Красной Армии и потери Москвы, занятия Ростова, а также с продвижением немцев к Баку. В этих условиях понятно, что помощь союзников в 1942 году имела бы решающее значение. Если США и Великобритания смогли бы оттянуть с советско-германского фронта 40 германских дивизий, к тому же не первоклассных, то мы уве-

рены в том, что разгром Гитлера был бы завершен в 1942 г. или, по крайней мере, судьба его была бы предрешена.

Что касается предложения Рузвельта о высадке 6-10 дивизий, то это, по мнению Молотова, недостаточно. Молотов подчеркивает, что вопрос о втором фронте - это вопрос больше всего политический и он должен быть решен не военными, а государственными деятелями.

В дальнейшей беседе **Рузвельт,** касаясь послевоенных вопросов, заявляет, что после войны, по его мнению, нужно добиться того, чтобы каждая страна смогла сама обеспечить свое экономическое состояние. Например, Аргентина до войны производила мясо, маис и пшеницу. Она не имела текстильных фабрик и обувной промышленности. По его плану, в данном случае Аргентине должна быть предоставлена возможность развить свою промышленность и организовать производство продуктов, необходимых для ее существования.

Молотов выражает сомнение в возможности создания большого числа подобных стран, имеющих автаркический характер.

Рузвельт спрашивает Молотова, каково продовольственное положение в Ленинграде и в Москве, а также, только ли транспортными затруднениями объясняется недостаток продовольствия в СССР?

Молотов отвечает, что продовольственное положение в Москве и Ленинграде нельзя считать вполне удовлетворительным, т.к. приходится много и в первую очередь давать армии. В Ленинграде оно было особенно тяжелым зимой. Однако зимой по льду Ладожского озера удалось на грузовиках организовать снабжение города. Кроме того, значительное количество населения было эвакуировано из Ленинграда. Несмотря на все меры, положение Ленинграда остается серьезным. Относительно недостатка продовольствия Молотов говорит, что это объясняется не только транспортными затруднениями. В настоящее время уже дает себя чувствовать недостаток продовольствия, в частности вследствие значительной мобилизации тракторов из сельского хозяйства в армию. Недостаток продовольствия ощущает гражданское население, так как снабжение армии стоит у нас на первом месте.

Во время беседы **Гопкинс** поинтересовался, продолжает ли Уманский работать по ТАССу?

Молотов отвечает, что Уманский работает в Наркоминделе, и говорит, что Советское правительство считало необходимым в новой обстановке заменить его более авторитетным лицом в качестве посла в Вашингтоне. Уманский был слишком молод.

Рузвельт замечает, что Уманский проявлял иногда чрезмерный энтузиазм, и спросил, знает ли Молотов, что в Вашингтоне живет жена и дочь Уманского. Молотов отвечает, что он знает об этом.

После этого, так как обед кончился, беседа продолжалась в гостиной.

Гопкинс затронул вопрос о причинах того, что в США нет такой единой симпатии к СССР, как в Англии. Он заявляет, что это объясняется тем, что в США коммунистическая партия насчитывает 50 тысяч человек, главным образом евреев, состоит из людей далеких по своему типу от настоящих американцев. Помимо того, что экономические Иден коммунистов не пользуются любовью в США, они, американские коммунисты, очень сухие люди. С ними нельзя поговорить о несерьезных вещах. Они не понимают глубокой патриотической любви русского народа к своей стране. В Англии положение иное. Там коммунисты - обычные типичные англичане, и этим объясняются симпатии английского народа к СССР.

Рузвельт заявляет, что американское правительство предполагает использовать аэродромы Сирии для бомбардировки с них Румынии.

Молотов замечает, что было бы полезно.

Рузвельт сообщает о налете американских самолетов на Японию. Он говорит, что в Токио были причинены большие разрушения. Пожары продолжались в течение двух дней. Он, Рузвельт, сильно смеялся, когда Литвинов, информируя его о посадке американского бомбардировщика на территории СССР, сообщил ему, что японский посол заявил Советскому правительству протест против посадки американского самолета вблизи Владивостока. Он, Рузвельт, не стал бы препятствовать, если бы этот американский самолет был бы использован для бомбардировки немцев на западном фронте.

Молотов замечает, что американское правительство почему-то долго хранило молчание по поводу бомбардировки Японии.

Рузвельт и **Гопкинс** улыбнулись при этом замечании Молотова.

Рузвельт заявляет, что длительное молчание дало повод к различным догадкам относительно баз, с которых американские самолеты бомбили Японию. Тогда он, вспомнив название одного ущелья, описанного в фантастическом романе американского писателя, назвал его в качестве американской базы для бомбардировки Японии. Через несколько дней германское радио сообщило, что он, Рузвельт, наконец назвал базу, но не указал еще, где это ущелье находится.

№ 82

Запись беседы с Г. Гопкинсом после обеда с Рузвельтом 29 мая 1942 года[31]

Гопкинс пришел к Молотову в комнату (в Белом Доме) после 11 часов ночи и заявил, что хотел бы сказать несколько слов Молотову перед совещанием о втором фронте, которое должно состояться 30 мая. Гопкинс сказал, что Рузвельт очень горячий сторонник второго фронта в 1942 году. Но американские генералы считают положение Советского Союза на фронте в 1942 году прочным и не видят острой необходимости во втором фронте. Поэтому он рекомендовал бы Молотову нарисовать завтра мрачную картину положения в СССР, чтобы американские генералы почувствовали серьезность положения. Предварительно за полчаса до начала совещания он рекомендовал бы переговорить с Рузвельтом и указать ему на серьезность положения на советско-германском фронте. Если Молотов последует его совету, то это будет весьма полезно для быстрого решения вопроса о создании в 1942 году второго фронта.

Молотов ответил, что положение на нашем фронте действительно серьезно. Молотов поблагодарил Гопкинса за совет и сказал, что он охотно побеседует с Рузвельтом за полчаса до начала совещания.

Затем **Гопкинс** заявил, что американские генералы недоверчиво относятся к нам потому, что мы, принимая американские самолеты, не хотим принимать американского персонала. Поэтому хорошо было бы, если бы Молотов пригласил эскадрилью американских самолетов на советско-германский фронт. Это помогло бы рассеять недоверие американских генералов по отношению к СССР.

Молотов ответил, что утверждение о том, что мы якобы не хотим принимать американского персонала, неправильно. Что касается приглашения американского персонала, то англичане, например, выразив желание принять участие в действиях авиации в районе Мурманска, получили эту возможность. Советское правительство не возражало бы против участия в боях на советско-германском фронте американской эскадрильи.

Первый день пребывания в США, три встречи и беседы с Рузвельтом, которые закончились в полночь, были по своему содержанию, продолжительности, тревожным поискам личного контакта беспрецедентны в практике как американского президента, так и советского наркома. Сравнение советской записи с американской указывает, что какихлибо принципиальных различий в них нет. В то же время американские

записи более обстоятельны, дают возможность воссоздать атмосферу переговоров первого дня, отражают мнение "третьих лиц" об их главных участниках[32].

Г. Гопкинс отмечает, что Молотов и президент приветствовали друг друга "очень сердечно", что разбить лед было нелегко и Молотов со своей стороны проявил для этого необходимые качества. «Рузвельт, - по мнению Гопкинса, - чувствовал себя "не в своей тарелке" прежде всего из-за затруднений с переводом, неизбежных его ожиданий с дополнительными задержками, когда переводчики обсуждали между собой их нюансы. Фактом было и то, что Рузвельт в своих важных встречах впервые имел дело с такой личностью, как Молотов. Его отношения с Кремлем в 1933-1939 гг. осуществлялись через Литвинова, который, хотя и считался старым большевиком, имел западный образ мышления и понимание того мира, который знал Рузвельт. В 1939-1941 гг. после заключения нацистско-советского пакта Рузвельт редко встречался с послом Уманским, предоставив это трудное дело преимущественно Хэллу и Уэллесу. Но Рузвельт ни в коей мере не спасовал перед новой и необычной проблемой установления личных контактов с Молотовым. Это был вызов, который придал ему импульс с тем, чтобы приложить максимум усилий для поиска общей позиции, которая, он был уверен, должна где-то существовать»[33]. Литвинов, по словам Гопкинса, "вел себя нудно и цинично в продолжение всей встречи"[34]. Профессор Кросс, переводчик Рузвельта, отметил: "В конце беседы президент спросил Молотова, кого бы из американцев он хотел увидеть, на что Молотов ответил, что, если возможно, он хотел бы обменяться приветствиями с бывшим послом Дэвисом. Ранее вечером он доброжелательно говорил об адмирале Стэндли, и президент сказал, что выбрал его как прямого, открытого и простого человека. Молотов согласился, что эти качества - среди положительных у адмирала.

Весь вечерний разговор Молотова был отмечен несколько неожиданной откровенностью и доброжелательностью, что, естественно, позволяет предположить, если Советы в чем-то серьезно нуждаются, то слово Сталина делает Молотова более сговорчивым"[35].

Государственный секретарь Хэлл передал Гопкинсу список вопросов, которые следовало обсудить во время пребывания Молотова в США:

- Создание воздушной трассы из США в СССР через Аляску и Сибирь.
- Создание гражданской воздушной трассы между США и Владивостоком или, через Аляску, с другим городом в Сибири, имеющим железную дорогу.
- Создание гражданской воздушной трассы между США и СССР через Африку и Ближний Восток.
- Транспортный путь через СССР в Китай.
- Финляндия.
- Экономические вопросы.
- Иран.
- Турция.

- Конвенция о военнопленных.

По мнению Гопкинса, "ни один из этих вопросов не имел отношения к войне на советско-германском фронте, хотя первые четыре имели большое значение для нас, но очень мало для русских, если мы действительно решили заниматься делом"[36].

Гопкинс был прав. В перечне отсутствовал главный вопрос - о создании второго фронта. Впервые он был официально поставлен в личном послании главы Советского правительства, направленном 18 июля 1941 г. премьер-министру Великобритании. Приветствуя установление между СССР и Великобританией союзнических отношений и выражая уверенность, что у обоих государств найдется достаточно сил для разгрома общего врага, И.В. Сталин писал: "Мне кажется, далее, что военное положение Советского Союза, равно как и Великобритании, было бы значительно улучшено, если бы был создан фронт против Гитлера на Западе (Северная Франция) и на Севере (Арктика). Фронт на севере Франции не только мог бы оттянуть силы Гитлера с Востока, но и сделал бы невозможным вторжение Гитлера в Англию"[37]. Черчилль отклонил советское предложение, указывая на недостаток сил и угрозу поражения десанта.

В сентябре 1941 г. в связи с серьезными осложнениями военного положения СССР Сталин вновь поставил вопрос о втором фронте. В своих посланиях от 3 и 13 сентября 1941 г. он писал Черчиллю, что гитлеровская Германия перебросила на Восточный фронт более 30 свежих пехотных дивизий, большое количество танков, самолетов и активизировала действия 46 дивизий своих союзников, в результате чего Советский Союз потерял больше половины Украины и, кроме того, враг оказался у ворот Ленинграда. "Немцы считают опасность на Западе блефом, - говорилось в послании, - и безнаказанно перебрасывают с Запада все свои силы на Восток, будучи убеждены, что никакого второго фронта на Западе нет и не будет. Немцы считают вполне возможным бить своих противников поодиночке: сначала русских, потом англичан"[38]. Черчилль, признав, что на Советский Союз легла вся тяжесть борьбы против фашистского нашествия, что расчет гитлеровцев построен на ликвидации своих противников поодиночке, тем не менее повторил свои доводы о невозможности открытия второго фронта[39].

В США события развивались по иному сценарию. В начале 1942 г. Управлением военного планирования штаба армии США был разработан план высадки англо-американских войск на севере Франции, который 28 февраля начальник этого управления Д. Эйзенхауэр, в то время бригадный генерал, представил на рассмотрение начальника штаба армии генерала Д. Маршалла. Эйзенхауэр считал необходимым предпринять немедленные действия с тем, чтобы оттянуть с советско-германского фронта "значительную часть германской армии". Эта операция, указывал он, будет иметь как военное, так и политическое значение, она должна быть "так продумана и так представлена русским, чтобы они убедились в значимости оказываемой им поддержки". Поскольку операцию можно было осуществить только через Ла-Манш, Эйзенхауэр рекомендовал, чтобы США и Великобритания без промедления при-

няли конкретный план такого наступления, которое сможет связать немецкие военно-воздушные силы и сухопутные силы уже к концу лета"[40].

Рузвельт одобрил эту инициативу и решил направить в Лондон для переговоров Г. Гопкинса и Д. Маршалла. В послании Черчиллю от 3 апреля 1942 г. он писал: "То, о чем расскажут Вам Гарри и Дж. Маршалл, я разделяю всем сердцем и *умом.* Ваш народ и мой народ требуют создания фронта, который ослабил бы давление на русских, и эти народы достаточно мудры, чтобы понимать, что русские сегодня больше убивают немцев и уничтожают больше снаряжения, чем вы и я вместе взятые. Даже если полного успеха не будет, *крупная* цель будет достигнута"[41]. Гопкинс и Маршалл в принципе получили согласие британского правительства на открытие второго фронта (операция "Раундап") и высадку ограниченного десанта западных союзников (операция "Следжхаммер"). Сильнейшее давление на правительство оказывало в этом направлении британское общественное мнение. Но уже ко времени приезда в Лондон Молотова намерение осуществить высадку во Франции в 1942 г. было поставлено под сомнение британской стороной, о чем стало известно и Рузвельту. Среди прочих многих важной тому причиной было то, что операцию в 1942 г. предстояло в основном проводить силами британских войск. Достаточное количество войск США перебросить через океан и подготовить к операции представлялось в оставшееся время практически невозможным. Что ответить Молотову? Рузвельту предстояло это сделать на следующий день.

№ 83

Запись беседы с Рузвельтом 30 мая 1942 года[42]

Присутствовали: Начальник Штаба американской армии генерал Маршалл, Главнокомандующий военно-морским флотом адмирал Кинг, Гарри Гопкинс
Переводчики: Кросс и Павлов

Рузвельт заявляет, что он хочет, прежде всего, кратко изложить Маршаллу и Кингу сущность вопроса о втором фронте, обсуждение которого составляет предмет настоящего совещания. Рузвельт предупреждает, что это совещание является строго секретным.

Рузвельт сообщает присутствующим, что Молотов был в Лондоне. Он прибыл в Вашингтон по его, Рузвельта, приглашению для обсуждения вопроса о втором фронте в Западной Европе. Насколько ему, Рузвельту, известно, Молотов был очень любез-

но принят английским правительством, но он не получил никакого определенного ответа на вопрос об открытии второго фронта в этом году. Задача Молотова состоит в том, чтобы добиться определенных результатов. Мы полагаем, что имеются основания для открытия второго фронта в 1942 году. Причина необходимости открытия второго фронта в 1942 году вызывается неблагоприятным положением на советско-германском фронте. Немцы имеют в своем распоряжении большие количества танков, самолетов и другого вооружения. Моральное состояние советских армий достаточно высокое. Однако имеется опасность, что в результате превосходства немцев в вооружении советские армии будут вынуждены отступить, оставив Москву и нефтяные источники Баку. Это возможное вынужденное отступление советских армий приведет к значительному ухудшению общего положения союзников. Это относится к 1942 году, а не к 1943 году. Цель состоит в том, чтобы предпринять операции с задачей оттянуть с советско-германского фронта 40 дивизий и попытаться сделать это в 1942 году.

Рузвельт говорит, что Маршаллу и Кингу известны физические трудности подобного предприятия, но положение очень серьезное и надо предпринять действия как со стороны британской, так и американской армий даже в том случае, если перспективы намеченной операции будут сомнительны. Мы должны предпринять эти действия несмотря на возможные жертвы, даже без видов на то, что десантной армии удастся удержаться на континенте.

Рузвельт спрашивает Молотова, правильно ли он изложил содержание вопроса о втором фронте.

Молотов отвечает, что он хотел бы дополнительно сказать несколько слов по этому поводу. Молотов говорит, что он считает вопрос о втором фронте в Западной Европе, во-первых, военным и, во-вторых, политическим и больше всего политическим вопросом. Он говорит, что с этой точки зрения в создании второго фронта в Европе между 1942 и 1943 г. имеется разница. Он, Молотов, представляет себе эту разницу следующим образом. В 1942 г. почти все силы Гитлера сосредоточены на нашем фронте. При этом Гитлер, если не говорить о СССР, опирается почти на всю Европу, за исключением Швеции, не говоря о Швейцарии, которая не играет почти никакой роли. Гитлер опирается на всю Европу в войне не только против СССР, но и против Англии и США. Если дела на нашем фронте в 1942 году пойдут успешно, если мы задержим Гитлера на нынешней линии, то это, конечно, хорошо. Но надо считаться не только с этой положительной перспективой. Не исключено, что Гитлер будет на-

столько силен, используя людские и материальные ресурсы всей Европы, что германская армия сможет добиться серьезных успехов и мы (СССР) не выдержим удара. С этим надо считаться, чтобы представить себе обстановку в 1943 году. В этом случае в 1943 году советский фронт не будет решающим фронтом. Наши силы будут подорваны. Силы Гитлера во многом возрастут. Трудности союзников увеличатся не только потому, что не будет такого сильного противника для германской армии, как Красная Армия в 1942 году, но и потому, что Гитлер будет опираться более уверенно на часть территории СССР, включая нефтяные районы. Такая перспектива может создаться в 1943 году. Обстановка будет более тяжелая, и тогда борьба против Гитлера будет более трудной, затяжной и потребует больших жертв.

Таким образом, вопрос о втором фронте - это вопрос, который надо решать не только с точки зрения соотношения сил в настоящее время. Это соотношение может измениться в пользу Гитлера. В 1943 году мы можем не иметь и половины преимуществ, которыми мы обладаем в настоящее время. Поэтому отсрочка второго фронта до 1943 года чревата риском для СССР и большой опасностью для США и Англии. В 1943 году Гитлер может опереться на важные нефтяные источники СССР и вся тяжесть борьбы упадет на плечи Англии и США. Поэтому надо взвесить трудности борьбы с Гитлером в 1942 и 1943 гг., считаясь с тем, что в 1943 году эти трудности значительно возрастут.

Как конкретно обстоит дело с соотношением сил на советско-германском фронте? На обеих сторонах сосредоточены большие силы. Если объективно подойти к оценке соотношения сил, то количество войск и вооружения, набранного Гитлером почти со всей Европы, определяет это соотношение сил, видимо, в пользу Гитлера. Тем не менее мы можем вести войну против Гитлера. Никто не знает, какие еще силы развернутся в нашей стране в борьбе против Гитлера. Таковы перспективы. Однако худшая перспектива состоит в том, что благодаря некоторому перевесу сил на стороне Гитлера нажим Гитлера будет непосилен для СССР и Красной Армии. Если бы союзные Соединенные Штаты Америки и Великобритания смогли бы при описанном выше положении оттянуть с нашего фронта и сковать хотя бы 40 германских дивизий, то соотношение сил резко изменилось бы в нашу пользу. Мы были бы уверены, что в этом случае Гитлер был бы разбит в 1942 г. или, по крайней мере, был бы предрешен его крах в 1943 году. Мы ставим откровенно вопрос перед Рузвельтом, Маршаллом и Кингом - смогут ли США и Великобритания оттянуть и сковать эти 40 дивизий, из которых большинство уже не являются полноценными дивизиями? Если они смогут

это сделать, то вопрос, по крайней мере, в основном будет решен в 1942 году. Если США и Англия не в состоянии этого сделать, то мы будем продолжать нашу борьбу против Гитлера по существу один на один. Мы сделаем все, что можно для сокрушения Гитлера, а невозможного от нас никто не может требовать. В Лондоне я не получил удовлетворительного ответа на мой вопрос относительно второго фронта. Черчилль просил меня заехать на обратном пути в Лондон и обещал сообщить кое-что более конкретное по этому поводу. Он, Молотов, понимает, что главная тяжесть второго фронта выпадет на долю Англии, но это вопрос большой стратегии войны. Советское правительство знает, какую роль США играют в этих вопросах, и поэтому не сомневается, что мнение Рузвельта, а также американской армии и флота имеет громадное значение для судьбы Гитлера. Молотов говорит, что он не скрывает того положения, которое может создаться для нашей армии летом этого года. Советское правительство хотело бы знать, могут ли США сделать что-либо для облегчения борьбы СССР против Гитлера или США еще не готовы к этому? Молотов указывает, что в том и в другом случае внесение ясности будет иметь большое значение.

Гарри Гопкинс просит переводчика Кросса еще раз дать резюме того, что было сказано тов. Молотовым, и, если при переводе были допущены неточности в смысле заострения некоторых отрицательных фактов, уточнить эти места.

Молотов говорит, что он может резюме сделать сам. Он указывает, что кратко положение дела заключается в следующем. Имеются трудности в 1942 году. В войне от трудностей вообще не уйдешь. Трудности возрастут в 1943 году, так как не будет крепкого фронта с нашей стороны против Германии, - следовательно, вопрос об открытии второго фронта надо решать положительно в этом году. Если отложить решение этого вопроса до 1943 года, то вся тяжесть борьбы против Гитлера выпадет на Великобританию и США. В этом заключается опасность не только для СССР, но и для Америки. Сейчас же исход войны против Гитлера может быть решен оттяжкой 40 германских дивизий с советско-германского фронта. Решить этот вопрос более выгодно сейчас, чем в 1943 году. Если Гитлер в 1942 году овладеет Европой в соответствии с его захватническими планами, к чему он сейчас стремится, - то трудностей для второго фронта в 1943 году будет гораздо больше, чем в этом году.

Рузвельт, обращаясь к Маршаллу и Кингу, говорит, что он хотел бы, чтобы они поняли следующее. Мы будем в 1943 году гораздо сильнее. Но может случиться, что Гитлер в 1943 году будет еще более силен, чем мы, и поэтому откладывание вопроса о

втором фронте до 1943 года может не дать ожидаемых преимуществ. Это очень ясно выразил Молотов. Мы хотим открыть второй фронт в 1942 году. Это наша надежда. Это наше желание. Встает вопрос, возможно ли сделать это? При рассмотрении этого вопроса возникает проблема транспорта наших войск через Атлантический океан и затем через пролив из Англии в Европу. Мы будем продолжать совместно с армией и флотом изучать вопрос о том, что мы можем сделать, чтобы перебросить наши войска.

Генерал **Маршалл** заявляет, что вопрос об открытии второго фронта обсуждался. Имеются определенные выводы. По этому же вопросу он совещался с англичанами в Лондоне. В настоящее время в Лондоне работают над проблемой второго фронта несколько американских офицеров, проводятся совещания, приготовления по выявлению и строительству необходимых десантных средств. Если все эти подготовительные работы будут успешно закончены в этом году, то станет возможным создание второго фронта в 1942 году.

Рузвельт спрашивает Маршалла, может ли Молотов передать Сталину, что американское правительство готовится к созданию второго фронта в 1942 году и что мы надеемся на создание второго фронта в 1942 году?

Маршалл отвечает, что они делают все возможное, чтобы открыть второй фронт в 1942 году. Но он в качестве подчиненного военного чина хотел бы сказать следующее. Они оценивают серьезность положения на советско-германском фронте, выражая в то же самое время свое восхищение доблестным сопротивлением советских армий в течение 11 месяцев. Они, США, согласны с тем, что нужно принять решительные меры на европейском континенте для облегчения положения советских армий. Американские военные считают, что второй фронт в Европе может быть создан путем высадки десантов с Британских островов. Американские военные делают все возможное для того, чтобы найти, построить и импровизировать достаточное количество тоннажа для десантов и перебросить возможно скорее этот тоннаж к Британским островам. Он, Маршалл, был в Лондоне и лично занимался этим вопросом. Для этой же самой цели в Лондоне находятся в настоящее время начальник Штаба Американских Военно-Воздушных Сил и начальник снабжения американской армии. Они стараются облегчить и ускорить выполнение задачи. Он, Маршалл, хотел бы быть откровенным. Он говорит, что проблема состоит в том, что они, американцы, имеют войска, которые получат вооружение, которые хорошо обучены. Имеются прекрасные танковые дивизии. Но имеются трудности в перебро-

ске этих войск в Англию и через пролив в Европу. Это прежде всего вопрос необходимого количества десантных средств. Они принимают все усилия для того, чтобы найти необходимое количество тоннажа и десантных средств и перебросить их в Англию. Говоря откровенно, разрешение проблемы усложняется еще и тем, что тоннаж требуется для снабжения СССР. Кроме того, имеются трудности в области авиации. США могут посылать самолеты в Англию воздушным путем. Но дело осложняется тем, что из США значительное количество самолетов отправляется в СССР. Наша цель состоит в том, чтобы принудить немцев вступить в воздушный бой. Это будет невозможно сделать до тех пор, пока нога союзных армий не вступит на континент Европы.

Маршалл говорит, что Молотов указывал на необходимость оттянуть с советско-германского фронта 40 германских дивизий. Они, американцы, не совсем так подходят к этому вопросу. Для них, прежде всего, имеет значение число дивизий, которые они смогут перевезти через пролив, чтобы вовлечь немцев в воздушные бои для уничтожения их авиации. В этом, по его мнению, заключается разница между взглядами, высказанными Молотовым, и взглядами, которых придерживаются американцы.

Рузвельт указывает, что то, о чем говорил Маршалл, не является различием взглядов. Он, Маршалл, изложил просто две стадии вторжения на континент. Высадка начального контингента войск вынудит немцев вступить в воздушный бой. После того как германская авиация будет уничтожена, станет возможным произвести высадку дальнейших десантов. Когда на континенте будет сосредоточено достаточное количество войск, станет возможным отвлечение 40 германских дивизий с советско-германского фронта.

Далее Рузвельт говорит, что он хотел бы, чтобы адмирал Кинг объяснил Молотову положение с посылкой конвоев в Мурманск. Дело в том, что при конвоировании караванов происходят военные действия в трех измерениях. Во-первых, приходится оборонять караваны от нападения крупных германских военно-морских кораблей, например от "Тирпица", во-вторых, от подводных лодок и, в-третьих, от нападений с воздуха.

Кинг заявляет, что проведение конвоев в Мурманск, а в настоящее время в Архангельск приняло характер военных операций, так как эти Конвои подвергаются нападению со стороны тяжелых германских кораблей, базирующихся в Тронхейме и Нарвике; со стороны подводных лодок, базирующихся в Нарвике и Киркенесе; со стороны германских самолетов с аэродромов, расположенных в Норвегии. Германские воздушные силы следят за следованием конвоев при выходе этих конвоев из Исландии, на

всем пути до Мурманска и дальше. Когда немцы получают сообщение об отправке конвоя из Исландии, они приказывают своим подводным лодкам перехватить конвой. Следовательно, конвой должен быть защищен не только от местных атак со стороны подводных лодок, но и от возможных атак с воздуха. Необходимо, чтобы британские военно-морские силы посылали специальные корабли для наблюдения за передвижением германского военно-морского флота от баз, которые расположены ближе к маршрутам конвоев, чем базы британского флота в Скапа-Флоу. В этих условиях США пришлось усилить британский флот, чтобы англичане сумели выделить достаточное количество сил для прикрытия конвоев. Были приняты меры, чтобы прикрывать одновременно как возвращающиеся, так и направляющиеся в СССР конвои. Он, Кинг, хотел бы, чтобы советские военно-морские силы оказали помощь в деле конвоирования караванов при подходе к Мурманску, а также в деле защиты этих конвоев от германского военно-морского флота в районе Нарвика и Киркинеса. Положение с проводкой конвоев усложнилось в этом году, так как лед продвинулся в более южные районы моря и это обстоятельство затрудняет маневрирование конвоев. Конвои имеют меньшие возможности уйти от возможных нападений со стороны немцев.

Рузвельт говорит, что получены сообщения о том, что последний конвой, который прибыл в Мурманск вчера или должен прибыть туда сегодня, подвергся нападению германских самолетов. В результате из 35 судов был потоплен 1 эсминец, а 5 эсминцев и несколько судов повреждено. Немцы говоря о потоплении 17 пароходов. Рузвельт говорит, что мы должны считаться с потерями. Однако положение должно улучшиться летом, когда лед уйдет на север и конвои будут иметь большую свободу маневрирования.

Далее **Рузвельт** говорит о том, что он хотел бы еще раз упомянуть о двух вопросах. Во-первых, об использовании американских бомбардировщиков для бомбардировки Румынии из Сирии и, во-вторых, о доставке американских самолетов через Аляску в Сибирь. По этому пути могли бы быть доставлены в СССР как самолеты, так и отдельные виды материалов и, следовательно, можно было бы высвободить некоторое количество тоннажа.

Молотов отвечает, что в отношении бомбардировок Румынии он полагает, что американские самолеты могли бы производить это не только из Сирии, но и с территории СССР. Что касается доставки самолетов через Аляску на Дальний Восток, то этот путь хорош для восточных районов СССР, а для западных районов он слишком далек.

Молотов заявляет, что он доложит тов. Сталину и Советскому правительству относительно того, что он слышал от Рузвельта, Кинга и Маршалла в части оценок перспектив создания второго фронта в Европе.

№ 8 4

Запись беседы во время завтрака у Рузвельта 30 мая 1942 года*

В конце завтрака **Рузвельт** произносит тост.

Рузвельт говорит, что он хочет от имени американского правительства выразить глубокое удовлетворение, которое оно испытывает по случаю приезда Молотова в Вашингтон. Наш завтрак, говорит Рузвельт, проходит негласно. Но в военное время иногда чрезвычайно важно держать визиты государственных деятелей в секрете. Американское правительство не будет объявлять о приезде Молотова до его возвращения в Москву. Мы имели, говорит Рузвельт, ряд интересных бесед с г. Молотовым, вполне понимая, что главная тяжесть борьбы с Гитлером лежит на России. Он, Рузвельт, думает, что американцы поступают правильно. Мы, говорит он, сознаем серьезность положения. Это заставляет нас оказывать России помощь, выходящую за пределы человеческих возможностей. Он, Рузвельт, верит, что США-СССР совместно с Великобританией установят прочный и длительный мир после этой войны. Они будут иметь при этом поддержку всех народов, попавших под иго нацистской тирании. Для обсуждения вопросов будущего и вопросов настоящего времени он хотел бы встретиться с великим человеком нашего времени - со Сталиным. Он, Рузвельт, не мог этого до сих пор осуществить, но он верит, что эта встреча еще состоится. Он провозглашает тост за руководителя России и русских армий, за великого человека нашего времени, за Сталина.

Молотов говорит, что он хотел бы ответить на слова Президента и хозяина стола. Он говорит, что его визит проходит необычно и по необычным путям. Пройдены большие расстояния, пересечена линия фронта. Цель настоящего визита состоит в том, чтобы напомнить, что наш общий враг жесток и весьма силен, а аппетит его не знает пределов. Цель визита состоит также в том, чтобы напомнить, что мы, советские люди, знаем, что такое Гитлер, и знаем о том, что враг хочет стать еще сильнее. Враг хочет овладеть Европой в еще большей степени, чем он

* Это был ланч, который состоялся после беседы о втором фронте.

владеет ею теперь. Он, Молотов, думает, что враг не достигнет своей цели. Тем не менее мы должны считаться с опасностью не только для нас, но и для США. Молотов говорит, что он благодарит Рузвельта за тост в честь тов. Сталина. В нашей стране Рузвельт пользуется большой популярностью. Все видят, что Президент показал исключительное понимание и дальновидность в деле защиты интересов своей страны и народа. Молотов провозглашает тост за хозяина стола, Президента США Рузвельта, за его государственный талант и дальнозоркость. Молотов затем поднимает тост за всех присутствующих на завтраке членов правительства США.

Затем **Рузвельт** провозглашает тост за Молотова, за его благополучное возвращение на родину.

После завтрака **Рузвельт** просит Молотова рассказать присутствующим о положении на фронтах, а если возможно, то и о лицах, которые командуют на фронтах. Особенно им хотелось бы послушать о маршале Тимошенко.

Молотов отвечает, что он охотно готов это сделать. Положение на фронтах в настоящее время надо рассматривать как начало летних ожесточенных боев. Операции наших войск в районе Харькова, предпринятые в начале мая, были ответом на события на Керченском полуострове. События на Керченском участке фронта имели большое значение, и он, Молотов, не скроет того, что вследствие слабости нашего керченского командования в лице генерала Козлова, который не воевал раньше с немцами, мы не сумели использовать численного перевеса сил на нашей стороне. Следует признать, что благодаря большой концентрации авиации и танков немцам, вместе с румынами (с которыми, кстати сказать, США не воюют) (это замечание Молотова вызвало сочувственный смех среди присутствующих), удалось прорвать наши линии и добиться сравнительно легко успеха. Эти события на Керченском полуострове заставили нас поторопиться на Харьковском фронте. Если говорить об итогах операций на Керченском полуострове, то надо сказать, что с опытными германскими войсками успешно воюют те наши командиры, которые уже имеют опыт войны с ними. Пример с генералом Козловым является лучшей иллюстрацией и уроком на будущее. Для серьезных операций более подходят такие командующие, как Тимошенко, который имеет уже опыт боев с немцами. Легкие успехи немцев на Керченском полуострове вскружили им голову, и они стали распространять сообщения о якобы новых видах вооружения, которые они применили на фронте. Мы, однако, не получали от наших войск сообщений об использовании немцами каких-либо новых видов вооружения.

Молотов говорит, что операции под Харьковом Тимошенко проводил в порядке окружения Харькова с севера и с юга и на первой стадии они были успешными. В первые 3 дня боев было уничтожено не менее 400 германских танков. Как только успех операции под Харьковом обнаружился, немцы предприняли наступление с юга из Донбасса - в направлении Изюм-Барвенково. Они нанесли удар большими силами. Помимо пехоты и авиации в боях участвовало до 6 танковых дивизий. Поскольку восточнее и юго-восточнее Харькова наши войска вклинились в форме мешка в германский фронт, немцы поставили себе задачей отрезать мешок движением из Донбасса с юго-востока на Харьков, и нельзя закрывать глаза, что для советских войск это была опасная операция. Маршал Тимошенко руководит двумя фронтами - Юго-Западным, которым он непосредственно командует и в который входят Курск и Харьков, и Южным - с главными опорными пунктами в Ростове и Ворошиловграде. Этим фронтом командует советский генерал Малиновский. Таким образом, предпринятое Тимошенко наступление на Харьков и действия Малиновского пока помешали развертыванию германского наступления на юге.

Молотов говорит, что он уехал из Москвы уже две недели и не знает деталей теперешнего положения на фронтах. Он все же знает, что положение трудное. Он, Молотов, не верит сообщениям ДНБ[2]* о том, что немцы отрезали значительные части наших войск на юге и захватили большое количество танков и артиллерии, но он не исключает, что немцы могли иметь частичные успехи.

Рузвельт спрашивает, как будут в дальнейшем развиваться военные действия?

Молотов отвечает, что он не знает, где Гитлер предпримет решающее наступление, может быть, - на Москву, а может быть, - на Ростов. Возможное наступление на Ростов имеет большое значение с точки зрения захвата нефтяных источников Северного Кавказа и движения немцев на Баку. Понятно, что захват этих районов дал бы Гитлеру большие преимущества в этом году. Молотов говорит, что моральное состояние нашего народа высокое. Такую великую страну и народ нельзя победить. Мы верим в свои силы и силы союзников и думаем, что у нас хватит сил для того, чтобы отразить удар Гитлера. Но мы должны считаться с создавшимися опасностями этой борьбы как для СССР, так и для США.

Рузвельт благодарит Молотова за его сообщение и просит его рассказать о действиях партизан.

---

[2]* *Немецкое информационное агентство. - О.Р.*

Молотов говорит, что наиболее характерным районом в смысле партизанской борьбы является район, лежащий между Смоленском и Можайском и южнее этой линии в районе гор. Дорогобужа, который был захвачен партизанами 3 месяца тому назад и ими удерживается. В этом районе оперирует 19 000 партизан и 2-3 неполные кавалерийские дивизии под командованием генерала Белова, который провел блестящие операции при обороне Москвы и затем вышел в тыл к немцам. Эти партизанские отряды занимают район овальной формы протяжением в 60 километров с востока на запад и 25-30 километров с юга на север. Имеются и другие крупные районы действия партизан, но этот район является наиболее значительным по активности партизанских боевых действий.

Рузвельт поблагодарил Молотова за сообщение.

На завтраке присутствовали: вице-президент Уоллес, Гопкинс, Хэлл, Моргентау, Кинг, Бернс[43], председатели иностранных комиссий палаты представителей Блум и сената Конелли, Литвинов, Соболев, Беляев[44], Акулин, переводчики Кросс и Павлов.

Сообщение Молотова в Москву о первых двух днях переговоров было кратким и мрачным.

№ 85

Телеграмма из Вашингтона
Получена в Москве в 7.20 31 мая 1942 года

29 мая вечером состоялся обед у Рузвельта с участием только Гопкинса и переводчиков. После обеда была довольно длительная, но малосодержательная беседа.

30 мая состоялась основная беседа о втором фронте в том же составе плюс генерал Маршалл и адмирал Кинг. Я изложил цель моего приезда, подчеркнув, что в вопросе о войне с Германией разница между 42 и 43 годами может получиться не пользу 43 года. Если СССР не выдержит напора гитлеровских войск в 1942 году, то в 1943 году Гитлер будет гораздо сильнее, чем нынче, а советская армия не сможет связать на своем фронте почти все его войска, как это имеет место теперь. И здесь я поставил вопрос о желательности летом и осенью этого года оттянуть на Западный фронт хотя бы 40 германских дивизий.

В ответ на это Рузвельт и Маршалл заявили, что всячески хотят это сделать, но пока дело упирается в недостаток судов для переброски войск во Францию. Ничего конкретного они мне не заявили.

Днем [Рузвельт] устроил в честь меня узкий завтрак.

Мою миссию в Вашингтон можно считать законченной. Теперь дело за проверкой моторов самолета, что потребует три-четыре дня. Использую это время, чтобы побывать в Нью-Йорке. О дне вылета завтра сообщу.

30.V.42 г. МОЛОТОВ

Пессимизм Молотова понятен, но считать миссию законченной было преждевременно. 31 мая Рузвельт собрал совещание с участием Маршалла, Кинга и Гопкинса с тем, чтобы дать более определенный ответ Молотову по вопросу о втором фронте. Предварительно он подготовил проект телеграммы Черчиллю, в которой говорилось о целесообразности начать операцию в августе 1942 г. Но Маршалл предложил слово "август" исключить. В результате текст, касающийся сроков операции, указывал 1942 год с добавлением следующих слов: "Мы все понимаем, что из-за погодных условий операция не может быть отложена до конца года"[45]. Черчилль ответил: "Маунтбеттен объяснит Вам некоторые практические трудности операции среднего масштаба в этом году, какими они нам здесь представляются. Все приготовления необходимо продолжать с максимальной скоростью..."[46]

В тот же день, 31 мая, Молотов получил указание Сталина и отправил в Москву еще одну телеграмму. В свою очередь Рузвельт направил Черчиллю послание следующего содержания:

№ 86

Рузвельт-Черчиллю
31 мая 1942 года[47]

...Я полагаю, что визит Молотова - это настоящий успех, так как нам удалось создать обстановку такой личной искренности и такого дружелюбия, какие только могут быть достигнуты с помощью переводчика. Его отъезд будет отложен еще на два или три дня.

Он совершенно ясно выразил свою подлинную тревогу по поводу ситуации в последующие 4 или 5 месяцев, и я считаю, что это беспокойство искреннее, а не показное, для того чтобы нажать на нас. Я серьезно считаю, что положение русских непрочно и может неуклонно ухудшаться в течение ближайших недель.

Поэтому я более чем когда-либо хочу, чтобы в связи с операцией "Болеро" были предприняты определенные действия уже в 1942 г. Все мы понимаем, что из-за погодных условий эта операция не может быть отложена до конца года.

После разговора с нашим штабом я полагаю, что немецкие военно-воздушные силы нельзя разбить или фактически заста-

вить вести воздушную войну в такой мере, чтобы оттянуть их с русского фронта, до тех пор пока мы не произведем высадку. Я совершенно уверен в способности наших объединенных военно-воздушных сил полностью овладеть обстановкой в Ла-Манше и на достаточной территории суши для создания соответствующих плацдармов, которые нужно будет прикрывать. Это приведет: 1) либо к оттягиванию немецкой авиации с русского фронта и к усилиям с нашей стороны уничтожить ее; 2) либо, если немецкая авиация не будет себя проявлять, к тому, что можно будет расширить операции наземных войск с целью создания постоянных позиций.

Объединенный штаб работает сейчас над предложением об увеличении числа транспортных судов для использования в операции "Болеро" путем сокращения значительной части материалов для отправки в Россию, кроме военного снаряжения, которое может быть использовано в боях в этом году. Это не должно уменьшить поставки такого военного снаряжения, как самолеты, танки, орудия и боеприпасы, которые русские смогут использовать в боях этим летом. Я полагаю, что мы можем и дальше сокращать конвои на Мурманск-Архангельск и посылать больше готового к использованию военного снаряжения через Басру. Это должно облегчить задачу вашего флота метрополии, особенно эскадренных миноносцев.

Я буду телеграфировать Вам, когда Молотов уедет, и я особенно озабочен тем, чтобы он увез с собой некоторые реальные результаты своей миссии и сейчас дал Сталину благоприятный отчет. Я склонен думать, что сейчас все русские чуточку приуныли.

Однако важно то, что мы, может быть, окажемся и, вероятно, уже находимся перед реальными неприятностями на русском фронте и должны учитывать это в наших планах.

№ 87

Вашингтон. Молотову*

В деле поставок СССР из США добивайся у Президента следующего:

1. Организации ежемесячно одного каравана судов из портов Америки непосредственно в Архангельск с конвоированием военно-морскими силами США.

2. Ежемесячной поставки своим лётом через Африку по 50 бомбардировщиков Б-25 со сдачей нам в Басре или Тегеране.

---

* *Время получения не указано. - О.Р.*

3. Доставки для нас в порты Персидского залива со сборкой там ежемесячно 150 бомбардировщиков Бостон-3.

4. Доставки для нас в порты Персидского залива со сборкой там ежемесячно 3000 грузовиков.

СТАЛИН

№ 88

Телеграмма из Вашингтона Получена в Москве в 00.50 1 июня 1942 года

Из беседы с Рузвельтом обращает на себя внимание его заявление о способе охранения мира между народами после войны. Рузвельт развивает мысль, что для охраны мира потребуется некая полицейская сила, причем эту полицейскую силу он мыслит в виде вооруженных сил трех или четырех стран: США, СССР, Англия и, может быть, Китай (если Китаю удастся создать центральное правительство). По мнению Рузвельта, все остальные страны, включая Францию, Польшу, не говоря о Германии, Италии и Японии, должны быть разоружены.

В ответ на это высказывание я заявил, что в такой конкретной форме нам еще не приходилось выслушивать соображения по этому вопросу, что у меня есть опасение насчет отношения к этому вопросу со стороны некоторых стран, как, например, Франции, Польши, Турции, что вопрос важный и требует изучения.

Эта тема не получила пока дальнейшего развития в беседах.

1-го июня буду иметь встречу с Рузвельтом.

31.V.42 г. МОЛОТОВ

№ 89

Запись беседы с Рузвельтом 1 июня 1942 года

Присутствовали: Гопкинс, Литвинов
Переводчики - Кросс, Павлов

Рузвельт заявляет, что он хотел бы коснуться нескольких вопросов. Первый из них относится к Финляндии. Американское правительство получило информацию, согласно которой в Финляндии имеется несколько групп, стремящихся к заключению мира с СССР[48]. Эти группы не могут мобилизовать силы, чтобы

демонстрировать возможность мира с СССР, пока советское и американское правительства не предпримут чего-нибудь в этом направлении. Представители упомянутых групп говорили с американской миссией в Финляндии о попытке найти базу для своих стремлений. Американское правительство готово сделать все то, что, по мнению советского правительства, гарантировало бы успех дела мира с Финляндией. Рузвельт подчеркивает, что американское правительство ничего не рекомендует советскому правительству и просит Молотова сообщить об этой информации и о мнении американского правительства тов. Сталину.

Молотов обещает это сделать немедленно.

Далее **Рузвельт** сказал, что следующий вопрос касается воздушной линии от Вашингтона до Москвы или Куйбышева. В настоящее время существует линия от Вашингтона до Басры. Они готовы были бы продлить эту линию до Тегерана с частотой рейсов один раз в неделю. Если бы советское правительство установило свою авиалинию от Москвы или Куйбышева до Тегерана, то мы получили бы регулярную авиасвязь с США для перевозки почты и официальных лиц.

Молотов ответил, что советское правительство согласно с предложением американского правительства об организации авиасвязи США-СССР и готово со своей стороны поддерживать регулярную авиасвязь на линии Москва-Тегеран с частотой рейсов в начале, может быть, только один раз в две недели.

Рузвельт, переходя к следующим двум вопросам, сказал, что они находятся в стадии исследования. Речь идет о гражданской авиалинии из США через Ном в Аляске и из Нома к транссибирской железной дороге. По этому проекту авиалинию от Нома до Петропавловска-на-Камчатке могут обслуживать или американские самолеты, или советские самолеты. Эта авиалиния должна служить, как и первая, через Басру, для перевозки почты, пассажиров и небольших посылок. Затем имеется идея о переброске по тому же маршруту военных самолетов. По этому вопросу Стэндли говорил со Сталиным, который обещал изучить этот вопрос.

Молотов ответил, что этот вопрос изучается в настоящее время, и он не знает, имеются ли конечные результаты.

Далее **Рузвельт** говорит, что он передал Литвинову проект соглашения между США и СССР о займе и аренде. Сейчас он, Рузвельт, не будет говорить об этом соглашении, но он хочет просить Молотова переговорить с тов. Сталиным по следующему вопросу, относящемуся к послевоенному времени. Мы знаем, говорит Рузвельт, что после войны придется решить два финансовых вопроса. Один из этих вопросов должен быть урегулиро-

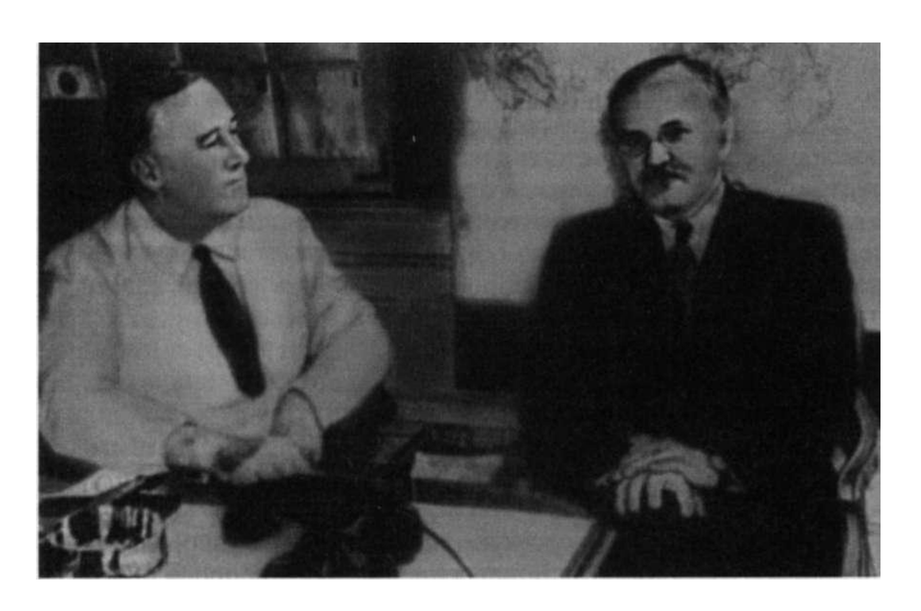
ван между союзниками, а другой касается восстановления стран, пострадавших от войны, в целях обеспечения прочного мира. Он, Рузвельт, основываясь на опыте, полагает, что не следует взимать процентов. Он думает, что вместо взимания процентов все Объединенные Нации должны разработать планы погашения (оплаты) капиталов в течение длительного срока, но без процентов. Он, Рузвельт, хотел бы, чтобы Сталин и Молотов подумали об этой мысли не в порядке принятия каких-либо обязательств, а в порядке ее изучения. Он полагал бы, что такое решение вопроса облегчило бы положение США, СССР и Великобритании после войны, а также работу по реконструкции стран, пострадавших от войны.

Молотов ответил, что он, конечно, информирует тов. Сталина о мысли Рузвельта. Он, Молотов, понимает, Какую большую роль в этом вопросе играют США.

Рузвельт благодарит и говорит, что он имеет еще один вопрос. Мы говорили, заявляет Рузвельт, о разоружении Германии и Японии и об организации контроля за ними в целях предупреждения секретного вооружения, а также о применении полицейской силы и карантина в отношении этих стран в случае их плохого поведения. При этом он, Рузвельт, не касался другой стороны этого вопроса. Дело в том, что, по его мнению, было бы необходимо в интересах безопасности наших стран отнять от слабых наций после войны множество небольших островов, которыми они владеют по всему миру в настоящее время. Он, Рузвельт, хотел бы, чтобы тов. Сталин подумал об организации опеки над подобными островами.

Молотов говорит, что в связи с высказанной ранее Президентом мыслью об организации международной полицейской силы он хотел бы сообщить следующее: он, Молотов, информировал советское правительство и получил соображения советского правительства и лично от тов. Сталина по этому поводу, и ему поручено сообщить Рузвельту, что советское правительство целиком разделяет мысль Рузвельта об организации объединенной полицейской силы, по крайней мере, в составе США, СССР и Англии и, если возможно, Китая. Во всяком случае, мысль Президента об организации полицейской силы для охраны мира советское правительство считает правильной и поддерживает ее. Ему, Молотову, кажется, что мысль Президента, высказанная им сейчас, также будет встречена советским правительством с полным сочувствием и вниманием.

Рузвельт говорит, что мысль об опеке над островами означает отмену мандатов, которые были выданы отдельным странам на эти острова после прошлой мировой войны. Например, японцы



В. Молотов и Ф. Рузвельт 1 июня 1942 года

получили мандат на быв[шие] германские владения в Тихом океане. Они укрепили эти острова, превратив их в крепости. После войны мы должны выбросить оттуда японцев и ни одна из стран, включая Англию и Францию, не должна получить мандатов на эти острова. В Тихом океане много таких островов, на которые мандаты получила Франция. По его, Рузвельта, мысли, этими островами никто не должен обладать после войны. Для экономического развития и административного управления островами на длительное время должна быть установлена опека трех-четырех великих держав-победителей. Необходимость подобной опеки он хотел бы показать на примере более крупных территорий. Индокитай, а также страны Малаккского полуострова не способны иметь свое собственное самоуправление. Но придет время, когда 30 миллионов населения Голландской Индии будут готовы к самоуправлению, и голландцы знают об этом. Никто из представителей белой расы не может надеяться на то, что он в течение неопределенного времени сможет обладать этими островами в качестве своих колоний. Это невозможно ввиду того, что народы подобных стран стремятся к независимости, и это известно представителям белой расы. Чан Кай-ши полагал бы возможным разрешить эту проблему путем создания на определенный срок опеки над ними. Срок опеки будет различным для отдельных стран. Например, Ява, вероятно, будет готова к самоуправлению через 20 лет. Опека США над Филиппинами продолжалась в течение

43 лет, пока они не получили независимости. Борнео будет готово к самоуправлению не раньше, чем через 150 лет[49].

Молотов, отмечая сложность этой проблемы, говорит, что после войны она встанет перед союзными нациями. Он, Молотов, считает, что советское правительство отнесется к этой проблеме, о которой он информирует тов. Сталина и правительство, самым серьезным и внимательным образом. Молотов говорит, что для него очевидно, что этот вопрос будет лучше решен на основе принципа, что охрана мира должна находиться в руках США, СССР и Англии и, может быть, Китая, как четвертой большой державы, с обеспечением соответствующего контроля, чтобы не допустить вновь вооружения агрессивных стран - Германии и Японии. Исходя из этого принципа, он, Молотов, считает, что поставленный вопрос может быть урегулирован в желательном для наших стран духе.

Рузвельт выражает согласие с Молотовым и говорит, что он не ожидает трудностей при разрешении этого вопроса после того, когда мы выиграем войну.

Далее он сообщает Молотову, что после совещания о втором фронте он говорил с начальниками штабов о проблеме тоннажа. Американское правительство посылает в Англию в настоящее время войска и самолеты с целью создания там сил, предназначенных для вторжения в Европу. Они, американцы, начали отправлять в Англию и десантные средства. Мы надеемся, заявляет Рузвельт, что второй фронт будет создан в 1942 году, но вопрос времени зависит от тоннажа. Мы можем, говорит он, ускорить создание второго фронта только путем получения большого количества тоннажа. В целях ускорения открытия второго фронта начальники штабов предлагают, чтобы советское правительство еще раз просмотрело список снабжения на предстоящий год с 1 июля. Этот список, предусматривающий поставки на 8 млн тонн, может быть выполнен только частично, так как ввиду недостатка тоннажа США в состоянии отправить через Мурманск, Архангельск и Басру только 4 400 000 тонн. Из этого количества только 1 800 000 тонн грузов может быть использовано СССР на фронте в этом году летом. Остальные 2,6 млн тонн представляют собой сырье и другую продукцию, которые нужны СССР для нужд производства и которые СССР не может в виде готовой продукции использовать на фронте этим летом. Но если сократить поставки для СССР до 2 млн, т.е. доставить СССР в течение года, начиная с 1 июля, только то вооружение, которое может быть использовано летом 1942 года, то это высвободит большое количество судов, которые будут использованы для переброски американских войск, танков и самолетов в Англию для

вторжения. Причем это сокращение поставок в СССР не коснется танков, боеприпасов, самолетов и орудий.

Молотов заявляет, что он передаст это предложение советскому правительству, но он должен сказать, что хотя в список поставок из США в СССР включены предметы, которые не будут использованы летом этого года, но они нам необходимы для укрепления тыла: строительства металлургических заводов, электростанций и железнодорожного оборудования. Эти поставки имеют большое значение для крепости фронта. Если советское правительство будет вынуждено пойти на сокращение поставок сырья и оборудования, оно пойдет на это, но сокращение этого вида поставок нежелательно с точки зрения укрепления фронта и тыла. Молотов просит с этим считаться, т.к. сейчас мы обрезаем тыл во всем для укрепления фронта, но должны дать тылу перспективы дальнейшего развития, обновления оборудования, прокатных станов, электростанций. Мы примем все меры, чтобы заявки не были преувеличены, но приходится считаться с важностью поставок, которые необходимы не только фронту, но и тылу. Поэтому мы просили бы вопрос о втором фронте решать с учетом интересов поставок как для армии, так и для тыла, охраняющего крепость армии. Второй фронт будет выгоден, если будет крепок первый, т.е. советско-германский фронт.

Далее Молотов говорит, что он был командирован советским правительством в США и Англию по приглашению английского и американского правительств. Из Англии он, Молотов, привезет договор. Это - один вопрос. В США он был командирован по главному вопросу - по вопросу второго фронта. Молотов спрашивает, что он может ответить в Лондоне и Москве на вопрос, что он привез с собой из Вашингтона? Каково мнение Рузвельта о втором фронте? Молотов просит Рузвельта изложить это мнение в виде резюме.

Рузвельт говорит, что в Москве он заявил бы, что американское правительство стремится и надеется на создание второго фронта в 1942 году. В этом направлении как в Англии, так и в США ведется большая подготовительная работа. Одним из способов ускорения организации второго фронта было бы сокращение поставок из США в СССР в целях высвобождения дополнительного тоннажа для переброски американских войск и вооружения в Англию. В Лондоне он, Рузвельт, сказал бы, что американское правительство ожидает приезда Маунтбэттона и Портала с тем, чтобы получить их согласие на второй фронт в этом году. Рузвельт говорит, что он один не может решить вопроса о втором фронте. Необходимо проконсультироваться с Англией, которая должна будет в случае открытия второго фронта

понести наибольшие жертвы. На днях из Англии возвращаются начальник штаба американских воздушных сил генерал Арнольд[50]. Он будет докладывать о результатах своей поездки Маршаллу, и он, Рузвельт, рекомендовал бы Молотову еще раз переговорить с Маршаллом перед своим отъездом.

Молотов ответил согласием.

В заключение беседы **Молотов** передал Рузвельту записку с просьбой советского правительства об увеличении поставок самолетов и грузовиков и о регулярной отправке в СССР одного каравана судов из США с эскортированием кораблями американского военно-морского флота. Рузвельт обещал изучить этот вопрос.

№ 90

Вручено Рузвельту
1.VI.42 г.

Поставки из США для СССР

1. Организация ежемесячно одного каравана судов из портов Америки непосредственно в Архангельск с конвоированием военно-морскими силами США.

2. Ежемесячная поставка своим лётом через Африку по 50 бомбардировщиков Б-25 со сдачей в Басре или Тегеране.

3. Доставка в порты Персидского залива со сборкой там ежемесячно 150 бомбардировщиков Бостон-3.

4. Доставка в порты Персидского залива со сборкой там ежемесячно 3000 грузовиков.

№ 91

Вручено Рузвельтом
1.VI.42 г.

Установление гражданской воздушной линии между США и Владивостоком или другим железнодорожным пунктом

О целесообразности установления такого сообщения уже был неофициальный разговор с Литвиновым. Советское Правительство было поставлено в известность о том, что американское правительство готово взять на себя целиком обслуживание этой линии до Нома или другого пункта в Аляске, который может

быть выбран. Американские пилоты или американские самолеты могли бы лететь из Аляски в Сибирь через Берингов пролив или Берингово море для того, чтобы связать американскую линию с советской; если Советское Правительство предпочтет, то советские пилоты и советские самолеты могли бы летать туда и обратно между Сибирью и Аляской для установления такой связи.

Организация подобной воздушной линии имеет так много преимуществ с точки зрения установления связи и перевозки людей и негромоздких грузов, что не представляется необходимым много говорить по поводу желательности этой линии.

Советское Правительство пока еще не дало определенного ответа на сделанное ему предложение.

№ 9 2

Вручено Рузвельтом
1.VI.42 г.

Установление авиалинии для доставки самолетов из США в СССР через Аляску и Сибирь

Американские чины неоднократно пытались убедить советские органы дать свое согласие на установление авиалинии между США и СССР через Аляску и Сибирь для доставки самолетов в СССР.

Во время своей беседы со Сталиным адмирал Стэндли особенно подчеркивал преимущества такого сообщения для Советского Правительства. Если бы оказалось возможным транспортировать самолеты в Советский Союз этим маршрутом, поставки могли бы быть значительно ускорены и это дало бы громадную экономию в тоннаже. Далее, риск потери самолетов в результате вражеских операций был бы практически устранен.

Советские органы большей частью высказывали мнение, что маршрут через Аляску-Сибирь не может быть практически использован по условиям погоды и ввиду влияния других факторов. Однако г. Сталин, вследствие настояний адмирала Стэндли, согласился рассмотреть этот вопрос. Он еще не дал определенного ответа. Насколько известно, военные власти США считают чрезвычайно важным, чтобы указанная линия для доставки самолетов была открыта в самом ближайшем будущем.

№ 9 3

Запись беседы с Гарри Гопкинсом
1 июня 1942 года

Беседа состоялась в [советском] посольстве после ланча (завтрака), устроенного в честь Г. Гопкинса.

Молотов спрашивает Гопкинса, каковы его впечатления от переговоров его, Молотова, с Рузвельтом.

Гопкинс отвечает, что он ничего не может добавить к тому, что сказал Рузвельт. Он, Гопкинс, считает, что самым важным вопросом в переговорах был вопрос о втором фронте. Все остальное не имеет значения. Эту точку зрения, вероятно, разделяет также и Молотов. Он, Гопкинс, может заверить Молотова в том, что президент хочет второго фронта в 1942 г. и его предложение о сокращении, в целях ускорения создания второго фронта в 1942 г., поставок СССР надо рассматривать самым серьезным образом. Но Рузвельт не мог дать Молотову определенного ответа в том смысле, что второй фронт будет в 1942 г., не посоветовавшись с англичанами. Это было бы несправедливым по отношению к англичанам, которые располагают более значительным контингентом войск и должны будут нести основную тяжесть борьбы. Генерал Маршалл уверен, что второй фронт будет создан в 1942 году. Имеется уверенность, что летом этого года английская и американская авиация полностью завоюет господство в воздухе над побережьем Франции, чтобы подготовить высадку десанта в 1942 году. Генерал Маршалл уверен, что в этом направлении будет сделано все необходимое. По его, Гопкинса, мнению, Маршалл в своих высказываниях в переговорах пошел дальше того, что ожидал от него он, Гопкинс. Маршалл и Рузвельт по-деловому ставят вопрос о сокращении претензий СССР на тоннаж. Он, Гопкинс, уверен, что второй фронт будет создан в 1942 году. Он уверен, что и Маршалл также думает, не говоря о президенте, на которого произвело большое впечатление все то, что сказал Молотов о положении на советско-германском фронте. Очень важно иметь в виду, что Рузвельт питает огромное доверие к Маршаллу и если бы Маршалл был против второго фронта, то на это президент посмотрел бы весьма серьезно. Он, Гопкинс, знает мысли Рузвельта. До приезда Молотова в Вашингтон между английским и американским правительствами происходили переговоры о втором фронте. По этому же вопросу сейчас в Лондоне находятся генерал Соммервелл[51] и генерал Арнольд. Он, Гопкинс, в субботу говорил по телефону с Арнольдом. Арнольд уверен, что это дело будет в 1942 году. Но Арнольд из авиации, а это отчаянные люди. Они всегда думают, что все

могут сделать. Арнольд хочет высадки десанта в 1942 г., но дело в Маршалле, которому, как начальнику штаба американской армии, подчинена также и американская авиация. Маршалл является наиболее сильным, волевым и компетентным в военном отношении генералом из числа американских и английских генералов. Когда Маршалл был в Лондоне, он доминировал над всеми остальными благодаря своей компетентности. Но окончательное решение за Рузвельтом. Он, Гопкинс, хотел бы, чтобы Молотов полностью понял причины, почему Рузвельт не мог прямо сказать, что они, американцы, пойдут во Францию в 1942 г. Он, Гопкинс, уверен и Маршалл также уверен, что президент хочет этого в 1942 г. Позиция Рузвельта в настоящее время определяется тем, что он осознает серьезность положения на советско-германском фронте. Он, Гопкинс, обнадежен результатами визита Молотова в Вашингтон и считает, что шансы на успешное разрешение задачи второго фронта в 1942 г. поднялись далеко за 50%. На месте Молотова он, Гопкинс, был бы доволен результатами переговоров.

Молотов спрашивает, ясно ли Рузвельт и Маршалл представляют себе положение на советско-германском фронте?

Гопкинс отвечает, что президент осознает серьезность положения на советско-германском фронте. Рузвельт знает, что предстоят серьезные, ожесточенные бои. Он думает, что Молотов был склонен скорее к недооценке, чем к переоценке положения. Но Рузвельт говорит, что он поступил бы на месте Молотова точно так же. Рузвельт не располагает какой-либо секретной информацией о положении на советско-германском фронте, но он считает, что положение серьезное. Президент убежден в том, что надо ударить по немцам в этом году и высадить десант в Европе. Президент имеет свою собственную сложившуюся концепцию о стратегии нынешней войны, и никто не в состоянии изменить эту концепцию. Президент считает, что надо начинать с разгрома немцев. Ему, Рузвельту, легче было бы принимать во внимание настроения американцев, сложившиеся под влиянием японского нападения на Пирл-Харбор, сделать главным врагом Японию. Но Рузвельт очень твердый человек. Он стремится в Германию. Рузвельт ненавидит Гитлера и считает его своим личным врагом. После беседы с Молотовым президент, а также он, Гопкинс, Маршалл и Кинг совещались между собой. Рузвельт принял твердое решение начать с разгрома Германии, несмотря на Херста[52] и др. Вчера он заявил об этом совершенно определенно. Но он не мог произнести этих слов Молотову. Президент чувствовал себя поэтому очень несчастливо. Дело в том, что при вторжении англичане должны будут принять на себя более значительные жертвы, чем американцы, и президент не мог поэтому дать определенного отве-

та без англичан. В свою очередь он, Гопкинс, хотел бы слышать от Молотова, каковы его впечатления от переговоров.

Молотов отвечает, что убедился в желании помочь СССР и создать второй фронт. Это произвело на него, Молотова, очень хорошее впечатление. Он знает, что вопрос о втором фронте нельзя сразу решить. Но он, Молотов, не скроет, что он хотел бы большей ясности в этом вопросе. Что же касается предложения о сокращении поставок США, то если вопрос о втором фронте этого потребует, то Советское правительство отнесется к этому самым серьезным образом.

На этом беседа была прервана приходом Дэвиса (бывшего американского посла в СССР) с женой.

№ 94

Телеграмма из Москвы
Отправлена 1 июня 1942 года

ВАШИНГТОН. МОЛОТОВУ

Соображения Рузвельта на счет охраны мира после войны совершенно правильны. Не может быть сомнения, что без создания объединенной вооруженной силы Англии, США, СССР, способной предупредить агрессию, невозможно сохранить мир в будущем. Хорошо было бы сюда включить Китай. Что касается Польши, Турции и других государств, я думаю, что можно вполне обойтись без них, так как вооруженные силы трех или четырех государств совершенно достаточны. Заяви немедля Рузвельту, что ты снесся с Москвой, обдумал этот вопрос и пришел к выводу, что Рузвельт совершенно прав и его позиция получит полную поддержку со стороны Советского правительства.

Инстанция

№ 95

Телеграмма из Нью-Йорка
Получена в Москве в 13.30 2 июня 1942 года*

Сегодня вместе с Литвиновым был у Рузвельта по его вызову. Помимо других менее важных вопросов, о которых сообщу дополнительно, беседа касалась следующего:

---

* *На полях надпись рукой Сталина: "Сокращение наших заявок на тоннаж". - О.Р.*

1) Рузвельт просил передать Сталину его мнение о послевоенных делах. Он просил [сообщить], что после войны не только нужна вооруженная полицейская сила трех-четырех стран для охраны и установления контроля по недопущению вооружения Германии и Японии, но также нужно заменить существовавший перед войной режим колоний и подмандатных территорий, которые принадлежали отдельным странам (Японии, Франции, Англии) и которые впредь не должны принадлежать отдельным странам, а должны находиться под опекой трех-четырех стран: США, СССР, Англии и Китая (Китай упоминался вскользь). При этом Рузвельт упомянул подмандатные Японии острова в Тихом океане, острова Голландской Индии, Индо-Китай, Малаккский полуостров, сказав, что они должны получить независимость, хотя и не сразу (Ява - через 20 лет, Борнео - через 150 лет).

Я воспользовался случаем и сказал, что обдумал сказанное президентом ранее и получил сообщение из Москвы, и все это дает мне основание заявить президенту, что Советское правительство полностью поддерживает точку зрения Рузвельта об охране мира после войны путем создания объединенной вооруженной силы трех стран и, [вероятно], Китая, а также путем установления соответствующего контроля за недопущением вооружения Германии и Японии. Я выразил уверенность, что Сталин и Советское правительство с большим вниманием и сочувствием отнесутся к пожеланию Рузвельта установить опеку объединенных великих держав в отношении островов и территорий, о которых говорил президент.

Рузвельт остался доволен моим ответом.

2) Рузвельт вновь сам заговорил о втором фронте и заявил, что он за второй фронт в 1942 г., что главная задержка в недостатке судов для десанта. Рузвельт доказывал, что если мы сократим наши требования на тоннаж для поставок в СССР до 2 миллионов тонн (после 1 июля 1942 г.), то это значительно ускорит создание второго фронта. При этом президент указывал, что наши требования поставок на следующий год составляют 8 миллионов тонн в год (за день до этого он определял их в 18 миллионов - за недостатком времени мне не удалось пока устранить это противоречие), но из них только 1 миллион 800 тысяч тонн включают поставки для нужд самой армии летом этого года.

Я объяснил, что наши планы поставок вызваны нуждами армии и ее непосредственного тыла (металл, железные дороги, электростанции), что президент поймет мое пожелание, чтобы создание 2-го фронта не повело к ослаблению нашего фронта и тыла, что тем не менее я доведу до сведения Советского прави-

тельства предложение Рузвельта о сокращении наших заявок на тоннаж в будущем году.

На мой вопрос, что же в итоге бесед мне сказать в Лондоне и в Москве об отношении президента к вопросу о втором фронте, он ответил, что он стоит за второй фронт в этом году, что в этом духе сейчас идет большая работа в США и Англии и этому всячески содействует, но дело зависит от англичан. И снова настаивал на сокращении **наших заявок на тоннаж**[2]*.

Президент сказал также, что 2 июня в Вашингтон прибывают командированные им в Лондон по делу второго фронта лица и вместе с ними видные англичане (Маунтботтен и другие), которые будут обсуждать вопросы вместе с генералом Маршаллом, и предложил мне встретиться с Маршаллом в среду. Я согласился.

В конце беседы я передал ему записку с четырьмя пунктами о наиболее срочных поставках, которую я вчера получил от товарища Сталина. Гопкинса, который при всех беседах присутствовал, я просил дать мне ответ на эту записку до моего отъезда.

Президент и Гопкинс сегодня уезжают из Вашингтона и попрощались со мной очень тепло.

1/VI-1942 г. МОЛОТОВ

Заключительная встреча с Рузвельтом не прояснила вопрос об открытии второго фронта в 1942 г. Предложение о сокращении поставок имело двусмысленный подтекст: столь необходимые поставки окажутся сокращены, а второго фронта не будет. Огромная ответственность за обсуждаемые решения, их неопределенность отражались в скупости информации, направляемой Молотовым в Москву, хотя, по словам Гопкинса, заключительная встреча с Рузвельтом и "ослабила напряженность"[53]. В Москве особое внимание обратили на постановку вопроса о сокращении поставок и содержание коммюнике по итогам поездки, предложенного Молотовым.

№ 96

Телеграмма из Нью-Йорка
Получена в Москве в 17.05 2 июня 1942 года*

Посылаю проект совместного коммюнике. Текст его следующий: «Во второй половине мая - в начале июня Народный Комиссар Иностранных Дел СССР г. В.М. Молотов посетил, по приглашению правительства Великобритании, Лондон и по при-

---

[2]* *Подчеркнуто Сталиным (жирной чертой). - О.Р.*

* На полях надпись Сталина: "Коммюнике".

глашению президента Соединенных Штатов Америки - Вашингтон.

В Лондоне г. В.М. Молотов вел переговоры с премьер-министром Великобритании г. У. Черчиллем и министром иностранных дел г. А. Иденом по важнейшим вопросам отношений между СССР и Великобританией. Эти переговоры велись в атмосфере сердечности и откровенности, при этом обсуждались неотложные задачи обеих союзных стран в их войне с гитлеровской Германией, а также основные вопросы сотрудничества СССР и Великобритании в послевоенный период. Переговоры закончились 26 мая подписанием "Договора между СССР и Великобританией о союзе и взаимной военной помощи...". Договор, текст которого приводится ниже, подписали от имени СССР г. В.М. Молотов и от имени Великобритании г. А. Иден. В переговорах принимали участие со стороны СССР посол СССР в Лондоне г. И.М. Майский и со стороны Великобритании постоянный заместитель министра иностранных дел г. А. Кадоган.

Правительства обеих стран уверены в том, что этот договор будет иметь большое значение для дальнейшего укрепления существующих дружественных отношений между Советским Союзом и Великобританией, а также между обеими странами и Соединенными Штатами Америки, которые были полностью информированы о ходе переговоров и заключении договора. Обе стороны уверены также, что договор явится новым мощным оружием в борьбе до полной победы над гитлеровской Германией и ее сообщниками в Европе и обеспечит тесное сотрудничество обеих стран после победоносной войны.

Во время беседы г. В.М. Молотова с руководителями правительства Великобритании были обсуждены актуальные военно-стратегические проблемы войны против гитлеровской Германии, причем со стороны Великобритании в обсуждении этих вопросов приняли участие заместитель премьер-министра Великобритании и министр по делам доминионов г. К. Эттли, начальник штаба военно-морского флота адмирал Д. Паунд, заместитель начальника имперского генерального штаба генерал-лейтенант А. Ней, начальник штаба военно-воздушных сил маршал Ч. Портал, [руководитель] комбинированных операций вице-адмирал Л. Маунтботтен, начальник бюро министра обороны генерал-майор Х. Исмей, а со стороны Советского Союза - генерал-майор Исаев и руководитель советской военной миссии в Великобритании контр-адмирал Харламов. В Вашингтоне Народный комиссар иностранных дел господин В.М. Молотов имел ряд бесед с президентом Соединенных Штатов Америки г. Ф. Де. Рузвельтом и с членами правительства США. Во время этих бесед, отли-

чавшихся искренней дружественностью и признанием взаимной заинтересованности в скорейшем доведении до победного конца войны против гитлеровской Германии, были обсуждены как актуальные военно-стратегические вопросы войны в Европе, так и основные проблемы сотрудничества Советского Союза и Соединенных Штатов в деле обеспечения мира и безопасности всех свободолюбивых народов после войны. Обе стороны с удовлетворением констатировали единство взглядов во всех этих вопросах.

В переговорах принимали участие советский посол в США г. М.М. Литвинов, а со стороны Соединенных Штатов - г. Г. Гопкинс, государственный секретарь по иностранным делам г. К. Хэлл, начальник генерального штаба генерал Маршалл, начальник штаба военно-морского флота адмирал Кинг.

Обе стороны нашли, что имевший место дружеский контакт между руководящими деятелями США и СССР знаменует собой весьма существенный шаг в деле сближения обеих стран и усиления их сотрудничества как в настоящее время, так и в послевоенный период».

Этот проект покажу Хэллу в части, касающейся США, если Вы его одобрите. Если Хэлл поинтересуется, то ознакомлю его и со всем проектом.

На мой соответствующий вопрос Гопкинс сказал, что в вопросе о коммюнике он предлагает мне взять на себя инициативу. Не исключаю того, что американцы воздержатся от совместного коммюнике.

Жду указаний.

2/VI-1942 г. МОЛОТОВ

№ 97

Телеграмма из Вашингтона
Получена в Москве в 23.00 3 июня 1942 года

Сообщаю переданный Хэллом проект коммюнике: "Народный Комиссар Иностранных Дел Союза Советских Социалистических Республик прибыл в Вашингтон во второй половине дня пятницы 29 мая и был гостем президента в течение нескольких дней. Пребывание его в Вашингтоне дало возможность дружественного обмена мнений между президентом и его советниками, с одной стороны, и г. Молотовым и его помощниками, включая по-

сла г. Литвинова, - с другой. Беседы носили самый сердечный характер. Они включали обсуждение со всех точек зрения всех важных сторон военного положения и методов военного сотрудничества.

По окончании визита президент попросил г. Молотова передать от его имени г. Сталину его мнение, что эти беседы принесли большую пользу в смысле установления базы для более близких и плодотворных отношений между обоими правительствами для достижения общих целей объединенных наций.

В настоящее время г. Молотов возвратился в Москву".

Считаю наш проект более подходящим, конечно, можно использовать и этот с добавками. Жду ответа по поводу моего проекта.

2.VI.42 г. МОЛОТОВ

№ 98

Телеграмма из Вашингтона
Получена в Москве в 23.00 3 июня 1942 года

1. 1 июня Рузвельт заявил, что он имеет информацию, будто в Финляндии есть группа деятелей, стремящихся к миру с СССР. Это - не из числа членов правительства и вообще никаких пояснений на мои вопросы Рузвельт не дал, но спрашивал, как Советское правительство относится к этому. Я ответил, что информирую об этом сообщении Москву.

2. Рузвельт возбудил вопрос об авиалинии через Тегеран между США и Куйбышевом или Москвой с тем, чтобы от Тегерана были наши самолеты. Я ответил, что Советское правительство положительно относится к этому предложению, и предложил присутствовавшему Литвинову довести это дело до конца.

3. Рузвельт предложил также установить гражданскую авиалинию через Аляску с Петропавловском, а также производить этим путем переброску бомбардировщиков в СССР. Я сказал, что этот вопрос уже изучается нами. Оговорился также, что переброска бомбардировщиков из США возможна этим путем только для Дальнего Востока, но не Восточного фронта.

4. На прощание Рузвельт снимался со мной и вручил свою карточку с надписью: "Моему другу г. Молотову".

2.VI.42 г. МОЛОТОВ

№ 99

Телеграмма из Москвы
Отправлена в 00.25 3 июня 1942 года

МОЛОТОВУ

1. Инстанция не довольна, что все твои сообщения страдают излишней скупостью и недоговоренностью. Из бесед с Рузвельтом и Черчиллем ты сообщаешь нам то, что сам считаешь важным, пропуская все остальное. Между тем инстанция хотела бы знать все, и то, что ты считаешь важным, и то, что, по-твоему, не важно.

2. Это относится также к проекту коммюнике. Ты нам не сообщаешь, чей это проект, согласован ли он во всех его частях с англичанами и почему, собственно, нельзя было бы дать два коммюнике - одно о переговорах в Англии, а другое о переговорах в США. Ввиду недоговоренности в твоих сообщениях нам приходится гадать.

3. Мы считаем целесообразным иметь два проекта коммюнике - один о переговорах в Англии, а другой о беседах в США.

Мы считаем, далее, абсолютно необходимым, чтобы в обоих коммюнике помимо всего прочего был также упомянут вопрос о создании второго фронта в Европе и о том, что по этому поводу имеется полная договоренность. Считаем также необходимым, чтобы в обоих коммюнике было сказано о поставках Советскому Союзу военных материалов из Англии и США. Во всем остальном согласны с содержанием проекта коммюнике, переданного нам тобой.

СТАЛИН[54]

Телеграмма была более чем неприятной для Молотова, но справедливой. Москва требовала ясности, зафиксированной по важнейшим вопросам в коммюнике. Молотову предстояла встреча с государственным секретарем США К. Хэллом. К этому времени он уже получил телеграмму Сталина.

№ 100

Запись беседы с Хэллом[55]
3 июня 1942 года

Беседа состоялась в [советском] посольстве.

Хэлл, выразив свое удовлетворение визитом Молотова в Вашингтон и его переговорами с Рузвельтом, заявил, что он всегда говорил своим сотрудникам о необходимости признания СССР по

многим причинам. Одна из этих причин состоит в том, что между Россией и США всегда существовали традиционные дружественные отношения. Другая причина состоит в том, что наши страны относятся к государствам, которые всегда были наиболее заинтересованы в сохранении мира. После нынешней войны наши страны также в одинаковой степени будут заинтересованы в обеспечении прочного, длительного мира, безопасности для себя и для других стран и в недопущении нарушения мира будь то со стороны Германии или Японии.

Молотов отвечает, что в Советском Союзе высоко ценят заслуги Хэлла в установлении нормальных дипломатических отношений между СССР и США. События настоящего времени подтвердили, насколько необходимы хорошие отношения между нашими странами как во время, так и после войны. Молотов спрашивает, не желает ли Хэлл конкретизировать вопросы, затронутые еще при первой встрече с Рузвельтом относительно Ирана, Турции и др.

Хэлл отвечает, что он хотел упомянуть сейчас об одном вопросе, которым весьма интересуются американские военные. Речь идет об организации коммерческой и для переброски самолетов авиалиний из США и СССР через Аляску без захода во Владивосток. Он, Хэлл, направил Литвинову карту этого маршрута и просил бы рассмотреть это предложение американского правительства.

Молотов отвечает, что это предложение заслуживает серьезного внимания, но ему сейчас трудно войти в детали этого вопроса, так как вопрос изучается в настоящее время.

Хэлл говорит, что в последние 24 часа он получил беспокойное сообщение о том, что Чан Кай-ши пал духом. Он устал и хотел бы помощи. Американское правительство все делает, чтобы ободрить его, командируя в Китай одно важное лицо за другим. Мы, говорит Хэлл, исчерпали уже все средства. Он ничего не предлагает Советскому Правительству. Он сообщает это для сведения Советского Правительства и если оно сочтет нужным, то, может быть, со своей стороны оно предпримет что-нибудь, чтобы подбодрить Чан Кай-ши.

Молотов отвечает, что мы, конечно, хотим помочь Китаю и, когда будет возможность, сделаем это, но в такой трудный период для СССР, как летние месяцы борьбы с Германией, мы, естественно, поглощены нашим фронтом борьбы с Германией.

Хэлл заявляет, что он понимает положение Советского Правительства, и поэтому он ни о чем не просит. Но он, Хэлл, полагает, что информация представляет интерес для Советского Правительства.

Молотов благодарит Хэлла за информацию.

Далее **Хэлл** говорит, что вчера он принял чиновника, возвратившегося только что из Германии, который в январе прошлого года сообщал, что Гитлер нападет на СССР в мае или июне. Он, Хэлл, хотел бы спросить Молотова за столом мирной конференции после окончания нынешней войны, знало ли Советское Правительство о том, что Гитлер готовился к нападению на СССР.

Молотов говорит, что Советское Правительство в апреле и мае знало о подготовке нападения на СССР. Поэтому, начиная с мая, Советское Правительство провело негласную мобилизацию и подтянуло войска к границе. Несмотря на это, настроение населения в СССР было настолько мирным, т.к. народ не хотел войны, что нападение Гитлера было для большинства неожиданностью. Нас также предупреждали со стороны США и Англии, что война близка.

Хэлл благодарит Молотова за ответ на его вопрос и говорит, что он хотел бы спросить Молотова о его мнении по поводу американского проекта коммюнике.

Молотов отвечает, что он получил проект коммюнике через Литвинова. В основном он согласен с проектом, но желал бы сделать некоторые дополнения, которые он, Молотов, сможет передать Хэллу после завтрака. Молотов говорит, что он считал бы необходимым сказать в коммюнике, что переговоры касались также создания второго фронта в Европе и что по этому вопросу имеется полная договоренность. В связи с этим он, Молотов, предложил бы упомянуть о том, что в переговорах принимали участие генерал Маршалл и адмирал Кинг. Затем следовало бы сказать в коммюнике, что поставки материалов из США в СССР будут усилены, а также что были обсуждены вопросы обеспечения мира и безопасности СССР, США и других свободолюбивых народов после войны и что по этим вопросам имеется единство взглядов. Надо также упомянуть об участии Хэлла в переговорах.

Хэлл говорит, что предложенное Молотовым упоминание о втором фронте надо передать на рассмотрение президента. Остальные дополнения ему, Хэллу, представляются приемлемыми, за исключением упоминания об его участии. Он не хотел бы видеть своей фамилии в коммюнике, т.к. он фактически не принимал участия в переговорах, а также исходя из соображений вежливости по отношению к военному министру Стимсону и Ноксу[56], которые не участвовали в переговорах.

Молотов говорит, что имя Хэлла будет упомянуто в коммюнике, как министра иностранных дел, который принимал участие

в переговорах наряду с ним, Молотовым, Народным Комиссаром Иностранных Дел.

Хэлл благодарит Молотова и отвечает, что, пожалуй, можно будет упомянуть об его участии, но не специально, а сказав, что среди участников переговоров был и он, Хэлл.

№101

Телеграмма из Вашингтона
Получена в Москве в 8.45 4 июня 1942 года

31 мая Рузвельт вручил мне проект второго протокола и программы поставок Советскому Союзу со стороны США и Англии на период с 1 июля 1942 г. по 30 июня 1943 г.

Основное содержание протокола следующее:

1. Для отправки из портов США и Англии будет предоставлено 3 300 000 коротких тонн в северные порты и 1 100 000 тонн в Персидский залив, то есть всего 4 400 000 коротких тонн вместо заявленных нами американцам и англичанам, по подсчетам американцев, 8 миллионов тонн (Беляев обещает срочно произвести свой подсчет наших заявок в тоннаже).

2. Мы должны выбрать из нашей заявки такие виды вооружения, оборудования и материалов из числа предлагаемых нам США и Англией, которые укладывались бы в тоннаж 4 400 000 тонн.

3. Эта программа может частично изменяться в ходе войны.

4. США продлят финансовые соглашения на покрытие расходов по американским поставкам. Финансирование по английским поставкам будет происходить на основе кредитного соглашения от 16 августа 1941 г. по всему снабжению, а по военному снабжению на основе английского Ленд-Лиз, который еще подлежит обсуждению.

5. США предлагают поставки общим количеством в 7 миллионов коротких тонн стоимостью в 3 миллиарда долларов, из них 1 100 000 тонн военного и военно-морского оборудования, вооружения и боеприпасов стоимостью в 2 миллиарда долларов, 1 800 000 тонн материалов, станков и оборудования стоимостью в 400 миллионов долларов и 4 300 000 тонн пищепродуктов стоимостью в 600 миллионов долларов. Разница между цифрами 7 миллиардов американских грузов и 4,4 миллиардов англо-американских поставок согласно пункта 1 настоящей телеграммы требует выяснения, что будет сделано Беляевым сегодня или завтра.

6. Англичане по проекту должны производить поставки и после 1 июля 1942 г. в масштабах прошлогоднего московского протокола. (Это не соответствует известному письму Бивербрука на имя Майского, в котором говорилось, что англичане взяли на себя обязательство производить поставки и после 1 июля на 50% больше предыдущего периода, а с 1 января 1943 г. увеличить эти поставки еще на 50 процентов.)

Со своей стороны должен добавить следующее: проект протокола только [что] переведен на русский язык, и полный его текст сегодня начнем передавать в Москву на рассмотрение. После получения указаний инстанции этот проект должен быть обсужден комиссией Беляева с соответствующими органами в Вашингтоне, что предусмотрено проектом.

Я не считал возможным заниматься сейчас этим вопросом в Вашингтоне или даже приступить к выяснению совместно с американцами отдельных пока неясных его пунктов.

3.VI.42 г. МОЛОТОВ

№102

Телеграмма из Москвы
Отправлена 2 июня 1942 года

1. Перед твоим приездом в Вашингтон Литвинов сообщил нам о проекте договора между СССР и США, предложенном Хэллом по вопросу о займе и аренде предметов вооружения. В твоих сообщениях об этом проекте ничего не сказано. Почему? Проект взят Хэллом обратно или случилось какое-то недоразумение.

2 июня. ИНСТАНЦИЯ

№ 103

Телеграмма из Вашингтона
Получена в Москве в 8.45 4 июня 1942 года

Проект Хэлла по вопросу о займе и аренде предметов вооружения, о котором Литвинов сообщил в Москву 27 мая, остается в силе[57]. Ни Рузвельт, ни Хэлл не затрагивали этого вопроса в беседе со мной. Я также не касался этого вопроса в беседах в Вашингтоне. По существу этого вопроса предлагаю следующее:

1) В проект соглашения внести в двух местах (в конце второго абзаца вводной части и в конце первого абзаца седьмой статьи)

одну и ту же поправку, а именно добавить слова: "К которому присоединилось также правительство СССР".

2) Проект сопроводительного письма дополнить следующим вторым абзацем: "Само собой разумеется, что установленная Конституцией СССР монополия внешней торговли, являющаяся одной из основ хозяйственного устройства Советского Союза, ни в какой мере не затрагивается настоящим соглашением".

В случае согласия инстанции прошу разрешить мне подписать это соглашение и письмо, если погода заставит меня задержаться в Вашингтоне. В противном случае поручить подписание Литвинову.

3/VI-1942 г. МОЛОТОВ

№ 104

Телеграмма из Вашингтона Получена в Москве в 14.00 4 июня 1942 года

1) Принимаю к руководству указание Инстанции на необходимость обеспечения полной информации о всех моих встречах и беседах, в том числе и о менее существенных. Само собой разумеется, что ведется подробная запись всех моих бесед и эти записи будут представлены мной инстанции в Москве в дополнение к шифровкам.

2) Проект коммюнике я посылал на одобрение инстанции и никому из американцев и англичан я его предварительно не показывал. Согласен, что лучше дать два коммюнике, а не одно общее о переговорах в Англии и в США.

3) Сегодня меня посетил Хэлл в посольстве, так как он считал неконспиративным в отношении журналистов мое появление в Госдепартаменте.

В беседе с Хэллом я сказал, что принимаю в основу его проект коммюнике, но устно изложил некоторые добавления к его проекту в соответствии с Вашими указаниями. Хэлл ответил, что предложенные мной упоминания о втором фронте надо передать на рассмотрение президента, против других дополнений не возражал. После беседы я послал Хэллу проект коммюнике и теперь жду его ответа. В беседе Хэлл оговаривался, что он не полностью в курсе моих переговоров с Рузвельтом, так как он только частично в них участвовал, что соответствует действительности. (Коммюнике о переговорах в Англии буду согласовывать с англичанами в Лондоне.)

4) В беседе Хэлл касался еще следующих вопросов:

Хэлл указывал на желательность установления авиалинии через Аляску и далее через Якутск-Иркутск, а также на возможность отправки этим путем бомбардировщиков из США в СССР. Я снова объяснил, что это сложное дело и что оно нами изучается.

Хэлл сказал, далее, что в последние часы он получил сообщение из Китая, что Чан-Кай-ши удручен положением дел в Китае, что американцы исчерпали все слова в переговорах с Чан-Кай-ши, которому надо бы теперь помочь, и, может быть, СССР это учтет. Я ответил, что мы, конечно, хотим помочь Китаю и, когда будет возможность, сделаем это, но в такой трудный период для СССР, как летние месяцы борьбы с Германией, мы, естественно, поглощены нашим фронтом войны с Гитлером.

5) Сегодня, 3 июня, в посольстве был устроен завтрак (Лянч), на котором присутствовали вице-президент Уоллес, Стимсон, Моргентау, Икес, министр торговли Джонс, Самнер Уэллес, министр земледелия Виккард, вице-адмирал (председатель морской комиссии) Ленд, генерал Бернс, руководитель управления военного производства Нельсон, Галифакс.

На завтраке не смогли быть Хэлл и Нокс ввиду занятости. Завтрак прошел хорошо с точки зрения дружественных отношений.

6) Перед завтраком я пригласил генерала Бернс, чтобы поторопить с ответом на 4 вопроса об американских поставках, которые я передал 1 июня Рузвельту и Гопкинсу. Бернс, который практически ведает основными вопросами поставок Советскому Союзу, оказался не информированным Гопкинсом по этим 4 вопросам, но [обещал] выяснить и оказать содействие.

7) Вечером у меня был сегодня прибывший в Вашингтон английский адмирал Маунтботтен (руководитель комбинированных военных операций английских войск) вместе с американским генералом Айзенгоф*. Маунтботтен продолжил имевшийся у него со мной разговор в Лондоне о снеговых танках, о чем сообщал еще Майский. Он вместе с генералом Айзенгофом* подготовляет десанты специальных легких танков в такие районы, как Норвегия. Маунтботтен настойчиво просил быстро послать в Вашингтон советского офицера, знающего особенности этих танков на снегу, особенно в горных местностях. Я обещал информировать Москву и содействовать командировке такого советского офицера. Прошу это сделать, имея в виду, что Черчилль просил содействия Маунтботтену.

---

* Д. Эйзенхауэр.

8) Так как 1 июня днем мои беседы с Рузвельтом закончились, а наш самолет не был готов к полету, то я вместе со спутниками вечером 1-го июня выезжал поездом в Нью-Йорк и вернулся оттуда 2-го июня вечером. Посещение Нью-Йорка ограничилось поездкой на автомобиле в течение 3-4 часов по городу и окрестностям, а также знакомством с советскими работниками в Нью-Йорке.

9) Теперь наш самолет подготовлен к полету. Завтра с утра будет произведен пробный небольшой полет, и если погода не помешает, то 4 июня вылетим в обратный путь.

3/VI-1942 г. МОЛОТОВ

№ 105

Телеграмма из Вашингтона
Получена в Москве в 18.45 4 июня 1942 года

Поздно вечером заходил ко мне генерал Бернс, который передал мне ответ Рузвельта на наши 4 просьбы в отношении поставок из США. Вот содержание этих ответов.

1) По первому пункту (о прямых поставках из США в Архангельск). США и Англия приложат все усилия, чтобы доставить поставки в СССР. Президент сам весьма стремится обеспечить доставку максимального количества поставок, но в настоящее время более конкретные обязательства не могут быть приняты. В частности, президент думает, что СССР сможет оказать эффективную поддержку с воздуха в целях защиты конвоев, следующих северным путем. Президент думает, что это было бы очень важно сделать.

Ответ по первому пункту неопределенный, скорее, отрицательный.

2) По второму пункту (о поставках Б-25). Новый протокол предусматривает поставку 12 бомбардировщиков через Африку в порт Персидского залива вплоть до октября, когда будет изучен вопрос о возможности увеличения поставок.

Бернс добавил, что по этому пункту просьба удовлетворяется примерно на 25 процентов.

3) По пункту третьему. США будут поставлять ежемесячно 100 самолетов 8-20* , которые по существу одинаковы с Бостон-3, которые нам поставляет Англия. В октябре будет изучена возможность увеличения поставок.

---

* Опечатка, следует читать: А-20.

4) По пункту четвертому. США полностью удовлетворяют нашу заявку на поставки 3000 грузовиков.

Бернса я поблагодарил за быстрый ответ, хотя он нас и не удовлетворяет полностью.

Я передам Беляеву, чтобы он проследил за выполнением этих вопросов [решений?] Рузвельта.

3/VI-1942 г. МОЛОТОВ

№106

Телеграмма из Москвы
Отправлена в 22.20 4 июня 1942 года

МОЛОТОВУ. ЛИТВИНОВУ

1) Ваша поправка к проекту Хэлла о займе-аренде к концу второго абзаца вводной части нам не понятна. Возможно, что у тебя имеется другой текст проекта.

2) Ваша поправка к концу первого абзаца статьи 7 приемлема.

3) Оговорка к сопроводительному письму насчет сохранения монополии внешней торговли не нужна и не приемлема, так как договор не угрожает ни в какой степени монополии внешней торговли.

4) Придется принять предложение Рузвельта о сокращении нашей заявки на тоннаж и о том, чтобы ограничиться вывозом из Америки главным образом предметов вооружения и оборудования для заводов. Нужно только настаивать, чтобы 4 400 000 коротких тонн по вывозу из США и Англии в северные порты СССР и порты Персидского залива были выполнены беспрекословно. Видимо, это необходимо для США и Англии для того, чтобы освободить свой тоннаж для подвоза войск в Западную Европу на предмет создания второго фронта.

5) Придется также согласиться на то, чтобы часть бомбардировщиков доставлять в СССР через Камчатку и Дальний Восток путем перелета. Это все-таки дает нам облегчение по части авиации, а Японии это дело не касается, так как ведем войну не с ней, а с Германией.

6) Мы понимаем результаты твоей работы в Америке таким образом, что мы получим два договора с США: один официальный о займе и аренде, а другой неофициальный об определении тоннажа для завоза в СССР военных материалов и оборудования для военной промышленности. Кроме того, наряду с этими двумя договорами будет договоренность с Рузвельтом о создании после

войны международной вооруженной силы для предупреждения агрессии. Кажется этими результатами исчерпываются твои переговоры с США.

7) Предоставляем тебе решить вопрос, кому подписать договор о займе и аренде: тебе или Литвинову.

8) О снеговых танках сделаем все необходимое.

9) Настаиваем на том, чтобы в обоих коммюнике было упомянуто о втором фронте и о поставках вооружения для СССР в той или иной форме. Это нужно, так как внесет неуверенность в ряды гитлеровцев и нейтральных стран во всей Европе.

ИНСТАНЦИЯ

№ 107

Телеграмма из Вашингтона
Получена в Москве в 20.00 4 июня 1942 года

СТАЛИНУ

Посылаю согласованный 3-го июня с Рузвельтом текст коммюнике, а именно: "Сообщение о посещении Вашингтона Народным Комиссаром Иностранных Дел г. В.М. Молотовым.

Народный Комиссар Иностранных Дел Союза Советских Социалистических Республик г. В. Молотов прибыл по приглашению президента Соединенных Штатов Америки г. Ф. Рузвельта в Вашингтон 29 мая и был гостем президента в течение нескольких дней. Пребывание его в Вашингтоне дало возможность дружественного обмена мнениями между президентом и его советниками, с одной стороны, и г. В. Молотовым и его помощниками - с другой. В числе участников переговоров были: Советский посол в США г. Максим Литвинов, г. Гарри Гопкинс, начальник штаба армии США генерал Джордж К. Маршалл и главнокомандующий военно-морским флотом США адмирал Эрнст Д. Кинг. Г-н Корделл Хэлл, государственный секретарь, участвовал в последующих переговорах по невоенным вопросам. При переговорах была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году. Кроме того, были подвергнуты обсуждению мероприятия по увеличению и ускорению поставок Советскому Союзу самолетов, танков и других видов вооружения из США. Далее обсуждались основные проблемы сотрудничества Советского Союза и Соединенных Штатов в деле обеспечения мира и безопасности для свободолюбивых народов после войны. Обе стороны с удовлетворением констатировали единство взглядов во всех этих вопросах.

По окончании визита президент попросил г. В. Молотова передать от его имени г. Сталину его мнение, что эти беседы принесли большую пользу в смысле установления базы для более близких и плодотворных отношений между правительствами для достижения общих целей объединенных наций".

Этот текст был принят Рузвельтом по нашему проекту, который был предложен мною с использованием проекта Хэлла.

4/VI-1942 г. МОЛОТОВ

№108

Телеграмма из Москвы в Лондон
Отправлена в 1.45 5 июня 1942 года

МАЙСКОМУ ДЛЯ МОЛОТОВА

Получили проект совместного коммюнике с американцами. Коммюнике получилось вполне удовлетворительное.

ИНСТАНЦИЯ

История подготовки и согласования этого коммюнике и, в особенности, реального значения принятого решения о втором фронте ("достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г.") вызвала бурную и разноречивую реакцию в послевоенной литературе. Основной тезис западной историографии заключается в том, что согласие Рузвельта на это обязательство было искренним, но его не удалось осуществить вследствие сопротивления Черчилля и отсутствия необходимых в 1942 г. для наступления через Ла-Манш материальных сил на Британских островах. Распространена и противоположная точка зрения, что Рузвельт, несмотря на возражение Маршалла, согласился оставить в коммюнике слова "в 1942 году", так как "поддержка, даже основанная на ложной предпосылке, укрепит волю Советов"[58]. Загадка?

Документы отечественных архивов дают возможность сделать следующие выводы:

а) формулировка "достигнута договоренность..." была включена Молотовым в проект коммюнике по указанию Сталина, и Рузвельт с ней согласился;

б) между Сталиным и Молотовым существовали в те дни разногласия в оценке подлинного значения этой формулировки.

Молотов скептически отнесся к заверениям Рузвельта о планах высадки союзников в 1942 году, в то время как Сталин верил в реальную возможность достижения этой цели. Подтверждением может служить телеграмма Сталина, направленная советскому послу в Вашингтоне после отъезда Молотова в Великобританию. Она являлась ответом на предложение Рузвельта сократить поставки по ленд-лизу в СССР для

высвобождения морских транспортных средств в целях обеспечения своевременной переброски американских войск и техники на Британские острова. Поставки, как свидетельствуют переговоры, сокращались примерно на 40% по сравнению с подготовленным американской стороной протоколом, переданным Рузвельтом Молотову для советского правительства. Следует принять во внимание, что в то время развертывалось летнее стратегическое наступление вермахта и положение на советском фронте ежедневно ухудшалось. Поставки по ленд-лизу были особенно необходимы. Тем не менее Сталин 6 июня 1942 г. телеграфировал Литвинову: "Вы должны сообщить Рузвельту о согласии Советского правительства на сокращение нашей заявки на тоннаж в полном соответствии с тем, как это изложено в пункте 4-м нашей телеграммы №2712 [Док. № 106], и добавлением, что Советское правительство идет на это, чтобы облегчить США подвозку войск в Западную Европу для создания там второго фронта в 1942 году, в соответствии с тем, как это сказано в согласованном Молотовым и Рузвельтом коммюнике. *По нашему мнению, это может ускорить согласие Англии на организацию второго фронта в этом году"*[59] (выделено мною. - ***О.Р.***).

Как известно, ни в 1942, ни в 1943 гг. второй фронт открыт не был[60].

Молотов последние дни пребывания в США был занят подготовкой 5 телеграмм Сталину с более подробным освещением переговоров в Вашингтоне.

№ 109

Телеграмма из Вашингтона
Получена в Москве в 18.55 4 июня 1942 года

СТАЛИНУ

Из бесед с Рузвельтом считаю необходимым выделить следующие моменты:

1. О втором фронте. Рузвельт говорил о том, что приготовления ко второму фронту проводятся. Вторжение в Европу должно быть произведено из Англии, поэтому в Ирландию были отправлены первые американские войска и отправка дальнейших контингентов из США будет продолжаться. Кроме того, надо обеспечить высадку десантов из Англии через пролив. Сложность транспортной проблемы второго фронта велика. На побережье Франции имеется 3-4 порта, сильно укрепленных немцами. Эти порты необходимо использовать для выгрузки танков и другого вооружения. В других местах нельзя этого сделать, так как у берегов мелко. Людской состав, даже до 30 дивизий, можно было бы высадить в другие пункты, помимо портов. Для всех с этих десантных операций строятся суда трех различных видов и разме-

ров. Все приготовления могут быть закончены лишь в 1943 году, и, следовательно, операция вторжения в Европу может быть осуществлена в 1943 г. Однако он, Рузвельт, убеждает американских военных пойти на риск и произвести высадку 6-10 дивизий во Франции. Возможно, что придется перенести Дюнкерк и потерять 100-120 тысяч войск, но надо идти на жертвы, чтобы помочь в 1942 г. и чтобы нанести удар по моральному состоянию немцев.

На вопрос Рузвельта о моем отношении к высадке десанта в 6-10 дивизий, я сказал, что это недостаточно, так как должна быть выполнена задача оттягивания на второй фронт хотя бы 40 дивизий. Я, однако, признал, что и эта операция нанесет известный удар по моральному состоянию в Германии, подумав про себя, что только бы втянулись англо-американцы в какие-нибудь десантные операции.

Гопкинс заходил ко мне отдельно и тоже заверял, что дело не в количестве десантных дивизий первого периода, а в том, чтобы эти операции поскорее начались.

Генерал Маршалл при обсуждении вопросов о втором фронте пытался найти различие в его и моей точках зрения на этот вопрос. Молотов, де, стремится сковать на втором фронте побольше дивизий, а он, Маршалл, видит главную задачу в том, чтобы втянуть в бой побольше германской авиации в связи с высадкой десанта и разгромить эту авиацию англо-американской авиацией, а тогда и больший десант можно высадить. Я разъяснил, что я согласен с предназначенной Маршаллом ролью для авиации. Рузвельт подчеркнул, что указанного Маршаллом различия точек зрения нет, а что это только две стадии вторжения на континент. Я подтвердил это.

2) О создании полицейской силы трех-четырех государств для охраны мира после войны. Рузвельт, говоря об этом, сослался на свою речь в Чикаго в 1937 году о карантине. Если, говорил он, разоруженная после войны страна (например, Германия) начнет снова вооружаться, надо ее блокировать, а при недостаточности таких мер - "четыре полицейских" должны бомбить такую страну. Конечно, мы не можем объявить об этом открыто до окончания войны, но мы должны договориться по этому вопросу заранее.

Рузвельт говорил также, что при встрече с Черчиллем в Нью-Фаундленде (обсуждение Атлантической хартии) Черчилль не дал ответа на вопрос, как гарантировать выполнение поставленных в хартии целей, единодушно ими признанных. Черчилль развил мысль о создании чего-то выше Лиги наций, но эта организация оказалась, ведь, неработоспособной. По предложению

Рузвельта, Черчилль принял в хартии пункт о разоружении, но разоружения недостаточно. Нужна полицейская сила четырех государств для охраны мира после войны по крайней мере в течение 10-20-30 лет. Рузвельт думает, что Черчилль будет вынужден принять это предложение, если США и СССР будут настаивать на этом.

На мой вопрос Рузвельт ответил, что китайское правительство не информировано об его проекте. Участие Китая в предполагаемом соглашении, по заявлению Рузвельта, находится под вопросом, так как неизвестно, де, сможет ли Китай создать централизованное правительство и стать полицейской (силой) по отношению к Японии.

Рузвельт допускает, что впоследствии и другие народы поймут необходимость обеспечения мира силой трех-четырех государств и присоединятся к ним. Тогда к общему соглашению этих стран-полицейских присоединятся и Франция и другие государства.

3) Рузвельт дважды, но как бы между прочим, говорил: могут ли американские самолеты с территории Сирии бомбардировать Румынию. Я ответил, конечно, могут, что они могут это делать и с территории СССР.

Гопкинс советовал пригласить эскадрилью американских самолетов на советско-германский фронт, что помогло бы рассеять недоверие американских генералов к СССР. Я указал, что это вполне возможно, сославшись на работу английских летчиков в Мурманске.

4/VI-1942 г. МОЛОТОВ

№110

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 17.45 6 июня 1942 года*

СТАЛИНУ

Сообщаю некоторые дополнения к моей 38 [Док. № 85] из Вашингтона. В первый день моего приезда в Вашингтон я имел две встречи с Рузвельтом.

Первая беседа.

Сразу же с аэродрома (после 19-часового перелета из Исландии с остановкой на 3 часа в Гус-Бее на Лабрадоре) в несколько

* Эта и последующие телеграммы из США отправлены в Москву через Лондон.

потрепанном в неумытом виде в 4 часа дня меня доставили Хэлл и Литвинов в кабинет Рузвельта, где был и Гопкинс. Это единственная беседа с Рузвельтом, на которой присутствовал Хэлл. Как я уже сообщал Вам, во время этой беседы Рузвельт предложил поговорить со мной о помощи Советскому Союзу, об Иране и Турции, а также о желательности присоединения СССР к Женевской конвенции. Я дал краткие разъяснения по этим вопросам, но к ним больше не пришлось возвращаться.

Рузвельт сказал, что к нему поступают сведения, что моральное состояние населения в Германии ухудшается и что германская пропаганда в целях поддержания морального состояния в Германии запугивает немцев перспективой уничтожения германского народа в случае поражения Германии. Я подтвердил информацию Рузвельта и подчеркнул значение приказов тов. Сталина от 23 февраля и 1 мая в деле отпора указанной им германской пропаганде. Рузвельт сказал, что он приветствует данную тов. Сталиным постановку в вопросе о различиях между нацистами и германским народом.

Здесь Рузвельт спрашивал, не пользуются ли немцы устарелыми снарядами и вооружением ухудшенного качества? Я сказал, что нередко немецкие снаряды, особенно крупные, не взрываются.

Рузвельт сказал также, что, по непроверенной информации, немцы приняли решение не применять газы, пока не произойдет вторжение на территории Германии.

Рузвельт сказал, что Япония сейчас в южной части Тихого океана пользуется устарелыми самолетами и плохо обученными летчиками. Он не знает, нужно ли это объяснять недостатком самолетов у японцев или переброской их на север, где к югу от острова Лучу [Лусон?] японцы сейчас концентрируют военно-морские силы. Может быть, сказал президент, отсюда японцы двинутся на Австралию или на Гавайские острова или на Камчатку. Имеются ли у СССР оборонительные мероприятия. Я ответил, что имеются, но не столь значительные и сейчас принимаются меры к укреплению обороны Камчатки.

Я спросил Рузвельта, когда американцы и англичане начнут бить японцев? Рузвельт ответил, что сейчас силы флота США распылены, приходится патрулировать и охранять коммуникации в Атлантике, а также вокруг Ирландии и Средиземного моря.

На этом закончилась первая беседа с Рузвельтом, который пригласил меня к себе на обед в тот же день в 8 часов вечера.

Однако еще за полчаса до обеда ко мне зашел Гопкинс с приглашением пойти к Рузвельту, что я и сделал. Кстати сообщаю, что первый день и ночевку я провел в Белом доме в комнате напротив комнаты Гопкинса, а со второго дня я переселился в особняк рядом с Белым домом, где с момента приезда сразу же были расположены остальные товарищи из моей группы.

На обеде, а также на беседах перед и после обеда, что заняло с 7 1/2 часов почти до 12 часов ночи, присутствовали только Гопкинс и два переводчика (Кэмпбелл и профессор Кросс). Литвинов не был приглашен и на следующую беседу, состоявшуюся 30 мая и целиком посвященную вопросам второго фронта с участием генерала Маршалла, адмирала Кинга и [Гопкинса].

В следующей телеграмме изложу содержание второй встречи с Рузвельтом, когда был обед.

5.VI. 1942 г. МОЛОТОВ

№ 111

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 3.20 7 июня 1942 года

СТАЛИНУ

1) Вторая беседа с Рузвельтом 29 мая происходила, так сказать, в наиболее интимной обстановке. После обеда, уже в гостиной, усаживая меня рядом с собой на диване, Рузвельт спросил, так же ли меня принимал Черчилль, намекая на простоту и искренность его приема. Я ответил, что очень доволен приемом Рузвельта, а также и Черчилля, который два вечера просидел со мной почти до 2 часов ночи.

2) Перед обедом я спросил Рузвельта, знаком ли он с договором, подписанным мной и Иденом в Лондоне. Я добавил, что нам стало известно несочувствие Рузвельта прежним проектам англо-советских договоров из-за пункта о границе на западе и Советский Союз, идя навстречу американцам и англичанам, согласился на договор другого характера, без спорного пункта о советской границе, хотя в вопросе о своей старой границе СССР держится твердого мнения. Рузвельт подтвердил, что он действительно не хотел упоминания о границе в англо-советском договоре, считаясь с американским общественным мнением, и что для этого надо избрать подходящий момент.

3) Бросается в глаза, что Рузвельт не поддерживает разговора на тему об этом договоре и не выразил какого-либо сочувствия этому. Литвинов доказывал мне, что Рузвельт не сочувствует англо-советскому договору, потому что он не хочет сближения между СССР и Англией и, наоборот, хочет сближения между США и СССР, видимо для того, чтобы успешнее нажимать на Англию. Считаю, что Литвинов частично прав.

4) Далее Рузвельт развил свой взгляд на необходимость охраны мира силой после войны, создания полицейской силы *3-4* государств и прочее, об этом я уже сообщал.

5) После этого начался обед и беседа перешла на тему о втором фронте. И об этом я уже сообщал.

6) Рузвельт сказал также, что после войны следовало бы сделать так, чтобы каждая страна смогла сама обеспечить свое экономическое состояние, что, например, Аргентина должна производить не только мясо, маис и пшеницу, но также иметь текстильную, обувную и другие промышленности. Вопрос был поставлен президентом не вполне ясно и, мне показалось, в порядке прощупывания, - не являемся ли мы сторонниками автаркической точки зрения в отношении мелких государств, в частности не помешаем ли мы США в Южной Америке. Я выразил сомнение в возможность того, чтобы все, в том числе малые страны, могли бы обеспечить себя продуктами своей промышленности.

7) Рузвельт спросил о продовольственном положении в Москве и Ленинграде. Я заявил, что его нельзя признать вполне удовлетворительным, указал на трудности зимы в Ленинграде и на принятые меры, а также на то, что мы за счет всего в первую очередь обеспечиваем хорошо армию.

8) Гопкинс спросил, работает ли Уманский в ТАСС. Я ответил, что он работает в Наркоминделе и что его заменили, как несколько молодого, другим послом, более авторитетным, считаясь с важностью теперешнего момента. Рузвельт спросил, знаю ли я, что жена и дочь Уманского в Вашингтоне. Я подтвердил. [...]

10) Рузвельт спросил, можно ли использовать аэродромы Сирии для бомбежки Румынии. Я поддержал.

11) Наконец, Рузвельт сказал, что налет американских самолетов на Японию причинил большие разрушения, что он не возражает против использования интернированного самолета против немцев.

На этом закончилась вторая беседа.

5/VI-1942 г. МОЛОТОВ

№112

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 22. 30 7 июня 1942 года

СТАЛИНУ

После обеда у Рузвельта ко мне в комнату зашел Гопкинс и стал меня уверять, что Рузвельт - горячий сторонник второго фронта в 1942 году, но американские генералы считают положение на советском фронте устойчивым и не считают нужным торопиться со вторым фронтом. Гопкинс рекомендовал, чтобы я нарисовал мрачную картину положения в СССР на заседании у Рузвельта 30 мая, чтобы американские генералы почувствовали серьезность положения. Я поблагодарил Гопкинса за совет и заявил, что я должен буду сказать о серьезности нашего положения не по соображениям тактического порядка, а потому, что оно действительно очень серьезно. 30 мая у Рузвельта состоялось нечто вроде заседания с участием Маршалла, Кинга и Гопкинса о втором фронте, о чем я уже сообщал Вам.

Мое заявление на этом заседании, что если СССР не выдержит напора Гитлера в 1942 году, то советский фронт будет в 1943 году уже несравненно слабее, чем в этом году, Гитлер при таком положении значительно усилится в будущем году и борьба против него станет гораздо труднее для США и Англии, - Рузвельт поддержал. Рузвельт, по крайней мере внешне, толкал генералов к поддержке второго фронта в 1942 году и тут же спрашивал их, возможно ли это.

Маршалл сказал, что они делают все возможное, чтобы открыть второй фронт, хотят помочь Советскому Союзу. Трудности с десантом на континент осложняются, однако, выделением тоннажа для СССР, а также отправкой значительного количества самолетов в СССР. Неискренность такого ответа для меня очевидна. Адмирал Кинг указал на трудности с конвоированием караванов на Мурманск. Надо охранять от крупных немецких кораблей, вроде "Тирпица", от подводных лодок и от нападения с воздуха. Не сказав ни слова в пользу второго фронта, Кинг просил усиления с нашей стороны охраны караванов при подходе к Мурманску.

Я поблагодарил за сделанные на заседании заявления Рузвельта, Маршалла, Кинга и заявил, что обо всем услышанном сегодня о втором фронте информирую товарища Сталина и Советское правительство. На этом закончилась третья, можно сказать, основная беседа в Вашингтоне.

6.VI.42 г. МОЛОТОВ

№113

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 3.20 7 июня 1942 года

СТАЛИНУ

1) Как Вам известно из моей телеграммы, Рузвельт просил передать Сталину о желательности сократить наши требования на тоннаж для поставок в СССР во втором году (с первого июля 1942 года до 30 июня 1943 года) примерно до двух миллионов тонн вместо возможных со стороны США и Англии 4,4 миллионов тонн. Это ускорило будто бы создание второго фронта в этом году. Я не получил по этому вопросу указаний из Москвы и сам не считал нужным давать ответ Рузвельту на этот вопрос до моего доклада в Москве и во всяком случае до моих вторичных бесед с Черчиллем в Лондоне и получения соответствующих указаний инстанции. Считаю, однако, нужным информировать Черчилля об этом предложении Рузвельта с оговоркой о неприемлемости ускорения создания второго фронта за счет ослабления снабжения фронта и спросить Черчилля, действительно ли такое наше самоограничение в тоннаже для поставок в СССР обеспечит создание второго фронта в этом году.

В качестве справки к этому вопросу сообщаю, что в октябре-декабре 1941 года количество тоннажа, направленного из США в СССР, всего лишь 45-47 тысяч тонн, январь - 57 тысяч, февраль - 76 тысяч, март - 203 тысячи, апрель - 440 тысяч, май - 157 тысяч, июнь (предположительно) - 150 тысяч, а всего за 8 месяцев (без июня) - 1071 тысяча тонн. В Вашингтоне у меня не было данных о тоннаже, предоставленном нам Англией. В Лондоне я их получу. Прошу подтвердить правильность моего мнения.

2) Доказывая необходимость моего вторичного заезда в Лондон, Черчилль говорил, что тогда он мне "даст отчет" о предпринимаемых Англией мерах против немцев, подчеркивал, что бомбежки Германии английской авиацией серьезны (что в этом будут принимать участие свыше 1000 самолетов) и что, может быть, тогда он сможет сказать что-нибудь более конкретное о подготовке второго фронта. Слова Черчилля об усилении бомбежки Германии были подтверждены налетами на Кёльн, Эссен и Рур. Я не жду, что Черчилль скажет мне что-нибудь о точных сроках создания второго фронта, но думаю, что следует нажимать на него в смысле получения более ясного обещания созда-

ния второго фронта. Прошу указаний. Гопкинс говорил мне, что он считает нужным создание второго фронта в августе или в сентябре, но подчеркивал, что это только его личное мнение и что он не решает такие вопросы.

3) На завтраке у Рузвельта 30 мая присутствовали: вице-президент Уоллес, Гопкинс, Хэлл, Моргентау, Кинг, Бернс, председатели иностранных комиссий палаты представителей Блум и сената - Конелли, от нас - Литвинов, Соболев, Беляев, Акулин. Рузвельт предложил тост за здоровье товарища Сталина, я - за здоровье Рузвельта. В конце завтрака Рузвельт меня попросил дать информацию присутствующим о положении на нашем фронте, по возможности с характеристикой лиц и особенно Тимошенко, подчеркнув, что секретность этого сообщения будет обеспечена. Я сообщил о нашей неудаче на Керченском полуострове, при перевесе у нас сил, из-за неудовлетворительности местного командования генерала Козлова, который ранее не участвовал в боях с немцами. Поэтому, к сожалению, здесь немцы вместе с румынами получили легкий успех и чтобы у них не вскружилась голова, Тимошенко на несколько дней ранее срока начал наступление по окружению Харькова, которое вначале шло успешно. Немцы предприняли контрнаступление на Изюм-Барвенково и в связи с этим создали в некоторых местах затруднения для ранее вклинившихся наших войск. Сказал также, что эти операции втянули в бои наш Юго-Западный фронт Тимошенко и Южный Малиновского, что масштаб боев велик и бои тяжелые, но детали мне неизвестны. Как будто, моей информацией остались довольны, причем я несколько раз подчеркивал трудности нашей армии и стремление немцев не только во что бы то ни стало отстоять Харьков, но и подготовить удар против Ростова и Северного Кавказа с захватом Грозного и Майкопа, плюс дороги на Баку, а также концентрация немецких сил против Москвы.

Во время сообщения я пустил шпильку, что нам, мол, неприятно, что к успеху на Керченском полуострове имели отношение даже румыны, с которыми, правда, американцы не воюют. Рузвельт понял намек, громко рассмеялся и потом мне сказал, что румыны просто не заслуживают внимания. Конелли же подал реплику: Ваши враги - наши враги. Возможно, что обращение Рузвельта к конгрессу с предложением объявить войну Румынии, Венгрии и Болгарии и быстрое согласие на это конгресса было в некоторой связи с этим завтраком.

5/VI-1942 г. МОЛОТОВ

№ 114

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 20.30 7 июня 1942 года

СТАЛИНУ

1. Четвертой моей встречей с Рузвельтом можно считать завтрак у него, состоявшийся сразу же после заседания о втором фронте. Об этом завтраке я уже писал, и мне более нечего добавить.

2. Пятая и последняя встреча с Рузвельтом состоялась 1 июня, когда присутствовал и Литвинов. Об этой беседе я подробно сообщал в двух телеграммах (из Нью-Йорка и Вашингтона)*. Следует добавить одно. В конце беседы Рузвельт в связи с моей просьбой дать перед отъездом резюме его точки зрения о втором фронте, снова сказал несколько слов за второй фронт и добавил, что ждет 2 июня возвращения из Англии начальника штаба воздушных сил США генерала Арнольда, а также приезда лорда Маунтботтена, начальника штаба английских воздушных сил Портала, которые должны информировать по вопросам второго фронта Маршалла, с которым Рузвельт рекомендовал мне встретиться. Однако, несмотря на все мои попытки встретиться с Маршаллом 3 июня, последний уклонился от этого.

3. Лорд Маунтботтен попросился ко мне и был 3 июня у меня - вместе с заместителем (по оперативной части) начальника американского генерального штаба генералом Айзенгауером (а не Айзенгофом, как я неточно его назвал раньше) по вопросу о десантных танках. Перед уходом Маунтботтен по секрету сказал, что на днях он устроит десантные операции в масштабах больших, чем прежде.

На этом телеграфную информацию о Вашингтоне считаю законченной.

5.VI.42 г. МОЛОТОВ

4 и 5 июня Молотовым была подготовлена большая телеграмма с текстом переданного ему Рузвельтом второго протокола о поставках в СССР по ленд-лизу, согласованного в результате большой работы советской, американской и британской сторон. Протокол далеко не полностью отвечал советским заявкам и вместе с тем показывает масштабы и разнообразие поставок по ленд-лизу в СССР. Телеграмма была послана несколькими частями и получена в Москве уже после отъезда Молотова из США.

---

* *См. док. №95 и 98.*

№115

Рузвельт - Черчиллю
6 июня 1942 года[61]

Я вручил Молотову наш совместный протокол о поставках с 1 июля 1942-го по 30 июня 1943 г. Я несколько исправил, но незначительно, общее заявление. Копии протокола и предварительного заявления были переданы здесь соответствующим английским представителям.

Я очень доволен визитом. Он [Молотов] проявил больше сердечности, чем я ожидал, и я уверен, что теперь он гораздо лучше понимает обстановку, чем в момент прибытия сюда.

Должен признать, что я с большой озабоченностью смотрю на русский фронт и через день-два собираюсь телеграфировать Вам о своем конкретном предложении.

Дела на Тихом океане идут хорошо, и я уверен, что в данный момент мы наносим довольно крупные потери японскому флоту. Тем не менее исход до сих пор не ясен, но до конца дня мы будем знать больше. Я уверен, что наши самолеты действуют хорошо. Я буду держать Вас в курсе дела.

№ 116

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 4.20 7 июня 1942 года

Передаю тексты письма и второго протокола с программой поставок Советскому Союзу со стороны США и Англии, которые 31 мая мне вручил Рузвельт.

1) Текст письма:

"Мой дорогой министр, героический вклад Союза Советских Социалистических Республик в общее дело борьбы за цивилизацию будет вечно воодушевлять все свободные народы. Ваше присутствие в Соединенных Штатах является символом единства наших целей и задач.

Правительства Соединенных Штатов и Великобритании желают тесно сотрудничать с Вашим народом в его грандиозной борьбе. Мы убеждены, что совместно с народом Союза Советских Социалистических Республик и другими объединенными нациями мы навсегда уничтожим те темные силы, которые могли бы угрожать будущему миру народов.

Мы чрезвычайно единодушны в оказании вам максимальной помощи в виде военного снабжения сырья и продуктов. Совместно с премьер-министром Великобритании я имею честь вручить Вам настоящее заявление о размерах тех ресурсов наших правительств, которые мы в состоянии предоставить СССР на год от 1 июля 1942 года по 30 июня 1943 года.

С заверением в совершенном к Вам почтении Франклин Д. Рузвельт.

Его Превосходительство Вячеславу Михайловичу Молотову, премьер-министру и Комиссару Иностранных Дел Союза Советских Социалистических Республик".

2) Текст второго протокола:

"Проект второго протокола между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки и Великобритании на период с 1 июля 1942 года по 30 июня 1943 года.

1) Правительства как Соединенных Штатов Америки, так и Объединенного Королевства* придают серьезное значение предметам вооружения, которые они могут предоставить Советскому правительству в наступающем году. В добавление к всевозможным ограничениям, вызванным недостатком судов, лимитирующим фактором в отношении северного пути является количество судов, которые могут быть конвоированы в порты назначения. Лимитирующим фактором в отношении южного пути является сухопутная транспортировка грузов из портов Персидского залива.

2) Наши правительства предоставят для отправки из портов США, Объединенного Королевства и других стран в течение периода с 1 июля 1942 года по 30 июня 1943 года приблизительно 3 300 000 коротких тонн в северные порты и 1 100 000 коротких тонн в порты Персидского залива. В связи с обстоятельствами, упомянутыми в параграфе первом, мы считаем, что это является наиболее практически выполнимой программой экспорта и в соответствии со всеми источниками, которыми мы сейчас располагаем. В мере тех пределов, которые диктуются время от времени вышеуказанными факторами, мы будем предоставлять необходимое количество судов, необходимых для перевозок той части программы, для которой не могут быть предоставлены суда СССР.

3) Расписание по поставкам, которые США могут поставить, было составлено с учетом программы требований, переданных

* *Здесь и далее следует читать: Соединенного Королевства. - О.Р.*

правительству США правительством СССР. Расписание же поставок, предложенное Объединенным королевством, было составлено из расчета, что Россия желает продолжать получать снабжение в масштабах, согласованных на Московской конференции. Поставки, перечисленные в этих двух расписаниях, достигают приблизительно количества 8 000 000 коротких тонн.

4) Советскому правительству необходимо выбрать из этих двух расписаний поставок программу поставок такого снабжения и таких предметов вооружения, которая была бы в пределах тех количеств, которые упомянуты во втором параграфе. Эта программа должна включать все грузы, которые должны быть перевезены после 1 июля 1942 г., включая предметы, как по протоколу, так и не по протоколу, которые уже заказаны или еще должны быть заказаны.

5) Нужно понимать, что эта программа может изменяться в силу непредвиденных обстоятельств, могущих возникнуть в ходе войны. Но Вы можете быть уверены, что будут приложены все усилия по доставке таких предметов вооружения, которые Вы наметите.

6) США с готовностью продлят финансовое соглашение и произведут соответствующее согласование для покрытия своей части предложенного нового протокола. Финансовое соглашение Объединенного Королевства будет продолжать действовать, как и в настоящее время, а именно на основе налично-кредитного соглашения от 16 августа 1941 года по покрытию расходов по всему снабжению, а также и на основе соглашения (взаймы и внаем), находящегося сейчас на обсуждении и рассчитанного для покрытия расходов по военному снабжению; условия вышеуказанного соглашения в принципе согласованы.

7) Мы, без сомнения, готовы через наших соответствующих официальных лиц обсудить с Вашими представителями в Вашингтоне детальные вопросы, относящиеся к нижеприведенной программе, а также и соответствующие поправки, если также потребуется.

8) Прежде всего, мы хотим заверить Вас, что мы вполне сознаем жизненную важность Вашего фронта и чрезвычайную необходимость перевозок снаряжения в возможно большем объеме и в возможно кратчайшие сроки.

9) Имея это в виду, мы будем рады время от времени пересматривать эту программу в целях выяснения возможности увеличения поставок и доставку военного снаряжения в СССР".

3) Текст программы поставок США: "Правительство США предлагает СССР следующую программу поставок общим количеством 8 000 000 коротких тонн и стоимостью в 3 миллиарда

долларов; из того общего количества 1 100 000 тонн военного, военно-морского оборудования, вооружения и боеприпасов стоимостью в 2 миллиарда долларов, 1 800 000 тонн материала, станков и промышленного оборудования стоимостью в 400 000 000 долларов и 4 300 000 тонн пищевых продуктов стоимостью в 600 000 000 долларов.

Настоящая программа поставок была подготовлена на основе того, что любой остаток на 30 июня 1942 года от действующего протокола, а также предметы [поставки], включенные в новый протокол, заявки по которым были приняты ранее и поставка которых запланирована на время после 30 июня 1942 года, [будут выполнены]. Программа [также] указывает возможности [местного] производства.

В программе номенклатура предметов и основные классификации соответственны программе требований СССР, полученной 2 апреля 1942 года. По некоторым предметам предоставляемое количество является совместным предложением США и Объединенного Королевства и записано общим числом в программах обоих правительств.

Группа I. Вооружение и военное снаряжение.

Пункт 1. Самолеты.

Требуемое количество: 4200. Самолеты будут поставляться по октябрь 1942 года в среднем по 100 истребителей, 100 легких бомбардировщиков и 12 средних бомбардировщиков в месяц. Вопрос в отношении поставок остального количества самолетов на этот год будет зависеть от хода развития военных действий.

Пункт 2. Танки с вооружением.

Требуемое количество: 7500 танков с вооружением: в первые 6 месяцев, 1572 легких и 1428 средних танков, во вторые 6 месяцев, 2250 легких и 2250 средних танков, все по возможности в равных месячных поставках.

Пункт 3. Зенитные орудия 90 мм.

Требуемое количество: 204. 204 90 мм зенитных орудия с полным боезапасом предоставляются в следующих размерах по 8 орудий в месяц в первой четверти, по 16 в месяц во второй четверти, по 20 в месяц в третьей четверти и по 24 в месяц в четвертой четверти. Вспомогательные снаряжения будут предоставляться в том же размере, что и для войск США.

Пункты 4 и 6. Зенитные орудия - 37 мм, 45 мм, 12,7-20 мм.

Требуемое количество: 3000 - 37 мм и 45 мм, 360 - 12,7 - 20 мм.

3360 заменяемых единиц, 37 мм или спаренных 20 мм на самодвижущейся установке без тяги должны поставляться поквартально в следующих размерах: 300, 720, 1020, 1320.

Пункт 5. Противотанковых пушек 50-57 мм с полным боезапасом.

Требуемое количество: 2100, 1900 - 57 мм в размере 200 штук в месяц с октября по май и 300 штук в июне.

Пункты 7 и 8. Пулеметы с полным боезапасом 38 калибра и ручных пулеметов Томпсона 45 калибра.

Требуемое количество: 120 000 - 38 калибра, 127 878 - 45 калибра, 240 000 по 20 000 в месяц 38 калибра в производстве.

Примечание: Боеприпасы для всего оружия будут поставляться в таком же размере, как и для войск Соединенных Штатов, и если осуществимо, то в размере, достаточном для ведения прицельного огня из оружия до выхода последнего из строя.

Будут приложены усилия для снабжения запчастями в следующих размерах: запасные моторы 20%; запасные пропеллеры 20%; запасные части к самолетам 20% от стоимости самолета; запасные части к моторам 15% от стоимости мотора; запасные части к пропеллерам 15% от стоимости пропеллера; запасные части к танкам - для поддержания боевой способности танка в течение одного года; запасные части к грузовикам 10% от стоимости; запасные части к пушкам - для поддержания боевой способности пушки в течение 6 месяцев.

Действительные поставки запасных частей будут соответствовать тем запасным частям, необходимость в которых основана на опыте.

Выпуск запасных частей в Соединенных Штатах отстает, и, если фактические поставки будут ниже размеров, упомянутых выше, они будут сделаны в такой же пропорции, как и для войск Соединенных Штатов.

Пункт 9. Разведывательные американские автомобили.

Требуемое количество: 24 000 6000 разведывательных автомобилей по 500 в месяц и 18 000 легких разведывательных бронеавтомобилей Джипс по 1500 в месяц.

Пункт 10. Грузовики. Требуемое количество: 120 000 грузовых автомобилей в год по 10 000 в месяц.

Пункт 11.

Полевые телефоны. Требуемое количество: 144 000 полевых телефонов по 12 000 в месяц, из которых половина звуковых.

Группа I. Продолжение.

Пункт 12. Провод для полевых телефонов. Требуемое количество: 1 200 000 километров. 480 000 километров провода для полевых телефонов по 40 000 километров в месяц.

Пункт 13. Толуол и тнт. Требуемое количество: 36 000 коротких тонн толуола, 24 000 коротких тонн тнт, 24 000 толуола по 2000 тонн в месяц и 24 000 тонн тнт по 2000 тонн в месяц.

Пункт 14. Нитроглицерин и другие типы пороха. Требуемое количество: 36 000 тонн, типы и количество, которые будут представлены, - (будет) предметом дальнейших переговоров.

Пункт 15. Стереоскопические наблюдательные приборы для артиллерии. Требуемое количество: 1200 штук в 100 единицах. Нет совершенно.

Группа I. Продолжение.

Пункт 16. Военные полевые бинокли. Требуемое количество: 3000. Нет совершенно.

Пункт 17. Мотоциклеты. Требуемое количество: 36 000. 10 500 мотоциклетов по 500 в месяц с июля по сентябрь и по 1000 в месяц в дальнейшем.

Пункт 18. Тягачи для артиллерии. Требуемое количество: 7200. 2400 тягачей артиллерии по 200 в месяц, из которых часть будут иметь передачи малой скорости.

Пункт 19. Тобогганы (автосани). Требуемое количество: 2400. 2000 тобогганов по 200 в месяц, начиная с сентября месяца по июнь включительно.

Группа I. Продолжение.

Пункт 20. Радиоприемники различных типов.

Требуемое количество: 12 000 приемников, 11 500 радиоприемников различных типов. Определение типов подлежит дальнейшему обсуждению и будут поставляться в следующем количестве: 100 - в июле; 1100 - в августе и сентябре; 2350 - в октябре; 2475 - в ноябре; 1225 - в декабре; 525 ежемесячно с января по июнь 1943 года.

Пункт 21. Радиопеленгаторы различных типов.

Требуемое количество: 1000, в настоящее время нет ни одного. Типы разрабатываются.

Пункт 22. Радиопеленгаторы для установки на самолетах. Требуемое количество: 2 500, в настоящее время нет ни одного. Типы разрабатываются.

Пункт 23. Радиолампы. Требуемое количество: 2 000 000, радиолампы должны быть поставлены согласно плана, подлежащего согласованию.

Пункт 24. Генераторы (газовые). Требуемое количество: 15 000. 10 000 газогенераторов должны быть поставлены, согласно планов, которые будут составлены. Газогенераторы должны быть поставлены без капотов.

Пункт 25. Абсолютные радиоальтиметры. Требуемое количество: 2500, таковых нет.

Пункт 26. Радиомаяк, приборы для слепой посадки и авиационные радиокомпасы. Требуемое количество: 250 наборов, таковых нет.

Пункт 27. Радиопеленгаторы (различные типы). Требуемое количество, 250 комплектов, 150 комплектов радиопеленгаторов в количестве 50 в месяц, начиная с ноября по январь.

Пункт 28. Измерительная и испытательная (контрольная) аппаратура.

Требуемое количество: На сумму 1 000 000 долларов.

Измерительной и испытательной (контрольной) аппаратуры на сумму в 1 000 000 долларов согласно плана, который будет разрабатываться позднее.

Пункт 29. Радиоремонтные грузовики для полевых служб.

Требуемое количество: 250 комплектов. Радиоремонтных грузовиков не имеется.

Пункт 30. Сухих элементов для полевых телефонов.

Требуемое количество: 1 500 000. 1 500 000 сухих элементов для полевых телефонов по плану, который будет разработан позднее.

Пункт 31. Сухие батареи для использования с радиоаппаратурой.

Требуемое количество: 400 000. 400 000 сухих батарей для радиоаппаратуры по плану, который будет разработан позднее.

Пункт 32. Радиокомпоненты, части и аксессуары.

Требуемое количество: На сумму в 500 000 долларов. На 500 000 долларов радиокомпонентов, частей и аксессуаров для эксплуатации, а также и для ремонта оборудования будет поставлено по плану, подлежащему согласованию.

Пункт 33. Полевые ремонтные мастерские (легкие) для танков и грузовиков.

Требуемое количество: 100 единиц. Легких полевых ремонтных мастерских для танков и грузовиков не имеется.

Пункт 34. Полевые ремонтные мастерские для танкового дивизиона бригады.

Требуемое количество: 120 единиц. 90 полевых ремонтных мастерских, каждая из которых состоит приблизительно из 12 грузовиков, должны быть поставлены в количестве 10 единиц в месяц с октября по июнь включительно.

Группа II. Различные материалы, станки и промышленное оборудование.

Пункт 1. Морской трос.

Требуемое количество: 1200 километров, в равных ежемесячных поставках.

Пункт 2. Трос для подводных лодок.

Требуемое количество: 600 километров, в равных ежемесячных поставках.

Пункт 3. Алюминиевые слитки.

Требуемое количество: 48 000 коротких тонн. 24 000 длинных тонн в равных ежемесячных поставках.

Дюралюминий. Требуемое количество: 18 000 коротких тонн. 6000 длинных тонн в равных ежемесячных поставках.

Пункт 4. Никель. Требуемое количество: 9600 коротких тонн. Совместно Соединенное королевство и США должны поставлять 600 коротких тонн никеля в месяц в течение первых 6 месяцев; эта цифра подлежит пересмотру по истечении первых 6 месяцев для последующего полугодия. Вышеуказанное количество включает никель различных видов, включая сплавы никеля со сталью, нихромовой проволокой и других материалов, имеющих в своих спецификациях никель, за исключением готового снаряжения.

Пункт 5. Молибден. Требуемое количество: 9600 коротких тонн. 4000 коротких тонн ежемесячными поставками.

Пункт 6. Электролитная медь, резерв меди. Требуемое количество: 36 000 коротких тонн. 7500 коротких тонн. Совместно Объединенное королевство и Соединенные Штаты [должны поставлять]... ежемесячными поставками. Сюда входит медь во всех видах, в том числе рафинированная медь в формах, прокатная латунь и проволока, сплавы с медной основой и медь, содержащаяся в готовых продуктах, кроме амуниции.

Пункт 7. Прокатная медь (латунь для патрон и тому подобное).

Требуемое количество: 102 000 коротких тонн. 102 000 коротких тонн, равными ежемесячными поставками, в соответствии с ограничениями на медь, указанными в пункте 6.

Пункт 8. Сплавы магния. Требуемое количество: 3600 коротких тонн. Нет совершенно.

Пункт 9. Цинк высокого качества.

Требуемое количество: 12 000 коротких тонн. 18 000 коротких тонн, равными ежемесячными поставками совместно Объединенное Королевство и Соединенные Штаты.

Пункт 10. Биметалл. Требуемое количество: 36 000 коротких тонн. 12 000 коротких тонн, равными ежемесячными поставками, в соответствии с ограничениями на медь, указанными в пункте 6. Типов биметалла, употребляемого для термостата, нет.

Пункт 11. Медные изделия и трубы. Требуемое количество: 15 000 коротких тонн. 15 000 коротких тонн, равными ежемесячными поставками, в соответствии с ограничениями на медь, указанными в пункте 6.

Пункт 12. Ферросилиций. Требуемое количество: 9600 длинных тонн. Совместно Объединенное Королевство и Соединенные Штаты 12 000 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 13. Феррохром. Требуемое количество: 9600 длинных тонн. Совместно Объединенное Королевство и Соединенные Штаты 7200 долгих тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 14. Бронеплиты.

Требуемое количество: 48 000 длинных тонн. 12 000 тонн, равными ежемесячными поставками при условии, что желаемые типы будут в наличии. Соответственно с ограничениями на никель, указанными в пункте 4.

Пункт 15. Твердые сплавы и режущие инструменты.

Требуемое количество: [общей стоимостью] 9 000 000 долларов. Количество на 9 000 000 будет поставлено по плану, подлежащему согласованию. Соответственно с ограничениями на никель, указанными в пункте 4.

Примечание: Материалы по пунктам с 16 по 34 включительно, перечисленные ниже, предположительно смогут быть предоставлены, но при условии соответствия спецификациям и размерам, имеющимся в наличии в Соединенных Штатах и в соответствии с ограничениями на никель, указанными в пункте 4.

Пункт 16. Холоднотянутая прутковая сталь (серебрянка). Требуемое количество: 960 длинных тонн. 120 длинных тонн при условии ежемесячными поставками.

Пункт 17. Быстрорежущая сталь. Требуемое количество: 6000 длинных тонн. 3000 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 18. Инструментальная сталь. Требуемое количество: 24 000 длинных тонн. 10 200 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 19. Холоднотянутые углеродистые и легированные стальные прутья, брусья и авиационная сталь.

Требуемое количество: 168 000 длинных тонн. 129 600 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 20. Сталь горячей прокатки (углеродистый сплав и самолетная). Требуемое количество: 150 000 длинных тонн. 96 000 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 21. Хромокремнемарганцовистая стальная заготовка.

Требуемое количество: 120 000 длинных тонн. 34 000 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 22. Холоднопрокатная листовая сталь. Требуемое количество: 96 000 длинных тонн. 84 000 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 22/а. Холоднопрокатная сталь. Требуемое количество 96 000 длинных тонн. 84 000 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 23. Нержавеющая сталь. Требуемое количество: 10 800 длинных тонн. 3000 длинных тонны, равными ежемесячными поставками.

Пункт 24. Белая жесть. Требуемое количество: 60 000 длинных тонн. 60 000 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 25. Стальная проволока. Требуемое количество: 96 000 длинных тонн. 55 920 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 26. Стальной трос. Требуемое количество: 24 000 длинных тонн.

14 400 тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 27. Трубы из специальной стали.

Требуемое количество: 36 000 длинных тонн. 21 600 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 28. Проволока из нержавеющей стали.

Требуемое количество: 1200 длинных тонн.

360 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 29. Проволока из специального сплава.

Требуемое количество: 240 длинных тонн.

240 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 30. Хромоникелевая проволока.

Требуемое количество: 480 длинных тонн. 480 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 31. Колючая проволока и скобы. Требуемое количество: 60 000 длинных тонн. 50 400 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 32. Стальные трубы. Требуемое количество: 350 000 длинных тонн. 252 000 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 33. Листовая сталь горячего проката и в плитах толщиной $^{5}/_{8}$ дюйма, шириной 72 дюйма.

Требуемое количество: 120 000 длинных тонн. 96 000 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 34. Болты, гайки и так далее.

Требуемое количество: 12 000 длинных тонн.

12 000 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 35. Другие металлы и стальные изделия.

Требуемое количество: на 10 000 000 долларов. Выполнение зависит от спецификаций.

Пункт 36. Фенол.

Требуемое количество: 18000 коротких тонн. 12000 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 37. Нефтяные продукты.

Требуемое количество: 240 000 коротких тонн. 240 000 коротких тонн, равными ежемесячными поставками. Типы и план поставок подлежат согласованию.

Пункт 38. Этиленгликоль.

Требуемое количество: 2400 коротких тонн. 2400 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 39. Бромистый натрий.

Требуемое количество: 2400 коротких тонн. 1800 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 40. Фосфор. Требуемое количество: 2400 коротких тонн. 2400 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 41. Дибутилфталат.

Требуемое количество: 3600 коротких тонн.

3600 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 42. Диметиланилин.

Требуемое количество: 3600 коротких тонн. 3000 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 43. Дифениламин. Требуемое количество: 3600 коротких тонн. 1800 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 44. Коллоксилин.

Требуемое количество: 4800 коротких тонн. 4800 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 45. Метанол. Требуемое количество: 12 000 коротких тонн. 12 000 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 46. Уротропин. Требуемое количество: 7200 коротких тонн. 4600 коротких тонн, по 300 в июле и августе и по 400 коротких тонн в каждом последующем месяце.

Пункт 47. Гексаген.

Требуемое количество: 6000 коротких тонн. Не имеется.

Пункт 48. Хлористый алюминий. Требуемое количество: 4800 коротких тонн. 4800 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 49. Меркурий (металлический). Требуемое количество: 300 коротких тонн. 300 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 50. Азотистокислый калий. Требуемое количество: 3600 коротких тонн. 3600 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 51. Аммониевый цианид. Требуемое количество: 3 коротких тонны. 3 коротких тонны, равными ежемесячными поставками.

Пункт 52. Централит. Требуемое количество: 600 коротких тонн. 600 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 53. Резарин (ресорсиноль). Требуемое количество: 120 коротких тонн. 120 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 54. Бариум пероксил. Требуемое количество: 300 коротких тонн. 300 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 55. Стронций (С. оксилат). Требуемое количество: 96 коротких тонн. 96 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 56. Родалит (фодамин б.). Требуемое количество: 6 коротких тонн. 6 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 57. Ториум (т. нитрат). Требуемое количество: 3 короткие тонны. 3 короткие тонны, равными ежемесячными поставками.

Пункт 58. Церий (ц. хлорид). Требуемое количество: 18 короткие тонн. 18 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 59. Крезол.

Требуемое количество: 1200 коротких тонн. 1200 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 60. Сернистокислый калий. Требуемое количество: 1800 коротких тонн.

1800 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 61. Антрацен. Требуемое количество: 3600 коротких тонн. Нет совершенно.

Пункты 62, 63, 64, 65 и 68.

Станки. Требуемое количество: 21 000 штук.

Электрические печи. Требуемое количество: 600 штук.

Ковочные прессы и молоты.

Требуемое количество: на 48 000 000 долларов.

Различное промышленное оборудование. Требуемое количество: на сумму 36 000 000 долларов.

Графитные электроды. Требуемое количество: 6000 длинных тонн.

Примечание: Можно будет предоставить всего на общую сумму в 150 миллионов долларов, количества и типы подлежат согласованию в ближайшее время с учетом ограничения на медь и никель.

Пункт 66. Промышленные алмазы. Требуемое количество: на 1 миллион 800 тысяч долларов, в США совершенно нет.

Пункт 67. Абразивы. Требуемое количество: на 6 000 000 долларов.

На 3 600 000 долларов равными ежемесячными поставками.

Пункт 69. Подшипники. Требуемое количество: 8 500 000 штук. Снабжение зависит от специфических размеров.

Пункт 70. Шарико- и роликоподшипники.

Требуемое количество: 28 000 000 штук. 28 000 000 штук, равными ежемесячными поставками при условии, что необходимые размеры распространены в американской промышленности.

Пункт 71. Подошвенная кожа.

Требуемое количество: 18 000 коротких тонн. Не имеется, за исключением включенной в готовую обувь.

Пункт 72. Армейская обувь. Требуемое количество: 4 800 000 пар. По 200 000 пар в месяц.

Пункт 73. Армейские ткани. Требуемое количество: 18 000 000 ярдов.

18 000 000 ярдов армейских тканей при месячной поставке в 1 500 000 ярдов в следующем процентном соотношении: 60 процентов шинельных тканей и 40 процентов тканей для верхней одежды (гимнастерки, бриджи).

Пункт 74. Электрокабели. Требуемое количество: 12 000 километров. 12 000 километров, равными ежемесячными поставками в соответствии с ограничениями на медь, указанными в пункте 6.

Пункт 75. Изоляционная тесьма. Требуемое количество: 36 000 000 ярдов. 36 000 000 ярдов изоляционной тесьмы полого типа, по 3 000 000 ярдов в месяц. Других типов тесьмы нет.

Пункт 76. Брезент. Требуемое количество: 24 000 000 ярдов. Нет совершенно.

Пункт 77. Vistanex (молекулярность wt 60). Требуемое количество: 300 коротких тонн. Нет совершенно до весны 1943 г.

Количество, которое можно будет предоставить, зависит от выполнения программы США по синтетической резине.

Пункт 78. Шины и резиновые трубы.

Требуемое количество: 1 800 000 комплектов. Объединенное Королевство и Соединенные Штаты предоставляют совместно 36 000 долгих тонн резины во всех видах, включая шины и резиновые трубы, в равных месячных поставках; дополнительно: 2000 долгих тонн в месяц с Цейлона до тех пор, пока этот источник можно будет использовать.

Пункт 79. Резиновые шланги для высокого давления.

Требуемое количество: 1 000 000 метров.

Пункт 80. Листовая фибра. Требуемое количество: 3600 тонн.

Пункт 81 Амортизационный шнур. Требуемое количество 60 000 метров.

Сведения не могут быть предоставлены до получения дальнейших спецификаций.

Пункт 82. Металлическая ткань и экраны. Требуемое количество 1 000 000 кв. метров.

1 000 000 кв. метров, равными месячными поставками, в соответствии с ограничениями на медь, указанными в пункте 6.

Пункт 83. Конденсаторная бумага (для радио). Требуемое количество: 240 коротких тонн.

240 коротких тонн, равными месячными поставками.

Пункт 84. Различные аварийные материалы.

Требуемое количество: на сумму в 60 000 000 долларов. Зависит от дальнейших уточнений.

Группа III. Оборудование и материалы для специальных отраслей промышленности.

а) Оборудование и материалы для железной дороги.

По этой категории СССР запросил 21 общий предмет и 55 специальных. За исключением нижеперечисленных предметов, программа имеет большое количество дефицитных материалов, как, например, краны и другое тяжелое оборудование. Вероятно, возможно будет предоставить несколько комплектов некоторых предметов по получении спецификаций по размерам и типам. В настоящее время, кроме указанных ниже предметов, сообщить какие-либо другие данные не представляется возможным.

Рельсы требуемые 240 000 длинных тонн.

Предлагаемые 216 000 длинных тонн.

Колеса требуемые 36 000 комплектов, предлагаемые 12 000 комплектов.

Оси требуемые 60 000 единиц, предлагаемые 54 000 единиц.

Нам кажется, что вышеупомянутое оборудование может поставляться равными месячными долями по $^1/_{12}$ годового количества плана. Полный перечень всех предметов смотрите в программе требований, полученной нами от СССР.

б) Оборудование и материалы для сталелитейной промышленности.

Под этой категорией СССР запрашивает 191 предмет для доменных печей, открытых подовых печей, бессмеровских конверторов, коксовых печей, прокатных станков, турбогенераторов, котельных установок и турбовентиляторов.

Общая стоимость заявки на вышепоименованные предметы установлена Советским Союзом в 180 миллионов долларов в противоположность общей стоимости, предположительно обозначенной США приблизительно в 1 000 000 000 долларов. Требуемое оборудование приблизительно вдвое превышает оборудование, необходимое для расчетов сталелитейной промышленности США по реализуемой в настоящее время программе.

Снабжение любой всевозможной части запроса не может быть осуществлено без изменения нашей собственной программы расширения производства стали. Следовательно, требования не могут быть выполнены. В отношении списка отдельных наименований смотрите программу заявок, поданную СССР.

в) **Оборудование для нефтепромышленности.**

По этой категории СССР затребовал 11 тысяч тонн отдельных труб и 16 наименований бурильного оборудования и фитингов.

Многие из затребованных наименований являются критическими факторами в расширении производства 100-октановой и синтетической резины в США. Координатор [по] нефти указывает на невозможность выполнения требований. В отношении списка наименований смотрите заявку, представленную СССР. Некоторые наименования, поставки которых не отразятся на выполнении программы по 100-октановой и синтетической резине, могут быть предоставлены по получении точных спецификаций; может быть [также] предоставлено некоторое количество подержанного нефтеперегонного оборудования в хорошем состоянии.

Группа IV

Пищевые продукты.

Пункт 1.

Пшеница и мука.

Требуемое количество: 2 400 000 тонн, 2 400 000 тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 2. Сахар.

Требуемое количество: 840 000 тонн, 840 000 тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 3. Консервированные мясопродукты.

Требуемое количество 120 000 тонн. 120 000 тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 4. Мясо.

Требуемое количество: [180 000 тонн]. 180 000 тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 5. Лярд.

Требуемое количество: 144 000 тонн. 144 000 тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 6. Растительные масла.

Требуемое количество: 120 000 тонн. 120 000 тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 7. Мыльная масса.

Требуемое количество: 60 000 тонн. 60 000 тонн, равными ежемесячными поставками.

Группа V. Медицинские материалы.

Требуемое количество на 13 813 966 долларов. Приблизительно на 12 000 000 долларов. Медицинских материалов в приблизительных месячных поставках и в большей своей части в соответствии с запросом, но при условии, что наименование предметов и их количество должны быть согласованы с соответствующим представительством Соединенных Штатов.

Группа VI

Военно-морские поставки.

В добавление к вышеперечисленным предметам, запрошенным правительством СССР, правительство Соединенных Штатов обязуется предоставить определенные дизельные двигатели, бензиновые двигатели, аккумуляторные батареи для подводных лодок, орудия и боеприпасы для вооружения торговых судов и тральщиков или сторожевых судов СССР.

Эти предметы могут быть предоставлены в следующих количествах: дизельные двигатели: 506 дизельных двигателей, мощностью от 170 до 1600 лошадиных сил, в следующих количествах: 122 по 170 л.с; 200 по 250 л.с; 48 по 600 л.с; 130 по 1200 л.с; 6 по 1600 л.с; эти дизельные двигатели могут быть предоставлены в следующих количествах (помесячно): июнь 4, июль 16, август 20, сентябрь 24, октябрь 44, ноябрь 46, декабрь 46, январь 1943 г. 46, февраль 46, март 51, апрель 51, май 56, июнь 56.

Бензиновые двигатели.

2170 бензиновых двигателей мощностью от 50 до 1200 л.с. в следующих количествах: 1500 по 50-120 л.с, 120 по 900 л.с, 550 по 120 л.с. Эти бензиновые двигатели могут быть предоставлены в следующих количествах: июль 100, август 150, сентябрь 150, октябрь 150, ноябрь 150, декабрь 165, январь 1943 года 215, февраль 215, март 215, апрель 220, май 220, июнь 220.

Аккумуляторные батареи для подводных лодок.

12 аккумуляторных батарей для подводных лодок в количестве по одной в месяц.

Военно-морское вооружение и боеприпасы.

Достаточное количество орудий и боеприпасов может быть предоставлено для вооружения советских торговых судов по одному трехдюймовому орудию двойного назначения и по два пулемета с боеприпасами, как только представится возможность для вооружения упомянутых судов.

Тральщики или сторожевые суда.

10 тральщиков или сторожевых судов могут быть поставлены в течение апреля, мая и июня 1943 года.

Группа VII

Электросиловое генераторное оборудование.

Правительство Соединенных Штатов также обязуется предоставить стационарное подвижное силовое генераторное оборудование, типы которого будут уточнены позднее. Некоторое количество подержанного силового генераторного оборудования в хорошем состоянии может быть предоставлено в настоящее время".

4. Текст программы поставок Англией:

"Правительство Объединенного Королевства обязуется поставить Союзу Советских Социалистических Республик материалы по следующему плану поставок на период с 1 июля 1942 года по 30 июня 1943 года. По некоторым предметам количество, предлагаемое к поставкам, указано как совместное предложение США и Объединенного Королевства и в программах обоих правительств указано общим числом.

А) Военные поставки.

[Пункт] 1. Обещано: 200 истребителей ежемесячно в течение второго полугодия 1942 года. Правительство Объединенного Королевства не может в настоящее время увеличить данное количество (200 самолетов ежемесячно), одновременно данная норма будет действовать до конца текущего года.

Правительство Объединенного Королевства не может предвидеть ситуации после конца 1942 года, и его способности продолжать или увеличивать снабжение истребителями будут зависеть от результатов усиливающихся воздушных боев в Западной Европе в течение текущего года.

Пункт 2. Танки.

250 ежемесячно до 31 декабря 1942 года. Мы надеемся, что в результате совместного предложения США и Объединенного Королевства явится возможность поставки 1000 танков в месяц в течение первых 6 месяцев 1943 года. Вопросы этой поставки подлежат дальнейшему уточнению.

Пункт 3. Противотанковые орудия: по 50-2-хфунтовых пушек с боеприпасами ежемесячно; по 50-6-тифунтовых пушек с боеприпасами ежемесячно.

Пункт 4. Противотанковые ружья: по 300 штук с боеприпасами ежемесячно.

Пункт 5. Пулеметовозы (брен) по 200 штук с вооружением ежемесячно.

Б) Военно-морские поставки.

Некоторые военно-морские поставки были обещаны после подписания протокола, и эти обещания будут выполнены. Количество поставок, падающее на период с июля 1942 года вплоть до их выполнения, следующее: пункт 1. Эрликон: 50 штук с боеприпасами ежемесячно.

Пункт 2. 3-хдюймовые ... или 12-фунтовые орудия с боеприпасами. По 10 ежемесячно до тех пор, пока запросы не будут удовлетворены.

Пункт 3. Аккумуляторные батареи для подлодок. Остальные 20 штук из общего количества 32.

Пункт 4. 103 мм тело орудия полностью.

По 8, плюс один запасной ствол на орудие в месяц, начиная с августа.

В) Сырьевые материалы. (Количества указаны в длинных тоннах ежемесячно, за исключением оговариваемых случаев.)

Пункт 1. Алюминий.

По 2000 тонн ежемесячно в течение июля, августа и сентября месяца. По истечении сентября вопрос подлежит пересмотру. Предложение Соединенных Штатов - 24 000 длинных тонн равными месячными поставками - остается без изменений.

Пункт 2. Олово.

750 тонн ежемесячно, уточнение в дальнейшем зависит от решения объединенного совета сырьевых материалов в случае, если количества, получаемые СССР из Китая, будут превышать 9000 тонн.

Пункт 3. Никель.

Объединенное Королевство и Соединенные Штаты по 600 коротких тонн ежемесячно в течение первого полугодия, для последующих 6 месяцев вопрос подлежит пересмотру. Это количество включает в себя никель во всех видах, которые можно будет получить, в том числе сплавы со сталью, никелево-хромовую проволоку и прочие материалы, обуславливающие наличие никеля в спецификациях, за исключением готовых боеприпасов.

Пункт 4. Свинец.

По 3500 тонн ежемесячно, вопрос зависит от принятия решения по неотправленным количествам свинца по первому протоколу.

Пункт 5. Медь.

Совместно Объединенное Королевство и Соединенные Штаты, 120 000 длинных тонн, равными ежемесячными поставками. Сюда входит медь во всех видах, включая рафинированные формы, латунные и проволочные промышленные изделия, сплавы с медной основой, а также содержание меди в готовых изделиях, кроме боеприпасов.

Пункт 6. Цинк высокого качества.

Совместно Объединенное Королевство и Соединенные Штаты 18 000 коротких тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 7. Промышленные алмазы. На 150 000 долларов ежемесячно.

Пункт 8. Ферросилиций.

Совместно Объединенное Королевство и Соединенные Штаты 12 000 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 9. Феррохром.

Совместно Объединенное Королевство и Соединенные Штаты 7200 длинных тонн, равными ежемесячными поставками.

Пункт 10. Серебряная сталь.

50 тонн ежемесячно.

Пункт 11. Графит.

100 тонн в месяц, зависит от местных условий на Цейлоне.

Пункт 12. Резина.

Совместно Объединенное Королевство и Соединенные Штаты 36 000 длинных тонн резины во всех видах, включая шины и резиновые трубы, равными ежемесячными поставками.

Дополнительно 2000 длинных тонн в месяц из Цейлона, до тех пор пока этот источник доступен.

Пункт 13. Джут.

4000 тонн в месяц, зависит от условий в Индии.

Пункт 14. Шеллак.

300 тонн в месяц, зависит от условий в Индии.

Пункт 15. Шерсть.

2000 (тонн) в месяц из Новой Зеландии, зависит от условий перевозок.

Г) Продовольствие.

Объединенное Королевство сможет поставлять в СССР только те виды и количество продовольствия, которые можно будет использовать для догрузки трюмных грузов и заполняя порожние места в трюмах на судах, перевозящих танки и самолеты".

Все дни пребывания Молотова в США советский самолет тщательно готовили к обратному рейсу. Наиболее сложным оказался ремонт вышедшей при посадке из строя покрышки одного из колес шасси, но фирма "Гудрич" успешно справилась с этой задачей. Утром 5 июня после пробного полета самолет был готов к взлету. "Мистера Брауна"[62] и его команду провожали тепло, по-американски[63]. В 12 часов 30 минут самолет после длительного разбега поднялся в воздух и взял курс на север. Перелет в Великобританию прошел без каких-либо серьезных осложнений, если не считать двухдневной задержки в Гандере из-за плохой погоды. Трасса была уже знакома. Из Рейкьявика в Шотландию летели кратчайшим путем, минуя Фарерские о-ва.

6 июня Рузвельт направил Черчиллю телеграмму, в которой дал свою оценку визиту Молотова: "Я весьма удовлетворен визитом. Он в большей степени способствовал этому, чем я ожидал, и я уверен, что он лучше понимает обстановку здесь, нежели до приезда"[64].

Подписание следующего важнейшего документа явилось итогом большой подготовительной работы и визита Молотова в США.

№117

Соглашение между правительствами Союза Советских Социалистических Республик и Соединенных Штатов Америки о принципах, применимых к взаимной помощи и ведению войны против агрессии

11 июня 1942 г.

Принимая во внимание, что Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Соединенных Штатов Америки заявляют, что они заняты общим делом, совместно со всеми другими одинаково мыслящими государствами и народами, направленным к созданию основ справедливого и прочного общего мира, обеспечивающего законный порядок им самим и всем другим народам;

И принимая во внимание, что Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Соединенных Штатов Америки, как участники Декларации Объединенных Наций от 1 января 1942 года, подписались под общей программой целей и принципов, воплощенных в совместной Декларации, сделанной 14 августа 1941 года Президентом Соединенных Штатов Америки и Премьер-Министром Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и известной под именем Атлантической хартии, к которой присоединилось также Правительство Союза Советских Социалистических Республик;

И принимая во внимание, что Президент Соединенных Штатов Америки решил, в развитие Акта Конгресса от 11 марта 1941 г., что оборона Союза Советских Социалистических Республик против агрессии жизненно важна для обороны Соединенных Штатов Америки;

И принимая во внимание, что Соединенные Штаты Америки оказывали и продолжают оказывать Союзу Советских Социалистических Республик помощь в деле сопротивления агрессии;

И принимая во внимание целесообразность того, чтобы окончательное определение условий, на которых Правительство Союза Советских Социалистических Республик получает указанную помощь, и выгод, которые взамен должны получить Соединенные Штаты Америки, было отложено до тех пор, пока не станет известен объем оборонной помощи и пока ход событий не сделает более ясными окончательные условия и выгоды, которые соответствовали бы общим интересам Союза Советских Социалистических Республик и Соединенных Штатов Америки и содействовали бы созданию и поддержанию мира во всем мире;

И принимая во внимание, что Правительства Союза Советских Социалистических Республик и Соединенных Штатов Амери-

ки имеют общее желание заключить теперь предварительное Соглашение о предоставлении оборонной помощи и о некоторых соображениях, которые будут приняты во внимание при установлении вышеупомянутых условий, и поскольку заключение такого Соглашения было во всех отношениях должным образом разрешено и все акты, условия и формальности, которые следовало произвести, выполнить или учинить до заключения такого Соглашения в соответствии с законами как Союза Советских Социалистических Республик, так и Соединенных Штатов Америки, были надлежащим образом произведены, выполнены и учинены;

Нижеподписавшиеся, должным образом уполномоченные для этой цели соответствующими Правительствами, согласились о нижеследующем:

Статья I

Правительство Соединенных Штатов Америки будет продолжать снабжать Правительство Союза Советских Социалистических Республик теми оборонными материалами, оборонным обслуживанием и оборонной информацией, которые Президент Соединенных Штатов Америки разрешил передавать или предоставлять.

Статья II

Правительство Союза Советских Социалистических Республик будет продолжать содействовать обороне Соединенных Штатов Америки и ее укреплению и предоставлять материалы, обслуживание, льготы и информацию в меру его возможностей.

Статья III

Правительство Союза Советских Социалистических Республик не будет, без согласия Президента Соединенных Штатов Америки, передавать, формально или фактически, какие бы то ни было оборонные материалы или оборонную информацию, полученные им в соответствии с Актом Конгресса Соединенных Штатов Америки от 11 марта 1941 г., или разрешать пользование ими кому бы то ни было, кроме должностных лиц, служащих или агентов Правительства Союза Советских Социалистических Республик.

Статья IV

Если в результате передачи Правительству Союза Советских Социалистических Республик какого-нибудь оборонного материала или оборонной информации возникнет необходимость для этого Правительства принять меры или совершить платеж с

целью полного обеспечения всех прав какого-либо гражданина Соединенных Штатов Америки, имеющего патентные права в связи с вышеупомянутыми оборонными материалами или информацией, то Правительство Союза Советских Социалистических Республик примет эти меры и произведет такие платежи по предложению Президента Соединенных Штатов Америки.

Статья V

Правительство Союза Советских Социалистических Республик по окончании существующего чрезвычайного положения вернет Соединенным Штатам Америки, по определению Президента Соединенных Штатов Америки, те из полученных по настоящему Соглашению оборонных материалов, которые окажутся неуничтоженными, утраченными или потребленными и которые, по определению Президента, смогут пригодиться для обороны Соединенных Штатов Америки или Западного полушария или смогут быть каким-либо иным образом использованы Соединенными Штатами Америки.

Статья VI

При окончательном определении выгод, которые будут предоставлены Соединенным Штатам Америки Правительством Союза Советских Социалистических Республик, будут полностью приняты во внимание все имущество, обслуживание, информация, льготы и другие выгоды, предоставленные Правительством Союза Советских Социалистических Республик после 11 марта 1941 г., полученные или принятые Президентом от имени Соединенных Штатов Америки.

Статья VII

При окончательном определении выгод, которые будут предоставлены Соединенным Штатам Америки Правительством Союза Советских Социалистических Республик в обмен за помощь, оказанную в соответствии с Актом Конгресса от 11 марта 1941 г., их условия должны быть таковы, чтобы не только не затруднять торговлю между этими двумя странами, а, наоборот, содействовать взаимно выгодным экономическим отношениям между ними и улучшению мировых экономических отношений. С этой целью они должны предусмотреть возможность согласованных действий Соединенных Штатов Америки и Союза Советских Социалистических Республик, к которым могли бы присоединяться все другие одинаково с ними мыслящие государства и которые

были бы направлены к расширению, путем соответствующих межгосударственных и внутригосударственных мероприятий, производства, использования рабочей силы, а также обмена и потребления товаров, что составляет материальную основу свободы и благосостояния всех народов; к уничтожению всех форм дискриминации в международной торговле и к сокращению пошлин и других торговых барьеров и вообще к достижению всех экономических целей, изложенных в совместной Декларации Президента Соединенных Штатов Америки и Премьер-Министра Соединенного Королевства от 14 августа 1941 г., к которой присоединилось также Правительство Союза Советских Социалистических Республик.

В возможно скором времени будут начаты переговоры между двумя Правительствами с целью определения, в свете господствующих экономических условий, наилучшего способа достижения вышеуказанных целей их собственными согласованными действиями, а также обеспечения согласованных действий со стороны одинаково с ними мыслящих правительств.

Статья VIII

Настоящее Соглашение вступит в силу с сего числа. Оно будет оставаться в силе до срока, который должен быть согласован между обоими Правительствами.

Подписано с приложением печатей в Вашингтоне в двух экземплярах 11 июня 1942 г.

Максим Литвинов	*Корделл Хэлл*
Посол	Государственный
Союза Советских	секретарь
Социалистических Республик	Соединенных Штатов
в Вашингтоне	Америки[65]

Создание Большого союза было завершено.

№118

Советско-американское коммюнике о посещении Вашингтона народным комиссаром иностранных дел СССР

12 июня 1942 г.

Народный комиссар иностранных дел Союза Советских Социалистических Республик В. Молотов прибыл по приглашению президента Соединенных Штатов Америки Ф. Рузвельта в Вашингтон 29 мая и был гостем президента в течение нескольких

дней. Пребывание его в Вашингтоне дало возможность дружественного обмена мнениями между президентом и его советниками, с одной стороны, и В. Молотовым и его помощниками - с другой. В числе участников переговоров были: советский посол в США Максим Литвинов, г-н Гарри Гопкинс, начальник штаба армии США генерал Джорж К. Маршалл и главнокомандующий военно-морским флотом США адмирал Эрнст Д. Кинг. Г-н Кордэлл Хэлл, государственный секретарь, участвовал в последующих переговорах по невоенным вопросам. При переговорах была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году. Кроме того, были подвергнуты обсуждению мероприятия по увеличению и ускорению поставок Советскому Союзу самолетов, танков и других видов вооружения из США. Далее обсуждались основные проблемы сотрудничества Советского Союза и Соединенных Штатов в деле обеспечения мира и безопасности для свободолюбивых народов после войны. Обе стороны с удовлетворением констатировали единство взглядов во всех этих вопросах.

По окончании визита президент попросил В. Молотова передать от его имени И.В. Сталину его мнение, что эти беседы принесли большую пользу в смысле установления базы для более близких и плодотворных отношений между правительствами для достижения общих целей Объединенных Наций[66].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] «Кэптен Хадсен принес приглашение на вечер самодеятельности, устраиваемый расположившимися по соседству летчиками истребительного полка, - вспоминал Э. Пусеп. - Участники самодеятельности блистали, наверное, остроумием... Зал то и дело рукоплескал, хохотал, свистел, мы же лишь недоуменно переглядывались. Правда, один из номеров, вызвавший в зале бурю восторга, мы поняли. На аэродром налетела вражеская авиация. Пока дежурный докладывал об этом событии по телефонам в различные высшие инстанции, прося разрешения на открытие огня по вражеским самолетам, те успели высадить десант парашютистов и исчезли с поля зрения. Когда же наконец разрешение на стрельбу было получено, оказалось, что к этому времени девушки-военнослужащие из команды аэродромного обслуживания уже переловили и захватили в плен всех вражеских десантников.

По окончании программы командир полка пригласил нас в другое, находящееся в том же здании помещение "на чашку чая". Пели песни, танцевали. Заканчивая вечер, распорядитель, он же постановщик, режиссер и священник полка, залез на стол и поднял бокал за советских летчиков, за победу Красной Армии, отражающей натиск общего врага. Пора было уходить. Поручили отблагодарить наших радушных хозяев признанному оратору и златоусту Саше Штепенко (майор, штурман самолета. - *О.Р.).* Беря пример с распорядителя, Саша тоже влез на стол.

- От имени присутствующих здесь советских летчиков говорю большое спасибо за гостеприимство и приятно проведенный у Вас вечер. Прошу выпить вместе с нами за людей, кто любит свободу, кто любит своих матерей, жен и детей, за всех тех, кто умеет бороться за все это, отстоять его и для себя и для своих близких! Переводчик перевел. Воцарилась тишина и тут же взорвалась аплодисментами. А Сашу бережно сняли со стола и долго еще качали...» *(Пусеп Э.К.* Тревожное небо: Записки летчика. Красноярск, 1975. С. 203-204).

[2] АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 320. Д. 2199. Л. 249-250. Полный текст послания не известен. По всей видимости, оно было оставлено без ответа, так как вскоре началась советско-финская война.

Направляя это послание, Сталин, без сомнения, имел в виду беседу Рузвельта с Уманским 30 июня 1939 г., которая свидетельствовала о понимании президентом США нараставшей угрозы войны в Европе и на Дальнем Востоке, его стремлении объединить усилия неагрессивных стран, включая СССР, для борьбы с агрессорами. Уманский, в частности, сообщал Молотову: «Заявление, подробности которого доложу лично, в основном следующее: положение в Европе крайне опасное, сроки новой агрессии исчисляются неделями. Дальнейшая безнаказанная агрессия грозит экономическим, затем политическим закабалением всей нефашистской Европы. С закабалением прибалтов едва ли примирится СССР, с закабалением Англии и Франции не могут примириться США. Он (президент США. - *О.Р.)* делает все в пределах возможного при данном составе конгресса, чтобы содействовать созданию демократического фронта, и готовит помощь жертвам агрессии. Он понимает причины нашего недоверия к нынешним правительствам Англии и Франции, сам не верит французам, особенно Бонне, но на основании сказанного ему в интимной беседе английским королем считает, что пути к дальнейшему "умиротворению" для Англии отрезаны. Шансы на то, что Польша будет драться за Данциг, по мнению Рузвельта, "два к одному" в пользу сопротивления. У англо-французов не может быть никаких сомнений в заинтересованности его, Рузвельта, в благоприятном завершении московских переговоров...

События на границе МНР, величайший воздушный бой в истории. Он не верит японским версиям, высоко оценивает нашу обороноспособность. Он просит передать Сталину и Молотову, что на днях получил конфиденциальное письмо от весьма авторитетного японского деятеля, который четыре года назад был членом японского кабинета. Этот деятель предложил ему схему японо-американского сотрудничества "по эксплуатации богатств Восточной Сибири чуть ли не до Байкала". "Фантастично, но характерно для планов некоторых японских активистов, которые несмотря на истощение Японии не оставили мыслей об авантюрах в Вашем направлении". Он придает большое значение советско-американским отношениям в нынешней обстановке, считая, что для их развития следовало бы: "Во-первых, снять раз и навсегда вопрос о долгах, во-вторых, давать доказательства американскому общественному мнению, что СССР идет по пути демократизации и тем духовно приближается к США..."

Рузвельт очень хвалил наш павильон в Нью-Йорке, о котором ему "рассказывают чудеса". Просил передать привет Вам, Сталину и Калинину» (Министерство иностранных дел Российской Федерации. Документы внешней политики. Т. 22, кн. 1. 1 января - 31 августа 1939 г. М., 1992. С. 524-525).

[3] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 24. Д. 295. Л. 2-6. В ходе этой беседы Молотовым впервые было названо имя Ю. Паасикиви как приемлемого для СССР нового премьер-министра Финляндии, что в свою очередь означало готовность отказаться от поддержки сформированного в Москве "правительства" О. Куу-

синена, не получившего поддержки финской общественности. Это может свидетельствовать о том, что советское руководство рассматривало США как реального и обладающего необходимым влиянием посредника для подготовки переговоров о прекращении войны.

[4] *Севастьянов П.* Перед великим испытанием: Внешняя политика СССР накануне Великой Отечественной войны. Сентябрь 1939 - июнь 1941 г. М., 1981. С. 180.

[5] АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 320. Д. 2202. Л. 52.

[6] Там же. Ф. 06. Оп. 3. П. 4. Д. 36. Л. 44.

[7] Там же. Ф. 059. Оп. 1. П. 345. Д. 2361. Л. 328.

[8] Там же. П. 320. Д. 2202. Л. 56-57.

[9] Там же. Д. 2202. Л. 84-87.

[10] FRUS, 1940. Wash., 1959. Vol. I. P. 678.

[11] АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 345. Д. 236. Л. 86-87.

[12] Там же. П. 320. Д. 2260. Л. 149.

[13] Там же. П. 345. Д. 2361. Л. 215.

[14] FRUS, 1941. Vol. I. P. 713.

[15] АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 343. Д. 2361. Л. 243-247.

[16] FRUS, 1941. Vol. I. P. 712. Американская запись беседы Уэллеса с Уман¬ским не найдена, и последнее слово в этом запутанном деле остается за историками США.

[17] Ibid. P. 714.

[18] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 4. Д. 36. Л. 47-48.

[19] *Kimball W.* The Juggler: Franklin Roosevelt as Wartime Statesman. Princeton (New Jersey), 1991. P. 30-31.

[20] FRUS, 1940. Vol. 1. P. 616-617.

[21] АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 345. Д. 2361. Л. 361. Г. Икес - министр внутренних дел США.

[22] Там же. Ф. 06. Оп. 3. П. 4. Д. 35. Л. 173. В свою очередь К. Хэлл крайне отрицательно относился к Уманскому и считал, что он "нанес большой ущерб российско-американским отношениям" (The Memoirs of Cordell Hull. N.Y., 1948. Vol. I. P. 743.).

[23] New York Times. 1941. 25 June. P. 7.

[24] Ibid. 1941. 24 June. P. 7.

[25] Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 16.

[26] По советским данным, с 1 октября 1941 г. по 30 июня 1942 г. СССР получил из США 267 бомбардировщиков, 278 истребителей, 363 средних танка, 420 легких танков, 16 502 грузовика, другое необходимое для ведения войны имущество. В дальнейшем эти и другие поставки из США увеличивались вплоть до 1945 года. (Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945: Документы и материалы: В 2-х т. М., 1984. Т. 1, 1941-1943. С. 16-17.)

[27] Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / Пер. с англ. Ред. *Ф. Лоуэнхейм, Г. Лэнгли, М. Джонас.* М., 1995. С. 252.

[28] М.М. Литвинов был назначен вместо К.А. Уманского в конце 1941 г. Практически одновременно Л. Штейнгардта заменил в Москве У. Стендли.

[29] Советско-американские отношения... С. 175-178.

[30] Запись беседы частично опубликована (без ее заключительной части). См.: Советско-американские отношения... С. 178-180.

[31] Там же. С. 180-181.

[32] FRUS, 1942. Wash., 1961. Vol. III. P. 566-596; The White House Papers of Harry Hopkins: An Intimate Story by Robert E. Sherwood. Vol. II: January 1942 - July 1945. L., 1949. P. 548-584.

[33] The White House Papers... P. 561, 562, 564.

[34] Ibid. P. 563.

[35] Ibid. P. 564.

[36] Ibid. P. 562.

[37] Советско-американские отношения... С. 85.

[38] Там же. С. 112.

[39] Там же. С. 114.

[40] *Stoler M.* The Politics of the Second Front: American Military Planning and Diplomacy in Coalition Warfare. 1941-1943. Westport (Connecticut), 1977. P. 31-32.

[41] Churchill and Roosevelt: The Complete Correspondence / Ed. with a Commentary by Warren F. Kimball. L., 1984. Vol. 1. P. 441.

[42] Советско-американские отношения... С. 181-187.

[43] Дж. Барнс - генерал-майор, представитель администрации по ленд-лизу.

[44] В.К. Беляев - глава советской закупочной комиссии в США.

[45] The White House Papers... P. 573; Churchill and Roosevelt. P. 502, 503.

[46] Churchill and Roosevelt. Vol. 1. P. 504.

[47] Секретная переписка... С.253, 254.

[48] Финляндия вела войну против СССР в союзе с Германией.

[49] Л. Гарднер так комментирует эти размышления Рузвельта: "После колкой дискуссии о Финляндии Рузвельт вернулся к ответственности, которую каждое из государств большой четверки должно взять на себя после войны. России, сказал он, предстоит участие в системе опеки, управления трудным процессом перехода колониальных территорий к независимости. Он назвал Французский Индокитай, Малайю и Голландскую Индию. Можно только догадываться, о чем думал Молотов, когда Рузвельт весело размахивал этим списком колоний, которые следовало поставить под покровительство великих держав" (*Gardner L.* Spheres of Influence: The Great Power Position Europe, from Munich to Yalta. Chicago, 1993. P. 142).

[50] Г. Арнольд - командующий ВВС армии США.

[51] Б. Сомервел - генерал, советник президента.

[52] В.Р. Херст - американский газетный магнат.

[53] The White House Papers... P. 580.

[54] Подпись на телеграмме не пропечатана. В описи к делу указано: "Шифртелеграмма Сталина в Вашингтон с указанием о более полной информации о переговорах, о проекте коммюнике" (АП РФ. Ф. 45. On. 1. Д. 232. Л. 205).

[55] Советско-американские отношения... С. 195-197.

[56] Ф. Нокс - военно-морской министр США.

[57] Проект Хэлла в деле отсутствует. Текст Соглашения, принятый с незначительными поправками Молотова, см. док. № 117.

[58] *Stoler M.* Op. cit. P. 49.

[59] АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 232. Л. 30.

[60] *Земсков И.Н.* Дипломатическая история второго фронта в Европе. М., 1982. С. 110 и далее.

[61] Секретная переписка... С. 255.

[62] Под этим именем Молотов находился в США.

[63] Наибольшее впечатление у экипажа оставила встреча с Рузвельтом 30 мая. Э. Пусеп вспоминает: "Нас представили президенту. Мы стояли перед человеком, волей судеб оказавшимся у руля одного из сильнейших государств

мира в годы, когда многое решалось в судьбе всего человечества. Политический ум Рузвельта, понимание им происходящих в мире процессов ставили его на голову выше многих других государственных деятелей мира. С приходом его в Белый дом были созданы нормальные дипломатические отношения с Советским Союзом...

Светлые волосы и открытое добродушное лицо, обращенное к нам, располагает к себе. Одет более чем скромно: светло-серые брюки, китель из отбеленного льняного полотна, из-под которого выглядывает сорочка. Мягкие парусиновые туфли. Вот и весь костюм президента.

- Поздравляю вас с благополучным прибытием из-за океана, - сказал нам Рузвельт. - Благодаря этому я имею удовольствие беседовать с таким прекрасным собеседником, как мистер Молотов. Привозите его к нам почаще. Надеюсь, что вы благополучно доставите мистера Молотова обратно в Москву. Особенно поздравляю ваших навигаторов, которые приводили вас в точно намеченное место.

На этом прием закончился".

Перед отлетом самолет атаковали журналисты: "Вокруг нас, как и при встрече, снова сновали операторы и корреспонденты с аппаратами и без них, прожекторами и лампами, за которыми тянулись извивающиеся провода. Все это трещало и щелкало, вспыхивало и блестело, окружая нас и провожающих плотным кольцом. Прибыл трактор-тягач и потащил корабль к линии старта. Газетный и кинолюд не отставал. Только часть крупногабаритных киноаппаратов и юпитеров осталась на месте. На ходу нам совали в руки вечные ручки, просто клочки бумаги и денежные знаки, прося автографы..." (*Пусеп Э.К.* Указ. соч. С. 233-234, 242).

Американская печать с одобрением писала, что Молотов прилетел "на большом русском самолете с полностью русским экипажем" и что "все члены экипажа получили награды в этой войне" (New York Times. 1942. 12 June).

[64] Churchill and Roosevelt... P. 508.

[65] Советско-американские отношения... С. 198-202.

[66] Там же. С. 203.

Глава четвертая

ЛОНДОН. 8-11 ИЮНЯ 1942 ГОДА. КАМУФЛЕТ ЧЕРЧИЛЛЯ

Днем 8 июня советский самолет приземлился в Преcтвике. Шотландия встретила пассажиров и экипаж гостеприимно.

Начальник аэродрома пригласил командира корабля Э. Пусепа на обед. "Мы ели молча, улыбаясь друг другу, - вспоминал Пусеп. - На большее ни один из нас не был способен, недоставало одного - знания языка. А переводчика в данный момент не было. Но мы кое-как обжились и остались вполне довольны друг другом. После обеда полковник пригласил меня в свой кабинет. Там собралась большая компания. Летчики из Англии, Америки, Канады, Австралии. Пришел и переводчик. Полковник представил меня собравшимся, затем произнес короткую речь, в которой выразил радость по поводу возвращения летчиков на вверенный ему аэродром. Вместе с тем он обещал и в будущем делать для нас все, что в его силах. Я выразил полковнику искреннюю благодарность за радушный прием и помощь"[1].

Тем временем В. Молотов, А. Соболев и сопровождающие их лица направлялись поездом в Лондон. Предварительно Молотов сообщил об этом в Москву, запросив инструкции для переговоров.

№ 119

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 8.15 9 июня 1942 года

8 июня в 3 часа прилетели в Прествик, отсюда поездом отправляемся в Лондон, где будем 9 июня утром. Рассчитываю 10 июня выехать из Лондона обратно в Прествик и, при благоприятной погоде, 11 июня вылететь в Москву. Весь перелет проходит хорошо.

Жду указаний для беседы с Черчиллем.

8.VI. 42 г. МОЛОТОВ

На следующий день Молотов отправил указание командующему авиацией дальнего действия.

№ 1 2 0

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 23.55 9 июня 1942 года

ГОЛОВАНОВУ

Ежедневно, начиная с 10 июня, шлите в Лондон данные с расчетом относительно нашего ночного полета в Москву.

9.VI. 42 г. МОЛОТОВ

С тех пор, как Молотов покинул Англию, прошло менее двух недель, но положение на фронтах значительно изменилось. Крупным успехом военно-морских сил США завершилось морское сражение у о-ва Мидуэй. 31 мая и 1 июня британская авиация большими силами осуществила бомбардировки Кёльна и Эссена, в каждой из которых участвовало свыше 1 тыс. самолетов. 2 июня советский Северный флот завершил операцию по обеспечению перехода северных союзных конвоев PQ-16 и QP-12. Иная обстановка складывалась на сухопутных фронтах, где вели боевые действия британские и советские армии.

В Ливии германо-итальянские войска под командованием Э. Роммеля, несмотря на превосходство британских сил в танках, перешли в наступление. 26 мая итальянская танковая армия нанесла отвлекающий удар в районе Бир-Хакейма. Две немецкие танковые дивизии обошли Бир-Хакейм с юга. К 11 июля все передовые линии опорных пунктов от Эль-Газалы до Бир-Хакейма были захвачены противником. Сражение носило ожесточенный характер. По оценкам генерала Окинлека, к 7 июня потери британских войск достигли 10 тыс. человек, из них около 8 тыс. могли оказаться в плену[2]. В случае падения Тобрука, а это и произошло 21 июня, возникала угроза прорыва войск Роммеля к границам Египта, дельте Нила и Суэцкому каналу. Последним препятствием для противника оставались оборонительные рубежи у Эль-Аламейна.

На советско-германском фронте положение также продолжало ухудшаться. Особую тревогу вызвала обстановка на южном крыле фронта, где командование вермахта развернуло наступление силами более чем 90 дивизий (всего в это время на советско-германском фронте, включая венгерские, румынские, финские, словацкие и испанские войска, находилось 217 дивизий и 20 бригад противника)[3]. 7 июня немцы начали новый штурм Севастополя, оборона которого продолжалась уже семь месяцев и силы ее слабели (Севастополь был захвачен немцами 4 июня). Не вызывало оптимизма и положение на других участках фронта[4].

Потери Красной Армии стремительно нарастали. Крымский фронт за февраль-май 1942 г. потерял убитыми, ранеными и пленными 278 тыс. человек[5]. С начала войны общие потери Южного и Юго-Западного фронтов превысили 2 млн человек[6].

Становилось очевидным, что вермахту после поражения в 1941 г. в битве под Москвой вновь удалось захватить стратегическую инициативу. Нависла угроза прорыва немецких дивизий к берегам Волги, Сталинграду

и на Кавказ, к нефти Грозного и Баку. В этих чрезвычайных условиях, известных в общих чертах Молотову, решение вопроса о скорейшем открытии второго фронта приобретало для СССР особое значение.

По приезде в британскую столицу Молотова ожидала директива из Москвы, содержание которой не было неожиданностью.

№121

Телеграмма из Москвы
Получена в Лондоне в 17.00 6 июня 1942 года

Для МОЛОТОВА

1) Надо поскорее выработать и представить нам проект совместного коммюнике с Англией. Это коммюнике должно обязательно включать, кроме вопроса о Договоре, также вопросы о втором фронте в Европе и о военных поставках в СССР.

2) Мы не возражаем, чтобы в день твоего отъезда из Англии в Россию было бы опубликовано это коммюнике о переговорах с Англией, а также Договор и речи, а коммюнике с США можно было бы опубликовать после твоего возвращения в СССР.

Есть ли у тебя возражения против такого плана

ИНСТАНЦИЯ

Молотов незамедлительно отправил свой проект коммюнике.

№ 122

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 22.45 9 июня 1942 года

Посылаю на утверждение инстанции следующий проект коммюнике о переговорах в Лондоне:

«Посещение Лондона Народным Комиссаром Иностранных Дел СССР В.М. Молотовым.

Во второй половине мая - начале июня Народный Комиссар Иностранных Дел СССР В.М. Молотов посетил по приглашению правительства Великобритании Лондон, где вел переговоры с премьер-министром Великобритании г. У. Черчиллем и Министром Иностранных Дел г. А. Иденом по важнейшим вопросам отношений между СССР и Великобританией. Эти переговоры, которые велись в атмосфере сердечности и откровенности, закончились 26 мая подписанием "Договора между СССР и Соединенным Королевством Великобритании о Союзе в войне против

гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны". Этот договор, текст которого приводится ниже, подписали от имени СССР г. В.М. Молотов и от имени Великобритании г. А. Иден. В переговорах принимали участие со стороны СССР посол СССР в Лондоне г. И.М. Майский и со стороны Великобритании постоянный заместитель министра иностранных дел г. А. Кадоган. Правительства обеих стран уверены в том, что этот договор послужит прочной базой для дальнейшего укрепления союзных и дружественных отношений, существующих между Советским Союзом и Великобританией, а также между обеими странами и Соединенными Штатами Америки, которые были полностью информированы о ходе переговоров и заключении договора. Обе стороны уверены также, что договор явится новым мощным оружием в борьбе до полной победы над гитлеровской Германией и ее сообщниками в Европе и обеспечит тесное сотрудничество обеих стран после победоносной войны.

Во время переговоров г. В.М. Молотова с премьер-министром Великобритании г. У. Черчиллем была наиполная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году. Кроме того, были подвергнуты обсуждению мероприятия по увеличению и ускорению поставок Советскому Союзу самолетов, танков и других предметов вооружения из Великобритании. В переговорах со стороны Великобритании приняли участие заместитель премьер-министра Великобритании и министр по делам доминионов г. К. Эттли, министр иностранных дел г. А. Иден, начальник штаба военно-морского флота адмирал Д. Паунд, заместитель начальника имперского генерального штаба генерал-лейтенант А. Ней, начальник штаба военно-воздушных сил маршал Ч. Портал, начальник комбинированных операций вице-адмирал Л. Маунтботтен, начальник бюро министра обороны генерал-майор X. Исмэй, а со стороны Советского Союза - генерал-майор Исаев и руководитель советской военной миссии в Великобритании контр-адмирал Н. Харламов. Обе стороны с удовлетворением отмечают единство взглядов по всем указанным вопросам».

Этот проект я еще не показывал англичанам. Покажу тогда, когда получу от Вас одобрение. Разумеется, и после утверждения инстанцией настоящего проекта возможны при согласовании с англичанами второстепенные поправки. Если у них будут серьезные поправки, согласую их с Вами дополнительно.

9.VI.42 г. МОЛОТОВ

Одновременно Молотов получил еще одну телеграмму.

№123

Телеграмма из Москвы
Получена в Лондоне в 23.45 7 июня 1942 года

МОЛОТОВУ

1) Текстом договора с Англией вполне удовлетворены, а также твоей речью и речью Идена при подписании договора.

2) Следовало бы нажать на Черчилля, чтобы второй фронт был организован и уже приведен в действие в этом году, это при условии, что мы заявку на тоннаж сокращаем.

ИНСТАНЦИЯ

Посольство в свою очередь информировало Москву о прибытии Молотова.

№124

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 16.00 9 июня 1942 года

Сегодня около 7 часов 30 минут утра тов. Молотов прибыл в резиденцию Черчилля. Воздушное министерство просит прислать прогноз погоды. Свой прогноз они дают нам с сегодняшнего дня.

9/VI-1942 г. НОВИКОВ

В то же утро Молотов был принят Черчиллем, а затем Иденом.

№125

Запись беседы с Черчиллем 9 июня 1942 года

Присутствовали: Черчилль, Эттли, Иден, Кадоган, Файрбрэс
тт. Молотов, Майский, Соболев, Павлов

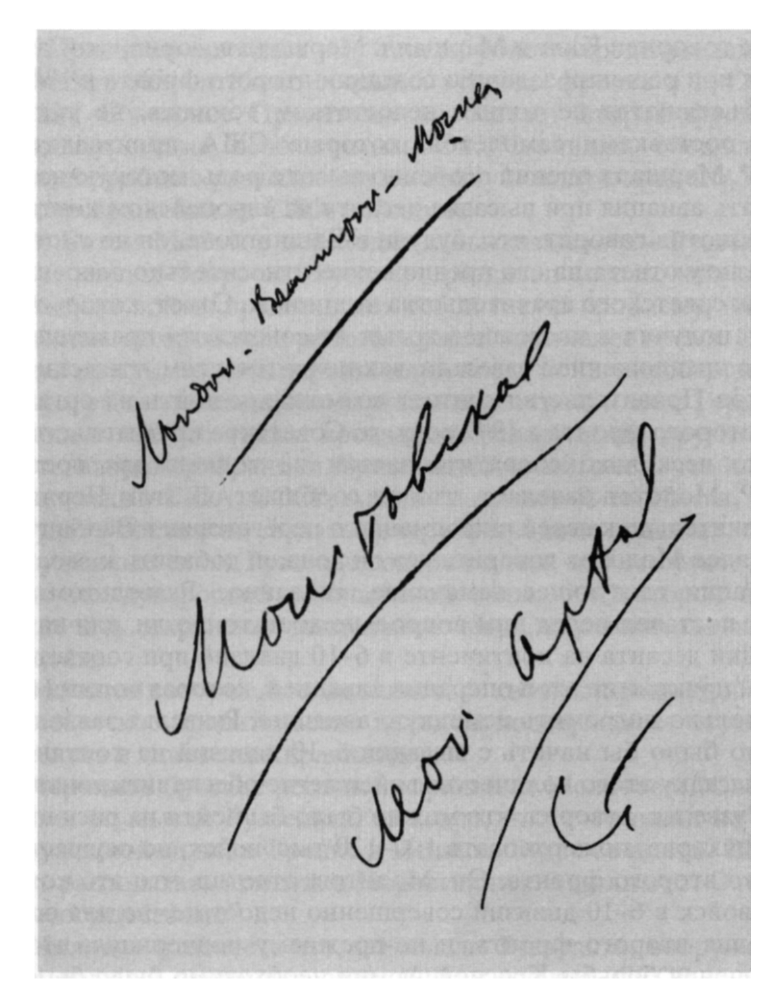
Черчилль приветствует Молотова и выражает свое удовлетворение по поводу его благополучного возвращения в Лондон. **Молотов** благодарит Черчилля и говорит, что он хотел бы информировать его о своих переговорах в Вашингтоне, о чем Черчилль просил его в свое время, а также получить от Черчилля информацию по интересующим его, Молотова, вопросам.

Молотов сообщает, что англо-советский договор был встречен в США, насколько он понял, положительно; в частности, Рузвельт доволен тем, что в договоре нет упоминания о границах.

а) Что касается вопроса о втором фронте, то есть главного вопроса, то он, Молотов, может сказать следующее. По этому вопросу он может в качестве информации передать текст совместного советско-американского коммюнике, который будет опубликован после его возвращения в Москву, в котором говорится о том, что достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году. Молотов говорит, что он хотел бы сказать и по существу вопроса о втором фронте. Главный вопрос, который интересовал как советское правительство, так и его, Молотова, - это вопрос открытия второго фронта в этом году, летом или осенью. О втором фронте Молотов имел с Рузвельтом ряд бесед. Рузвельт уделил ему, Молотову, большое внимание. В этих беседах, когда дело касалось второго фронта, участвовали также адмирал Кинг и генерал Маршалл.

Он, Молотов, встретил со стороны Рузвельта полное сочувствие тому, чтобы второй фронт был создан в 1942 году. Такого же мнения придерживается и генерал Маршалл. Правда, Рузвельт заявил, что вопрос о втором фронте должен быть обсужден и решен совместно с британским правительством, т.к. осуществление второго фронта зависит в большей степени от Великобритании, чем от США. Во всяком случае, Рузвельт заявил, что он сделает все возможное, чтобы создать второй фронт в 1942 году. Он согласился с ним, Молотовым, в том, что отсрочка второго фронта до 1943 года вовсе не означает, что в 1943 году будет легче создать второй фронт, чем в 1942 году, так как если произойдет то, чего нельзя полностью исключить, а именно если СССР не выдержит удара Гитлера, то наш фронт в 1943 году не будет представлять серьезной силы, связывающей в 1942 г. подавляющую часть сил Гитлера. Гитлер сможет продвинуться на Кавказ по пути к Баку и, следовательно, серьезно усилится. Подготовительные меры к 1943 году, конечно, имеют значение, но из-за возможного ослабления нашего фронта и усиления Гитлера тогда возникнут более сложные условия для второго фронта. Рузвельт согласился, что с этим фактом надо считаться, и поэтому признал, что надо ускорить создание второго фронта в 1942 году.

Молотов говорит далее, что он не может сказать, что в вопрос о создании второго фронта в 1942 году, с его точки зрения, внесена достаточная ясность. Перед ним, Молотовым, был поставлен вопрос о том, что если советское правительство согласно сократить свои требования на тоннаж для доставки снабжения, которые берут на себя обеспечить Англия и США, то это облегчит решение задачи создания второго фронта в 1942 году. Он, Рузвельт, привел в доказательство этого цифры. Рузвельт в



Факсимильная страница из архива И. Сталина

новом проекте протокола о поставках СССР оценивает заявку советского правительства на поставки на второй год в размере 8 млн тонн. Согласно этого же проекта протокола, переданного им ему, Молотову, в Вашингтоне, США и Англия могут обеспечить поставки лишь в 4,4 млн тонн. Причем по расчетам Рузвельта выходит, что только 2 млн тонн представляют собой поставки, которые непосредственно могут быть использованы на фронте. Остальное представляют собой поставки, необходимые для укрепления тыла. Рузвельт заявил, что если бы советское правительство сократило свои претензии к Англии и США в отношении тоннажа, то это облегчило бы создание второго фронта. Об этом

также говорили Кинг и Маршалл. Маршалл говорил, что затруднения при решении задачи о создании второго фронта в 1942 году объясняются не только недостатком тоннажа, но также и теми поставками самолетов, которые США производят для СССР. Маршалл оценил особенно высоко роль, которую должна сыграть авиация при высадке десанта на европейском континенте. Молотов говорит, что, будучи в Вашингтоне, он не смог дать Рузвельту ответа на его предложение относительно сокращения заявок советского правительства на тоннаж. Ответ, который Молотов получил в настоящее время от советского правительства на это предложение Рузвельта, заключается в том, что если Британское Правительство считает возможным пойти на организацию второго фронта в 1942 году, то Советское правительство согласно несколько сократить заявки на тоннаж для поставок СССР. Молотов заявляет, что он сообщает об этом Черчиллю дополнительно к своей информации о переговорах в Вашингтоне.

Далее Молотов говорит, что он должен добавить к своей информации следующее замечание, сделанное Рузвельтом. Рузвельт поставил перед ним вопрос, не достаточно ли, для начала, высадки десанта на континенте в 6-10 дивизий при соответствующем прикрытии этой операции авиацией, которая должна предварительно погромить немецкую авиацию. Рузвельт заявил, что можно было бы начать с высадки 6-10 дивизий на континенте, т.к. высадку этого количества войск легче обеспечить тоннажем. Он, Рузвельт, говорил, что можно было бы пойти на риск второго Дюнкерка, пожертвовать 100-120 тыс. войск, но осуществить начало второго фронта. Он, Молотов, ответил, что это количество войск в 6-10 дивизий совершенно недостаточно для осуществления второго фронта, и по-прежнему подчеркнул, что для облегчения борьбы Красной Армии необходимо было бы оттянуть с нашего фронта и связать боями, по крайней мере, 40 германских дивизий. Тем не менее он, Молотов, считает необходимым довести эту мысль Рузвельта до сведения Британского Правительства. Он, Молотов, надеется, что по вопросу о втором фронте он получит теперь от Черчилля уточнение, как это Черчилль обещал. Молотов попутно заявляет, что он всячески приветствует операции английских военно-воздушных сил при бомбардировках Кёльна и Эссена, хотя эти операции и не являются вторым фронтом.

Черчилль бросает реплику, что он ни за что не пойдет на новый Дюнкерк и на бесплодную потерю 100-120 тысяч войск, кто бы ни рекомендовал ему это сделать.

Молотов заявляет, что он лишь сообщает об этом заявлении Рузвельта в порядке информации и рассчитывает, что Британ-

ское Правительство даст ему теперь более определенный и ясный ответ относительно создания второго фронта в 1942 году, так как Советское Правительство считает второй фронт по-прежнему весьма необходимым. Он, Черчилль, обещал дать более подробные разъяснения по этому поводу после его, Молотова, возвращения из США в Лондон.

б) Затем Молотов переходит к высказываниям Рузвельта о послевоенных вопросах. Рузвельт развивал мысль, что охрана мира после войны представляет собой такую проблему, над разрешением которой надо работать уже в настоящее время. Он выдвинул мысль, что для охраны мира после войны необходимо не только разоружить такие агрессивные страны, как Германия, Япония и т.д., но также произвести разоружение других государств, например Франции, Румынии, Польши, с тем, чтобы оставить только у США, СССР, Англии и, может быть, Китая, - если он будет в состоянии создать централизованное правительство, - вооруженные силы. Рузвельт говорил о том, что это будет нечто вроде международной полицейской силы, без которой нельзя обеспечить сохранение длительного мира, как показала нынешняя война.

Молотов говорит, что он может, со своей стороны, добавить, что советское правительство целиком поддерживает эту мысль Рузвельта и считает ее правильной.

Черчилль бросает реплику, спрашивая Молотова: "Следовательно, по мысли Рузвельта, выходит, что у Франции не будет вооруженной силы, а Франко в Испании будет ее иметь? Швеция будет располагать армией, а Норвегия нет. Так ли это? Это просто неосуществимо".

Молотов отвечает, что, по мысли Рузвельта, вооруженные силы должны сохранить лишь США, Англия, СССР и, может быть, Китай. Все остальные державы подлежат разоружению. Он сообщает об этом Черчиллю в порядке своей информации о переговорах с Рузвельтом.

Далее Молотов говорит, что Рузвельт высказал мысль, что некоторые подмандатные территории в Тихом океане, например острова Голландской Индии, территории Индо-Китая, не должны после войны оставаться в распоряжении отдельных государств, а должны находиться под опекой 3-4 великих держав.

Черчилль бросает реплику: "Что скажут голландцы по этому поводу?"

Молотов говорит, что сейчас еще нет конкретных предложений по этому вопросу, а имеется лишь общее предположение, высказанное Рузвельтом, - будто бы идею об опеке выдвинул Чан Кай-ши.

Иден бросает реплику, что территории, упомянутые Молотовым, не принадлежат Чан Кай-ши и он ими не может распоряжаться.

Черчилль заявляет, что он не согласен с этим планом Рузвельта. Если бы эти предложения Рузвельта подвергнуть публичному обсуждению, то они потерпели бы полный крах.

Молотов спрашивает Черчилля, имеет ли он в виду при этом как вопрос об организации полицейской силы, так и вопрос об опеке?

Черчилль отвечает, что, во всяком случае, в организации полицейской силы могли бы принимать участие все нации.

в) Продолжая информацию Черчилля о своих переговорах в Вашингтоне, **Молотов** говорит, что он переходит к последнему вопросу, а именно - о военном снабжении СССР во втором году, то есть начиная с 1.VII.42 г. по 1.VII.43 г. Он получил от Рузвельта проект Протокола по снабжению СССР как по линии Британского, так и Американского правительств. Он, Молотов, приводил уже цифры поставок в СССР по подсчетам Рузвельта. Он, Молотов, еще не имел возможности подробно рассмотреть представленный Рузвельтом проект Протокола, но он обратил внимание на примечание, содержащееся в Протоколе по поводу того, что поставки Великобританией будут производиться в рамках московского Протокола. Это ему, Молотову, не совсем понятно. Он не обсуждал этого вопроса с Рузвельтом, но хотел бы получить от Черчилля разъяснение, правильно ли это примечание в Протоколе? Так, как он, Молотов, помнит официальное заявление Бивербрука Майскому о согласии увеличить поставки танков и самолетов СССР после 1 июля 1942 года, Проект Протокола не отражает этого заявления. Молотов говорит, что надо, видимо, считать правильным заявление Бивербрука по этому вопросу. Молотов говорит, что он хотел бы получить от Английского Правительства ответ на вопрос о том, может ли оно увеличить поставки самолетов и танков, особенно **типа** "Валентин".

Черчилль в своем ответе заявляет, что они очень обязаны Молотову за информацию о том, что было сказано Рузвельтом в Вашингтоне. Он, Черчилль, может сказать, что когда Рузвельт говорит об учреждениях послевоенного времени, то это лишь показывает, насколько важнее раньше одержать победу, чем распределять плоды не одержанной еще победы. Очевидно, что все эти вопросы должны быть решены на мирной конференции. Конечно, Английское Правительство исполнено решимостью, чтобы сделать для Германии невозможным снова причинить миру зло. Германию нужно разоружить и держать ее в состоянии разоружения. Вопрос о границах Германии, конечно, надо рассматри-

вать в этой связи. Но было бы ошибочным решить теперь вопрос о том, что должно произойти со странами, вовлеченными в войну, а также с нейтральными странами. По этому вопросу он, Черчилль, обязательно свяжется с Рузвельтом. Он полагает, что ему удастся убедить Рузвельта в том, чтобы отложить решение упомянутых вопросов до того времени, когда мы одержим победу.

Затем Черчилль переходит к вопросу о снабжении. Он говорит, что Меморандум, а не Протокол, как его называет Молотов, представленный Рузвельтом, содержит все то, что Английское Правительство в состоянии сделать в настоящее время. Совершенно правильно, что Бивербрук дал согласие увеличить английские поставки в конце июня на 50% и в конце года еще на 50%. Но в московском Протоколе имеется оговорка, что при возникновении новых условий вопрос о поставках Советскому Союзу может быть пересмотрен. Новая обстановка налицо. Япония произвела нападение на Великобританию. Великобритания должна была ответить на это войной, которая отразилась на снабжении других театров войны. Вместо укрепления Леванта и Прикаспийского района Английское Правительство должно было направить значительное количество танков и самолетов на фронт борьбы с Японией, включая Австралию. Английское Правительство должно сделать все возможное, чтобы отразить нападение японцев. Помимо этого нового обстоятельства - нападения японцев, американцы изъяли значительное количество самолетов и танков для создания собственной армии и авиации и для обороны Австралии. В настоящее время фактически все поставки Великобритании из США направляются в СССР. Английское Правительство охотно согласилось на это. Если бы оно могло сделать больше, то оно это сделало бы.

Молотов говорит, что он должен напомнить о том, что Бивербрук сделал свое заявление в марте, то есть уже после нападения Японии.

Черчилль говорит, что против Великобритании действует сейчас еще и другой фактор, а именно создание американцами своей авиации и своей армии, которые смогут войти в действие лишь значительно позднее. Ввиду этого американцы сократили свои поставки Англии. Так, например, по соглашению, достигнутому в январе 1942 г., во время визита Черчилля в Америку, между Порталом и Арнольдом, Великобритания должна была получить, начиная с января 1942 г. и по апрель 1943 г., 5000 боевых самолетов. В настоящее время Рузвельт из этого количества предоставляет Англии только 1000 самолетов. Оно, английское правительство, рассчитывало на получение 5000 самолетов и подготовило для этого количества самолетов необходимый личный

состав, а также рассчитывало на участие этих новых подразделений английской авиации в предстоящих боях. Но эти самолеты теперь потеряны для Англии из-за роста вооружения США и в результате войны с Японией. Но, говорит Черчилль, эти трудности пройдут с течением 1942 года.

Затем Черчилль переходит, как он говорит, к наиболее важному вопросу - о втором фронте. Черчилль говорит, что очень важно, чтобы советское правительство знало о положении дела. Он, Черчилль получил послание от Рузвельта, в котором последний сообщает, что высылает ему, Черчиллю, предложения о втором фронте. Он еще не получил этих предложений.

Черчилль говорит, что действительно в настоящее время делаются приготовления, чтобы попытаться высадить десант в количестве 6 дивизий во Франции осенью. Необходимый тоннаж для этой цели будет изъят из морских перевозок. Создаются новые десантные средства и делаются все необходимые приготовления для этой операции. Но осуществится ли эта операция или нет - зависит от положения, которое возникнет в то время. Вопрос о тоннаже для вторжения на континент - это вопрос, который не может быть решен путем изъятия судов с большим тоннажем из морских перевозок, т.е. судов, которые используются в настоящее время в конвоях, направляющихся в СССР. Вопрос вторжения на континент - это вопрос наличия специальных десантных средств. Поэтому он, Черчилль, не понимает, каким образом предложение Рузвельта о сокращении поставок СССР поможет разрешению проблемы десанта. Черчилль говорит, что когда он получит предложения Рузвельта, то он, конечно, немедленно их рассмотрит. Он еще раз заявляет о том, что производятся все приготовления, чтобы произвести высадку такого рода десанта осенью, но это нельзя считать окончательным решением. Осуществление упомянутой операции будет зависеть от положения, которое сложится к тому времени. Черчилль говорит, что он бы с удовольствием обсудил детали и дал бы подробные объяснения по этому поводу советским военным специалистам, указав, в чем состоят трудности операции и каковы физические пределы размеров этой операции в этом году.

Черчилль говорит далее, что английское правительство изучает также возможности десантных операций на Дальнем Севере в районе Петсамо. Если этот вопрос интересует советское правительство, то английское правительство готово его обсудить с ним. Эта операция потребует отправки в Мурманск соединений английской истребительной авиации заранее, чтобы они смогли обеспечить занятие аэродромов, которые будут захвачены с моря. После занятия германских аэродромов можно будет послать в

район Петсамо бомбардировочную авиацию. Это вопрос технический, и подробности его можно было бы обсудить с советскими командирами. Черчилль заявляет: осуществление этих операций предусматривается в 1942 году, но британское и американское правительства намерены произвести вторжение на континент в 1943 году силами в количестве 40-50 дивизий. Если будет необходимо, то количество дивизий будет увеличено до предела возможности. Для этой цели ведутся колоссальные приготовления. В Великобританию должен прибыть 1 миллион американских войск. Организуются необходимые аэродромы и лагери. В 1943 году десант, произведенный в шести точках побережья или даже больше, даст возможность выбросить на континент большую армию и обеспечить порты на побережье, необходимые для снабжения этой армии.

Эти вопросы составляют проект соглашения, который в настоящее время разрабатывается с американцами. Он, Черчилль, понимает, что опасность имеется уже в 1942 году и что немцы в 1943 году могут стать сильнее, чем сейчас. Поэтому он, Черчилль, хотел бы дать подробные объяснения того, что они, англичане, в состоянии сделать в 1942 году. Он готов это сделать в течение переговоров, которые бы потребовали длительного срока, и если Молотов намерен выехать из Лондона возможно скорее, - что он вполне понимает, - то он, Черчилль, готов приготовить, если этого пожелает Молотов, письменное заявление английского правительства о том, на что может советское правительство рассчитывать в 1942 году и на что оно не может рассчитывать.

Молотов заявляет, что такое заявление было бы желательно.

Черчилль говорит, что это заявление должно быть строго секретным документом.

Молотов заявляет, что это само собой разумеется.

Черчилль говорит, что завтра он предложил бы переговорить по техническим вопросам, связанным с организацией второго фронта в 1943 году. Он, Черчилль, хотел бы показать возможности Великобритании. На это совещание Молотов мог бы пригласить своих генералов. Кроме того, он, Черчилль, изложит на бумаге, что в состоянии англичане сделать и чего они не могут сделать.

Молотов выражает свое согласие с предложением Черчилля и замечает, что, насколько он понял, Черчилль относится отрицательно к высадке 6-10 дивизий в Европе из опасения, что эта операция оказалась бы вторым Дюнкерком. Однако вместе с тем он, Черчилль, говорит о том, что такая операция подготавливается.

В своем ответе **Черчилль** заявляет, что если бы он думал, что придется пожертвовать 100-120 тыс. войск, не достигнув никаких успехов, то он считал бы попытку осуществить подобную операцию глупой. Операция, которая окончилась бы вторым Дюнкерком, не принесла бы пользы ни англичанам, ни русским и была бы предметом насмешек со стороны гитлеровцев. Черчилль заявляет, что мы не можем выиграть войну, совершая подобные глупости. Войну можно выиграть успешными операциями. Если не будет ни малейших шансов на успех, то он никогда не предпримет операции. Он скорее готов оставить свой пост премьер-министра. Пусть кто-нибудь другой возьмет на себя ответственность за подобный шаг. Если же операция имеет шансы на успех, то он готов заплатить за нее жертвами. Он готов заплатить любой ценой за победу. Черчилль заявляет, что высадка десанта 6-10 дивизий представляет собой сложную проблему. Подобная операция требует большой подготовительной работы и обучения войск. Солдатам труднее приказать высадиться на побережье, чем покинуть казармы. Нужно обучить войска высадке с лодок и другим навыкам. Нужно подготовить линии снабжения топливом через проливы. Войска должны делать попытки проникнуть в порты, которые могут быть заминированы противником. Фронт высадившихся войск будет небольшим, имея в виду необходимость прикрытия его английской истребительной авиацией. С другой стороны, противником будут стянуты большие силы, чтобы контратаковать высадившиеся войска. Но если эта операция будет иметь шансы на успех, то она будет проделана и она даст возможность подготовиться к десантной операции более широкого масштаба.

№126

Запись беседы с Иденом 9 июня 1942 года

Присутствовали: Иден, Кадоган, Сарджэнт, Файэрбрэс
тт. Молотов, Майский, Соболев, Павлов

Молотов говорит, что он хотел бы переговорить с Иденом по двум вопросам: во-первых, о советско-английском коммюнике по поводу его пребывания в Лондоне. Проекта коммюнике он пока не имеет и хотел бы предварительно посоветоваться с Иденом, в каком духе можно было бы составить его. Второй вопрос касается английского протокола заседания о втором фронте от 22 мая 1942 г. Он, Молотов, хотел бы внести некоторые поправки в изложение его выступлений в этом протоколе, где есть неточности.

Тем более что ему, Молотову, не был показан текст этого выступления перед его напечатанием.

Иден предлагает обсудить сейчас вопрос о коммюнике, а о протоколе поговорить с Черчиллем сегодня вечером. При этом Иден вручает Молотову английский проект коммюнике. Он говорит, что этот проект был составлен до того, как им стало известно советско-американское коммюнике о переговорах Молотова в Вашингтоне. Иден говорит, что, видимо, в данный английский проект придется внести поправки с тем, чтобы согласовать его с советско-американским коммюнике. Иден говорит, что они должны добавить в своем коммюнике в некоторой форме упоминание о военных планах английского правительства в 1942 году, в связи с упоминанием в советско-американском коммюнике вопроса о втором фронте в 1942 году, хотя американцы при самой доброй воле не могут много сделать в 1942 г. для второго фронта. Он, Иден, считает, что советско-английское коммюнике будет выглядеть странно по сравнению с советско-американским, если в нем не будет ни слова сказано о 1942 годе. Он, Иден, уже говорил с Черчиллем по этому вопросу, и Черчилль не имеет возражений против упоминания о втором фронте в 1942 году. Конечно, полезно побеспокоить немцев. Мы, говорит Иден, готовы обмануть немцев, но не хотели бы обманывать своих друзей. Иден говорит, что они попытаются найти подходящую формулировку о втором фронте в 1942 году в советско-английском коммюнике и представят новый проект последнего Молотову сегодня вечером.

Молотов говорит, что в советско-американском коммюнике содержится также упоминание об участии в переговорах начальника штаба американской армии и командующего военно-морским флотом. Мы должны, говорит он, упомянуть также об участии военных представителей в лондонских переговорах. Кроме того, в советско-американском коммюнике содержится упоминание об ускорении поставок СССР. Приблизительно в такой же форме надо, вероятно, будет сказать об этом и в советско-английском коммюнике.

Иден говорит, что они внесут соответствующие исправления в свой проект, представят его вечером, и тогда Молотов сможет рассмотреть новый английский проект и внести свои предложения.

Молотов говорит о том, что, поскольку отложен вопрос о коммюнике, он предложил бы сейчас рассмотреть вопрос относительно времени его опубликования.

Иден, замечая, что, хотя этот вопрос имеет второстепенное значение, спрашивает, какую дату для опубликования коммюнике предлагает Молотов?

Молотов отвечает, что он колеблется в вопросе о сроке опубликования коммюнике, так как он не совсем уверен в том, удастся ли ему вылететь из Англии в четверг. Если это ему удастся сделать, то он предложил бы опубликовать коммюнике в пятницу 12 июня. Молотов говорит, что надо заранее подготовить документы к публикации. Он полагает, что, пожалуй, лучше опубликовать вашингтонское и лондонское коммюнике одновременно.

Иден с этим мнением Молотова соглашается.

Молотов предлагает в качестве документов к опубликованию следующие материалы:

1) Лондонское коммюнике,

2) Советско-английский Договор,

3) Речи Идена и Молотова, произнесенные при подписании Договора,

4) Телеграммы, которыми обменялись король и Калинин по случаю подписания договора[7],

5) Вашингтонское коммюнике.

Иден говорит, что в этом случае он объявит о подписании Договора в парламенте в четверг вечером[8]. Если этого не удастся сделать в четверг, то тогда он сможет объявить парламенту о Договоре во вторник на следующей неделе, и, следовательно, придется отложить на некоторое время опубликование всех документов.

Молотов говорит, что он считал бы нежелательным откладывать опубликование документов.

Иден соглашается на публикацию документов в пятницу 12 июня и говорит, что он объявит об этом в парламенте в четверг 11 июня между 5 и 6 часами вечера в конце прений по вопросу о снабжении углем.

Молотов говорит, что он хотел бы, чтобы было условлено не передавать по радио сообщения о коммюнике до публикации его в печати 12 июня.

Иден говорит, что этого сделать невозможно, и предлагает опубликовать коммюнике по радио в 9 часов вечера 11 июня.

Молотов просит отложить решение этого вопроса до завтра 10 июня.

Иден соглашается.

Затем **Молотов** говорит, что он имеет поручение просить Идена о его содействии в деле организации радиотелефонной связи между Лондоном и Москвой. Молотов добавляет, что в настоящее время между США и СССР ведутся переговоры об организации радиотелефонной связи между Москвой и Вашингтоном, и он хотел бы просить Идена помочь ускорить решение вопроса об организации аналогичной связи между Москвой и Лондоном.

Иден отвечает, что он выяснит, кто в Лондоне занимается этим вопросом, переговорит по этому поводу завтра с Молотовым или свяжет Майского с соответствующим ведомством.

Иден говорит, что он хотел бы поставить перед Молотовым следующие вопросы, касающиеся поляков. Он, Иден, виделся на днях с генералом Сикорским и сообщил ему о советско-английском договоре. Генерал Сикорский был весьма удовлетворен этим договором, и он хотел бы повидать Молотова. Он, Иден, думает, что подобная встреча произвела бы благоприятное действие на поляков. Он, Иден, находится в полном распоряжении Молотова и если это Молотову удобно, то он предложил бы пригласить Сикорского на завтрак в Министерство Иностранных Дел. Иден говорит, что Сикорский является горячим сторонником сотрудничества с Советским Союзом, и он, Иден, думает, что эта встреча даст хорошие результаты.

Молотов отвечает, что он весьма благодарен Идену за предложение. Он готов встретиться с Сикорским. Чтобы не затруднять Идена, встреча могла бы произойти в советском посольстве или в другом месте, как это удобнее Идену.

Иден продолжает настаивать на том, чтобы встреча произошла в Министерстве Иностранных Дел с участием его, Идена.

Молотов не возражает против предложения Идена.

Далее **Иден** заявляет, что он хотел бы поднять перед Молотовым несколько небольших вопросов, если он не имеет против этого возражений.

Один из этих вопросов, который сильно беспокоит английское правительство, - это вопрос связи с Китаем. По этому поводу он имеет ноту и готов ее передать Майскому.

Молотов выражает свое согласие.

Другой вопрос, говорит **Иден,** касается положения англичан в Кашгаре[9]. **Молотов** говорит, что он не знаком с этим вопросом. Иден отвечает, что, вероятно, он еще менее знаком с ним, и передает Майскому ноту по этому вопросу.

Далее **Иден** говорит, что английское правительство хотело бы открыть свои консульства в Архангельске, Владивостоке, Тбилиси и Баку. Если на это согласится советское правительство, со своей стороны, британское правительство готово предоставить советскому правительству возможность открыть советские консульства в любых 4-х пунктах Британской Империи. По этому вопросу Иден также передает ноту Майскому.

Молотов отвечает, что советское правительство приняло решение не расширять во время войны иностранной консульской сети в СССР, тем не менее он обещает доложить советскому правительству о просьбе Идена.

Иден говорит, что югославское правительство сообщило ему, что оно хочет заключить договор с советским правительством. Он, Иден, не знает мнения советского руководства по поводу этого договора и поэтому он решил ничего не сообщать югославам до тех пор, пока он не переговорит по этому вопросу с Молотовым.

Молотов говорит, что, насколько ему известно, предложение о заключении договора между СССР исходило от югославов. Ему, Молотову, кажется, что заключение подобного договора желательно.

Иден отвечает, что он думает, что не следовало бы спешить с заключением этого договора, так как есть различие между заключением договоров между СССР и Великобританией и договором какой-нибудь из этих великих держав с малой державой. В свое время греки просили английское правительство о заключении с ними пакта о взаимопомощи. Английское правительство отклонило это предложение, и он, Иден, хотел бы знать, не могло ли бы советское правительство идти в этом отношении в ногу с английским правительством? Дело в том, что если бы югославы заключили договор с Советским Союзом, то тогда греки использовали бы этот прецедент и настаивали бы на заключении пакта взаимопомощи с Великобританией. Он, Иден, не уверен, правильно ли то, что англичане отклонили просьбу греков о заключении договора, но он, Иден хотел бы избежать соревнования между Великобританией и СССР в деле заключения различных договоров с малыми странами.

Молотов говорит, что югославы предложили советскому правительству заключить дополнительный протокол о взаимопомощи к договору о дружбе и ненападении, заключенному в 1941 году. Этот протокол должен предусматривать взаимопомощь для борьбы против возможной агрессии Германии в будущем. Нам трудно было, - говорит Молотов, - отказаться от предложения югославов, и мы предложили вместо протокола к договору, который уже утратил свое значение, заключить договор, а не протокол о помощи. Молотов указывает, что с Грецией у нас нет договора о дружбе и такого вопроса у нас не возникало, югославы же просят о поддержке в деле восстановления территории Югославии, нарушенной гитлеровской агрессией. Молотов спрашивает, есть ли у Идена сомнения в этом отношении, особенно если учесть, что у вас имеется договор с югославами, в котором вы признали уважение территориальной целости Югославии.

Иден отвечает, что с английской стороны не имеется возражений против восстановления территории Югославии, но дело в том, что если югославы заключат свой договор с советским пра-

вительством, то английское правительство будет подвержено сильному давлению со стороны греков и других малых стран в смысле заключения с ними договоров. Он же, Иден, предпочел бы оставить себе руки свободными до мирной конференции и в настоящее время придерживается политики воздержания от заключения договоров с малыми странами о послевоенных границах.

Молотов указывает, что Иден, вероятно, помнит, что во время его пребывания в декабре месяце в Москве советское правительство заявило о своей готовности поддержать также претензию югославов в отношении расширения границ Югославии за счет Италии. Молотов говорит, что Италию придется наказать, и спрашивает, какого мнения на этот счет придерживается Иден?

Иден заявляет, что они не жалуются по поводу Италии. Италию нужно наказать. Во время московских переговоров тов. Сталин поднимал, например, вопрос о Додеканезских островах. Он, Иден, думает, что если поднимать этот вопрос сейчас, то это не принесло бы пользы ни грекам, ни туркам. Иден замечает, что чем меньше страна, тем больше ее аппетит. Он, Иден, хотел бы просить советское правительство о том, чтобы СССР не подписывал договоров с малыми странами, не информировав об этом британское правительство и не получив на это от него согласие. Со своей стороны, он, Иден, обещает соблюдать это условие в отношении британского правительства.

Молотов спрашивает, что, может быть, лучше заняться протоколом, который предложили югославы в качестве дополнения к советскому договору о дружбе и ненападении от 1941 года?

Иден отвечает, что протокол ни в коей мере не противоречит его принципам. Он стремится лишь к тому, чтобы избежать вопросов, которые относятся к послевоенному периоду. В проекте же договора с СССР, о котором его информировали югославы, говорится о том, что он заключается на 5 лет после войны. Заключения подобных договоров как раз и хочет избежать английское правительство и просит об этом советское правительство.

Молотов обещает доложить об этом советскому правительству[10].

В заключение **Иден** говорит, что он хотел бы поставить последний вопрос перед Молотовым, касающийся английского посла в СССР Кларка Керра. Керр, так же как и английское правительство, очень хотел бы иметь возможность посещать периодически Москву для встречи с Молотовым. Он, Иден, поддерживает эту просьбу Посла.

Молотов отвечает, что против периодического посещения Керром Москвы и встреч с ним у т. Молотова не имеется возражений. Керр может это делать в любое время, когда он пожелает, и он будет в этом показывать содействие послу.

№ 127

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 12.50 10 июня 1942 года

Передаю первоначальный текст коммюнике, который вручил мне Иден 9 июня: "В продолжение переговоров, состоявшихся в Москве в декабре 1941 г. между Председателем Совета Народных Комиссаров т. И.В. Сталиным и Народным Комиссаром Иностранных Дел г. В.М. Молотовым, с одной стороны, и министром иностранных дел г. Антони Иденом - с другой, по вопросу о ведении войны и о послевоенной организации мира и безопасности в Европе в Лондоне между 21 и 26 мая и вторично по возвращении г. Молотова из Вашингтона после его переговоров с президентом Рузвельтом и правительством США между 9 и ... июня, имели место дальнейшие переговоры между г. Винстоном С. Черчиллем, премьер-министром и министром обороны, и г. Антони Иденом, министром иностранных дел, с одной стороны, и г. В.М. Молотовым, Народным Комиссаром Иностранных дел СССР, с другой стороны. Г. И.М. Майский, советский посол в Великобритании, и сэр Александр Кадоган, постоянный заместитель министра иностранных дел, г. Соболев, генеральный секретарь Народного Комиссариата Иностранных Дел, и сэр Орм Сарджент, помощник министра иностранных дел, также присутствовали при переговорах. Переговоры закончились подписанием 26 мая Договора о союзе в нынешней войне и о взаимной помощи после войны, публикуемого сегодня. Переговоры охватывали также широкий круг вопросов, в которых заинтересованы обоюдно оба правительства, включая вопросы, связанные с ведением войны до полной и окончательной победы над Германией и ее соучастниками в актах агрессии в Европе. Координация военных планов, направленных на достижение этой цели, составляла часть вопросов, которые были обсуждены.

Оба правительства согласились, что результаты совещаний с г. Молотовым как в Великобритании, так и в Вашингтоне будут иметь далеко идущее значение и принесут большую пользу как обоим правительствам, так и делу объединенных наций".

9/VI-1942 г. МОЛОТОВ

№128

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 15.40 10 июня 1942 года

СТАЛИНУ

Сегодня, 9 июня, утром состоялось первое заседание с англичанами после моего возвращения из США. Присутствовали со стороны британского правительства Черчилль, Иден, Эттли, Кадоган, с нашей стороны я, Майский и Соболев. Заседание продолжалось около 2 часов.

По просьбе англичан я сообщил им о результатах моего визита в Вашингтон.

1) Я сказал, что Рузвельт положительно отнесся к договору и, в частности, к отсутствию в нем упоминания о границах.

2) Далее, я подробнее остановился на изложении позиции Рузвельта по вопросу о втором фронте, отметив между прочим согласие Рузвельта с высказанным мной взглядом, что создание второго фронта в 1943 г. может оказаться более трудным, чем в 1942 году, ввиду возможности серьезного осложнения на нашем фронте. Я подчеркнул особую важность создания второго фронта именно в 1942 году и, со ссылкой на известные Вам соображения Рузвельта, прибавил, что, если для реализации этой цели в нынешнем году необходимо известное сокращение тоннажа, употребляемого для доставки снабжения в СССР, Советское правительство согласно на некоторое сокращение. Под конец я упомянул, что президент придает настолько большое значение второму фронту в 1942 году, что готов рискнуть даже новым Дюнкерком и потерять 100-120 тысяч человек лишь [бы] положить начало второго фронта, присовокупив, однако, от себя, что считаю [недостаточной] посылку на континент предполагаемых Рузвельтом 6-10 дивизий.

В этом месте Черчилль в сильном возбуждении перебил меня и заявил, что он ни за что не пойдет на новый Дюнкерк и на бесплодную жертву 100[000] человек, кто бы ни рекомендовал ему это сделать. На мой ответ, что я лишь передаю [мнение] Рузвельта, Черчилль добавил: "Я сам выскажу ему свое мнение по данному вопросу".

3) Затем я перешел к изложению послевоенных проектов Рузвельта. Мысль президента о том, что все державы, кроме США, Англии, СССР и, может быть, Китая, должны быть разоружены, Черчилль (которого поддерживал и Иден) встретил отрицательно. Он упоминал при этом о Франции, Норвегии, Польше, Турции и других государствах и спрашивал: что же, все они

должны оставаться без армии? Это просто неосуществимо. Что касается Иден Рузвельта о создании международной полицейской силы для поддержания мира, то Черчилль отнесся к ней более или менее сочувственно, но с оговоркой, что в создании этой силы должны принимать участие все демократические страны. Крайне отрицательно [он] отнесся также к идее Рузвельта об опеке 3-4 великих держав над островами Голландской Индии, японскими островами в Тихом океане и проч. (о Малайе в этой связи я не упоминал, но назвал Индо-Китай). Черчилль заявил, что если бы подобный проект стал достоянием гласности, то он был бы принят в штыки общественным мнением и неизбежно провалился бы.

4) Наконец, я сообщил о полученном мной от Рузвельта англо-американском протоколе по снабжению и выразил удивление по поводу того, что он предусматривает со стороны Англии поставки нам в том размере, как и до 1 июля, в то время как Бивербрук в письме к Майскому подтвердил, что он от имени британского правительства взял на себя в Москве обязательство увеличить поставки самолетов и танков на 50% с 1 июля 1942 г. и еще на 50% с 1 января 1943 г. Я настаивал на выполнении обещания Бивербрука.

5) После этого изложил свое мнение Черчилль. Он заявил, что послевоенные предложения Рузвельта лишний раз демонстрируют необходимость отложить все подобные вопросы до мирной конференции. Сначала надо победить, а потом уж делить шкуру медведя. Черчилль будет писать президенту в этом смысле. Далее премьер затронул вопрос снабжения и заявил, что признает обязательство, данное Бивербруком, однако обращает внимание на то, что в московском протоколе есть оговорка насчет "изменения обстоятельств", при наличии какового возможен пересмотр норм снабжения, предусмотренных протоколом. При этом он сослался на нападение Японии. Кроме того, США стали создавать свою армию и воздушный флот, они также помогают Австралии - в результате резко сократились американские военные поставки Англии. Так, например, по договору, заключенному между обоими правительствами в январе 1943 года, США обязались доставить британскому правительству в период до 1943 года пять тысяч истребителей, а совсем недавно они сообщили, что могут дать Англии только одну тысячу истребителей. Черчилль будет еще драться за 2 тысячи машин, но не уверен в результате. В силу указанных причин британское правительство после 1 июля не может взять на себя обязательств больших, чем те, которые оно выполняло в течение последних 9 месяцев.

6) Наконец, Черчилль перешел к "самому важному вопросу" (как он выразился) - к вопросу о втором фронте. Он не хочет вводить нас в заблуждение. Он хочет, чтобы мы точно знали, на что мы тут можем рассчитывать. Рузвельт якобы выслал Черчиллю свой проект второго фронта, но проект еще не получен, и, потому, Черчилль воздерживается от высказывания какого-либо мнения по данному поводу. Сам он может сказать лишь одно: Британское правительство подготовляет в ближайшие месяцы десант 6 дивизий на континент в надежде, что они смогут при известных условиях удержаться на европейском берегу. Черчилль, однако, заранее не может сказать, состоится ли данная операция и когда именно. Это будет зависеть от обстоятельств ближе к моменту такой операции. Попутно Черчилль заметил, что заявление Рузвельта, будто бы для устройства второго фронта нужно сокращение подвоза снабжения в СССР, неправильно. Лимитирующим моментом при такой операции являются не большие суда, которые употребляются для конвоев, а плоские десантные суда.

7) Черчилль упомянул также о том, что изучает возможность северной операции (Петсамо и так далее) и что в случае нашего интереса к этому проекту он готов отправить в Мурманск 6 эскадрилий истребителей, а также оказать помощь на море и, может быть, иными способами. Премьер хотел бы обсудить технические стороны данной операции с нашими экспертами.

8) В заключение Черчилль сказал, что все перечисленное - это наметки, касающиеся 1942 г. К сожалению, он ничего большего предложить на 1942 г. не может, а что касается 1943 г., то Англия и США собираются в течение него бросить на континент Европы 40-50 дивизий, возможно, сразу в 5-6 пунктов, для чего американцы пришлют сюда до 1 миллиона солдат. Сейчас ведутся усиленные приготовления для этих будущих операций.

9) Черчилль пригласил меня с Майским на интимный обед, где были Черчилль, Эттли и Иден. После обеда в течение трех часов он старался убедить, что в этом году из-за необеспеченности нужным десантным тоннажем нельзя осуществить второй фронт, что, может быть, удастся в августе-сентябре высадка во Франции 6 дивизий, что подготовка к этому и ко второму фронту в будущем году ведется очень интенсивно. Он предлагает, чтобы наши специалисты проверили расчеты их специалистов в кропотливой совместной работе и засели бы за это дело на недели.

Я настаивал на втором фронте в этом году, что они недооценивают своих сил и возможностей уже в этом году, что 1943 год может оказаться для второго фронта труднее. Об участии наших специалистов в проверке их расчетов обещал доложить, но подчеркивал, что английское правительство само должно проверить

эти расчеты, что во всяком случае английское правительство не должно уже сейчас отказываться от второго фронта в этом году [и] подготовку операций с 6 дивизиями расширить в подготовку широкой операции второго фронта. Черчилль соглашался с последними моими соображениями, но добавлял, что нас, союзников, он не хочет обманывать и обнадеживать понапрасну.

10) Итог, следовательно, такой, что английское правительство обязательства по созданию второго фронта в этом году не берет, а заявляет, и то с оговорками, что оно готовит опытную десантную операцию.

Об остальном доложу в Москве.

10/VI-1942 г. МОЛОТОВ

9 июня В. Молотов принял в советском посольстве в Лондоне президента Чехословацкой Республики Э. Бенеша. Отношения между двумя странами развивались в дружественном направлении.

24 июня 1941 г. Э. Бенеш, выступая по лондонскому радио в передаче на Чехословакию, заявил, что возглавляемое им правительство возвращается в отношении России к тому же положению, которое существовало в 1938 г. перед Мюнхеном, т.е. к принципам, основанным на советско-чехословацком договоре о взаимопомощи, заключенном в 1935 г. 4 июля 1941 г. И. Майский пригласил Э. Бенеша на обед и заявил ему от имени Советского правительства следующее (цитируется по записи Э. Бенеша):

а) политической программой Советского правительства является самостоятельная Чехословакия с чехословацким национальным правительством;

б) само собой разумеется, что Советское правительство не хочет вмешиваться во внутренние дела Чехословакии и что вопрос о внутреннем режиме и структуре чехословацкий народ решит сам;

в) если чехословацкое правительство желает направить в Москву своего посланника, Советское правительство с радостью его примет;

г) Советское правительство готово оказать помощь в организации чехословацкой воинской части в России. В таком случае оно считает, что, по-видимому, можно было бы организовать специальный национальный чехословацкий комитет, который помогал бы в организации армии. Единственным условием является то, что в оперативных и военно-технических вопросах эта часть находилась бы под русским верховным командованием. В остальном командование и офицеры были бы чехословацкие[11].

18 июля 1941 г. в Лондоне было подписано Соглашение о совместных действиях в войне против Германии. Это соглашение оформило вступление Чехословакии в антигитлеровскую коалицию и заложило основы сотрудничества между двумя странами в годы войны. Стороны обменялись посланниками. Советское правительство выразило согласие на формирование на территории СССР национальных чехословацких воинских частей и в начале 1942 г. предоставило правительству Чехословакии для этой цели денежные средства.

№ 129

Прием Президента Чехословацкой Республики Эдуарда Бенеша 9 июня 1942 года

Молотов В.М. принял Э. Бенеша по его инициативе в помещении [советского] посольства.

Бенеш начал беседу с выражения благодарности Советскому Правительству за дружественную линию по отношению к Чехословакии за несколько лет до ликвидации и в период ликвидации Чехословакии.

Ссылаясь на беседу с посланником СССР при Чехословацком Правительстве Богомоловым, Бенеш поблагодарил Советское Правительство за выражение пожелания видеть Чехословакию восстановленной в домюнхенских границах.

Молотов сказал, что Советское Правительство было и остается противником Мюнхена и, конечно, хотело бы видеть Чехословакию восстановленной со всеми теми ее территориями, которые были у нее отняты Гитлером. В ответ на реплику Бенеша о том, что Мюнхен был преступлением и глупостью, Молотов сказал, что он присоединяется к этой точке зрения и хочет подчеркнуть, что Мюнхен развязал руки Гитлеру и ускорил вступление Европы в войну. Особенно вредной была позиция Франции в период Мюнхена.

Бенеш согласился и сказал, что Чехословакия была столько лет верна Франции и в конце концов была предана ею.

Характеризуя свою политическую линию, Бенеш сказал, что Чехословакия географически находится в тяжелом положении, окруженная Австрией, Германией, Польшей и Венгрией. В этой обстановке она вынуждена искать себе опору. В Германии искать опоры бесполезно - ее античехословацкие тенденции хорошо известны. В течение 20 лет Чехословакия ориентировалась на Запад и прежде всего на Францию. Теперь положение резко меняется, и если СССР станет соседом Чехословакии, то ориентировка на СССР будет соответствовать более всего интересам Чехословакии и симпатиям чехословацкого народа. Надо построить такую Европу, чтобы повторение Мюнхена стало невозможным. Для этого Чехословакия шла и идет на сближение с Польшей и СССР.

Молотов подтвердил необходимость предотвращения второго Мюнхена и необходимость сближения Чехословакии и Польши, но спросил Бенеша, как он понимает польско-чехословацкую Конфедерацию, т.е. вопрос об этой Конфедерации до сих пор не совсем ясен для советского правительства. Дело идет о

Конфедерации стран, одна из которых является соседом СССР, а другая может стать соседом СССР, какую позицию занимает эта Конфедерация в отношении СССР?

Бенеш сказал, что он считает, что ни при каких условиях эта Конфедерация не будет использована против СССР, что это только стремление Чехословакии использовать соседство с Польшей для укрепления своего положения в Центральной Европе.

Молотов сказал, что он рад это слышать, что Советский Союз тоже хочет иметь с Польшей и надеется иметь с ней хорошие отношения. В сближении СССР с Польшей имеются, однако, трудности, которые Советское Правительство надеется преодолеть путем некоторых взаимных уступок. Не за счет Украины и Белоруссии, а за счет Германии. Польское Правительство идет на сближение с СССР, но в польских кругах имеются лица, у которых еще сильны антирусские настроения и проявляется тенденция к использованию польско-чехословацкой Конфедерации против СССР.

Бенеш согласился с тем, что такие люди среди поляков есть, но что Чехословакия не пойдет на создание Конфедерации без выполнения двух условий: 1) демократизации Польши и 2) урегулирования всех спорных вопросов между Польшей и СССР. В любом случае Конфедерация будет реальностью только после освобождения обеих стран и в условиях демократического обсуждения этой Конфедерации.

Молотов отозвался одобрительно об этой позиции, но при этом напомнил Бенешу, что в начале этого года был опубликован польско-чехословацкий договор о Конфедерации, где никаких оговорок или условий не было упомянуто.

Бенеш поспешил исправить Молотова, заменив слово "договор" словом "резолюция"* и попытался уменьшить значение этого документа.

Молотов не стал возражать против названия, но сказал, что одновременно с подписанием этой "резолюции" польский министр иностранных дел Рачинский напечатал в "Санди диспетч" интервью, в котором истолковал эту Конфедерацию весьма широко, как объединение многих государств от Балтийского моря до Эгейского, и вдобавок включил в это объединение Литву, которая является Советской Республикой.

Бенеш замялся и сказал, что Чехословакия не может и не хочет вмешиваться в польско-советские пограничные споры, но

---

* Поляки в своей прессе называют этот документ договором, а чехословаки соглашением. Оригинал договора названия не имеет. - *примеч. А. Богомолова.*

что он считает вопрос о Литве, как о Советской Республике, бесспорным, а большие союзы государств бесполезными. [Он] высказался против восстановления прежней Малой Антанты. Еще раз повторил, что он не пойдет на такую польско-чехословацкую Конфедерацию, которая будет враждебна интересам СССР, и что если ему придется выбирать между Польшей и СССР, то он, безусловно, выберет СССР.

Разговор перешел на более общие темы.

Молотов сказал, что он считает свою поездку в Англию и в США в основном удачной.

Вопрос о втором фронте если не решен окончательно, то, во всяком случае, наиболее ответственные люди Англии и США за ускорение открытия второго фронта. Это целиком совпадает с их интересами, если они хорошо поняты. Одному СССР трудно вынести тяжесть всей военной машины Гитлера, и если не будет в этом году второго фронта, то на будущий год Гитлер настолько усилится, а СССР настолько ослабнет, что открытие второго фронта в Европе станет более трудным делом, чем теперь, несмотря на то, что Америка и Англия смогут за это время улучшить свою подготовку.

Бенеш целиком согласился с этим мнением и сказал, что он прилагает все усилия к тому, чтобы убедить англичан и американцев открыть второй фронт. По его мнению, второй фронт будет открыт в сентябре этого года.

Последним **Бенеш** задал вопрос о том, что Германия ответственна ли за эту войну, Германия, как таковая, или только германские фашисты должны будут жестоко поплатиться за все, что они сделали во время этой войны.

Молотов согласился, что ответственна и Германия в целом, но сказал, что сейчас было бы нецелесообразно запугивать германский народ всякими карами и тем самым помогать Гитлеру.

Бенеш согласился с тактической правильностью такой позиции.

В конце беседы Молотов спросил Бенеша, понял ли он линию Советского правительства в 1939 г. в отношении Германии.

Бенеш сказал, что да и отметил также, что он понимал и необходимость для СССР советско-финской войны и считал ее справедливой мерой самообороны СССР.

№130

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 6.00 10 июня 1942 года

СТАЛИНУ

1. Мой проект лондонского коммюнике я послал. Жду одобрения и тогда покажу англичанам этот проект на предмет согласования.

Сегодня, 9 июня, показал Черчиллю и Идену вашингтонское коммюнике, после чего Иден сказал, что составленный им проект лондонского коммюнике придется исправить. Иден все же предлагал мне этот свой проект (который для Вашего сведения посылаю отдельной телеграммой), но обещал вчера дать свой новый исправленный проект.

2. Относительно опубликования прошу принять следующее.

Опубликовать в утренних газетах 12 июня:

1) Лондонское коммюнике,

2) Вашингтонское коммюнике,

3) Договор 26 мая,

4) Речи Идена и мою,

5) Телеграммы Короля и Калинина.

Опубликовывать телеграммы Черчилля и Сталина полностью нельзя, а в изложении считаю неудобным[12].

Откладывать опубликование вашингтонского коммюнике считаю нежелательным, чтобы не обидеть Рузвельта. Иден тоже за одновременную публикацию.

Иден считает очень желательным 11 июня в 5 часов дня доложить о договоре в парламенте и разрешить опубликование по радио тоже 11 июня в 9 часов вечера. В парламенте Иден для дезинформации немцев хочет заявить, что Молотов уже прибыл в Москву. Считаю возможным согласиться.

3. Мое предложение о публикации исходит из того, что 11 июня вечером я вылетаю в Москву, но если даже 11 июня я не вылечу в Москву из-за погоды, я предлагаю сроки и порядок публикации оставить в силе, как указано выше. Иначе трудно согласовать все это в Англии и США.

4. Жду срочного ответа и указаний.

9.VI.42 г. МОЛОТОВ

№ 131

Телеграмма из Москвы
Получена в Лондоне в 11.00 10 июня 1942 года

МОЛОТОВУ

Инстанция не возражает.

ДЕКАНОЗОВ

№ 132

Телеграмма из Москвы
Получена в Лондоне в 02.30 10 июня 1942 года

МОЛОТОВУ

Твой проект коммюнике о переговорах в Лондоне считаем удовлетворительным.

ИНСТАНЦИЯ

10 июня В. Молотов встретился в советском посольстве с премьер-министром правительства Польши в эмиграции генералом В. Сикорским и министром иностранных дел Э. Рачинским. К этому времени в польско-советских отношениях был достигнут значительный прогресс, который, однако, постоянно осложнялся серьезными политическими противоречиями. Основой сближения двух стран являлась общность целей борьбы против немецких захватчиков. При этом Советское правительство на словах и на деле подчеркивало свою заинтересованность в становлении после войны сильной, независимой и дружественной Польши.

Противоречия проистекали из фактического раздела Польши между Германией и СССР в 1939 году, уходили своими корнями в более отдаленную историю советско-польских и русско-польских отношений.

Вслед за подписанием 30 июля 1941 г. польско-советского соглашения о восстановлении дипломатических отношений и совместной борьбе против нацистской Германии начались переговоры о создании на территории СССР 30-тысячной польской армии, которые завершились подписанием 14 августа 1941 г. двухстороннего соглашения. Армию предстояло создать из польских граждан, находившихся на территории СССР, в призывном или добровольном порядке. Тех, кто служил в польской авиации и морском флоте, предусматривалось направить в Великобританию. Соглашение оговаривало национальный суверенитет формируемых частей. Организация, обмундирование и знаки отличия устанавливались такие же, как и для польских частей в Великобрита-

нии. Предусматривалось, что на время совместных действий польская армия в оперативном отношении будет подчинена советскому командованию. Содержание армии в СССР финансировалось Советским правительством в счет кредитов, которые должны были быть возвращены после войны. Командующим армией польское правительство назначило генерала Владислава Андерса. 5 сентября 1941 г. в городе Бузулуке начал функционировать штаб этой армии.

Наиболее трудным в материальном отношении оказалось решение вопроса о вооружении польской армии. Тяжелое положение на фронтах в 1941 г., отступление Красной Армии в глубь страны исключали возможность оснащения всей польской армии советским вооружением. В связи с этим польской стороне было заявлено, что СССР сможет вооружить только одну дивизию. Предполагалось, что остальные части получат вооружение из Великобритании и США. Используя этот предлог, польский премьер во время визита в СССР и беседы 3 декабря 1941 г. со Сталиным поставил вопрос о выводе польской армии из СССР в Иран, где, по его словам, имелись необходимые условия для оснащения польской армии британским вооружением.

Постановка такого вопроса в условиях, когда дивизии вермахта были на подступах к Москве, означала, что дальнейшее улучшение отношений СССР с польским правительством в эмиграции весьма проблематично. К тому же советское руководство усматривало в польской инициативе "руку Британии", заинтересованной в переброске польской армии на свой собственный фронт.

Противоположными являлись и позиции сторон в вопросе о границе между двумя странами. СССР настаивал на ее признании по состоянию на 22 июня 1941 г., т.е. с включением в состав СССР Западной Белоруссии и Западной Украины. При этом польскому руководству было обещано, что ее западные земли будут опираться на р. Одер[13]. Польская сторона отстаивала довоенную 1939 г. границу с СССР, но не возражала против увеличения территории страны на западе за счет Германии.

Немалые трения вызывало правовое и материальное положение находившихся в СССР польских граждан. Несмотря на эти и другие сложности, 4 декабря 1941 г. была подписана Декларация о дружбе и взаимопомощи между СССР и Польшей, согласовано увеличение польской армии с 30 до 96 тыс. человек (позднее, из-за возникших противоречий, она была уменьшена до 44 тыс. человек), выполнен ряд других просьб польской стороны, связанных с большими затратами для СССР. В ответ Сикорский заявил, что польская армия останется в СССР и примет участие в боях на советском-германском фронте.

Тем не менее кампания за вывод польской армии из СССР вскоре возобновилась, и к концу марта 1942 г. более 30 тыс. войск с семьями были эвакуированы через Красноводск в Иран.

В Москве незадолго до встречи Молотова с Сикорским была получена просьба Андерса о выводе всей польской армии на Ближний Восток.

№133

Беседа с Председателем Совета Министров генералом Сикорским и министром иностранных дел Рачинским 10 июня 1942 года

Беседа происходила за завтраком в Посольстве СССР в Лондоне. На завтраке присутствовали: Народный Комиссар Иностранных Дел СССР тов. В.М. Молотов, Председатель Совета Министров Польского Правительства Сикорский, Министры Иностранных Дел: Великобритании - Иден и Польши - Рачинский, Посол Майский, посол при Польском Правительстве Богомолов, Зам. Мининдела Великобритании Кадоган и Шеф кабинета Сикорского Ретингер.

Завтрак начался в 13.30 и закончился в 16.15. За завтраком **Сикорский** поднял вопрос об эвакуации из СССР 50 тысяч польских детей, которых Американский Красный Крест согласен послать в Африку. Правительства Родезии и Кении согласились их принять. Свою просьбу Сикорский мотивировал тем, что в СССР недостаточно питания для детей. Учитывая советские трудности с транспортом и с продовольствием, Польское Правительство и Американский Красный Крест готовы взять на себя организацию и снабжение этих детей.

Молотов ответил Сикорскому, что он, во-первых, считает, что в СССР достаточно продовольствия, чтобы прокормить 50 тысяч польских детей. Живет же сейчас в СССР более 150 миллионов советских граждан, и они обеспечены продовольствием. Во-вторых, такого рода эвакуация произвела бы в польском народе дурное впечатление, т.к. стали бы говорить: почему СССР не может прокормить 50 тысяч польских детей?

Сикорский продолжал настаивать, уверяя, что эта эвакуация будет хорошо принята в Польше, что он опубликует послание к СССР с выражением благодарности Польского Правительства за эту эвакуацию. По поводу же обеспечения детей в СССР питанием он добавил, что польские дети, приехавшие в Иран из СССР, выглядят, как скелеты, что он имеет соответствующие фотографии и не хотел бы дать повод для использования их во враждебной СССР пропаганде.

Молотов сказал, что он доложит этот вопрос в Москве Правительству и Советское Правительство рассмотрит этот вопрос, но, по его личному мнению, все же следовало бы найти способы улучшить питание этих детей в СССР, чтобы не произвести дурного впечатления в Польше этой эвакуацией.

Присутствовавший при беседе **Иден** сказал, что англопра готово оказать содействие полякам в этом вопросе.

Сикорский попросил Молотова отнестись благоприятно к этом вопросу.

Сикорский спросил тов. Молотова о результатах его поездки в США и в Англию.

Молотов ответил, что он удовлетворен своей поездкой. В Америке были обсуждены некоторые важные военные вопросы и притом вполне благоприятно для ведения войны. В Англии же был подписан важный для обеих стран договор, который завтра будет опубликован в газетах. Основным вопросом был и остается вопрос о скорейшем сосредоточении всех сил для окончания этой войны, т.к. затягивание войны было бы тяжело для СССР, хотя и выросла уверенность бойцов Красной Армии в возможности побить немцев. Красная Армия достаточно изучила своего противника и полна решимости в борьбе с врагом.

После завтрака беседа возобновилась.

Сикорский поставил вопрос о формировании польской армии в СССР, в Иране и в Англии. По информациям, которые он получил от ген. Андерса, польская армия в СССР будет направлена через Иран на Кавказ для обороны Кавказа.

Молотов спросил, согласован ли этот вопрос с советским командованием? Сикорский сказал, что, по его сведениям, этот вопрос был согласован Андерсом с ген. Жуковым[14].

Молотов не стал развивать этого вопроса, но рассказал о переговорах с англичанами о защите Кавказа в 1941 г. Англичане предложили Советскому Правительству снять советские войска с Кавказа и заменить их английскими. Вполне понятно, что англичане хотят защищать Кавказ и не пускать немцев в Баку, но это понятно также и Советскому Правительству. Что сказал бы советский народ, если бы защита Кавказа не находилась бы в руках Красной Армии?

Сикорский согласился с этим и добавил, что информации посла Кота[15] и ген. Андерса не всегда идентичны.

Сикорский стал жаловаться на трудности, которые встречаются в СССР в части, касающейся польских военных формирований. Дело идет о резервах для польской армии, находящейся в Медлисе и в Шотландии.

По договору с СССР, Польша должна бы иметь в СССР армию в 96 тыс. человек, но эта цифра уменьшена до 44 тысяч, следовательно 52 тысячи солдат не добрано. Кроме этих 96 тысяч, тов. Сталин обещал устно Сикорскому вывезти из СССР в Иран 25 тысяч солдат и еще 2 тысячи военных специалистов для авиации. В результате того, что уже вывезено в Иран 30 тысяч воен-

ных, остается еще недобора 49 тысяч человек, которых Сикорский хочет мобилизовать, но советские власти прекратили эту мобилизацию.

Молотов сказал, что если польская армия вступит в ряды действующей армии и в непосредственные бои, то ей понадобятся резервы и эти 49 тысяч и будут служить резервом для польской армии.

Сикорский согласился с тем, что резервы для польской армии в СССР нужны, но они также нужны и для польской армии в других странах. Поляки, находящиеся в СССР, являются единственным источником пополнения польской армии, тем более что Советское Правительство уменьшило численность польской армии до 44 тысяч с единственным мотивом продовольственных затруднений.

Молотов сказал, что когда польская армия вступит в бой, станет фронтовой частью, то она получит больше питания и ее резервы будут также обеспечены снабжением. В период войны мы даем некоторые преимущества фронтовым частям по сравнению с теми, которые в боях не участвуют.

Сикорский сказал, что польская армия не может вступить в бой, не будучи вооруженной, а вооружение армии задерживается англичанами, которые всегда ссылаются на то, что они отсылают много вооружения в СССР.

Молотов сказал, что англичане хорошо помогли СССР особенно в период, когда Красная Армия эвакуировала советские территории, но что 97-98% всего советского вооружения мы производим сами.

А танки? - спросил **Сикорский.**

Англичане нам дают приблизительно около 10% того, что мы сами производим, - ответил Молотов.

Сикорский удивленно заметил, что он придерживался мнения, что около 50% вооружения Красной Армии поступает из Англии.

В беседе Сикорский также поставил вопрос о советских парашютистах, которые опускаются на польских землях в районе города Люблина и Холма. Из-за этих парашютистов немцы будто бы уничтожили 12 деревень. Сикорский просит обеспечить выполнение польско-советского соглашения о разграничении зон действий между Польшей и СССР в немецком тылу.

Молотов обещал выяснить этот вопрос по приезде в СССР. Характеризуя положение на фронте по данным 2-го бюро Польского Гл. Штаба, **Сикорский** сказал, что немцы сосредоточили на Восточном фронте около 140 немецких дивизий и 40 союзных дивизий, но что авиации у них недостаточно.

Немцы хотят захватить Крым, чтобы сделать его базой десантных воздушных войск. У них имеется пять парашютных дивизий по 5-6 тысяч бойцов в каждой. Одной из их задач является бросить две такие дивизии в район Краснограда.

Молотов сказал, что такого рода сведения у нас имеются и что мы ожидаем такого рода нападения.

В конце беседы Молотов сказал, что Советское Правительство надеется договориться с Польским Правительством и разрешить с ним все спорные вопросы.

Сикорский сказал, что он также надеется на разрешение этих спорных вопросов и хотел бы с этой целью приехать в СССР в августе этого года, чтобы в личной беседе со Сталиным и с Молотовым поставить и решить ряд наиболее трудных вопросов, если Советское Правительство пригласит его.

Молотов сказал, что Советское Правительство будет радо видеть еще раз ген. Сикорского в Москве, что его прошлый визит произвел в СССР хорошее впечатление.

Ген. **Сикорский** просит передать Сталину его сердечный и искренний привет.

Молотов выразил ген. Сикорскому свое сожаление, что из-за необходимости хранить в секрете свое пребывание в Англии не смог посетить ген. Сикорского и был вынужден встретиться с ним только в Советском Посольстве.

№134

Запись беседы с Черчиллем
10 июня 1942 года

Присутствовали: Черчилль, Иден, Эттли и Файрбрэс.
Молотов, Майский, Соболев, Павлов

Иден заявляет, что коммюнике о посещении Молотовым Лондона можно считать согласованным. Текст коммюнике с поправками Молотова, сделанными сегодня в беседе с Кадоганом, утвержден премьером.

Черчилль заявляет, что он хотел бы еще раз пояснить, что формулировка о втором фронте в 1942 году, содержащаяся в этом коммюнике, не означает, что английское правительство связывает себя определенным обязательством в отношении даты второго фронта.

Молотов отвечает, что он это понимает.

Далее **Иден** спрашивает, как закончилась сегодняшняя беседа Молотова с Сикорским. Он хотел бы знать, были ли во время

этой беседы разрешены все вопросы, интересовавшие Сикорского.

Молотов говорит, что Сикорский поднял ряд вопросов, над разрешением которых придется работать Москве. Окончательно разрешить все эти вопросы в течение одной беседы, конечно невозможно.

Черчилль говорит, что поляки просят об эвакуации из СССР нескольких тысяч польских детей. Он, Черчилль, хотел бы знать, как относится советское правительство к этой просьбе поляков.

Молотов отвечает, что советское правительство только что закончило эвакуацию польских граждан. Теперь поляки снова поднимают вопрос об эвакуации. Помимо того, что это будоражит польское население, вторая эвакуация создает неудобства для советского правительства, так как сразу было бы легче решить этот вопрос. Что касается эвакуации из СССР детей польских граждан, то это тоже неудобно сделать. Дело в том, что в случае выезда польских детей из СССР среди польского населения может создаться впечатление, что советское правительство не в состоянии прокормить этих детей в СССР. Это, однако, не соответствует действительности, т.к. советское правительство в состоянии прокормить 150 млн своих граждан и, конечно, в состоянии это сделать в отношении 50 тысяч польских детей. Вместо того чтобы конкретно обсудить вопрос об улучшении положения этих детей в СССР, как предлагало советское правительство, поляки настаивают на эвакуации детей.

Черчилль заявляет, что если в СССР имеются поляки, годные к военной службе, но которых советское правительство не в состоянии экипировать, то английское правительство было бы радо принять этих поляков. Дело в том, что в Англии всего только 44 млн, а не 150 млн населения и она нуждается в людях.

Молотов повторяет, что мы не хотели бы проводить эвакуацию за эвакуацией. Молотов добавляет, что постепенно, несмотря на трудности, мы наладим отношения с поляками.

Черчилль заявляет, что английское правительство придает значение возрождению сильной независимой Польши в качестве равноправного члена европейской семьи народов. Английское правительство хотело бы, чтобы отношения между Польшей и СССР улучшились. Он, Черчилль, всегда отказывается обсуждать с поляками вопрос о границах Польши, так как считал, что этот вопрос станет явным, когда Германия потерпит поражение и должна будет понести наказание.

Молотов отвечает, что мы не против возрождения сильной и независимой Польши и об этом тов. Сталин уже заявил генералу Сикорскому.

Затем **Черчилль** сообщает Молотову, что согласно информации, полученной английским правительством, японцы усилили свою армию в Маньчжурии на одну дивизию и теперь общее количество японских дивизий, сосредоточенных в Маньчжурии, составляет 24.

Молотов говорит, что он ввиду своего отъезда из Москвы не имел в последнее время информации по этому поводу.

Черчилль вручает Молотову меморандум и поясняет, что в нем изложено все, что английское правительство в состоянии сделать в 1942 году для облегчения военного положения СССР. Черчилль просит перевести меморандум Молотову и затем спрашивает, заинтересованно ли советское правительство в совместной англо-советской операции в районе Киркинеса?

Молотов отвечает, что советское правительство весьма заинтересованно в этой операции на севере, но не в качестве замены ею второго фронта в Европе.

Черчилль говорит Молотову, что хотел бы выпить с ним прощальный бокал шампанского. Произнося при этом тост в честь Молотова, он говорит, что английское правительство с величайшим удовольствием восприняло двукратный визит Молотова в Лондон. Он, Черчилль, выражает Молотову глубокую благодарность за то, что Молотов, приняв на себя риск двукратного путешествия в Великобританию, дважды посетил Лондон. В результате этого визита установлены личные отношения на основе доверия, дружбы и товарищества. Эти отношения будут существовать и в дальнейшем. Мы, говорит Черчилль, все сделаем, чтобы быть хорошими союзниками русских. Мы уверены в будущем, уверены в нашей общей победе. Что бы ни случилось, мы будем идти вместе с вами и максимально разделим с вами все невзгоды. Мы не ослабим нашей энергии до тех пор, пока не будет одержана полная победа и пока массы трудящихся во всем мире не будут освобождены от опасностей и от ужасов неспровоцированной нацистской и фашистской агрессии. Мы будем идти до конца и когда дойдем до этого конца, то убедимся в том, что это действительно конец. Мы, продолжает Черчилль, весьма благодарны премьеру Сталину за то, что он командировал в Лондон эту памятную миссию. Мы уверены, что опубликование договора и коммюнике увеличит растущую тревогу наших врагов, ободрит и послужит стимулом для всех наших друзей, для свободолюбивых и прогрессивно мыслящих людей во всем мире. Он, Черчилль, поднимает бокал за Молотова, за его благополучное возвращение на родину.

Молотов в своем ответном тосте заявляет: "Я благодарю премьер-министра за его теплое выступление в связи с моим приез-

дом в Лондон и переговорами, которые мне пришлось вести. Я выполнял поручение советского правительства, когда ставил интересующие правительство и нашу страну вопросы, и считаю, что я высказал полностью мнение советского правительства о том, что нужно сделать, чтобы лучше и быстрее обеспечить нашу общую победу над Германией. Я имел указания по этому важнейшему для нашей страны вопросу лично от тов. Сталина. Я убедился, что руководители английского правительства и, прежде всего, г. Черчилль искренне и дружественно настроены к СССР и готовы сделать все необходимое, чтобы облегчить положение нашей страны. Я уезжаю ободренным и с надеждой на будущее. Я надеюсь, что договор и не писанное соглашение будут прочными и во многом полезными как во время войны, так и после войны нашим народам и всем народам, которые стремятся обеспечить для себя свободную жизнь и благосостояние. Я искренне благодарю г. Черчилля за внимание и гостеприимство, которые были оказаны мне в Англии, а также благодарю Идена за активное участие в работе, которая была проведена во время моего пребывания в Лондоне. Поднимаю бокал за здоровье премьер-министра Великобритании господина Черчилля".

P.S. Настоящей последней беседе с Черчиллем предшествовала накануне еще одна беседа на квартире Черчилля с участием Эттли и Идена. Записи этой беседы не имеется. Она в основном была посвящена тем вопросам (в связи со вторым фронтом в 1942 г.), о которых говорится в прилагаемой здесь "Памятной записке".

В.М. [Вячеслав Молотов]

№135

Вручено Черчиллем Молотову
10 июня 1942 года

Памятная записка

После весьма тщательного и основательного изучения всех возможных шагов, которые мы могли бы предпринять, чтобы облегчить положение России, мы пришли к следующим выводам:

(I) В соответствии с нашим соглашением мы будем максимально, насколько позволяют наши возможности, продолжать отправлять в Россию по опасному Северному пути и через Персию поставки самолетов, танков и другого вооружения.

(II) На различных театрах войны мы уже в настоящее время сковываем в воздухе половину истребительной и одну треть германской бомбардировочной авиации с целью заставить немцев отвлечь с Восточного фронта еще больше своих воздушных сил. Мы будем продолжать наши бомбардировки германских городов и промышленности, а также дневное наступление нашей бомбардировочной и истребительной авиации над территорией оккупированной Франции.

(III) Мы отправили и будем продолжать отправлять значительное подкрепление в Ливию, где мы имеем против себя 11 дивизий оси, включая 2 германские танковые дивизии и 1 германскую моторизованную дивизию. Мы намерены заставить противника вести сильные бои на этом театре.

В течение последних 4 месяцев Мальта сковывала значительные германские воздушные силы в Сицилии. Одно время они располагали свыше 400 самолетов первой линии для бомбардировки острова. Мы отправили и будем продолжать отправлять большие подкрепления истребительной авиации, чтобы продолжать воздушные бои, которые там происходят.

(IV) Мы будем продолжать нашу политику рейдов на избранные точки континента. Эти рейды увеличатся в своих размерах и масштабах с течением лета. Этим самым мы мешаем немцам перебросить на Восточный фронт какое-либо количество из 33 германских дивизий, находящихся в Западной Европе, и мы держим, таким образом, немцев в состоянии постоянной тревоги и в неведении, в каком пункте последует следующая атака.

(V) Мы готовимся к десанту на континенте в августе или сентябре 1942 года. Как уже было ранее разъяснено, главным фактором, ограничивающим размеры десантных сил, является наличие специальных десантных средств. Однако ясно что если бы мы ради того, чтобы предпринять действия любой ценой, пустились бы на некоторую операцию, которая окончилась бы катастрофой и дала бы противнику возможность торжествовать по поводу нашего провала, то это не принесло бы пользы ни делу русских, ни делу союзников в целом. Заранее невозможно сказать, будет ли положение таким, что станет возможно осуществить эту операцию, когда наступит указанный срок. Мы поэтому не можем дать никакого обещания в этом вопросе. Но, если ука-

занная операция окажется разумной и обоснованной, мы не поколеблемся осуществить свои планы.

(VI) Мы готовы, если эта мысль приемлема для русского правительства, отправить в Мурманск 4 истребительные и 2 истребительно-бомбардировочные эскадрильи с целью высвобождения русских военно-воздушных сил для операций на других участках русского фронта. Английские эскадрильи могли бы прибыть в Мурманск примерно в конце июля. Приемлемо ли это предложение нашим друзьям?

(VII) Придает ли еще русское правительство какое-либо значение комбинированной русско-английской операции в районе Петсамо, подобно той, которая была предложена ранее? Если да, то мы были бы рады начать переговоры с русским штабом по этому поводу.

(VIII) Наконец, и это является наиболее важным из всего, мы концентрируем наши максимальные усилия на организации и подготовке вторжения на континент Европы английских и американских войск в большом масштабе в 1943 году. Мы не устанавливаем никаких пределов для размеров и целей этой кампании, которая вначале будет выполнена английскими и американскими войсками в количестве свыше 1 миллиона человек при соответствующей авиационной поддержке.

В тот же день в советском посольстве состоялась беседа В. Молотова с министром иностранных дел Югославии М. Нинчичем, который представлял королевское правительство страны, находившееся в эмиграции. В результате нацистской агрессии в апреле 1941 г. и последующего "дележа добычи" Югославия была расчленена между Германией, Италией, Венгрией и Болгарией. В Сербии и Хорватии были созданы марионеточные правительства.

Движение Сопротивления против оккупантов и их пособников уже в 1941 г. переросло в вооруженную борьбу народов Югославии - наиболее мощную в Центральной Европе. В ходе этой борьбы сложились два ее центра: первый, руководимый коммунистами во главе с И. Броз Тито, и второй, возглавляемый военным министром королевского правительства генералом Д. Михайловичем. Первый вел активную борьбу и поддерживался Советским Союзом; второй занимал пассивную позицию и поддерживался Великобританией и США. Попытки объединения этих сил, в том числе в ходе личных встреч Тито и Михайловича, не принесли результатов. Постепенно отношения между ними переросли во враждебные, привели к вооруженным столкновениям и сотрудничеству "четников" Михайловича с оккупантами[16].

Официальное обязательство оказывать Михайловичу военную, финансовую и иную поддержку Великобритания и США взяли на себя по условиям соглашений с королевским правительством о военном сотрудничестве, подписанных соответственно 24 февраля и 19 марта 1942 г.

Ситуация, сложившаяся в Югославии, создала немало трудностей во взаимоотношениях СССР с Великобританией и США. К тому же оказывать непосредственную материальную помощь партизанам Тито, объединившимся в Народно-освободительную армию Югославии, в то время СССР еще не имел возможности. Перед встречей Молотова с Нинчичем отношения СССР с королевским правительством Югославии оставляли желать лучшего, но советское руководство, учитывая позицию Великобритании и США, стремилось не обострять эти отношения.

№ 136

Беседа с югославским министром иностранных дел Нинчичем 10 июня 1942 года

Молотов принял Нинчича по его просьбе в [советском] посольстве.

Нинчич сказал, что Югославское Правительство имеет в настоящее время значительные трудности в своих отношениях с англичанами в Каире, где спорные вопросы далеко еще не решены. В данной обстановке возникла идея поездки Короля Петра[17] в Америку. Вопрос этот уже согласован с Рузвельтом. По мнению Нинчича, король останется вместе с ним в Америке до тех пор, пока англичане не уступят югославам в каирском вопросе[18]. Не исключено, что премьер Иованович вместе со своими заместителями также приедет в США.

Вопрос осложняется также и тем обстоятельством, что молодой король влюбился в греческую принцессу Аспазию и хочет на ней жениться. Мать принцессы настаивает на немедленном браке, но Югославское правительство и королева-мать не возражают против этого брака, но хотели бы отложить этот брак до окончания войны, т.к. боятся, что заключение брака в то время, как югославский народ переносит такие страдания, могло бы подорвать авторитет династии в стране.

Нинчич подчеркнул, что югославское [правительство] хотело бы иметь хорошие отношения с СССР и для этой цели заключить с СССР договор о взаимопомощи не только на время войны, но и на послевоенный период. К сожалению, проект этого договора еще не закончен, хотя в принципе все члены правительства согласны с необходимостью заключения такого договора.

Молотов сказал, что Советское правительство готово оказать Югославскому правительству поддержку и хотело бы видеть Югославию не только восстановленной, но и увеличившейся за счет Италии. Поддержка Советского Союза предусматривает, что Югославское Правительство будет иметь прочный авторитет в стране и иметь хорошие отношения с СССР.

Нинчич поблагодарил Молотова за дружественное заявление и сказал, что Югославское Правительство и Драже Михайлович, как военный министр правительства, пользуются полным авторитетом в стране.

Молотов сказал, что у Советского правительства имеются самые противоречивые информации о Драже Михайловиче, но во всяком случае это внутреннее дело Югославии, а Советское правительство не намерено вмешиваться во внутренние дела Югославии.

Нинчич, прощаясь, просил передать его искренний привет тов. Сталину.

№ 137

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 15.45 10 июня 1942 года

СТАЛИНУ

В своем выступлении о втором фронте на заседании у Черчилля 22 мая я, действительно, допускал, что в число минимальных 40 германских дивизий, отправляемых и связываемых боями на втором фронте, могут войти и некоторые дивизии из находящихся во Франции.

В целях исправления этой неправильности я передал Черчиллю 9 июня исправление последних двух абзацев моего выступления, и Черчилль согласился исправить в этой части протокол от 22 мая, а старый порвать.

В исправленном виде последние два абзаца будут такими: "Целью его (Молотова) визита является узнать, как рассматривает британское правительство перспективы оттягивания в 1942 году некоторого количества германских войск из СССР, где в настоящее время немцы, видимо, имеют преимущество в вооруженных силах. Следует припомнить, что Гитлер может собрать силы и ресурсы угнетенных и порабощенных им народов, населяющих большую часть Европы. Нельзя игнорировать опасность создавшегося теперь положения на нашем фронте борьбы с Германией.

Говоря конкретно, предложение, которое он должен сделать, состоит в следующем: могут ли союзники Советского Союза, и в первую очередь Великобритания, оттянуть от нашего фронта летом и осенью 1942 года хотя бы 40 германских дивизий и связать их боями в Западной Европе. Если это будет сделано, тогда вопрос разгрома Гитлера был бы решен в 1942 году, и во всяком случае этот разгром был бы тогда предрешен уже в текущем году. Могут ли это сделать союзники? Нам бы хотелось, чтобы правительство Великобритании ответило на этот вопрос".

Считаю возможным этим ограничиться.

10/VI-1942 г. МОЛОТОВ

№138

Телеграмма из Москвы
Получена в Лондоне в 18.40 10 июня 1942 года

МОЛОТОВУ

Сообщаем для сведения текст телеграммы, посланной 10-го июня Литвинову: "Инстанция уполномочивает Вас немедля подписать Соглашение с США о займе-аренде с двумя известными Вам поправками и без добавления в сопроводительном письме о монополии внешней торговли. Желательно, чтобы Соглашение было опубликовано не позже 12 или в крайнем случае 13 июня.

Немедля передайте нам полный текст соглашения легким шифром. ИНСТАНЦИЯ".

ПО ПОРУЧЕНИЮ ИНСТАНЦИИ - ДЕКАНОЗОВ

№139

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 16.00 10 июня 1942 года

СТАЛИНУ

1) В телеграмму Инстанции насчет предложения Рузвельта о сокращении тоннажа вкралась ошибка. Рузвельт предложил вместо 4,4 миллионов тонн наших поставок во втором году, начиная с 1 июля 1942 года, на обеспечение которых (4,4 миллионов тонн) США и Англия дают согласие, ограничить тоннаж поставок для СССР только 2 миллионами тонн. В телеграмме же Инстанции, с

одной стороны, дается согласие на сокращение тоннажа, а с другой стороны, предлагается отстаивать 4,4 миллионов тонн.

Сейчас это недоразумение не имеет практического значения. По приезде объясню.

2) Об итогах моей работы в США информирую, когда возвращусь.

3) Литвинов сообщил мне в Лондон, чтобы я информировал Москву о моем обещании президенту в связи с бомбардировкой Плоешти в Румынии, так как Маршалл торопит. Как я сообщал, Рузвельт просил разрешить американцам бомбардировать Румынию из Сирии. Я говорил Рузвельту, что Советское правительство, наверно, не будет возражать против американских бомбардировок Румынии также и из СССР. Прошу подтвердить.

10/VI-1942 г. МОЛОТОВ

№ 140

Телеграмма из Москвы
Получена в Лондоне в 20.34 10 июня 1942 года

МОЛОТОВУ

Подтверждается согласие Совпра на предложение США бомбардировать Румынию из СССР. Можем предоставить аэродромы в Краснодаре и Армавире.

ИНСТАНЦИЯ

№ 141

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 03.00 11 июня 1942 года

1. Уговорились с англичанами все документы о лондонских и вашингтонских переговорах сдать на радио 11 июня в 17 часов 30 минут по лондонскому летнему времени, а в газетах напечатать 12 июня.

2. Лучше в нашей публикации на первом месте дать вашингтонское коммюнике, пометив дату его принятия 4 июня, а потом лондонское с пометкой о его принятии 11 июня и все остальное.

3. Литвинову о сроках публикации сообщено для передачи американцам.

10.VI.42 г. МОЛОТОВ

№ 142

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 8.00 11 июня 1942 года

Посылаю согласованный с англичанами окончательный текст коммюнике: «Посещение Лондона Народным Комиссаром Иностранных Дел СССР В.М. Молотовым.

В продолжение переговоров, состоявшихся в Москве в декабре 1941 года между председателем Совета Народных Комиссаров Союза Советских Социалистических Республик г. И.В. Сталиным и Народным Комиссаром Иностранных Дел г. В.М. Молотовым, с одной стороны, и Министром Иностранных Дел г. Антони Иденом - с другой, по вопросу ведения войны и послевоенной организации мира и безопасности в Европе, в Лондоне состоялись дальнейшие переговоры между г. Винстоном С. Черчиллем, премьер-министром и министром обороны, и г. Антони Иденом, министром Иностранных Дел, с одной стороны, и г. В.М. Молотовым, Народным Комиссаром Иностранных Дел СССР - с другой. Эти переговоры, которые велись в атмосфере сердечности и откровенности, закончились 26 мая подписанием "Договора между СССР и Соединенным Королевством Великобритании о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны".

Этот договор, текст которого публикуется сегодня, подписали от имени СССР г. В.М. Молотов и от имени Соединенного Королевства г. А. Иден. В переговорах принимали участие посол СССР в Лондоне г. И.М. Майский и постоянный заместитель Министра Иностранных Дел г. А. Кадоган.

Оба правительства уверены в том, что этот договор послужит прочной базой для добрых отношений между обеими странами в будущем и еще больше укрепит тесное и сердечное взаимопонимание, уже существующее между Советским Союзом и Соединенным Королевством, а также между обеими странами и Соединенными Штатами Америки, которые были информированы о ходе переговоров и заключении договора. Обе стороны уверены также, что договор явится новым мощным оружием в борьбе до полной победы над гитлеровской Германией и ее сообщниками в Европе и обеспечит тесное сотрудничество обеих стран после победоносной войны.

Во время переговоров г. В.М. Молотова с премьер-министром Великобритании г. У. Черчиллем между обеими странами

была достигнута полная договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 г. В переговорах по этому вопросу принимали участие г. Молотов, г. Майский, генерал-майор Исаев и контр-адмирал Харламов и г. Черчилль, г. Эттли, г. Иден и начальники британских военно-морского, военного и воздушного штабов. Были обсуждены также вопросы дальнейшего улучшения отправок самолетов, танков и других военных материалов из Великобритании в Советский Союз. Обе стороны были рады отметить единство взглядов по всем указанным вопросам.

11 июня 1942 г.»

На этом моя работа в Лондоне закончена.

10.VI.42 г. МОЛОТОВ

№143

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 16.15 11 июня 1942 года

Прошу одобрить следующие тексты моих телеграмм, которые пошлю через Литвинова и Майского.

1) Рузвельту: "Возвращаясь на родину, я позволяю себе еще раз выразить Вам, господин президент, свое большое удовлетворение личной встречей с Вами и той полной договоренностью, которая была достигнута в отношении неотложных задач по созданию второго фронта в Европе в 1942 г. для ускорения разгрома гитлеровской Германии и сотрудничества наших стран в интересах всех свободолюбивых народов в послевоенный период.

Прошу принять мою искреннюю благодарность за сердечный прием и гостеприимство, оказанные мне Вами и правительством Соединенных Штатов Америки, и выражение моих самых добрых пожеланий Вам лично и народу Соединенных Штатов Америки.

В. МОЛОТОВ"

2) Хэллу: "Перед возвращением на родину позвольте выразить Вам, господин государственный секретарь, свою искреннюю благодарность за Ваше личное участие в переговорах, имевших место в Вашингтоне, и Вашу помощь, оказанную мне в выполнении моей миссии. Прошу принять мои наилучшие пожелания ус-

пехов в Вашей плодотворной деятельности на пользу нашего общего дела.

В. МОЛОТОВ"

3) Черчиллю: "Покидая пределы Великобритании, я считаю своим долгом выразить искреннюю благодарность британскому правительству и Вам лично за тот сердечный прием и радушное гостеприимство, которые были оказаны мне в Вашей стране.

Выражаю уверенность в том, что заключенный между Советским Союзом и Великобританией союзный договор и достигнутая договоренность по вопросам, относящимся к созданию второго фронта в Европе в 1942 году, значительно ускорят полный разгром гитлеровской Германии и являются выражением глубокого стремления наших народов к тесной дружбе и широкому сотрудничеству.

Примите, господин премьер-министр, мои лучшие пожелания Вам и народам Великобритании.

В. МОЛОТОВ"

4) Идену: "Перед тем, как покинуть Великобританию, я пользуюсь случаем выразить Вам сердечную благодарность за Ваше дружественное сотрудничество во время переговоров в Лондоне, столь успешно закончившихся подписанием договора между СССР и Великобританией о союзе и взаимной военной помощи.

Я не сомневаюсь, что этот договор явится прочной базой для дальнейшего развития союзных, дружественных отношений между нашими странами и послужит общему делу свободолюбивых народов как во время войны с гитлеровской Германией, так и в послевоенный период.

В. МОЛОТОВ"

Жду ответ.

11/VI-1942 г. МОЛОТОВ

№144

Телеграмма из Москвы
Получена в Лондоне в 19.50 11 июня 1942 года

МОЛОТОВУ

Согласны.

ИНСТАНЦИЯ

№ 145

Телеграмма из Москвы
Получена в Лондоне в 16Л0 11 июня 1942 года

МОЛОТОВУ, МАЙСКОМУ

Мы публикуем послание Черчилля Сталину по поводу подписания Договора и ответ Сталина, выбрасывая из обоих документов несколько строчек, касающихся конвоя, сопровождавшего транспорта из Англии в СССР.

Не возражаем против опубликования этих документов в английской печати.

ИНСТАНЦИЯ

№146

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве в 21.00 11 июня 1942 года

1) 10-го июня, при прощании, Черчилль вручил мне письменное изложение точки зрения английского правительства о втором фронте, в котором заявляется о возможности в 1942 году только частичной операции. Этот документ привезу лично.

2) 9 и 10 июня в Лондоне виделся с Бенешем, Нинчичем и Вайнантом[19]. Был на завтраке у Идена, где присутствовали Бивербрук, министр военного транспорта Леттерс. Я устроил завтрак для Сикорского, на котором были Иден, Рачинский, Кадоган и Реттингер.

3) Сегодня, 11 июня, к вечеру вылетаем в Москву[20].

11/VI-1942 г. МОЛОТОВ

Вечером 11 июня самолет с В. Молотовым покинул Великобританию и взял курс на восток. Два истребителя "Спитфайер" сопровождали его над территорией страны до Северного моря. Утром 12 июня 1942 г. в районе озера Ильмень самолет пересек линию советско-германского фронта. В Москву отправили телеграмму: "Прошли линию фронта. Высота 8500, скорость 550. Все в порядке". В ответ получили указание произвести посадку в Москве на Центральном аэродроме. Через два часа полет был завершен[21]. Вместе с ним была успешно завершена дипломатическая миссия исторического значения.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Пусеп Э.К.* На дальних воздушных дорогах: Воспоминания. М., 1975. С. 173.

[2] См.: *Черчилль У.* Вторая мировая война. М., 1955. Т. IV. С. 365 (из донесения Окинлека от 7 июня в главе 21 "Атаки Роммеля").

[3] В конце июня 1942 г. на Украину начали также прибывать первые части 8-й итальянской армии.

[4] Наиболее трагической оказалась судьба 2-й ударной армии Северо-Западного фронта, которой советское верховное и фронтовое командование пыталось помочь выйти из окружения. В результате ожесточенных боев 10-19 июня это удалось лишь ее незначительной части. Прямую ответственность за поражение этой армии, гибель многих тысяч солдат и офицеров несет ее командующий генерал-лейтенант А. Власов, бросивший армию в критической обстановке и сдавшийся в плен противнику.

[5] Гриф секретности снят... / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. М., 1993. С. 256.

[6] Там же. С. 239,241.

[7] Председатель Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинин и король Великобритании Георг VI обменялись приветственными телеграммами 12 июня 1942 г. (Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны... М., 1983. Т. 1. С. 250).

[8] А. Иден объявил о подписании договора вечером 11 июня 1942 г.

[9] Кашгар - город на западе Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая. Причину просьбы Идена установить не удалось.

[10] 4 июля 1942 г. В. Молотов направил И. Майскому следующую телеграмму: «9 июня в беседе со мной Иден в связи с поднятым югославами вопросом о заключении нового советско-югославского соглашения, в котором, в частности, идет речь о восстановлении после войны Югославии в довоенных границах, предложил договориться, что такого рода соглашения с "малыми" государствами (в которых предусматривается то или иное решение послевоенных вопросов) СССР и Англия не будут заключать без предварительной взаимной консультации и согласования.

Можете сообщить Идену, что в принципе мы с его предложением согласны и хотели бы иметь со стороны англичан конкретные предложения по этому вопросу» (Советско-английские отношения... С. 254).

[11] Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.: Документы и материалы. М., 1960. С. 11.

[12] Имеются в виду послания, которыми обменялись У. Черчилль и И. Сталин 27-28 мая 1942 г. в связи с подписанием договора (Советско-английские отношения... С. 243-244).

[13] Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1973. Т. 7. С. 258; *Парсаданова В.* Польско-советские отношения в годы Великой Отечественной войны 1941-1945. М., 1982. С. 60-97.

[14] Г.С. Жуков - генерал-майор, уполномоченный Генерального штаба Красной Армии по польским формированиям.

[15] С. Кот - посол Польши в СССР в 1941-1942 гг.

[16] См.: *Гиренко Ю.* Советско-югославские отношения (страницы истории). М., 1983. С. 39-59; *Гибианский Л.* Советский Союз и Новая Югославия. 1941-1947. М., 1987. С. 29-75.

[17] Петр II Карагеоргиевич, король Югославии.

[18] В Каире, где находилась штаб-квартира югославской королевской ар-

мии, возник конфликт между различными группировками югославских генералов. Югославское правительство в Лондоне было недовольно позицией, занятой в этом конфликте британскими властями.

[19] Запись этой беседы с Д. Вайнантом в деле отсутствует.

[20] Дипломатический корреспондент газеты "Таймс" писал: «Пролетев более 10 000 миль за немногим более трех недель, г-н Молотов возвратился в Москву и доложил г-ну Сталину о лондонском договоре и вашингтонском соглашении. Журналисты и ораторы в трех великих союзных странах продолжают обсуждать многочисленные решения, достигнутые во время переговоров. Русские обращают внимание на "полную договоренность в отношении неотложных задач создания второго фронта в Европе в 1942 году", американцы особенно приветствуют соглашение по ленд-лизу, а общественность нашей страны в равной степени обсуждает двадцатилетний союзный договор и признание того, что все, что сможет быть сделано на Западе, будет сделано. Редко случалось, чтобы так много решений было принято в такое короткое время» (Times. 1942. 15 June. P. 4).

После войны стало известно, что к этому времени Черчилль и британские штабы пришли к выводу о стратегической целесообразности высадки англо-американских войск в 1942 году не на Европейском континенте, а в Северной Африке. Чтобы склонить Рузвельта к отказу от открытия второго фронта в 1942 году, Черчилль через неделю после завершения встречи с Молотовым направился в США. Результаты переговоров с Рузвельтом (17-25 июня) явились "замаскированной победой английской позиции", что отменяло "всякое вторжение на Европейский континент даже в 1943 году" (Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / Пер. с англ. Ред. Ф. Лоуэнхейм, Г. Лэнгли, М. Джонас. М., 1995. С. 258). Объясняться по этому вопросу со Сталиным предстояло Черчиллю. Его переговоры в Москве рассмотрены в следующей главе.

Другим важнейшим решением, принятым по предложению Черчилля, было объединение англо-американских усилий в создании атомного оружия. Рузвельт выразил готовность разместить исследовательский центр в США, что в конечном итоге привело к американскому контролю над проектом, монопольному владению США новым оружием и атомным бомбардировкам японских городов Хиросима и Нагасаки в 1945 г. (Подробнее см.: *Поздеева Л.В.* Англо-американские отношения в годы второй мировой войны 1941-1945. М., 1969. С. 160-195.)

[21] 20 июня 1942 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР за успешное выполнение специального задания правительства звание Героя Советского Союза было присвоено майору С. Асямову (посмертно), майорам Э. Пусепу, С. Романову и А. Штепенко. Принимавшие участие в этом полете другие члены экипажа - второй пилот В. Обухов, бортинженеры С. Дмитриев и А. Золотарев, стрелки-радисты Д. Кожин, Б. Низовцев, Г. Белоусов, С. Муханов, И. Гончаров, П. Сальников, В. Смирнов, также были удостоены государственных наград.

Глава пятая

МОСКВА. 12-16 АВГУСТА 1942 ГОДА. ОПЕРАЦИЯ "БРАСЛЕТ"

31 июля 1942 г. И.В. Сталин направил премьер-министру Великобритании У. Черчиллю следующую телеграмму:

"Получил оба Ваши послания от 31 июля.

Настоящим от имени Советского Правительства приглашаю Вас прибыть в СССР для встречи с членами Правительства.

Я был бы весьма признателен Вам, если бы Вы смогли прибыть в СССР для совместного рассмотрения неотложных вопросов войны против Гитлера, угроза со стороны которого в отношении Англии, США и СССР теперь достигла особой силы.

Я думаю, что наиболее подходящим местом нашей встречи была бы Москва, откуда мне, членам Правительства и руководителям Генштаба невозможно отлучиться в настоящий момент напряженной борьбы с немцами.

Присутствие начальника Имперского генерального штаба было бы очень желательно.

Дату встречи я просил бы Вас определить, как Вам будет удобно, в зависимости от того, как Вам удастся закончить дела в Каире, ранее зная, что с моей стороны возражений насчет даты не будет.

Выражаю Вам признательность за согласие направить очередной конвой с военными поставками в СССР в начале сентября. Нами, при всей трудности отвлечения авиации с фронта, будут приняты все возможные меры для усиления воздушной защиты транспортов и конвоя"[1].

Ранним утром 2 августа У. Черчилль и сопровождавшие его лица вылетели из Англии в Москву. Дорога предстояла дальняя и небезопасная, с промежуточными посадками в Гибралтаре, Каире, Тегеране и Куйбышеве. Маршрут, самолет и командир экипажа (американский бомбардировщик типа "Либерейтор" пилотировал капитан ВВС США Вандерклот) были избраны после длительного обсуждения. Вся операция получила кодовое название "Браслет".

В августе И. Майский направил в Москву обстоятельные соображения относительно целей поездки Черчилля и свои рекомендации в связи с предстоящими переговорами.

Во-первых, информировал посол, визит Черчилля преследует внутриполитические цели - "укрепить положение правительства, успокоить массы, напирающие с всевозрастающим требованием второго фронта в

1942 году, и выиграть время для маневрирования в стране и в парламенте в связи с этим требованием".

Во-вторых, Черчилль, понимая серьезность сложившейся военной ситуации, стремится к выработке "единой стратегии всех союзников" и сам "хочет быть в этой области связующим звеном между США и СССР".

В-третьих, Черчилль будет стараться "убедить тов. Сталина, что второй фронт в Европе в 1942 г. невозможен и нежелателен", главным образом потому, что он, Черчилль, "не верит в эффективность британской армии при столкновении с Германией". Англия, подчеркивал посол, - "несомненно заинтересована в одновременном ослаблении СССР и Германии, но она не заинтересована в победе Германии".

По оценке И. Майского, самым важным и самым трудным будет вопрос о втором фронте. "Я надеюсь, однако, - заключал посол, - что Вам удастся найти аргументы, которые смогут убедить Черчилля изменить свою позицию и принять меры к открытию такого фронта в 1942 году"[2].

С 4 по 10 августа Черчилль находился в Северной Африке, изучал положение дел на фронте, действиями которого руководило командование британских войск на Среднем Востоке со штабом в Каире[3]. 10 августа Черчилль с присоединившимся к нему личным представителем президента США А. Гарриманом вылетел из Каира в Тегеран. Утром 12 августа двумя самолетами делегация направилась из Тегерана в Москву (промежуточную посадку в Куйбышеве решили не делать). На одном из самолетов находились Черчилль, Гарриман, сопровождающие их лица и два советских военных штурмана. На другом - начальник имперского генерального штаба генерал А. Брук (с 1944 г. - фельдмаршал), постоянный заместитель министра иностранных дел А. Кадоган, главнокомандующий британскими войсками в Индии генерал А. Уэйвелл (с 1943 г. - фельдмаршал), командующий британскими ВВС на Среднем Востоке главный маршал авиации А. Теддер[4].

Полет самолета Черчилля происходил без осложнений. Британскому премьеру было время поразмыслить о своей первой миссии в Москву и ее целях. Вот как об этом он писал вскоре после войны:

«Я размышлял о моей миссии в это угрюмое, зловещее большевистское государство, которое я когда-то так настойчиво пытался задушить при его рождении и которое вплоть до появления Гитлера я считал смертельным врагом цивилизованной свободы. Что должен был я сказать им теперь? Генерал Уэйвелл, у которого были литературные способности, суммировал все это в стихотворении, которое он показал мне накануне вечером. В нем было несколько четверостиший, и последняя строка каждого из них звучала: "Не будет второго фронта в 1942 году". Это было все равно, что везти большой кусок льда на Северный полюс. Тем не менее я был уверен, что я обязан лично сообщить им факты и поговорить обо всем этом лицом к лицу со Сталиным, а не полагаться на телеграммы и посредников. Это, по крайней мере, показывало, что об их судьбе заботятся и понимают, что означает их борьба для войны вообще»[5].

Профессор М. Фолли в докладе "Привезли лед на Северный полюс" высказал на семинаре в Лондоне в 2002 г. иную точку зрения.

По его мнению, главным аргументом для поездки Черчилля в Москву явилось письмо, которое он получил от Рузвельта в марте 1942 г., где говорилось, что он один может наладить отношения со Сталиным лучше, чем весь британский Форин оффис и госдепартамент. Потеря Великобританией лидерства в строительстве антигитлеровской коалиции могла впоследствии дорого обойтись английским интересам в Европе.

Положение на фронтах второй мировой войны оставалось крайне сложным. Под контролем агрессоров находилась $^{1}/_{3}$ населения мира и его материальных ресурсов[6]. На советско-германском фронте, где действовали основные силы Германии (217 дивизий и бригад, включая венгерские, румынские, итальянские, финские, словацкие, испанские, французские и хорватские войска), обстановка ухудшалась с каждым днем. Красная Армия терпела крупное поражение на южном крыле советско-германского фронта. 8 июля, форсировав р. Дон, части вермахта ворвались в Воронеж, а на юге 23 июля захватили Ростов. Немецкие дивизии устремились к Сталинграду и Кавказу. Упорные бои в излучине Дона сбили темпы продвижения врага, но отступление Красной Армии продолжалось, временами принимая беспорядочный характер. С 10 августа фактически начались бои на ближних подступах к Сталинграду. На кавказском направлении советские войска оставили 9 августа Майкоп и Пятигорск. Ведомые своими командирами и комиссарами они оказывали все более жесткое сопротивление противнику, но вермахт находился в зените своей мощи и исход гигантской битвы оставался неясным. При ухудшении обстановки не исключалась вероятность вступления в войну против СССР Японии и Турции.

В Северной Африке германо-итальянские войска (4 немецкие и 8 итальянских дивизий) под командованием фельдмаршала Э. Роммеля развивали наступление. Сражение носило ожесточенный характер. К середине июля все передовые линии опорных пунктов в Западной пустыне от Эль-Газалы до Бир-Хакейма были захвачены противником. Особенно болезненной была потеря Тобрука - важной приморской крепости и символа британского сопротивления в Северной Африке, что произошло практически одновременно с падением Севастополя и воспринималось как взаимосвязанная цепь неудач и поражений союзников. Возникла реальная угроза прорыва армии Роммеля от границ Египта к дельте Нила и Суэцкому каналу. Потери английских войск в Тобруке только пленными составили около 35 тыс. человек[7]. Последним препятствием для противника оставались оборонительные рубежи у Эль-Аламейна. В Европе британские ВВС постепенно усиливали воздушное наступление на Германию, но его результаты еще были ограниченны. В акватории Средиземного моря фактически господствовал противник. 10-13 августа 1942 г. силы британского флота потерпели серьезное поражение от итало-немецких сил при проводке конвоев. Снабжение войск в Северной Африке осуществлялось в основном по обводному маршруту вокруг Африки.

На путях конвоев в Атлантике продолжалась ожесточенная борьба с "волчьими стаями" подводного флота противника. Германские подводные лодки все активнее действовали в водах Американского побережья. За первые шесть с половиной месяцев 1942 г. немецкие подводные лодки

потопили у берегов США 360 американских, британских и канадских судов общим тоннажем 2,25 млн тонн, потеряв при этом 8 подводных лодок.

На Азиатско-Тихоокеанском ТВД стратегическая инициатива постепенно переходила к вооруженным силам США и их союзников.

Президент США Ф. Рузвельт, выступая на заседании конгресса 7 января 1943 г., расценил сражение у атолла Мидуэй и бои за Гуадалканал "как часть стратегии сдерживания, которая характеризовала эту фазу войны"[8]. Но безраздельному господству Японии на Тихом океане пришел конец.

На Азиатском материке после захвата Бирмы и тяжелых боев японцев с британскими и китайскими войсками стороны готовились к новым операциям. Можно сказать, что положение на фронтах - важнейший показатель хода войны и ее перспектив не давало исходного преимущества в переговорах ни одной из сторон, ни Сталину, ни Черчиллю. В Москве готовились к приему гостей. В распоряжение Черчилля предоставлялась дача № 7 ("Ближняя"), сопровождающие лица размещались в гостинице "Националь". На НКВД возлагалось обеспечение безопасности делегации силами оперативного наряда (120 человек). Усиливалась охрана Кремля. Было подготовлено бомбоубежище на случай воздушной тревоги, организовано снабжение делегации и участников предстоящего приема в Кремле лабораторно проверенными продуктами. Для почетного караула на аэродроме выделялась рота Отдельной мотострелковой дивизии особого назначения (ОМСДОН)[9].

Во второй половине дня 12 августа самолет с английской делегацией приземлился на Центральном аэродроме в Москве. У. Черчилля

Встреча У. Черчилля на аэродроме в Москве 12 августа 1942 года (справа налево: У. Черчилль, В. Молотов, начальник Генерального штаба РККА маршал Б. Шапошников, комендант Москвы генерал-майор К. Синилов)

встречали заместитель председателя Совнаркома и нарком иностранных дел В.М. Молотов, начальник Генерального штаба РККА маршал Б.А. Шапошников, другие официальные лица, представители дипкорпуса, прессы и радио. Был выстроен почетный караул, исполнены гимны Великобритании, США и СССР.

В тот же день состоялась первая встреча и беседа У. Черчилля с И.В. Сталиным, которая продолжалась около четырех часов. На беседе присутствовали В.М. Молотов, К.Е. Ворошилов, британский посол в Москве А.К. Керр, посол США А. Гарриман, переводчики В.Н. Павлов и Денлоп[10].

Предваряя свой монолог о втором фронте, У. Черчилль выразил надежду, что он и Сталин будут разговаривать "как друзья" и что Сталин также "выскажется откровенно о том, что он считает полезным предпринять в настоящее время". Далее премьер напомнил, что его договоренности о втором фронте с Молотовым в мае 1942 г. были лимитированы словами о том, что он, Черчилль, не может дать Советскому Союзу "никакого обещания на этот год". Американцы и англичане, продолжал он, - "не в состоянии предпринять операции в сентябре месяце, который является последним месяцем с благоприятной погодой... Но, как известно Сталину, Англия и США готовятся к большим операциям в 1943 г.". Черчилль говорил о недостатке десантных средств, о пока малом количестве американских дивизий на Британских островах, о том, что было бы просто неразумным начать высадку в этом году без всякой гарантии на успех, прервав тем самым большие приготовления к операциям в 1943 г. Сталин задал Черчиллю вопрос, "правильно ли он понимает, что второго фронта в этом году не будет, что английское правительство также отказывается от операции по высадке 6—8 дивизий на Французском побережье в этом году". Черчилль переспросил Сталина, что советский лидер "понимает под вторым фронтом", и получил ожидаемый ответ - "вторжение большими силами в Европу в этом году". Специальный представитель президента США Гарриман добавил в этой связи, что он полностью присоединяется к высказыванию Черчилля.

Сталин заявил, что "тот, кто не хочет рисковать, никогда не выиграет войны", что "не надо только бояться немцев". Этот упрек вызвал раздражение Черчилля, который напомнил Сталину, что в 1940 г. Англия сражалась с Гитлером практически один на один и немцы не решились осуществить высадку на Британские острова.

Далее Черчилль заявил, что "второй фронт в Европе это не единственный второй фронт". "Американцы и англичане приняли решение о проведении другой операции", и он, Черчилль, имеет полномочия сообщить о ней Сталину под строжайшим секретом. Британский премьер вкратце пояснил, что речь идет об операции "Факел" - захвате Северного побережья Французской Африки. Для этой цели будет использовано 250 тыс. американских и английских войск. Президент США Рузвельт установил 30 октября самым поздним сроком для начала этой операции.

Сталин сказал, что "вполне понимает операцию по захвату побережья Северной Африки с военной точки зрения", и отметил ее основные

Кремль, август 1942 года (слева направо: Черчилль, Сталин, Гарриман)

достоинства, а именно - открытие коммуникаций в Средиземное море, получение баз для бомбардировки Италии, выход союзников в тыл Роммеля и закрытие странам "оси" пути на Дакар.

Беседа завершилась обсуждением вопроса о возможной помощи английской авиацией южному флангу советско-германского фронта и создании "ширмы" для высадки в Северной Африке, которой могли бы стать демонстрационные военные приготовления в районе Па-де-Кале и в Норвегии.

13 августа 1942 г. состоялась вторая беседа Сталина и Черчилля. Сталина сопровождали Молотов и Павлов, Черчилля - Гарриман, а также переводчик Денлоп и прибывшие с запозданием в Москву Брук, Кадоган, Уэйвелл, Теддер, полковник И. Джекоб.

В ходе этой беседы ключевые вопросы первой встречи получили дальнейшее развитие. Сталин отметил, что расхождения между западными союзниками и СССР состоят в том, что "англичане и американцы оценивают русский фронт как второстепенный, а он, Сталин, считает его первостепенным" и что западные союзники не выполняют своих обязательств по поставкам в СССР оружия и других материалов, "дают не то, что обещано", но в то же время выразил благодарность за эти поставки. Черчилль привел конкретные данные о количестве судов, готовых к отправке в СССР. В срыве поставок, по его мнению, виноват только Гитлер. "Мы, - заявил Сталин, - теряем ежедневно 10 тыс. человек. Мы имеем против себя 280 дивизий противника, из них 25 танковых..." Черчилль ответил, что океаны, моря и транспорт - это факторы, в которых нельзя обвинять западных союзников, и они докажут, что

тоже "не лишены храбрости", что "в настоящее время на стороне Англии две могучие страны - США и Россия. И поэтому впереди верная победа".

Далее Сталин и Черчилль обсудили вопрос о возможной совместной операции в Северной Норвегии, обмене образцами новых видов вооружения и боевой техники. При этом Сталин предложил английским военным, если они изъявят желание, ознакомиться с советскими реактивными установками залпового огня (знаменитыми "Катюшами"), что и было организовано на следующий день. Стороны также договорились, что детали политических и дипломатических вопросов, включая итоговое коммюнике, обсудят между собой Молотов и Кадоган, а вопросы вооруженной борьбы - военные представители. Сталин заявил, что тезисы коммюнике не должны содержать "невыполнимых обещаний". Черчилль в свою очередь подчеркнул, что нельзя противнику давать повод думать, "что между союзниками имеются разногласия". В заключение Черчилль попросил Сталина в общих чертах рассказать о советских планах защиты Кавказа, на что получил обстоятельный ответ. В целом вторая беседа внешне носила более примирительный характер, и Черчилль принял приглашение Сталина на обед 14 августа.

В тот же день состоялась беседа Черчилля с Молотовым.

№147

Запись беседы с Черчиллем 13 августа 1942 года

Из дневника
В.М. Молотова

Черчилль говорит, что он получил несколько телеграмм о сражении в Средиземном море. Черчилль говорит, что англичане понесли значительные потери, но надо полагать, что военно-воздушным силам противника также причинены значительнее потери. Черчилль говорит, что англичане предполагают, что потоплены 3 подводные лодки противника. Сами англичане имеют следующие потери: потоплен 1 авианосец, поврежден 1 авианосец, 3 крейсера и 1 эсминец. Из состава конвоя потоплено 5 транспортов. Сегодня конвой должен находиться под защитой авиации, действующей с острова Мальта. Сражение, вероятно, продолжалось еще сегодня утром. В течение сегодняшнего дня он, Черчилль, получит сообщение о том, какая часть конвоя благополучно достигнет острова Мальты. Черчилль говорит, что английское правительство было готово заплатить известную цену за доставку снабжения на остров Мальта. Далее Черчилль сообщает о том, что в ночь с 11 на 12 в операциях против Германии

принимало участие 427 бомбардировщиков, 220 самолетов бомбардировали Майнц, а 154 - Гавр. Черчилль просит тов. Молотова передать тов. Сталину письменную информацию об этих действиях английской авиации и о результатах боев в Средиземном море, о которых он сообщал тов. Молотову.

Тов. Молотов спрашивает Черчилля, какое значение имеют события в районе Соломоновых островов.

Черчилль сообщает, что это представляет собой начало американского наступления в Тихом океане. Он добавляет, что американцы постараются занять один остров за другим.

Черчилль говорит, что он хотел бы переговорить с тов. Молотовым об операциях "Факел" в дипломатическом, т.е. политическом, аспекте.

Тов. Молотов отвечает, что лучше обсудить этот вопрос со Сталиным, который в первую очередь будет заниматься этой операцией как в политическом, так и военном отношениях. Если Черчилль имеет какие-либо предложения, то он, тов. Молотов, готов передать эти предложения тов. Сталину.

Черчилль отвечает, что дипломатической стороной этой операции руководят американцы. Англичане к этой операции имеют близкое, но не прямое отношение. Он, Черчилль, может достаточно хорошо судить о том, какова будет реакция среди французского населения и Виши, на основании мнения американцев. Американцы лучше знакомы с положением в Северной Африке, ибо они имеют сотни агентов там.

Тов. Молотов замечает, что, вероятно, и англичане имеют тоже своих агентов в Северной Африке.

Черчилль отвечает, что их не так много. Черчилль говорит далее, что все сведения, которыми располагают американцы, говорят о том, что если американцы высадятся большими силами в Северной Африке, то они встретят слабое сопротивление и даже, может быть, возможен переход французов на сторону американцев.

Тов. Молотов спрашивает, какой отклик найдет эта операция в самой Франции.

Черчилль отвечает, что французы в оккупированной Франции будут рады, так как будут считать, что эта операция представляет собой начало освобождения Франции. Что касается германской реакции в Виши, то она будет полезной для нас. Немцы предъявят требования к Виши. В результате этих требований Виши должно будет или сбежать, или потерпеть крах вообще.

Тов. Молотов отвечает, что ему тоже кажется, что если немцы будут грубо действовать из оккупированной части Франции в не оккупированную, то они могут вызвать поддержку со стороны

французов англичанам и американцам. Но неизвестно, как будут действовать немцы.

Черчилль говорит, что никто не может этого сказать, никто не может дать гарантий. Он не был бы удивлен, если немцы потребовали бы от правительства Виши французский флот. Возможно, что в момент кризиса и в момент горячки многие французы присоединятся к англичанам и американцам в Северной Африке. Когда десант будет произведен, он, Черчилль, думает, что они поднимут французский флаг при каком-либо местном французском генерале или при другом французском генерале, который прибудет из Франции. Но надо будет посмотреть, все ли пойдет так, как они задумали. Черчилль добавляет, что нужно помнить о том, что отношения между де Голлем и властями в Виши подобны отношениям, существовавшим между красными и белыми в России.

Тов. Молотов замечает, что де Голль и Виши не могут сговориться.

Черчилль говорит, что сторонников де Голля во Франции приговаривают к смертной казни. Черчилль добавляет, что он хочет вызвать столкновение между Виши и Германией.

Тов. Молотов говорит, что это было бы полезно во всех отношениях но надо, чтобы не случилось того, что правительство Виши в поисках спасения перекинется на сторону Германии.

Черчилль заявляет, что надо принять во внимание, что англичане воевали с Францией в течение 300 лет - во времена Людовика XIV, при Наполеоне и т.д.

Тов. Молотов говорит, что в XX веке Англия не воевала с Францией. Обе страны были союзниками.

Черчилль отвечает, что это правильно. Англия и Франция были союзниками также и в XIX веке, во время Крымской войны.

Тов. Молотов спрашивает: "Союзниками против России?"

Черчилль отвечает, что против России, но царской.

Тов. Молотов замечает, что другой России тогда не было. Тов. Молотов спрашивает Черчилля, правильно ли он понимает, что американцы все глубже и глубже хотят войти в европейские дела.

Черчилль отвечает, что американцы хотят участвовать в активных боях в Европе.

Далее Черчилль спрашивает, был ли тов. Молотов удовлетворен направлением вчерашней беседы.

Тов. Молотов отвечает, что в беседе были неясные моменты. Ему, тов. Молотову, не ясен вопрос об операции с 6-ю дивизиями, вопрос об открытии второго фронта. Не ясно, окончательно ли отказалось английское правительство от всех этих

операций. Точно так же не ясно, окончательное ли решение принято по поводу операций в Северной Африке или могут возникнуть мотивы, которые заставят изменить это решение или вовсе отказаться от него. Тов. Молотов добавляет, что нас, конечно, особенно интересовало бы то, что могли бы сделать англичане и американцы, чтобы облегчить положение на нашем фронте, которое в настоящее время хуже, чем в мае или июне.

Черчилль отвечает, что вопрос об операции "Факел" решен бесповоротно. Назначен главнокомандующий. Ведутся усиленные приготовления с целью ускорить ее осуществление. Он надеется, что эту операцию можно будет осуществить через 60 дней. В заключение Черчилль говорит, что, по его мнению, конец вчерашней беседы был лучше, чем начало.

Тов. Молотов говорит, что должны приехать английские военные. Они должны сказать свое слово.

Черчилль говорит, что английские военные смогут только подтвердить то, что он изложил вчера, так как они полностью согласны с его точкой зрения.

Тов. Молотов говорит, что он в этом не сомневается.

Черчилль заявляет, что во время вчерашней беседы он, говоря о том, что советским и английским военным следует обсудить технические вопросы, например вопрос о количестве сил противника во Франции, не хотел сказать, что в Англии военным принадлежит решающее слово. В Англии решающее слово всегда остается за военным кабинетом.

Тов. Молотов говорит, что он это, конечно, понимает.

Затем *Черчилль* говорит, что он хотел бы сообщить тов. Молотову о нескольких секретных операциях. Он просил бы не делать никаких записей.

Тов. Молотов выражает свое согласие.

Черчилль говорит, что англичане разрабатывают пять операций, которые имеют специальные наименования:

"Факел" ("Torch") - оккупация англо-американскими войсками побережья Северной Африки;

"Кузнечный молот" ("Sledgehammer") - операция в районе Па-де-Кале;

"Окружение" ("Roundup") - вторжение в Европу в 1943 году;

"Болеро" ("Bolero") - транспортные вопросы (перевозки);

"Юпитер" ("Jupiter") - операции в Норвегии, которые предполагается использовать в качестве ширмы для "Факела".

В заключение Черчилль говорит, что чрезвычайно важно не раскрывать того факта, что англичане не предпримут наступательных операций в этом году. Он не хотел бы этого делать не потому, что он боялся бы политических осложнений, которые

могут возникнуть внутри Англии, а потому, что это важно сделать с военной точки зрения.

Тов. Молотов говорит, что, конечно, верно, но надо сделать так, чтобы причинить вред противнику. С точки зрения нашего фронта особое значение имели бы шаги со стороны американцев и англичан для помощи нашему фронту. Он, тов. Молотов, не скрывает того, что когда было опубликовано коммюнике о посещении им Лондона и Вашингтона, в СССР среди населения был прилив бодрости и симпатии к Англии и Америке. В такой трудный момент, как настоящее время, тов. Сталин и Советское правительство, конечно, интересуются вопросом, какие шаги будут предприняты американцами и англичанами для помощи нашему фронту.

Черчилль отвечает, что нам придется изобразить дело таким образом, что операции "Факел" представляют собой выполнение англо-американского обязательства о втором фронте, но главная цель состоит в том, чтобы не дать противнику успокоиться, что ему не придется защищать Французское побережье в этом году. Черчилль говорит, что он отнюдь не хотел бы поставить себя в положение защитника необходимости невыполнения обязательства об открытии второго фронта в 1942 году. Он, конечно, мог бы это сделать на секретном заседании парламента, и это было бы легко сделать, так как он пользуется поддержкой большинства парламента, но надо иметь в виду, что мы должны поддерживать объединенный фронт борьбы против Германии, несмотря на отдельные обиды, поэтому чрезвычайно важно не выдать Германии то, что в 1942 году не будет второго фронта в Европе.

Тов. Молотов говорит, что, конечно, это правильно, что не следует выдавать своих намерений противнику, но надо сделать так, чтобы причинить вред противнику и влить бодрость в союзников.

Черчилль соглашается с этим. Он говорит, что считает чрезвычайно важным установить дружественные, хорошие и искренние отношения с тов. Сталиным, какие у него установились с Рузвельтом, чтобы можно было говорить о вещах без обиды для друг друга. Он прибыл сюда и говорил еще с некоторыми неудобствами, он хотел бы воспользоваться своим пребыванием здесь, чтобы установить с тов. Сталиным дружественные отношения и позже обмениваться с ним мнениями, как с хорошим другом.

Тов. Молотов говорит, что он не сомневается в том, что между Черчиллем и Сталиным установятся взаимное понимание и хорошие отношения. Тов. Сталин очень умный человек, он понимает, кто такой Черчилль и его возможности, но он хотел бы добавить пожелание, чтобы приезд Черчилля в Москву ознаменовался бы приливом бодрости в СССР и в Красной Армии и чтобы немцы поскорее это почувствовали. Он, тов. Молотов, пола-

гает, что это желание разделяет тов. Сталин и советское правительство.

Черчилль с этим соглашается и спрашивает тов. Молотова, считает ли он целесообразным, если он, Черчилль, еще раз встретится со Сталиным.

Тов. Молотов отвечает, что это целиком зависит от решения самого Черчилля.

Черчилль говорит, что он хотел бы встретиться с тов. Сталиным сегодня вечером в 10 часов. В это же время английские и советские военные могли бы обсудить технические вопросы тех операций, о которых он говорил. В этом случае он, Черчилль, смог бы вылететь обратно в субботу вечером или в воскресенье утром.

Тов. Молотов обещает передать пожелание Черчилля тов. Сталину, и он не сомневается в том, что тов. Сталин отнесется к этому очень внимательно.

Тов. Молотов спрашивает Черчилля, правильно ли мы делаем, что не пропускаем телеграммы иностранных корреспондентов о пребывании Черчилля в Москве.

Черчилль отвечает, что он хотел бы обсудить с тов. Молотовым вопрос о публичности его пребывания в Москве.

Тов. Молотов отвечает, что он примет активное участие в этом обсуждении, но подчинит свое решение желанию Черчилля.

Тов. Молотов говорит, что мы должны составить такое коммюнике, которое ободрило бы Красную Армию и союзников и было бы чувствительным для противника.

Черчилль соглашается с этим и заявляет, что в коммюнике можно было бы указать, что он прибыл в Москву, а опубликовать коммюнике, например, когда он будет в Каире.

Тов. Молотов говорит, что этот вопрос можно будет обсудить.

Тов. Молотов спрашивает, удобно ли чувствует себя Черчилль на даче и не требуется ли его, тов. Молотова, вмешательство в дела на даче № 7.

Черчилль говорит, что он весьма удовлетворен своим пребыванием на даче.

Записал (В. Павлов)[11]

После обеда 14 августа, который сопровождался многочисленными тостами[12], Сталин предложил Черчиллю посмотреть кинокартину "Разгром немцев под Москвой". Черчилль ответил, что хотел бы видеть этот фильм, но сегодня уже поздно. Сталин сказал, что в этом случае можно передать Черчиллю копию фильма при отъезде[13]. Черчилль поблагодарил и добавил, что посмотрит эту картину у себя в Чекерсе[14].

Следующая встреча двух лидеров состоялась 15 августа. За день до этого Черчилль направил Сталину специальное послание ("Памятную записку") в ответ на меморандум советского лидера по поводу второго

фронта. В меморандуме Сталин констатировал, что отказ Великобритании открыть второй фронт в Европе в 1942 г., вопрос о котором был предрешен и отражен в опубликованном 12 июня 1942 г. совместном коммюнике, наносит большой ущерб Красной Армии и общему делу союзников[15]. Черчилль в своем послании вновь изложил достоинства операции "Факел" и заявил, что ни Англия, ни США "не нарушили никакого обещания" в отношении Советского Союза. Он понимает, какую боль и разочарование привез в Москву, имея в виду невозможность для Англии и США открыть второй фронт в 1942 г. Однако именно поэтому он полагал, что "лучше ему самому приехать в СССР" и "достигнуть личного взаимопонимания со Сталиным". Он надеялся на то, что и Сталин "чувствует, что в этом отношении был достигнут успех". Смысл ответа Сталина сводился к тому, что он и Черчилль узнали и поняли друг друга, "и если между ними имеются разногласия, то это в порядке вещей, ибо между союзниками бывают разногласия". Он был склонен смотреть на дело "оптимистически".

Черчилль сообщил Сталину секретные сведения о переброске на Британские острова американских войск. К 9 апрелю 1943 г., как планировалось союзным командованием, их число должно было достигнуть 1 043 400 человек. Британский премьер сказал также, что положение с транспортом вскоре должно улучшиться. Американцы организуют надежную систему конвоирования судов, а англичане обеспечат за собой превосходство в воздухе.

Сталин спросил Черчилля, надеется ли тот, что операция "Факел" удастся. Черчилль ответил утвердительно. Советский лидер заявил, что, хотя эта операция не связана прямо с Россией, «косвенно ее значение очень велико потому, что успех операции - это удар по странам "оси"».

Черчилль поддержал тему и сказал, что одновременно с осуществлением операций в Северной Африке будут предприняты бомбардировки Сицилии и Италии. Это, в свою очередь, заставит немцев оттянуть свои силы для защиты территорий на Западе. Более того, "чтобы держать Гитлера в состоянии напряжения в ожидании нападения на пролив (Ла-Манш. - *Ред.),* в августе будет проведен серьезный рейд на Французское побережье. Этот рейд будет представлять собой разведку боем, в которой примут участие 8 тыс. человек и 50 танков..."[16].

В заключительной части беседы Черчилль напомнил Сталину, что предупреждал Советское правительство о предстоящем нападении Германии весной 1941 г., когда сообщил о переброске немецких танковых дивизий с Балкан в Польшу. На это советский лидер ответил, что "мы никогда в этом не сомневались", но, что он, Сталин, "хотел получить еще шесть месяцев для подготовки к этому нападению".

Британский премьер также сообщил, что недавно "германский посол в Токио просил японцев выступить против СССР", однако "Япония отказалась это выполнить". Сталин поблагодарил Черчилля за эту информацию.

В тот же день, 15 августа, состоялись два совещания военных представителей Англии, США и СССР. Итоговый документ свидетельствует, что советская сторона во многом была не удовлетворена их результатами.

№ 148

Товарищу Сталину И.В. Товарищу Молотову В.М.

Представляю запись утреннего и вечернего совещаний 15 августа с/г военных представителей Англии, США и СССР по вопросам создания второго фронта в Европе в 1942 г. и возможной помощи военно-воздушными силами Англии нашему Южному фронту.

Как видно из представляемых записей, открытие второго фронта в Европе в 1942 г. англичане признали нецелесообразным, откладывая это мероприятие на 1943 г.

В отношении помощи английскими ВВС Северо-Кавказскому фронту совещание также не дало конкретных результатов.

Английская сторона, не делая никаких практических на этот счет предложений, больше пыталась выяснить положение Красной Армии на юге и степень обороноспособности Кавказа.

Что касается непосредственной помощи английскими ВВС, то англичане предложили создать объединенную военную группу из представителей СССР и Англии с включением в нее представителя США - генерала авиации Брэдли, для работы, связанной с подготовкой к приему военно-воздушных сил на Кавказе.

Лично считаю создание такой группы целесообразным, так как деятельность ее будет до некоторой степени обязывать Англию к проведению практических мероприятий в оказании нам помощи своими военно-воздушными силами.

ВОРОШИЛОВ
17 августа 1942 г.[17]

В эти дни Черчилль и Рузвельт обменялись телеграммами о ходе переговоров в Москве.

№149

Черчилль - Рузвельту
13 августа 1942 года

...Я начал совещание со Сталиным в Кремле в 19 часов. Оно продолжалось около четырех часов. Присутствовали только Сталин, Молотов, Ворошилов, я, Гарриман и наш посол с переводчиком. Обстановка в первые два часа была мрачной и пасмурной. Я объяснял с помощью карт и аргументов, почему мы не осуществили операцию "Следжхэммер". Он заявил, что не согласен с нашими доводами. Он приводил противоположные аргу-

менты, и все были довольно угрюмы. В конце концов он сказал, что не согласен с нашей точкой зрения, но мы имеем право решать. Во время этой дискуссии я, конечно, разъяснил операцию "Раундап", и он отнесся к этому очень легко, поскольку это дело далекое и имеются большие трудности для высадки где-либо за пределами авиационного прикрытия. Однако данные о прибытии американцев в Соединенное Королевство и о наших собственных предполагаемых экспедиционных списках были изложены как солидные факты.

Затем мы перешли к вопросу о беспощадных бомбардировках Германии, и это вызвало общее удовлетворение. Г-н Сталин подчеркнул важность того, чтобы сломить моральный дух немецкого населения, а я пояснил, что это является одной из наших первостепенных военных задач. Он заявил, что придает весьма большое значение бомбардировкам и что, как ему известно, воздушные налеты имеют в Германии огромный эффект. После этой продолжительной дискуссии создалось впечатление, что все, что мы собирались делать, - это не "Следжхэммер", не "Раундап", а бомбежки Германии. Я высказал мысль, что самое лучшее - это сначала преодолеть наихудшее. Я не собирался приукрашивать обстановку и особо попросил о том, чтобы между друзьями и товарищами, находящимися в опасности, разговор велся в открытую. Однако вежливость и достоинство преобладали.

Именно в этот момент сражения я ввел в бой операцию "Торч". Когда я рассказал все об этой операции, Сталин проявил большой интерес. Его первым вопросом было, что произойдет в Испании и в вишистской Франции. Несколько позже он заметил, что операция правильна в военном отношении, но у него имеются сомнения политического характера относительно ее воздействия на Францию. Он особенно интересовался сроком операции, и я сказал, что не позже 30 октября, но президент и все мы пытаемся приблизить этот срок, перенести его на 7 октября. Казалось, что это принесло большое облегчение трем русским. В это время г-н Сталин сказал, если полагаться на переводчика: "Да поможет Бог этому предприятию".

Это было поворотным пунктом в нашей беседе. Затем он стал выдвигать различные политические возражения, опасаясь, что захват англо-американцами районов по плану операции "Торч" будет неправильно понят во Франции. Что мы предпринимаем в отношении де Голля? Я заявил, что если бы он был полезен, то его использовали бы, но в настоящее время американский флаг является гораздо лучшей возможностью для легкого вторжения. Гарриман весьма решительно поддержал эту точку зре-

ния, сославшись на сообщения американских агентов на всей территории "Торча", на которые полагается президент, а также на мнение адмирала Леги. Г-н Сталин конспективно высказал четыре довода в пользу "Торча". Первый: это нанесет Роммелю удар в спину. Второй: это будет держать в страхе Испанию. Третий: это вызовет боевые действия между немцами и французами во Франции. И четвертый: Италии придется испытать на себе главный удар всей войны. Такое заявление мне очень понравилось как указывающее на его быстрое и полное понимание новой для него проблемы. Я, конечно, добавил пятый довод, а именно сокращение морского пути через Средиземное море. Он поинтересовался, можем ли мы проходить через Гибралтарский пролив. Я также сообщил ему об изменениях в командовании в Египте и заявил о нашем намерении провести решающую битву в конце августа или в сентябре. Наконец стало ясно, что всем им понравился "Торч", хотя Молотов спросил, нельзя ли его осуществить в сентябре.

Затем я стал раскрывать перспективу размещения англо-американских военно-воздушных сил на южном фланге русских армий для защиты Каспийского моря и Кавказских гор и вообще участия в сражениях на этом театре военных действий. Однако я не вдавался в подробности, так как мы, конечно, сначала должны выиграть нашу битву в Египте, а я не знаю планов президента относительно американского вклада. Если Сталину нравится эта идея, то мы начнем разрабатывать детали. Он ответил, что здесь будут весьма благодарны за эту помощь, но что детали размещения и т.д. потребуют изучения. Как Вы знаете, я очень увлечен этим проектом, потому что он приведет к более широким военным действиям между англо-американскими военно-воздушными силами и немцами, а это помогает приобретать господство в воздухе при более благоприятных условиях, чем при попытке лезть на рожон, форсируя Па-де-Кале.

Таким образом, все завершилось в сердечной обстановке, и я надеюсь, что установлю прочные и искренние отношения с этим человеком и сумею убедить его в нашем горячем желании, разделяемом президентом, вступить в битву интенсивно, быстро и наилучшим образом. Что касается русских, то он сказал только, что немцы производят больше танков и обнаруживают больше мощи, чем ожидалось, что новости с юга неблагоприятны и что русские ввели в бой дивизии во Ржеве, и они успешно действуют.

Я должен сказать Вам о той помощи, которую оказал Гарриман во время этих исключительно серьезных, напряженных и в какой-то момент критических переговоров. Он твердо вступал от имени президента в разговор обо всем, что относилось к опера-

ции "Торч", и его присутствие было во всем выше всяких похвал...

Позже Гарриман докладывал Рузвельту об этой встрече: "Я полагаю, что при сложившихся обстоятельствах переговоры не могли проходить лучше и закончиться более удовлетворительным образом... Премьер-министр был на высоте и не мог бы направлять дискуссию с большим блеском"[18].

№150

Рузвельт - Черчиллю
14 августа 1942 года

Меня очень радует сердечность Сталина и его понимание наших трудных проблем. Я хотел бы находиться вместе с вами обоими, и это сделало бы нашу компанию полной. Передайте ему мой горячий привет и держите меня в курсе[19].

№151

Черчилль - Рузвельту
15 августа 1942 года

...Все мы отправились в Кремль в 11 часов вечера и были приняты только Сталиным и Молотовым в присутствии переводчика. Затем начался весьма неприятный разговор. Сталин вручил мне прилагаемый документ. Мой ответ также прилагается. Когда документ был переведен на английский язык, я сказал, что отвечу на него в письменном виде и что, как он должен понимать, мы приняли решение о курсе, которому будем следовать, и что упреки напрасны. После этого мы спорили около двух часов, и он высказал много неприятных вещей, особенно относительно того, что мы слишком боимся сражаться с немцами, а если бы мы попытались сражаться так, как сражаются русские, то обнаружили бы, что получается не так уж плохо, что мы нарушили свое обещание относительно операции "Следжхэммер", что мы не выполнили обязательств по поставкам, обещанным России, и прислали только то, что оставалось после удовлетворения наших собственных нужд. Очевидно, эти жалобы были адресованы в такой же мере Соединенным Штатам, как и Англии. Я недвусмысленно отверг все его утверждения, но без каких-либо колкостей. Я полагаю, что он не привык к тому, чтобы ему постоянно противоречили, но он совсем не рассердился и даже оживился. В одном

случае я сказал: "Я извиняю это замечание только ввиду храбрости русских войск". В конце концов он заявил, что мы не можем далее продолжать обсуждение в таком духе, что он должен примириться с нашим решением, и внезапно пригласил нас на обед в 8 часов вечера сегодня.

Однако, приняв приглашение, я сказал, что отбываю самолетом завтра, то есть 15-го утром на рассвете. Джо, казалось, был этим несколько озабочен и спросил, не могу ли я пробыть дольше. Я сказал, что, конечно, могу, если будет сделано что-нибудь полезное, и что я во всяком случае подожду еще один день. Затем я упрекнул его за то, что в его позиции не звучит товарищеских нот. Я приехал издалека, чтобы установить хорошие рабочие взаимоотношения. Мы сделали все возможное, чтобы помочь России, и будем продолжать делать это. В течение года мы были оставлены совершенно одни против Германии и Италии. Теперь, когда три великие державы являются союзниками, победа несомненна, но при условии, что мы не разойдемся, и т.д. Я до некоторой степени оживился в этом месте, и, еще до того как был сделан перевод моего высказывания, он заметил, что ему нравится энергичный характер моих слов. После этого разговор продолжался в несколько менее напряженной атмосфере.

Он стал пространно рассказывать о двух русских реактивных минометах, которые, как он сказал, производят опустошающее действие и которые он предложил продемонстрировать нашим экспертам, если те могут подождать. Он заявил, что предоставит нам все данные о них, но не должно ли что-либо последовать в обмен на это? Не следует ли заключить соглашение об обмене информацией об изобретениях? Я заявил, что мы без всякого соглашения дадим им все, за исключением только тех устройств, которые - если они будут находиться в самолетах, сбитых над вражеской территорией, - затруднят наши бомбардировки Германии. Он согласился с этим. Он также согласился, чтобы его военачальники встретились с нашими генералами, и было условлено, что такая встреча состоится в 3 часа того же дня. Вся эта часть разговора была более спокойной, но, когда Гарриман спросил относительно планов переправки американских самолетов через Сибирь, на что русские после продолжительных и настойчивых американских обращений только недавно дали согласие, он резко ответил: "Планами войну не выиграешь". Гарриман поддерживал меня во всех отношениях, и ни я, ни он не отступили ни на дюйм и не произнесли ни одного слова огорчения...

Я серьезно полагаю, что в глубине своего сердца, если оно есть у него, Сталин сознает, что мы правы и что шесть дивизий, предназначенных для участия в операции "Следжхэммер", не

принесут ему пользы в этом году. Кроме того, я убежден, что его уверенные и незамедлительные суждения по военным вопросам делают его твердым сторонником операции "Торч". Я полагаю, что не исключено, что он внесет поправки. В надежде на это я упорно продолжаю свою линию. Во всяком случае, я уверен, что лучше, чтобы все шло именно таким образом, чем любым другим. Никогда с их стороны ни разу не было ни малейшего намека на то, что они не будут продолжать борьбу, а сам я думаю, что Сталин в достаточной мере уверен, что он победит...[20]

Особое место в истории операции "Браслет" заняла незапланированная встреча и беседа двух лидеров в ночь с 15 на 16 августа. Вот как сообщал о ней британский премьер в отчете военному кабинету и президенту Рузвельту:

«Я отправился попрощаться с г-ном Сталиным вчера в 7 часов вечера, и мы имели приятную беседу, в ходе которой он дал мне полный отчет о положении русских, которое казалось весьма отрадным. Он, безусловно, весьма уверенно говорит о том, что удержится до зимы. В 8 час. 30 мин. вечера, когда я собирался уходить, он спросил, когда он увидит меня в следующий раз. Я ответил, что уезжаю на рассвете. Тогда он сказал: "Почему бы Вам не зайти ко мне на квартиру в Кремле и не выпить немного?" Я отправился к нему и остался на обед, на который был приглашен также г-н Молотов. Г-н Сталин представил меня своей дочери, славной девушке, которая робко поцеловала его, но которой не было разрешено остаться на обед. Обед и редактирование коммюнике продолжались до трех часов утра. У меня был очень хороший переводчик, и я имел возможность говорить более свободно. Преобладала атмосфера особой доброжелательности, и мы впервые установили непринужденные и дружелюбные отношения. Мне кажется, я установил личные взаимоотношения, которые будут полезны. Мы много говорили о "Юпитере", который, по его мнению, будет необходим в ноябре или в декабре. Без него я не представляю себе, как мы сможем доставлять материалы, которые будут необходимы для дальнейшего оснащения этой колоссальной сражающейся армии. Трансперсидская дорога пропускает лишь половину того, на что мы надеялись. Больше всего ему необходимы грузовики. Он предпочел бы иметь грузовики, а не танки, которых он выпускает 2 тысячи в месяц. Он также хочет получить алюминий...

В целом... я определенно удовлетворен своей поездкой в Москву. Я убежден в том, что разочаровывающие сведения, которые я привез с собой, мог передать только я лично, не вызвав действительно серьезного расхождения. Эта поездка была моим долгом. Теперь им известно самое худшее, и, выразив свой протест, они теперь настроены совершенно дружелюбно, и это несмотря на то, что сейчас они переживают самое тревожное и тяжелое время. Кроме того, г-н Сталин абсолютно убежден в больших преимуществах операции "Торч", и я надеюсь, что

"Торч" продвигается вперед с нечеловеческой энергией по обе стороны океана»[21].

Ниже приводятся советская и перевод английской записи бесед встречи Сталина с Черчиллем в ночь с 15 на 16 августа 1942 г.

№152

Запись беседы Черчилля с тов. Сталиным на квартире в ночь с 15 на 16 августа 1942 года

На беседе присутствовали: тов. Сталин, Черчилль,
переводчики - т. Павлов
и майор Бирс,
и позже тов. Молотов.

Во время беседы имел место обмен мнениями по общим вопросам военной стратегии, в частности по военно-морской стратегии. *Черчилль* коснулся вопроса о нападении на Северную Норвегию и заявил, что он имеет желание и намерение осуществить эту операцию совместно с советскими силами зимой этого года. Он обещал позже снестись по этому плану лично с тов. Сталиным.

Тов. *Сталин* ответил, что было бы хорошо осуществить эту операцию, и заявил, что он готов выделить для участия в операции 2-3 наших дивизии. Тов. Сталин сказал, что мы испытываем острую нужду в грузовых автомашинах для нашего фронта. Он заявил, что был бы благодарен, если Англия могла поставлять нам 20-25 тысяч грузовиков, даже вместо танков. При этом мы готовы принимать только шасси, так как кузова мы можем изготовить сами.

Черчилль ответил, что он постарается удовлетворить эту просьбу, но одновременно указал, что недостаток тоннажа затрудняет переброску в СССР грузовиков, которые производятся в Англии в достаточно большом количестве.

Затем тов. *Сталин* просил помочь нам поставкой алюминия, в котором мы будем испытывать недостаток до будущего года.

Черчилль ответил, что он изучит возможность удовлетворить эту просьбу, хотя Англия также испытывает недостаток в алюминии.

В дальнейшей беседе Черчилль поинтересовался колхозами и судьбой кулаков.

Тов. *Сталин* ответил, что коллективизация ликвидировала нищенство, поскольку каждый член крестьянской семьи получил возможность самостоятельно зарабатывать и независимо жить. Тов. *Сталин* рассказал о том, что коллективизация была вызвана желанием внедрить в сельское хозяйство крупные машины,

поднять его производительность. Это было возможно осуществить только в крупном хозяйстве. В результате коллективизации в СССР сильно возросла урожайность, особенно благодаря внедрению высококачественных семян. Что касается кулаков, то некоторое количество их было выселено в северные области СССР, где они получили участки земли. Остальные кулаки были перебиты самими крестьянами - настолько была ненависть к ним со стороны крестьян.

Черчилль, внимательно выслушав тов. Сталина, заметил, что коллективизация была, вероятно, весьма трудной работой.

Тов. *Сталин* ответил, что действительно коллективизация была очень трудной работой, на которую было затрачено несколько лет.

Тов. Сталин сообщил Черчиллю, что в ближайшее время мы предпримем налет на Берлин. Конечно, мы, ввиду дальности, можем послать только около 150 бомбардировщиков. Англичане находятся в лучшем положении, но у нас ходят слухи, что англичане с немцами заключили соглашение о том, чтобы воздерживаться от взаимных бомбардировок Лондона и Берлина.

Черчилль с некоторым раздражением ответил, что никакого соглашения по этому поводу нет и что они начнут бомбить Берлин, как только позволят метеорологические условия и ночи станут достаточно продолжительными. Нам нужно согласовать, сказал он, налеты английских и советских самолетов на Берлин, во избежание столкновений между ними.

Тов. *Сталин* ответил, что это, конечно, нужно сделать.

Касаясь Германии, *Черчилль* заявил, что в Германии нужно уничтожить прусский милитаризм и нацизм и разоружить Германию после войны.

Тов. *Сталин* ответил, что нужно перебить военные кадры Германии. Кроме того, необходимо ослабить Германию путем отделения от нее Рурской области.

Тов. Сталин спросил Черчилля о количестве сил в Англии на островах.

Черчилль ответил, что количество войск в самой Англии достигает 40 дивизий, но при дальнейших уточняющих вопросах тов. Сталина не дал вразумительного ответа.

В конце беседы было согласовано коммюнике о переговорах Черчилля с тов. Сталиным. По настоянию Черчилля была принята формулировка о решениях, охватывающих область войны против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе. Черчилль предложил также добавить в коммюнике заявление о том, что "эту справедливую освободительную войну оба правительства исполнены решимости вести со всей силой и энергией до

полного уничтожения гитлеризма и всякой подобной тирании". Эта формулировка была также принята.

Записал по памяти В. Павлов[22]

Британская запись дает более полное представление о содержании заключительной встречи двух лидеров.

№153

Перевод английской записи беседы Черчилля и Сталина на его квартире в ночь с 15 на 16 августа 1942 года

Возможности делать письменные заметки не было, поэтому я [майор А. Бирс] не могу гарантировать точность или полноту записи. Что касается цифр, там, где я сомневаюсь, я поставил знак вопроса.

Присутствовали:

Премьер-министр.

Г-н И.В. Сталин.

Г-н В.М. Молотов.

Сэр Александр Кадоган (в поздние часы).

Переводчики: майор А.Х. Бирс, г-н Павлов.

Г-н Сталин обратился со следующими просьбами:

(а) О поставке грузовиков из Великобритании и США вместо танков. Выпуск танков в России был удовлетворительным, и не требовалось больше танков от нас, но у них не хватало грузовиков, и потребность в них была очень большой. Он объяснил, что каждую танковую бригаду следовало обеспечить грузовиками, чтобы можно было перевозить на грузовиках мотопехоту бригад, [так] как они быстро переводили пехотные дивизии в мотопехотные и какой огромной была потребность в грузовиках в тыловых районах. Им требовалось от 20 000 до 25 000 грузовиков в месяц от Великобритании и США, не важно, из какой именно страны. Россия производила 3000 грузовиков в месяц. Он подвел итог: "Посылайте нам грузовики вместо танков".

(б) Г-н Сталин затем спросил о поставках алюминия в оставшиеся месяцы этого года. Россия испытывала острую нехватку.

Премьер-министр ответил, что он немедленно займется вопросом поставок грузовиков и алюминия. У нас были грузовики, были они и у США, трудность состояла в их доставке и в поставке покрышек до того, как начнет выпускать продукцию американский завод по производству резины "Rubber Ersatz". Надо было обеспечить дорогу через Персию. Г-н Сталин сказал, что север-

ный путь намного лучше. Когда г-н Черчилль указал на опасности северного пути, г-н Сталин сказал, что суда могли бы идти самостоятельно вдоль кромки льдов, не опасаясь быть атакованными подводными лодками. Г-н Черчилль не согласился и сказал, что им все известно о трудностях этого пути. Состоялась дискуссия относительно целесообразности расчленять конвои: г-н Черчилль привел пример Средиземного моря, где были получены хорошие результаты. Если бы суда не были расчленены в случае с недавним конвоем на Севере, все суда, включая корабли сопровождения, были бы потоплены "Тирпитцем". У Англии есть три корабля: "Король Георг", "Граф Йоркский" и "Ансон", которые она не должна потерять, как она потеряла "Принца Уэльского" и "Рипалс". Мы не можем позволить себе использовать их в составе конвоев. Пока у Германии есть воздушные базы в Северной Норвегии, этот путь чрезвычайно опасен. Тем не менее 40 судов отправятся на Север России в первых числах сентября.

Г-н Сталин затем предложил, чтобы против Северной Норвегии была предпринята операция с целью захвата немецких баз там и в Петсамо.

С этим премьер-министр немедленно согласился и тепло принял предложение. Он сказал, что он всегда желал проведения подобной операции. Г-н Сталин напомнил ему о предыдущем плане подобного рода, "но соответствующие Генеральные штабы не захотели этого".

После некоторой последующей дискуссии премьер-министр согласился на то, чтобы Англия предприняла наступление в Северной Норвегии и Петсамо в ноябре 1942 года совместно с русскими. Англия поставит две дивизии, специально подготовленные к операциям по высадке, а г-н Сталин сказал, что Россия поставит три дивизии или шесть бригад. Премьер-министр сказал, что относительно операции в Северной Норвегии он будет связываться напрямую с г-ном Сталиным, а последний будет телеграфировать ему, пользуясь позывным "Юпитер".

Г-н Сталин сказал, что он на нашем месте "строил бы больше эскадренных миноносцев и меньше линейных кораблей, чем мы построили". Премьер-министр отметил, что мы построили всего один линейный корабль после того, как началась война, и сосредоточились на эскадренных миноносцах и меньших кораблях, но в принципе он согласился с г-ном Сталиным.

Премьер-министр сказал, что наши бомбардировки германских городов увеличатся, как только ночи станут длиннее. Г-н Сталин сказал, что русские очень скоро попытаются бомбить Берлин и ряд других городов, таких как: Кенигсберг, Данциг,

Тильзит, Мемель. Г-н Сталин несколько раз отмечал важность воздушных сил в этой войне.

Г-н Сталин спросил о некоторых цифрах, касающихся численности британских сил. Премьер-министр ответил, что всего у нас имеется:

50 дивизий, отмобилизованных, в Великобритании. Из них, 20 дивизий полностью оснащены. Мы ускоренно занимаемся оснащением остальных.

(?) 15 дивизий на Ближнем Востоке.

(?) 10 дивизий в Индии и еще несколько в разных крепостях и гарнизонах.

В качестве примера численности британских сил премьер-министр назвал следующие цифры:

1 000 000 человек в частях первой линии в Великобритании.

1 000 000 человек в центрах подготовки, береговой охране и т.д.

1 300 000 человек в артиллерии?

Более 1 000 000 человек в королевских ВМС и Коммерческой службе.

1 500 000 человек в войсках местной обороны.

Каждый человек в Великобритании находится на какой-нибудь службе. Когда начнется большая битва, сказал премьер-министр, ему придется брать подкрепление из числа фабричных рабочих.

На Ближнем Востоке мы сейчас превосходим противника.

Премьер-министр сказал, что если г-н Сталин будет встречаться с президентом Рузвельтом и это будет где-нибудь в Исландии, то ему следовало бы приехать в Англию. Ему бы там оказали превосходный прием. Г-н Сталин ответил, что он бы сделал это с удовольствием, но приемы не столь важны в данный момент, главное дело сейчас - победа. Он сказал, что он был в Англии в 1907 году, на съезде большевиков, вместе с Лениным, Плехановым, Горьким и другими. Премьер-министр спросил, был ли там Троцкий. Г-н Сталин ответил, что да, но что он уехал оттуда расстроенным, поскольку ему не поручили представлять какую-нибудь организацию, например армию, на что Троцкий надеялся.

Премьер-министр сказал, что г-н Майский хороший посол. Г-н Сталин согласился, но сказал, что он мог бы быть лучше - он слишком много говорит и не может держать язык за зубами. Премьер-министр сказал, что г-н Майский недавно выступал перед членами палаты общин ... что было абсолютно правильно и своевременно. Радио стран Оси подало это, тем не менее, так, будто г-н Майский с галереи для публики поучал палату общин в вопросах англо-советских отношений.

Премьер-министр сказал, что в начале 1938 года, еще до Праги и Мюнхена, у него возник план создания Лиги трех Великих Демократий в составе Великобритании, США и СССР, которые вместе смогли бы вести за собой мир. Между ними не существовало антагонистических интересов. Г-н Сталин согласился и сказал, что он всегда рассчитывал на нечто подобное, но только при правительстве г-на Чемберлена такой план был бы невозможен. Он припомнил визит в Москву английской делегации в 1939 году. Любые переговоры с ними были невозможны. Например, английских и французских военачальников спросили, какие силы они могли бы выставить против Германии на Западе. Француз ответил - 80 дивизий, хотя он не уверен, что они полностью укомплектованы, а англичанин сказал - три дивизии. Французы не понимали важности танков. Затем делегации спросили, сколько русские смогут поставить на польскую границу. У г-на Сталина сложилось впечатление, что переговоры были неискренними и велись лишь для того, чтобы запугать Гитлера, с которым западные державы позже смогли бы договориться. Премьер-министр отметил, что он не входил в состав правительства в течение 11 лет, но он всегда предупреждал его об опасности. Он согласился, что в 1939 году за делегациями не было никакой весомой поддержки.

[Премьер-министр сказал в шутку, что он думает, что президент США, когда он встретится с г-ном Сталиным, вероятно, захочет, чтобы он сделал что-нибудь по поводу Господа Бога! Г-н Сталин шутку оценил и ответил, что лично он уважает Бога и надеется, что с божьей помощью они добьются победы.][23]

Около 1 часа ночи вопрос совместного коммюнике был поднят премьер-министром. Сэр А. Кадоган и г-н Молотов приготовили варианты текстов. Наконец текст был согласован, и было решено просить британского посла уточнить с г-ном Молотовым точное время опубликования документа.

Премьер-министру вручили пачку фотоснимков, сделанных на банкете прошлым вечером. Фотографии подписали и премьер-министр, и г-н Сталин, а некоторые - премьер-министр и г-н Молотов.

Общая атмосфера была самой сердечной и дружеской[24].

Коммюнике обсуждали длительное время. Вначале Кадоган с Молотовым, затем во время заключительной встречи и на квартире Сталина.

Ниже приводится проект коммюнике, предложенный Кадоганом 14 августа, который в ходе обсуждения претерпел значительные изменения.

№154

**Кадоган вручил тов. Молотову
14 августа 1942 года
Перевод с английского**

В Москве происходили переговоры между г. Сталиным, представляющим правительство СССР, г. Черчиллем, представляющим Правительство Его Величества в Соединенном Королевстве, и г. Гарриманом, представляющим президента США. В качестве помощника г. Сталина присутствовал г. Молотов и в качестве помощников г. Черчилля - Посол Его Величества сэр А. Кларк Керр, Начальник Имперского Генерального Штаба сэр А. Брук, Главнокомандующий в Индии сэр А. Уэйвелл, Главнокомандующий Военно-Воздушными силами на Среднем Востоке главный маршал авиации Теддер и сэр Александр Кадоган, постоянный заместитель Министра иностранных дел.

Были полностью и откровенно обсуждены будущие совместные действия Объединенных Наций во всех сферах и было достигнуто полное согласие об общем плане.

Технические вопросы составляли предмет более детального обсуждения между соответственными военными и военно-воздушными советниками.

Помимо принятых решений, главные участники переговоров убеждены в выгодах, которые были извлечены из этого личного контакта.

Перевел В. Павлов[25].

№155

**Англо-советское коммюнике о переговорах
Премьер-Министра Великобритании
с Председателем Совета Народных Комиссаров СССР**

18 августа 1942 г.

В Москве происходили переговоры между Председателем Совета Народных Комиссаров СССР И.В. Сталиным и Премьер-Министром Великобритании г-ном У. Черчиллем, в которых участвовал господин Гарриман как представитель Президента США. В беседах приняли участие народный комиссар иностранных дел В.М. Молотов, маршал К.Е. Ворошилов - с советской стороны, британский посол сэр А. Кларк Керр, начальник Имперского генерального штаба сэр А. Брук и другие ответствен-

ные представители британских вооруженных сил, постоянный заместитель министра иностранных дел сэр Александр Кадоган - с английской стороны.

Был принят ряд решений, охватывающих область войны против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе. Эту справедливую освободительную войну оба правительства исполнены решимости вести со всей силой и энергией до полного уничтожения гитлеризма и всякой подобной тирании.

Беседы, происходившие в атмосфере сердечности и полной откровенности, дали возможность еще раз констатировать наличие тесного содружества и взаимопонимания между Советским Союзом, Великобританией и США в полном соответствии с существующими между ними союзными отношениями[26].

Так завершились первая личная встреча и переговоры Сталина и Черчилля. Записи бесед в основном раскрывают их содержание, дают представление о взглядах двух лидеров по вопросам, которые они обсуждали, общность и различие целей в войне, политики и стратегии в достижении победы над Германией и ее союзниками. Но мы мало что узнаем из этих записей об атмосфере вне зала заседаний, о тех дискуссиях и оценках, от которых во многом зависел каждый последующий день переговоров, а нередко и их конечный исход. Записи бесед как бы оставляют в стороне взгляды Черчилля о "зловещем большевистском государстве", с лидером которого он вел переговоры, и не менее устойчивые взгляды Сталина на капиталистический мир и Черчилля, который стремился уничтожить советское государство в его колыбели.

К сожалению, свидетельства и воспоминания советских участников переговоров весьма скупы. Частично то, что происходило вне официальных встреч, дают возможность восстановить опубликованные или остающиеся еще в английских архивах записи, которые тщательно делали во время пребывания в Москве практически все участники миссии Черчилля. Из них следует, что после официальных переговоров происходил обмен мнениями между Черчиллем и сопровождавшими его лицами, чаще всего это были Кадоган, Керр и Джекоб, чьи записи хранятся в Архиве Черчилля при Кембриджском университете[27]. Они свидетельствуют, что Черчилль всякий раз выражал неудовольствие ходом переговоров и заявлял о бесперспективности их продолжения. Он, к примеру, считал, что Сталин разговаривает с ним тоном, недопустимым для "представителя крупнейшей империи, которая когда-либо существовала в мире", подозревал, что Сталин добивается его смещения с поста премьер-министра. 14 августа он разразился следующей тирадой: "Мне говорили, что русские не являются человеческими существами. В шкале природы они стоят ниже орангутангов". Вероятно, прав академик В.Г. Трухановский, который сделал вывод, что "чувства, которые английский премьер-министр питал к Советскому Союзу, в отрицательном смысле влияли и на его позицию в вопросе о втором фронте и на становление англо-советских отношений"[28].

Британский премьер неоднократно намеревался прервать переговоры, но затем менял свое решение, главным образом, под влиянием тех аргументов, которые противопоставлял ему посол Керр, пожалуй, единственный из состава британской делегации дипломат, активно стремившийся к достижению положительных результатов на переговорах. Немало неприятностей Черчиллю доставлял его переводчик майор Денлоп, который не справлялся с порученным ему делом, чем крайне раздражал Черчилля. В конечном итоге его заменил майор Бирс, что, видимо, в немалой степени способствовало успеху заключительной "ночной" беседы двух лидеров. По возвращении в Англию Черчилль выступил 8 сентября с большой речью в палате общин, представил свою поездку как триумфальную и не скупился на оценки в адрес Сталина. "Для меня, - сказал он, - имела исключительное значение встреча со Сталиным. Главная цель моего визита состояла в том, чтобы установить такие отношения уверенности и открытости, которые я установил с президентом Рузвельтом. Я думаю, что несмотря на языковой барьер, который создает многие препятствия, мне в значительной степени это удалось... Для России большое счастье, что в час ее страданий во главе ее стоит этот великий твердый полководец. Сталин является крупной и сильной личностью, соответствующей тем бурным временам, в которых ему приходится жить... Я верю, что мне удалось дать ему почувствовать, что мы являемся хорошими и преданными товарищами в этой войне, но это докажут дела, а не слова... Одно совершенно очевидно, - заключил Черчилль, - это непоколебимая решимость России бороться с гитлеризмом до конца, до его окончательного разгрома"[29].

Эти столь необычные для британской палаты общин и для Черчилля оценки были не случайны. В тех исторических условиях они отвечали интересам Великобритании и настроениям большинства англичан. Сталин дал оценку визиту Черчилля через два месяца в докладе, посвященном 25-й годовщине Октябрьской революции: "Наконец, следует отметить такой важный факт, как посещение Москвы премьер-министром Великобритании г-ном Черчиллем, установившее полное взаимопонимание руководителей обеих стран"[30].

Современные западные историки нередко высказывают сомнения относительно успеха визита Черчилля в Москву[31].

Действительно ряд конкретных договоренностей не был реализован. Совместная высадка в Норвегии (операция "Юпитер") не состоялась; план участия ВВС западных союзников в обороне Кавказа (операция "Вельвет") остался только на бумаге; договоренности об обмене военно-технической информацией воспрепятствовал в то время госдепартамент США. Тем не менее встреча двух лидеров, их беседы и дискуссии способствовали взаимопониманию и принятию взаимовыгодных решений в борьбе против общего врага.

Во второй половине октября между Сталиным и Майским имел место обмен телеграммами, которые весьма показательны как с точки зрения неоднозначных оценок политики Черчилля, так и постановки вопросов "совершенно исключительной важности", на которые должен был ответить и ответил советский посол.

№ 156

Сталин - Майскому
19 октября 1942 года

У нас у всех в Москве создается впечатление, что Черчилль держит курс на поражение СССР, чтобы потом сговориться с Германией Гитлера или Брюнинга за счет нашей страны. Без такого предположения трудно объяснить поведение Черчилля по вопросу о втором фронте в Европе, по вопросу о поставках вооружения для СССР, которые прогрессивно сокращаются, несмотря на рост производства в Англии, по вопросу о Гессе, которого Черчилль, по-видимому, держит про запас, наконец, по вопросу о систематической бомбежке англичанами Берлина в течение сентября, которую провозгласил Черчилль в Москве и которую он не выполнил ни на йоту, несмотря на то что он безусловно мог это выполнить.

И. СТАЛИН[32]

№157

Майский - Сталину
23 октября 1942 года

Вне очереди. Особая.

Вопрос, который Вы поставили мне, имеет совершенно исключительную важность, и, потому, я постараюсь дать на него посильный ответ с максимально доступными мне объективностью и откровенностью. Я не хочу создавать у Вас никаких иллюзий ни в ту, ни в другую сторону...

Итак, держит ли Черчилль курс на поражение СССР для того, чтобы потом за наш счет сговориться с Германией Гитлера или Брюннинга. Я не думаю, чтобы Черчилль сознательно ставил себе такую цель. Не думаю по следующим основаниям:

Поражение СССР неизбежно означало бы конец Британской империи. В самом деле, как мог бы Черчилль договориться с Гитлером? На какой базе? Ведь в случае поражения СССР Гитлер стал бы господином не только всей Европы, но и Африки и, по крайней мере, большей части Азии. Говорю "большей части Азии", так как допускаю, что Гитлер мог бы быть вынужденным, особенно на первое время, выделить Японии ее особую "сферу влияния". Очень сомнительно, чтобы в указанном

гипотетическом случае Гитлер вообще пошел на какое либо соглашение с Англией... Сознательно Черчилль не держит курса на поражение СССР (и стал бы искренне возмущаться, если бы его стали в этом обвинять), но проводимая им политика объективно могла бы способствовать такому результату. И если это все-таки случится, то отнюдь не потому, что Черчилль со своей стороны делает все возможное для предупреждения разгрома нашей страны...

Если признать правильной мою основную мысль (?), то все остальное уже легко объясняется. Почему Черчилль фактически сокращает снабжение СССР? Говорю "фактически", так как формально все нам полагающееся по протоколу отгружается, но только... в английских портах. Черчилль фактически сокращает наше снабжение, так как в погоне за "легкой войной" он затеял операцию "Факела", а эта операция для своей реализации требует огромного количества военных судов. Я не знаю всех детальных расчетов адмиралтейства, но отнюдь не исключено, что одновременное осуществление "Факела" и наших больших конвоев с их тяжелым прикрытием британскому флоту сейчас не под силу. Почему Черчилль не бомбит Берлин. Но это тоже понятно: он не хочет, чтобы немцы в ответ бомбили Лондон, ибо тяжелая бомбежка Лондона нарушала бы концепцию "легкой войны". Почему Черчилль не хочет сейчас судить Гесса. И это понятно: он боится в ответ массовых немецких репрессий против английских пленных. Что же тогда будет концепцией "легкой войны"? Кроме того, поскольку Черчилль ориентируется на длительную войну, он думает, кто знает, для чего еще может пригодиться Гесс...

Конечно, в Англии сейчас есть группы и течения, которые вполне сознательно стремятся к поражению СССР и сделке с Германией. Такова, например, группа Лэди Астор, "группа имперской политики" и другие. По мере сил и возможностей они стараются отравлять общественную атмосферу (в частности, они ведут ожесточенную и далеко не безуспешную борьбу против второго фронта), но пока эти группы отсиживаются в политическом полуподполье, не пользуются большим влиянием и терпеливо ждут благоприятной для них конъюнктуры... Из того анализа, который сделан выше, у меня имеются некоторые практические выводы применительно к нашим политике и стратегии, но о них я Вам напишу особо.

МАЙСКИЙ[33]

№158

Лондон. Совпосол. Для Майского
28 октября 1942 года

Ваши соображения получил. Я нашел в них много интересного и поучительного. Ряд ваших предложений совпадает с намеченными нами мероприятиями.

Я все же думаю, что, будучи сторонником легкой войны, Черчилль легко поддастся влиянию тех, которые держат курс на поражение Совсоюза, ибо поражение нашей страны и компромисс с Германией за счет Совсоюза является наиболее легкой формой войны Англии с Германией.

Конечно, англичане потом поймут, что без русского фронта на континенте Европы при выходе Франции из строя они, т.е. англичане, обречены на гибель. Но когда они поймут это?

Поживем, увидим.

Я сомневаюсь, чтобы англичане поддержали северную операцию. Они только болтают об этом для виду.

Черчилль заявил нам в Москве, что к началу весны 43 года около миллиона англо-американских войск откроют второй фронт в Европе. Но Черчилль принадлежит, видимо, к числу тех деятелей, которые легко дают обещание, чтобы также легко забыть о нем или даже грубо нарушить его.

Он также торжественно обещал в Москве бомбить Берлин интенсивно в течение сентября-октября. Однако он не выполнил своего обещания и не попытался даже сообщить в Москву о мотивах невыполнения.

Что же, впредь будем знать с какими союзниками имеем дело.

Я мало верю в операцию "Факел". Если же вопреки ожиданию эта операция кончится успешно, можно примириться с тем, что у нас отобрали самолеты ради этой операции.

Я говорил Уилки и сообщил Рузвельту, что в ближайшие 12 месяцев нам необходимо будет получить из США 2 миллиона тонн пшеницы. Уилки сказал, что США некуда девать хлеб и что наша заявка вполне выполнима. Рузвельт отозвался положительно, но ничего конкретного не предложил. Совершенно правильно ваше предложение о том, чтобы привлечь к этому делу Канаду, которой тоже некуда девать хлеб.

СТАЛИН[34]

Напряжение в союзнических отношениях нарастало. Визит Черчилля в Москву лишь ослабил это напряжение на короткое время.

Критическая обстановка на советско-германском фронте, казалось, достигла в октябре 1942 г. своего предела. От исхода оборонительного сражения в битве миллионных армий под Сталинградом зависела судьба всей войны. Это ясно понимали в Москве, чем в первую очередь и объясняются телеграммы Сталина Майскому, а также едва ли не утрата советским лидером доверия к политике и стратегии западных союзников. Победы под Сталинградом, а затем на Курской дуге знаменовали коренной перелом в Великой Отечественной и второй мировой войне. Свое значение в его достижении имели успешная высадка 8 ноября 1942 г. англо-американских войск в Северной Африке, разгром в мае 1943 г. итало-немецкой группировки в Тунисе, начало наступления сил западных союзников на Азиатско-Тихоокеанском театре военных действий.

Но в межсоюзнических отношениях проблема второго фронта в Европе оставалась центральной и нерешенной. Совместное послание У. Черчилля и Ф. Рузвельта о результатах их встречи в Касабланке (январь 1943 г.), направленное И. Сталину, было составлено в расплывчатых выражениях, не содержало информации о конкретных операциях, не называло их сроки, а лишь выражало надежду, что "эти операции, вместе с Вашим мощным наступлением, могут наверное заставить Германию встать на колени в 1943 году"[35].

Последовал запрос Председателя Совета Министров СССР от 30 января 1943 г. У. Черчиллю и Ф. Рузвельту: "Понимая принятые Вами решения в отношении Германии как задачу ее разгрома путем открытия второго фронта в Европе в 1943 году, - писал он, - я был бы Вам признателен за сообщение о конкретно намеченных операциях в этой области и намечаемых сроках их осуществления.

Что касается Советского Союза, то я могу Вас заверить, что вооруженные силы СССР сделают все от них зависящее для продолжения наступления против Германии и ее союзников на советско-германском фронте"[36].

После консультации с Рузвельтом английский премьер направил советской стороне обнадеживающий ответ: "Мы также энергично ведем приготовления, до пределов наших ресурсов, к операции форсирования Канала (Ла-Манша. - ***О.Р.)*** в августе, в которой будут участвовать британские части и части Соединенных Штатов. Тоннаж и наступательные десантные средства здесь будут также лимитирующими факторами. Если операция будет отложена вследствие погоды или по другим причинам, то она будет подготовлена с участием более крупных сил на сентябрь"[37]. В действительности западные союзники готовились к продолжению военных действий на отдаленном от Германии Средиземноморском театре. После очередной встречи с У. Черчиллем в Вашингтоне в мае 1943 г. Ф. Рузвельт сообщил в Москву о переносе сроков открытия второго фронта на 1944 г. Помимо проблемы второго фронта, отношения осложнило и согласованное У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом решение ограничить поставки военных материалов в северные порты СССР по причине необходимости использования транспортных средств в Средиземном море, о чем 30 марта 1943 г. было сообщено Советскому правительству.

11 июня глава Советского правительства направил У. Черчиллю ответ на его сообщение о решениях, принятых в Вашингтоне. Текст этого ответа был направлен также Ф. Рузвельту. В нем указывалось, что новая отсрочка англо-американского вторжения в Европу "создает исключительные трудности для Советского Союза, уже два года ведущего войну с главными силами Германии и ее сателлитов с крайним напряжением всех своих сил, и предоставляет Советскую Армию, сражающуюся не только за свою страну, но и за своих союзников, своим собственным силам, почти в единоборстве с еще очень сильным и опасным врагом. Нужно ли говорить о том, какое тяжелое и отрицательное впечатление в Советском Союзе - в народе и в армии - произведет это новое откладывание второго фронта и оставление нашей армии, принесшей столько жертв, без ожидавшейся серьезной поддержки со стороны англо-американских армий".

"Что касается Советского Правительства, - говорилось в заключение, - то оно не находит возможным присоединиться к такому решению, принятому к тому же без его участия и без попытки совместно обсудить этот важнейший вопрос и могущему иметь тяжелые последствия для дальнейшего хода войны"[38].

Дальнейший обмен посланиями еще более накалил обстановку - у западных союзников не было убедительных аргументов, оправдывающих новую отсрочку открытия второго фронта. "Должен Вам заявить, - писал глава Советского правительства в послании У. Черчиллю 24 июня, текст которого был также направлен Ф. Рузвельту, - что дело идет здесь не просто о разочаровании Советского Правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям. Нельзя забывать того, что речь идет о сохранении миллионов жизней в оккупированных районах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв советских армий, в сравнении с которыми жертвы англо-американских войск составляют небольшую величину"[39].

Продвижение советских войск к государственным границам СССР свидетельствовало, что война близится к завершению. Западные союзники, опасаясь выхода советских армий в Центральную и Западную Европу раньше своих войск, активизировали подготовку операции вторжения во Францию через Ла-Манш. В заключительном докладе Объединенного комитета начальников штабов Великобритании и США на конференции в Квебеке (август 1943 г.) указывалось, что операция "Оверлорд" (новое название операции "Раундап") будет главным англо-американским наступлением на суше и в воздухе против европейских держав "оси", которое намечалось на 1 мая 1944 г. Этот вопрос с участием СССР обсуждался затем на Конференции министров иностранных дел трех стран в Москве в октябре 1943 г.

В представленных Великобританией и США предложениях о повестке дня Московской конференции вопрос о втором фронте, тем не менее, отсутствовал. Советская дипломатия проявила максимум настойчивости для того, чтобы конференция успешно завершилась Во многом это удалось. Одним из важнейших ее итогов явилось подписание 1 ноября

1943 г. особо секретного протокола, в котором США и Великобритания подтвердили свои намерения осуществить наступление в Северной Франции весной 1944 г.

Окончательное же решение относительно открытия второго фронта в Европе было принято на состоявшейся в конце ноября - начале декабря 1943 г. Тегеранской конференции, где впервые встретились руководители трех союзных держав: Рузвельт, Сталин и Черчилль.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В посланиях от 31 июля Черчилль информировал об отправке в СССР северным морским путем очередного конвоя и сообщал о своем желании встретиться лично со Сталиным "в Астрахани, на Кавказе или в каком-либо другом месте". См.: Переписка Председателя Совета Министров СССР И.В. Сталина с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М., 1986. Т. 1. С. 68-69; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны: Документы и материалы: В 2-х т. Т. 1. 1941-1943. М., 1983. С. 265-275; 279-283.

[2] АВП РФ. Ф.059а. Оп. 7. П. 13. Д. 5. Л. 142-151.

[3] В Великобритании, в отличие от СССР и США, поста Верховного главнокомандующего не существовало, но фактически таковым являлся У. Черчилль, совмещавший должности премьер-министра и министра обороны. В Каире ему предстояло принять решение о замене главнокомандующего войсками на Среднем Востоке генерала К. Окинлека (с 1946 г. - фельдмаршал), который не справлялся с руководством войсками. Располагая преимуществом в силах, они длительное время не могли достичь успеха в боях с итало-немецкой танковой армией "Африка" генерал-фельдмаршала Э. Роммеля. В результате анализа обстановки на фронте и последующей телеграфной консультации с кабинетом министров новым главнокомандующим был назначен генерал Х. Александер (с 1944 г. - фельдмаршал), а командующим 8-й армией - основой боевой мощи британских войск в Северной Африке, генерал Б. Монтгомери (с 1944 г. - фельдмаршал). Назначения себя оправдали. Войска под их командованием нанесли поражение армии Э. Роммеля в боях под Эль-Аламейном (23 октября - 4 ноября 1942 г.).

[4] Этот самолет из-за неисправности двигателей возвратился в Тегеран, а его пассажиры прибыли в Москву позднее на советском самолете. Всего в Москву прибыли 20 человек - 14 представителей Великобритании и 6 - США.

[5] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Том IV. Поворот судьбы / Пер. с англ. М., 1955. С. 472.

Когда была достигнута договоренность о визите Черчилля в СССР, из Москвы в посольство СССР в Лондоне пришло указание, чтобы премьер-министра в поездке сопровождал советник посольства К.В. Новиков, в дальнейшем Чрезвычайный и Полномочный посол, член Коллегии МИД СССР. В его задачу входило выяснить, с чем Черчилль направляется в Москву. В Каире Новикову удалось, расположив к себе английского генерал-губернатора, узнать от него, что Черчилль сообщит в Москве об отказе союзников открыть второй фронт в 1942 г. Это была информация первостепенной важности, но передать ее в Москву Новиков не мог, так как в то время в Каире не было никаких советских представительств. Пришлось ждать следующей остановки - в Тегеране. Там Новиков через советское посольство передал эту информацию в Москву.

Когда самолет с Черчиллем приземлился в Москве, Новикова прямо с аэродрома доставили в Кремль к Сталину. Тот сказал следующее: "Мы внимательно прочитали ваше сообщение, но оно вызывает большие сомнения. Не может быть, чтобы союзники отказались открыть второй фронт в этом году". Но Новиков стоял на своем, и, когда начались переговоры с Черчиллем, Сталин убедился в достоверности его информации (см.: Советская Россия. 2002. 29 авг. С. 5).

[6] *Stoler M.* Allies and Adversaries. The University of North California Press. 2000. P. 67.

[7] The Oxford Companion to World War II. Oxford, 1995. P. 1114.

[8] The Public papers and Adresses of Franklin D. Roosevelt / Comp. S. Rosenman. N.Y., 1969. Vol. 12. P. 22.

[9] Справка Центрального архива ФСБ России от 17 июня 1998 г.

[10] Беседы Сталина с Черчиллем 12,13 и 15 августа 1942 г. опубликованы и даются в кратком изложении. Подробнее см.: Советско-английские отношения... Т. 1. С. 265-276, 279-283. Другие документы, кроме заключительного коммюнике, публикуются по архивным источникам.

[11] Архив внешней политики РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 14. Д. 131. Л. 20-23 (далее - АВП РФ).

[12] Подробнее см.: *Невежин В.А.* Застольные речи Сталина. М., 2003. С. 303-330.

[13] Фильм "Разгром немцев под Москвой" был погружен в один из самолетов группы Черчилля в день отлета 16 августа 1942 г.

[14] На обеде присутствовали около 100 человек. Черчилль отметил в мемуарах: "Распространялись глупые истории о том, что эти советские обеды превращались в попойки. В этом нет ни доли правды. Маршал (Сталин. - *Ред.)* и его коллеги неизменно пили после тостов из крошечных рюмок, делая в каждом случае лишь маленький глоток. Меня изрядно угощали" *(Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. IV. С. 488).

[15] См.: Советско-английские отношения... С. 276-278.

[16] 17 августа 1942 г. части союзников (основу которых составляли канадские подразделения) высадились в районе Дьеппа, и в течение некоторого времени удерживали небольшой плацдарм, но в конечном итоге были эвакуированы с большими потерями. Некоторые западные историки высказывают мнение, что диверсионная операция в районе Дьеппа преднамеренно была рассчитана на провал как доказательство невозможности открытия второго фронта в 1942 г.

[17] АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 282. Л. 64. "Эта встреча с тремя русскими генералами, включая маршала Ворошилова и начальника русского штаба маршала Б.М. Шапошникова, оказалась весьма непродуктивной, - писал Брук в дневнике. - Поскольку они не имели ни малейшего понятия об условиях, существующих во Франции или в Англии, и никакого реального представления о характере и сложности морских десантных операций, то с самого начала это была безнадежная задача" (Секретная переписка... С. 277).

[18] Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / Пер. с англ. Ред. Ф. Лоуэнхейм, Г. Лэнгли, М. Джонас. М., 1995. С. 272-274.

[19] Там же. С. 277.

[20] В памятной записке Черчиллю и Гарриману от 13 августа 1942 г. Сталин заявил: "Как хорошо известно, организация второго фронта в Европе была предрешена во время пребывания Молотова в Лондоне, и это нашло свое выражение в согласованном англо-советском коммюнике от 12 июня этого года".

Советский руководитель продолжал отклонять все доводы, выдвинутые Черчиллем против проведения операции "Следжхэммер", и в заключение отметил, что "г-н Гарриман... полностью поддержал г-на премьер-министра". В своем ответе от 14 августа Черчилль решительно заявил: "Никакого обещания Великобритания или Соединенные Штаты не нарушили". А Гарриман в письме Сталину, также датированном 14 августа, утверждал: "...Я должен подтвердить заявление [Черчилля] о том, что никакого обещания не было нарушено в отношении второго фронта". В телеграмме Рузвельту, посланной из Москвы 14 августа и полученной в Вашингтоне 15 августа, Гарриман отметил, что "приемы, примененные Сталиным вчера вечером, очень напоминали приемы, примененные им к Бивербруку и ко мне во время нашей второй встречи в прошлом году. Я не думаю, что имеются основания для беспокойства, и в конфиденциальном порядке надеюсь на хорошее взаимопонимание до того, как премьер-министр уедет". Генерал Брук, который также присутствовал на встрече, был значительно менее оптимистичен. Он записал в дневнике "Уинстон взывал к сентиментальности Сталина, которой, как я думаю, не существует. Вообще я почувствовал, что мы не особенно продвигаемся вперед. Лично я полагаю, что наша политика в отношении русских была неправильной с самого начала... Мы раболепствовали перед ними, делали для них все, что могли, и ни разу не потребовали у них ни одного факта или цифры относительно их производства, мощи, дислокации и т.д. В результате они презирают нас и нуждаются в нас лишь тогда, когда могут что-нибудь получить от нас" (Секретная переписка... С. 275-277).

[21] *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. IV. С. 495-496.

[22] АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 282. Л. 58-61.

[23] Заключенный в квадратные скобки абзац был вычеркнут переводчиком из записи текста беседы.

[24] Public Record Office. Prem. 3/7612. P. 35-37. Встреча на квартире Сталина затянулась до 3 часов ночи. Еще с вечера на даче Черчилля его ожидал польский генерал В. Андерс, назначенный эмигрантским правительством командующим польскими войсками в России и на Среднем Востоке, которого Черчилль пригласил для беседы. По возвращении британского премьера на дачу они условились провести переговоры в Каире. Полковник И. Джекоб, который провел это время с Андерсом, констатировал в своих записях, что этот польский генерал и его окружение "не любили немцев, но русских они ненавидели" (Churchill Archive Center. JACOB 1/17. P. 55).

[25] АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 14. Д. 131. Л. 27.

[26] Советско-английские отношения... С. 283.

[27] Churchill Archive Center 20/87; JACOB 1/17 etc.

[28] *Трухановский В.Г.* Уинстон Черчилль. М., 1989. С. 325.

[29] Public Record Office. FO 371 50804. P. 7.

[30] *Сталин И.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 74.

[31] *Carlton D.* Churchill and the Soviet Union... L., 2000. P. 100.

[32] Советско-английские отношения... Т. 1. С. 294.

[33] АВП РФ. Ф. 059 а. Оп. 7. П. 13. Д. 5. Л. 175-189.

[34] Там же. Л. 201-206 (печатается по рукописи).

[35] Переписка... Т. 1. С. 102.

[36] Там же. С. 105.

[37] Там же. С. 110.

[38] Там же. С. 156.

[39] Там же.

Глава шестая

ТЕГЕРАН. 28 НОЯБРЯ-1 ДЕКАБРЯ 1943 ГОДА. ЧЕРЧИЛЛЬ МЕЖДУ РУЗВЕЛЬТОМ И СТАЛИНЫМ

Ко времени Тегеранской конференции глав союзных держав (28 ноября - 1 декабря 1943 г.) военно-политическая обстановка в мире значительно отличалась от той, которая была в период визита Черчилля в Москву осенью 1942 г. и его первой встречи со Сталиным. Произошел коренной перелом в войне. Победы Красной Армии под Сталинградом и на Курской дуге явились основой этого перелома. Потери противника на советско-германском фронте, где действовали его главные силы, около 250 дивизий, возросли в два раза и составили 80% общих потерь агрессоров во второй мировой войне. Только потери сухопутных войск вермахта с ноября 1942 г. до конца 1943 г. составили около 7 тыс. танков, 14 тыс. самолетов, 450 тыс. солдат и офицеров пленными. Красная Армия, владея стратегической инициативой, с боями продвинулась на 500 км на Центральном и до 1300 км на Южном направлениях, освободила обширные районы Северного Кавказа, Центральной России, Восточной Белоруссии, левобережье Украины, в том числе Харьков и Донбасс. Усилилась борьба партизан и подпольщиков на оккупированной территории. Их численность превысила 1 млн человек. По единому плану в тылу противника были осуществлены крупнейшие операции "Рельсовая война" и "Концерт", в результате которых было нарушено снабжение немецких войск на фронте, что способствовало успешному завершению Курской битвы и битвы за Днепр[1]. В начале ноября был освобожден Киев. Незадолго до Тегеранской конференции Рузвельт заметил: "Ведь если дела в России пойдут и дальше так, то возможно будущей весной второй фронт и не понадобится"[2]. Победы Красной Армии достигались дорогой ценой. Ее среднесуточные потери возросли, а в битве за Днепр оказались самыми высокими за всю войну - 27 300 человек.

Значительных успехов в борьбе с противником добились Великобритания и США. Англо-американские силы завершили разгром 240-тысячной группировки итало-немецких войск в Северной Африке, освободили остров Сицилию и южную часть Апеннинского полуострова, что привело к падению фашистского режима Муссолини и выходу Италии из войны. Усилились англо-американские бомбардировки Германии. Важное значение имел успех англо-американских военно-морских сил в битве за Атлантику. Потери торговых судов союзников снизились с 37 в апреле 1943 г. до 7 в декабре и резко возросли потери немецкого под-

водного флота. За первые пять месяцев 1943 г. они составили около 100 подводных лодок, в том числе в мае - 47[3]. Уменьшение подводной угрозы существенно облегчило доставку стратегических грузов и перевозку войск из США в Англию. "Волчьи стаи" германских подводных лодок были вынуждены отступить, но конвои в Мурманск и Архангельск с вооружением для СССР с мая по ноябрь 1943 г. не отправлялись.

На Тихом океане вооруженные силы США и их союзники постепенно вытесняли Японию с занятых ею позиций, не допустили захвата Новой Гвинеи и установили контроль над островами Гилберта. Особенно ожесточенные бои велись за остров Тарава. В Китае и Бирме существенных событий не произошло, стороны готовились к решающим операциям 1944 г.[4]

Промышленное производство стран антигитлеровской коалиции вдвое превысило аналогичные показатели стран тройственного пакта; выпуск вооружения - втрое. К концу 1943 г. число участников коалиции возросло с 26 до 41, в то время как с капитуляцией Италии начался распад блока агрессоров. В конечной победе антигитлеровской коалиции уже не было сомнений, но противник располагал мощными людскими и экономическим ресурсами для продолжения войны. Ни одна из стран Европы и Азии, оккупированных захватчиками, еще не была освобождена.

Сложившаяся обстановка требовала принятия решений, направленных на стратегическое взаимодействие вооруженных сил ведущих держав антигитлеровской коалиции и обсуждение неотложных вопросов послевоенного устройства мира. Реальными возможностями осуществления стратегического взаимодействия в Европе являлось открытие второго фронта; в Азии - вступление СССР в войну против Японии, что создавало условия для максимального сокращения сроков войны и числа ее жертв.

Вопрос о втором фронте обсуждался с октября 1941 года и частично рассматривался в предыдущих главах. В летние месяцы 1943 г. после того как в Москве стало известно, что западные союзники нарушили свои заверения Советскому правительству об открытии второго фронта в 1943 г., отношения с ними обострились. Сталин ранее писал в своем послании Черчиллю: "Должен Вам заявить, что дело идет здесь не просто о разочаровании Советского правительства, а о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям. Нельзя забывать того, что речь идет о сохранении миллионов жизней в оккупированных районах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв советских армий, в сравнении с которыми жертвы англо-американских войск составляют небольшую величину"[5]. Стремясь исправить создавшееся положение, Черчилль и Рузвельт обсудили вопрос о втором фронте на встрече в Квебеке совместно со своими начальниками штабов и пришли к выводу о возможности высадки морского десанта в Нормандии и на юге Франции в мае 1944 г. На Московской конференции министров иностранных дел 1 ноября 1943 г. был подписан особо секретный протокол. В нем указывалось, что Советское правительство принимает к сведению заявления министров иностранных

дел Великобритании А. Идена и государственного секретаря США К. Хэлла, а также их военных представителей и "выражает надежду, что изложенный в этих заявлениях план вторжения англо-американских войск в Северную Францию весной 1944 г. будет осуществлен в срок"[6]. Окончательно вопрос предстояло решить на встрече Большой тройки, принципиальная договоренность о которой к этому времени была достигнута.

Идея трехсторонней встречи на высшем уровне впервые была высказана Рузвельтом в послании Сталину от 2 декабря 1942 г. Выразив принципиальное согласие на участие в такой встрече, глава Советского правительства предложил организовать ее позднее, мотивировав это невозможностью для себя отвлечься от обязанностей Верховного Главнокомандующего в разгар ожесточенных сражений на советско-германском фронте[7]. В этот период Рузвельт и Черчилль действовали согласованно, ведя оживленную переписку. "...Мы должны продолжать все усилия для созыва африканской встречи и возложить ответственность за отказ на нашего друга"[8], - телеграфировал Рузвельт британскому премьеру, получив ответное послание Сталина.

На конференции в Касабланке 14-24 января 1943 г., куда Сталин так и не приехал, Рузвельт выступил с заявлением о безоговорочной капитуляции стран фашистского блока как конечной цели союзников. Это важнейшее по своим последствиям заявление означало также, что США не согласятся на прекращение войны в Европе на условиях, не санкционированных Вашингтоном.

В мае 1943 г. Рузвельт направил в Москву бывшего посла США в Советском Союзе Дж. Дэвиса с личным посланием, поставив перед ним задачу договориться со Сталиным об организации советско-американской встречи. По замыслу американского президента, она должна была состояться летом и носить неофициальный характер "встречи умов", в которой не участвовали бы представители госдепартамента и военных штабов[9]. Возможность встречи только Сталина и Рузвельта вызвала беспокойство Черчилля, заявившего, что необходима конференция представителей всех трех держав. В то же время он дипломатично сообщил Рузвельту, что "считает важным" установление такого контакта и не будет возражать. Рузвельт, тем не менее, в письме британскому премьеру счел нужным представить дело как инициативу Сталина[10]. В начале ноября при различии исходных позиций (варианты места встречи предлагались от Шотландии до Северной Африки) удалось договориться о её проведении в Тегеране в конце ноября 1943 г., как на этом настаивал Сталин.

Необходимость встречи руководителей трех держав определялась общей задачей разгрома фашистско-милитаристского блока. Коренной перелом в войне, достигнутый в первую очередь усилиями Красной Армии, поставил перед западными союзниками вопрос о координации дальнейших планов и действий с Советским Союзом. "Завершение грандиозной русской победы в Сталинграде, - свидетельствует Р. Шервуд, - изменило всю картину войны и перспективы ближайшего будущего. В результате одной битвы, которая по времени и невероятному

И. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль на конференции в Тегеране

количеству потерь была фактически равна отдельной крупной войне, Россия стала в ряды великих мировых держав, на что она давно имела право по характеру и численности своего населения. Рузвельт понял, что должен взглянуть теперь в более далекое будущее, чем военная кампания 1943 года, и заняться рассмотрением вопросов послевоенного мира"[11].

Взгляды из Лондона и Вашингтона на важнейший вопрос об открытии второго фронта были неоднозначны. В Соединенных Штатах Америки план высадки англо-американских войск на севере Франции разрабатывался с 1942 г. Этот план поддерживали высшие военные руководители, президент Рузвельт и его ближайшее окружение. Черчилль и его начальники штабов занимали двойственную позицию. Британский премьер был убежден, что наилучшим вариантом второго фронта является наступление англо-американских войск из Италии через Люблянский проход на Балканы, "мягкое подбрюшье Европы". Под давлением США согласившись на встрече в Квебеке и на Московской конференции с проведением десантных операций в Нормандии и на юге Франции, британская сторона рассчитывала добиться принятия в Тегеране балканского варианта своей стратегии и вовлечения в войну Турции. Для США и Рузвельта большое значение после разгрома Германии имело вступление СССР в войну с Японией, боевые действия против которой в основном велись силами Соединенных Штатов с участием Великобритании и Китая. Американская сторона рассчитывала на соответствующее заявление Сталина. На Московской конференции министров иностранных дел он доверительно проинформировал государственного секретаря К. Хэлла о советских планах вступления в войну на Дальнем Востоке.

И Черчилля, и Рузвельта тревожило быстрое продвижение советских армий на запад. На совещании с американскими начальниками штабов 19 ноября 1943 г. на борту линкора "Айова" по пути в Каир на англо-американо-китайскую конференцию, которая предшествовала встрече глав правительств СССР, США и Великобритании в Тегеране, президент Рузвельт обратил внимание присутствовавших на то, что советские войска находятся всего лишь в 60 милях от польской границы и в 40 милях от Бессарабии. Если они форсируют реку Буг, что могут сделать в ближайшие две недели, они окажутся на пороге Румынии.

Президент указывал на необходимость употребить все усилия, чтобы вместе с Англией оккупировать большую часть Европы. Под английскую оккупацию он "отдавал" Францию, Бельгию, Люксембург, а также южную часть Германии - Баден, Баварию и Вюртемберг. Соединенные Штаты, сказал Рузвельт, "должны занять Северо-Западную Германию. Мы можем ввести наши корабли в такие порты, как Бремен и Гамбург, а также в [порты] Норвегии и Дании, и мы должны дойти до Берлина. Тогда пусть Советы занимают территорию к востоку от него. Но Берлин должны взять Соединенные Штаты"[12].

В свою очередь балканская стратегия Черчилля ставила целью упредить освобождение Красной Армией стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Обсуждались и другие варианты развития событий. В Национальном архиве США хранится протокол заседания Объединенного комитета начальников штабов США и Великобритании 20 августа 1943 г. в Квебеке. Заседание проходило с участием начальника имперского штаба Великобритании А. Брука и начальника штаба армии США генерала Д. Маршалла. Параграф 9 протокола "Военные соображения в отношениях с Россией" указывает, что генералы обсуждали вопрос, "не помогут ли немцы" вступлению англо-американских войск на территорию Германии, "чтобы дать отпор русским"[13].

В Каире, куда был также приглашен Чан Кайши, в течение нескольких дней, с 22 по 26 ноября 1943 г., Черчилль и Рузвельт согласовывали свою позицию перед встречей со Сталиным. Черчилль и британские начальники штабов настаивали на отсрочке высадки в Нормандии до сентября или по крайней мере до середины июля[14]. Черчилль «хочет вонзить нож в спину "Оверлорда"», - констатировал в своем дневнике военный министр США Стимсон[15]. 27 ноября главы делегаций прибыли самолетами в Тегеран: Рузвельт и Черчилль - из Каира, Сталин - из Баку.

Еще в августе в иранскую столицу направилась группа специалистов советских органов госбезопасности с целью выяснить условия, необходимые для проведения конференции и обеспечения безопасности ее участников. Координацию этой работы до и в ходе конференции осуществлял находившийся в Баку заместитель министра внутренних дел СССР С. Круглов.

Несмотря на присутствие в Иране советских, британских и американских войск, Тегеран оставался одним из центров германской диверсионной сети на Ближнем Востоке. Советская сторона располагала информацией о подготовке террористической операции против лидеров трех держав. Позднее стало известно, что эта операция под кодовым на-

званием "Длинный прыжок" действительно готовилась под руководством штандартенфюрера СС О. Скорцени, который незадолго до этого выкрал у союзников из-под ареста итальянского диктатора Б. Муссолини. В результате совместных действий британской и советской разведок основные силы германской агентуры в Иране были выявлены и ликвидированы, что воспрепятствовало осуществлению террористической операции, задуманной в Берлине. Тем не менее до 80 установленных немецких агентов еще оставались на свободе. Охрана участников конференции являлась задачей первостепенной важности, особенно в связи с переездом 28 ноября из американского в советское посольство делегации США во главе с Ф. Рузвельтом, в распоряжение которого было предоставлено главное здание посольства[16]. Только с советской стороны безопасность участников конференции обеспечивали около 200 сотрудников спецслужб и полк НКВД[17].

28 ноября 1943 г. Тегеранская конференция начала свою работу.

Повестка дня не была предварительно согласована, и участники конференции обсуждали те вопросы, которые считали наиболее важными.

За час до начала первого заседания, в отсутствие британского премьера, состоялась беседа Сталина и Рузвельта. При обсуждении послевоенного мироустройства Рузвельт заявил, что хотел бы поговорить с главой советского правительства "о послевоенном периоде". Сталин ответил, что "Россия будет представлять собою после войны большой рынок для Соединенных Штатов". Близкими оказались взгляды двух лидеров по многим вопросам, в том числе по колониальной проблеме и позиции Черчилля относительно будущего Индии - Рузвельт высказал мысль о том, что для Индии "не подходит парламенская система правления и что было бы лучше создать в Индии нечто вроде советской системы, начиная снизу, а не сверху".

На первом заседании Рузвельт, взяв слово и коснувшись вначале положения на Тихоокеанском театре, изложил затем согласованную в Каире англо-американскую позицию относительно высадки в Северной Франции. Составленный в Квебеке план, сказал президент, исходил из организации десантной операции около 1 мая 1944 г. Однако имеется много других мест, где могли бы быть использованы союзные войска в период до этой даты, и если "мы будем проводить крупные десантные операции в Средиземном море, то экспедицию через Канал, возможно, придется отложить на 2 или 3 месяца".

Британский премьер со своей стороны доказывал, что до начала операции "Оверлорд" остается шесть месяцев и поэтому нежелательно, чтобы англо-американские войска оставались в течение всего этого времени в бездействии. В качестве первоочередной задачи он предлагал занять Рим и блокировать Германию с юга, организовав операции на Балканах и в восточном Средиземноморье. Вначале Черчилль дал понять, что предложенные им действия, "возможно, вызвали бы некоторую отсрочку операции через Канал". Затем он высказался более категорично: "Я не могу пожертвовать операциями в Средиземном море только ради того, чтобы сохранить дату 1 мая".

Сталин возражал Черчиллю, подчеркивая, что Итальянский театр военных действий важен лишь для обеспечения свободы судоходства на Средиземном море, но не имеет существенного значения для дальнейших операций против Германии, так как наступление через Альпы предпринять крайне трудно. По поводу сроков высадки в Северной Франции он сказал, что лучше всего предпринять высадку в мае, а «если осуществить "Оверлорд" в августе ... то из-за неблагоприятной погоды в этот период ничего из этой операции не выйдет». Когда на втором заседании выяснилось, что еще не принято решение, кто будет руководить операцией, Сталин заявил, что если не ясно, кто несет ответственность за ее подготовку и осуществление, то "Оверлорд" останется "лишь разговором".

Далее Сталин сделал заявление о готовности СССР принять участие в разгроме японских агрессоров. Отметив, что Советская Армия целиком занята военными действиями против Германии и поэтому на Дальнем Востоке сил для наступления недостаточно, Сталин сказал, что увеличение советских сил "может иметь место, когда мы заставим Германию капитулировать. Тогда - общим фронтом против Японии". Это столь важное для Рузвельта заявление оказало существенное влияние на ход дальнейших переговоров.

На втором заседании Черчилль, в очередной раз пытаясь обосновать необходимость использовать "многие возможности, которые имеются в Средиземном море", из-за чего придется отложить начало операции "Оверлорд", предложил продолжить рассмотрение этих вопросов на заседании военной комиссии, для которой британцы совместно с американской стороной должны были разработать директивы. Это означало не только затягивание переговоров, но и то, что важнейший вопрос конференции мог быть решен за спиной советской делегации. Сталин прервал английского премьера вопросом: "Сколько времени мы намерены оставаться в Тегеране?" Рузвельт счел нужным вмешаться и предложил дать директивы военной комиссии "втроем". Это также не устроило главу Советского правительства, который сказал, что вопросы относительно сроков операции "Оверлорд", назначения ее командующего и организации вспомогательной высадки в Южной Франции могут быть решены без всякой военной комиссии непосредственно в ходе совещания. «Русские хотят знать дату начала операции "Оверлорд", - сказал он, - чтобы подготовить свой удар по немцам»[18]. Рузвельт сделал важную уступку: «Я возражаю против отсрочки операции "Оверлорд"», - произнес он, предложив, тем не менее, передать вопрос на рассмотрение военной комиссии. "Совещание военных не ускорит нашей работы", - вновь возразил Сталин. Заседание закончилось обещанием Черчилля и Рузвельта подготовить к следующему дню согласованную точку зрения, с чем советская сторона согласилась.

После заседания состоялся обед, во время которого между Сталиным и Черчиллем продолжался обмен "любезностями". Когда Рузвельт, сославшись на усталость, удалился, диалог не утратил напряжения. Черчилль: "Я полагаю, что Бог на нашей стороне. Во всяком случае, я сделал все для того, чтобы он стал нашим верным союзником..."

Сталин: "Ну, а дьявол, разумеется, на моей стороне. Потому что, конечно же, каждый знает, что дьявол - коммунист. А Бог, несомненно, добропорядочный консерватор..."[19].

Переводчик Рузвельта Чарльз Болен в мемуарах отмечает, что во время обеда Сталин не раз намекал на нежелание Черчилля серьезно воевать против Германии. Черчилль был крайне раздражен и в разговоре со своим врачом лордом Мораном сказал, что после войны с Германией "может разразиться еще более кровопролитная война", имея в виду СССР[20].

Вечером Черчилля посетил Г. Гопкинс, который выразил мнение, что британский премьер "ведет бой, выиграть который невозможно", и посоветовал ему "уступить красиво"[21].

Утром 30 ноября состоялось заседание англо-американского Объединенного комитета начальников штабов, на котором было решено определить датой начала операции "Оверлорд" 1 июня 1944 г., пообещав в то же время советской делегации, что она начнется в мае[22]. Примерно в это время Черчилль посетил Сталина. В беседе он стремился сгладить неблагоприятное впечатление, которое могло сложиться у главы советской делегации относительно позиции представителей Великобритании в результате первых двух дней конференции. Черчилль сообщил, что его колебания были вызваны давлением США, которые требовали непременно провести весной 1944 г. десантную операцию в Бенгальском заливе. Одновременное осуществление нескольких операций, объяснял премьер, требовало такого распыления сил, которое ставило под сомнение успех "Оверлорда". О принятом решении относительно срока начала операции Черчилль ничего не сказал, предоставив возможность американскому президенту первому сообщить советской стороне эту новость[23].

Этому предшествовала важная беседа Молотова с Иденом и Гопкинсом.

№159

Запись беседы тов. Молотова с Иденом и Гопкинсом во время завтрака в английской миссии в Тегеране 30 ноября 1943 года

Из Дневника
В.М. Молотова

Секретно

Молотов. Вчера во время беседы с Черчиллем тов. Сталин высказывал мысль о том, что после войны в целях предупреждения новой большой войны наши страны, которые будут нести главную ответственность за сохранение мира после нынешней войны, должны позаботиться о том, чтобы главные стратегиче-

ские пункты находились под контролем союзников. Он указывал при этом в качестве примера на Бизерту и Дакар. Бизерта должна находиться в руках Великобритании, а Дакар - в руках Соединенных Штатов, чтобы Соединенные Штаты могли обеспечить свой контроль над Атлантическим океаном. Я хотел бы спросить, считают ли Иден и Гопкинс правильной эту мысль Маршала Сталина.

Иден. Что касается нас, то Премьер вчера уже сказал, что мы не хотим новых территорий. Что касается германских и японских баз, то, конечно, они должны перейти под контроль Объединенных Наций. В отношении же французских укрепленных пунктов дело является более трудным, и я не знаю, как нам, англичанам, поступить в этом случае, так как мы были союзниками с Францией и долгое время поддерживали с ней близкие отношения. Я думаю, что Франция могла бы внести свой вклад, разрешив установить Объединенным нациям контроль над принадлежащими ей стратегическими пунктами. Великобритания предоставила, например, Соединенным Штатам свои базы в Вест-Индии, и непонятно, почему бы Франция не могла поступить точно так же.

Молотов. Я считаю эту постановку вопроса законной.

Гопкинс. Мы не можем знать, какие пункты мы должны будем оккупировать, до тех пор, пока мы не будем знать, кто будет нашим врагом в будущем. Президент считает, что для поддержания мира весьма важно, чтобы Советский Союз, Соединенные Штаты и Великобритания сотрудничали друг с другом так, чтобы никто из них не вооружался друг против друга. В качестве своих врагов в будущем мы в Америке избрали бы Японию и Германию. Что касается баз в Тихом океане, необходимых для того, чтобы заставить Японию выполнять условия мира, то это - вопрос довольно простой. Например, я считал бы, что, предоставляя независимость Филиппинам, мы должны были бы обеспечить наличие военно-морских и военно-воздушных баз на Филиппинах по соглашению с Россией и Великобританией. Если Китаю будет возвращена Формоза, то и там должны быть организованы базы. Что касается Филиппин, то там находились бы американские войска, а не войска Объединенных наций. Однако с Объединенными Нациями были бы согласованы количество войск и характер их обязанностей.

Молотов. Этот вопрос заслуживает внимания, и я думаю, что это правильно.

Иден. Я согласен.

Гопкинс. Президент считает, что в Тихом океане над островами, отнятыми у Японии, должен быть установлен контроль Объ-

единенных наций. Союзники должны решить, какой тип баз должен быть установлен на этих островах и кто должен ими руководить. Я хотел бы, чтобы наши три державы получили укрепленные пункты, которые ими бы контролировались, и чтобы их вооруженные силы оккупировали эти базы, необходимые для поддержания мира.

Молотов. Это правильно.

Гопкинс. Для Соединенных Штатов легко обсудить эти вопросы, так как Соединенные Штаты не имеют территорий в Европе, подвергающихся опасности нападения со стороны Германии. Вопрос о том, как сделать, чтобы Германия больше не воевала, - трудная проблема. Этот вопрос легче решить России и Великобритании, так как они владеют территориями в Европе. Я думаю, что вопрос о контроле над укрепленными пунктами в тех странах, которые были традиционно недружественно настроены к России и Великобритании, - не трудно решить. Но встает вопрос о том, как поступить Великобритании и России в случае установления контроля над базами, расположенными в странах, которые были традиционно дружественно настроены в отношении Великобритании и СССР.

Иден. Дело в том, что легче грубо разговаривать с врагом, чем с другом.

Гопкинс. Это один из серьезных вопросов. Я думаю, что целесообразнее, чтобы о нем побеседовали между собой премьер-министр, президент и Маршал Сталин.

Иден. Я хотел бы слышать совет Молотова и Гопкинса о том, как поступить с Турцией. Я пытался об этом думать, и вот мое предложение. Я думаю, что мы должны обратиться к Турции с совместным призывом о вступлении в войну, объяснив Турции последствия, которые ее ожидают в случае отказа выполнить это требование. Конечно, вопрос о вступлении Турции в войну касается больше Англии как союзницы Турции. Я думаю, что, если с этим согласятся Маршал Сталин и Рузвельт, можно было бы вызвать Иненю в Каир, где с ним могли бы встретиться Черчилль и Рузвельт. Что касается вопроса о русском участии в этих переговорах, то мы были бы этому рады. Возможно, конечно, что Иненю не пожелает приехать. Он может сослаться на конституцию. Если он это сделает, тогда я не считаю правильным, чтобы президент и Черчилль поехали в Турцию. Если Иненю не приедет в Каир, то к нему можно было бы отправить посланца с нашими требованиями.

Молотов. Кого - Хьюгессона?

Иден. Не знаю, может быть Кадогана или какое-либо другое специальное лицо.

Молотов. Я доложу об этом предложении Идена Маршалу Сталину. Маршал Сталин - за привлечение Турции в войну не в отдаленное время, а в этом году.

Иден. Нет сомнений в том, что мы хотим вовлечь Турцию в войну. Я хотел бы знать, как, по мнению Молотова, Маршал Сталин посмотрит на сделанное мною предложение.

Молотов. Мне известно, что Маршал не верит, что Турция вступит в войну, но он считает, что нужно попробовать этого добиться.

Иден. Мне казалось, что раньше Советское Правительство смотрело на это дело более оптимистически.

Молотов. После переговоров Идена с Нуманом и ответа турок, который мы считаем плохим, мы стали смотреть на это дело менее оптимистично. Мы не рассчитывали, что ответ турок будет такой плохой.

Гопкинс. Инициатива в вопросе о привлечении Турции в войну принадлежала Советскому Правительству. Этот вопрос был очень энергично поставлен Советским Правительством на Московской конференции. У нас было впечатление, что если бы Соединенные Штаты и Англия присоединились к предложению Советского Правительства, то мы могли бы толкнуть Турцию в войну. У нас было впечатление, что вступление Турции в войну Россия считает важным делом с военной точки зрения. Теперь же от бесед с Маршалом Сталиным у президента сложилось другое впечатление. В нескольких случаях он имел возможность убедиться в том, что Россия не имеет сильного желания вовлечь Турцию в войну. Во всяком случае Маршал Сталин несколько раз повторял, что мы не сможем вовлечь Турцию в войну, и ни разу не указал на необходимость участия Турции в войне. Поэтому я хотел бы узнать у Молотова, изменилось ли ударение, которое Советское Правительство делало на необходимости вступления Турции в войну.

Молотов. Наше отношение к этому вопросу изменилось после ответа Турции и после переговоров Идена с Нуманом в Каире, где, как я понимаю, Иден выступал от имени трех правительств.

Иден. Я взял на себя смелость это сделать.

Молотов. Я считаю, что Иден имел право говорить от имени трех правительств, так как мы имеем с Великобританией общий Протокол, к которому также присоединились Соединенные Штаты. Ответ турок, полученный Иденом, не мог не иметь влияния на нашу позицию. С другой стороны, заявление Маршала Сталина о том, что если Турция объявит войну Германии, а Болгария нападет на Турцию, то Советский Союз не только порвет отношения, но объявит Болгарии войну, свидетельствует о том, что

Советское Правительство придает значение участию Турции в войне.

Иден. Я был удивлен, когда услышал это заявление Маршала Сталина.

Молотов. Я хотел бы получить разъяснение заявления, которое было сделано вчера Черчиллем. Он сказал, что отказ Турции вступить в войну отразится на ее правах в отношении Босфора и Дарданелл. Я хотел бы знать, что имел в виду Черчилль.

Иден. Я не знаю, что хотел сказать Черчилль. Я думаю, что он хотел сказать, что вся основа наших отношений с Турцией совершенно изменится. Во всяком случае, я спрошу Черчилля о том, что он имел в виду, делая свое заявление.

Молотов. Конечно, это было бы интересно узнать.

Иден. Я почти уверен в том, что именно это хотел сказать Черчилль.

Мне кажется, что Вы согласитесь с предложенным мною образом действия в отношении Турции, а именно с предложением о том, чтобы попытаться пригласить Иненю в Каир.

Молотов. Мне это предложение кажется правильным.

Гопкинс. Я имею основание верить, что сегодня мы достигнем существенного соглашения по тем пунктам, которые обсуждались Рузвельтом, Черчиллем и Сталиным и военными в отношении войны.

Молотов. Это вопрос первостепенного значения. Без этого соглашения наше совещание не достигнет своей цели. Мы обсуждали и решали что-то на конференции в Москве. Главы трех правительств обязаны добавить кое-что к этим обсуждениям и решениям.

Иден. Главы правительств должны также хорошо поработать, как и их министры иностранных дел.

Молотов. Мы обязаны хорошо работать, но главы наших правительств могут и должны лучше поработать. Если конференция влила бодрость в наши народы, то я думаю, что совещание глав трех правительств должно еще больше воодушевить наши народы.

Гопкинс. Вовлечение Турции в войну - это вопрос, непосредственно связанный с общим вопросом о стратегии. Мне известно, что начальники как английского, так и американского штабов считают, что для помощи Турции в войне мы должны принять на себя некоторые обязательства. Это связано, прежде всего, с оккупацией Родоса и Додеканезских островов, которые легко будут взяты после того, как Турция вступит в войну. Однако операция по захвату этих островов, по моему мнению, с которым также согласны начальники британского и американского штабов, вызовет задержку "Оверлорда".

Молотов. Это нежелательно.

Гопкинс. Во всяком случае, мы не можем обсуждать вопроса о вступлении Турции в войну отдельно от военной проблемы в общем. Никто не может отрицать эффекта вступления Турции в войну, и поэтому ради этого стоило бы даже отложить "Оверлорд". В результате вступления в войну Турции, Финляндия, может быть, запросит мира.

Молотов. Я хотел бы спросить, связывает ли Гопкинс вступление Турции в войну с отсрочкой "Оверлорда".

Гопкинс. Главы наших штабов полагают, что это так.

Молотов. Тогда это не будет соответствовать точке зрения советской армии.

Гопкинс. Президент держится мнения, что, поскольку начальники штабов не изучили в деталях вопроса о вступлении Турции в войну, у нас создается впечатление, что силы, которые мы предложим Турции, недостаточны, и он хотел бы, чтобы этот вопрос был обсужден до переговоров с президентом Турции. Я совершенно уверен в том, что вступление Турции в войну потребует от нас некоторых военных сил.

Хотя я колеблюсь быть вполне оптимистичным, так как я могу ошибиться, я тем не менее весьма сильно надеюсь, что два вопроса, касающиеся войны, поднятые Маршалом Сталиным вчера на заседании, будут разрешены к его удовлетворению. Я полагаю, что сегодня будут даны заверения в отношении "Оверлорда" и его срока, а также в отношении операции в Южной Франции. Я могу лишь сказать сегодня, что я весьма сильно надеюсь на это.

Молотов. Правильно ли я понимаю Гопкинса, что вовлечение Турции в войну означает отсрочку "Оверлорда". Если бы это было так, то Маршал Сталин был бы против вовлечения Турции в войну.

Гопкинс. Если между президентом, Маршалом Сталиным и премьер-министром будет достигнуто соглашение о сроке "Оверлорда" и о командующем этой операцией, то решение вопроса о Турции должно быть подчинено этому соглашению.

Иден. Гопкинс этим хочет сказать, что если вопрос о сроке и командующем операцией "Оверлорд" будет решен к удовлетворению Советского правительства, тогда другой вопрос - о том, как заставить Турцию вступить в войну, должен быть решен между нами так, чтобы он не отразился на этом соглашении.

Гопкинс. Соединенные Штаты хотят вовлечь Турцию в войну, но таким путем, чтобы это не отразилось на сроке осуществления "Оверлорда", согласованном сегодня.

Иден. Теперь я хотел бы обсудить вопрос о Тито. Мы договорились об отправке ему снабжения. Мы имеем при Тито свою собственную миссию. Кроме того, там имеется американский офицер. В Москве Молотов говорил о том, что Советское правительство хотело бы послать свою миссию в Югославию к партизанам. При этом Молотов поставил вопрос о базе в Северной Африке для связи с этой миссией. В настоящее время я хочу сообщить, что если такая база все еще требуется, то мы готовы ее предоставить. В настоящее время наша база, с которой мы посылаем Тито снабжение по воздуху, находится в Каире.

Молотов. Вопрос о месте базы я предоставляю на Ваше усмотрение. Я должен подтвердить то, что Советское правительство собирается послать свою миссию в Югославию и подбирает в настоящее время для этой цели людей. Как только я буду в Москве, я через британского посла сообщу Идену состав советской миссии в Югославии.

Иден. Я проведу необходимые приготовления для этой цели.

Молотов. Думает ли Иден, что мы должны послать эту миссию также и к Михайловичу?

Иден. Я выясню завтра этот вопрос, но я не совсем понимаю, каким образом будет возможна посылка одной и той же миссии к партизанам и к Михайловичу, поскольку между партизанами и войсками Михайловича находятся немцы.

Вы знаете, что вчера вечером Черчилль и Сталин говорили между собой о Польше. Я хотел бы сказать пару слов по этому вопросу. У нас только одно желание, а именно: мы хотим помешать тому, чтобы советско-польский вопрос был источником неприятностей между нашими странами. Было бы хорошо, если бы Советское правительство согласилось с предложением Черчилля, которое он вчера иллюстрировал на трех спичках[24].

Молотов. Я считаю, что это было бы лучшим выходом из положения.

Иден. В случае согласия Советского правительства мы могли бы сказать полякам, чтобы они согласились с нашим предложением.

Молотов. Это было бы хорошо.

Иден. Тогда мы рассмотрим наше предложение.

Молотов. Хорошо.

Гопкинс. Мне кажется, что Рузвельт уже говорил со Сталиным о Польше. Если нет, то он переговорит с ним об этом и выскажет ему все, что у него на уме. Я уверен, что Рузвельт и Черчилль уже беседовали между собой по этому вопросу.

Записал (В. Павлов)

№160

Запись беседы И.В. Сталина с У. Черчиллем 30 ноября 1943 года в 12 часов 40 минут

Черчилль говорит, что он прежде всего хотел бы указать на то, что он является наполовину американцем - со стороны матери.

Сталин замечает, что он слышал об этом.

Черчилль продолжает, что он относится с большой любовью к американцам, и поэтому то, что он собирается сейчас сказать, не следует понимать так, что он хочет унизить американцев. Он, Черчилль, относится к американцам совершенно лояльно, но есть некоторые вещи, о которых лучше говорить один на один. Во-первых, он, Черчилль, хочет, чтобы маршал Сталин понял, что численность британских вооруженных сил в Средиземном море значительно превышает численность американских сил, находящихся там. Он, Черчилль, полагает, что в районе Средиземного моря английских войск в 3—4 раза больше, чем американских. Черчилль говорит, что он поэтому очень хочет, чтобы маршал Сталин понял, почему Черчилль так заинтересован в положении на Средиземном море и в том, чтобы эта огромная британская армия не оставалась в бездействии. Он, Черчилль, хочет, чтобы английские войска все время действовали на протяжении этой войны.

В Италии имеются 13 или 14 англо-американских дивизий и 9 или 10 немецких дивизий. В Италии имеются две армии: 5-я американская армия, наполовину состоящая из британских войск, и 8-я армия, полностью британская. Черчилль заявляет, что он говорит обо всем этом для того, чтобы маршал Сталин понял, почему он [Черчилль] придает такое большое значение Средиземноморскому театру. В настоящее время положение таково, что приходится делать выбор между датой операции "Оверлорд" и операциями в Средиземном море. Но это не все. Американцы хотят, чтобы англичане предприняли десантную операцию в Бенгальском заливе в марте будущего года. Он, Черчилль, относится не особенно положительно к этой операции. Конечно, было бы другое дело, если бы англичане имели в Средиземном море десантные средства, выделяемые для операций в Бенгальском заливе, тогда он, Черчилль, мог бы осуществить в Средиземном море то, что он хочет, и осуществить в срок операцию "Оверлорд". Поэтому речь идет о выборе не только между операциями в Средиземном море и операцией "Оверлорд", но и между операцией в Бенгальском заливе и датой операции "Оверлорд". Чер-

чилль хотел обо всем этом сказать потому, что маршал Сталин не мог, конечно, понять всего этого из предыдущих бесед, проходивших в присутствии американцев.

Черчилль говорит, что он, однако, думает, что имеется возможность разрешить эту проблему и что средств будет достаточно для всех операций. Американцы настаивают на проведении операции "Оверлорд" в установленный срок, в связи с чем в течение последних двух месяцев операции на Средиземноморском театре довольно сильно пострадали. Английская армия особенно была разочарована отводом семи дивизий из района Средиземного моря. Англичане уже отправили свои три опытные дивизии для того, чтобы принять участие в операции "Оверлорд". Американцы также в ближайшее время отправят свои четыре дивизии. Этим именно и объясняется то, что англичане и американцы не смогли полностью использовать банкротство Италии.

Черчилль продолжает, что англичане в то же время проводят подготовку к операции "Оверлорд".

Далее Черчилль переходит к вопросу о командовании. Он говорит, что полностью согласен с тем, что назначение командующего представляет жизненную важность. До августа [1943 г.] англичане считали, что операцией "Оверлорд" будет командовать английский офицер, но в Квебеке президент просил рассмотреть другое предложение, а именно, чтобы операцией "Оверлорд" командовал американский офицер, в то время как английский офицер командовал бы операциями в Средиземном море. Черчилль говорит, что он согласился с этим, так как даже в самом начале операции "Оверлорд" американцы будут иметь численное превосходство, которое с течением времени будет все возрастать. В то же время на средиземноморском театре британские войска более многочисленны и англичане больше заинтересованы в операциях в этом районе. Поэтому Черчилль принял предложение Рузвельта и сейчас остается только назначить командующего.

Сталин спрашивает, следует ли понимать, что английский командующий будет назначен вместо Эйзенхауэра.

Черчилль отвечает утвердительно и говорит, что, как только американцы назначат своего командующего, он также назначит британского командующего в районе Средиземного моря. Задержка в назначении американского командующего связана с внутренними соображениями и имеет отношение к некоторым высокопоставленным лицам в США. Черчилль выражает, однако, надежду, что командующий операцией "Оверлорд" сможет быть назначен еще перед тем, как разъедутся участники этой конференции. Черчилль говорит также, что, очевидно, удастся согласовать и дату этой операции до отъезда.

Далее Черчилль говорит, что он хочет перейти к вопросу о десантных судах. Это является узким местом. У англичан и американцев в районе Средиземного моря остается много войск даже после отправки семи дивизий. В мае [1944 г.] в Соединенном Королевстве будет большая англо-американская армия. Вся борьба между англичанами и американцами заключается в вопросе о десантных средствах.

Когда маршал Сталин сделал свое историческое заявление о том, что после того, как Германия будет разбита, Россия присоединится к борьбе против Японии, он, Черчилль, сразу же предположил, что американцы найдут возможность достать десантные средства либо в районе Средиземного моря, либо в районе Тихого океана, для того чтобы обеспечить операцию "Оверлорд". Дело в том, что американцы очень чувствительны к положению в Тихом океане, но теперь в отношении борьбы с Японией имеются большие перспективы после разгрома Германии, и поэтому было бы выгодно обеспечить быстрый разгром Германии даже за счет сокращения десантных средств в Тихом океане.

Черчилль говорит, что он хотел разъяснить маршалу Сталину те вопросы, которые дебатируются между англичанами и американцами. Черчилль говорит, что маршал Сталин, возможно, думает, что он, Черчилль, уделяет недостаточное внимание операции "Оверлорд". Это не так. Дело в том, что он, Черчилль, считает, что он сможет получить необходимые средства для Средиземного моря, выдержав в то же время дату начала операции "Оверлорд". Этого он, Черчилль, надеялся добиться от американцев в Каире, но там, к сожалению, был генералиссимус Чан Кай-ши, и китайские дела заняли почти все время. Тем не менее Черчилль уверен, что можно найти достаточно десантных средств для всех операций.

Далее Черчилль говорит, что он хотел бы сказать несколько слов об операции "Оверлорд". Англичане будут готовы к той дате, которая будет установлена. К этому времени у англичан будет 16 дивизий, которые вместе с корпусными войсками, коммуникационными частями, частями ПВО и т.д. составят около 500 тысяч человек. Это лучшие британские войска, которые будут включать испытанные дивизии, переброшенные из района Средиземного моря. Кроме того, будет обеспечена необходимая поддержка со стороны британского флота. Наконец, будут готовы британские воздушные силы в составе 4000 самолетов первой линии. В дополнение к этому переброска американских войск сейчас уже начинается. До сих пор американцы перебрасывали главным образом воздушные силы и снабжение, но в следующие 4-5 месяцев каждый месяц будет перебрасываться до 150 тысяч человек, что составит в общей сложности от 600 до 800 тысяч человек к

маю [1944 г.]. Ущерб, наносимый германским подводным лодкам, позволяет осуществить эти переброски.

Далее Черчилль говорит, что он очень положительно относится к десанту в Южной Франции в тот момент, когда наступит время для "Оверлорда", либо несколько раньше или позже. Он будет иметь достаточно войск в Италии для того, чтобы провести эту операцию, сдерживая в то же время немцев. Из 22-23 дивизий, которые находятся в районе Средиземного моря, достаточное количество будет выделено для Франции, а остальные дивизии будут держать фронт в Италии.

Далее Черчилль говорит, что он хотел бы еще сказать о предстоящих боях в Италии. На восточной части линии фронта, проходящей южнее Рима, находится 15-я армейская группа, состоящая из 5-й и 8-й армий под командованием генерала Александера. Сейчас в Италии имеется 500 тысяч человек войск союзников, то есть 13-14 англо-американских дивизий, против 9-10 германских дивизий, но в Италии стоит дождливая погода, реки разлились и снесено много мостов. Тем не менее в декабре месяце англичане предполагают начать наступление против немцев. Армия Монтгомери высадится на западном побережье Италии, севернее нынешней линии фронта, и совершит обходное движение.

Сталин спрашивает, будет ли это движение для обхода Рима.

Черчилль отвечает утвердительно. Он поясняет, что в то время как в юго-западной части линии фронта будет осуществлено давление на германские позиции, на западном побережье Италии, севернее нынешней линии фронта, будет произведен крупный десант примерно в районе устья Тибра. Эти операции должны закончиться окружением всех действующих в этом районе германских войск. Это будет Сталинград в миниатюре. Если эта операция удастся, то это будет не только поражение, но и уничтожение германских войск. Немцы находятся уже сейчас в тяжелом положении, так как они не могут доставлять своей армии достаточное снабжение в связи с тем, что англичане и американцы уничтожают линии коммуникаций. В этом состоит важность операции в Италии, а не в захвате Рима. Успешное завершение этой операции позволит англо-американским силам продвинуться к северу и подойти вплотную к Апеннинам.

Черчилль говорит, что он против того, чтобы идти в широкую часть Италии. Он хочет создать фронт в узкой части. Там можно будет сдерживать немцев, а освободившиеся силы перебросить для десанта в Южной Франции.

Черчилль спрашивает, имеются ли у маршала Сталина какие-либо вопросы по всему тому, что он сейчас сказал, а также, может быть, имеются какие-либо другие вопросы.

Сталин говорит, что он должен сказать Черчиллю, что Красная Армия рассчитывает на осуществление десанта в Северной Франции. Он боится, что если этой операции в мае месяце не будет, то ее не будет вообще, так как через несколько месяцев погода испортится и высадившиеся войска нельзя будет снабжать в должной мере. Если же эта операция не состоится, то он должен предупредить, что это вызовет большое разочарование и плохие настроения. Он опасается, что отсутствие этой операции может вызвать очень нехорошее чувство одиночества. Поэтому он хочет знать, состоится операция "Оверлорд" или нет. Если она состоится, то это хорошо, если же не состоится, тогда он хочет знать об этом заранее для того, чтобы воспрепятствовать настроениям, которые отсутствие этой операции может вызвать. Это является наиболее важным вопросом.

Черчилль отвечает, что эта операция, конечно, состоится, но при условии, что враг не сможет иметь большее число войск, чем к тому времени могут иметь англичане и американцы. Если, например, немцы смогут перебросить во Францию 30 или 40 дивизий, то он, Черчилль, не думает, что высадка могла бы быть успешной. Он, Черчилль, не боится самой высадки, но он боится того, что произойдет через 30-40 дней. Но если русские армии будут продолжать связывать немцев боями на своем фронте, а англичане и американцы смогут оттягивать их в Италию и, возможно, в Югославию и если, может быть, в войну вступит и Турция, то тогда Черчилль полагает, что можно быть уверенным в успехе. Немцы в таком случае не будут иметь достаточно войск, чтобы перебросить их на запад.

Сталин говорит, что как только будет осуществлен десант в Северной Франции, Красная Армия, в свою очередь, перейдет в наступление. Если бы было известно, что операция состоится в мае или в июне, то русские могли бы подготовить не один, а несколько ударов по врагу. Сталин говорит, что наиболее подходящим моментом является весна. В течение марта и апреля на фронте обычно бывает передышка, войска могли бы отдохнуть. Можно было бы подвезти боеприпасы, и к моменту начала высадки в Северной Франции можно было бы нанести немцам удары, которые не позволили бы им перебрасывать войска во Францию. Пока же положение таково, что немцы перебрасывают свои войска на Восточный фронт и они будут продолжать их перебрасывать. Немцы очень боятся нашего продвижения к германским границам, они понимают, что их не отделяет от нас ни Канал, ни море. С востока имеется возможность подойти к Германии. В то же время немцы знают, что на западе их защищает Канал, затем нужно пройти территорию Франции для того

чтобы подойти к Германии. Немцы не решатся перебрасывать свои войска на запад, в особенности если Красная Армия будет наступать, а она будет наступать, если она получит помощь со стороны союзников в виде операции "Оверлорд".

Сталин говорит, что он все-таки хотел бы знать от Черчилля дату начала операции "Оверлорд".

Черчилль отвечает, что он этого сейчас сказать не может, так как именно об этом, как он предполагает, будет разговор во время завтрака с президентом. Черчилль говорит далее, что он хотел бы передать маршалу Сталину карту, освещающую положение в Югославии. Возможно, маршал Сталин захочет сверить эту карту со своими данными.

(Черчилль передает Сталину карту Югославии. Беседа продолжалась один час.)[25]

Во время завтрака (ланча) 30 ноября Рузвельт известил Сталина, что британскими и американскими представителями решено провести "Оверлорд" в мае 1944 г., поддержав ее десантом в Южной Франции. "...Насколько сейчас можно судить, - сказал президент, - наиболее подходящим временем будет период с 15 по 20 мая". В ответ Сталиным было заявлено, что «русские обязуются организовать к маю большое наступление в нескольких местах, с тем чтобы приковать немецкие дивизии на Восточном фронте и не дать гитлеровцам возможности создать какие-либо затруднения для "Оверлорда"»[26].

Это историческое решение было закреплено в главном итоговом документе конференции, не подлежавшим публикации. В открытой Декларации трех держав говорилось: "Мы согласовали наши планы уничтожения германских вооруженных сил. Мы пришли к полному соглашению относительно масштабов и сроков операций, которые будут предприняты с востока, запада и юга. Взаимопонимание, достигнутое нами здесь, гарантирует нам победу"[27].

Принятие решения об осуществлении операции "Оверлорд" означало серьезное дипломатическое поражение Черчилля, в течение нескольких месяцев боровшегося за балканский вариант второго фронта. Президент США в конечном счете поддержал советскую точку зрения. Если в предшествующий период, в частности на конференциях в Касабланке, Вашингтоне или Квебеке, США шли по пути уступок британским инициативам, то Тегеранская конференция не оставляла сомнений в том, что они намерены играть главенствующую роль в англо-американской коалиции. Многое указывало также на изменение отношения американской стороны к Советскому Союзу. Прежде всего - содержание бесед Сталина с Рузвельтом, которые они вели в отсутствие Черчилля. Во время второй беседы Рузвельт изложил свои соображения относительно послевоенного устройства мира. То, что это было сделано не на очередном заседании, а как бы в неофициальном порядке, должно было послужить для Сталина свидетельством признания Советского Союза равноправным партнером в деле послевоенного мироустройства.

Предложения Рузвельта включали в себя идею создания после войны международной организации, состоящей из трех органов: ассамблеи, включавшей всех членов организации, с правом выносить рекомендации; исполнительного комитета, в который помимо США, Великобритании, СССР и Китая входили бы две европейские страны, одна южноамериканская, одна из стран Среднего Востока, одна азиатская и один из британских доминионов и который занимался бы экономическими проблемами, и Полицейского комитета (в составе США, Великобритании, СССР и Китая), который занимался бы проблемами международной безопасности[28]. Соображения Рузвельта не встретили возражений ни у Сталина, ни у Черчилля, однако подробного рассмотрения вопрос о создании международной организации в Тегеране не получил.

Существенное значение для укрепления союза трех великих держав, скорейшего завершения войны не только на Западе, но и на Востоке имело заявление главы советского правительства о вступлении СССР в войну против Японии после разгрома гитлеровской Германии. Отвечая 29 ноября 1943 г. Рузвельту, который начал свое выступление на конференции с краткого обзора положения на Тихом океане, Сталин сказал: "...Мы, русские, приветствуем успехи, которые одерживались и одерживаются англо-американскими войсками на Тихом океане. К сожалению, мы пока не можем присоединить своих усилий к усилиям наших англо-американских друзей потому, что наши силы заняты на западе и у нас не хватит сил для каких-либо операций против Японии. Наши силы на Дальнем Востоке более или менее достаточны лишь для того, чтобы вести оборону, но для наступательных операций надо эти силы увеличить по крайней мере в три раза. Это может иметь место, когда мы заставим Германию капитулировать. Тогда - общим фронтом против Японии".

Вместе с тем Сталин проявил осторожность относительно меморандумов Рузвельта о возможности использования вооруженными силами США советских военно-морских и авиационных баз на Дальнем Востоке, что могло дать повод для провокаций со стороны Японии. Этот вопрос остался нерешенным[29].

Еще один важнейший вопрос, обсуждавшийся на конференции, был связан с послевоенной судьбой Германии. На дневном заседании 1 декабря американский президент предложил расчленить Германию на пять независимых государств, а Рурскую и Саарскую области, Гамбург и район Кильского канала поставить под международный контроль. Черчилль поддержал идею о расчленении Германии, предложив включить Баварию и другие южные немецкие провинции в так называемую Дунайскую конфедерацию, которую он предлагал создать после войны. Пруссия также подлежала отделению и изоляции от Германии[30].

Официальный биограф Черчилля профессор М. Гилберт отмечает, что по возвращении из Тегерана Черчилль сообщил Идену: "В Тегеране, когда Сталин говорил о Восточной Пруссии и Кенигсберге, он ничего не сказал о прибалтийских государствах, которые останутся под русским контролем при любых обстоятельствах", - и добавил: "Запросы русских никак не выходят за пределы границ бывшей царской России, а в ряде случаев они заметно меньше"[31].

О разделе Германии советская сторона заявила: "Нет никаких мер, которые могли бы исключить возможность объединения Германии", - мотивировал свою позицию Сталин. Идея объединения Дунайских стран также вызвала его возражения. Итогом обсуждения стала передача этого вопроса для дальнейшего рассмотрения в Европейскую консультативную комиссию в Лондоне.

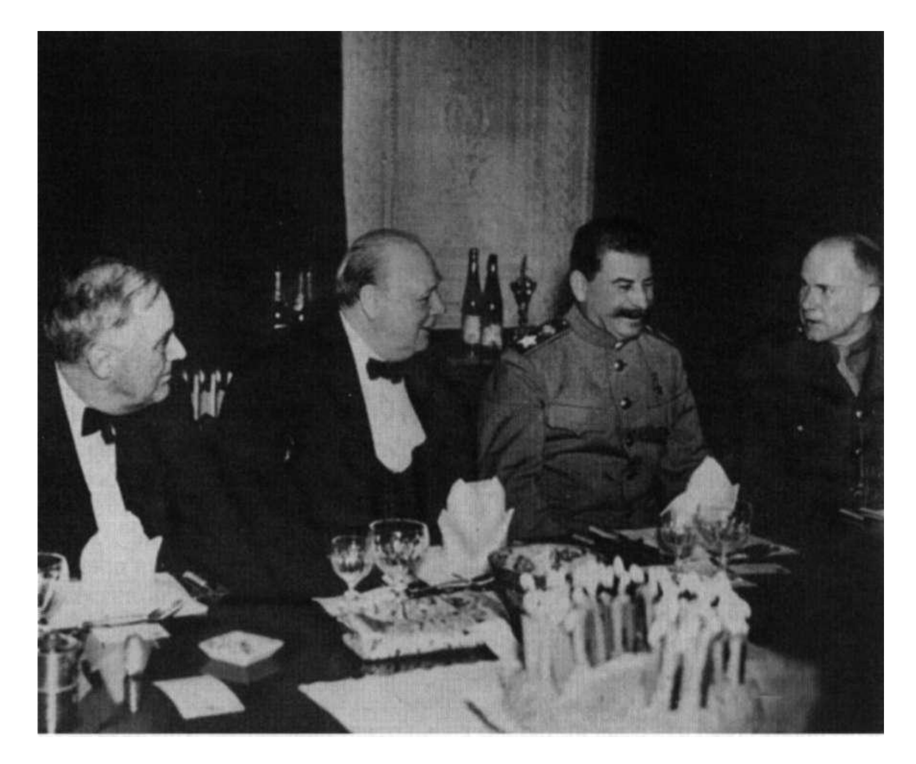
Конференция обсудила также польский вопрос. Черчилль и Рузвельт пытались побудить Сталина к восстановлению отношений с эмигрантским правительством Польши, прерванных Советским Союзом в апреле 1943 г. в связи со скандалом вокруг "катынского дела". Это было вызвано пониманием того обстоятельства, что в условиях фактического разрыва дипломатических отношений с СССР возвращение эмигрантского правительства в Польшу и восстановление его власти оказывалось невозможным. Излагая позицию СССР, Сталин подчеркнул, что "Россия не меньше других, а больше других держав заинтересована в хороших отношениях с Польшей, так как Польша является соседом России. Мы - за восстановление, за усиление Польши. Но мы отделяем Польшу от эмигрантского польского правительства в Лондоне". Условием восстановления каких-либо связей с ним Сталин выдвинул прекращение польским эмигрантским правительством враждебной политики в отношении СССР, объединение с партизанами и активную борьбу с оккупантами.

Не вызвала возражений точка зрения советской стороны относительно того, что границы Советского Союза 1941 г. должны быть восстановлены, Польша же должна получить компенсацию за счет Германии. Сталин также поставил вопрос о передаче Советскому Союзу Кенигсберга и части территории Восточной Пруссии. "Русские не имеют незамерзающих портов на Балтийском море, - сказал он. - Тем более, что исторически - это исконно славянские земли".

В ходе переговоров советская делегация информировала своих союзников о тех условиях, на которых СССР был бы готов заключить мир с Финляндией.

Специальная декларация была принята об Иране, в которой отмечался вклад Ирана в общую борьбу и выражалась готовность трех стран оказать ему экономическую помощь. Было зафиксировано, что правительства великих держав намереваются "сохранить полную независимость, суверенитет и территориальную неприкосновенность Ирана"[32].

Примечательным событием во время конференции стала торжественная церемония передачи советской делегации от имени короля Великобритании Георга VI специально изготовленного меча в дар героям Сталинграда. На церемонии, состоявшейся до пленарного заседания 29 ноября, Черчилль появился в мундире офицера британских ВВС (до этого он носил синий в полоску костюм), и в последующие дни оставался в нем. Присутствующие на конференции, свидетельствует В.М. Бережков, сочли это своеобразной реакцией на маршальскую форму Сталина[33]. После того как были исполнены гимны СССР и Великобритании, Черчилль взял в руки меч и произнес: «Его величество король



Посольство Великобритании в Тегеране. 69-летие Черчилля

Георг VI повелел мне вручить вам для передачи городу Сталинграду этот почетный меч, сделанный по эскизу, выбранному и одобренному его величеством. Этот почетный меч изготовлен английскими мастерами, предки которых на протяжении многих поколений занимались изготовлением мечей. На лезвии меча выгравирована надпись: "Подарок короля Георга VI людям со стальными сердцами - гражданам Сталинграда в знак уважения к ним английского народа"». Приняв из рук Черчилля меч, Сталин в ответной речи сказал: "От имени граждан Сталинграда я хочу выразить свою глубокую признательность за подарок короля Георга VI. Граждане Сталинграда высоко оценят этот подарок, и я прошу вас, господин премьер-министр, передать их благодарность его величеству королю..."[34]

1 декабря 1943 г. конференция закончилась.

Вне заседаний лидеры трех стран держались весьма свободно. Так, Черчилль на приеме в честь своего 69-летия поднял тост "За пролетарские массы". На что Сталин ответил тостом "За консервативную партию"[35].

Тегеранская конференция стала выдающимся событием в истории взаимоотношений трех стран. Впервые за время существования антигитлеровской коалиции были согласованы планы ведения войны про-

тив Германии и Японии, обсуждены важнейшие проблемы послевоенного устройства мира.

В послевоенные годы были предприняты попытки оправдать невыполнение Соединенными Штатами и Англией принятых ими обязательств об открытии второго фронта в 1942-1943 гг. Наибольшее распространение получила версия, согласно которой США прилагали все усилия к своевременному открытию второго фронта, но их действия были блокированы Англией. В официальном американском труде "Глобальный тыл и стратегия в 1943-1945 гг." Р. Коукли и Р. Лейтон пишут: "Черчилль был действительно инициатором, а Рузвельт всего лишь пешкой в осуществлении политики затягивания второго фронта в Северной Франции в 1942 г., в нарушение обязательств, которые дала Англия в апреле месяце"[36]. По-иному оценивает позицию США М. Говард в книге "Большая стратегия", относящейся к официальным английским трудам по истории второй мировой войны. Он довольно убедительно показывает, что американская сторона, выдвигая планы открытия второго фронта в 1942 и 1943 гг., на деле поддерживала английскую политику в этом вопросе. Комментируя американские стратегические программы на 1943 г., М. Говард замечает: «Американские ресурсы, предназначенные ранее для осуществления плана "Болеро" (переброска войск США на Британские острова для открытия второго фронта. - *О.Р.),* были направлены на Тихий океан, Средиземное море и даже Средний Восток, и поэтому предложение о вторжении в Европу в 1943 г. являлось нереальным... Теперь на руинах прежней стратегии предстояло создать новую»[37].

* * *

Когда работа над рукописью книги уже была завершена, к автору обратились с просьбой выступить на встрече ветеранов внешней разведки, которых в связи с 60-летием Тегеранской конференции интересовали ранее неизвестные документы, взгляды историков на события того времени. Перед выступлением один из ее организаторов председатель Совета фронтовиков Анатолий Павлович Губанов задал мне вопрос: "Не буду ли я возражать, если выступит также участница Тегеранской конференции Зоя Васильевна Зарубина?" Наверное, только ветераны, за плечами которых большая жизнь, и историки знают подлинную цену таким счастливым совпадениям.

Зоя Васильевна - обыкновенный и необыкновенный человек. Жизнь и судьба принесли ей много радостей и много несчастий, сохранив ясный ум, завидную память и женское обаяние. Она работала переводчиком на Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференциях, процессе главных немецких военных преступников в Нюрнберге, читает лекции по искусству общения в Дипломатической академии. В литературе можно иногда прочесть, что З.В. Зарубина - "полковник КГБ в отставке". В действительности она завершила работу во внешней разведке в 1951 г. в звании капитана, посвятив себя педагогической и общественной деятельности. Я попросил потомственную разведчицу и заслуженного педагога поделиться своими воспоминаниями о лидерах Большой тройки, какими она их увидела на Тегеранской конференции.

«Все, что происходило в Тегеране, и сейчас перед моими глазами, - начала свой рассказ Зоя Васильевна. - Это было событие крупного международного масштаба. Мне было тогда 23 года и вместе со своими товарищами по работе я очень гордилась, что каким-то скромным образом, в роли переводчика "второго эшелона" явилась свидетелем встречи руководителей ведущих держав антигитлеровской коалиции и тем, что эта встреча происходит в нашем, советском посольстве. Когда я впервые увидела Сталина, то он внешне оказался далеко не таким, каким был на портретах и плакатах. Да и в документальной кинохронике много не заметишь: его небольшой рост, нездоровый цвета лица со следами былого заболевания оспой. Говорил он несколько медленно, глуховатым голосом с грузинским акцентом, но четко, ясно и логично выражал мысль, что облегчало работу его переводчиков В. Павлова и В. Бережкова. Меня включили в группу, которая в Тегеране помогала работе делегации США и лично Ф. Рузвельта, а в Ялте - У. Черчилля. До сих пор затрудняюсь ответить на вопрос, было ли поведение Сталина "запрограммированным" или естественным, но оно отличалось подчеркнутой скромностью, выдержкой и уважительным отношением не только к главным собеседникам, особенно к Рузвельту, но и всем окружающим. Был эпизод, вспоминая который, я и сегодня ощущаю холодок на спине, а в то время меня охватил настоящий страх. Перед началом одного из заседаний нужно было что-то срочно принести... Я побежала к двери, которая неожиданно открылась: в зал входил Сталин. Я еле увернулась, но все же задела его своим плечом и замерла, ожидая худшего. Но Сталин, казалось, не обратил на это внимания, а следовавший за ним Ворошилов успокоил: "Ничего, детка, ничего". Мне ни разу не пришлось заглянуть Сталину в глаза. Его взгляд скользил мимо, словно меня не существовало.

Сталин, Черчилль и Рузвельт, как руководители великих держав, были достойны друг друга, но они совершенно различные люди. Вероятно общим внешне было у них лишь то, что все трое курили. Сталин - папиросы, Рузвельт - сигареты с мундштуком, Черчилль - непомерной величины сигары. Британский премьер выделялся своей тучностью, некоторой сутулостью, быстрой сменой настроений. В моей памяти он сохранился как блистательный оратор и герольд британской империи. Переводить его было сложнее. Он увлекался, говорил будто выступал в палате общин, нередко без пауз, необходимых для перевода. Еще на Тегеранской конференции важной проблемой для него было утвердить за собой по меньшей мере равное положение с Рузвельтом и Сталиным. Но соотношение сил уже тогда было не в пользу Великобритании. В англо-американском альянсе первая скрипка принадлежала Рузвельту и Соединенным Штатам. Очевидное сближение позиций Сталина и Рузвельта в Тегеране вызывало его растущую тревогу. К тому же Рузвельт и Сталин иногда вместе подтрунивали над Черчиллем, намекая на бесперспективность существования колониальных империй. В Ялте Черчилль особенно ревниво к этому относился и в мемуарах написал, что Рузвельт, жизнь которого "была на исходе", не прислушался к его, Черчилля,советам.

В дни кратковременного пребывания на Потсдамской конференции он, будучи неудовлетворенным положением вещей, выступил в роли ментора в отношениях с Трумэном и, надо сказать, преуспел. Однако вернемся к Тегеранской конференции.

В торжественной обстановке, при почетном карауле, происходило вручение Черчиллем от имени короля Георга VI почетного меча Сталинграду. Черчилль произнес краткую, но яркую речь, передал меч Сталину, крайне взволнованному церемонией. Сталин поцеловал меч и ответил словами благодарности. Поскольку о том, что затем произошло, встречаются разночтения, скажу, что видела сама. Сталин передал меч Ворошилову. Меч был тяжелый, и маршал на какой-то момент его не удержал, но сумел подхватить. Затем меч показали Рузвельту.

30 ноября 1943 г. Черчиллю исполнилось 69 лет. Мне поручили сопровождать доставку в английское посольство праздничного подарка, который затем вручил британскому премьеру Сталин, - белую бурку, папаху и ящик армянского коньяка. Первое, что бросилось в глаза - это стол, блиставший серебром и хрусталем с множеством столовых приборов, в которых было непросто разобраться. Переводчик Черчилля майор Бирс рассказывал, что Сталину предложили на выбор несколько коктейлей. Один из них он попробовал и, судя по выражению лица, в первый и последний раз.

Из Большой тройки наибольшее впечатление произвел Рузвельт, с которым по роду службы я общалась по нескольку раз в день. Прежде всего - безупречной интеллигентностью, непринужденной манерой общения, авторитетом арбитра в дискуссиях и спорах "новой семьи", которой Рузвельт называл Большую тройку. Все это складывалось из многих личных особенностей президента США, начиная с открытости, доброжелательного расположения к собеседнику до умелой нейтрализации конфликтных ситуаций. По документам известно, что при подготовке конференции и непосредственно в Тегеране именно при поддержке Рузвельта удалось переломить обстановку вокруг второго фронта и принять решение. Но документы не могут, конечно, отразить всего того, что происходило на переговорах. Так в опубликованной записи о заседании 29 ноября "за сценой" остался конфликт, остроту которого вовремя парировал Рузвельт. Черчилль, упорно не считаясь с контраргументами, доказывал первостепенное значение военных действий на Средиземноморье в сравнении с операцией "Оверлорд" и довел атмосферу на переговорах до крайности. Сталин резко поднялся с места и, обращаясь к Молотову, сказал: "Идем, нам здесь делать нечего. У нас много дел на фронте". Рузвельт примирительным тоном со словами: "Мы уже голодны", - пригласил всех на обед, что помогло разрядить обстановку.

И, конечно, запомнился праздничный ужин после отъезда делегаций. Он был устроен для нас, немногочисленных сотрудников, которые помогали работе конференции. На столе было все или почти все, что предлагалось делегациям. Время было голодное, и это уже был подарок, особенно ценный своим вниманием. Передо мной поставили красное шампанское и черную икру. Я подумала, что это мне как единствен-

ной женщине в нашей "команде", но ошиблась. Офицер охраны, полушутя, полусерьезно, объяснил: "Это Вам за то, что не сбили с ног главу советской делегации".

Если говорить о главном, что сохранилось в мыслях - это твердое убеждение: поживи Рузвельт еще несколько лет, и крайностей "холодной войны" удалось бы избежать»[38].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Великая Отечественная война: Военно-исторические очерки. Кн. II. Перелом. М.,1998. С. 403-405.

[2] *Рузвельт Э.* Его глазами / Пер. с англ. М., 1947. С. 141.

[3] Мировые войны XX века. Кн 3. Вторая мировая война: Исторический очерк. М., 2002. С. 193-194.

[4] The Oxford Companion to World War II. L., 1995. P. 68.

[5] Переписка Председателя Совета Министров СССР И.В. Сталина с Президентами США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М., 1986. Т. 1. С. 163 (далее - Переписка...).

[6] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т. 1. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19-30 октября 1943 г.): Сб. документов. М., 1984. С. 339.

[7] Переписка... М., 1986. Т. 2. С. 37^0.

[8] Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / Пер. с англ. Ред. Ф. Лоуэнхейм, Г. Лэнгли, М. Джонас. М., 1995. С. 337. Прим. 1 к док. № 192. Имелась в виду предполагаемая встреча Ф. Рузвельта, У. Черчилля и И.В. Сталина.

[9] Там же. С. 61-62.

[10] FRUS. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. Wash., 1961. P. 10-12.

[11] *Шервуд Р.* Рузвельт и Гопкинс. М., 1958. Т. 2. С. 362.

[12] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав - СССР, США и Великобритании (28 ноября - 1 декабря 1943 г.): Сб. документов. М., 1978. С. 11 (далее - Тегеранская конференция...).

[13] National Archives of the United States. Record Group 218. CCS 113 Meeting. P. 6.

[14] FRUS. The Conferences at Cairo and Tehran, 1943. P. 409-410, 411, 413.

[15] *Эрман Дж.* Большая стратегия. Август 1943 - сентябрь 1944 г. М., 1958. С. 145; *Stoler M.* The Politics of the Second Front. L., 1977. P. 133.

[16] Решение о переезде делегации США было принято после беседы В. Молотова с А. Гарриманом в ночь с 27 на 28 ноября 1943 г. (см.: Тегеранская конференция... С. 85-86).

[17] Подробнее об обстановке в Тегеране и организации приема и размещения делегации США см.: *Кузнец Ю.* Тегеран 43: Крах операции "Длинный прыжок". М., 2003.

[18] См.: Тегеранская конференция... С. 89-92, 94-97, 99, 102, 123, 129, 131-133.

[19] *Бережков В.М.* Тегеран, 1943: На конференции Большой тройки и в кулуарах. М.,1968. С. 80.

[20] *Bohlen Ch.* Witness to History. 1929-1969. N.Y., 1973. P. 146 (цит. no: *Сиполс В.Я.* Великая Победа и дипломатия. М., 2000. С. 185).

[21] Ibid. P. 148 (цит. по: *Сиполс В.Я.* Указ. соч. С. 186).

[22] FRUS. The Conferences at Cairo at Tehran, 1943. P. 564.

[23] Тегеранская конференция... С. 135.

[24] Имеется в виду беседа Сталина с Черчиллем после обеда 29 ноября. В ходе беседы английский премьер-министр показывал на трех спичках: одна из них обозначала Германию, вторая Польшу, третья СССР. По мнению Черчилля, все три спички следует передвинуть на запад в целях обеспечения безопасности западных границ СССР (Тегеранская конференция... С. 166).

[25] Там же. С. 134-140.

[26] Там же. С. 140-141, 150.

[27] Там же. С. 175.

[28] Там же. С. 114-115.

[29] Там же. С. 95, 118-120.

[30] Там же. С. 165-166.

[31] *Gilbert M.* Churchill and the Soviet Union 1945. P. 27 (из неопубликованной статьи, присланной автору в 1990 г. для журнала "Вопросы истории").

[32] Тегеранская конференция... С. 158, 164, 167.

[33] *Бережков В.М.* Указ. соч. С. 64.

[34] Там же. С. 64-65.

[35] *Winston S.* Churchill by Martin Gilbert. Vol. VII. Road to Victory 1941-1945. L., 1986. P. 586.

[36] *Coakley R.W., Leighton R.M.* Global Logistics and Strategy 1943-1945. Wash., 1968. P. 272.

[37] *Говард М.* Большая стратегия. Август 1942 - сентябрь 1943 / Пер. с англ. М., 1980. С. 161.

[38] В США опубликована посвященная З.В. Зарубиной книга: *Jeffery I.* Inside Russia: The life and times of Zoya Zarubina. Austin (Texas), 1999. 173 p. См. также: *Павлов Виталий.* Женское лицо разведки. М., 2003. С. 246-249.

Глава седьмая

МОСКВА. 9-18 ОКТЯБРЯ 1944 ГОДА. ПРОЦЕНТНОЕ СОГЛАШЕНИЕ И ПОЛЬСКИЙ ТУПИК

Осень 1944 г. была насыщена бурными событиями. Близился разгром Германии и ее союзников. Обстановка на фронтах вооруженной борьбы кардинальным образом изменилась по сравнению с той, что сопутствовала первому визиту Черчилля в Москву в 1942 г. Линия советско-германского фронта, где действовало около $^2/_3$ дивизий вермахта, все дальше продвигалась к границам третьего рейха. С января 1944 г. Красная Армия перешла к наступательным действиям на широком фронте, которым вермахт противопоставил жесткую стратегическую оборону. Главным результатом этого противоборства явилось крушение оборонительной стратегии противника на советско-германском фронте. В январе - мае 1944 г. войска вермахта были разгромлены на трех важнейших направлениях - под Ленинградом и Новгородом, на Правобережной Украине и в Крыму. Советские войска вступили в Белоруссию, Молдавию и Эстонию, вышли к границе с Польшей и Чехословакией, перенесли боевые действия на территорию Румынии. Наступая на фронте до 450 км Красная Армия разгромила более 170 дивизий противника. Его потери были настолько велики, что пришлось дополнительно перебросить на фронт свыше 40 дивизий из Германии и других стран Западной Европы. Советское командование прочно владело стратегической инициативой. Наступление советских армий вынуждало немецкое командование перебрасывать свои дивизии с Запада на Восток[1]. Но на западе все более нарастала угроза высадки на континенте англо-американских войск. "Пожалуй, за всю войну еще не было большей опасности оголить в угоду обороны на Восточном фронте все прочие театры военных действий, чем та опасность, которая нависла в данный период", - отмечалось в военном дневнике штаба верховного командования вермахта весной 1944 г.[2]

Среди событий первых месяцев 1944 г. на советско-германском фронте особое значение имела полная ликвидация в конце января 1944 г. блокады Ленинграда, в результате первой из крупных операций 1944 г., которые ранее называли "десятью сталинскими ударами". Уцелевшие дивизии немецкой группы армий "Север" были отброшены от Ленинграда на 70-100 км. Ценой упорной обороны города, которая унесла жизни около 800 тыс. мирных жителей и продолжалась 900 дней, путь к центру России германским войскам был с севера закрыт. Подвиг ленинградцев вдохновлял всю армию и страну и заслужил глубокую

признательность государств антигитлеровской коалиции. У. Черчилль, выступая 26 марта 1944 г. с речью по радио, говорил, что "английский и американский народы полны искреннего восхищения по поводу военных триумфов русского народа. Я неоднократно воздавал должное его великолепным деяниям и сейчас должен сказать вам, что продвижение их армий представляет собой величайшую причину краха Гитлера"[3].

Крупных успехов летом 1944 г. достигли англо-американские союзники. Наиболее значительным из них стало открытие второго фронта - высадка 6 июня 1944 г. союзных войск на севере Франции в Нормандии (операция "Оверлорд") и их последующее наступление в Западной Европе. Решение о проведении операции "Оверлорд" после двухлетних дискуссий и настойчивых усилий Советского правительства было принято на Тегеранской конференции руководителей трех союзных держав антигитлеровской коалиции Ф.Д. Рузвельта, И.В. Сталина и У. Черчилля (28 ноября - 1 декабря 1943 г.) В документах конференции указывалось, что операция "будет предпринята в течение мая 1944 г. вместе с операцией против Южной Франции". Конференция приняла также к сведению заявление И.В. Сталина, что советские войска "предпримут наступление примерно в это же время с целью предотвратить переброску германских сил с Восточного на Западный фронт"[4].

На рассвете 6 июня армада из 5 тыс. судов с десантом практически без потерь пересекла Ла-Манш. Преодолев ожесточенное сопротивление врага (особенно на участке Омаха), армии союзников под командованием американского генерала Д. Эйзенхауэра к 25 июля расширили и укрепили плацдарм высадки до 100 км по фронту и 50 км в глубину. Три важнейших фактора способствовали такому развитию событий. Во-первых, многократное превосходство в силах западных союзников (по авиации в 60 раз) и сосредоточение большинства немецких дивизий на советско-германском фронте (235 из 300). Во-вторых, наличие сил и времени для всесторонней подготовки операции, удачный выбор района высадки главных сил десанта в Нормандии, а не в районе Па-де-Кале, наиболее узком участке пролива Ла-Манш, где находились ударные силы немецкой обороны побережья и некоторые укрепления недостроенного "Атлантического вала". Полной неожиданностью для противника явился воздушный десант союзников (3 дивизии), предшествовавший морскому десанту, что во многом обеспечило успешную его высадку. В-третьих, координация операции "Оверлорд" с наступлением Красной Армии на советско-германском фронте, согласованная на Тегеранской конференции. Немаловажное значение имела поддержка союзных войск вооруженными силами французского движения Сопротивления.

6 июня 1944 г. Черчилль и Сталин обменялись телеграммами. Черчилль писал Сталину: "Все началось хорошо. Мины, препятствия и береговые батареи в значительной степени преодолены. Воздушные десанты были весьма успешными и были предприняты в крупном масштабе. Высадка пехоты развертывается быстро, и большое количество танков и самоходных орудий уже на берегу.

Виды на погоду сносные, с тенденцией к улучшению"[5]. Сталин, который за день до этого поздравлял Черчилля "с большой победой союз-

ных англо-американских войск - взятием Рима"[6], направил ответ: «Ваше сообщение об успехах начала операции "Оверлорд" получил. Оно радует всех нас и обнадеживает относительно дальнейших успехов. Летнее наступление советских войск, организованное согласно уговору на Тегеранской конференции, начнется в середине июня на одном из важных участков фронта. Общее наступление советских войск будет развертываться этапами путем последовательного ввода армий в наступательной операции. В конце июня и в течение июля наступательные операции превратятся в общее наступление советских войск. Обязуюсь своевременно информировать Вас о ходе наступательных операций»[7].

Через 30 лет в "Энциклопедии Американа" будет сказано, что "русские косвенно помогли Гитлеру тем, что никак не продемонстрировали своих намерений облегчить высадку союзников"[8]. Это, конечно, далеко не так и рассчитано на неосведомленного читателя. 10 июня 1944 г. через четыре дня после начала высадки союзников в Нормандии развернули наступление войска Ленинградского и Карельского фронтов (командующие генералы армии Л.А. Говоров и К.А. Мерецков). 23 июня началось советское наступление в Белоруссии - одно из крупнейших во второй мировой войне (операция "Багратион"), в ходе которого была разгромлена немецкая группа армий "Центр" (координировали операцию Маршалы Советского Союза Г.К. Жуков и А.М. Василевский). Пройдя с боями до 600 км Красная Армия завершила освобождение Белоруссии, частично Прибалтики, вступила на территорию Польши, достигнув Вислы. По немецким данным, потери вермахта на западе в период с 1 июня по 31 августа 1944 г. составили 292 902 человека, в России - 916 860 человек[9].

Однако вернемся к действиям союзников на западном фронте. 11 мая 1944 г. 15-я группа армий (в основном американские и британские войска) начала наступление в Италии. 4 июня 5-я армия США и Французский корпус без боя вступили в Рим. Дальнейшие боевые действия на Апеннинском полуострове развивались также не в пользу противника. В августе "Готская линия" обороны немцев была прорвана, но, несмотря на значительную помощь вооруженных сил итальянского Сопротивления, решающих успехов достигнуть на этом фронте не удалось.

Большое значение имела скоординированная с операцией "Оверлорд" высадка 15 августа 1944 г. союзных войск на юге Франции и их дальнейшее наступление в глубь страны, на север для соединения с армией Эйзенхауэра и создание сплошного фронта союзных войск на западе Европейского континента, что и произошло 10 сентября в районе французского города Дижон. Союзные войска на этом направлении были объединены в 6-ю группу армий, основу которой составили 7-я армия США и 1-я французская армия. Общее командование 6-й группой армий осуществлял американский генерал Д. Деверс. Таким образом наступление с запада на Германию развернули к концу лета 1944 г. три группы союзных армий: на севере 21-я группа (командующий фельдмаршал Б. Монтгомери), в центре 12-я группа (командующий генерал О. Брэдли) и на юге 6-я группа (командующий генерал Д. Деверс).

Прибытие Черчилля в Москву. 9 октября 1944 года

Советские войска 15 сентября вступили в столицу Болгарии Софию и в эти же дни - на территорию Югославии. Наступление с Востока и Запада на Германию, несмотря на то, что ее силы еще далеко не были исчерпаны, тем не менее со всей очевидностью указывало на то, что судьба войны в Европе уже не вызывает сомнений и вопрос о послевоенном устройстве континента приобрел решающее значение. С этой целью и прилетел в октябре 1944 г. У. Черчилль в Москву (кодовое наименование, данное англичанами, - операция "Толстой"). Делегация, которую

он возглавлял, была весьма представительной и состояла из двух групп. Как пояснило британское посольство в Москве, первая группа премьер-министра включала 9 человек (его личного врача лорда Морана, секретарей и охрану); вторая во главе с министром иностранных дел А. Иденом - начальника имперского генерального штаба фельдмаршала А. Брука, начальника личного штаба премьер-министра генерала Х. Исмея, советника премьер-министра О. Харви, генерала Я. Джекоба и других - всего 25 человек. Черчилль выразил пожелание разместиться в прежней своей резиденции, т.е. на "Ближней даче" в Кунцево, а руководство второй группы - в английском посольстве на Софийской набережной[10].

Приготовления к приему британской делегации с советской стороны не отличались какими-то особенностями, если не считать, что охрана У. Черчилля была усилена (до 150 человек), в равной степени как и помещений, где предусмотрены были совещания и другие встречи (в особняке НКИД на Спиридоновке, 17, гостевой ложе Большого театра, Кремлевском дворце и на подъездных путях к ним). На случай воздушной тревоги было подготовлено бомбоубежище на станции метро "Кировская"[11]. 9 октября Черчилль и сопровождающие его лица прибыли самолетом в Москву (группа обслуживания прилетела на сутки раньше). Не обошлось без приключений. Летели уже привычным маршрутом, но из-за грубой посадки повредили в Каире шасси самолета и в Москву вылетели на другом. При подлете к Москве летчик и штурман не сумели сориентироваться и произвели посадку на одном из подмосковных аэродромов, а только затем перелетели на Центральный аэродром, где их с почестями, включая почетный караул, встретили В.М. Молотов, А.Я. Вышинский, И.М. Майский, комендант Москвы генерал-майор Р. Синилов и другие официальные лица. На аэродроме У. Черчилль сделал следующее заявление:

"Господин Молотов, Ваши Превосходительства, дамы и джентльмены.

Второй раз в течение этой ужасной и кровавой войны я прибываю на этот аэродром в Москве. Более двух лет прошло с тех пор, как я был здесь в последний раз. Но это - два года непрерывных побед. Все мы с разных концов света непоколебимо шли против нашего общего врага, который уничтожил сокровище и мир человечества, который запятнал каждый свой шаг жестокими деяниями и ужасными жертвами и над которым смыкается теперь месть Объединенных наций.

В течение замечательного периода побед, достигнутых с таким большим самопожертвованием и преданностью, русские армии, армии Советского Союза, нанесли мощные удары. Они были первыми из тех, кто разбил дух и военную машину германской армии.

Мы также со своей стороны, Соединенные Штаты и Британское Содружество Наций, напрягли свои силы до предела. И вам судить о том, нанесли ли мы тяжелые удары или нет.

Я прибыл сюда на волнах надежды, на волнах уверенности, что победа будет достигнута, и в надежде, что, когда она будет одержана, все

мы постараемся сделать мир лучшим местом для жизни больших масс людей"[12].

Вечером 9 октября состоялась первая в ходе визита встреча и беседа со Сталиным. Британский премьер прежде всего предложил обсудить польский вопрос как один из наиболее сложных и просил согласие на участие в его обсуждении премьер министра эмигрантского правительства Польши С. Миколайчика, польского посла в Москве Т. Ромера и председателя лондонской Рады Народовой профессора С. Грабского. Сталин, в свою очередь, предложил пригласить представителей Польского Комитета национального освобождения - временного исполнительного органа Крайовой Рады Народовой, созданной под эгидой советского правительства поляками, находившимися в то время на территории СССР[13].

Далее Черчилль положил на стол лист бумаги с личным знаком WSC и сказал, согласно первоначальной английской записи, что этот "грязный документ" содержит список балканских стран и пропорциональную заинтересованность в них великих держав и что американцы, если узнают, то будут поражены той грубостью, с которой он его изложил, но господин Сталин - реалист и поймет, о чем идет речь"[14]. Из содержания документа следовало, что Черчилль предложил раздел "сфер влияния" на Балканах в следующем процентном соотношении: Румыния - 90% влияния России, 10% - другие; Греция - 90% влияния Англии (в сотрудничестве с США), 10% - другие; Югославия и Венгрия - 50 на 50%; Болгария - 75% влияния России, 25% - другим странам. Позднее Черчилль говорил Идену, что "забыл" про Албанию, которую следует также разделить 50 на 50%. "Процентное соглашение", предложенное Черчиллем, не было неожиданностью для Сталина, как и то, что ключевым при этом являлся вопрос о Греции[15]. Затем, по свидетельству очевидцев, произошло следующее: Сталин поставил синим карандашом галочку на документе и вернул его Черчиллю. Наступила пауза. Листок лежал на столе. После некоторой паузы премьер произнес: "Не будет ли сочтено слишком циничным, что мы так запросто решили вопросы, затрагивающие миллионы людей. Давайте лучше сожжем эту бумагу". - "Нет, держите ее у себя", - сказал Сталин. Черчилль сложил листок пополам и спрятал его в карман[16]. Любопытно, что содержащиеся в первоначальной английской записи "проценты", их объяснение и оценка ("грязный документ") при подготовке этого документа для ознакомления членов кабинета министров были изъяты[17]. Впервые о листке с "процентами" было рассказано в мемуарах У. Черчилля[18]. Эта "нестыковка" отмечена в исследованиях ряда крупных британских историков, в том числе Д. Дилкса, Дж. Робертса и новом труде Р. Дженкинса[19]. Наиболее полной и объективной является советская запись беседы.

№ 161

Запись беседы тов. И.В. Сталина с Черчиллем 9 октября 1944 года в 22 часа

Присутствовали: Иден, Керр и Бирс - с британской стороны,
т.т. Молотов и Павлов - с советской стороны.

В начале беседы **Черчилль** подносит тов. Сталину свой портрет с надписью.

Тов. Сталин, принимая портрет, благодарит Черчилля.

Приступая к беседе, **Черчилль** заявляет, что нужно будет выяснить ряд вопросов, и, так как это легче сделать в личных беседах, чем путем переписки, он, Черчилль, приехал сюда в Москву. В личных беседах можно будет установить, что хочет та и другая стороны, и найти разрешение интересующих обе стороны вопросов. Личные беседы избавят обе стороны от телеграфной переписки. Наиболее трудной проблемой является проблема Польши. Обе стороны должны попытаться прийти к соглашению об общей политике по отношению к Польше. Нехорошо, что у обеих сторон имеются "боевые петухи".

Тов. Сталин замечает, что без петухов было бы трудно обойтись. Например, петухи подают сигнал - "пора вставать".

Черчилль соглашается с этим замечанием. Он заявляет, что вопрос о советско-польской границе уже решен. Можно было бы еще раз взглянуть на карту.

Тов. Сталин отвечает, что если вопрос о границе на основе линии Керзона решен, то это облегчает задачу.

Черчилль отвечает, что именно таковы взгляды британского правительства.

Тов. Сталин замечает, что, однако, поляки это не так понимают.

Черчилль отвечает, что, когда все союзники встретятся за столом конференции по перемирию, ибо американцам легче решать вопросы на конференции по перемирию, так как в этом случае Президент может самостоятельно принимать решения, в то время как если бы речь шла о мирной конференции, президент должен был бы запрашивать сенат, он, Черчилль, поддержит претензии русских на ту линию границы, которая ему, Черчиллю, была показана в Тегеране. Это его, Черчилля, намерение было утверждено Кабинетом. Он, Черчилль, заявит, что эта граница является справедливой и необходимой для обеспечения безопасности и будущего России. Он, Черчилль, уверен, что американцы его поддержат. Причем если генерал Соснковский[20] будет

возражать, то это не будет иметь большого значения, если Великобритания и Соединенные Штаты будут считать решение правильным. Англичане старались в течение нескольких месяцев выгнать генерала Сосковского. Что касается генерала Бура[21], то теперь о нем позаботятся немцы.

Тов. Сталин говорит, что теперь поляки остались без командующего.

Черчилль отвечает, что у них имеется один бесцветный человек. Он, Черчилль, хотел задать Маршалу Сталину один вопрос. Считал ли бы он, Маршал Сталин, целесообразным, чтобы англичане доставили в Москву Миколайчика, Ромера и Грабского. Они находятся в связанном виде в самолете в Каире. Через 36 часов они могут быть доставлены в Москву. Можно ли это сделать. Англичане хотят урегулировать вопрос.

Тов. Сталин спрашивает, имеют ли поляки власть, чтобы решить вопрос с Польским Комитетом Национального Освобождения.

Черчилль отвечает, что он уверен, что поляки из Лондона хотят сойтись с Польским Комитетом. Но британская и советская стороны могут здесь в Москве принудить тех и других к соглашению.

Тов. Сталин отвечает, что он не возражает против приезда Миколайчика, Ромера и Грабского. Давайте, говорит т. Сталин, предпримем еще одну попытку. Миколайчика, Ромера и Грабского придется связать с представителями Польского Комитета Национального Освобождения. Он, тов. Сталин, просит Черчилля иметь в виду, что у Польского Комитета имеется сейчас армия, и неплохая армия, которая представляет собой серьезную силу.

Черчилль отвечает, что в Италии также сражается на стороне союзников храбрый польский корпус. Польские войска имеются также во Франции. У польских войск очень много друзей в Англии. Поляки хороший и храбрый народ. Беда в том, что у них неразумные политические деятели. Беда в том, что там, где сходятся два поляка, там возникает одна ссора.

Тов. Сталин замечает, что если поляк один, то он начинает ссориться сам с собой.

Черчилль отвечает, что у нас вчетвером больше шансов на то, чтобы объединить поляков. Мы можем на них сильно нажать - англичане на своих поляков, а русские на своих.

Сталин говорит, что пусть обе стороны попробуют это сделать.

Черчилль заявляет, что он также хотел бы коснуться ряда вопросов, относящихся к перемирию с сателлитами, которые были

принуждены Германией вступить в войну, но которые не отличились в войне. Некоторые из этих сателлитов очень не нравятся англичанам, а некоторые русским. Он, Черчилль, предлагает, чтобы Иден и Молотов обсудили эти вопросы, если Маршал Сталин согласен.

Тов. Сталин отвечает утвердительно.

Черчилль говорит, что вопрос о Венгрии очень важный. Он, Черчилль, надеется, что советские войска скоро будут в Будапеште.

Тов. Сталин отвечает, что это возможно.

Черчилль заявляет, что имеются две страны, которыми Англия особенно интересуется. Во-первых, это Греция. Он, Черчилль, не особенно много беспокоится насчет Румынии. В очень большой степени Румыния - это дело русских, и соглашение с Румынией, которое было предложено Советским Правительством, было признано британским правительством весьма умеренным, и оно (соглашение) свидетельствовало о большой политической мудрости со стороны Советского Правительства. Несомненно, это соглашение будет способствовать общему миру. Однако что касается Греции, то у британского правительства имеется большая заинтересованность в этой стране. Британское Правительство надеется, что Англии будет разрешено иметь решающее право голоса в греческих делах, такое же как у Советского Союза в Румынии. Конечно, как в греческих, так и в румынских делах Англия и Советский Союз будут поддерживать между собой контакт.

Тов. Сталин отвечает, что он понимает, что Великобритания очень много потеряла от того, что пути через Средиземное море были перехвачены немцами. Он, тов. Сталин, понимает, что если не будет обеспечена безопасность этого пути, то Великобритания потерпит большой ущерб. Греция является важным пунктом для обеспечения этого пути. Он, тов. Сталин, согласен, что Англия должна иметь право решающего голоса в Греции.

Черчилль отвечает, что он подготовил одну таблицу. Мысль, которая выражена в этой таблице, может быть лучше было бы изложить дипломатическим языком, так как, например, американцы, в том числе Президент, были бы шокированы разделом Европы на сферы влияния.

Тов. Сталин говорит, что, кстати, он хотел бы коснуться Рузвельта. Он, тов. Сталин, получил от Рузвельта послание, в котором Рузвельт заявляет о своем желании, чтобы беседы между Черчиллем и им, тов. Сталиным, происходили при участии посла Гарримана в качестве наблюдателя. Во-вторых, Президент просит о том, чтобы принятые в беседе решения носили предвари-

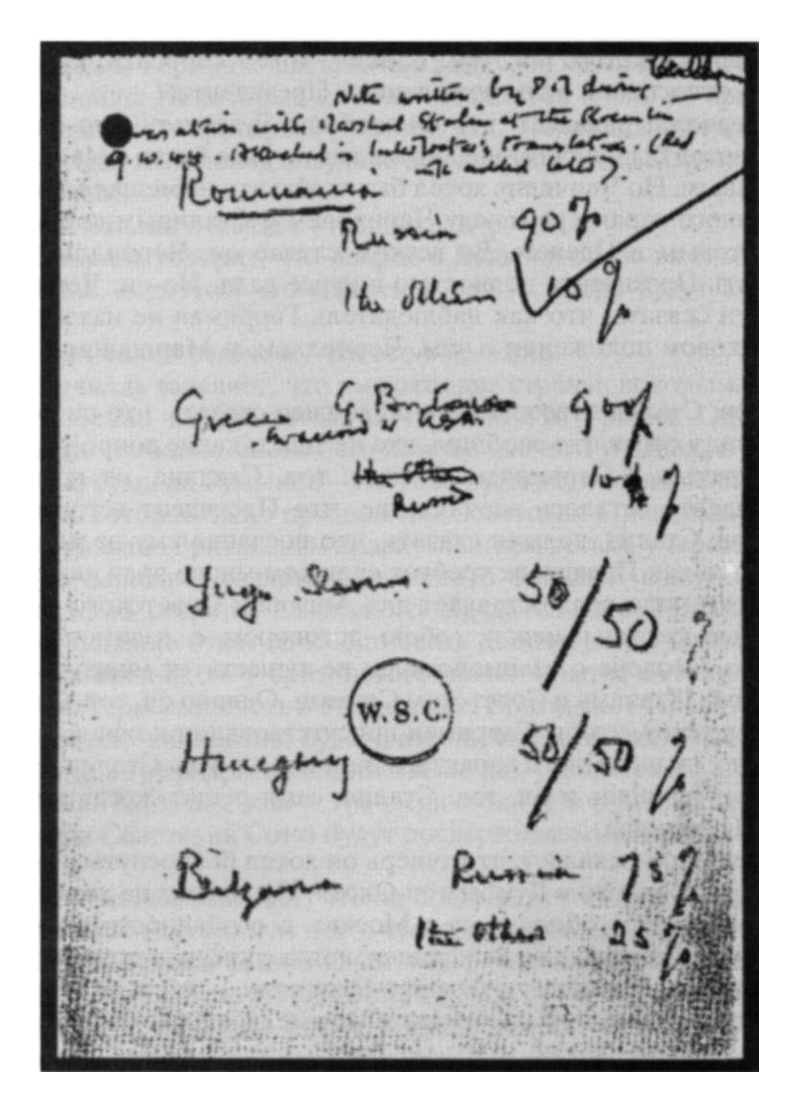
тельный характер. Он, тов. Сталин, хотел спросить, как Черчилль относится к этим пожеланиям Президента.

Черчилль заявляет, что он сообщил Рузвельту, что он приветствовал бы присутствие Гарримана на ряде бесед с Маршалом Сталиным. Но Черчилль хотел бы, чтобы это не мешало беседам интимного характера между Черчиллем и Сталиным или между Молотовым и Иденом. Во всяком случае он, Черчилль, будет держать Президента полностью в курсе дела. Но он, Черчилль, должен сказать, что как наблюдатель Гарриман не находится в одинаковом положении с ним, Черчиллем, и Маршалом Сталиным.

Тов. Сталин отвечает, что он должен сказать, что он послал Рузвельту ответ, где сообщил, что не знает, какие вопросы будут обсуждаться с Черчиллем. У него, тов. Сталина, от послания Президента осталось впечатление, что Президент встревожен. Он, тов. Сталин, должен сказать, что послание ему не понравилось, так как Президент требует слишком много прав для себя и слишком мало прав оставляет для Англии и Советского Союза, которые связаны между собою договором о взаимопомощи. Такого договора о взаимопомощи не существует между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Однако он, тов. Сталин, не возражает, чтобы Гарриман присутствовал при официальной встрече, не интимного характера, причем он, тов. Сталин, считает, что Черчилль и он, тов. Сталин, сами решат, когда приглашать Гарримана.

Черчилль заявляет, что теперь он хотел бы коснуться вопроса о Конференции в Думбартон Оксе[22]. Президент не хотел, чтобы этот вопрос обсуждался в Москве, в особенности теперь, и предпочитал, чтобы он был решен, когда состоится встреча трех. Конечно, мы должны, - говорит Черчилль, - иметь в виду, что Президент думает о выборах, которые должны состояться в Соединенных Штатах.

Черчилль говорит, что будет вполне справедливым сказать, что сначала англичане были склонны принять американскую точку зрения. Но теперь англичане усматривают большую степень справедливости в предложении другой стороны. В самом деле, если предположить, что Китай потребует, чтобы Британская империя отказалась от Гонконга, и если при обсуждении этого вопроса Британию и Китай попросят выйти за дверь, а Россия и Соединенные Штаты будут решать этот вопрос, то Британии это не понравится. С другой стороны, если бы у Аргентины был бы какой-либо конфликт с Соединенными Штатами, то, вероятно, Соединенным Штатам не понравилось бы, если американским представителям пришлось бы покинуть зал


Roumania
Russia 90%
The others 10%
Greece G. Britain 90%
Russia 10%
Yugo Slavia 50/50%
Hungary 50/50%
Bulgaria Russia 75%
The others 25%
W.S.C.

Написанное рукой Черчилля предложение о разделе сфер влияния на Балканах во время беседы со Сталиным 9 октября 1944 года с пометкой Сталина

заседания, а Китай, Россия и Британия принимали бы решения об Аргентине. Все это он, Черчилль, говорит, конечно, не для печати. Самым разумным было бы подождать встречи глав трех правительств. Он, Черчилль, думает, что Маршал Сталин засвидетельствует, когда это будет нужно, что этот вопрос не обсуждался в Москве.

Тов. Сталин, улыбаясь, говорит, что, конечно, он это сделает.

Черчилль заявляет, что он подготовил довольно грязный и грубый документ, на котором показано распределение влияния Советского Союза и Великобритании в Румынии, Греции, Югославии, Болгарии. Таблица составлена им для того, чтобы показать, что думают по этому вопросу англичане. Американцы будут поражены этим документом. Но Маршал Сталин - реалист, он, Черчилль тоже не отличается сентиментальностью, а Иден - это совсем испорченный человек. Он, Черчилль, не показал этого документа Британскому Кабинету, но Британский Кабинет обыкновенно соглашается с тем, что он, Черчилль, и Иден предлагают. Что касается парламента, то в парламенте у Кабинета большинство, да если и показать парламенту этот документ, он все равно ничего в нем не поймет.

Тов. Сталин говорит, что 25%, предусмотренные для Англии в Болгарии, не гармонируют с другими цифрами таблицы. Он, тов. Сталин, считал бы необходимым внести поправки, а именно предусмотреть для Советского Союза в Болгарии 90%, а 10% для Англии.

Черчилль заявляет, что англичан болгары сильно оскорбили. В прошлой войне они очень плохо вели себя по отношению к англичанам, напав на Румынию. В нынешней войне болгары были очень жестокими по отношению к югославам и грекам. Он, Черчилль, не может допустить, чтобы после всего этого болгары сидели с союзниками за одним столом.

Тов. Сталин заявляет, что Болгарию, конечно, нужно наказать.

Иден заявляет, что в Румынии англичане являются зрителями, но в Болгарии они хотели быть немного больше, чем зрителями.

Молотов спрашивает, относится ли сюда турецкий вопрос.

Он, **Черчилль**, конечно не касался турецкого вопроса, а лишь хотел показать, что у англичан на уме. Он, Черчилль, очень обрадован тем, насколько близкими оказались точки зрения обеих сторон. Он полагает, что можно будет еще раз встретиться и решить вопрос окончательно.

Тов. Сталин говорит, что если речь идет о Турции, то он должен сказать, что по Конвенции в Монтрё[23] Турция имеет все права на Проливы, в то время как Советский Союз очень мало имеет прав. По Конвенции в Монтрё у Советского Союза столько же прав, как и у японского императора. Он, тов. Сталин, считает, что необходимо обсудить вопрос о пересмотре Конвенции в Монтрё, так как она совершенно не соответствует современной обстановке.

Черчилль заявляет, что Турция потеряла сейчас права на вступление в войну. Она не вступала в войну раньше потому, что

она боялась Германии, так как у нее не было современного оружия. Кроме того, турки не только не умеют обращаться с современным оружием, но и не имеют многочисленных подготовленных войск.

Тов. Сталин замечает, что у турок сейчас во Фракии сосредоточено 26 дивизий. Неясно, против кого они сосредоточили эти дивизии.

Черчилль заявляет, что турки боялись болгар, так как немцы передали болгарам захваченное у французов оружие. В нынешней войне Турция научилась бояться Болгарии. Смотря в будущее, он, Черчилль, может сказать, что британская политика не состоит в том, чтобы не дать России доступа к теплым морям и великим мировым океанам. Напротив, британцы считают, что эта задача составляет элемент русско-британской дружбы. Теперь не существует политики Дизраэли и Керзона. Какие изменения, по мнению Маршала Сталина, нужно будет сделать в Конвенции в Монтрё?

Тов. Сталин отвечает, что он не может сказать, какие нужны изменения и чем нужно заменить Конвенцию, но он чувствует, что Конвенция не соответствует современной обстановке и заострена против России. Он, тов. Сталин, хотел бы спросить Черчилля, согласен ли он в принципе, что Конвенцию нужно изменить. В самом деле, не может такая большая страна, как Советский Союз, быть под страхом того, что такая небольшая страна, как Турция, может закрыть Проливы и поставить под вопрос наш экспорт, импорт или оборону. Он, тов. Сталин, не хочет ущемить суверенитета Турции, но нельзя терпеть такое положение, когда Турция держит за горло советскую торговлю и судоходство.

Черчилль отвечает, что он в принципе разделяет этот взгляд Маршала Сталина, но считает, что этот вопрос лучше зафиксировать на бумаге немного позже, так как в противном случае Турция может испугаться и подумать, что у нее требуют уступки Стамбула. Черчилль придерживается того взгляда, что Россия должна получить возможность выхода к Средиземному морю как для военных, так и торговых судов. Мы надеемся, говорит Черчилль, работать в этом вопросе дружно с Советским Союзом, но мы хотели бы подойти к этому вопросу осторожными шагами, чтобы не испугать Турцию. Если бы Советский Союз и Англия сидели за общим столом и составляли бы соглашение о перемирии и если бы русские просили о том, чтобы англичане согласились с предоставлением советским судам, военным и торговым, возможности входа в Средиземное море, то он, Черчилль, сказал бы, что Великобритания против этого не возражает.

Тов. Сталин отвечает, что он не торопит Черчилля с этим вопросом, но хотел бы его предупредить, что такой вопрос стоит у Советского Союза. Он, тов. Сталин, хотел бы, чтобы Черчилль признал, что постановка такого вопроса законна.

Черчилль отвечает, что он согласен с этим не только в принципе, но и считает, что Советский Союз должен взять на себя инициативу заявить о своем взгляде, что нужно изменить Конвенцию, и сообщить Соединенным Штатам о том, что Советский Союз думает по этому вопросу. Со своей стороны, Британское Правительство считает претензии Советского Союза в принципе справедливыми и морально обоснованными.

Черчилль заявляет, что тот подход к Балканам, который он изложил, предотвратил бы возникновение гражданской войны там из-за различия идеологий. Он, Черчилль, считает, что союзники не могут разрешить балканским народам иметь небольшую гражданскую войну после того, как союзники закончат великую войну. Раздор на Балканах должен быть прекращен авторитетом и властью трех великих держав. Мы должны, говорит Черчилль, сказать балканским народам, что эти вопросы решены тремя державами и что они должны руководствоваться советом трех великих держав. Британия ни в коем случае не будет навязывать короля Югославии, Греции или Италии, но в то же время Британия считает, что народы должны иметь право на плебисцит в мирное время. Что бы ни предпочли народы в конечном счете - монархию или другой режим, - они должны иметь возможность высказать свою волю свободно. Он, Черчилль, хотел бы спросить Маршала Сталина, не возражает ли он против сотрудничества с королем, если король будет избран народом.

Тов. Сталин отвечает, что он не возражает.

Черчилль заявляет, что англичане надеются, что в Северной Италии власть будет осуществляться под руководством армии союзников. Англичане не ценят итальянского короля, но англичане не хотят, чтобы в Италии после или до ухода оттуда вооруженных сил союзников возникла гражданская война. Мы, говорит Черчилль, хотели бы, чтобы Советское правительство затормозило деятельность итальянских коммунистов, чтобы итальянские коммунисты не будоражили Италию и не создавали там возбуждения. Все можно будет решить демократическим путем, но мы, заявляет Черчилль, не хотим беспорядков в Италии, где находятся войска союзников, ибо эти беспорядки могут привести даже к столкновениям с войсками. Рузвельт относится благосклонно к итальянцам, хотя ему, Черчиллю, это не нравится. Тут дело в том, что в штате Нью-Йорка много итальянских голосов.

Тов. Сталин говорит, что ему трудно повлиять на итальянских коммунистов, он не знает национальной обстановки в Италии. Кроме того в Италии нет советских войск, в противоположность Болгарии, где они имеются и где мы можем приказать коммунистам не делать того-то и того-то. Но если, он, тов. Сталин, будет давать какие-либо советы Эрколи[24], то Эрколи может послать его к черту, ибо он, тов. Сталин, совсем не знает национальной обстановки в Италии. Другое дело, когда Эрколи был в Москве, он мог с ним беседовать. Он, товарищ Сталин, может лишь сказать, что Эрколи умный человек и что он не пойдет на какую-либо авантюру.

Черчилль говорит, что пусть все же итальянские коммунисты не будоражат Италию.

Тов. Сталин заявляет, что нужно было бы исправить цифру по Болгарии.

Черчилль отвечает, что, вообще говоря, ему на Болгарию наплевать и что, может быть, этот вопрос обсудят между собой Иден и Молотов.

Тов. Сталин отвечает согласием.

Черчилль заявляет, что остается еще несколько вопросов, которые должны быть обсуждены. Нужно будет иметь особую беседу о будущем Германии. В Тегеране этот вопрос был рассмотрен очень поверхностно. Нужно, чтобы на беседе о будущем Германии присутствовал Гарриман. Он, Черчилль, воздерживался и воздерживается от публичного заявления о расправе с Германией огнем и мечом, так как это заставило бы немцев сражаться еще более упорно. Но здесь он, Черчилль, может сказать, что он стоит за жесткое обращение с Германией. В Америке существуют два мнения по этому вопросу. Президент за жесткое обращение с Германией. Но самое лучшее, конечно, это сначала одержать победу над немцами, а тогда сказать, что им следует делать. Нужно решить вопрос, отделить ли Восточную Пруссию, Саар, Рур и вообще раздробить территорию Германии, запретить немцам иметь оружие.

Русские фабрики сильно пострадали в этой войне так же, как и бельгийские и голландские. Он, Черчилль, думает, что немцы будут обязаны возместить ущерб машинами. Встает вопрос, как разделить Германию. Может быть, Иден, Молотов и Гарриман обсудят между собой этот вопрос в деталях и представят Маршалу Сталину, ему, Черчиллю, полную картину общих предложений.

Тов. Сталин соглашается с этим предложением и заявляет, что, по его мнению, Версальский договор был половинчатым.

Он породил в Германии настроение реванша, но он не лишил Германию возможности осуществить реванш. Любые меры по обузданию Германии неизбежно вызовут настроение реванша в Германии. Задача состоит в том, чтобы предотвратить реванш. Для этого нужно до минимума сократить тяжелую промышленность Германии и все те отрасли Германии, из которых возникают военные отрасли промышленности. Если союзники не лишат Германию возможности для осуществления реванша, то войны с Германией будут неизбежны через каждые 25-30 лет.

Черчилль с этим соглашается, заявляя, что немцев, состоявших в фашистских отрядах, отрядах гестапо, и гитлеровскую молодежь нужно отправить на исправительные работы, чтобы показать им, что строить труднее, чем уничтожать. Он, Черчилль, может сказать, что в Англии не могли бы согласиться с массовым истреблением лиц этой категории. Нужно будет их перевоспитать.

Тов. Сталин отвечает, что никто массового истребления не предлагает и что самым верным средством перевоспитания будет длительная оккупация Германии.

Черчилль заявляет, что американцы, вероятно, не намерены участвовать в длительной оккупации Германии.

Тов. Сталин заявляет, что к оккупации можно будет привлечь другие союзные страны, в том числе Францию.

Черчилль с этим соглашается.

Тов. Сталин заявляет, что к оккупации Германии можно будет привлечь также вооруженные силы мелких союзных государств.

Черчилль говорит, что он хотел бы, чтобы в оккупации Германии были использованы также войска единой Польши.

Тов. Сталин заявил, что поляки будут заниматься оккупацией Германии с большой охотой. Полякам нужно будет отдать Восточную Пруссию, Силезию, а район Кенигсберга с городом заберет Советский Союз.

Черчилль заявляет, что он считает это правильным, но полагает, что германское население из этих районов должно быть переселено в Германию. Теперь для немцев, после того как союзники истребили около 8 миллионов немцев, в Германии будет достаточно жизненного пространства.

Тов. Сталин отвечает, что он согласен с тем, чтобы немецкое население Силезии и Восточной Пруссии было переселено в Германию.

Черчилль говорит, что последний вопрос - это англо-американская война против Японии. Здесь огромную роль играет сек-

ретность. Показательно, что японцы до сих пор ничего не знают о заявлении, сделанном Маршалом Сталиным в Тегеране. Он, Черчилль, просил Рузвельта сообщить об американских планах войны на Тихом океане на 1945 г. События развиваются очень быстро, и планы быстро меняются по мере того, как американцы захватывают один остров за другим. Но ему, Черчиллю, известно, что Рузвельт вручил Гарриману и генералу Дину[25] краткое изложение американских планов, которое Гарриман и Дин должны будут нам показать и которое должно быть обсуждено с советскими генералами.

Тов. Сталин заявляет, что по вопросу об американских планах должна была состояться встреча генерала Дина с ответственными советскими военными, но эта встреча не состоялась ввиду того, что с Дальнего Востока не были получены все необходимые детальные сведения. Американские планы ему, тов. Сталину, также неизвестны. Если встретятся три стороны, то это будет лучше.

Черчилль заявляет, что Гарриман и Дин уполномочены сообщить об этих планах Маршалу Сталину и могут теперь рассказать о них в самых общих чертах.

Тов. Сталин говорит, что он готов иметь беседы по этому вопросу.

Черчилль заявляет, что он полагает, что эти планы должны быть обсуждены также с маршалом Бруком, который является членом американского объединенного штаба. Маршал Брук готов изучить эти планы, но он не считает себя вправе критиковать их.

Записал (В. Павлов)

В послании, которое спустя два дня, 11 октября, Черчилль отправил из Москвы Рузвельту, он весьма туманно информировал президента США о своем "процентном предложении". "Совершенно необходимо, - писал Черчилль, - чтобы мы попытались достичь общей точки зрения относительно Балкан с тем, чтобы предотвратить гражданскую войну в ряде стран, при которой, видимо, Вы и я симпатизировали бы одной стороне, а Сталин - другой. Я буду держать Вас в курсе всего этого, и ничто не будет урегулировано, кроме как в порядке предварительной договоренности между Британией и Россией с тем, чтобы это было в дальнейшем обсуждено и урегулировано вместе с Вами. На этой основе, я уверен, Вы не будете возражать против нашей попытки добиться единого мнения с русскими"[26]. В совместной телеграмме Сталина и Черчилля, направленной Рузвельту несколькими часами ранее, об этом предложении также ничего не говорилось. Упоминалось лишь о том, что "мы должны договориться о согласованной политике по отношению к балканским странам"[27].

Однако вернемся к беседе Сталина с Черчиллем. Советская сторона поставила вопрос о политике Турции и Черноморских проливах, имея в виду получить право свободного прохода советских судов через Проливы и пересмотра в этой связи конвенции в Монтрё. "Британию, - сказал Сталин, - интересует Средиземное море, Россию, соответственно, Черное море". Черчилль же выразил беспокойство растущим влиянием коммунистов в Италии и Болгарии. Сталин в свою очередь высказал пожелание, чтобы по Болгарии соотношение 75% и 25% было пересмотрено в пользу Советского Союза. Так был намечен основной круг вопросов на переговорах. Отметим сразу, что точка зрения авторов труда "История внешней политики СССР 1917-1945" о том, что «Советское правительство во время переговоров с Черчиллем отвергло английское предложение о "распределении влияния" между Англией и СССР в Югославии и других балканских странах», не соответствует действительности[28]. Об этом, в частности, свидетельствует беседа В.М. Молотова с А. Иденом, которая состоялась на следующий день.

№162

Прием А. Идена 10 октября 1944 года в 19 часов

Из дневника
В.М. Молотова

Присутствовали: т. Вышинский, Гусев, Керр и Берс[29]

Молотов заявляет, что вчера Маршал Сталин говорил, что ввиду тех тяжелых жертв, которые в настоящее время несут советские войска в боях на территории Венгрии, следовало бы в случае с Венгрией изменить соотношения, предложенные Черчиллем, на 75 : 25. Кроме того, нужно учитывать, что Венгрия является пограничной с Советским Союзом страной и что заинтересованность Советского Союза в Венгрии понятна. У Советского Союза нет территориальных претензий к Венгрии.

Иден заявляет, что он хотел бы подумать об этом. Он, Иден, весьма удручен общим положением на Балканах. Британское правительство было поставлено перед рядом совершившихся фактов, о которых оно не было уведомлено. Несколько месяцев назад Тито нашел убежище на острове Вис и находился под охраной британского флота и авиации. Британское правительство вооружало и поддерживало Тито и спасло его от гибели. Однако Тито, не уведомив британское правительство, выехал с острова Вис в Москву и заключил соглашение о болгарских войсках в Югославии. Между тем болгары обращались с англичанами и американцами так, как будто бы союзники проиграли войну, а болгары ее

выиграли. Британские офицеры, находящиеся в Северной Греции, были взяты под стражу болгарскими властями. Он, Иден, должен просить русских друзей о том, чтобы такому положению был положен конец. Он, Иден, готов обсуждать условия перемирия для Болгарии, но он хотел бы попросить о том, чтобы болгарским властям в Греции были даны указания с уважением относиться к британским офицерам.

Молотов заявляет, что в Болгарии необходимо навести порядок и, хотя в Болгарии к власти пришло новое правительство, с Болгарии не может быть снята ответственность за участие в войне на стороне Германии. Он, Молотов, думает, что должны быть предприняты практические шаги для того, чтобы болгарские власти должным образом относились к британским офицерам.

Иден отвечает, что непорядки имеют место не там, где расположены русские войска. Они имеют место в Северной Греции. Он, Иден, хотел бы просить Молотова, чтобы Маршалу Толбухину были даны указания о том, чтобы он приказал болгарам прекратить безобразное отношение к британским офицерам в Греции. Британское правительство посылает в Грецию еще несколько офицеров, и он, Иден, не хочет, чтобы, прибыв туда, они попали в тюрьму.

Молотов отвечает, что с самого начала между британским и советским правительствами было достигнуто соглашение о том, чтобы потребовать от Болгарии в качестве предварительного условия вывода болгарских войск из Греции и Югославии. Но советское правительство до сих пор ни через Толбухина, ни иначе не вмешивалось в события, которые имеют место за пределами Болгарии.

Иден заявляет, что он это понимает, и еще раз повторяет свою просьбу относительно британских офицеров в Греции.

Молотов заявляет, что, как он думает, об этом можно было бы договориться.

Иден заявляет, что он готов обсудить с Молотовым условия перемирия для Болгарии. Все вопросы, конечно, могут быть окончательно разрешены только в ЕКК[30], где представлены американцы. Но он, Иден, думает, что если в Москве будет достигнуто соглашение, то об этом можно будет телеграфировать в Лондон советскому и британскому представителям, которые договорятся с американскими представителями в ЕКК. Он, Иден, хотел бы знать, где, по мнению Советского Правительства, должны состояться переговоры с болгарами. Британское правительство согласно с тем, чтобы они состоялись в Москве.

Молотов отвечает, что переговоры лучше вести там, где они пойдут быстрее. Можно и в Лондоне.

Иден говорит, что переговоры могут состояться там, где предпочитает Советское Правительство.

Молотов благодарит и говорит, что Советское Правительство предпочитает, чтобы переговоры состоялись в Москве.

Иден заявляет, что, сделав одну уступку насчет места переговоров, он, Иден, не может пойти еще на одну уступку, а именно, согласиться с тем, чтобы после окончания войны в Германии британские и американские представители не участвовали в Союзной Контрольной Комиссии. Союзники воевали с Болгарией в течении трех лет. И в Англии просто не поняли бы, если бы после окончания войны с Германией английские представители не играли бы активной роли в работе СКК[31] в Болгарии. Потому он, Иден, настаивает на пункте, который был предложен американцами.

Молотов говорит, что прежде он хотел бы сообщить Идену о той уступке, которую Советское Правительство готово сделать. Эта уступка касается подписания условий перемирия с Болгарией. Он, Молотов, не знает, учитывают ли американское и британское правительства опасность, которая может возникнуть при выполнении их пожелания, чтобы условия перемирия были подписаны Маршалом Толбухиным и генералом Вильсоном[32]. Маршал Толбухин не моряк, но поскольку его войска вышли к Черному морю, то его подпись под условиями перемирия и подпись британского Командующего на Средиземном море могли бы дать повод болгарам думать, что Болгария является черноморской и средиземноморской державой. У Болгарии может разыграться воображение. Тем не менее, несмотря на эту опасность, Советское Правительство готово пойти навстречу пожеланиям английского правительства и сделать ему уступку, и согласиться с тем, чтобы условия перемирия с Болгарией были подписаны также и британским представителем.

Иден заявляет, что он просто ошеломлен от этой уступки и благодарит Молотова. Что касается опасности, то он, Иден, может обещать, что британский и американский флоты не позволят болгарам воображать, что Болгария средиземноморская держава.

Молотов говорит, что он возвращается к тому, что говорил Иден об участии британских и американских представителей в СКК, и хочет сказать, что ему, Молотову, непонятно заявление Идена. Руководство Контрольными Комиссиями в Италии и Румынии принадлежит англо-американскому и соответственно Советскому командованию. В вопрос об ответственности внесена

полная ясность. Но что получится, если в случае с Болгарией будет установлен новый порядок, когда после капитуляции Германии три державы будут отвечать за работу Контрольной Комиссии. Есть опасность возникновения неразберихи и трений.

Иден заявляет, что он хочет быть откровенным. Он, Иден, должен иметь возможность сказать британскому народу, что Англия принимает участие в осуществлении контроля над Болгарией. Американское предложение дает выход из создавшегося положения, поскольку в нем предполагается создать такой же контрольный аппарат союзников в Болгарии, какой будет существовать в Германии. Но он, Иден, готов обсудить и другие предложения при условии, что осуществление этих предложений обеспечит активное участие британских и американских представителей в работах комиссии и не оставит их в роли простых наблюдателей.

Молотов говорит, что сравнение с Германией непонятно, так как Германия будет разделена на зоны оккупации.

Он, Молотов, считает, что если британское правительство согласится на предоставление в Болгарии 90% Советскому Союзу, то остальные вопросы могут быть легко решены.

Иден замечает, что в этом случае англичане и американцы будут в Болгарии в роли наблюдателей, таких же, какими они являются в СКК в Румынии. Что касается его, Идена, то ему нравится американская формулировка, но он готов обсудить другое советское предложение, которое обеспечивало бы англичанам более значительные полномочия в Болгарии.

Молотов заявляет, что американское предложение непонятно. Предлагают ли союзники разделить Болгарию на зоны оккупации и хотят ли англичане и американцы ввести в Болгарию свои войска? Ему, Молотову, непонятно, как возможно оставить руководство Контрольной Комиссии в руках трех держав после капитуляции Германии. Эта неясность будет поводом для трений. Поэтому он, Молотов, считает, что в случае с Болгарией следовало бы принять соотношение 90 : 10%.

Иден отвечает, что союзники, конечно, не хотят вводить свои войска в Болгарию. Можно было бы назначить постоянным Председателем СКК в Болгарии советского представителя.

Молотов заявляет, что если Председателем Комиссии будет Советский представитель, то это будет означать, что у Советского Союза будет 34% вместо 90%. Ему, Молотову, непонятно, что имеется в виду в предложении.

Иден отвечает, что в Румынии британские и американские офицеры являются лишь наблюдателями. Что касается Болга-

рии, то на срок войны с Германией англичане и американцы согласны, чтобы положение их представителей в СКК было бы таким же, как и в Румынии, но после капитуляции Германии англичане и американцы хотели бы быть не только наблюдателями, но и активными участниками работы Комиссии. Он, Иден, не знает, как это выразить, но он хотел бы сказать, что, конечно, участие англичан и американцев в работе СКК будет меньше, чем русских, так как в Болгарии будут находиться советские войска.

Молотов говорит, что это будет очень странное руководство, которое будет выглядеть противоречивым, если мы не внесем в этот вопрос ясность.

Иден отвечает, что он не знает, как быть с процентами, но англичане хотят иметь в Болгарии большую долю, чем в Румынии, где у них всего имеется 10%.

Молотов говорит, что идея процентов вытекает из вчерашнего совещания. Может быть, мы договоримся о том, что для Болгарии, Венгрии и Югославии будет соотношение установлено 75 : 25.

Иден говорит, что это хуже, чем вчера.

Молотов отвечает, что тогда, может быть, принять 50 : 50 для Югославии, 90 : 10 - для Болгарии и внести поправку для Венгрии.

Иден отвечает, что он готов пойти навстречу в случае с Венгрией, но он, Иден, просит помочь обеспечить англичанам большее участие в делах Болгарии после капитуляции Германии. Он, Иден, не настаивает на этой американской формулировке, но он хочет, чтобы в СКК были представлены англичане после капитуляции Германии.

Молотов спрашивает, не договоримся ли мы о том, чтобы установить по Венгрии соотношение 75 : 25, прежде чем перейти к обсуждению других вопросов. Не согласятся ли англичане на 75 : 25 для Болгарии и на 60 : 40 для Югославии. Как Иден может видеть, он, Молотов, делает уступку на 15% по Болгарии, но зато в Югославии он, Молотов, предлагает установить 60%.

Иден отвечает, что он не хочет, чтобы соотношение для Югославии изменялось. Премьер будет очень расстроен, если будет сделана попытка изменить соотношение для Югославии, так как Англия очень много помогала Тито, снабжая его вооружением. Поэтому он, Иден, предложил бы, чтобы соотношение для Венгрии было 75 : 25, для Болгарии - 80 : 20 и для Югославии - 50 : 50.

Молотов отвечает, что он согласен отказаться от поправки для Югославии, если для Болгарии будет принято соотношение

90 : 10. Если по Болгарии принять 75 : 25, то тогда по Югославии надо принять 60 : 40. При этом он, Молотов, хотел бы заявить, что Советский Союз не намерен вмешиваться в дела на морском побережье Югославии. Если же в Югославии оставить 50 : 50, то тогда нужно принять поправку для Болгарии.

Иден говорит, что англичане и американцы воевали с болгарами в течение трех лет. Болгары очень плохо обращались с американскими пленными. Россия воевала с Болгарией лишь 48 часов.

Молотов заявляет, что Болгария причинила Советскому Союзу больше ущерба, помогая немцам, чем какой-либо другой стране. Он, Молотов, просил бы Идена считаться с тем, что Румыния и Болгария являются черноморскими странами. У Англии к Черному морю должно быть меньше интереса, чем к Средиземному морю. За свое поведение в войне Болгария не будет иметь доступа к Средиземному морю.

Иден отвечает, что к Черному морю у Англии небольшой интерес. Англия просит немногого, если принять во внимание, что она воевала с Болгарией в течение трех лет. Но с английской точки зрения все связано вместе. Англия снабжала Тито. Тито приехал в Москву, не уведомив Британское правительство. Тито договорился в Москве об оставлении болгарских войск в Югославии. Если об этом узнает британское общественное мнение, то оно будет критиковать британское правительство.

Молотов говорит, что соглашения об оставлении болгарских войск в Югославии не существует. Что касается Тито, то он, Молотов, не видел его раньше, но после знакомства с ним у него создалось впечатление о Тито, как о честном человеке, дружественно расположенном к союзникам. С Тито очень часто встречался сын Черчилля, и, как он, Молотов, думает, сын Черчилля может подтвердить это впечатление и сказать, можно ли иметь дело с Тито. Что касается того, что Тито не сообщил союзникам о своем отъезде в Москву, то здесь Тито, по его, Молотова, мнению, совершил двойную ошибку. Но он, Молотов, думает, что если бы Тито опубликовал о своем отъезде в Москву, то это только послужило бы поднятию его престижа, так как всем стало бы известно, что он встретился со Сталиным. Он, Молотов, объясняет ошибку Тито тем, что Тито в некотором отношении представляет собой провинциального политического деятеля, а не тем, что Тито руководствовался какой-либо злой волей. Этот недостаток Тито, конечно, исправим.

Иден заявляет, что если американская формулировка не годится, то можно рассмотреть другую. Например, можно было бы Контрольную Комиссию назвать не "Союзной", а "Советской

Контрольной Комиссией" с участием британских и американских представителей.

Молотов говорит, что этот вопрос нужно будет обдумать, и спрашивает Идена о возможности увеличения процентного соотношения в пользу СССР в Югославии.

Иден отвечает, что британское правительство предпочитало бы, чтобы у него и у Советского Правительства была одна общая политика в Югославии. Он, Иден, хотел бы знать, что будут делать союзники после освобождения Югославии. Должны ли они будут объединить Тито и югославское правительство в Лондоне. Британское правительство желает это сделать.

Молотов отвечает, что это правильно и что этот вопрос заслуживает внимания.

В заключение Молотов просит решить вопрос о Болгарии, если возможно, в течение 24 часов, так как задержка в этот деле неприятна.

Записал (Павлов)

На следующий день обсуждение этого вопроса продолжалось, и в конечном итоге договорились о том, что процент "советского влияния" в Болгарии и Венгрии составит 80%.

Больше к этому вопросу ни Сталин, ни Черчилль в своих беседах никогда не возвращались. В июне 1953 г. У. Черчилль нарушил "обет молчания" и рассказал историю о "процентном соглашении" в беседе с советским послом в Великобритании Я.А. Маликом, подчеркнув, что ему всегда удавалось находить основу для договоренностей и "достигать соглашений с товарищем Сталиным, причем эти соглашения не только достигались, но и взаимно выполнялись"[33]. Мнения о действительном значении документа, который был представлен Черчиллем на встрече со Сталиным 9 октября 1944 г., расходятся по сей день. На семинаре британских и российских историков в Лондоне в марте 2002 г. с докладом на эту тему выступил британский профессор Дж. Робертс. Рассматривая историографию вопроса, он отметил, что оценки "процентного соглашения" варьируются от характеристики его как "мертвого документа" до сделки, которая "спасла Грецию от коммунизма". Точка зрения самого Дж. Робертса сводится к тому, что раздел сфер влияния на Балканах был предопределен. Невмешательство СССР в греческие дела было обусловлено геополитическими интересами СССР, которые на Балканах ограничивались приграничными славянскими странами, к числу которых Греция не принадлежала, а также советским стремлением достичь на определенных условиях компромисса с западными союзниками в послевоенном устройстве Европы[34]. В подтверждение Робертс приводит факты как реальных действий СССР, так и фрагмент из беседы Сталина на эту тему с Г. Димитровым в январе 1945 г. "Я советовал, - говорил Сталин, - чтобы в Греции не затевали эту борьбу. Люди

ЭЛАС (вооруженные силы греческого движения Сопротивления. - *О.Р.)* не должны были выходить из правительства Папандреу (премьер-министр правительства Греции в эмиграции, местопребыванием которого был Каир. - *О.Р.).* Они принялись за дело, для которого у них сил не хватает. Видимо, они рассчитывали, что Красная Армия спустится до Эгейского моря. Мы этого не можем делать. Мы не можем посылать в Грецию свои войска"[35].

Дж. Робертс считает, что предложение Черчилля о "процентном соглашении" явилось скорее его отчаянной попыткой избежать реальности ослабления британских позиций в условиях роста советского влияния на Балканах и американского господства в Западном мире, но само соглашение называет "незначительным эпизодом". Советское невмешательство в греческие дела было обусловлено, по его мнению, "политическими и стратегическими расчетами Москвы и не имеет никакого отношения к процентному соглашению"[36].

На наш взгляд, 9 октября 1944 г. между лидерами двух стран была в необычной форме предпринята попытка разграничить сферы послевоенного устройства Европы и таким образом найти путь к геополитическому компромиссу на ближайшие годы, в котором в то время были еще заинтересованы влиятельные силы как в Великобритании, так и в США. Особое значение в этом имела последовательная позиция президента Ф.Д. Рузвельта. "Процентное соглашение" являлось реальной договоренностью, хотя и не оформленной официально, которая определенное время соблюдалась обеими сторонами. При этом отказ в военно-технической и политической поддержке национально-освободительных сил Греции, руководимых компартией (ЭАМ и ЭЛАС), стал трудным испытанием для советской внешней и военной политики и, по всей вероятности, был связан с конфликтом между Сталиным, с одной стороны, и Молотовым и Димитровым - с другой, которые поддерживали обращение руководства греческой компартии с просьбой о помощи. Но Сталин стоял на своем, и обращение ЭЛАС осталось без ответа. Высадка английских войск 5 октября, их вмешательство в дела Греции привели к широкомасштабной гражданской войне в стране и поражению сил Сопротивления, возглавляемых компартией. Драматизм обстановки заключался в том, что летом 1944 г. силами ЭЛАС были освобождены $^{2}/_{3}$ территории Греции. 12 октября войска Первого корпуса ЭЛАС освободили Афины, в конце октября - Салоники, и власть в Греции практически находилась в руках компартии и поддержавших ее сил. Красная Армия в это время вступила на территорию Югославии, и до границ Греции оставалось рукой подать. Соблазн был велик, но, как позднее писал Черчилль, "Сталин никогда не нарушал данного мне слова"[37].

Анализ советской политики и дипломатии того времени свидетельствует, что ее главной целью являлось создание в послевоенной структуре Европы "пояса безопасности" из дружественных Советскому Союзу приграничных государств. При этом их внутриполитическое устройство зависело от расстановки сил в каждой из стран. Силового "экспорта революции" в 1944 - начале 1945 г. стремились избежать.

И польский и греческий вопросы во многом решались в ходе визита Черчилля в Москву. Обсуждение польского вопроса было продолжено в ходе следующей беседы двух лидеров, которая состоялась 13 октября 1944 г.

Обстановка в англо-советских отношениях по польскому вопросу оставалась осенью 1944 г. крайне сложной, неопределенной и взрывоопасной. Поддерживая эмигрантские правительства стран Европы, которым Великобритания предоставила убежище в Лондоне и Каире, английское правительство, естественно, добивалось, нередко прямым давлением, установления в этих странах после их освобождения от немецкой оккупации приемлемых для него политических режимов. Это делалось в целях восстановления влияния Великобритании в этих регионах Европы и максимально возможного ограничения растущего советского влияния на континенте. В свою очередь советское правительство стремилось к достижению собственных целей, главной из которых, как уже говорилось, являлось установление после войны дружественных режимов в приграничных СССР странах, оккупированных захватчиками. В ряде стран возникли противоборствующие силы Сопротивления немецким оккупантам, в том числе в Югославии, Греции и Польше. Одни из них действовали при поддержке Москвы, другие - Лондона. В каждой из таких стран события развивались по-разному. Как Великобритания вместе с США или самостоятельно, так и Советский Союз во многих конфликтных ситуациях достигали компромисса. Этому в немалой степени способствовала гибкая политика эмигрантских правительств некоторых приграничных СССР стран, которая в тот период удовлетворяла обе стороны, как это имело место с эмигрантским правительством Норвегии и Чехословакии. Но в польском вопросе нашла коса на камень. И каждая из сторон имела для этого достаточно оснований.

Следует отвести как несостоятельные версии ряда зарубежных и отечественных историков о стремлении СССР к "территориальным захватам", "расширению советской империи", "большевизации Европы". В 1944 г. таких целей не выдвигалось, что подтверждают прежде всего документы Комиссий Наркоминдела, которые с 1943 г. занимались проблемами послевоенного устройства Европы. Сталин в беседе с Черчиллем сказал по этому поводу в 1944 г.: "Советский Союз не собирается организовывать большевистских революций в Европе". И это были не пустые слова.

Но Советский Союз исключал возможность воссоздания на своих границах враждебной Польши. Истоки сложившихся накануне второй мировой войны негативных советско-польских отношений уходят своими корнями в далекое прошлое, когда "царство Польское" являлось составной частью России. Они обусловлены историей гражданской войны в Советской России (поход армии Пилсудского на Киев и контрнаступление Тухачевского на Варшаву в 1920 г.), гибелью 40 тысяч военнопленных Красной Армии в Польше, а также участием Польши в разделе Чехословакии (1938) и ее отказом разрешить пропуск советских войск через свою территорию в случае германской агрессии. Пос-

ледний факт стал одной из причин неудачи англо-франко-советских переговоров в Москве летом 1939 г., которые могли предотвратить вторую мировую войну. После гибели премьер-министра Польши В. Сикорского в 1943 г., поддержки эмигрантским правительством немецкой версии расстрела польских офицеров в Катыни, отказа подготовленной в СССР армии генерала В. Андерса от обязательств принять участие в сражениях на советско-германском фронте негативные тенденции в отношениях с польским правительством в Лондоне приняли, казалось, необратимый характер. Наконец, на стороне Красной Армии сражалась созданная в СССР Польская народная армия, которую не признавали "лондонские поляки".

Все это происходило на фоне больших усилий, предпринятых английским правительством и прежде всего лично У. Черчиллем к улучшению польско-советских отношений, но "просоветская" послевоенная Польша была для британского премьера неприемлема. Считаясь с реальностью освобождения Польши Красной Армией, он вместе с тем настойчиво искал пути сохранения позиций в этой стране эмигрантского правительства. У Великобритании на это были свои веские причины. Главная из них заключалась в том, что нападение Германии на Польшу послужило поводом (слова Черчилля) для вступления на стороне последней в войну Великобритании, а также Франции и многих других государств, вследствие чего война приняла мировые масштабы. Великобритания таким образом более чем выполнила свои обязательства, данные Польше в виде англо-польского договора от 25 августа 1939 г. об оказании Польши помощи в случае германской агрессии.

Насколько эффективной была эта помощь и каковы были глубинные причины вступления Великобритании в войну - это предмет отдельного разговора. В данном случае решающее значение и право Великобритании на участие в будущей судьбе Польши определялось тем, что Лондон оказал поддержку Польскому государству ценой вступления в мировую войну с непредсказуемыми в то время для себя последствиями. На стороне англичан участвовали в боях польские войска генерала Андерса. В самой Польше силы Сопротивления действовали по принципу политической принадлежности. Армия Крайова - под эгидой Лондона и эмигрантского правительства, Армия Людова - под эгидой Москвы и Польского Комитета национального освобождения (ПКНО).

Переговоры в Москве в немалой степени омрачила история с Варшавским восстанием, которое к началу октября было подавлено и Варшава подверглась опустошительному разрушению. Это восстание, несогласованное с командованием Красной Армии, имело целью упредить вступление в польскую столицу советских войск и провозгласить власть эмигрантского правительства, как это произошло в Афинах, где королевское греческое правительство было десантировано англичанами при освобождении города войсками ЭЛАС. В поражении восстания, неизбежном в условиях превосходства сил вермахта, и жертвах среди восставших польские эмигрантские круги и их сторонники в Лондоне пытались обвинить Красную Армию. Последняя, находясь в непосред-

ственной близости от Варшавы, не оказала, по их мнению, действенной поддержки восстанию, хотя якобы располагала возможностями - версия, несостоятельность которой подтверждена новейшими исследованиями российских историков[38].

Сталину и Черчиллю предстояло найти пути к компромиссу в польском вопросе, если он был вообще возможен. Два заседания, посвященные этому вопросу состоялись 13 октября. Предварительно польскую делегацию в составе премьер-министра С. Миколайчика, министра иностранных дел Т. Ромера и председателя Рады Народовой в Лондоне С. Грабского принял для краткой протокольной беседы В.М. Молотов.

№163

Прием Миколайчика 13 октября 1944 года в 13 часов

Из дневника
В.М. Молотова

Присутствуют: Грабский, Ромер, Мнишек.

Миколайчик благодарит Молотова за то, что Советское Правительство дало ему возможность прибыть в Москву для обсуждения ряда вопросов.

Молотов замечает, что действительно имеется ряд вопросов для обсуждения. Поскольку Миколайчик прибыл в Москву, он, Молотов, надеется, что результаты будут хорошие.

Миколайчик отвечает, что можно будет договориться. Хотя желания у сторон различны, но нужно будет найти пути для того, чтобы наши страны могли договориться. Он, Миколайчик, хотел бы спросить Молотова, что нужно для этого сделать.

Молотов отвечает, что для этого нужна добрая воля. Польша, говорит он далее, много натерпелась за эту войну, и хорошо было бы, если бы Польша встала на ноги как хороший сосед Советского Союза.

Миколайчик отвечает, что поляки хотят возможно скорее очистить Польшу от немцев, возродить свою страну и наладить дружественные отношения с Советским Союзом.

Молотов заявляет, что война многому научила наши народы. Она им показала необходимость дружественных отношений между Польшей и Советским Союзом. Если некоторые люди не учатся, то они мертвые люди. Он, Молотов, думает, что подавляющее большинство как польского, так и советского народа хорошо понимают эти факты.

Миколайчик отвечает, что поляки хорошо понимают, что нужны дружественные отношения с Советским Союзом.

Записал (Павлов)

№164

Запись заседания с представителями Польского правительства в Лондоне

13 октября 1944 года в 17 часов
(В особняке НКИД, Спиридоновка, 17)

Присутствуют: тт. Сталин, Молотов, Павлов В. - с советской стороны;
Черчилль, Керр, Иден, Бирс - с английской стороны;
Гарриман, Стивенс - с американской стороны;
Миколайчик, Грабский, Ромер, Мнишек - с польской стороны.

Миколайчик заявляет, что он благодарит Маршала Сталина за предоставленную ему возможность приехать в Москву и присутствовать на этом заседании. Он, Миколайчик, благодарит также Черчилля за то, что Черчилль не забыл о поляках. Он, Миколайчик, хотел бы вначале кратко повторить содержание меморандума, который был вручен советскому послу Лебедеву[39] в Лондоне некоторое время тому назад. Сначала он, Миколайчик, хотел бы сказать несколько слов о том, как был составлен меморандум. Во время поездки в Москву он, Миколайчик, узнал, что Советское Правительство подписало соглашение с Польским Комитетом Национального Освобождения. Он, Миколайчик, считается с престижем Советского Правительства, подписавшего соглашение с Польским Комитетом. По приезде в Лондон он решил составить политическую программу, на основе которой он мог бы начать переговоры с Советским Правительством. Подготовленный им меморандум касается взаимоотношений между обоими государствами и представляет собой программу разрешения польских внутренних вопросов.

Молотов спрашивает, какой меморандум имеется в виду.

Миколайчик отвечает, что он имеет в виду меморандум от 29 августа, и заявляет, что он хотел бы, чтобы весь польский народ принял участие в установлении хороших отношений с Советским Правительством. В первом параграфе меморандума говорится о реконструкции польского правительства после освобождения Варшавы.

Тов. Сталин говорит, что в тексте меморандума, полученном нами, говорится о реконструкции польского правительства после освобождения Польши.

Миколайчик отвечает, что не знает, каким образом произошла эта ошибка. Но сейчас еще Варшава не взята.

Черчилль говорит, что следует отметить это расхождение и продолжить обсуждение.

Миколайчик заявляет, что, опираясь на крестьянскую, народно-демократическую, социалистическую и рабочую партии, а также на партию труда, он хотел бы образовать новое польское правительство. В следующем параграфе меморандума показано, кто не может войти в правительство. Здесь говорится о представителях санации[40] и фашистских партий. Он, Миколайчик, полагает, что это представляет собой самую разную почву объединения всех демократических партий. Это новое польское правительство должно быть назначено президентом. Он, Миколайчик, понимает, что такое правительство имело бы дипломатические отношения с Советским Союзом, и тогда можно было бы договориться об администрации на освобожденной территории Польши и на территориях, отобранных у Германии, и о взаимоотношениях польских войск и Красной Армии. В следующем параграфе меморандума речь идет о внутренних проблемах Польши.

Черчилль спрашивает, предусматривало ли польское правительство предоставление Красной Армии линий коммуникаций в Польше на время оккупации Германии.

Миколайчик отвечает, что это, конечно, было сделано.

Миколайчик заявляет, что, как он говорил в 1939 году, в Париже, в Польше будут проведены в возможно скором времени выборы на демократической основе. Вновь избранный парламент сейчас же разработает новую конституцию и изберет нового президента на основе новой конституции.

В следующем параграфе меморандума, заявляет Миколайчик, речь идет о союзе между Польшей и Советским Союзом на время войны и на послевоенный период. Союз направлен на политическое и экономическое сотрудничество обеих стран и построен на основе суверенности обеих стран и невмешательства во внутренние дела. Самое главное состоит в том, чтобы исключить германское вмешательство в дела Центральной Европы и предотвратить возможность германской агрессии в будущем. Само собой разумеется, что Польша будет опираться на союз с Великобританией, предпримет попытки заключить союз с Чехословакией и будет поддерживать тесные дружественные отношения с Соединенными Штатами. Конечно, Польша будет сотрудничать в восстановлении мира и в оккупации Германии. Следующий пункт меморандума говорит о границе между Советским Союзом и Польшей.

Мы, заявляет Миколайчик, хотим, чтобы Польша не уменьшилась в своей территории после нынешней войны. Польское правительство хочет, чтобы главные центры польской культур-

ной жизни на востоке и главные сырьевые районы принадлежали Польше. Польше не хватает нефти и сырья. Вопрос о границе должен быть решен в подробностях на мирной конференции и утвержден польским правительством. Что касается германских территорий, то польское правительство желает их очистить от немцев, ибо с немцами невозможно жить вместе. Далее в меморандуме выражается желание обсудить вопрос о гражданстве населения и о всем польском населении, вывезенном в Советский Союз, включая арестованных. Когда будет заключен договор о границе на востоке, польское правительство хотело бы произвести обмен украинского, белорусского и польского населения. Последний параграф меморандума касается военных дел. Польское правительство не желает создания военного правительства в Польше, и поэтому в меморандуме не идет речь о главнокомандующем с его особыми правами. Вместо этого предлагают, что армия должна быть подчинена правительству. Польское правительство хочет, чтобы часть Военного Кабинета занималась военными вопросами. Первая задача - это продолжение войны. Следующая - сотрудничество между Красной Армией и польским войском. В последнем очень важном пункте меморандума речь идет о том, чтобы все польские войска могли слиться и вместе бороться с немцами. Он, Миколайчик, хотел бы подчеркнуть, что изложенный им меморандум послан в Польшу и был одобрен существующими в Польше партиями.

Тов. Сталин заявляет*, существуют ли в действительности эти партии в Польше, и просит их перечислить.

Миколайчик говорит, что эти партии существуют в Польше. В число этих партий входят крестьянская партия, народно-демократическая партия, социалистическая партия, партия труда.

Тов. Сталин спрашивает, одобрен ли меморандум на каком-либо конгрессе этих партий и опубликовано ли об этом.

Миколайчик отвечает, что конгресса партий не созывалось и что меморандум был одобрен методами, которые, вероятно, хорошо известны Маршалу Сталину из его подпольной работы в России.

Тов. Сталин отвечает, что он никогда не слышал о том, чтобы без созыва конгресса партии одобрялся какой-либо документ. В нелегальное время в России, когда партии в России преследовались, только одна партия большевиков имела шесть конгрессов и двенадцать конференций и по крайней мере двадцать - двадцать пять совещаний ЦК с Лениным. На этих съездах, конференциях и совещаниях партия утверждала документы, имеющие важное значение.

---

* *Так в тексте.*

Касаясь меморандума, тов. Сталин заявляет, что, по его мнению, меморандум страдает двумя большими дефектами. Первый дефект меморандума состоит в том, что он игнорирует существование Польского Комитета Национального Освобождения. Но как можно игнорировать такой факт? Миколайчику известна та большая работа, которую проделал Польский Комитет. Недавно в Польше был созван съезд социалистической партии и партии Строництве Людове (крестьянская партия. - *О.Р.),* на котором обсуждались практические вопросы и линия Польского Комитета была одобрена. У Комитета имеется армия. Миколайчик должен об этом знать. Если анализировать положение в Польше и если анализировать руководящие польские органы, то можно прийти к выводу, что либо в Польше нет правительства, либо в Польше существуют два правительства, что равносильно отсутствию правительства. Он, тов. Сталин, повторяет, что главный дефект меморандума заключается в том, что он игнорирует существование Польского Комитета Национального Освобождения. Второй недостаток меморандума заключается в том, что он не дает ответа на вопрос о линии Керзона. Если поляки хотят иметь отношения с Советским Союзом, то без признания линии Керзона они этих отношений не установят. Что хорошего в меморандуме, так это схема отношений между Советским Союзом и Польшей после освобождения Польши. Но эта схема представляет собой лишь часть общего вопроса, в котором основное значение имеет вопрос о границе между Советским Союзом и Польшей.

Что касается внутренних вопросов Польши, то ему, тов. Сталину, кажется, что конституция 1921 года лучше, чем 1935 года[41]. Но этот вопрос не может служить камнем преткновения между Советским Союзом и Польшей. В конце концов дело поляков решить все эти вопросы.

Черчилль заявляет, что, как ему кажется, в том, что было сказано Маршалом Сталиным, прозвучала нота надежды. Он, Черчилль, полагает, что польское правительство намерено достичь соглашения с Комитетом Национального Освобождения. Меморандум не является препятствием для обсуждения. Что касается вопроса о границе, то он, Черчилль, должен сказать, что Россия сильно пострадала в войне с Германией. Только ее армии достигли Польши, и поэтому британское правительство считает, что линия Керзона является единственной линией границы между Польшей и Советским Союзом на востоке. Он, Черчилль, говорил об этом польским деятелям еще в прошлом году. Он, конечно, понимал при этом, что поляки получат другие территории на западе - части Силезии и Восточной Пруссии. Он, Черчилль, счи-

тает, что эти территории на западе и в Пруссии полностью компенсируют поляков. Поляки получат длинную линию морского побережья, хороший порт Данциг и Силезию. Это будет великолепная Польша, правда, не такая, как после Версальского договора, но она будет хорошей родиной для польской расы. Если бы он, Черчилль, был на мирной конференции, то он бы использовал те же самые аргументы, если бы он пользовался доверием парламента и своего правительства.

Миколайчик заявляет, что Маршал Сталин заявил, что в меморандуме игнорируется существование Польского Комитета. Частично это, может быть, и так, а частично, может быть, и не так. Надо считаться с усилиями польского правительства по организации армии, флота, авиации.

Тов. Сталин заявляет, что он это понимает и признаёт.

Миколайчик заявляет, что польское правительство организовало подпольную борьбу в Польше. Если Маршал Сталин признаёт Польский Комитет, то он игнорирует польское правительство в Лондоне.

Тов. Сталин отвечает, что он не игнорирует польское правительство в Лондоне. Он, тов. Сталин, хочет соглашения между польским правительством и Комитетом.

Миколайчик заявляет, что в меморандуме Комитет не игнорируется, так как там говорится об образовании нового польского правительства на базе пяти партий.

Тов. Сталин замечает, что в меморандуме нет ни одного слова о Комитете.

Миколайчик заявляет, что в радиопередачах из Люблина не были названы руководители, которые работают на освобожденной территории, но были телеграммы, под которыми каждый подписался. Было приветствие Красной Армии. Было выражено желание жить в свободной, независимой Польше.

Черчилль заявляет, что он не понимает, к чему все это говорит Миколайчик.

Тов. Сталин говорит, что, видимо, Миколайчик отрицает факт созыва съезда крестьянской партии.

Черчилль заявляет, что имеется более важное дело, чем вопрос о том, кто, когда и кому посылал телеграммы.

Тов. Сталин говорит, что это правильно.

Миколайчик заявляет, что на освобожденной территории Польши происходят и хорошие, и плохие вещи.

Тов. Сталин замечает, что это имеет место, как и везде на свете.

Миколайчик замечает, что было бы лучше, если бы они не получали сведений об арестах[42]. Что касается линии Керзона, то

он, Миколайчик, не может согласиться ни с Маршалом Сталиным, ни с Черчиллем. Он, Миколайчик, считает, что вопрос о границе должен решить сам польский народ. Было бы плохо, если бы он, Миколайчик, уступил 40% польской территории и 5 миллионов поляков.

Тов. Сталин заявляет, что там нет 5 миллионов поляков. Это территории украинские и белорусские.

Миколайчик заявляет, что польские солдаты умирали за эти земли, на которые они должны будут вернуться и которые он, Миколайчик, не хочет отдать.

Тов. Сталин заявляет, что за эти территории дерутся полтора миллиона украинцев и белорусов, а Миколайчик этого не видит и хочет захватить эти территории. Это называется империализмом.

Миколайчик говорит, что он воздает честь героизму украинских солдат. Но как быть с поляками, которых с осени 1939 года в борьбе с немцами и в концентрационных лагерях погибло 5 миллионов?

Черчилль заявляет, что страдания польского народа известны всем. Речь идет о том, как покончить с этими страданиями. Чтобы покончить с этими страданиями, нужно иметь объединенное польское правительство, признанное всеми союзными державами.

Тов. Сталин говорит, что это правильно.

Миколайчик говорит, что если желательно, чтобы он отдал 40% польской территории, то нужно, чтобы была гарантирована независимость Польши.

Тов. Сталин спрашивает, кто угрожает независимости Польши. Советский Союз?

Миколайчик говорит, что он просит независимости для всех поляков, чтобы они могли вернуться в Польшу.

Черчилль заявляет, что можно будет предусмотреть мероприятия по переселению поляков.

Тов. Сталин заявляет, что, конечно, это можно будет сделать и что переселение сейчас уже осуществляется.

Миколайчик заявляет, что все правительства уже вернулись на освобожденную территорию своих стран. Не вернулось лишь одно польское правительство.

Черчилль заявляет, что не все правительства еще вернулись на территорию своих стран. Цель наших переговоров, которые еще не закончились, состоит в том, чтобы обсудить этот вопрос. Он, Черчилль, надеялся, что Миколайчик признает тот факт, что британское правительство поддерживает Советский Союз в отношении новой восточной границы. Какие бы сожаления Миколайчик

не высказывал, это остается фактом. Чтобы Миколайчик не говорил, речь идет о будущности Европы. Маршал Сталин, как и его британские и американские союзники, желает, чтобы существовала самостоятельная Польша, дружественная Советскому Союзу.

Тов. Сталин говорит, что это совершенно правильно. Русские не только это заявляют, но и делают.

Черчилль говорит, что нельзя допустить, чтобы Советский Союз имел недружественного соседа. Он, Черчилль, поддерживает требования России не потому, что она сильна, но потому, что она права.

Он, Черчилль, не знает, какое из следующих предложений будет приемлемо: Миколайчик мог бы сделать какое-либо заявление, которое было бы приемлемо Советскому Союзу, но он был бы отвергнут своими сторонниками. В ином случае он мог бы сказать, что польское правительство принимает решение в отношении границы для практических целей и что оно будет иметь право апеллировать при мирном урегулировании.

Миколайчик заявляет, что он предпочел бы демаркационную линию, но он думает, что теперь он присутствует при обсуждении раздела Польши.

Тов. Сталин заявляет, что Миколайчик, однако, предлагает раздел Украины и Белоруссии. Советское Правительство против раздела Украины и Белоруссии.

Миколайчик говорит, что до сих пор он слышал заявления о разделе Польши, но не о разделе Германии.

Черчилль заявляет, что о разделе Германии говорилось, но в общих чертах. Если бы заявить о разделе Германии публично, то это значило бы усилить сопротивление немцев.

Черчилль говорит, что он апеллирует к Миколайчику и просит предпринять попытку помочь в настоящем деле британскому правительству. Британия вступила в войну из-за Польши, несмотря на то, что она не была подготовлена. Британское правительство будет считать свое обязательство выполненным, если в конце войны будет существовать сильная независимая Польша. Это повлечет за собой линию Керзона и улучшение границы на севере и на юге. На данной стадии было бы неблагоразумно для польского правительства отделяться от британского правительства. Поэтому он, Черчилль, просит Миколайчика сделать храбрый жест, чтобы обеспечить мир во всей Европе.

Молотов заявляет, что он хотел бы добавить несколько слов по поводу того, что говорилось на конференции в Тегеране. Он, Молотов, хотел бы напомнить то, что было высказано Рузвельтом в Тегеране. Если он, Молотов, будет неточен, то он надеется, что другие его поправят. Он, Молотов, хорошо помнит

заявление Рузвельта о том, что Рузвельт полностью согласен с линией Керзона как линией границы, но что он не считает целесообразным публиковать это свое заявление. Он, Молотов, считает, что на этом основании можно сделать заключение о том, что не только точки зрения Англии и Советского Союза, но и Соединенных Штатов одинаковы.

Миколайчик спрашивает, может ли он узнать, как в Тегеране ставился вопрос о западной границе Польши.

Молотов отвечает, что там высказывалось мнение, что западной границей Польши должна быть линия Одера. Он, Молотов, не помнит, чтобы кто-либо возражал против этого.

Черчилль заявляет, что он это поддерживает.

Иден говорит, что он не помнит возражений. Напротив, имелось в виду, что Польша может пойти так далеко на запад, как она пожелает.

Черчилль заявляет, что Польше должна быть передана, кроме того, Восточная Пруссия к западу и югу от Кенигсберга.

Тов. Сталин заявляет, что это правильно.

Черчилль спрашивает, не будет ли приемлемой следующая формула: Объединенное польское правительство принимает линию Керзона как восточную границу Польши де-факто, сохраняя за собой право обсудить на мирной конференции частные аспекты.

Миколайчик заявляет, что он не уполномочен делать подобные декларации.

Черчилль заявляет, что это не декларация, а рабочая формула. Он, Черчилль, не желает заставить Миколайчика сказать что-либо, что было бы отвергнуто его народом, но настоящий случай - лучшая возможность для создания объединенного польского государства.

Миколайчик заявляет, что он находится в худшем положении, чем Польский Комитет, у которого есть надежды получить Львов.

Тов. Сталин заявляет, что мы не торгуем украинскими землями и вообще чужими землями не торгуем. Он, тов. Сталин, не знает, о чем поляки думают, но Львова они не получат.

Черчилль замечает, что поляки получат Данциг и территорию одинаковой ценности.

Тов. Сталин говорит, что поляки получат эти территории. Кроме того, русские думают, что речь будет идти не только о Данциге для Польши, но и о Штеттине. Русские этому сочувствуют и это поддержат.

Черчилль говорит, что британское правительство это также поддержит, и заявляет, что он просит поляков серьезно обдумать положение.

Тов. Сталин заявляет, что для того, чтобы все было ясно, он хочет сказать, что Советское Правительство не может принять предложенную Черчиллем формулировку. Советское Правительство может ее принять с поправкой в том смысле, что линия Керзона будет основой восточной границы между Советским Союзом и Польшей. Советское Правительство не может иметь сегодня одну границу, а завтра другую. В Польше и в Советском Союзе разные системы. По мере продвижения Красной Армии население восстанавливает колхозы и советскую власть. Если поставить под вопрос границу, то надо будет все снова переделать. Во всем остальном он, тов. Сталин, согласен с предложениями Черчилля.

Черчилль заявляет, что, следовательно, линия Керзона является основой границы.

Записал (Павлов)

№ 165

Запись заседания 13 октября 1944 года

Присутствуют: И.В. Сталин, В.М. Молотов - с советской стороны; Черчилль, Иден, Керр, Бирс - с английской стороны; Гарриман, Стивенс - с американской стороны; [председатель Крайовой Рады Народовой] Берут, [премьер-министр и министр иностранных дел Временного польского правительства] Осубка-Моравский, [Главнокомандующий Войска Польского] Роля-Жимерский - с польской стороны.

В начале заседания **т. Молотов** кратко информирует о совещании с представителями польского правительства в Лондоне, которое состоялось в тот же день в 17 часов.

Тов. Сталин замечает, что на этом совещании стоял вопрос о компромиссе между Польским Комитетом Национального Освобождения и польским правительством в Лондоне.

Черчилль заявляет, что англичане очень рады познакомиться с представителями люблинского комитета. Наши цели и наши интересы, говорит Черчилль, заключаются в том, чтобы видеть Польшу свободной в управлении собой. Мы, говорит он далее, были весьма расстроены расхождениями между поляками. Особого сожаления достойно то, что эти расхождения имеют место как раз в тот момент, когда должно бы быть единство. Мы здесь

собрались для того, чтобы осуществить единство, которое стало возможным осуществить благодаря победам России. Мы поддерживаем нашего русского союзника на основе линии Керзона. Он, Черчилль, надеется, что Польский Комитет поймет положение британского правительства. Британия вступила в войну, потому что Германия напала на Польшу. Это не было причиной вступления Британии в войну, но это было поводом. Британское правительство сплотило поляков и помогает вооружить тех поляков, которые смогли убежать из Франции, а также тех, которые были эвакуированы в Персию. Эти поляки сражались, и англичане ценят их работу как в Италии, так и во Франции. Британия приютила польское правительство, которое следовало линии генерала Сикорского. Британское правительство работало совместно с этим польским правительством и верно хранило те узы, которые были созданы в те дни, и повсюду в Англии поляки оставили о себе наилучшие воспоминания. Британское правительство, конечно, не может покинуть людей, с которыми оно сотрудничало в течение 5 лет. Таково же, как он, Черчилль, надеется, положение и Соединенных Штатов. Мы гордимся нашей верностью к нашим друзьям. Он, Черчилль, надеется, что британцы должны получить должное за то, что они помогли возродиться Польше. Польша должна стать дружественной России и другим странам и сильной страной.

Берут говорит, что он хочет поблагодарить Черчилля за дружественные слова. Он хотел бы от имени возрождающегося польского государства выразить Черчиллю благодарность за хорошие дружественные пожелания по отношению к польскому народу. Польский народ связывает свое счастье с победой союзников, и он хотел бы сделать все возможное, чтобы победа была возможно скорее одержана. Объединение польского народа, говорит Берут, мы считаем основным условием успешной борьбы польского народа с общим врагом - Гитлером. Крайовая Рада Народова поставила этот лозунг во главу угла с самого начала борьбы с немцами. В течение трех лет Крайовая Рада Народова считала, что объединение всех сил польского народа является не только условием победы над германскими захватчиками, но является условием будущего самого польского народа. Свое будущее польский народ связывает с демократическими принципами, которые объединяют все государства, борющиеся с немцами. В Польше до войны развивались тенденции, которые нарушали принцип демократии. Польша была соседом того государства, которое с 1933 года провозгласило лозунг борьбы с демократией, и влияние этих тенденций довольно сильно сказалось в Польше. Выражением влияния этих тенденций было введение в 1935 году

тогдашним новым правительством новой конституции. Эта конституция была навязана польскому народу насильно и не одобрялась польским народом. Польский народ боролся против этой конституции, так как она лишила его всех прав. В этом отношении польское правительство отошло от тех принципов демократии, которые приняты во всех демократических странах, в том числе в Англии.

Черчилль спрашивает, правильно ли, что Сикорский, Миколайчик и другие были против конституции 1935 года и поэтому были отстранены.

Берут отвечает утвердительно и добавляет, что польское правительство в Лондоне находится под влиянием элементов, которые придерживаются антинародных принципов. Поэтому первым основным условием искреннего объединения Польский Комитет считает отречение Миколайчика и его единомышленников от конституции 1935 года. Этого мнения придерживается огромное большинство польского народа.

Черчилль заявляет, что этот вопрос, как он понимает, может быть обсужден между поляками. Британское правительство не хочет вмешиваться в чисто польские вопросы. Он, Черчилль, уверен, что этот вопрос может быть обсужден с надеждой на его решение.

Тов. Сталин говорит, что этот вопрос поляки должны решить сами.

Черчилль заявляет, что Миколайчик высказывался против конституции 1935 года и говорил, что конституция 1921 года более отвечает интересам польского народа. Он, Черчилль, надеется, что этот камень преткновения будет устранен.

Берут заявляет, что, несмотря на высказывания Миколайчика против конституции 1935 года, у Польского Комитета тем не менее имеются доказательства, что все юридические и политические действия польского правительства в Лондоне основываются на конституции 1935 года.

Черчилль заявляет, что первая задача поляков - это помочь избавиться от немцев.

Берут заявляет, что несомненно это так, но дело в том, что эмигрантское правительство не желает содействовать борьбе с немцами. Польское эмигрантское правительство надеялось внести раскол между союзниками, ибо оно считало не только Германию, но и Советский Союз врагом Польши. Эта позиция эмигрантского польского правительства и вызвала необходимость организации тех группировок в стране, которые вели борьбу с немцами в течение трех лет независимо от политики польского эмигрантского правительства и в противовес этой политике.

Черчилль говорит, что он надеется, что Берут поймет, что он, Черчилль, старается устранить затруднения. Он, Черчилль, не думает, что вопрос о конституции не может быть разрешен. Если это единственное препятствие, то оно может быть легко устранено.

Берут отвечает, что это не единственное препятствие, хотя одно из главных. Второе и главное затруднение с Миколайчиком заключается в его отношении к Советскому Союзу, крупнейшему соседу Польши. Польский Комитет считает, что польский народ хочет иметь дружественные отношения с Советским Союзом.

Черчилль заявляет, что будущее польское правительство должно поддерживать и укреплять дружественные отношения с Советским Союзом. Так думает также и британское правительство.

Берут заявляет, что поэтому Польский Комитет делает вывод, что вопрос о границах на востоке должен быть решен не войной, а дружественным путем, путем хорошего добрососедского договора. Польша не может претендовать на захват украинских и белорусских земель, которые были в Польше основным источником трений в течение 25 лет и которые не давали Польше основания назвать себя демократическим государством. Мы хотим, говорит Берут, разрешить этот вопрос путем признания линии Керзона как границы между польскими и украинскими и белорусскими землями. Мы просим поддержки справедливых стремлений польского народа и возвращения ему некоторых принадлежавших польскому народу земель, которые были отобраны у Польши Германией.

Черчилль говорит, что поскольку это касается Маршала Сталина и его, Черчилля, то Берут ломится в открытую дверь, так как Маршал Сталин и он, Черчилль, уже согласны насчет этого. Польское правительство не согласилось с Маршалом Сталиным и им, Черчиллем, но у него, Черчилля, есть надежда, что польское правительство согласится. Таким образом будет устранен еще один источник трений.

Берут говорит, что у Польского Комитета были беседы с Миколайчиком по этому вопросу. Месяц тому назад в этих беседах перед Миколайчиком был поставлен вопрос об условиях объединения обеих частей польской политической жизни. Среди этих условий было признание конституции 1921 года, признание основных положений манифеста Польского Комитета Национального Освобождения, в котором ставится вопрос о внешней политике Польши и о тех непременных реформах, которые ожидает польский народ, а именно о земельной реформе, которую польское крестьянство ожидает двести лет.

Черчилль замечает, что если польское крестьянство ждало земельную реформу двести лет, то оно могло бы подождать несколько месяцев, пока не будут побиты немцы. Нужно иметь территорию для того, чтобы проводить реформу.

Берут заявляет, что само собой разумеется, что нужно изгнать врага, чтобы полностью провести земельную реформу, но вопрос в том, что эта реформа обещалась разными правительствами. Поэтому народ спрашивает, осуществит ли Польский Комитет эту реформу, и народ этого требует. Миколайчик в принципе согласился и обещал повлиять на своих единомышленников в стране в пользу проведения земельной реформы. Миколайчик обещал, что он поедет в Лондон и посоветуется. Но прошло два месяца, и он своих обещаний не выполнил.

Черчилль заявляет, что земельная реформа - это один из пунктов программы правительства, возглавляемого Миколайчиком. Он, Черчилль, хотел бы спросить, будет ли Польский Комитет согласен, если бы Миколайчик был согласен с тем, что реформу следует проводить по мере освобождения польской земли от врага. Он, Черчилль, лично думает, что, пока гремят орудия, лучше повременить с проведением реформы.

Берут заявляет, что в разговорах Миколайчик на словах соглашается, но на деле не решается пойти с Польским Комитетом. Он стремится организовать своих единомышленников против Комитета среди офицеров Армии Крайовой. Они ведут довольно жестокую борьбу против Комитета. Миколайчик надеется путем борьбы с Комитетом добиться некоторых успехов.

Черчилль заявляет, что если речь идет о гражданской войне, то он против всякого, кто ее начинает.

Берут заявляет, что польский народ хочет объединения, и он, Берут, считает, что если Миколайчик готов к объединению, то соглашение может состояться.

Черчилль заявляет, что это то, чего нужно добиться. Нужно понять, что очень плохо для Польши и для всех Объединенных Наций, что союзники признают одно польское правительство, а Советский Союз другое. Такое положение выгодно только немцам и крайне неприятно для объединенных стран. Задача состоит в том, чтобы создать единое польское правительство, которое будут признавать три главных союзника, с тем, чтобы союзники представляли собой сомкнутый строй. Он, Черчилль, думает, что Маршал Сталин с этим будет согласен.

Тов. Сталин отвечает, что он безусловно согласен. Он, тов. Сталин, хочет, чтобы в тылу Красной Армии было спокойно и чтобы там не было гражданской войны. Он, тов. Сталин, хотел бы дать некоторое разъяснение относительно аграрной рефор-

мы. Некоторые думают, что с осуществлением аграрной реформы можно подождать несколько месяцев и потом, когда вся территория будет освобождена, проводить аграрную реформу. Такой взгляд неправилен. О чем доносят политработники Красной Армии, находящиеся в Польше? Что думают крестьяне по этому вопросу? Нам сообщают, что часть польских помещиков ушла вместе с немцами, а другая осталась. Хозяева боятся обрабатывать землю, так как боятся, что у них отберут хлеб. Некоторые не имеют к тому же рабочих, так как рабочие не идут на работу, ибо думают, что они получат землю. Вследствие этого много земли не обрабатывается. Крестьяне спрашивают, чего ждут, почему они, крестьяне, не получают землю, которая им была обещана. Вопрос о реформе становится весьма актуальным. Таково положение на основе донесений политработников Красной Армии. Крестьяне не будут ждать, пока им дадут землю, а начнут ее забирать сами, будет драка. Лучше, если крестьянам раздать землю хотя бы тех помещиков, которые ушли с немцами.

Черчилль спрашивает, чего требуют крестьяне - землю колхозов или помещиков.

Тов. Сталин отвечает, что там колхозов нет. В Польше происходит то, что было во Франции. Крестьяне хотят взять землю в свои руки.

Черчилль говорит, что это конечно трудный вопрос, но для целей войны нужно сделать все для того, чтобы обрабатывать землю, чтобы получить побольше продовольствия.

Тов. Сталин говорит, что чем больше будет продовольствия, тем лучше. Но помещики, находящиеся в Лондоне, угрожают террором тем людям, которые проводят земельную реформу.

Черчилль замечает, что если крестьяне получат землю, то трудно будет помещикам отнять ее у крестьян.

Моравский заявляет, что первое расхождение Польского Комитета с польским правительством в Лондоне состоит в том, что Комитет хочет объединения, а Миколайчик не хочет. Комитет указал принципы, на которых он хотел бы объединения с Миколайчиком, а Миколайчик не указал таких принципов. Комитет хочет дружбы с Советским Союзом, а солдаты Армии Крайовой стреляют в солдат Красной Армии и Польской Армии. Комитет проводит мобилизацию, а Миколайчик отдает приказы бойкотировать мобилизацию.

Черчилль заявляет, что недавно Моравский высказался в нехорошем тоне о поляках, которые сражаются с немцами и умирают.

Моравский заявляет, что Комитет хочет создать армию, а Миколайчик ведет борьбу против мер Комитета в этом направ-

лении, Комитет хочет восстановить заводы, а Миколайчик против. Комитет хочет восстановить школы, а Миколайчик против.

Черчилль заявляет, что плохо получается так, что у Комитета все хорошо, а у Миколайчика все плохо. Каждая сторона выставляет претензию против другой. Он, Черчилль, здесь присутствует не для того, чтобы выслушивать жалобы той и другой стороны, а для того, чтобы услышать слова примирения.

Моравский заявляет, что он хотел бы сказать, в чем расхождение между Польским Комитетом и польским правительством. По мнению Миколайчика, генерал Бур и другие - герои, а по мнению ПКНО - нет.

Черчилль заявляет, что Бур завоевал восхищение миллионов людей, конечно, не своим благоразумием, но своей храбростью.

Тов. Сталин говорит, что он не согласен с Черчиллем.

Черчилль говорит, что, может быть, Маршал Сталин больше знает, чем он, Черчилль, но он, Черчилль, думает, что назначение генерала Бура главнокомандующим не было неблагоразумным.

Моравский заявляет, что Польский Комитет с восхищением относится к героическим борцам, но иначе смотрит на Бура и других. Он, Моравский, хотел бы добавить, что вопреки утверждению Миколайчика, члены его партии не только его, Миколайчика, не поддерживают, но они и против него. Это было установлено на съездах партии, в которую входит Миколайчик. Миколайчик заявляет, что он против санации, а на самом деле - за нее. Что касается земельной реформы, то она должна быть осуществлена, ибо в противном случае крестьяне самовольно заберут землю.

Тов. Сталин спрашивает, считают ли поляки возможным добиться объединения.

Берут отвечает, что они согласны, но на тех условиях, о которых он, Берут, говорил, а именно: признание конституции 1921 года и немедленное проведение реформ.

Тов. Сталин спрашивает, считают ли представители Польского Комитета возможной вторую встречу с Миколайчиком.

Берут отвечает, что Комитет все время призывал лондонских поляков к объединению, но не встречал поддержки с их стороны.

Тов. Сталин спрашивает, готовы ли будут представители Полького Комитета встретиться с представителями польского правительства в Лондоне. На этой встрече Молотов и Иден были бы председателями и руководили бы совещанием в присутствии Гарримана с тем, чтобы не было гражданской войны.

Берут отвечает, что он согласен.

Записал (Павлов)

Позднее состоялась еще одна беседа Сталина с Черчиллем, в ходе которой советский лидер сделал ряд важных заявлений.

Встречи с "лондонскими" и "люблинскими" поляками 13 октября не принесли конкретных результатов, но прояснили позиции сторон, показали, в каком направлении следует проводить консультации для достижения компромисса. Естественно, что следующей была встреча Сталина с Черчиллем (уже без участия польских представителей), на которой они обсуждали создавшееся положение.

№ 166

Запись беседы тов. И.В. Сталина с Черчиллем 14 октября 1944 года в 16 часов 30 минут

Черчилль заявляет, что он упорно работал с поляками все утро, но не добился больших результатов. Трудность состоит в том, что поляки хотят оставить за собой формальное право защищать свое дело на мирной конференции. Он, Черчилль, изложил на бумаге то, что он зачитывал полякам. Поляки были весьма недовольны, но, как он, Черчилль, думает, они не особенно далеки от того, чтобы принять это. Черчилль показывает И.В. Сталину свое предложение в переводе на русский язык. При этом Черчилль заявляет, что если можно было бы что-либо включить в текст, что дало бы полякам право защищать свое дело на мирной конференции, то поляки немедленно согласились бы с текстом. Он, Черчилль, хотел бы знать впечатление Маршала Сталина об этом документе.

Тов. Сталин отвечает, что если бы в документе было сказано, что линия Керзона принимается в качестве основы советско-польской границы, то тогда документ был бы приемлем.

Черчилль заявляет, что поляки были бы готовы принять документ, если бы в этом документе было оговорено, что они согласны с линией Керзона как границей, но протестуют против нее.

Тов. Сталин говорит, что это не годится.

Черчилль заявляет, что он не может гарантировать, что Соединенные Штаты Америки не поднимут польского вопроса на мирной конференции. Если соглашение не состоится и если сведения об этом проникнут в прессу, то поляки могут поднять большой шум и это принесет большой вред Президенту на выборах. Поэтому он, Черчилль, думает, что лучше было бы держать все это дело в строгом секрете, включая и тот документ, который он показал сейчас Маршалу Сталину, в течение трех недель, пока не состоятся выборы в США.

Тов. Сталин спрашивает, предлагает ли Черчилль отложить польский вопрос и думает ли он, что Миколайчику следует вернуться в Лондон, а Моравскому и другим в Люблин.

Черчилль отвечает, что он думает, что следовало бы отложить польский вопрос, если не удастся его решить в Москве, на три недели.

Черчилль заявляет, извиняясь за откровенность, что если не удастся разрешить польский вопрос, то будет невозможно убедить общественное мнение в том, что люблинский комитет не является выражением русской воли и необходимым мероприятием в тылу Красной Армии. Та пропаганда, которую ведет люблинский комитет, является весьма эффективным орудием для польского правительства в Лондоне в его кампании против люблинского комитета. Например, Моравский ругал участников варшавского восстания. Он, Черчилль, должен сказать, что такие выступления Моравского принесли больше вреда, чем пользы.

Тов. Сталин замечает, что Моравский выступал не против героического населения Варшавы, а против Бура и его хозяев.

Черчилль заявляет, что в Польше до войны было очень мало коммунистов.

Тов. Сталин говорит, что польский народ рассуждает очень элементарно. Поляки считают, что Красная Армия освобождает Польшу, и спрашивают, кто из польских руководителей является другом Красной Армии. Поляки видят, что люблинский комитет - с Красной Армией. Они видят, что англичане вместе с американцами в союзе с Красной Армией, но они спрашивают, почему никого из представителей лондонского польского правительства нет с Красной Армией. Польские крестьяне не могут этого понять. Миколайчик не понимает, какой большой вред наносит ему этот факт. Что касается утверждения, что ПКНО является выражением русской воли, то это неправильно, так как комитет пользуется широкой поддержкой польского народа. Конечно, в комитете имеются противоречия, но Черчилль знает, насколько поляки капризный народ.

Черчилль просит извинения за откровенность и говорит, что британское правительство ознакомилось с биографиями люблинских поляков. Например, оно слышало о том, что Берут очень способный и умный человек, что он коммунист и что был в тюрьме при Пилсудском, но был впоследствии обменен Советским Правительством.

Тов. Сталин говорит, что Берут состоял в коммунистической партии Польши, но он вышел из нее в 1937 или 1938 году. Он, тов. Сталин, познакомился с Берутом впервые в Москве в последнее время. Что касается того, что он, Берут, был обменен,

На приеме в Кремле

то он, тов. Сталин, обещает навести по этому вопросу соответствующие справки.

Черчилль заявляет, что британское правительство полностью сочувствует желанию Маршала Сталина обеспечить существование дружественной Советскому Союзу Польши.

Тов. Сталин отвечает, что Советскому Союзу нужна не просто дружественная, но сильная Польша. Он, тов. Сталин, уважает многих членов ПКНО за то, что они понимают, что Советский Союз не попытается угнетать и ассимилировать поляков с русскими, как это делало царское правительство, а что Советский Союз хочет сильной и суверенной Польши. Миколайчик этого не понимает, ибо он не видит разницы между политикой царского и советского правительств по отношению к Польше.

Черчилль заявляет, что он не уверен в том, что в данный момент нужно продолжать усилия достичь соглашения. Дело в том, что если бы британское правительство открыто заявило о том, что оно достигло соглашения с Советским Союзом в отношении границы для Польши задолго до перемирия, то это было бы весьма опасной вещью. Но он, Черчилль, расстроен тем, что между Англией и Советским Союзом должен вечно оставаться неразрешенным этот польский вопрос, причиняющий столько неприятностей.

Тов. Сталин говорит, что на Миколайчика влияет среда, в которой он вращается. Поляки из окружения Миколай-

чика играют на возможности конфликта между союзниками.

Черчилль замечает, что независимо от того, является ли это конфликтом между союзниками или критикой Советского Союза, польский вопрос будет гноящейся раной в отношениях между Советским Союзом и англосаксонскими странами.

Все дело в том, что поляки боятся формально заявить о том, что они отказываются от своих претензий, хотя они знают, что не получат удовлетворения их. Он, Черчилль, еще предпримет дальнейшие усилия, чтобы убедить поляков согласиться с советской точкой зрения и трезво рассмотреть положение в целом. Поляки должны будут понять, что если они согласятся, то у них будут дружественные отношения с крупнейшим соседом Польши - Советским Союзом. Было бы глупо упорствовать в том положении, в котором сейчас находятся поляки.

Он, Черчилль, думает, что будущность мира зависит от дружбы британцев и американцев с Советским Союзом. Он, Черчилль, будет откровенен и скажет Маршалу Сталину, что малые европейские страны напуганы до смерти большевистской революцией. Это объясняется тем, что до ликвидации Коминтерна Советское Правительство заявляло о своем намерении советизировать все страны Европы. Он, Черчилль, помнит, как в 1919—20 году весь мир дрожал в страхе перед мировой революцией, хотя он, Черчилль, уверен, что в Англии не было бы революции.

Тов. Сталин отвечает, что теперь мир не будет дрожать в страхе. Советский Союз не намерен устраивать большевистские революции в Европе. Он, Черчилль, может убедиться в этом на примере Румынии, Болгарии и Югославии.

Черчилль отвечает, что он верит всему тому, что ему заявляет Маршал Сталин.

Записал (Павлов)

Заседания, состоявшиеся вечером 14 октября и 15 октября, были посвящены военным вопросам, обстановке на театрах войны и координации военных планов. Краткий обзор военной обстановки в Европе не принес неожиданностей ни для одной из сторон. Сталин, имея в виду "процентное соглашение" в части, касающейся Греции, подчеркнул, что "советское командование не думает далеко двигаться на запад в Югославии" и рассчитывает, что "союзные войска встретятся с Красной Армией в Австрии", что и произошло в действительности. Обращает на себя внимание доклад начальника военной миссии США в Москве генерала Дж. Дина о положении на Тихом океане. Весьма поверхностный, не содержащий анализа обстановки в Бирме, а главное в Китае, где значительных успехов достигли японские войска, доклад главной своей целью ставил прояснение конкретных вопросов вступления СССР в войну

против Японии, разработку планов совместных операций, которую следовало "начать немедленно", поскольку "наиболее важным фактором в развитии общего стратегического положения будет та роль, которую должен (!) будет сыграть Советский Союз".

№167

Запись заседания по военным вопросам 14 октября 1944 года в 22 часа

Присутствуют: тт. Сталин, Молотов, Антонов[43] - с советской стороны;
Черчилль, Иден, Баррос[44], Брук[45], Исмей[46], Джекоб[47], Бирс - с британской стороны;
Гарриман, Дин, Пэйдж[48] - с американской стороны.

Черчилль просит фельдмаршала Брука изложить ход операций на Западном фронте в Европе.

Брук заявляет, что продвижение союзников после боев на Сене и в Нормандии было довольно быстрым. Однако позже, из-за отсутствия портов, союзники встретились с затруднениями с доставкой снабжения для своих сил в Европе. Для союзников самое большое значение имеет Антверпен. Порт уже захвачен нетронутым. Но союзники еще не захватили район Шельды[49]. Задача союзников состоит теперь в том, чтобы захватить район реки и открыть порт Антверпен. Следующая задача, которую союзники сейчас уже выполняют - очищение района Рейна от противника. Идут также бои по уничтожению немцев, окруженных в Дюнкерке. Планы союзников состоят в том, чтобы форсировать Рейн к северу и к югу от Рура и окружить Рур. На юге наступление будет развиваться в сторону Лейпцига. Всего на Западном фронте у немцев имеется 60 дивизий, не полностью укомплектованных. У союзников в Западной Европе 61 дивизия и к концу года будет 78. Увеличение количества дивизий у союзников произойдет за счет американских войск, прибывающих в Европу ежемесячно в количестве 300 тыс. человек.

Черчилль говорит, что союзники имеют превосходство сил, но испытывают трудности подвоза. Союзникам необходимо развить линии коммуникаций, восстановив железные дороги. Когда это будет сделано, союзники надеются отрезать 150 тыс. немцев во Франции и, накопив достаточные силы, двинуться на Берлин. Успехи развития операций союзников зависят, конечно, от того, как Красная Армия будет сдерживать немецкие силы на Востоке.

Тов. Сталин отвечает, что немцы не могут снять силы с Восточного фронта, так как на Восточном фронте непрерывно идут активные бои.

Брук затем переходит к изложению хода операций в Северной Италии и указывает, что немцы будут отступать либо через Бреннерский перевал, либо через Люблянский проход. Разумеется, если немцы будут отходить в Швейцарию, то туда за ними последуют и союзники.

Тов. Сталин замечает, что Швейцарию не следует бояться и нужно было бы ею воспользоваться для осуществления обходного маневра союзников против Германии. Швейцария подло себя вела в этой войне, все время помогая немцам.

Брук заявляет, что союзниками подготовлена высадка морского десанта на полуостров Истрия. Теперь, говорит он далее, приближается момент, когда армии союзников должны будут соединиться с русскими.

Тов. Сталин замечает, что советское командование не думает далеко двигаться на Запад в Югославии. Советское командование рассчитывает, что союзные войска встретятся с Красной Армией в Австрии.

Черчилль заявляет, что во Франции и Нидерландах у англичан имеется эквивалент 20 дивизий, т.е. приблизительно 850-900 тыс. человек. В Италии у англичан больше сил, чем у американцев, где имеется 16 чисто британских дивизий. Кроме того, у англичан имеется 36 дивизий в Бирме. Некоторое количество войск англичане имеют в Палестине, на Мальте и на других островах, а также в Египте. Всего у англичан имеется 60 дивизий. Он, Черчилль, сообщил о распределении британских сил для того, чтобы сделать ясным, что человеческие ресурсы британской империи напряжены до крайности.

Далее с докладом о ходе операций на Тихом океане выступает **генерал Дин.**

(Текст доклада генерала Дина, переданный В.Н. Павлову 15 октября, прилагается, см. стр. 462-466).

Слово предоставляется **генералу Антонову** для доклада о ходе операций на советско-германском фронте.

Тов. Антонов заявляет, что после успешного окончания операций по освобождению Белоруссии и выходу советских войск к границе Восточной Пруссии и к среднему течению Вислы, разгрома немецких дивизий в Румынии и выхода Румынии из войны советские войска продолжают основные операции на флангах немецких войск - на левом по очищению Прибалтики,

а на правом фланге - против Венгрии. Прежде чем вторгнуться в Германию, советские войска должны ликвидировать группировку противника в Прибалтике. Для уничтожения этой группировки советскими войсками были нанесены удары на Мемель и на Ригу. В результате этих операций в районе между Ригой и Мемелем оказались прижатыми к побережью 30 немецких дивизий[50].

В результате операций на юге против Венгрии советские войска достигли Дебрецена и в настоящее время полностью окружили группировку противника на юго-западе.

В Югославии советские войска во взаимодействии с войсками югославской народной армии ведут бои за освобождение Белграда.

На первый взгляд может показаться, что в центральной части фронта не ведется операций против немцев. Однако это не так. В центральной части фронта непрерывно ведутся наступательные бои и производится разведка обороны противника.

Черчилль спрашивает, какое количество немецких сил имеется на советско-германском фронте.

Тов. Сталин отвечает, что на всем советско-германском фронте немцы держат 180 немецких и 26 венгерских дивизий.

Тов. Антонов говорит, что таким образом перед советскими войсками стоят две основные задачи: завершение операций в Прибалтике и вывод Венгрии из войны. Когда эти операции закончатся, перед советскими войсками встанет задача вторжения в Германию. Каким образом можно будет произвести вторжение в Германию, будет во многом зависеть от результатов операций, которые ведут советские войска в настоящее время. Во всяком случае можно сказать, что успешное завершение операций в Венгрии откроет еще одно направление наступления на Германию, которое выгодно отличается тем, что немцы не располагают там подготовленными рубежами обороны.

Брук спрашивает о сроках вторжения в Германию

Тов. Антонов отвечает, что сроки назвать трудно, так как они зависят от окончания ликвидации группировки противника в Прибалтике и выхода Венгрии из войны. Кроме того, нужно учитывать, что осенью условия для действий войск затрудняются вследствие дождей и неблагоприятных атмосферных условий.

Черчилль, Гарриман, Брук и Дин благодарят тов. Антонова за доклад.

Записал (В. Павлов)

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перевод с английского
Положение на Тихом океане[51]

В течение 6-месячного периода, который последовал за нападением на Перл-Харбор в 1941 г., союзники на Тихом океане дорого поплатились за неподготовленность, которую Маршал Сталин столь удачно охарактеризовал как естественный закон миролюбивых стран.

В начале 1942 г. стратегическое руководство объединенными англо-американскими операциями было сосредоточено во вновь созданном Объединенном Англо-Американском Штабе, подчиненном Премьер-Министру и Президенту. Англо-Американский Объединенный Штаб немедленно разделил Тихий океан на несколько военных театров. Театры центральной и северной части Тихого океана были признаны в качестве сферы американских операций, в то время как юго-западный и южный районы Тихого океана были теми районами, в которых операции австралийских, новозеландских, голландских и американских сил должны были носить совместный характер. С тех пор все эти районы были подчинены американским командующим, которые ведут операции в Тихом океане под стратегическим руководством Объединенного Англо-Американского Штаба. Каждый из союзников на Тихом океане вложил максимум усилий, которые были совместимы с общей стратегией войны, в дело скорейшего поражения Японии.

На каждой из своих последующих встреч Британо-американский Объединенный Штаб, с одобрения Премьер-Министра и Президента, следующим образом формулировал стратегию на Тихом океане: во-первых, стремясь осуществить в возможно кратчайший срок безоговорочную капитуляцию Германии, поддерживать и расширять неослабное давление на Японию с целью постоянного уменьшения ее военной мощи и овладения позициями, с которых можно будет добиться ее окончательной капитуляции; во-вторых, после поражения Германии в сотрудничестве с другими тихоокеанскими державами и с Россией направить все ресурсы Соединенных Штатов и Великобритании к цели осуществления в кратчайший срок безоговорочной капитуляции Японии.

В период времени, последовавший непосредственно за нападением на Перл-Харбор, японские вооруженные силы господствовали как на море, так и в воздухе в западной части Тихого океана и полностью удерживали инициативу. Когда агрессия

Японии достигла в мае 1942 г. кульминационной точки, Япония удерживала линию длиной в четыре тысячи миль, идущую от Малайского полуострова через Голландскую Восточную Индию вдоль северного побережья Новой Гвинеи, на Соломоновы острова и к северу через острова Тихого океана по направлению к Перл-Харбор. Ее вооруженные силы были в состоянии угрожать оставшимся голландским владениям, Австралии и островам, расположенным к северу и востоку от нее.

В течение этого периода японской агрессии Соединенные Штаты собирали и концентрировали свои силы с целью сохранения островной линии коммуникаций между Соединенными Штатами и Австралией, линии, которая считалась жизненно важной для всех запланированных на будущее операций. В мае 1942 г. удар японских военно-морских сил в Коралловом море привел к первому тяжелому поражению Японии[52]. В июне попытка японцев проникнуть в район острова Мидуэй привела ко второму тяжелому поражению Японии. Эти два сражения сломили превосходство Японии в авианосцах и в морской авиации и в некоторой степени восстановили равновесие морской мощи на Тихом океане в пользу Соединенных Штатов.

В июне 1942 г. одновременно со сражением в районе острова Мидуэй японцы бросили специальные силы против наших Алеутских островов. Японии удалось захватить острова Кыска, Атту, Агатту. В то время занятие этих неплодородных островов не имело значения в стратегическом отношении, но если бы [мы] допустили дальнейшее проникновение, последствия могли бы быть серьезными. Дальнейшее проникновение вдоль цепи островов могло бы в конце концов позволить противнику оперировать против наших морских коммуникаций, идущих вдоль юго-западного побережья Аляски, и угрожало бы доставке снабжения в Советский Союз. Наши успехи в сражении в районе острова Мидуэй позволили нам отвлечь достаточно крупные силы для того, чтобы снова успешно захватить наши алеутские владения. Остров Кыска был последним из этой группы островов, который был вновь захвачен, причем это имело место в августе 1942 г. После этого в районе Аляски и Алеутских островов не было каких-либо операций.

План наступления союзников предусматривал продвижение через Соломоновы острова и Новую Гвинею в направлении Филиппин. Первым шагом этого плана был захват Гвадалканала в августе 1942 г. В то время как развивалось наступление через Соломоновы острова и Новую Гвинею, оказалось, что можно было бы обеспечить вторую линию подхода через центральную часть Тихого океана. В результате было положено начало более пря-

мому пути на Филиппины через острова центральной части Тихого океана, что в конце концов привело к захвату островов Гилберта, Маршальских островов, Каролинских, Марианских, и наконец островов Палау 15 сентября этого года. Тем временем в результате продвижения вдоль южной линии был достигнут северный остров Галмагера.

На последней встрече Объединенного англо-американского Штаба в Квебеке была вновь подтверждена общая стратегическая политика в отношении войны с Японией, но Объединенный Штаб был в состоянии несколько более точно сформулировать следующим образом общую цель в двух фазах: первая фаза - добиться безоговорочной капитуляции Японии сначала путем снижения способности и воли японцев к сопротивлению посредством морской и воздушной блокады с проведением широкой воздушной бомбардировки и разрушением военно-воздушной и военно-морской мощи Японии; вторая фаза - вторжение и захват объектов в промышленном сердце Японии.

Общий план достижения указанных выше целей следующий: после захвата в близком будущем позиции в центральном районе Филиппин мы намерены в конце этого года занять остров Лусон[53]. Последующие операции будут направлены к захвату более выдвинутых позиций с целью развития первой фазы достижения общих целей, указанных выше. Цель наших операций на китайском побережье будет состоять в том, чтобы содействовать осуществлению фазы блокады и воздушной бомбардировки, причем эти операции будут ограничиваться теми целями, которые могут быть достигнуты без крупных сухопутных кампаний. Мы имеем в виду, что операции по развитию первой фазы осуществления общей цели будут включать в себя перехват или нарушение морских коммуникаций, ведущих к Азиатскому материку.

Операции в соответствии со второй фазой осуществления общей цели в предварительном порядке проектируются на конец 1945 г. Они, конечно, зависят от того, как будет развиваться общее стратегическое положение и какие силы и ресурсы будут высвобождены после окончания войны в Европе.

Наиболее важным фактором в развитии общего стратегического положения будет та роль, которую должен будет сыграть Советский Союз. Составлены планы для всех других возможных путей подхода к Японии с востока, юга и запада. Однако Объединенный Штаб Соединенных Штатов, причем я уверен, что Британский Объединенный Штаб с этим согласится, считает, что можно будет наиболее эффективно избрать такие планы и их осуществить, если они будут тщательно согласованы с планами операций, которые должны будут развернуться против Японии с севера.

В этой связи Маршал Сталин недавно запросил г-на Гарримана о мнении военных властей Соединенных Штатов в отношении того, как вооруженные силы Советского Союза могли бы быть лучше всего использованы в войне против Японии. Объединенный Штаб Соединенных Штатов ответил, что, исходя из информации, имеющейся у него в настоящее время, он готов лишь рекомендовать общую стратегическую концепцию участия русских. Объединенный Штаб Соединенных Штатов считает, что задача этой концепции должна состоять в том, чтобы достичь следующих целей в порядке очередности: во-первых - обеспечение Транссибирской железной дороги и Владивостокского полуострова; во-вторых, создание американских и советских стратегических военно-воздушных сил для операций против Японии с баз в Приморском крае и на Камчатском полуострове; в-третьих, нарушение линий коммуникаций между собственно Японией и Азиатским материком; в-четвертых, уничтожение японских наземных и воздушных сил в Маньчжурии и, в-пятых, обеспечение тихоокеанской линии снабжения, где советское участие заключалось бы в следующем: во-первых, предоставление в пользование Соединенных Штатов Петропавловска в качестве военно-морской базы поддержки и снабжения, а также районов на Камчатском полуострове для воздушных баз; во-вторых, нейтрализация с воздуха южного Сахалина и Хоккайдо; в-третьих, улучшение портовых устройств и внутренней транспортной системы в Николаевске, Магадане, Петропавловске и в Советской Гавани; в-четвертых, военная оккупация южного Сахалина и, в-пятых, советское военно-морское сотрудничество с военно-морским флотом Соединенных Штатов по мере того, как этого будет требовать обстановка.

Конечно, с военной точки зрения Объединенный Штаб Соединенных Штатов надеется на вступление России в войну против Японии в возможно ближайшее время. Он считает крайне важным, чтобы разработка планов совместных операций была начата немедленно. Он считает, что необходимо теперь же приступить к проведению всех осуществимых подготовительных мероприятий. Эти мероприятия могли бы включать в себя создание запасов, выбор и строительство аэродромов, улучшение портовых устройств, улучшение системы внутреннего транспорта и другие мероприятия, причем во всех этих мероприятиях Соединенные Штаты готовы оказать всю возможную помощь, которая будет совместима с обязательствами Соединенных Штатов в войне против Германии. Что касается самих операций, то Объединенный Штаб Соединенных Штатов считает важным, чтобы была начата разработка планов, в ходе которой имел бы место свободный обмен информацией, имеющейся у той и другой стороны.

Чтобы закончить разработку всех планов, а также с целью согласования их с русскими, Объединенный Штаб Соединенных Штатов считает необходимым получить ответы на следующие вопросы в возможно скором времени: 1. Как скоро после поражения Германии мы можем ожидать начала советско-японских военных действий? 2. Сколько времени потребуется для наращивания советских вооруженных сил на Дальнем Востоке для того, чтобы советские вооруженные силы могли начать наступление? 3. Какая доля пропускной способности Транссибирской железной дороги может быть отведена для создания и снабжения стратегических воздушных сил? 4. Готово ли Советское Правительство немедленно приступить к созданию стратегических воздушных сил и наметить программу их обучения? В этой связи Соединенные Штаты готовы предоставить четырехмоторные бомбардировщики, как только будет получен ответ на этот вопрос.

Я сделал очень беглый обзор положения на Тихом океане в общих чертах. Я полагаю, что ясно, что предусмотренная в настоящее время стратегия ведет к удушению японских островов путем морской и воздушной блокады. Успешный захват Филиппин или Формозы, конечно, отрежет все захваченные японцами районы от главных островов Японии. Эта стратегия также предусматривает подготовку воздушных баз, с которых можно будет проводить сильные бомбардировки главных островов Японии. Выражается надежда, что путем этого удушения, а также воздушной бомбардировки будут созданы условия, при которых можно будет осуществить полное покорение собственно Японии в самый кратчайший срок.

Перевел В. Павлов

№168

Запись заседания 15 октября 1944 года в 22 часа

Присутствуют: тт. Сталин, Молотов, Антонов, переводчик Павлов - с советской стороны;
Иден, Брук, Исмей, Джекоб, Баррос, Бирс - с английской стороны;
Гарриман, Дин, Пейдж - с американской стороны.

Тов. Антонов описывает советский дальневосточный театр, указывая протяженность границ Советского Союза с Маньчжурией и Китаем, имеющиеся в районе театра железные дороги, и

характеризует четыре возможных направления военных операций против Японии.

Тов. Антонов приводит данные о количестве и характере японских вооруженных сил в Маньчжурии и Корее. При этом тов. Антонов заявляет, что силы советских войск на Дальнем Востоке в данное время настолько ограниченны, что говорить о каких-либо активных действиях в настоящее время невозможно. Для развертывания активных операций необходимо будет накопить на Дальнем Востоке достаточное количество войск, чтобы иметь некоторое превосходство над японцами. Тов. Антонов указывает, что пропускная способность Сибирской железной дороги равна 36 парам поездов в сутки, причем 10 пар поездов необходимы для удовлетворения хозяйственных нужд. По ориентировочным расчетам потребуется пропустить, примерно, тысячу поездов для того, чтобы создать на Дальнем Востоке равенство в силах с японцами или получить некоторое превосходство над ними. Осуществление этой программы потребует от двух с половиной до трех месяцев.

Тов. Сталин заявляет, что в первую русско-японскую войну пропускная способность Сибирской железной дороги составила 6 пар поездов. Тогдашний царский министр Куропаткин молил о том, чтобы довести пропускную способность железной дороги до 7 пар поездов. Зная, что двухколейная Сибирская дорога не справится с перевозками снабжения для *35-40* дивизий, Советское Командование считает, что необходимо заранее создать 3^1-месячные запасы на Дальнем Востоке. В настоящее время на Дальнем Востоке уже имеются запасы на один месяц. Для создания двух-трехмесячных запасов хорошо было бы получить из США продовольствие и горючее, а также рельсы для достройки железной дороги, идущей из Советской Гавани в Комсомольск, и некоторое количество подвижного состава.

Гарриман спрашивает, как скоро после окончания войны с Германией СССР будет готов предпринять наступательные действия против Японии.

Тов. Сталин отвечает, что помимо осуществления программы концентрации советских вооруженных сил и создания для них запасов на Дальнем Востоке необходимо будет выяснить политические аспекты войны с Японией. Советский Союз должен будет знать, за что он будет сражаться. Когда это будет сделано, то СССР будет готов предпринять наступательные действия против Японии через 3 месяца после окончания войны с Германией.

Гарриман спрашивает, готово ли Советское Правительство принять из США 4-моторные бомбардировщики для создания на Дальнем Востоке советских стратегических военно-воздушных сил.

Тов. Сталин отвечает, что было бы желательно получить самолеты, но если американцам трудно их поставить, то Советское Правительство не будет просить об их поставке. Советское Командование было бы готово принять сразу 20 самолетов вместе с инструкторами.

Гарриман отвечает, что он будет в скором времени в Вашингтоне и переговорит об этом с начальниками штабов.

Гарриман спрашивает, готово ли Советское Правительство предоставить американским военно-воздушным силам необходимые аэродромы в Приморском крае и Петропавловске.

Тов. Сталин отвечает, что аэродромы в Приморском крае и Петропавловске имеются, но их нужно будет расширить. Некоторое количество этих аэродромов может быть выбрано и подготовлено для американских военно-воздушных сил.

Тов. Сталин заявляет, что необходимо детально ознакомиться со стратегическими планами англичан и американцев на Дальнем Востоке, которые известны Советскому Командованию лишь схематично. Это нужно сделать для того, чтобы привести советские планы в соответствие с англо-американскими.

Гарриман отвечает, что между советскими и американскими военными в Москве могут немедленно начаться соответствующие переговоры с целью согласования планов союзников и обмена информацией. В частности, он, Гарриман, и генерал Дин были бы готовы завтра встретиться для этой цели с Маршалом Сталиным.

Тов. Сталин говорит, что хорошо было бы встретиться трем союзникам по этому вопросу.

Иден отвечает, что его не интересует детальный план и поэтому он, Иден, думает, что лучше, если встретятся только Гарриман и Дин с Маршалом Сталиным.

Записал (В. Павлов)

Вечером 14 октября Сталин и Черчилль были в Большом театре на балете "Жизель", главную роль в котором исполняла О.В. Лепешинская, но на заседании 15 октября Черчилль отсутствовал, так как заболел. Тем не менее в первой половине дня он пригласил к себе в резиденцию Идена, Исмея и Харви, а также С. Миколайчика с сопровождавшими его лицами и имел с ними непродолжительную беседу. Были приняты необходимые меры для выздоровления премьер-министра, подготовлен срочный прилет из Каира группы британских медиков, предложена помощь личного врача Сталина профессора В. Виноградова, но все обошлось, и на следующий день состоялась очередная встреча Черчилля со Сталиным.

№169

Запись беседы И.В. Сталина с г-ном У. Черчиллем 16 октября 1944 года

Г-н Черчилль заявляет, что у него был ужасный день с поляками, что он много над ними поработал и, наконец, он, г-н Черчилль, выработал вариант Соглашения, с которым поляки согласны. Миколайчик знает, что он не получит Львова и что ему не уйти от линии Керзона, но он заявляет, что если он не будет иметь возможности сказать польскому народу о праве Польши защищать свое дело на мирной конференции, то польский народ может не признать его, Миколайчика.

И.В. Сталин, ознакомившись с документом, предложенным г-ном Черчиллем, заявил, что содержащаяся в этом документе формулировка о линии Керзона как о демаркационной линии неприемлема.

Г-н Черчилль заявляет, что он сильно нажимал на поляков, был с ними довольно груб, и это максимум того, что от них удалось добиться. Он, г-н Черчилль, хотел бы спросить мнение Маршала Сталина о том, какой образ действия следовало бы принять в случае, если бы соглашение о границе было достигнуто и могло бы быть опубликовано, если это будет признано желательным. Он, г-н Черчилль, думает, что тогда Миколайчик и Ромер могли бы встретиться с Маршалом Сталиным для личной беседы с целью достижения удовлетворительного соглашения о новом польском правительстве. Миколайчик надеется, что Маршал Сталин примет его и Ромера. Затем могли бы встретиться обе группы поляков, причем Иден мог бы остаться в Москве и посодействовать достижению соглашения. Он, г-н Черчилль, хочет отделить от остальных вопросов горячо дебатируемый вопрос о линии границы между Советским Союзом, вопрос, который приобрел мировой характер.

И.В. Сталин замечает, что если вопрос о границе будет решен, то остальные вопросы можно будет решить. Предлагаемая формулировка, предусматривающая установление между Польшей и Советским Союзом демаркационной линии, неприемлема, так как она означала бы, что Советский Союз не имел бы постоянной государственной границы.

Г-н Черчилль отвечает, что в английском языке нет большой разницы между границей и демаркационной линией. Он, г-н Черчилль, надеется, что Маршал Сталин не будет недооценивать того, что как в Англии так и, возможно, в Америке, найдется много людей, которые будут критиковать его, г-на Черчилля, за то,

что он один, без Правительства Соединенных Штатов, связал Британское Правительство публичным и формальным соглашением с Советским Правительством о линии Керзона. Многие скажут, что он, г-н Черчилль, нарушил Атлантическую Хартию. Но, он, г-н Черчилль, готов рисковать, конечно, не ради Польши. Он, г-н Черчилль, подвергает себя значительному риску, но готов это сделать, готов поставить свою политическую карьеру на карту. Он, г-н Черчилль, полагал, что после того, как декларация будет опубликована, мало будет иметь значения то, что скажут или не скажут поляки во всем мире. Но они должны будут сказать кое-что в знак принятия ими соглашения, ввиду их отношений с Англией и Америкой.

Чтобы сделать предлагаемую формулировку приемлемой Советскому Правительству, он, г-н Черчилль, вставит туда слова, показывающие, что Британское Правительство одобряет и поддерживает линию Керзона в качестве основы границы между Советским Союзом и Польшей. Дело в том, что Миколайчик заявляет, что если Польское правительство произнесет слово "граница", то оно будет отвергнуто польским народом. Тогда Польское правительство не будет представлять ни для кого какой-либо ценности, и тогда не с кем будет иметь дело. Он, г-н Черчилль, очень просит Маршала Сталина подумать о последствиях, которые будут неприятными для всех. Миколайчик, не достигнув соглашения здесь, возвратится в Лондон и может выйти в отставку. Тогда, как он, г-н Черчилль, предполагает, Польское правительство может принять более правый характер и, хотя у него будет меньше власти, оно будет иметь более громкий голос. Все усилия союзников будут затруднены тем громким криком, который поднимет Польское правительство. В Польше могла бы возникнуть гражданская война. Он, г-н Черчилль, очень просит Маршала Сталина принять во внимание гноящуюся рану в отношениях не с Польшей, а в отношениях со странами, говорящими на английском языке. Эта рана возникнет лишь из-за слов "граница" и "демаркационная линия" и в тот момент, когда он, г-н Черчилль, больше всего желает единства. Может быть, Маршал Сталин предложит какую-либо иную формулировку.

И.Л. Сталин отвечает, что он предлагает сказать, что линия Керзона признается как основа государственной границы между Польшей и Советским Союзом. Кроме того, в параграфе о создании нового польского правительства нельзя игнорировать существования Польского Комитета Национального Освобождения. Поэтому следовало бы сформулировать этот пункт следующим образом: "Достигнуто соглашение о том, что на территории, уже освобожденной русскими войсками, немедленно будет создано

Польское Правительство национального единства по согласованию (или договоренности) между Польским правительством в Лондоне и Польским Комитетом Национального Освобождения в Люблине". Он, И.В. Сталин, предложил бы, чтобы Миколайчик был во главе нового Польского правительства и поддерживал бы это.

Г-н Черчилль отвечает, что он постарается сделать все возможное, но не уверен в успехе. Однако он хотел бы спросить Маршала Сталина, исходя из предложения, что редакция о границе будет согласована с поляками, считает ли Маршал Сталин, что после этого обе группы поляков должны встретиться между собой в присутствии английского и советского министров иностранных дел и посла Гарримана. Или полякам следует встретиться друг с другом одним. Но в этом случае он, г-н Черчилль, думает, что поляки будут ссориться. Наконец, можно было бы свести поляков вместе после того, как каждая группа их будет принята Маршалом Сталиным отдельно. Ему, Черчиллю, кажется, что эта последняя процедура дает больше шансов на успех.

И.В. Сталин отвечает, что он мог бы принять поляков той и другой группы и после этого обе группы поляков могли бы встретиться друг с другом одни, без министров иностранных дел и Гарримана, присутствие которых могло бы создать у поляков впечатление, что на них оказывают давление.

Г-н Черчилль говорит, что в некоторых случаях он прямо отвечает на вопросы - "да" или "нет". Но в некоторых случаях, когда он предлагает то или иное, ему нужно еще для окончательного утверждения его предложения консультироваться с британским кабинетом. В данном случае он, г-н Черчилль, хотел бы предложить одну формулировку, которая должна быть еще утверждена британским кабинетом. Он, г-н Черчилль, предложил бы к словам "Принимая во внимание вышеизложенное соглашение, Польское правительство принимает линию Керзона в качестве демаркационной линии между Польшей и СССР" добавить слова "причем Советское Правительство и Британское Правительство согласны в том, что линия Керзона должна быть границей". Г-н Черчилль добавляет, что нужно учитывать, что за Советским Союзом будет, во-первых, его сила, во-вторых, согласие англичан и, в третьих, Советский Союз получит в форме этой формулировки то, что всякий истолкует как согласие и покорность поляков. Никогда еще ни одна граница не была столь солидно обоснована.

И.В. Сталин замечает, что эта формулировка будет истолкована так, что линию Керзона в качестве границы признают только Британское и Советское правительства, а Польское прави-

тельство не связывает себя признанием линии Керзона в качестве границы.

Г-н Черчилль говорит, что Миколайчик боится быть отвергнутым польским народом, если он безоговорочно согласится на линию Керзона в качестве границы.

И.В. Сталин заявляет, что Миколайчик не соглашается потому, что надеется, что Польский Комитет Национального Освобождения не удержится у власти в Польше. Заявление Миколайчика о том, что польский народ отвергнет его, если он, Миколайчик, признает линию Керзона, является шантажом. Польский Комитет Национального Освобождения несколько раз заявлял в печати и на митингах, что линия Керзона, которую одобряют правительства Англии, Америки и Советского Союза, является единственно возможной границей между Польшей и Советским Союзом для того, чтобы Польша и Россия жили между собой в дружбе и мире, и что без признания линии Керзона невозможно добиться дружбы с Россией. Польский народ не протестовал против этих заявлений Миколайчика*, а, наоборот, их одобряет. Это очень хороший прецедент, который делает все страхи Миколайчика вымышленными и не имеющими значения. Миколайчик в результате занятой им позиции теряет свой авторитет среди населения в Польше, ибо поляки задают вопросы, почему с Красной Армией нет Миколайчика.

Г-н Черчилль отвечает, что некоторые задают эти вопросы, а некоторые нет. О положении в Польше Британское Правительство может судить лишь на основе той информации, которую оно собирает. Каждую неделю из освобожденной части Польши прибывают в Англию и отправляются из Англии в освобожденные части Польши люди, которые доставляют информацию. Он, г-н Черчилль, боится, что в Польше могут возникнуть мятежи и гражданская война, что будет стоить не только жизней многих поляков, но что, кроме того, вызовет трудности в отношениях между великими нациями. При этом он, г-н Черчилль, хотел бы обратить внимание Маршала Сталина на то, что цитированное Маршалом Сталиным заявление Польского Комитета Национального Освобождения о том, что Америка одобряет линию Керзона не соответствует действительности. Кроме того, он, г-н Черчилль, беседовал с Гарриманом, и он не думает, что то заявление, которое Молотов сделал на заседании с поляками о позиции Рузвельта в вопросе о границе между Советским Союзом и Польшей в Тегеране, было правильным.

---

* *Так в тексте, видимо, имелось в виду против заявлений ПКНО. - О.Р.*

И.В. Сталин отвечает, что Молотов изложил то, что Рузвельт действительно заявлял в Тегеране, в частности ему, И.В. Сталину. Рузвельт соглашался с линией Керзона, включая передачу Львова Советскому Союзу. При этом Президент лишь указывал, что он не желает, чтобы его позиция в польском вопросе была предана огласке, так как это могло бы помешать ему на выборах.

Г-н Черчилль говорит, что он этого не знает, но он считает, что если бы соглашение с поляками не состоялось и если бы об обсуждаемом сейчас документе стало широко известно, то ничто не могло бы принести Президенту большего вреда на выборах.

Он, г-н Черчилль, хотел бы возвратиться снова к предложенному им документу и обратить внимание Маршала Сталина на то, что положение документа о репатриации и переселении лиц обеих стран свидетельствуют о том, что урегулирование вопроса о границе носит перманентный характер. Советский Союз будет иметь право занять все земли к востоку до линии Керзона и установить там свою администрацию.

Если бы можно было бы добиться от Миколайчика согласия, то никаких неприятностей в отношении мирового общественного мнения не было бы.

И.В. Сталин говорит, что он не слышал от Миколайчика ни одного слова благодарности по адресу Красной Армии, которая освобождает Польшу. Миколайчик хочет быть хитрее всех. Он думает, что русские нанялись к нему.

Г-н Черчилль говорит, что Маршал Сталин получил от поляков столько же благодарности, сколько он, Черчилль, получил от де Голля, т.е. очень мало. Когда он, г-н Черчилль, 6 недель тому назад проезжал через Каир, то пожелал увидеть де Голля. Де Голль не захотел встретиться с ним, ибо намеревался обидеть его, г-на Черчилля.

И.В. Сталин спрашивает, как поступить теперь с поляками, организовать ли встречу между люблинскими и лондонскими поляками. Люблинские поляки уже хотят уезжать назад.

Г-н Черчилль заявляет, что Маршал Сталин, вероятно, помнит историю заключения Портсмутского договора. Для переговоров с японцами в то время был послан Витте, получивший от царя указание не заключать с японцами договора. Предполагалось, что японцы потребуют большую контрибуцию с России. Витте должен был провалить заключение договора, отказавшись принять пункт о контрибуции. Но Рузвельт [Теодор. - *О.Р.],* тогдашний Президент Соединенных Штатов, предложил, чтобы стороны, участвовавшие в переговорах, перешли к следующим пунктам договора, оставив пока вопрос о контрибуции нерешенным.

Участники переговоров перешли к обсуждению следующих пунктов и в конце переговоров японцы отказались от требования контрибуции. Договор был заключен, а Витте по возвращении в Россию был уволен в отставку.

Он, г-н Черчилль, сейчас вернется к себе и попытается изготовить кирпичи без соломы, т.е. займется безнадежным делом и постарается убедить Миколайчика принять поправки Маршала Сталина.

И.В. Сталин говорит, что он думает, что если не сейчас, то позже Миколайчик согласится с линией Керзона.

Записал (В. Павлов)

В тот же день состоялась встреча И. Сталина с послом США в СССР А. Гарриманом.

№170

Запись беседы тов. Сталина с послом США Гарриманом 16 октября 1944 года

Присутствуют: тт. Молотов, Антонов, переводчик Павлов - с советской стороны;
Генерал Дин и Пейдж - с американской стороны.

Тов. Сталин передает Гарриману список товаров и оборудования, которые Советское Правительство хотело бы получить из США для Дальнего Востока.

Гарриман говорит, что этот список будет, конечно, изучен, и спрашивает, возможно ли будет использовать для доставки этого снабжения также Владивостокский порт.

Тов. Сталин отвечает, что придется использовать наряду с Владивостоком порты на севере СССР.

Гарриман говорит, что он хотел бы услышать о мнении тов. Сталина по поводу тех предложений, которые были изложены генералом Дином на совещании два дня тому назад.

Тов. Сталин просит Дина повторить эти предложения.

Дин заявляет, что в ответ на вопрос, поставленный Маршалом Сталиным о той роли, которую союзники предназначают советским вооруженным силам в войне против Японии, он, Дин, получил от Объединенного Штаба США предложения. Объединенный Штаб Соединенных Штатов полагает, что необходимо будет осуществить в порядке очередности следующие мероприятия: 1) обеспечить безопасность Сибирской железной дороги, а

также Владивостока и Комсомольска, 2) создать стратегические военно-воздушные силы для операций против Японии и затем для поддержки наземных операций в Маньчжурии с целью уничтожения находящихся там японских войск. Наконец, после начала военных действий между Советским Союзом и Японией обеспечение тихоокеанских линий коммуникаций.

Тов. Сталин отвечает, что если серьезно думать о том, чтобы победить Японию, то наиболее подходящим для этого будет Маньчжурия. По Маньчжурии должен быть нанесен удар с разных сторон. Тов. Сталин на карте показывает направление возможных ударов советских вооруженных сил против Японии в Маньчжурии.

Гарриман говорит, что, как он полагает, советские операции в Маньчжурии нужно будет согласовать по времени с активными американскими операциями против Японии. Для этой цели очень важно уже сейчас наладить обмен информацией и разработку различных планов.

Тов. Сталин отвечает, что это правильно.

Гарриман спрашивает, возможно ли будет, чтобы тем временем американские военно-морские офицеры отправились в Петропавловск-Камчатский] с целью знакомства с портом и выяснения тех улучшений, которые нужно будет провести в нем.

Тов. Сталин говорит, что раньше, чем он ответит на этот вопрос, он хотел бы объяснить, почему нужно быть сейчас особенно осторожными. Если сейчас неосторожно говорить о наших планах, то сведения о них могут просочиться в печать, и он, тов. Сталин, боится, что Советский Союз может раньше времени потерять Владивосток в результате японской авантюры. Если Советский Союз потеряет Владивосток до начала операций против Японии, то это будет не только плохо для Советского Союза, но и плохо для американцев. Поэтому он, тов. Сталин, просил бы Гарримана не писать писем, подобных тому, которое он прислал сегодня.

Гарриман заявляет, что он готов уничтожить все имеющиеся у него копии своего письма.

Тов. Сталин говорит, что Советскому Командованию нужно 3 месяца для сосредоточения дивизий на Дальнем Востоке и обновления там авиации и танковых корпусов. После того, как это будет сделано до начала операций, он, тов. Сталин, не будет бояться выступлений в печати.

Тов. Сталин заявляет, что недавно Гопкинс с ведома президента беседовал с Громыко. Гопкинс рассказал Громыко, что президент, возможно, в ноябре будет иметь возможность встретиться с ним, И.В. Сталиным, где-либо в районе Черного моря.

Он, тов. Сталин, хотел бы сообщить Гарриману, что он будет весьма рад встретиться с президентом, с которым можно будет тогда принять окончательные решения по дальневосточным вопросам.

Гарриман отвечает, что Рузвельт будет очень рад услышать об этом. Он, Гарриман, понимает так, что И.В. Сталин будет готов встретиться с президентом независимо от того, будет ли президент переизбран или нет.

Тов. Сталин говорит, что у него нет никаких сомнений в том, что президент будет переизбран. Дьюи не идет ни в какое сравнение с президентом, это совсем незначительная фигура.

Гарриман благодарит.

Гарриман заявляет, что имеется большое количество вопросов, которые должны быть обсуждены соответствующими советскими органами с американскими железнодорожными, военными и военно-морскими специалистами. Предложения должны быть подготовлены к моменту встречи президента с И.В. Сталиным. Кроме того, он, Гарриман, полагает, что необходимо будет рассмотреть некоторые планы камуфляжа.

Тов. Сталин говорит, что, конечно, эти вопросы должны быть рассмотрены и изучены обеими сторонами.

Записал (В. Павлов)

Во время встречи 16 октября официальное обсуждение польского вопроса между двумя лидерами завершилось. В дальнейшем происходили встречи У. Черчилля с С. Миколайчиком, В.М. Молотова с А. Иденом, "лондонских" и "люблинских" поляков, в ходе которых вновь обсуждался состав будущего единого правительства Польши, представительства в нем различных сторон. Вопрос остался нерешенным[54].

Заключительная беседа советского лидера и британского премьер-министра состоялась на следующий день и была посвящена будущему Германии, что явилось продолжением дискуссии по этому вопросу, начатой главами трех великих держав на Тегеранской конференции.

№ 171

Запись беседы тов. И.В. Сталина с Черчиллем и Иденом 17 октября 1944 года в 22 часа

Присутствовали тт. Молотов, Павлов В., А.К. Керр, Берс.

Черчилль заявляет, что в ближайшее время из Англии в Советский Союз будут отправлены советские граждане, которых английские войска освободили в Западной Европе. Большинство этих граждан было насильно мобилизовано немцами в германскую армию. Англичанам сдавались целые батальоны.

Тов. Сталин замечает, что среди этих людей есть и подлецы, но мы не очень строго будем с ними обращаться.

Черчилль говорит, что, поскольку эти люди сдались англичанам, он, Черчилль, считает себя в праве сказать за них слово.

Тов. Сталин спрашивает, не начнет ли Черчилль говорить о разделе Германии.

Иден заявляет, что по этому вопросу Британское правительство еще не пришло к какому-либо определенному выводу и не обсудило этого вопроса в кабинете. По-видимому, имеется несколько различных возможностей раздела Германии. Одна из этих возможностей - раздел Германии на государства, не имеющими ничего общего с прежними германскими государствами. Трудность этого раздела Германии заключается в том, что не имеется тех линий, которых можно было бы придерживаться при определении границ. Вторая возможность - раздел Германии с некоторым использованием прежних германских государств, как основы. Третья возможность - установление постоянного международного контроля над Рурской, Рейнской и Саарской областями после того, как Россия и другие союзные страны изымут из германской промышленности инструменты и станки в порядке возмещения понесенного ими ущерба. Чтобы это успешно осуществить, нужно отделить эти области от остальной Германии. Лично он, Иден, считает возможным обсудить сейчас этот план раздела Германии.

Тов. Молотов спрашивает, что означает международный контроль.

Иден отвечает, что этот контроль будет политическим и экономическим и будет осуществляться союзниками.

Тов. Сталин говорит, что это хороший план. Тяжелая промышленность Германии - это источник ее мощи.

Черчилль говорит, что, по его мнению, причиной зла является Пруссия. Поэтому Пруссию нужно отделить от Германии. Затем он, Черчилль, лишил бы Германию контроля над Рурской и Саарской областями. Как это сделать, можно будет обсудить. Во-первых, нужно отнять у Германии большое количество станков и машин, в которых нуждаются такие страны, как Советский Союз, Бельгия, Голландия и Франция. Он, Черчилль, знает, что главным образом западные части Украины сильно пострадали от войны, и он, Черчилль, поддерживает восстановление этих западных областей Советского Союза путем изъятия оборудования из германской промышленности. Он, Черчилль, полагает, что это будет вполне справедливо. Но он думает, что некоторые из малых союзников должны получить свою долю изъятого из германской промышленности оборудования. Это изъятие, конечно,

повлечет за собой бездействие Рура и Саара. В Квебеке этот план особенно сильно защищал Моргентау, ненависть которого к немцам неописуема. Президент, казалось, поддерживал Моргентау и сказал, почему бы Англии не заняться производством товаров для Европы в соревновании с другими странами. Маршал Сталин поймет, что из этой войны Англия выйдет самым большим должником в мире. Англия истратила все свои иностранные капиталовложения, составлявшие 4 млрд фунтов до того, как был принят закон о поставках взаймы или в аренду. У Англии накопился стерлинговый долг в различных странах. После войны Англия должна будет усилить свой экспорт для того, чтобы иметь возможность закупать продовольствие. Поэтому заинтересованность России в изъятии из Германии оборудования находится в гармонии с намерением Англии в некоторой степени занять место Германии в Европе в качестве производителя товаров для малых стран Европы. Интересы Англии и Советского Союза идут в одном и том же направлении.

Тов. Сталин замечает, что могут быть приняты меры, чтобы возместить убытки, понесенные Англией. Можно будет об этом подумать.

Черчилль заявляет, что он поддерживает Советский Союз в деле получения промышленного оборудования из Германии. Он, Черчилль, не доверил бы немцам высокоразвитой химической, металлургической и электротехнической промышленности. Он, Черчилль, не думал о том, как разделить Пруссию, как ее изолировать и как отделить от нее два центра тяжелой промышленности - Рур и Саар.

Тов. Сталин замечает, что то, что останется Пруссии после отхода от ее территорий к Польше и к Советскому Союзу, может быть выделено в отдельное государство.

Черчилль замечает, что он не принял окончательного решения по этому вопросу, но считает, что большая часть Пруссии, а именно Силезия, должна отойти к Польше. Район Кенигсберга к западу и к югу от него - к Советскому Союзу. Район Кильского канала должен быть нейтрализован, т.е. поставлен под международный контроль, так же, как Рурская и Вестфальская области.

Тов. Сталин спрашивает, следует ли создать из Рурской и Вестфальской областей отдельное государство.

Черчилль говорит, что он об этом не думал, а имел в виду лишь уничтожение германской промышленности. Он, Черчилль, очень хорошо помнит конец прошлой войны. Союзники запретили немцам иметь воздушные силы, флот и армию и уничтожили все немецкое вооружение. Но союзники не тронули германской

промышленности. Эта промышленность позволила Германии снова возродиться.

Тов. Сталин замечает, что на этот раз не стоит разрушать германское оружие, взрывать артиллерию и топить корабли, так как все это вооружение пригодится в войне против Японии.

Черчилль заявляет, что Советский Союз может взять из этого вооружения, все что захочет.

Тов. Сталин говорит, что корабли не стоит топить, так как они пригодятся англичанам.

Черчилль замечает, что нынешняя война показала, что авиация имеет большее значение, чем военно-морской флот.

Тов. Сталин говорит, что флот все-таки имеет крупное значение. По его, тов. Сталина, мнению, самая большая ошибка Германии состояла в том, что она решила завоевать Европу, не имея достаточно крупного флота.

Черчилль соглашается с этим и замечает, что Англия приветствовала бы существование могучего русского флота.

Тов. Сталин замечает, что Советскому Союзу далеко до этого. Легче создать армию, чем флот.

Черчилль говорит, что, возвращаясь к тому, что он говорил о конце прошлой войны, он хотел бы сказать, что в то время немецкий промышленник - еврей Ратенау - заявил немцам, после того как они потеряли флот и армию, что он, Ратенау, построит заводы, которые дадут Германии достаточно вооружения. Ратенау добавил, что если Германия выстроит заводы, то она станет большой могущественной державой. Но никто из германских лидеров до Гитлера не посмел развернуть производство в Германии. Союзники не должны повторить такой ошибки. На этот раз, ибо они не хотят новой германской агрессии.

Тов. Сталин замечает, что мы тоже этого не хотим.

Черчилль заявляет, что поэтому-то он и говорит о промышленном разоружении Германии. К этому нужно приступить путем изъятия в Германии машинного оборудования.

Тов. Сталин замечает, что у немцев нужно отобрать металлургию. Нужно помнить о том, что до войны Германия производила 40 млн тонн чугуна в год, т.е. больше, чем Англия.

Черчилль с этим соглашается.

Дальнейшая беседа проходит за картой.

Черчилль и **Иден** излагают план раздела Германии на три государства: Пруссию, на зону международного контроля в составе Рурской, Вестфальской и Саарской областей и на Австро-Баварское государство с включением в него южногерманских провинций.

Тов. Сталин одобрил намеченную схему и сказал, что расчленение Германии на три государства лучше, чем на 5, как это предлагал Президент в Тегеране.

Черчилль спросил, не будет ли отвечать русским мыслям план объединения в одну группу Польши, Чехословакии, Венгрии и Австрии.

Тов. Сталин говорит, что об этом нужно подумать.

Черчилль заявляет, что зло в Европе заключалось в том, что существовало 10-15 различных валют, несколько дюжин таможен. Все это мешало торговле. Он, Черчилль, хочет видеть Европу процветающей, и поэтому представляется целесообразным найти некоторую форму экономического объединения государств Европы в форме, например, таможенного Союза.

Тов. Сталин заявляет, что первые три-четыре года после войны в Венгрии, Чехословакии и Польше будут преобладать настроения национализма. Первым желанием этих народов будет устроить по-своему свою национальную жизнь. Эти народы будут противиться ущемлению их прав путем объединения их с другими странами. Поэтому едва ли народы европейских стран согласятся на создание таможенных союзов. До какой степени режим Гитлера развил национальные чувства, показывает пример Югославии, где не только хорваты, но и черногорцы, словены и сербы и мелкие национальности - все хотят иметь свою автономию. В первые годы после войны над другими желаниями народов будет превалировать желание пожить полной национальной жизнью без помех. После прошлой мировой войны были созданы некоторые несостоятельные государства, и они потерпели банкротство, так как их создание было мало обосновано. Но теперь было бы опасно кинуться в другую крайность и заставлять малые народы объединяться друг с другом. Трудно представить себе, чтобы чехи и венгры, даже чехи и поляки, нашли общий язык. Поэтому он, тов. Сталин, считает, что сейчас невозможно думать об объединениях, хотя в будущем они не исключены.

Черчилль считает, что немцы не должны иметь какой-либо авиации.

Тов. Сталин отвечает, что немцы не должны иметь никакой авиации - ни военной, ни гражданской, немцам должно быть запрещено иметь авиационные школы.

Черчилль говорит, что немцам нельзя будет также разрешить пользоваться немецкими судами для плавания по морям и океанам.

Тов. Сталин отвечает, что он согласен с Черчиллем.

Черчилль заявляет, что, как он видит, между ним и И.В. Сталиным мало разногласий.

Черчилль спрашивает, не имеет ли И.В. Сталин к нему каких-либо вопросов.

Тов. Сталин отвечает, что у него имеется один вопрос к Черчиллю. Он, тов. Сталин, хотел бы просить Черчилля помнить о Проливах.

Черчилль говорит, что он признает справедливость требования Советского Союза в отношении Проливов и готов будет рассмотреть этот вопрос, когда с советской стороны будут представлены обещанные предложения.

Черчилль спрашивает, нет ли каких-либо новых сообщений о событиях в Венгрии.

Тов. Сталин отвечает, что имеется сообщение о том, что Хорти арестован.

Тов. Сталин говорит, что, как он слышал, англичане считают 400 млн долл. - сумму возмещения, подлежащую взиманию с Венгрии, - слишком высокой. Он, И.В. Сталин, хотел бы спросить Черчилля, не будет ли он считать подходящим определить сумму возмещения в 300 млн долларов с условием, что 200 млн пойдут Советскому Союзу, а 100 млн долларов - другим союзникам, пострадавшим от венгерской агрессии.

Иден и **Черчилль** отвечают, что это представляется им приемлемым, но они не знают, как к этому отнесутся американцы, которые в вопросе о возмещении занимают довольно твердую позицию.

Записал (В. Павлов)

№ 172

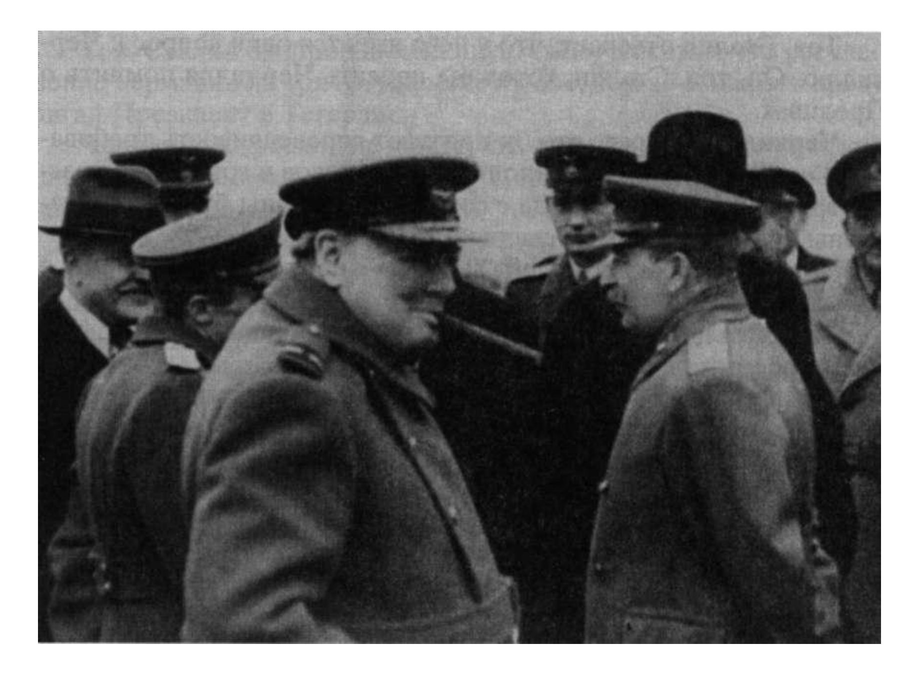
Речь г-на У. Черчилля перед отбытием из Москвы

19 октября, перед отбытием из Москвы, на аэродроме, у микрофона кинохроники, г-н У. Черчилль произнес следующую речь:

"Маршал Сталин, Ваши Превосходительства, леди и джентльмены, друзья, военные товарищи, собравшиеся здесь!

Теперь я подошел к концу наиболее напряженного и в тоже время наиболее приятного посещения Москвы. Мы работали очень много. Как я сказал вчера вечером, мы являлись на нашем совещании рабочими и солдатами, но то великодушное гостеприимство и сердечная дружественность, с которыми нас приветствовали и с которыми нас принимали, оставили у меня и у моего друга и коллеги, Министра Иностранных Дел г-на Идена, самые приятные воспоминания об этих насыщенных и серьезных днях.

Самым большим удовольствием и честью для меня было то, что я имел так много длительных и задушевных бесед с моим дру-



Проводы Черчилля на аэродроме 18 октября 1944 года

гом и военным товарищем Маршалом Сталиным, и то, что я занимался многими трудными вопросами, неразрывно связанными с объединенным маршем великих народов вперед через многочисленные превратности войны.

Я глубоко надеюсь и верю, будучи твердо убежден, что полководец - государственный деятель, стоящий во главе России, поведет русский народ, все народы России через эти годы грозы и бури к солнечным дням более свободного и счастливого века для всех и что с ним в выполнении этой задачи будут идти страны Британского Содружества Наций и могущественные Соединенные Штаты Америки"[55].

№ 173

Англо-советское коммюнике о пребывании г.г. Черчилля и Идена в Москве

В Москве с 9 октября по 18 октября имели место совещания между г-ном Черчиллем и г-ном Иденом, представляющими Соединенное Королевство, и Маршалом Сталиным и В.М. Молотовым при участии их политических и военных советников. В свете

последних событий и решений Квебекской конференции относительно войны в Западной Европе был сделан исчерпывающий обзор развертывания военных планов, согласованных в Тегеране, и была выражена твердая уверенность в отношении будущего развития союзных операций на всех фронтах.

По многим политическим вопросам, представляющим общий интерес, имел место свободный и искренний обмен мнениями.

Был достигнут значительный успех в отношении решения польского вопроса, который подвергся подробному обсуждению между Советским и Британским Правительствами. Они имели беседы как с Премьер-Министром и Министром Иностранных Дел Польского Правительства в Лондоне, так и с Председателем Национального Совета и Председателем Польского Комитета Национального Освобождения в Люблине. Эти переговоры значительно сократили расхождения и рассеяли недопонимания. Переговоры продолжаются по нерешенным вопросам.

Был полностью рассмотрен ход событий в Юго-Восточной Европе. Было достигнуто соглашение в отношении оставшихся нерешенными вопросов условий перемирия с Болгарией. Оба Правительства согласились проводить совместную политику в Югославии с целью концентрации всей энергии против отступающих немцев и с целью разрешения югославских внутренних трудностей путем объединения Королевского Югославского Правительства и Национального Освободительного движения. Право югославского народа самому решить вопрос о своем будущем государственном устройстве после войны, конечно, признается неотъемлемым.

Совещание состоялось с ведома и одобрения Правительства Соединенных Штатов, которое было представлено при переговорах Послом Соединенных Штатов в Москве г-ном Авереллом Гарриманом в качестве наблюдателя[56].

Визит Черчилля в Москву продолжался 11 дней, что объяснялось необходимостью обсуждения кардинальных вопросов, от которых зависело завершение войны совместными усилиями стран антигитлеровской коалиции и послевоенное устройство Европы. Наиболее значительным итогом октябрьских встреч Сталина и Черчилля были, на наш взгляд, "процентное соглашение" и просвет в тупике польской проблемы, достигнутый совместными усилиями двух лидеров. Прояснились возможности и условия для создания в Польше правительства национального единства. Препятствий оказалось больше, чем возможностей. Остается фактом, что С. Миколайчик не воспользовался предложением возглавить новое правительство Польши, как и понятны причины, по которым он отказался это сделать.

Важными совместными актами, которые последовали за переговорами, явились официальное признание правительствами СССР, США и Великобритании администрации де Голля в качестве временного правительства Франции и Соглашение о перемирии с Болгарией.

Четкое выполнение аппаратом Наркоминдела программы переговоров, создание максимально возможных деловых и бытовых условий для английской делегации, атмосфера гостеприимства во многом способствовали успеху переговоров и дипломатической гибкости, проявленной главными действующими лицами (например, при обсуждении "процентного соглашения", дискуссиях с "лондонскими" и "люблинскими" поляками). Каждая деталь вызывала позитивную или негативную реакцию английской стороны. С минусом было отмечено, что Сталин не встретил Черчилля на аэродроме, и в то же время подчеркивалось, что он приехал на прием в английское посольство - первое из иностранных посольств, которое он когда-либо посещал в Москве, что он был вместе с Черчиллем в Большом театре и провожал его на аэродроме.

Подводя итоги визита, Черчилль, выступая 27 октября в палате общин, сказал: "Я рад сообщить Палате, что наши отношения с Советской Россией никогда еще не были столь прочными, доверительными и сердечными, как сегодня. Никогда ранее мы не имели возможности вести дискуссии столь открыто... Не говоря уже о том, что мы едины в том, чтобы довести войну до полной победы"[57]. Сталин назвал итоги встречи "ярким показателем упрочения фронта Объединенных наций"[58]. А. Гарриман констатировал, выступая в госдепартаменте: "Встреча Черчилль - Сталин была весьма успешной"[59]. В таком же духе оценивала итоги переговоров печать стран антигитлеровской коалиции, отмечая в то же время, что далеко не все вопросы удалось решить. Генерал X. Исмей считал, что переговоры с поляками закончились "полным провалом", и выразил неудовольствие уровнем обслуживания британской делегации[60].

Решения по польскому и югославскому вопросам, будущему Германии, конкретным условиям вступления в войну против Японии, проблеме черноморских проливов и многим другим, от которых зависело будущее Европы и послевоенного мира, предстояло принять на встрече "большой тройки", которая через три с половиной месяца состоялась в Ялте.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Положение на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии рассматривается во второй части главы (см. стр. 462-466).

[2] Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. 1940-1945, Frankfurt a/M., 1961. Bd. IV. S. 110.

[3] Цит. по: Правда. 1944. 29 марта.

[4] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Т. 2. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав - СССР, США и Великобритании (28 ноября-1 декабря 1943 г.): Сб. документов. М., 1978. С. 173.

[5] Переписка председателя Совета Министров СССР И.В. Сталина с Президентом США и Премьер-Министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М., 1986. Т. 1. С. 260.

[6] Там же.

[7] Там же. С. 261.

[8] Encyclopedia Americana. N.Y., 1987. Vol. 29. P. 437.

[9] *Вестфаль 3.* и др. Роковые решения. М., 1958. С. 257.

[10] Большую часть времени Черчилль жил в предоставленных ему московских апартаментах.

[11] Справка Центрального архива ФСБ РФ № 10/А 2721.

[12] Московский большевик. 1944. 10 окт.

[13] Крайова Рада Народова объявлялась политическим представительством польского народа, призванным "выступать от имени народа и руководить его судьбами до освобождения Польши от оккупации" (см.: История Польши. М., 1958. Т. 3. С. 608).

[14] Public Record Office F.O. 800/302. P. 6-7.

[15] Вопрос о геополитических интересах СССР на Европейском континенте являлся предметом обсуждений в специальных комиссиях НКИД начиная с 1943 г. В аналитических разработках М.М. Литвинова и И.М. Майского констатировалось, что Греция находится за пределами геополитических интересов СССР в послевоенной Европе. Подробнее см.: *Филитов А.* В комиссиях Наркоминдела // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 72-85.

[16] *Бережков В.М.* Страницы дипломатической истории. М., 1984. С. 477. В зарубежной и российской литературе встречаются различные версии того, что произошло с листком бумаги, который Черчилль передал Сталину. Одни утверждают, что Сталин "синим карандашом *написал* о своем согласии с предложением Черчилля" *(Бедарида Ф.* Черчилль / Пер. с англ. М., 2003. С. 304); другие, - что Черчилль согласился с включением всех балканских стран, кроме Греции, в сферу влияния СССР *(Кредер А.А.* Новейшая история зарубежных стран. 1914-1997. М., 1999. С. 187).

[17] Liddel Hart Center for Military Archives. Anglo-Soviet Political Conversation at Moscow (Ismay VI/10. P. 5).

[18] *Черчилль У.* Вторая мировая война. М., 1955. Т. 6. С. 220.

[19] *Jenkins R.* Churchill. L., 2001. P. 761-762.

Черчилль 7 октября направил письмо Миколайчику, в котором предупредил, что при согласии Сталина ему, Миколайчику, и тем, кто будет его сопровождать следует *немедленно* вылететь в Москву. (Churchill Archive Center CHAR 201138. P. 109, 110).

[20] Соснковский Казимир - командующий польскими вооруженными силами в эмиграции в 1943-1944 гг.

[21] Бур-Коморовский Тадеуш - командующий Армией Крайовой, руководитель Варшавского восстания в 1944 г., сдался немцам.

[22] Конференция в Думбартон-Оксе (в черте Вашингтона) с участием СССР, США, Великобритании и Китая проходила 21 августа-7 октября 1944 г. На ней были выработаны основы Устава ООН.

[23] Конференция в Монтрё (22 июня-21 июля 1936 г.) в составе представителей СССР, Англии, Австралии, Франции, Турции, Болгарии, Греции, Югославии и Японии выработала новую конвенцию о режиме Черноморских проливов взамен Лозаннской конвенции 1923 г. Черноморские государства, в том числе СССР, получили право прохода своих военных кораблей через Проливы в мирное время, но при предварительном уведомлении об этом Тур-

ции. В военное время проход через Проливы кораблей любого государства был запрещен.

[24] Эрколи - псевдоним одного из руководителей Итальянской коммунистической партии П. Тольятти, в 1945-1946 гг. - вице-премьер правительства Италии.

[25] Дин Дж.Р. - начальник военной миссии США в СССР.

[26] Churchill and Roosevelt. L., 1984. Vol. III. P. 353.

[27] Ibid. P. 352.

[28] История внешней политики СССР. Т. 1. 1917-1945. М., 1980. С. 459.

[29] Так в тексте (выше - Бирс).

[30] ЕКК - Европейская консультативная комиссия.

[31] СКК - Союзная контрольная комиссия.

[32] Вильсон Г. - Верховный главнокомандующий союзными войсками на Средиземноморском театре военных действий.

[33] АВП РФ. Ф 059. Оп. 7. П. 13. Д. 6. Л. 364. Подробнее см.: "Англия должна иметь право решающего голоса в Греции": Существовало ли соглашение между Черчиллем и Сталиным о разделе сфер влияния в Юго-Восточной Европе? // Источник, 2003. № 3. С. 45-56. Автор публикации известный историк-документалист В.В. Соколов считает, что никакой договоренности о разделе сфер влияния зафиксировано не было. Однако такая точка зрения не согласуется с публикуемой им записью беседы, в ходе которой Черчилль предложил Сталину, "поскольку договоренность была достигнута", уничтожить этот документ (Там же. С. 55). Главным же аргументом в пользу того, что соглашение, или, как писал Черчилль, "руководство на ближайший военный период" некоторое время действовало, являются англо-советские отношения на Балканах в конце 1944 - начале 1945 г.

[34] *Roberts G.* Beware Greek Gifts: The Curchill - Stalin "Percentages" Agreement of October 1944: Paper Presented at the Foreign Office Seminar "Churchill-Stalin" in London on March 4. 2002.

[35] Мировые войны XX века. Кн. 3. Вторая мировая война: Исторический очерк. М., 2002. С. 411, 414, 421.

[36] *Roberts G.* Op. cit. P. 6, 11.

[37] *Carlton D.* Churchill and the Soviet Union. Manchester, 2000. P. 120.

[38] *Мельтюхов М.И.* Место Варшавы в действиях Красной Армии летом 1944 года // Клио. 2002. 4(19). С. 148-159.

[39] Лебедев В.З. - посол СССР при союзных правительствах в Лондоне.

[40] Санация - политический режим, установленный в Польше после переворота, совершенного Ю. Пилсудским в 1926 г.

[41] Польская конституция 1935 г. усиливала власть главы государства, повышала возрастной ценз избирателей и т.д.

[42] Речь идет об арестах лиц, обвиняемых в антисоветских действиях.

[43] Антонов А.И. - заместитель начальника Генерального штаба РККА.

[44] Баррос (Бэрроуз) М. - глава британской военной миссии в Москве.

[45] Брук А. - начальник имперского генерального штаба Великобритании.

[46] Исмей X. - начальник штаба Черчилля.

[47] Джекоб И. - сотрудник штаба Черчилля.

[48] Лорд Пэйдж - министр военного кабинета Австралии.

[49] Поздний захват района устья Шельды отрицательно повлиял на возможности снабжения союзников, о чем ниже говорит Черчилль.

[50] Эта группировка вермахта была блокирована до конца войны.

[51] Доклад генерала Дж. Дина.

[52] Преувеличение: потери были примерно равными, хотя в оперативном отношении в Коралловом море японцы, бесспорно, потерпели неудачу, не сумев захватить Порт-Морсби.

[53] Бои там продолжались до конца войны.

[54] Черчилль 16 октября сообщал королю Георгу VI из Москвы о ходе переговоров по польскому вопросу: «Позавчера весь день был "польским". Наша группа из Лондона это, как известно Вашему Величеству, группа приличных, но немощных глупцов, однако делегаты из Люблина выглядят холопами, которых еще свет не видел. Они вряд ли сомневаются в том, что мы о них думаем... Я провел с ними достаточно жесткий перекрестный разговор и по некоторым вопросам Маршал Сталин меня поддержал. С нашими поляками мы будем воевать весь сегодняшний день, и есть надежда достигнуть соглашения. Если нет, придется отложить дело и вернуться к нему после президентских выборов» (CHAR 20/181. P. 117).

По возвращении в Лондон С. Миколайчик, который считал целесообразным продолжить переговоры с Москвой, не получив в этом поддержки эмигрантского правительства, вышел в отставку. Его сменил на посту премьер-министра правый социалист Т. Арцишевский, занявший открыто враждебную позицию в отношении СССР. Черчилль вследствие этого демонстративно не принимал Арцишевского, но отклонил предложение о разрыве с "лондонскими" поляками *(Gilbert M.* Op. cit. P. 1075, 1158).

[55] Известия. 1944. 21 окт.

[56] Там же. 1944. 22 окт.

[57] Public Record Office F.O. 371/39025. P. 1-2.

[58] *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952. С. 164.

[59] US. National Archive. Ent. 433. Box 138. P. 3.

[60] Liddel Hart Center for Military Archives. 9/31/46. P. 378-379.

Глава восьмая

ПОСЛЕДНИЕ ВСТРЕЧИ. 1945 ГОД

Днем 4 февраля 1945 г. к Воронцовскому дворцу, одному из красивейших архитектурных ансамблей Крыма, подъехал кортеж автомобилей. На время Крымской (Ялтинской) конференции Большой тройки здесь разместилась британская делегация во главе с Черчиллем. На правах хозяина Сталин приехал к нему с визитом вежливости для кратковременной встречи и беседы перед началом конференции, которая открылась через несколько часов в Ливадийском дворце.

Важнейшие вопросы войны и мира они пока не затронули.

№ 174

Запись беседы Председателя Совета Народных Комиссаров СССР с Премьер-министром Великобритании

4 февраля 1945 г., 15 час, Воронцовский дворец

Черчилль благодарит за удобства, предоставленные в его распоряжение.

Сталин отвечает, что это долг гостеприимства, большего наши работники не могли сделать, так как у них было очень мало времени.

Черчилль спрашивает, какие вести поступают с фронта.

Сталин отвечает, что неплохие.

Черчилль заявляет, что 8 февраля британская группировка войск совместно с 9-й американской армией перейдет в наступление на севере.

Сталин говорит, что это хорошо. Нужно лишить немцев возможности перебрасывать свои войска с одного фронта на другой.

Черчилль говорит, что сегодня на заседании генерал Маршалл изложит планы союзников на западе. Он, Черчилль, хотел бы также, чтобы фельдмаршал Александер рассказал о положении дел на фронте в Италии.

Сталин говорит, что теперь Германия лишена Силезского угольного бассейна и если она потеряет Рур, т.е. если она лишит-

ся своих двух основных источников получения угля, то в Германии, в результате недостатка угля и хлеба, возможен внутренний крах до ее военного поражения.

Черчилль отвечает, что это может случиться.

Сталин заявляет, что у немцев нет сейчас готовых резервов. Немцы построили очень мощные укрепления на востоке, но они защищались бойцами из фольксштурма, очень нестойкими людьми.

Черчилль заявляет, что он согласен с тем, что у немцев нет готовых резервов. В этой связи он, Черчилль, хотел бы спросить, что думает маршал Сталин о наступлении Рундштедта (операция в Арденнах. - *О.Р.).*

Сталин отвечает, что Рундштедт поступил очень глупо, начав свое наступление в то время, когда у Германии нет сил. Это произошло потому, что Германия [все] еще считает себя великой державой, но она уже перестала ею быть. Для новых операций нужны резервы, а у Германии их нет.

Черчилль говорит, что Гитлер приготовил паутину, но забыл про паука. Черчилль спрашивает, какого мнения маршал Сталин о Гитлере как о стратеге.

Сталин говорит, что Гитлер как стратег испортился. Бок у него был гораздо умнее. Теперь же Гитлер растерял всех своих опытных генералов.

(Дальнейшая беседа проходит в комнате, где развешаны карты различных фронтов).

Фельдмаршал Александер поясняет обстановку на своем фронте.

Сталин говорит, что немцы на итальянском фронте не будут наступать, Поэтому желательно было бы оставить часть сил союзников на фронте в Италии для обороны, а остальные перебросить через Адриатическое море для совместного наступления с Красной Армией в районе Австрии.

Александер отвечает, что в настоящее время у него нет в наличии свободных сил для этой операции. Кроме того, как он думает, сейчас уже поздно приступать к ее осуществлению[1].

Крымская конференция руководителей трех союзных держав - СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.) - проходила в обстановке, значительно отличавшейся от той, которая сопутствовала их предыдущей встрече в Тегеране.

Зажатая в тисках двух фронтов, Германия была обречена на поражение, которое после неудачи последнего немецкого контрнаступления в Арденнах (декабрь 1944-январь 1945 г.), упоминаемого в беседе, стало неизбежным в ближайшие месяцы.

Фашистский блок развалился. Вслед за Италией вышли из войны или капитулировали Румыния, Финляндия, Болгария, Венгрия. Совет-

ские войска совместно с Народно-освободительной армией Югославии, сформированными на территории СССР боевыми частями и соединениями Польши, Чехословакии и Румынии освободили территории Польши, Чехословакии, Югославии. Красная Армия и армии западных союзников вели бои на территории самой Германии. Противник продолжал оказывать ожесточенное сопротивление, и это требовало координации военных усилий антигитлеровской коалиции.

"Наступление Рунштедта" в Арденнах подтверждало такую необходимость. 16 декабря 1944 г. фронт западных союзников в полосе 12-й группы армий генерала О. Бредли был неожиданно прорван и немецкие танки, сея панику в рядах противника, дезорганизуя его оборону, устремились по территории Бельгии и Люксембурга в общем направлении на Антверпен. Амбициозная цель гитлеровского командования заключалась в том, чтобы "устроить англо-американцам второй Дюнкерк", укрепить высвободившимися войсками оборону Восточного фронта и внести раскол в антигитлеровскую коалицию. Развернулись ожесточенные бои. 1 января 1945 г. немцы нанесли еще один удар - в Эльзасе, и начали наступление в направлении Страсбурга. Реальные силы немецких группировок были неизвестны союзникам. Командующий 3-й американской амией генерал Д. Паттон записал 4 января 1945 г. в дневнике: "Мы еще можем проиграть эту войну"[2]. Д. Эйзенхауэр сообщал в Вашингтон, что отсутствие помощи со стороны Советской Армии поставило бы его войска "в самое тяжелое положение"[3].

Черчилль, обсудив на встрече с Б. Монтгомери и Д. Эйзенхауэром создавшуюся обстановку, направил 6 января 1945 г. Сталину личное и строго секретное послание, в котором говорилось: "На западе идут очень тяжелые бои, и в любое время от Верховного Командования могут потребоваться большие решения. Вы сами знаете по Вашему собственному опыту, насколько тревожным является положение, когда приходится защищать очень широкий фронт после временной потери инициативы. Генералу Эйзенхауэру очень желательно и необходимо знать в общих чертах, что Вы предполагаете делать, так как это, конечно, отразится на всех его и наших важнейших решениях... Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января и в любые другие моменты, о которых Вы, возможно, пожелаете упомянуть. Я никому не буду передавать этой весьма секретной информации, за исключением фельдмаршала Брука и генерала Эйзенхауэра... Я считаю дело срочным". На следующий день Сталин ответил Черчиллю, что советское наступление с целью "оказать содействие нашим славным союзным войскам" начнется по всему центральному фронту "не позднее второй половины января"[4].

В результате Висло-Одерской операции (12 января-3 февраля 1945 г.), одной из самых крупных в Великой Отечественной войне, были разгромлены основные силы немецкой группы армий "А" (с 26 января - "Центр"), завершено освобождение Польши. Красная Армия вышла на дальние подступы к Берлину. 14 января Д. Эйзенхауэр телеграфировал генералу армии А.И. Антонову: "Важные известия о том, что

доблестная Красная Армия новым мощным рывком двинулась вперед, восприняты союзными армиями на западе с энтузиазмом. Я выражаю Вам и всем, кто руководит этим великим наступлением и участвует в нем, мои поздравления и наилучшие пожелания"[5]. К 28 января последние немецкие части, преследуемые войсками союзников, откатились на ранее занимаемые позиции. В дневнике Верховного главнокомандования вермахта в записи от 29 января говорится, что "ввиду угрожающей обстановки на востоке фюрер приказал перейти к обороне на западе"[6].

Эти события в Европе укрепляли позиции СССР на Крымской конференции, но далеко не гарантировали принятие только таких решений, на которые рассчитывало советское руководство.

На Дальнем Востоке, несмотря на большие успехи вооруженных сил США и их западных союзников, разгром японского флота на Тихом океане, американское командование не рассчитывало завершить войну ранее 1946 и даже 1947 г. С вступлением СССР в войну против Японии западные союзники, а прежде всего США, рассчитывали принудить Японию к капитуляции, избегая штурма самих Японских островов, что повлекло бы за собой крупные потери (по некоторым подсчетам до 1 млн человек).

Своей сложностью выделялись политические проблемы, связанные с послевоенным устройством мира, которые предстояло решать на конференции. На их неотложность указывали быстротечные изменения линии фронта, стремительное сближение армий антигитлеровской коалиции, наступавших с востока и запада, освобождение территорий оккупированных захватчиками стран.

Инициатива созыва конференции принадлежала Рузвельту, что объяснялось не только тем, что без его участия в октябре 1944 г. состоялась встреча Сталина с Черчиллем в Москве. Американская сторона была особенно заинтересована в согласовании конкретных сроков и условий вступления СССР в войну с Японией, в принятии по этому вопросу решения на конференции. Переговоры о конференции велись с осени 1944 г. Но она не могла состояться ранее ноябрьских выборов президента США, на которых в четвертый раз победу одержал Рузвельт, и его официального вступления в должность в январе 1945 г. Поиски места встречи затянулись. Предлагались Аляска, Каир, Афины и Иерусалим, что было неприемлемо для Сталина по причинам, как он об этом писал Рузвельту и Черчиллю, связанным с рекомендациями врачей и необходимостью руководства военными действиями. В конечном итоге Рузвельт в декабре дал согласие на встречу в Ялте. Намек на возможность встречи "в районе Черного моря" сделал ранее Г. Гопкинс советскому послу в США А.А. Громыко.

К тому времени Рузвельт и Черчилль совместно с начальниками штабов провели очередную двухстороннюю конференцию в Квебеке (11-16 сентября 1944 г.) и по настоянию Черчилля еще раз встретились 2 февраля 1945 г. в порту Ла-Валетта на борту крейсера "Куинси", на котором Рузвельт прибыл в тот день на остров Мальта, где его ожидал Черчилль. По воспоминаниям Идена, они ни о чем толком не договорились, "в то время как Медведь будет себе на уме". Надо сказать, что с

прибытием на Мальту английской делегации не обошлось без происшествий. Один из британских самолетов потерпел катастрофу, в результате которой погибло 13 человек. Среди них сотрудники Форин оффис, личный телохранитель А. Идена и адъютант А. Брука.

3 февраля делегации Великобритании и США несколькими самолетами вылетели с Мальты в Крым (часть "обслуги" была отправлена морем до Севастополя). Примерно через девять часов самолеты Рузвельта и Черчилля с небольшим интервалом совершили посадку на аэродроме Саки близ Симферополя. Их встречали Молотов и Вышинский со всеми почестями. Сталин приехал из Москвы в Симферополь поездом. Далее в Ялту следовали на автомашинах. Сара, старшая дочь Черчилля, сопровождавшая его в поездке, осталась недовольна дорогой. 4 февраля в письме матери она назвала эту дорогу "бесконечной и скучной". Далее она сообщала, что "на пути через каждые 200 ярдов (около 180 метров. - *Ред.)* вдоль дороги стояли красноармейцы - мужчины и женщины, которые гордо отдавали нам честь... На блеклой местности изредка встречались лишь крестьяне с мрачными лицами". Сам Черчилль был в хорошем настроении. Он нашел Рузвельта "здоровым и телом и душой" (что не соответствовало действительности), а вспоминая дорогу в Ялту, расхваливал организованный для гостей "восхитительный ланч" с шампанским и икрой[7].

В работе конференции (кодовое название "Аргонавт") приняли участие высшие политические и военные руководители трех стран, сопровождаемые своими заместителями, экспертами, персоналом. В состав английской делегации кроме Черчилля входили А. Иден, министр военного транспорта лорд Лезерс, главнокомандующие видами вооруженных сил маршал авиации Ч. Портал, адмирал А. Кэннинхем, Главнокомандующий войсками союзников на Средиземном море фельдмаршал Г. Александер, участники встречи 1944 г. в Москве фельдмаршал А. Брук, А. Исмей, А. Кадоган и посол А. Керр. В составе американской делегации вместе с Рузвельтом в работе конференции приняли участие новый государственный секретарь Э. Стеттиниус, специальный помощник президента Г. Гопкинс, Д. Маршалл, начальник штаба президента США адмирал В. Леги, главнокомандующий военно-морскими силами США адмирал флота Д. Кинг, посол в СССР А. Гарриман.

Советская делегация была представлена Сталиным, Молотовым, наркомом военно-морского флота Н.Г. Кузнецовым, заместителем начальника Генерального штаба генералом армии А.И. Антоновым, заместителями наркома иностранных дел А.Я. Вышинским и И.М. Майским, маршалом авиации С. А. Худяковым, послами в Великобритании - Ф.Т. Гусевым, и в США - А.А. Громыко. Личными переводчиками у Сталина был В.Н. Павлов, у Черчилля - А. Бирс, у Рузвельта - Ч. Болен, будущий посол США в СССР (1953-1957).

Только в составе делегации Великобритании и США насчитывалось более 2000 человек и была проведена огромная работа по подготовке, в том числе материальных условий к проведению конференции, размещению ее участников и обеспечению их безопасности в разрушен-

ном и разоренном немецкими захватчиками Крыму, который всего за несколько месяцев до этого был освобожден Красной Армией.

Повестка дня конференции заранее не оговаривалась. Обсуждались важнейшие вопросы войны и мира, по которым были приняты согласованные решения: о завершении войны, оккупации Германии и союзном контроле над ней, репарациях с Германии, конференции Объединенных Наций, о Польше, о Югославии, единстве в организации послевоенного мира. Принята декларация об освобожденной Европе, подписано соглашение о сроках и условиях вступления СССР в войну против Японии и другие важные документы[8].

Крымской конференции посвящена обширная отечественная и зарубежная литература, частично указанная в предисловии к книге. Рассмотрим основные вопросы, связанные с дискуссиями между Сталиным и Черчиллем, а также документы, которые либо мало известны, либо публикуются впервые, и дают возможность более обстоятельно ознакомиться с "дипломатическим инструментарием" лидеров антигитлеровской коалиции, атмосферой на конференции, и ее изменениями.

Советская делегация сформировалась в конце января и также направилась в Симферополь поездом.

№175

Из дневника И.М. Майского[9]

25 января [1945 г.]

Сегодня у меня был знаменательный день.

Во-первых, около 4 час. дня меня вызвал к себе Молотов и сообщил: а) что в 7 час. вечера Сталин в кабинете Молотова принимает английскую парламентскую делегацию и просит меня быть на приеме для того, чтобы исполнять функции хозяина и переводчика, и б) что я должен буду поехать на предстоящее свидание "Большой тройки" с тем, чтобы помогать в вопросе о репарациях и вообще помогать. Молотов при этом добавил, что вместе с ним на свидание едут также Вышинский и Кавтарадзе...

- Не имеете ли каких-либо возражений против поездки? - спросил Молотов.

- Нет, не имею, - ответил я. - Я всецело к Вашим услугам. Как бы я, в самом деле, мог возражать?...

30 января

Наконец мы на месте - в Крыму. В памяти невольно проходят события последних трех дней...

Выехали мы из Москвы в воскресенье 28 января в специальном поезде, который Вышинский организовал для работников НКИД...

Крым, 1945 год. У. Черчилль и В. Молотов встречают Ф. Рузвельта на аэродроме в Саки

Мне и Кавтарадзе, как замнаркомам, отвели по специальному купе в международном вагоне. Остальные разместились по двое. В мягких вагонах было по четверо в каждом отделении. Всего наркоминдельцев ехало человек 50. Сверх того с нашим поездом в Крым направлялся Н.Г. Кузнецов (Наркомвоенмор) со своим штатом. Он был в собственном вагоне...

В нашем международном вагоне холодно и темновато. Читать при свете невозможно. Последнюю ночь перед Симферополем электричество совсем погасло. Зажгли свечи... Одна из уборных в вагоне не действовала. Не действовал также умывальник в моем купе. Постельное белье дали, но такое серое и грубое, что ложиться было неприятно. Вагона-ресторана в поезде не оказалось. Пришлось устроиться примитивно: перед отъездом из Москвы НКИД роздал всем пассажирам свертки с продовольствием, а проводник в пути грел самовар и предлагал кипяток (чаю у него не было)...

Следы войны и вдоль всего пути: справа и слева разрушенные здания, исковерканные пути, сожженные деревни, поломанные водокачки, кучи кирпича, взорванные мосты... Линия Москва-Севастополь двухпутная, но сейчас работает только одна колея. Отсюда долгие остановки на разъездах и общий замедлен-

ный темп движения. Повсюду видны наспех сколоченные бараки, изгороди из свежего теса, различные импровизированные приспособления для поддержания железнодорожного движения...

В пути я не терял времени: окончательно отшлифовал формулу по репарациям...

План размещения участников конференции таков: Рузвельту отведен бывший царский дворец в Ливадии, Черчиллю - бывший дворец Воронцова-Дашкова в Алупке, а Сталину - бывший дворец Юсупова в Кореизе. Все они расположены вдоль берега моря на небольших расстояниях друг от друга: от дворца Воронцова-Дашкова до дворца Юсупова около 5 км, а от дворца Юсупова до Ливадии около 8 км. Сталин, таким образом, оказывается в середине между двумя гостями. Весь этот район засекречен, и дворцы не называются дворцами, а "объектами". Есть "западный объект" (дворец Воронцова-Дашкова), есть "восточный объект" (Ливадия) и есть "средний объект" (дворец Юсупова). Звучит все это довольно забавно, особенно когда вызываешь кого-либо по телефону:

- "Восточный объект", номер 42!..

4 февраля 1945.

Чудная погода: яркое солнце, синее небо, синее море... Точно по заказу для союзников!

Сегодня в 3 час. дня в Ливадийском дворце, резиденции Рузвельта, состоялось первое заседание конференции трех...

Когда я вошел в зал, президент уже сидел за "круглым столом" на председательском месте... Все еще стояли. Фотографы и киношники бегали и щелкали аппаратами. Навстречу мне попался Черчилль. Он сделал широкий жест руками и приветствовал словами: "A, my dear Maisky!" Мы бегло обменялись несколькими словами. ОТ Черчилля узнал, что его жена собирается посетить Москву в начале апреля...

Затем народ стал рассаживаться... Рядом с Рузвельтом сидели: Стеттиниус с молодым лицом и седой головой, ген[ерал] Маршалл, адмирал Кинг, еще один генерал, имени кот[орого] я не знаю, и переводчик Боулен (начальник русского отдела МИД, кот[орый] весьма коряво переводил президента на русский язык). С Черчиллем сидели Иден, Кадоган, Брук, Портал, адм[ирал] Кэннингхэм, переводчик Бирс. С нашей стороны сидели Сталин, Молотов, Кузнецов, ген[ерал] Антонов и я. Молотов меня поместил между Сталиным и собой и предложил переводить наши выступления. Во втором ряду позади соответственных делегаций сидели ген[ерал] Дин (начальник американской миссии в Москве), ген[ерал] Исмей, фельдмаршал Александер, Вышинский, Гусев, Громыко, В. Павлов.

Начал Сталин:

- Просим президента открыть собрание.

Черчилль кивнул в знак согласия.

Рузвельт ответил кратким словом, в котором заявил, что, хотя для такого действия с его стороны нет исторических прецедентов, однако он очень рад открыть конференцию, особенно в столь благоприятной для союзников обстановке. Все мы хотим мира и скорейшего окончания войны. Наше взаимопонимание все больше возрастает. Это дает нам возможность обсуждать текущие вопросы в неформальном порядке. Как известно г. Молотову, он, президент, говорит всегда открыто и свободно. Такой метод ведет ближе к цели. ...Мы хотим сегодня услышать подробности о самом важном - о Восточном фронте, где Красная Армия одержала столь блестящие победы и сейчас продвигается в глубь Германии. Когда ваши войска делают еще 20-25 км вперед, весь народ США и, я уверен, также народ Брит[анской] империи (Черчилль кивком головы выразил согласие с президентом) переполняется чувством радости и восхищения. Вот почему мы были бы очень рады, если бы маршал Сталин ознакомил нас с событиями на вашем фронте.

Сказано это было спокойно, ровно, без всякой аффектации.

Затем по предложению Сталина выступил замначгенштаба Антонов...

Потом Сталин заговорил на другую тему:

- Многие думают сейчас, что мы начали наше зимнее наступление по требованию наших союзников, чтобы облегчить их положение на Западном фронте. Я считаю, поэтому, необходимым здесь констатировать, что наши союзники не обращали к нам никаких требований или просьб об открытии наступления ... И если мы все-таки открыли его, то причина была такая: мы считали, что должны выполнить свой товарищеский долг перед нашими союзниками, хотя и не имели к тому формальных обязательств ...

Заявление Сталина произвело впечатление на англо-американцев. Это видно было по лицам и жестам Рузвельта и Черчилля.

Оба они вновь вернулись к вопросу о необходимости лучшей координации между штабами и военными операциями союзников.

Сталин ответил:

- Да, в прошлом мы не учли этого в достаточной степени. Получился разнобой: англо-американцы наступали в прошлом году, а мы осенью не наступали. Сейчас мы наступаем, а англо-американцы еще не готовы к наступлению. Надо устранить такой разнобой ...

5 февраля

Большой день! ...

Я опоздал на заседание [глав делегаций] минут на сорок ...

Выступил Черчилль и в длинной и запутанной речи стал доказывать, что с вопросом о расчленении [Германии] не следует торопиться. В принципе он, Черчилль, за расчленение, но как, на сколько частей, при каких условиях? Это Черчиллю неясно. Нужно внимательно изучить проблему с этнографической, экономической, политической и др[угих] точек зрения. Только тогда можно будет принимать окончательное решение. В Тегеране и Москве намечался лишь подход к проблеме, сейчас надо создать специальную комиссию для изучения самой проблемы и подождать ее выводов и предложений. Впредь до того британпра резервирует свое мнение ...

- Если говорить лично, - продолжал Черчилль, - то мне рисуется разделение Германии на два государства: Пруссия и Южная Германия (со столицей в Вене)"...

(Значительное внимание в дневнике отведено обсуждению вопроса о репарациях.)

...Сталин думает, что вопрос о репарациях будет обсуждаться сегодня. Между тем составленная мной "Формула" по репарациям, которую я вчера направил Молотову, Сталиным еще не одобрена. Больше того: как выяснилось из моего разговора с Молотовым перед завтраком, Сталин еще не видел моей "Формулы". Да и сам Молотов при мне начал было читать, но на половине не дочитал, так как в этот момент как раз появились гости. Как же быть?..

...Обращаясь к Сталину, Рузвельт спросил:

- Я слышал, что вы хотели бы в порядке репараций использовать германский труд... Скажите, сколько человек вам потребуется?

Несколько неожиданно для меня Сталин ответил:

- Мы еще не готовы к этому вопросу. Вот материальные репарации - дело другое. У нас имеется план материальных репараций.

Черчилль, внимательно взглянув на Сталина, произнес:

- Было бы интересно кое-что узнать об этом плане.

Тут Сталин круто повернулся ко мне (я сидел слева от него), и несколько небрежно бросил: "Докладывайте".

- Но Вы же не видали моей "Формулы"!

- Ничего, докладывайте! - еще более категорично повторил Сталин. - Только не касайтесь вопроса о труде.

Молотов, сидевший справа от Сталина, наклонился к нему и взволнованно спросил:

- И цифру назвать?

- Да, и цифру назвать, - отрезал Сталин.

- Какую? - продолжал Молотов, намекая на наши споры в Москве о цифре советских претензий. - Пять или десять?

- Десять! - ответил Сталин.

Итак, в одно мгновение все было решено. К счастью, в портфеле у меня находились все необходимые материалы. Я вытащил их оттуда и, обращаясь к Сталину, спросил:

- Вы разрешите говорить мне прямо по-английски?

- Пожалуйста, - ответил Сталин...

...Говоря о наших репарационных претензиях, я на всякий случай сказал не просто "10 миллиардов", а "не менее 10 миллиардов", ибо у меня было и остается какое-то интуитивное ожидание, что в конечном счете общая сумма изъятий и послевоенных поставок окажется несколько выше наших теперешних расчетов.

Мое выступление произвело на конференцию несомненное впечатление. Это видно было по тому сосредоточенному молчанию, которое господствовало во время моего доклада ... Черчилль, который вобще несколько глуховат, раза два переспрашивал меня о недослышанных словах и выражениях ...

Когда я кончил, начался обмен мнениями. Первым выступил Черчилль, который, несколько лукаво поглядывая на меня, стал нажимать на кнопку холодного душа:

- После прошлой войны, - говорил Черчилль, - тоже были репарации. Я не участвовал тогда в мирных переговорах, но имел доступ ко всем документам. Прошлые репарации доставили большое разочарование. С большим трудом от Германии удалось получить всего лишь 1 млрд фунтов...

Во время дебатов, развернувшихся после моего доклада, Сталин внимательно прислушивался к словам наших партнеров, делал какие-то отметки в лежавшем перед ним блокноте, иногда жестом или выражением лица давал понять, что он не согласен со многим из того, что они (особенно Черчилль) говорят. Мне казалось, что он собирается выступить на защиту нашего плана. Поэтому полушепотом я сказал Сталину:

- После того, как Вы выскажете свои соображения, дайте мне слово еще раз: я хотел бы кое-что ответить Черчиллю и Рузвельту.

Сталин кивнул головой, и я стал ждать своей очереди.

6 февраля

Серый скучный день. Ай-Петри в облаках. На море какой-то белесый туман...

Встал рано и продиктовал стенографистке полный текст "руководящих линий" для МРК [Межсоюзная репарационная комиссия. - *О.Р.]*. В 11 утра зашел к Молотову, - он одобрил мое произведение, однако чуть не до смерти ошарашил меня сообщением, что вчера ночью после нашего заседания Сталин решил снизить нашу долю до 7 млрд и повысить долю англичан и американцев до 8 млрд. Мотивы? Не пугать союзников нашими требованиями, заинтересовать союзников открывающимися перед ними возможностями.

Я стал решительно возражать. Зачем нам снижать свою долю до 7 млрд после того, как вчера я заявил о "не менее 10 млрд"? Зачем это делать, когда вчера наша цифра решительно никого не напугала? ...

Тем не менее Сталин сказал свое слово и с этим приходилось считаться. Я все-таки не мог так легко пожертвовать "своими" 10 млрд ...

По вопросу о репарациях, столь необходимых разоренному войной Советскому Союзу, возникли серьезные осложнения. Черчилль при поддержке Рузвельта выступил против включения в протокол конференции конкретных сумм взыскиваемых репараций и их распределения. Тем не менее в результате напряженной дискуссии по настоянию Сталина в протоколе было указано, что общая сумма репараций должна составлять 20 млрд долл. и что 50% этой суммы предназначается Советскому Союзу[10].

Наиболее острая дискуссия между Сталиным и Черчиллем развернулась по польскому вопросу. Позиции сторон казались непримиримыми. Лучше всего это показали их выступления на третьем заседании глав правительств в Ливадийском дворце.

№ 176

Из записи заседания глав правительств 6 февраля 1945 года

...*Черчилль* спрашивает: нельзя ли сейчас обсудить польский вопрос?

Сталин и *Рузвельт* соглашаются с предложением Черчилля.

Рузвельт заявляет, что Соединенные Штаты находятся далеко от Польши, и он, Рузвельт, попросит двух других участников совещания изложить свои соображения. В Соединенных Штатах Америки проживают 5-6 миллионов лиц польского происхождения. Его, Рузвельта, позиция, как и позиция основной массы поляков, проживающих в Соединенных Штатах, совпадает с той позицией, которую он изложил в Тегеране. Он, Рузвельт, за линию Керзона. С этим, в сущности, согласно большинство поля-

ков, но поляки, как и китайцы, всегда очень озабочены тем, чтобы "не потерять лицо".

Сталин спрашивает, о каких поляках идет речь: о настоящих или об эмигрантах? Настоящие поляки проживают в Польше.

Рузвельт отвечает, что все поляки хотят получить кое-что, чтобы спасти "свое лицо". Его положение как президента было бы облегчено, если бы Советское правительство дало полякам возможность сохранить "лицо". Было бы хорошо рассмотреть вопрос об уступках полякам на южном участке линии Керзона. Он, Рузвельт, не настаивает на своем предложении, но хочет, чтобы Советское правительство приняло это во внимание.

Наиболее существенной частью польского вопроса является вопрос о создании постоянного правительства в Польше. Рузвельт думает, что общественное мнение Соединенных Штатов настроено против того, чтобы Америка признала люблинское правительство, так как народу Соединенных Штатов кажется, что люблинское правительство представляет лишь небольшую часть польского народа. Насколько ему известно, американский народ хочет видеть в Польше правительство национального единства, в которое вошли бы представители всех польских партий: рабочей или коммунистической партии, крестьянской партии, социалистической партии, национал-демократической партии и других. Он, Рузвельт, лично не знаком ни с одним членом люблинского правительства, ни с одним членом польского правительства в Лондоне. Он знает лично только Миколайчика[11]. Во время своего пребывания в Вашингтоне Миколайчик произвел на Рузвельта впечатление приличного человека.

Он, Рузвельт, думает, что важно создать правительство в Польше, которое будет представлять народные массы страны и получит их поддержку. Возможно, что это будет только временное правительство. Существует много методов создания такого правительства, и неважно, какой метод будет избран. У него, Рузвельта, имеется предложение о том, чтобы создать президентский совет в составе небольшого количества выдающихся поляков. На этот президентский совет будет возложена задача создания временного правительства Польши. Вот единственное предложение, которое он привез с собой из Соединенных Штатов за три тысячи миль. Мы, конечно, добавляет Рузвельт, надеемся, что Польша будет в самых дружественных отношениях с Советским Союзом.

Сталин говорит, что Польша будет находиться в дружественных отношениях не только с Советским Союзом, но и со всеми союзниками.

Рузвельт заявляет, что он хотел бы слышать от маршала Сталина и Черчилля их мнение об его предложении. Разрешение польского вопроса очень помогло бы делу союзников.

Черчилль говорит, что он уполномочен заявить о положительном отношении британского правительства к предложению президента. Черчилль постоянно публично заявлял в парламенте и других местах о намерении британского правительства признать линию Керзона в том виде, как она толкуется Советским правительством, то есть с оставлением Львова у Советского Союза. Его, Черчилля, и Идена много критиковали за это как в парламенте, так и в консервативной партии, но он всегда считал, что после той трагедии, которую перенесла Россия, защищая себя от германской агрессии, и после тех усилий, которые Россия приложила для освобождения Польши, претензии русских на Львов и на линию Керзона базируются не на силе, а на праве. Черчилль продолжает и сейчас придерживаться этой точки зрения.

Однако Черчилль больше интересуется вопросом польского суверенитета, свободой и независимостью Польши, чем уточнением линии ее границ. Он хотел бы, чтобы у поляков была родина, где они могли бы жить так, как им кажется лучшим. Он несколько раз слышал, как маршал Сталин с величайшей твердостью провозглашал ту же самую цель. Так как Черчилль всегда питал доверие к заявлениям маршала Сталина о суверенитете и независимости Польши, он не считает вопрос о границе очень важным.

У Великобритании нет никаких материальных интересов в Польше. Великобритания вступила в войну, чтобы защитить Польшу от германской агрессии. Великобритания интересуется Польшей потому, что это - дело чести Великобритании. Великобритания никогда не сможет удовлетвориться решением, которое не обеспечило бы Польше такое положение, при котором она была бы хозяином в своем доме. Однако Черчилль делает одну оговорку: свобода Польши не должна означать допущение с ее стороны враждебных намерений или интриг против Советского Союза. Мы, говорит Черчилль, не просили бы о том, чтобы Польша была свободной, если бы у нее были враждебные намерения в отношении Советского Союза.

Черчилль надеется, что участники совещания не разъедутся, не предприняв практических мер по польскому вопросу. Сейчас существуют два польских правительства, в отношении которых союзники придерживаются разных мнений. Он, Черчилль, не имел непосредственного контакта с членами нынешнего польского правительства в Лондоне. Несмотря на то что британское правительство признает лондонское польское правительство,

оно [британское правительство] не считает нужным встречаться с членами этого правительства. Но Миколайчик, Ромер[12] и Грабский[13] - умные и честные люди, и с ними британское правительство находится в дружеских отношениях.

Он, Черчилль, спрашивает, нельзя ли будет здесь создать такое польское правительство, как то, о котором говорил президент - впредь до того момента, когда польский народ сможет свободно избрать такое правительство, которое будет признано Советским Союзом, Великобританией, Соединенными Штатами, а также другими Объединенными Нациями, ныне признающими польское правительство в Лондоне. Черчилль думает, что создание органа, о котором говорил президент, подготовит путь к определению польским народом своей конституции и выборам своей администрации. Если бы это удалось осуществить, то был бы сделан большой шаг вперед по пути к миру и благосостоянию в Центральной Европе. Черчилль поддерживает предложение президента. Но, конечно, добавляет Черчилль, при всех условиях должны быть обеспечены линии коммуникаций Красной Армии.

Сталин говорит, что, как только что заявил Черчилль, вопрос о Польше для британского правительства является вопросом чести. Сталину это понятно. Со своей стороны, однако, он должен сказать, что для русских вопрос о Польше является не только вопросом чести, но также и вопросом безопасности. Вопросом чести потому, что у русских в прошлом было много грехов перед Польшей. Советское правительство стремится загладить эти грехи. Вопросом безопасности потому, что с Польшей связаны важнейшие стратегические проблемы Советского государства.

Дело не только в том, что Польша - пограничная с нами страна. Это, конечно, имеет значение, но суть проблемы гораздо глубже. На протяжении истории Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападающий на Россию. Достаточно вспомнить хотя бы последние тридцать лет: в течение этого периода немцы два раза прошли через Польшу, чтобы атаковать нашу страну. Почему враги до сих пор так легко проходили через Польшу? Прежде всего потому, что Польша была слаба. Польский коридор не может быть закрыт механически извне только русскими силами. Он может быть надежно закрыт только изнутри собственными силами Польши. Для этого нужно, чтобы Польша была сильна. Вот почему Советский Союз заинтересован в создании мощной, свободной и независимой Польши. Вопрос о Польше - это вопрос жизни и смерти для Советского государства.

Отсюда крутой поворот, который мы сделали в отношении Польши от политики царизма. Известно, что царское правительство стремилось ассимилировать Польшу. Советское правитель-

ство совершенно изменило эту бесчеловечную политику и пошло по пути дружбы с Польшей и обеспечения ее независимости. Именно здесь коренятся причины того, почему русские стоят за сильную, независимую и свободную Польшу.

Теперь о конкретных вопросах, которые были затронуты в дискуссии и по которым имеются разногласия.

Прежде всего о линии Керзона. Он, Сталин, должен заметить, что линия Керзона придумана не русскими. Авторами линии Керзона являются Керзон, Клемансо и американцы, участвовавшие в Парижской конференции 1919 года. Русских не было на этой конференции. Линия Керзона была принята на базе этнографических данных вопреки воле русских. Ленин не был согласен с этой линией. Он не хотел отдавать Польше Белосток и Белостокскую область, которые в соответствии с линией Керзона должны были отойти к Польше.

Советское правительство уже отступило от позиции Ленина. Что же, вы хотите, чтобы мы были менее русскими, чем Керзон и Клемансо? Этак вы доведете нас до позора. Что скажут украинцы, если мы примем ваше предложение? Они, пожалуй, скажут, что Сталин и Молотов оказались менее надежными защитниками русских и украинцев, чем Керзон и Клемансо. С каким лицом он, Сталин, вернулся бы тогда в Москву? Нет, пусть уж лучше война с немцами продолжится еще немного дольше, но мы должны оказаться в состоянии компенсировать Польшу за счет Германии на западе.

Во время пребывания Миколайчика в Москве он спрашивал Сталина, какую границу Польши на западе признает Советское правительство. Миколайчик был очень обрадован, когда услышал, что западной границей Польши мы признаем линию по реке Нейсе. В порядке разъяснения нужно сказать, что существуют две реки Нейсе: одна из них протекает более к востоку, около Бреславля, а другая - более к западу. Сталин считает, что западная граница Польши должна идти по Западной Нейсе, и он просит Рузвельта и Черчилля поддержать его в этом.

Другой вопрос, по которому Сталин хотел бы сказать несколько слов, - это вопрос о создании польского правительства. Черчилль предлагает создать польское правительство здесь, на конференции. Сталин думает, что Черчилль оговорился: как можно создать польское правительство без участия поляков? Многие называют его, Сталина, диктатором, считают его недемократом, однако у него достаточно демократического чувства для того, чтобы не пытаться создавать польское правительство без поляков. Польское правительство может быть создано только при участии поляков и с их согласия.

Подходящий момент для этого был прошлой осенью, когда Черчилль приезжал в Москву и привез с собой Миколайчика, Грабского и Ромера. В Москву тогда были приглашены и представители люблинского правительства. Между лондонскими и люблинскими поляками была устроена встреча. Наметились даже некоторые пункты соглашения. Черчилль об этом должен помнить. Затем Миколайчик уехал в Лондон, с тем чтобы очень скоро вернуться в Москву для завершения шагов по организации польского правительства. Вместо этого, однако, Миколайчик был изгнан из польского правительства в Лондоне за то, что он отстаивал соглашение с люблинским правительством. Нынешнее польское правительство в Лондоне, возглавляемое Арцишевским и руководимое Рачкевичем[14], против соглашения с люблинским правительством. Больше того: оно относится враждебно к такому соглашению. Лондонские поляки называют люблинское правительство собранием преступников и бандитов. Разумеется, бывшее люблинское, а теперь варшавское правительство не остается в долгу и квалифицирует лондонских поляков как предателей и изменников. При таких условиях как их объединить? Он, Сталин, этого не знает.

Руководящие лица варшавского правительства - Берут, Осубка-Моравский и Роля-Жимерский[15] - не хотят и слышать о каком-либо объединении с польским правительством в Лондоне. Сталин спрашивал варшавских поляков, на какие уступки они могли бы пойти. Ответ был следующий: варшавские поляки могли бы терпеть в своей среде таких лиц из числа лондонских поляков, как Грабский и Желиговский[16], но они и слышать не хотят о том, чтобы Миколайчик был премьер-министром. Сталин готов предпринять любую попытку для объединения поляков, но только в том случае, если эта попытка будет иметь шансы на успех. Что же делать? Может быть, пригласить сюда варшавских поляков? Или, может быть, пригласить их в Москву и там с ними поговорить?

В заключение Сталин хотел бы коснуться еще одного вопроса, очень важного вопроса, по которому он будет говорить уже в качестве военного. Чего он как военный требует от правительства страны, освобожденной Красной Армией? Он требует только одного: чтобы это правительство обеспечивало порядок и спокойствие в тылу Красной Армии, чтобы оно предотвращало возникновение гражданской войны позади нашей линии фронта. В конце концов для военных довольно безразлично, какое это будет правительство; важно лишь, чтобы им не стреляли в спину. В Польше имеется варшавское правительство. В Польше имеются также агенты лондонского правительства, которые связаны с

подпольными кругами, именующимися "силами внутреннего сопротивления". Как военный Сталин сравнивает деятельность тех и других и при этом неизбежно приходит к выводу: варшавское правительство неплохо справляется со своими задачами по обеспечению порядка и спокойствия в тылу Красной Армии, а от "сил внутреннего сопротивления" мы не имеем ничего, кроме вреда. Эти "силы" уже успели убить 212 военнослужащих Красной Армии. Они нападают на наши склады, чтобы захватить оружие. Они нарушают наши приказы о регистрации радиостанций на освобожденной Красной Армией территории. "Силы внутреннего сопротивления" нарушают все законы войны. Они жалуются, что мы их арестовываем. Сталин должен прямо заявить, что если эти "силы" будут продолжать свои нападения на наших солдат, то мы будем их расстреливать.

В конечном итоге, с чисто военной точки зрения, варшавское правительство оказывается полезным, а лондонское правительство и его агенты в Польше - вредными. Конечно, военные люди всегда будут поддерживать то правительство, которое обеспечивает порядок и спокойствие в тылу, без чего невозможны успехи Красной Армии. Покой и порядок в тылу - одно из условий наших успехов. Это понимают не только военные, но даже и невоенные. Так обстоит дело.

Рузвельт предлагает отложить обсуждение польского вопроса до завтра.

Черчилль говорит, что у Советского правительства и британского правительства различные источники информации. Британское правительство не считает, что люблинское правительство представляет хотя бы $^{1}/_{3}$ польского народа. Таково мнение британского правительства. Конечно, тут возможна ошибка. Нельзя, разумеется, верить каждому рассказу людей, приезжающих из Польши. Британское правительство хочет соглашения, так как опасается, что столкновения польской подпольной армии с люблинским правительством могут привести к кровопролитию и многочисленным арестам. Британское правительство признает, что нападения на Красную Армию в тылу недопустимы. Однако британское правительство не может считать, что у люблинского правительства имеются какие-либо основания рассматривать себя как опирающееся на широкую базу, поскольку, по крайней мере, можно судить по имеющейся у британского правительства информации, которая, конечно, может быть и небезупречна.

Рузвельт заявляет, что польский вопрос в течение пяти веков причинял миру головную боль.

Черчилль говорит, что надо постараться, чтобы польский вопрос больше не причинял головной боли человечеству.

Сталин отвечает, что это обязательно нужно сделать[17].

Запись в дневнике И.М. Майского заметно дополняет официальный протокол.

№ 177

Из дневника И.М. Майского

6 февраля

- Если бы мы разъехались, ничего не достигнув, - заключил Черчилль, - было бы очень грустно. На конференцию легла бы печать неудачи. Нигде это не ощущалось бы более болезненно, чем в Великобритании, которая вступила в войну из-за Польши и для которой вопрос о Польше является вопросом чести.

Теперь наступила очередь Сталина. Я видел, что в течение речей Рузвельта и Черчилля, особенно Черчилля, Сталин приходит в состояние все большего волнения ...

Вдруг Сталин встал (до сих пор он всегда говорил сидя) и сделал широкий жест правой рукой. Ему хотелось выйти из-за стола и начать ходить из угла в угол, как это он часто делает во время бесед в своем кабинете, но он вовремя опомнился и сдержался: на конференции "большой тройки" такая манера была не совсем удобна. Поэтому Сталин лишь отодвинул свое кресло и, освободив таким образом некоторое пространство, с необычной горячностью заговорил:

- Господин Черчилль только что сказал, что вопрос о Польше для британского правительства является вопросом чести. Мне это понятно. Со своей стороны, однако, я должен сказать, что для русских вопрос о Польше является не только вопросом чести, но также вопросом безопасности. Вопросом чести потому, что у русских в прошлом было много грехов перед Польшей. Советское правительство стремится загладить эти грехи. Вопросом безопасности потому, что с Польшей связаны важнейшие стратегические проблемы Советского государства. Дело не только в том, что Польша пограничная с нами страна. Это, конечно, имеет значение, но суть проблемы гораздо глубже. На протяжении истории Польша всегда была коридором, через который проходил враг, нападавший на Россию. Достаточно вспомнить хотя бы последние тридцать лет: в течение этого периода немцы два раза прошли через Польшу, чтобы атаковать нашу страну. Почему враги так легко до сих пор проходили через Польшу? Прежде всего потому, что Польша слаба. Польский коридор не может быть закрыт механически извне только русскими силами. Он мо-

жет быть надежно закрыт только изнутри собственными силами Польши. Для этого нужно, чтобы Польша была сильна. Вот почему Советский Союз заинтересован в создании мощной, свободной и независимой Польши. Вопрос о Польше - это вопрос жизни и смерти для Советского государства ...

Чем дольше говорил Сталин, тем напряженнее становилась тишина за круглым столом, тем мрачнее делались лица Рузвельта и Черчилля ...

Когда я подошел к Черчиллю проститься, он отвел меня слегка в сторону и сказал:

- Я очень огорчен. Сталин слишком неуступчив. В своей последней речи я старался быть возможно более мягким и осторожным. Я говорил о наличии "различной информации"... Но если говорить откровенно, то ежедневно к нам поступает много сведений, которые рисуют внутреннее положение в Польше в крайне мрачном свете: люблинское правительство не пользуется популярностью, многие его ненавидят, идут массовые аресты и высылки в Сибирь всех инакомыслящих, все держится на ваших штыках ...

Приведем далее фрагменты из дневника И.М. Майского и воспоминаний У. Черчилля, имеющие отношение как к обсуждению польского вопроса, так и особенностям дискуссии, характерной для Крымской конференции.

№178

Из дневника И.М. Майского

7 февраля

...В 4 часа открылось четвертое заседание "большой тройки" в обычном составе, в основном посвященное двум вопросам: Думбартон-Окс и Польша ...

...Слово взял Молотов. Он сказал, что советская делегация удовлетворена вчерашним докладом Стеттиниуса и теми дополнительными разъяснениями, которые были сделаны Рузвельтом и Черчиллем. Поэтому советская делегация готова принять предложение президента по вопросу о голосовании в Совете Безопасности[18]...

Вздох облегчения пронесся по рядам англичан и американцев. На многих лицах заиграла улыбка.

- Однако, - продолжал Молотов, - в данной связи я должен высказать одно пожелание, о котором уже шла речь [в] Думбартон-Окс[е], хотя и в несколько иной форме. Советское правительство считало бы правильным, чтобы среди членов-учредите-

лей новой Международной Организации Безопасности были также три или, по крайней мере, две союзные республики, - напр[имер] Украина, Белоруссия, Литва. Эти республики первыми подверглись нападению со стороны врага. Они героически боролись и понесли тяжелые жертвы. Они заслуживали бы поэтому того, чтобы с самого начала стать активными участниками МОБ.

Выступление Молотова произвело сильное впечатление.

Рузвельт в порядке уточнения спросил, что имеет в виду Молотов, предлагая признание трех советских республик членами-учредителями: их участие в Ассамблее?

Молотов ответил на этот вопрос утвердительно и затем сослался на прецедент с британскими доминионами: они тоже подходили к участию в международной жизни постепенно и только в наши дни стали играть в ней вполне активную роль. Того же следует ожидать от Украины, Белоруссии, Литвы...

...Глядя перед собой, он [Рузвельт. - *О.Р.]* произнес довольно длинную речь на тему о том, что более богатые и развитые нации должны придти на помощь более бедным и отсталым.

- Надо поднять покупательную способность бедных народов, - говорил Рузвельт. - Возьмите, напр[имер], Иран. До прихода турок Иран имел лес, имел воду, страна была зажиточна. Но пришли турки и все это погубили. Иран стал безводной и безлесной пустыней. Он может очень мало покупать... Есть страны, которые имеют много угля и много водяных ресурсов для развития гидроэлектричества, и есть страны, где нет ни угля, ни водных ресурсов. Эти страны страдают, они бедны. Надо ликвидировать фаворитизм между странами... Я слушал и не верил свои ушам.

А Рузвельт тем временем заключил:

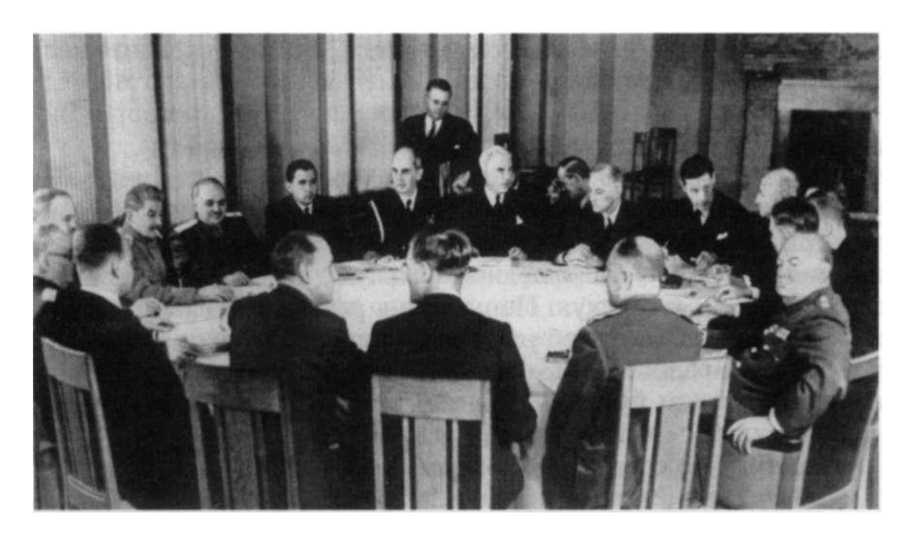
- Этим вопросом должна заняться будущая организация международной безопасности.

[Черчилль] вежливо слушал президента, но на лице премьера были написаны скука и затаенная ирония. Сталин молчал и рисовал фигурки в блокноте.

№179

Из воспоминаний У. Черчилля

Как раз перед нашим последним плодотворным заседанием, 10 февраля, Иден и я имели конфиденциальную беседу со Сталиным и Молотовым в Юсуповском дворце, во время которой я снова разъяснил, какие трудности у нас возникают в связи с тем, что у нас нет в Польше представителей, которые могли бы



Крымская (Ялтинская) конференция руководителей СССР, США и Великобритании

информировать нас о происходящем. Речь шла либо о после со штатом посольства, либо о корреспондентах газет. Последнее было менее желательно. Я указал, что в парламенте меня спросят относительно люблинского правительства и выборов, и я должен буду иметь возможность сказать, что я в курсе событий.

"После того как новое польское правительство будет признано, у вас будет возможность отправить посла в Варшаву", - ответил Сталин.

"Сможет ли он свободно передвигаться по стране?"

"Что касается Красной Армии, то никакие помехи его передвижениям чиниться не будут, и я обещаю дать необходимые указания. Однако вы должны будете сами договориться с польским правительством".

Сталин указал также, что де Голль имеет представителя в Польше.

Затем мы согласились добавить следующую фразу к нашей декларации:

"Как следствие вышеуказанного, признание должно предусматривать обмен послами, по докладам которых соответствующие правительства будут осведомлены о положении в Польше".

Это было наибольшее, чего мне удалось добиться[19].

По Польше конференция приняла следующее решение:

№ 180

О Польше

Мы собрались на Крымскую Конференцию разрешить наши разногласия по польскому вопросу. Мы полностью обсудили все аспекты польского вопроса. Мы вновь подтвердили наше общее желание видеть установленной сильную, свободную, независимую и демократическую Польшу, и в результате наших переговоров мы согласились об условиях, на которых новое Временное Польское Правительство Национального Единства будет сформировано таким путем, чтобы получить признание со стороны трех главных держав.

Достигнуто следующее соглашение:

"Новое положение создалось в Польше в результате полного освобождения ее Красной Армией. Это требует создания Временного Польского Правительства, которое имело бы более широкую базу, чем это было возможно раньше, до недавнего освобождения Западной части Польши. Действующее ныне в Польше Временное Правительство должно быть поэтому реорганизовано на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы. Это новое правительство должно затем называться Польским Временным Правительством Национального Единства.

В.М. Молотов, г-н У.А. Гарриман и сэр Арчибальд К. Керр уполномочиваются проконсультироваться в Москве как Комиссия в первую очередь с членами теперешнего Временного Правительства и с другими польскими демократическими лидерами как из самой Польши, так и из-за границы, имея в виду реорганизацию теперешнего Правительства на указанных выше основах. Это Польское Временное Правительство Национального Единства должно принять обязательство провести свободные и ничем не воспрепятствованные выборы как можно скорее на основе всеобщего избирательного права при тайном голосовании. В этих выборах все антинацистские и демократические партии должны иметь право принимать участие и выставлять кандидатов.

Когда Польское Временное Правительство Национального Единства будет сформировано должным образом в соответствии с вышеуказанным, Правительство СССР, которое поддерживает в настоящее время дипломатические отношения с нынешним Временным Правительством Польши, Правительство Соединенного Королевства и Правительство США установят дипломатические отношения с новым Польским Временным Правительст-

вом Национального Единства и обменяются послами, по докладам которых соответствующие правительства будут осведомлены о положении в Польше.

Главы Трех Правительств считают, что Восточная граница Польши должна идти вдоль линии Керзона с отступлениями от нее в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши. Главы Трех Правительств признают, что Польша должна получить существенные приращения территории на Севере и на Западе. Они считают, что по вопросу о размере этих приращений в надлежащее время будет спрошено мнение нового Польского Правительства Национального Единства и что вслед за тем окончательное определение Западной границы Польши будет отложено до мирной конференции"[20].

Решение по Югославии было согласовано без осложнений.

№ 181

О Югославии

Мы признали необходимым рекомендовать Маршалу Тито и д-ру Шубашичу немедленно ввести в действие заключенное между ними Соглашение и образовать Временное Объединенное Правительство на основе этого Соглашения.

Было решено также рекомендовать, чтобы новое Югославское Правительство, как только оно будет создано, заявило:

I) что Антифашистское Вече Национального Освобождения Югославии будет расширено за счет включения членов последней югославской Скупщины, которые не скомпрометировали себя сотрудничеством с врагом, и таким образом будет создан орган, именуемый Временным Парламентом;

II) что законодательные акты, принятые Антифашистским Вече Национального Освобождения, будут подлежать последующему утверждению Учредительным Собранием[21].

Успех Ялтинской конференции был очевиден и признан во всем мире. Для Советского Союза особое значение имели признание его границ на западе по состоянию на начало Великой Отечественной войны и условия вступления в войну против Японии. В соглашении, подписанном руководителями трех держав, предусматривалась гарантия независимости Монгольской Народной Республики, восстановление принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно возвращение СССР южной части Сахалина, интернационализация Дайрена и восстановление аренды на Порт-Артур, как на военно-морскую базу СССР, передача Советскому Союзу Курильских

островов и ряд других менее значимых условий. Решение о пересмотре конвенции о Черноморских проливах решили передать на рассмотрение министров иностранных дел.

После окончания конференции Черчилль побывал в Севастополе, где находился английский пароход "Франкония", который прибыл туда на случай, если для размещения английской делегации не окажется достаточно "жилой площади". Черчилль посетил места сражений Крымской войны 1853-1856 гг., могилу лорда Реглана и был удивлен "заботливостью и вниманием, с которыми за ней ухаживали русские"[22].

14 февраля на аэродроме перед возвращением в Англию Черчилль сделал следующее заявление:

№ 182

Выступление премьер-министра Великобритании г-на У. Черчилля перед микрофоном кинохроники на аэродроме в Крыму 14 февраля 1945 года

Генерал-полковник Ермаченков, офицеры и солдаты Русской Армии и Военно-Воздушных Сил, офицеры и солдаты Королевских Военно-Воздушных Сил, собравшиеся здесь.

С тех пор, как двенадцать дней тому назад мы приземлились на этом аэродроме в разоренном войной Крыму, в мире произошли большие события. Постоянная дружба и сотрудничество трех великих держав были провозглашены более точно и более авторитетно, чем когда-либо раньше. Теперь нам предстоит вступить в сердце вражеской страны и сокрушить навсегда отвратительную нацистскую тиранию, которая грозила воспрепятствовать движению человечества вперед, его дальнейшему прогрессу. Противник поставил свои преграды на этом пути, и все наши народы вместе, наши три народа и многие другие нации мира, сокрушили эти преграды. В авангарде всей этой борьбы советские армии покрыли себя неувядаемой славой. Мы все обязались работать вместе после окончания нынешней войны для того, чтобы обеспечить более счастливую жизнь и рост благосостояния широких масс народа в каждой стране, для того, чтобы нации получили возможность жить в мире, не боясь больше подлой агрессии, жестокой агрессии, никогда не подвергаясь больше тяготам войны. Перед нами открылись перспективы. Давайте же посвятим достижению этого наши объединенные усилия, наши непоколебимые намерения, нашу неиссякаемую жизненную энергию.

Я рад, что мы сегодня собрались здесь все вместе и что подразделение Королевских Военно-Воздушных Сил, которое находилось здесь с Вами, имело возможность узнать, что представляет собой действительное русское гостеприимство.

Это семена урожая, который в будущем соберут другие поколения. Эти поколения будут пользоваться плодами нынешних усилий своих отцов.

Я благодарю всех вас, и, покидая землю России, воскресший Крым, очищенный от гуннов благодаря русской доблести, покидая советскую территорию, я выражаю всем вам и вашим руководителям и особенно вашему великому вождю, Верховному Главнокомандующему Маршалу Сталину, благодарность и восхищение доблестным русским народом и его армией, испытываемое британской расой, разбросанной по всему миру, по всем океанам и всем частям земного шара. Мы молимся, чтобы никогда русский народ больше не подвергался тяжелым испытаниям, из которых он вышел с такой славой.

Многие исследователи, оценивая результаты Крымской конференции, не без оснований характеризуют ее как "высшую точку" сотрудничества СССР, США и Великобритании в годы второй мировой войны"[23].

Через шесть месяцев предстояла Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав (17 июля - 2 августа 1945 г.) - последняя встреча Сталина и Черчилля.

Крупнейшим международным событием за эти месяцы явилась капитуляция в ночь с 8-го на 9-е мая 1945 г. вооруженных сил гитлеровской Германии и завершение войны в Европе. В столицах, других городах и селах Европы, многих стран мира миллионы людей вышли на улицы, чтобы торжественно отметить это историческое событие. Наступили праздничные дни. Но не для Черчилля. В своих воспоминаниях он писал:

№183

Из воспоминаний У. Черчилля

Когда я пробивался сквозь толпы ликующих лондонцев в час их радости, вполне заслуженной после всего того, что им пришлось пережить, мой ум занимали опасения за будущее и многочисленные сложные проблемы. В этом сиянии славы большинству из них казалось, что гитлеровская опасность со всеми ее тяжелыми испытаниями и лишениями канула в прошлое. Грозный враг, с которым они сражались более пяти лет, безоговорочно капитулировал. Единственное, что оставалось сделать трем державам-победительницам, это установить справедливый и прочный мир, охраняемый всемирным органом, вернуть солдат на родину к истосковавшимся по ним родным и близким и вступить в золотой век процветания и прогресса. Это минимальное - думали народы этих стран.

Однако у медали имелась оборотная сторона. Еще не была побеждена Япония. Атомная бомба еще не родилась. Мир был в смятении. Основа связи - общая опасность, объединявшая великих союзников, - исчезла мгновенно. В моих глазах советская угроза уже заменила собой нацистского врага"[24].

В эти же месяцы произошли и иные события, которые оказали влияние на последующие десятилетия мировой истории, развернули ее от курса на сотрудничество трех союзных держав к конфронтации Великобритании и США с Советским Союзом.

Первое из них - кончина 12 апреля 1945 г. президента США Ф. Рузвельта - последовательного сторонника демократического устройства послевоенного мира, сотрудничества с СССР, арбитра в дискуссиях Большой тройки, конфликтах между Сталиным и Черчиллем, признанного выдающимся государственным деятелем и советским руководством. Кончина Рузвельта привела к смене политического курса США, советско-американскому противостоянию и опасности нового мирового конфликта.

Второе - обострение с разгромом Германии борьбы СССР, Великобритании и США за послевоенные сферы влияния в Европе и мире. В этой борьбе каждая из стран преследовала свои геополитические цели. Советский Союз стремился включить в орбиту своего влияния страны, освобождаемые Красной Армией, прежде всего приграничные СССР государства, способствуя установлению здесь власти дружественных СССР правительств. Великобритания ставила целью вновь обрести при поддержке США свои довоенные позиции в этих странах, добиться прихода в них к власти правительств прозападной ориентации, что рассматривалось советским руководством как угроза возрождения "санитарного кордона" и потенциальной военной опасности на границах СССР.

Третье - изменение соотношения военных сил между великими державами в результате монопольного овладения США атомным оружием. Расчеты на его использования в качестве средства политического давления и военных угроз привели к послевоенной гонке вооружений, череде локальных войн и военно-политических кризисов международного масштаба.

Воздействие указанных изменений на межсоюзнические отношения и международную обстановку было однозначно негативным. Этому противостояли сложившиеся в годы войны отношения многостороннего сотрудничества великих держав, их совместных усилий и жертв в борьбе с общим врагом, направленные на дальнейшее развитие экономического, политического и военного сотрудничества. Борьба этих двух тенденций во многом определяла ход не только событий в период от Крымской до Берлинской конференций, но и мировой политики в послевоенные десятилетия.

Рассмотрим нараставшие противоречия с привлечением некоторых малоизвестных документов.

Яростное отрицание Черчилля вызывало развитие событий в странах Восточной Европы. О Польше он писал: "Единственное, что мы

получили до сего времени, это крах и пепел, и они единственное, что осталось нам сегодня от национальной свободы Польши"[25]. Что же произошло со времени Крымской конференции в самой Польше? "Люблинское" правительство следовало в русле советской политики, укреплявшей свои позиции в странах, освобожденных Красной Армией. В каждой из них смена довоенных режимов поддерживалась либо большинством, либо значительной частью населения. Так было и в Польше. Но различие взглядов на будущее Польши оказалось непреодолимым препятствием в англо-советских отношениях. Каждая сторона несла за это свою долю ответственности.

Камнем преткновения стал вопрос о составе польского Временного правительства национального единства. Его создание было предусмотрено решением Ялтинской конференции и возложено на "комиссию трех" из представителей СССР, США и Англии. Не было ясности и относительно западной границы Польши, против советского предложения о которой возражала Англия. Со своей стороны в Москве одно за другим принимались решения, направленные на установление в Польше власти "люблинских", теперь уже "варшавских", поляков. Сами они соглашались лишь на частичное разбавление (формула С. Миколайчика была 50 на 50%) преобразованного на основе ПКНО Временного правительства, в одностороннем порядке признанного де-юре Советским Союзом 5 января 1945 г. Великобритания и США оставили без ответа предложение этого правительства об установлении с ним дипломатических отношений. Бесплодность работы "комиссии трех", односторонние действия "лондонских" и "варшавских" поляков указывали на невыполнение как английской, так и советской стороной достигнутой договоренности на октябрьской 1944 г. встрече в Москве и решений Ялтинской конференции.

1 апреля 1945 г. Сталин получил от Рузвельта послание с выраженным несогласием с советской позицией по польскому вопросу. В послании в необычной для их переписки категоричной форме говорилось: "Я должен пояснить Вам исчерпывающим образом, что любое такое решение, которое привело бы к несколько замаскированному продолжению существования нынешнего варшавского режима, было бы неприемлемо и заставило бы народ Соединенных Штатов считать, что соглашение, достигнутое в Ялте, потерпело неудачу"[26].

Западные союзники выступили "единым фронтом" по польскому вопросу, требуя от советской стороны выполнения ялтинских соглашений в том виде, как они их понимали. Крайнее раздражение в Лондоне и Вашингтоне вызвал арест советскими властями 16 руководителей Армии Крайовой во главе с ее командующим генералом Л. Окулицким (бывшим начальником штаба армии Андерса в СССР), отряды которой действовали в тылах Красной Армии[27].

Новым сигналом о серьезном ухудшении англо-советских отношений явился следующий разговор И.М. Майского с британским послом Керром.

№184

Из дневника И.М. Майского.
Разговор с Керром 4 апреля с.г. (1945)

Этот разговор, собственно, начался вечером 3 апреля в Большом Театре, но закончен он был только 4-го, после завтрака у тов. Молотова и Жемчужиной[28] в честь миссис Черчилль[29]. Поэтому излагать его я буду суммарно.

Разговор начался с того, что Керр, касаясь постановки [оперы] "Князь Игорь", на которой мы присутствовали вместе с миссис Черчилль, обнаружил большое знакомство с характерами и качествами наших артистов. Я полушутя заметил:

- Ну, Вы стали совсем москвичом. Кстати, ведь, кажется, недавно исполнилось 3-летие с момента Вашего назначения послом в СССР?

- Да, - отвечал Керр, - я уже 3 года нахожусь в Москве.

И затем, помолчав немного, Керр неожиданно прибавил:

- Пора уходить...

Я удивленно посмотрел на Керра и спросил:

- Почему уходить? Я вот был послом в Англии целых 11 лет... А Вы у нас всего 3 года... Или Вам предельный возраст мешает?

В дополнение я должен заметить, что на английской дипломатической службе предельный возраст для дипломатов 60 лет, однако из этого общего правила довольно часто делаются исключения, если они оправдываются качествами дипломата или политическими соображениями.

- Нет, - ответил Керр, - вопрос о предельном возрасте меня не беспокоит, и я просто сильно устал. И потом я перестал многое понимать, - может быть, потому, что я устал.

Керр помолчал немного и затем с некоторым раздражением прибавил:

- Здесь, в Москве, на моем месте, сейчас нужен свежий человек, свежий ум - ему, вероятно, легче будет понимать, что происходит.

Я выразил еще большее изумление и спросил Керра, чего он не понимает? И чем он вообще недоволен?

В ответ Керр пустился в длинные рассуждения о том, что в англо-советских отношениях все время наблюдаются какие-то резкие скачки настроений. Вот, кажется, все идет хорошо, все налажено, все текущие вопросы урегулированы, - и вдруг крутой провал: выскакивает какой-то неожиданный конфликт по какому-нибудь неожиданному поводу. За первым конфликтом следует второй, за вторым третий, и т.д., - и притом все по таким по-

водам, которые, как кажется Керру, совсем не должны были бы вызывать никаких конфликтов. Атмосфера англо-советских отношений внезапно меняется, становится колючей, напряженной. Так продолжается некоторое время. Затем происходит что-нибудь важное, встреча 3-х лидеров или открытие второго фронта, или еще что-нибудь, - и англо-советские отношения выравниваются, становятся дружественными, даже теплыми. И дальше опять какой-то непонятный и резкий скачок вниз. Все это очень тяжело и утомительно. Самое же главное это то, что скачкообразный характер англо-советских отношений рождает неуверенность за их будущее.

Я возразил, что слова Керра меня чрезвычайно удивляют. Он старый дипломат и должен хорошо понимать, что существо отношений между двумя странами определяется их главными, основными интересами. Если эти интересы создают реальную базу для сближения и сотрудничества, то все остальное имеет уже второстепенное значение. Я считаю, - надеюсь, что и Керр тоже считает, - наличие такой базы в англо-советских отношениях бесспорным. Раз так, то Керру нет оснований впадать в пессимизм. Конечно между нашими странами имелись, имеются и будут иметься различные конфликтные моменты, - какие страны их не имеют? Но, поскольку я могу оценить, все они носят преходящий характер. Дипломаты как раз за тем и существуют, чтобы своими усилиями рассасывать и устранять подобные конфликты. Мне кажется странным также, что Керр - столь опытный, видавший виды дипломат - падает духом перед лицом совсем уж не таких грозных препятствий. Что это за трудности в самом деле? Вот, если бы Керр побывал в моей шкуре, когда я был послом в Лондоне, то он понял бы, что его нынешнее положение является просто райским состоянием.

Керр ответил несколькими комплиментами по поводу моей выдержанности, и затем опять перешел к жалобам. Его очень смущает то, что произошло после Крымской конференции. Казалось, что атмосфера в Ливадии была самая дружественная и теплая. По всем вопросам было достигнуто соглашение. Со всех сторон чувствовалось желание найти общий язык. Керр стал было уже думать о том, что наконец-то в англо-советских отношениях настал "золотой век". С тех пор прошло всего лишь 2 $^{1}/_{2}$ месяца, а сколько разочарований![30] ... Самое неприятное - это даже не те расхождения, которые обнаружились между нами. Самое неприятное - это тон ваших нот и посланий. Почему в них так много какой-то специфической заостренности? Разве нельзя говорить о разногласиях в более спокойных и дружеских выражениях? Вы знаете, что Черчилль человек весьма эмоциональный. Ваш тон

вызывает в нем ответную реакцию. Я получил от премьер-министра в последние дни несколько телеграмм, которые свидетельствуют о том, что он очень возбужден и обескуражен. Я боюсь какого-нибудь неожиданного взрыва.

Я ответил, что эмоциональность Черчилля мне хорошо известна из опыта. Но мне также хорошо известно, что у Черчилля большой государственный ум. Мне самому не раз приходилось наблюдать его первоначальные бурные реакции на какие-либо ноты или послания, которые я ему передавал. Однако спустя известное время эмоция уступала место политическому расчету и в конце концов нам удавалось находить общий язык. Я не вижу, почему сейчас должно быть иначе.

Керр пожал плечами и сказал:

- Я не столь хладнокровен, как Вы. И я должен повторить еще раз, что просто не понимаю, почему после Крымской конференции происходит то, что происходит?

- Я порекомендовал Керру меньше огорчаться и более объективно подойти к возникшим осложнениям. Если он последует моему совету, то я уверен - его большой дипломатический опыт подскажет ему, что надо делать[31].

После смерти Рузвельта, на похоронах которого Черчилль отсутствовал, последовал целый каскад недружественных, если не сказать враждебных, британских акций по отношению к СССР. В секретной переписке с Трумэном английский премьер начинает использовать по адресу СССР и Красной Армии такие термины, как "железный занавес", "захватчики", "оккупанты". Командованию вооруженных сил направляются директивы о поддержании боевой готовности авиации, приостановке демобилизации оставшихся войск вермахта. Как выяснилось позднее, в эти же дни начальник имперского генерального штаба получил распоряжение исследовать возможность открытых военных действий против России. 13 мая 1945 г. в выступлении по радио Черчилль призвал англичан к бдительности ввиду угрозы восстановления в Европе власти "тоталитарных или полицейских правительств". Главного "виновника" создавшегося положения Черчилль пока еще не решился открыто назвать. Но и без того многим было ясно, что имеется в виду Советский Союз. Если учесть, что согласно опросам общественного мнения в 1945 г. около 70% англичан дружественно относились к СССР (к США - 45 %)[32], то имеется достаточно оснований предположить, что курс Черчилля на конфронтацию с СССР явился одной из причин потери консервативной партией парламентского большинства на выборах 5 июля 1945 г. и утраты Черчиллем поста премьер-министра.

Через три дня после выступления Черчилля по британскому радио последовала его встреча с советским послом Ф. Гусевым, которая еще более накалила обстановку.

№185

Телеграмма из Лондона
Получена в Москве 19 мая 1945 года

Во время приема [советском] в посольстве 16 мая миссис Черчилль пригласила меня с женой к себе на квартиру на завтрак 18 мая.

На завтраке были: сам Черчилль, миссис Черчилль, Керр и я с женой.

Миссис Черчилль с восхищением рассказывала о своей поездке в СССР и произнесла краткую речь, в которой отметила большую заботу, проявленную Советским правительством, всеми лицами в тех местах, где она была, а также и теми, кто ее сопровождал. Миссис Черчилль просила меня передать ее глубокую благодарность Советскому правительству и всем советским представителям, которые так много сделали для нее во время пребывания в СССР.

В своем ответе миссис Черчилль я сказал, что я очень рад, что ее визит в СССР был приятным и полезным и она могла при этом ознакомиться, в каких трудных условиях живет советский

Клементина Черчилль в Ленинградском педиатрическом институте, май 1945 года

народ во время войны. Я обещал миссис Черчилль передать ее благодарность.

Во время завтрака были произнесены тосты за дружбу между народами, правительствами и руководителями СССР и Великобритании, за совместную победу. Завтрак прошел в дружественной атмосфере, и только в конце завтрака и после того, как миссис Черчилль и моя жена удалились в другую комнату, а мы остались с Керром вместе с Черчиллем, он начал свою речь.

Черчилль заявил, что сейчас он ведет переписку с президентом Трумэном об очередной встрече глав трех правительств где-либо на территории Германии. На мой вопрос, какое место в Германии имеется в виду, Черчилль сказал, что можно было бы подыскать какой-либо небольшой пункт, например, Иена, где можно было бы обеспечить безопасность. Черчилль считает, что было бы очень хорошо организовать встречу в середине июня. Трумэн в принципе согласен, но он предлагает организовать встречу в конце июня. Я спросил Черчилля, внесены ли конкретные предложения на рассмотрение маршалу Сталину. Черчилль ответил, что как только ему удастся договориться с Трумэном о приблизительной дате встречи, то он немедленно пошлет телеграмму маршалу Сталину. Черчилль добавил, сказав, что он не уверен, пожелает ли маршал Сталин встретиться. Черчилль считает, что теперь, когда победа достигнута, перед союзниками возникло так много больших вопросов, что без личной встречи руководителей трех стран невозможно лишь с помощью телеграмм разрядить весьма напряженную обстановку. Черчилль вновь подчеркнул, что он считает положение весьма напряженным и встрече трех он придает исключительно важное значение. От этой встречи зависит будущее мира, будущие отношения между тремя странами. Одно из двух, - сказал Черчилль, - или мы сможем договориться о дальнейшем сотрудничестве между тремя странами, или англо-американский единый мир будет противостоять Советскому миру и сейчас трудно предвидеть могущие быть результаты, если события будут развиваться по второму пути. При этом Черчилль повысил голос и продолжал, - мы полны жалоб (протестов) (We are full of complaints).

Я спросил Черчилля, какие жалобы он имеет в виду. Черчилль начал перечислять повышенным голосом и с раздражением следующие вопросы:

1) Триест. Тито подкрался к Триесту и хочет завладеть им. Черчилль показал руками на столе, как Тито подкрадывается к Триесту. Мы не позволим, - прорычал Черчилль, - чтобы территориальные вопросы решались путем захвата, а не на мирной конференции. Мы и американцы едины в своей решимости и счи-

таем, что все территориальные вопросы должны решаться на мирной конференции. Я заметил, что, поскольку мне известно, Тито не претендует на решение территориальных вопросов сейчас. Черчилль, не обращая внимания на мои слова, продолжал: Тито не желает отводить свои войска из Триеста. Положение в этом районе весьма напряженное. Армии стоят друг против друга. В любое время могут возникнуть большие неприятности, если не будет проявлено благоразумие. Триест входит в нашу зону оккупации и, как порт, он должен стать международным под итальянским флагом. Этот порт должен обслуживать нужды оккупационных войск в Австрии. Покойный Рузвельт придерживался той точки зрения, что Триест должен быть международным портом под итальянским флагом. Черчилль еще раз упомянул о серьезности положения в районе Триеста, добавив, что со своей стороны он предпринял необходимые меры по усилению концентрации воздушных сил.

2) Прага. Вы не пускаете наших представителей в Прагу, - заявил Черчилль. Нашему послу, аккредитованному при правительстве Бенеша, не разрешили въезд в Чехословакию, нашим самолетам не разрешают прилетать в Прагу.

Я заметил, что только вчера Рипка и другие представители чехословацкого правительства вылетели на британском самолете из Лондона в Прагу.

Вы хотите создать для себя какое-то исключительное право во всех столицах, где находятся Ваши войска. Британское правительство само не может понять и не может объяснить британскому народу такую позицию Советского Правительства, имея в виду, что мы обязались быть друзьями и сотрудничать друг с другом. Я готов разрешить Вашим представителям в любом количестве посещать какие угодно пункты в Италии, в Германии, в Дании, здесь в Англии, где угодно. А почему Вы не можете проявить одинакового отношения к британской нации? Мы - британцы - представляем из себя достойную нацию, и мы не позволим, чтобы нас третировали.

Не желая выслушивать каких-либо замечаний, Черчилль перешел к следующему пункту.

3) Вена. Вы не пускаете нас в Вену. Наши представители сейчас, после окончания войны, не могут посмотреть на месте, что им предлагают для расквартирования своих солдат в Вене.

Я остановил Черчилля и заявил ему следующее: Еще в прошлом году Европейская Консультативная Комиссия выработала соглашение о зонах оккупации в Германии и управлении "Большим Берлином". Правительства утвердили это соглашение. Одновременно с этим Европейская Консультативная Комиссия

начала обсуждение вопросов, связанных с Австрией, и вот уже в течение 10 месяцев ведутся переговоры. Комиссия была уже близка к соглашению о зонах оккупации в Австрии и в городе Вене. Но по инициативе британской и американской делегаций переговоры были приостановлены. Советская делегация согласна продолжать обсуждение, но не по ее вине переговоры были приостановлены.

Почему Вы не разрешаете нашим представителям посетить Вену? - заявил Черчилль. Мы обратились к Советскому правительству с просьбой разрешить нашим представителям посетить Вену, а оно отослало нас опять в Европейскую Консультативную Комиссию. Теперь, когда закончилась война, какими мотивами можно объяснить отказ Советского правительства нашим представителям посетить Вену?

Я заявил, что Советское правительство полагало, что обсуждение вопросов на Европейской Консультативной Комиссии было бы наиболее быстрым путем достижения соглашения. Если каждая из делегаций будет отбирать себе квартиры по своему собственному желанию, то вряд ли можно было бы достигнуть соглашения в ближайшее время. Мы уже ведем переговоры в течение 10 месяцев. Сколько же времени потребуется еще для того, чтобы закончить переговоры?

Я полагаю, - говорит Черчилль, - посадить Европейскую Консультативную Комиссию вместе с военными советниками на самолет и отправить в Вену для того, чтобы представители четырех держав на месте достигли соглашения. Это является моим предложением, - заявил Черчилль.

Я заметил, что вряд ли такой путь был бы наиболее быстрым в достижении соглашения.

Вы создали австрийское правительство, - сказал Черчилль.

Я заметил, что Советское правительство не создавало правительства в Австрии, а лишь не препятствовало австрийцам создать правительство, которое могло бы оказать помощь в борьбе против немцев.

Черчилль заявил, что он не критикует австрийское правительство. Может быть, оно и не плохое, но создано оно сепаратно от союзников.

4) Берлин. Вы не пускаете нас в Берлин. Вы хотите сделать Берлин своей исключительной зоной.

Я заявил, что утверждения Черчилля не имеют основания, так как мы имеем соглашение о зонах оккупации и управлении "Большим Берлином"... Мы не претендуем на то, чтобы посылать кого-либо в те районы, которые предназначены для оккупации советскими войсками, а сейчас там находятся союзные

войска. Черчилль вновь повторил, что он готов разрешить какому угодно количеству советских представителей посещение любых мест.

Черчилль перешел к вопросу о Польше и говорил с еще большим раздражением...

5) Польша. Черчилль заявил, что польские дела все ухудшаются и сейчас он не видит пути к удовлетворительному решению. Мы назвали польских кандидатов для переговоров, а Вы посадили их в тюрьму. Парламент и общественность проявляют большую тревогу. Парламент настойчиво требует новых прений по польскому вопросу и, по-видимому, после 10-дневного перерыва в заседаниях правительство должно предоставить отчет о состоянии польских дел.

Черчилль предполагает, что этими прениями будет выражено сильное негодование британской нации и он будет находиться в затруднении, как ему успокоить общественное мнение. Он намерен успокоить парламентское общественное мнение обещанием предстоящей встречи трех, если к этому времени удастся получить согласие маршала Сталина. Говоря об этом еще год тому назад, он согласился на линию Керзона, он полагал, что это будет являться большим вкладом в дело соглашения по польскому вопросу, но на деле оказалось не так. Далее Черчилль глухо упомянул о том, что, решая удовлетворительным образом польский вопрос, можно было бы одновременно решить и прибалтийские дела.

Не желая выслушать моих замечаний, Черчилль вновь перешел к характеристике серьезности общего положения.

Ваш фронт проходит от Любека до Триеста, Вы держите в своих руках столицы и никого туда не пускаете, положение в Триесте угрожающее, польские дела загнаны в тупик, общая атмосфера накалена - все это не может не вызвать у нас тревогу.

Я заявил Черчиллю, что ему хорошо известна позиция Советского правительства, которое не предъявляет каких-либо территориальных претензий и не претендует на европейские столицы. Наш фронт не проходит до Триеста. Там войска маршала Тито. Мы не отвечаем за действия Тито. Он и югославский народ своей борьбой заслужили почетное место среди Объединенных наций.

Я знаю, - сказал Черчилль, - Вы являетесь великой нацией и своей борьбой заслужили равное место среди великих держав, но и мы - британцы - являемся достойной нацией, и мы не позволим, чтобы с нами обращались грубо и ущемляли наши интересы. Я хочу, - сказал Черчилль, - чтобы вы поняли, что мы весь-

ма обеспокоены существующим положением и я приказал задержать демобилизацию воздушного флота.

Черчилль быстро закончил беседу, извинился за свою откровенность и отправился вести переговоры с Эттли о предстоящих выборах в парламент.

Личные соображения сообщу дополнительно.

18/V.45 г. ГУСЕВ

№186

Телеграмма из Лондона Получена в Москве 19 мая 1945 года

ОСОБАЯ

Дополнительно.

Во время своей речи Черчилль говорил о Триесте и Польше с большим раздражением и нескрываемой злобой. По его поведению видно было, что он с трудом сдерживает себя. В его речи много шантажа и угрозы, но это не только шантаж. После выступления Черчилля по радио 13 мая английская пресса взяла новый антисоветский курс в освещении всех европейских событий, пытаясь объяснить все возникшие трудности позицией СССР. Речь Черчилля была директивой для прессы. В парламентских кругах польские агенты ведут разнузданную антисоветскую кампанию и требуют новых прений по польскому вопросу. Иден уже заявил в палате общин, что после каникул состоятся прения по международному положению. Можно ожидать, что эти прения будут превращены в большую антисоветскую демонстрацию с целью нажима на СССР с применением угроз. У нас пока еще нет точных сведений о целях приезда Эйзенхауэра и Монтгомери в Лондон, но имеются основания полагать, что они были вызваны для обсуждения и оценки соотношения военных сил союзников СССР.

Учитывая создавшуюся обстановку, нам необходимо иметь в виду, что мы имеем дело с авантюристом, для которого война является его родной стихией, что в условиях войны он чувствует себя значительно лучше, чем в условиях мирного времени.

18 мая 1945 г. ГУСЕВ[33]

В рассекреченных в 1998 г. документах личного досье Черчилля ключевым является датированный 22 мая 1945 г. план экстренной операции "Немыслимое", подготовленный Объединенным штабом планирования военного кабинета. В плане сформулированы оценка обста-

новки, цели операции, привлекаемые силы, направления ударов войск западных союзников и их вероятные результаты. В приложениях к плану содержатся сведения о дислокации войск Красной Армии (в а английских документах, как правило, употребляется термин "русская армия" - *О.Р.)* и западных союзников, а также картографический материал. Время, когда премьер-министр дал поручение о разработке плана операции не указано, но, учитывая сложность его подготовки, характер и объем самих документов, есть основания полагать, что задание премьер-министра было получено планировщиками не позднее апреля 1945 г.

Заданию предшествовали весьма мрачные размышления и выводы, которые Черчилль воспроизвел в своих мемуарах:

"...во-первых, Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира;

во-вторых, немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения;

в-третьих, этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на восток;

в-четвертых, главная и подлинная цель англо-американских армий - Берлин;

в-пятых, освобождение Чехословакии и вступление американских войск в Прагу имеет важнейшее значение;

в-шестых, Вена, по существу вся Австрия, должна управляться западными державами, по крайней мере на равной основе с русскими Советами;

в-седьмых, необходимо обуздать агрессивные притязания маршала Тито в отношении Италии..."[34]

В апреле 1945 г., когда Вена, Берлин, а затем и Прага оказались вне досягаемости войск западных союзников, тем более актуальным представлялось Черчиллю создание "нового фронта" против Красной Армии.

Разработчики операции, а это был план развязывания войны против СССР, руководствовались следующими исходными установками, которые были даны при получении задания:

- операция будет проводиться в условиях ее полной поддержки общественным мнением в Британской империи и США, а следовательно, высокого морального состояния англо-американских вооруженных сил;
- Великобритания и США получат полную поддержку вооруженных сил Польши (эмигрантского правительства в Лондоне. - ***О.Р.)*** и могут рассчитывать на использование людских резервов Германии и остатков ее промышленного потенциала;
- не следует рассчитывать на поддержку сил других союзных европейских стран, но учитывать вероятность использования их территории и тех средств, необходимость в которых может возникнуть;
- иметь в виду вероятность вступления России в союз с Японией;
- начало военных действий 1 июля 1945 г.

Цель операции заключалась в том, чтобы "принудить Россию подчиниться воле Соединенных Штатов и Британской империи". Конкретно имелось в виду "вытеснить Красную Армию за пределы Польши.

Политические мотивы этого решения в документе не раскрываются. Далее высказывалась мысль о том, что тотальная война является единственным надежным средством достижения цели и для этого необходимо:

а) оккупировать те районы внутренней России, лишившись которых эта страна утратит материальные возможности ведения войны и дальнейшего сопротивления;

б) нанести такое решающее поражение русским вооруженным силам, которое лишит СССР возможности продолжать войну.

Сомнения возникли при рассмотрении вопроса о соотношении сил. "Существующее соотношение сил в Центральной Европе, где русские располагают примерно тройным преимуществом, делают крайне маловероятным достижение союзниками полной и решающей победы".

Для ликвидации "диспропорции", указывается далее, необходимы людские ресурсы союзников, на что потребуется время и, во-первых, размещение и использование в Европе крупных ресурсов США и, во-вторых, перевооружение и реорганизация немецких войск.

"Мы делаем вывод, что:

а) для надежного и прочного достижения нашей политической цели, необходим разгром России в тотальной войне;

б) результат тотальной войны против России непредсказуем, но ясно одно, - чтобы выиграть ее, нам потребуется очень длительное время".

Из дальнейших документов следует, что свои расчеты планировщики преимущественно связывали с достижением успеха в быстротечной войне, неким вариантом нового блицкрига, в результате которого "Россия примет наши условия". Именно этот вариант войны наиболее подробно освещается в плане. Оценивая с этих позиций стратегическую обстановку, авторы плана считали, что наиболее грозным противником для западных союзников являлись сухопутные силы Красной Армии.

В Европе, говорится в докладе, силы Красной Армии сосредоточены преимущественно в центральной ее части. В ходе контрдействий вероятна оккупация ею Хорватии, Греции, Турции, блокада Черноморских проливов, а следовательно и действия военно-морских сил союзников в Черном море.

На Среднем Востоке возникнет крайне опасная ситуация в Персии и Ираке. Почти наверняка Россия предпримет наступление в этом регионе с учетом возможности получения ценных нефтяных ресурсов и исключительного значения для нас этих районов. Примерно одиннадцати советским дивизиям здесь противостоят три бригады наших войск. Практически этот район окажется беззащитным, а утрата его нефтяных источников будет крайне серьезной потерей. Сложности тылового обеспечения и обстановка в Центральной Европе не позволят русским в начальных стадиях конфликта развернуть наступление на Египет. Вместе с тем они будут стремиться организовать беспорядки во всех странах Среднего Востока.

В Индии со стороны России также будут предприняты попытки организации беспорядков, но ее военные действия в этом регионе маловероятны.

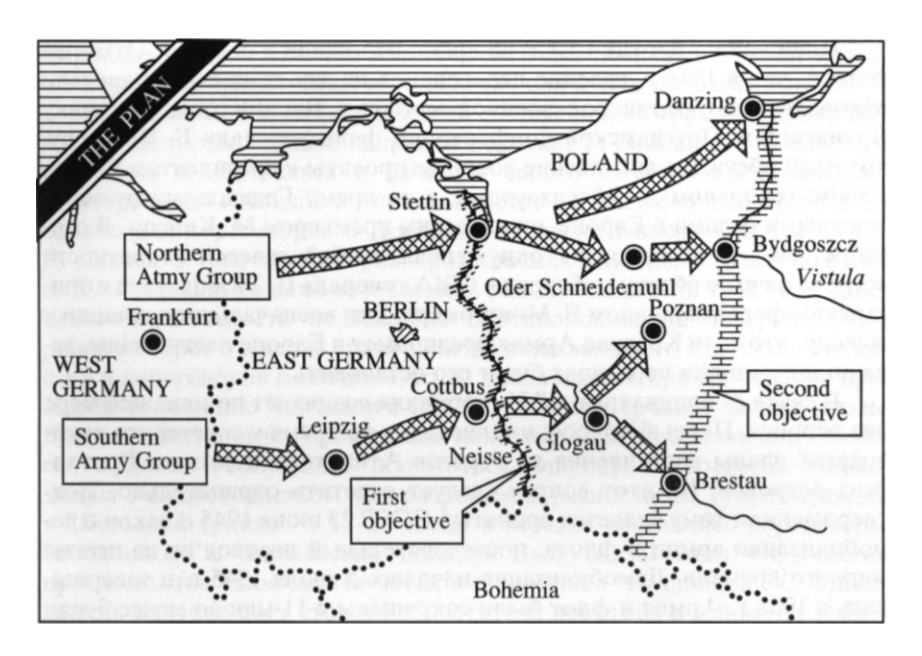


Схема военных действий против СССР согласно плану военной операции "Немыслимое" (см.: Daily Telegraph. 1998. 1 Oct.)

На Дальнем Востоке любое русско-японское соглашение высвободит японские силы для укрепления обороны метрополии или возобновления наступления в Китае. Война союзников против Японии скорее всего зайдет в тупик.

Из этого анализа следовал вывод, что главным театром военных действий будет Центральная Европа и важный для союзников район Персии и Ирака. В Европе наиболее предпочтительным является наступление в северо-восточной ее части, что даст возможность использовать морское преимущество союзников на Балтике, обеспечить левый фланг их армий и оказывать давление на правый фланг противника. Расчеты на успех связывались также с бомбардировками центров коммуникаций на территории СССР и тактическим использованием авиации.

Конкретно указывались два основных направления наступления войск западных союзников: ось Штеттин-Шнейдемюль-Быгдощ и ось Лейпциг-Коттбус-Познань-Бреслау.

Общий вывод о перспективах кампании был пессимистичным:

а) Если мы начнем войну против России, мы должны быть готовы к вовлечению в тотальную войну, которая будет длительной и дорогостоящей.

б) Численный недостаток наших сухопутных сил делает весьма сомнительным ограниченный и быстрый успех, даже если по расчетам его будет достаточно для достижения политической цели[35].

План войны против СССР на время отложили в сторону. Отметим только, что в 1946 г. ведение переговоров на эту тему было поручено руководителю британской военной миссии в Вашингтоне, участнику Ялтинской и Потсдамской конференций фельдмаршалу Г. Вильсону, который обсуждал английские военные проекты с президентом Г. Трумэном, генералом Д. Эйзенхауэром, в то время Главнокомандующим союзными силами в Европе, и канадским премьером М. Кингом. В сентябре 1945 г. последовала окруженная особой завесой секретности встреча на яхте вблизи побережья США генерала Д. Эйзенхауэра с британским фельдмаршалом Б. Монтгомери. Эти военачальники пришли к выводу, что если Красная Армия предпримет в Европе наступление, западные союзники не в силах будут его остановить.

В связи с "инициативами" У. Черчилля возникает по меньшей мере два вопроса. Первый вопрос: имелись ли в то время у советского руководства планы наступления до берегов Атлантики и захвата Британских островов. На этот вопрос следует ответить отрицательно. Подтверждением тому является принятый СССР 23 июня 1945 г. закон о демобилизации армии и флота, последовательный перевод их на штаты мирного времени. Демобилизация началась 5 июля 1945 г. и завершилась в 1948 г. Армия и флот были сокращены с 11 млн до менее 3 млн человек, упразднен Государственный Комитет Обороны, Ставка Верховного Главнокомандования. Количество военных округов в 1945-1946 гг. уменьшилось с 33 до 21. Значительно сократилось количество войск в Восточной Германии, Польше и Румынии. В сентябре 1945 г. советские войска были выведены из северной Норвегии, в ноябре - из Чехословакии, в апреле 1946 г. - с острова Борнхольм (Дания), в декабре 1947 г. - из Болгарии.

Советские военные планы того времени отражали существовавшие реалии. Так, планом обороны страны на 1947 г. ставилась задача обеспечить целостность границ на Западе и Востоке, установленных международными договорами после второй мировой войны, быть в готовности к отражению возможной агрессии противника. С 1949 г. началось постепенное увеличение численности советских вооруженных сил. В острие против острия страна втягивалась в гонку вооружений.

Второй вопрос: знало ли советское руководство о британских планах войны против СССР? На это, пожалуй, можно ответить утвердительно. Советская разведка в Англии была одной из самых эффективных. Косвенно подтверждает это и видный знаток истории советских вооруженных сил профессор Эдинбургского университета Д.Эриксон. По его мнению, план Черчилля помогает объяснить, "почему маршал Жуков неожиданно решил в июне 1945 г. перегруппировать свои силы, получил из Москвы приказ укрепить оборону и детально изучить дислокацию войск западных союзников. Теперь причины понятны: очевидно, план Черчилля стал заблаговременно известен в Москве и сталинский Генштаб принял соответствующие меры противодействия".

Эта история еще требует дальнейшего документального исследования. Но замысел Черчилля действительно был "немыслимым". Личный врач британского премьера лорд Моран позднее утверждал, что поступки

Черчилля "в последний год войны были в значительной степени вызваны нервным и физическим истощением, иначе они необъяснимы"[36].

И тем не менее стороны искали сближения. Г. Трумэн в целях выхода из польского тупика направил в Москву Г. Гопкинса, ближайшего соратника Ф. Рузвельта в качестве своего личного представителя. Одновременно в Лондон в том же качестве и с той же целью Трумэн направил для переговоров с Черчиллем бывшего посла США в СССР Д. Дэвиса. В ходе переговоров, проходивших в Москве с 26 мая по 6 июня 1945 г., было решено возобновить работу "комиссии трех" и предоставить возможность полякам из противоположных лагерей самим решить вопрос о составе правительства национального единства. Что касается переговоров в Лондоне, то Д. Дэвис констатировал "крайне враждебную позицию Черчилля к СССР". Однако Черчилль заявил, что не будет препятствовать проведению политики США в отношении Советского Союза, и согласился "попытаться исчерпать все средства, совместимые с их достоинством, для разрешения разногласий, существующих в "Большой тройке"[37]. 17-21 июня в Москве состоялись переговоры "лондонских" и "варшавских" поляков. Было согласовано, что в состав правительства включаются четыре сторонника "лондонцев". С. Миколайчик получил пост второго заместителя премьера и министра земледелия. (Всего в правительстве был 21 пост.) 28 июня в Варшаве был объявлен состав нового кабинета министров, о признании которого заявили СССР, США, Великобритания, а затем и многие другие страны. Это был значительный, но, как показали дальнейшие события, весьма недолгий успех компромисса между различными политическими силами Польши и за ее пределами, в том числе между Сталиным и Черчиллем, что на время разрядило обстановку и способствовало проведению конференции руководителей трех союзных держав.

Местом встречи избрали Берлин. Поскольку сам город был разрушен, то конференцию решили провести в его пригороде Потсдаме во дворце Цецилиенхоф. Предстояла срочная и сложная работа по подготовке помещения для конференции, размещение и обеспечение работы делегации. Предоставим слово непосредственному организатору этой работы и участнику конференции Маршалу Советского Союза Г.К. Жукову[38].

№ 187

Из воспоминений Г.К. Жукова

Началась извечная спешка с приведением в надлежащий порядок территорий, зданий, путей движения... Американцы выбрали для апартаментов президента и его ближайшего окружения голубой цвет, англичане для У. Черчилля - розовый. Для советской делегации зал был отделан в белый цвет. В парке Сан-Суси соорудили множество клумб, высадили до десяти тысяч различных цветов, многие сотни декоративных деревьев.

13 и 14 июля прибыла группа советников и экспертов делегации Советского Союза.

Среди них - начальник Генерального штаба армии А.И. Антонов, нарком Военно-Морского Флота адмирал Н.Г. Кузнецов, начальник Главного военно-морского штаба С.Г. Кучеров. Наркомат иностранных дел представляли А.Я. Вышинский, А.А. Громыко, С.И. Кавтарадзе, И.М. Майский, Ф.Т. Гусев, К.В. Новиков, С.К. Царапкин, С.П. Козырев. Одновременно прибыл и многочисленный дипломатический аппарат.

16 июля специальным поездом должны были прибыть И.В. Сталин, В.М. Молотов и сопровождающие их лица.

Накануне мне позвонил И.В. Сталин и сказал:

- Вы не думайте для встречи строить всякие там почетные караулы с оркестрами. Приезжайте на вокзал сами и захватите с собой тех, кого Вы считаете нужным...

Я встретил И.В. Сталина около вагона...

После завтрака мною были доложены основные вопросы по группе советских оккупационных войск в Германии и рассказано об очередном заседании Контрольного совета, где по-прежнему наибольшие трудности мы испытывали в согласовании проблем с английской стороной[39].

Делегации США во главе с президентом Г. Трумэном и Великобритании, возглавляемая У. Черчиллем (с 28 июля - К. Этли), прибыли в Берлин 15 июля 1945 г. В их составе были министр иностранных дел США Д. Бирнс, Великобритании - А. Иден (с 28 июля - Э. Бевин), руководители военных ведомств, большая группа дипломатов, охраны и обслуживающего персонала.

Повестка дня конференции предварительно не согласовывалась. О позициях советской и английской делегаций по ряду существенных вопросов свидетельствует беседа В.М. Молотова с А. Иденом, которая состоялась за день до начала конференции.

№188

Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР с министром иностранных дел Великобритании

Потсдам, 16 июля 1945 г., 18 час.

Молотов спрашивает Идена, согласна ли британская делегация начать работу с завтрашнего дня.

Иден отвечает, что Черчилль готов приступить к работе и что он, Черчилль, виделся с Трумэном, который хочет приступить к делу возможно скорее.

Молотов спрашивает, будет ли приемлемо для британской делегации начать заседание завтра в 5 часов дня.

Иден отвечает утвердительно и спрашивает, имеет ли Молотов в виду пленарное заседание глав трех правительств. Британская делегация, естественно, желает возможно скорее закончить работу, так как ее членов ожидает подсчет голосов.

Молотов говорит, что консерваторы, наверное, надеются получить большинство в 2/3 голосов.

Иден отвечает, что консерваторы были бы довольны, если они получили бы перевес в 100 голосов.

Молотов спрашивает Идена, видел ли он Берлин.

Иден отвечает, что он опоздал к Молотову как раз потому, что осматривал Берлин.

Молотов говорит, что разрушения в Берлине колоссальные и что никто до войны не мог себе представить, что так может быть разрушен большой город. Однако немцы этого заслужили.

Иден, соглашаясь с этим замечанием, говорит, что в начале войны Геринг любил подсмеиваться над разрушениями английских городов.

Молотов говорит, что Геринг вел себя в начале войны очень хвастливо, но потом он замолчал, не унимался лишь один Геббельс.

Молотов спрашивает Идена о порядке работы конференции.

Иден отвечает, что Черчиллю очень понравился порядок, который был принят в Крыму.

Молотов говорит, что советская делегация хотела бы дополнить список вопросов, намеченных к обсуждению на конференции. Советская делегация хотела бы включить также в число обсуждаемых вопросов следующие:

1. О разделе германского флота.
2. О репарациях.
3. О подопечных территориях.
4. О Польше.
5. Об отношениях с сателлитами.
6. Об Испании.
7. О Танжере.
8. О Сирии и Ливане.

Иден отвечает, что, конечно, представленный британской делегацией список не является окончательным. В частности, что касается вопроса о Сирии и Ливане, то он, Иден, был бы готов поставить Молотову памятник, если бы он помог разрешению этого вопроса. В отношении польского вопроса он, Иден, должен добавить, что дело пошло лучше после конференции в Сан-Франциско, в частности благодаря духу сотрудничества, проявленному Советским правительством в этом вопросе.

Молотов говорит, что успешное решение этого вопроса было достигнуто общими усилиями, но правительство Арцишевского является сейчас помехой. На конференции нужно будет обсудить вопрос о правительстве Арцишевского, в частности о принадлежавшем ему имуществе, и т.д.

Иден говорит, что тем не менее события развивались в благоприятном направлении для нового польского правительства, позиции которого укрепляются.

Молотов выражает свое согласие с этим.

Иден замечает, что, чем больше польский народ убеждается в том, что новое правительство крепко стоит на ногах, тем сильнее растет престиж этого нового правительства. В Лондоне среди поляков наблюдается стремление к возвращению на родину. Этому стремлению значительно содействовал Миколайчик.

Молотов говорит, что это стремление является естественным, и добавляет, что Миколайчик, наверное, чувствует себя неплохо.

Иден отвечает, что с Миколайчиком недавно виделся Керр. По его словам, Миколайчик чувствует себя очень хорошо.

Иден говорит, что англичане не особенно довольны поведением Тито.

Молотов отвечает, что Тито обижен из-за Истрии[40]. Однако в общем в Югославии не было сложных событий. Со временем там все наладится.

Иден говорит, что югославы еще не выполнили полностью соглашение Тито-Шубашич. Может быть, нынешняя встреча глав трех правительств побудит их выполнить это соглашение.

Молотов говорит, что Югославия находится в очень тяжелом экономическом положении. Она пострадала больше, чем все другие страны, за исключением Советского Союза.

Иден спрашивает, действительно ли в Югославии было так много боев.

Молотов отвечает утвердительно, заявляя, что югославы понесли большие жертвы во время партизанской войны.

Иден говорит, что англичане готовы были бы помочь югославам, если бы югославы осуществили полностью соглашение Тито - Шубашич.

Молотов спрашивает, что они должны для этого сделать.

Иден отвечает, что они должны расширить свой парламент, который в свою очередь должен утвердить все декреты, принятые ранее югославским правительством.

Молотов говорит, что до войны в югославской Скупщине преобладали прогитлеровские элементы и сейчас югославам трудно найти подлинно демократических деятелей среди бывших

членов Скупщины. Впрочем он, Молотов, читал в газетах, что югославы намерены обсудить вопрос о расширении Скупщины 23 июля.

Иден говорит, что он тоже об этом слышал.

Иден далее заявляет, что ему кажется, что сейчас уже нет более чехословацкого вопроса.

Молотов говорит, что действительно чехословацкого вопроса сейчас больше не существует.

Молотов спрашивает Идена, доволен ли он результатами конференции в Сан-Франциско.

Иден отвечает, что он доволен результатами конференции, хотя он и не является специалистом по обсуждавшимся там вопросам.

Молотов говорит, что, по его мнению, конференция прошла хорошо. Конечно, были трудности и задержки, но было бы невозможно ожидать, что конференция могла бы обойтись без них.

Иден говорит, что к нему в Лондон приезжали турки.

Молотов отвечает, что он знает о том, что турки информировали Идена - и он, Молотов, надеется, правильно - о переговорах в Москве. В 1921 г. турки воспользовались слабостью Советского государства и отняли у него часть Советской Армении. Армяне в Советском Союзе чувствуют себя обиженными. В силу этих причин Советское правительство и подняло вопрос о возвращении законно принадлежащих Советскому Союзу территорий. Что касается вопроса о Проливах, то Советское правительство давно уже говорит о том, что Конвенция в Монтрё его не устраивает.

Иден заявляет, что англичане никогда раньше не слышали о территориальных претензиях Советского Союза к Турции. Британское правительство знало лишь о советских предложениях в отношении режима Проливов.

Молотов говорит, что вопрос о территориальных претензиях Советского Союза к Турции возник потому, что турки предложили Советскому правительству заключить с ними договор о союзе и спросили Советское правительство, на каких условиях оно готово было бы это сделать. Естественно, Советское правительство ответило на этот вопрос турецкого правительства изложением своих условий.

Иден говорит, что турки не согласны на удовлетворение территориальных требований Советского Союза.

Молотов говорит, что территория, о которой идет речь, не принадлежит туркам. Они поступили несправедливо, отняв ее у Советского Союза. Поляки тоже поступили несправедливо, захватив часть советской территории в 1921 г. Однако поляки

решили пересмотреть свою позицию и согласились теперь возвратить эту территорию Советскому Союзу. Он, Молотов, приводил этот пример туркам.

Иден отвечает, что в Турции нет линии Керзона.

Молотов говорит, что тем не менее английское правительство раньше не раз выступало в защиту армянского населения, находившегося под турецким владычеством. Совсем недавно армян поддержал в этом вопросе д-р Хьюлетт Джонсон.

Иден говорит, что Джонсон целиком советский человек и что приводимые им аргументы полностью совпадают с аргументами Советского правительства. В Англии его даже называют "красным настоятелем".

Молотов говорит, что он с этим не согласен. Джонсон - вовсе не советский человек.

Иден спрашивает, много ли армян проживает на турецкой территории.

Молотов отвечает, что их там около 400-500 тысяч. Всего в Советской Армении живет около 1 млн армян, а вне территории Советской Армении, за границей, проживает свыше 1 млн армян. Когда территория армян расширится, многие армяне, проживающие за границей, будут стремиться возвратиться на родину. Армяне очень способные и энергичные люди, особенно в хозяйственных вопросах. Пусть турки отдадут Советскому Союзу армян, это будет справедливо.

Иден благодарит Молотова за приятную беседу[41].

Конференция открылась во второй половине дня 17 июля 1945 г. По предложению И.В. Сталина председательствовал на конференции Трумэн. Он внес на рассмотрение конференции проект учреждения Совета министров иностранных дел для подготовки мирных договоров со странами - бывшими союзниками Германии, меморандум о политике в отношении Германии, документ о выполнении Крымской декларации об освобожденной Европе, ряд других предложений. Черчилль - вопрос о Польше и выполнении Крымского соглашения о Югославии. Сталин - о репарациях с Германии, разделе германского флота, ликвидации польского эмигрантского правительства, о режиме Франко в Испании и некоторые другие.

Центральное место в работе конференции занял германский вопрос. Важнейшее значение имело принятое на конференции соглашение "Политические и экономические принципы, которыми необходимо руководствоваться при обращении с Германией в начальный контрольный период". В основу этого соглашения были положены принципы демилитаризации, демократизации и денацификации Германии. Советская делегация обратила внимание делегации США и Великобритании на невыполнение США и Англией условий капитуляции Германии, имея в виду нахождение в Норвегии до 400 тыс. человек не разоруженных германских войск.

Потсдам, июль 1945 года. Последняя встреча

Остановимся подробнее на обсуждении тех проблем, по которым возникли расхождения между делегациями. В вопросе о репарациях с Германии делегация США неожиданно отступила от позиции, которую она занимала в Крыму, выступила против определения конкретных сумм репараций и предложила принцип взимания репараций каждой державой из ресурсов той зоны, которая предназначена ей для оккупации. Этот принцип был неприемлем для СССР уже по той причине, что Восточная Германия, где находились советские войска, являлась сельскохозяйственным районом со слабо развитой промышленностью и ограниченными ресурсами по сравнению с оккупационными зонами западных держав. Английская делегация заявила, что она "воздерживается от внесения каких-либо предложений" о репарациях. (По утверждению британского историка Р. Эдмондса, важнейшие решения конференции фактически предварительно согласовывались на двусторонних встречах Молотова и Бирнса[42].) Несколько опережая события, отметим, что Черчилль и английская делегация заняли умеренную позицию по польскому вопросу, внесли предложение о пересмотре конвенции о Черноморских проливах (вопрос остался нерешенным), о передаче СССР Кенигсберга. 18 июля Черчилль провел вечер на позднем обеде у Сталина (присутствовали только переводчики), который закончился за полночь и прошел в доброжелательной атмосфере. Это дало повод А. Идену позднее заявить, что "Уинстон никуда не годится. Он снова попал под влияние Сталина"[43].

По репарациям было принято компромиссное решение. Кроме ресурсов собственной зоны оккупации СССР должен был дополнительно

получить репарации из германских владений за границей и 25% промышленного оборудования, выделенного для репараций из западных зон.

При обсуждении вопроса о западной границе Польши она с учетом мнения Польского временного правительства национального единства была установлена впредь до окончательного утверждения по линии р. Одер - Западная Нейсе. В связи с установлением тремя державами дипломатических отношений с Временным правительством Польши было решено прекратить признание ими "бывшего польского правительства в Лондоне, которое больше не существует"[44].

Ряд вопросов ввиду несогласия по ним одной из сторон был снят с обсуждения, в том числе о положении в Греции и Югославии. СССР подтвердил, что выполнит свое обязательство о вступлении в войну против Японии.

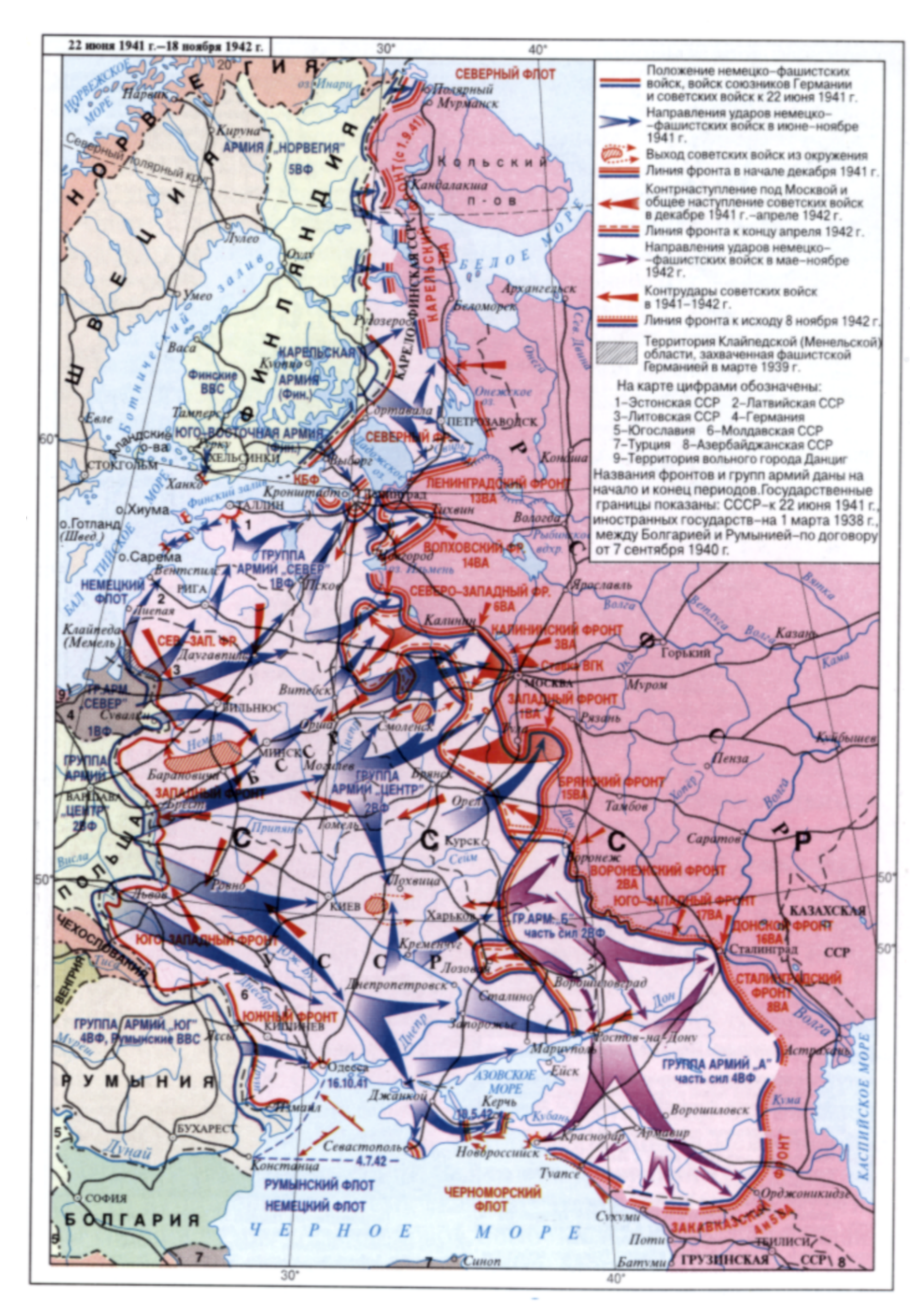
Новость об успешном испытании атомного оружия Трумэн по согласованию с Черчиллем сообщил Сталину 24 июля.

№189

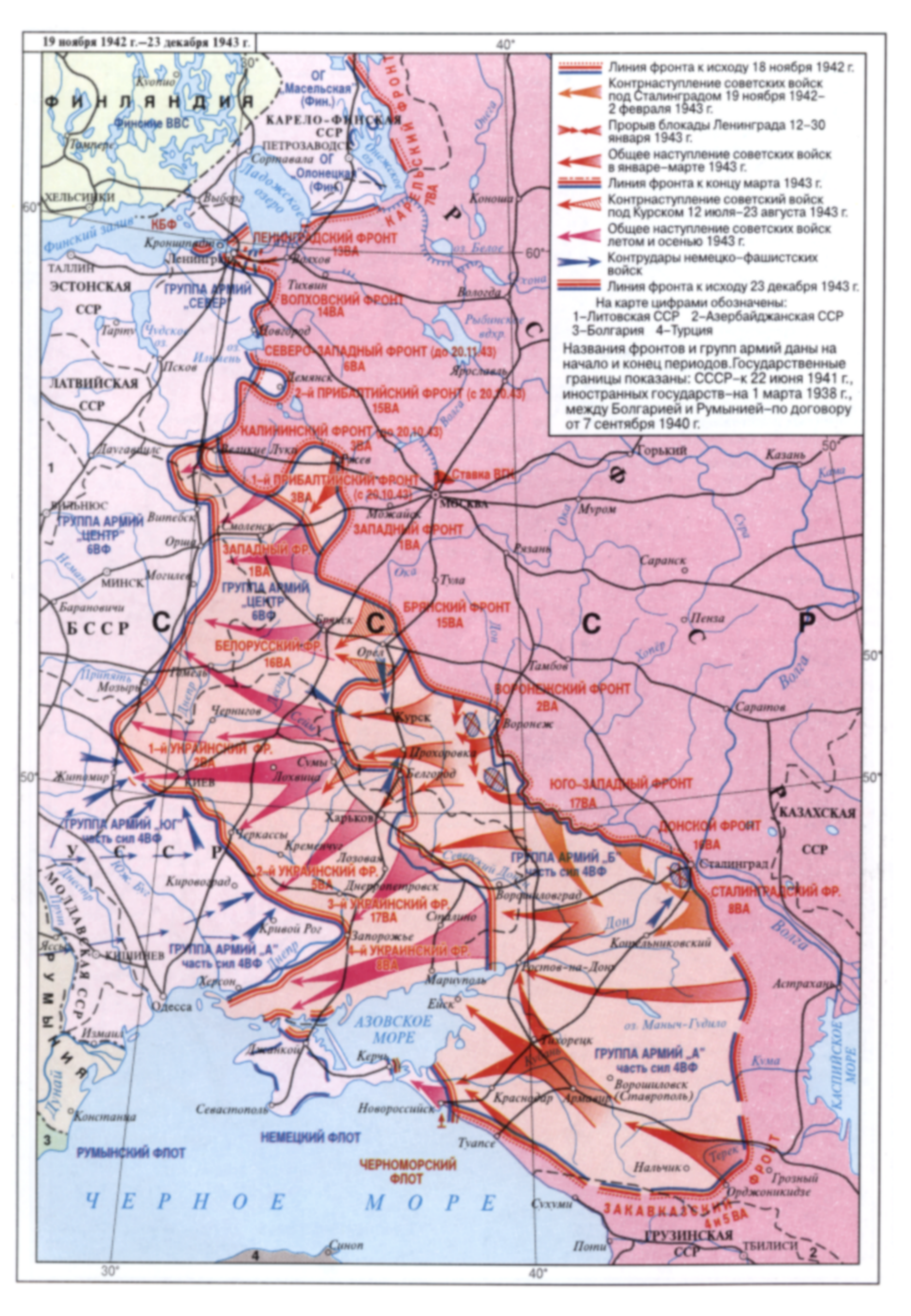
Из воспоминаний У. Черчилля

На следующий день, 24 июля, после окончания пленарного заседания, когда мы все поднялись со своих мест и стояли вокруг стола по два и по три человека, я увидел, как президент подошел к Сталину и они начали разговаривать одни при участии только своих переводчиков. Я стоял в ярдах пяти от них и внимательно наблюдал эту важнейшую беседу. Я знал, что собирается сказать президент. Важно было, какое впечатление это произведет на Сталина. Я сейчас представляю себе всю эту сцену настолько отчетливо, как будто это было только вчера. Казалось, что он был в восторге. Новая бомба! Исключительной силы! И, может быть, будет иметь решающее значение для всей войны с Японией! Какая удача! Такое впечатление создалось у меня в тот момент, и я был уверен, что он не представляет всего значения того, о чем ему рассказывали. Совершенно очевидно, что в его тяжелых трудах и заботах атомной бомбе не было места. Если бы он имел хоть малейшее представление о той революции в международных делах, которая совершалась, то это сразу было бы заметно. Ничто не помешало бы ему сказать: "Благодарю вас за то, что вы сообщили мне о своей новой бомбе. Я, конечно, не обладаю специальными техническими знаниями. Могу ли я направить своего эксперта в области этой ядерной науки для встречи с вашим экспертом завтра утром?" Но на его лице сохранилось веселое и благодушное выражение, и беседа между двумя могущественными деятелями скоро закончилась. Когда мы ожидали свои маши-

Территориальные захваты фашистского блока в Европе к июню 1941 года

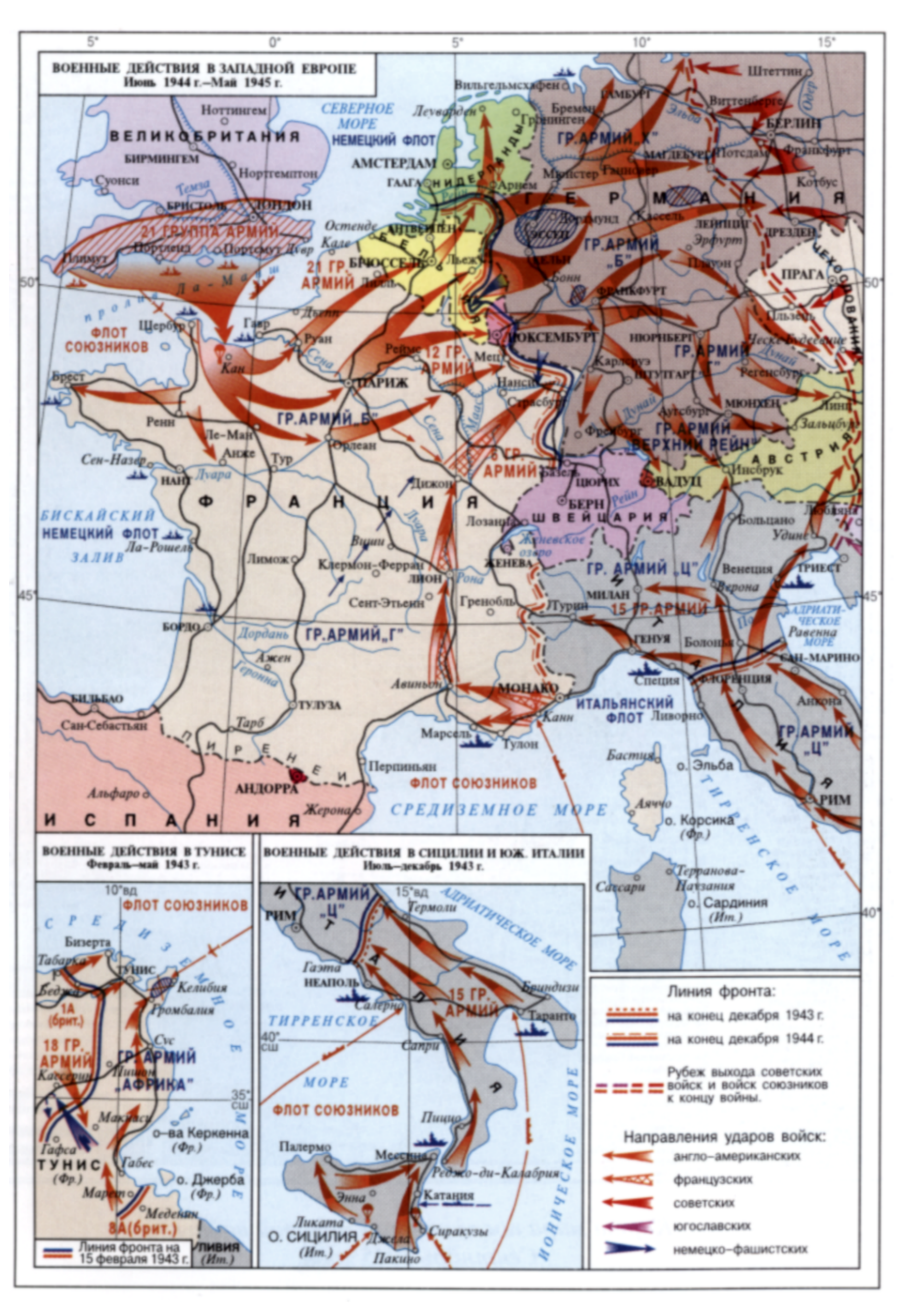


Военные действия на советско-германском фронте 22 июня 1941 года – 18 ноября 1943 года

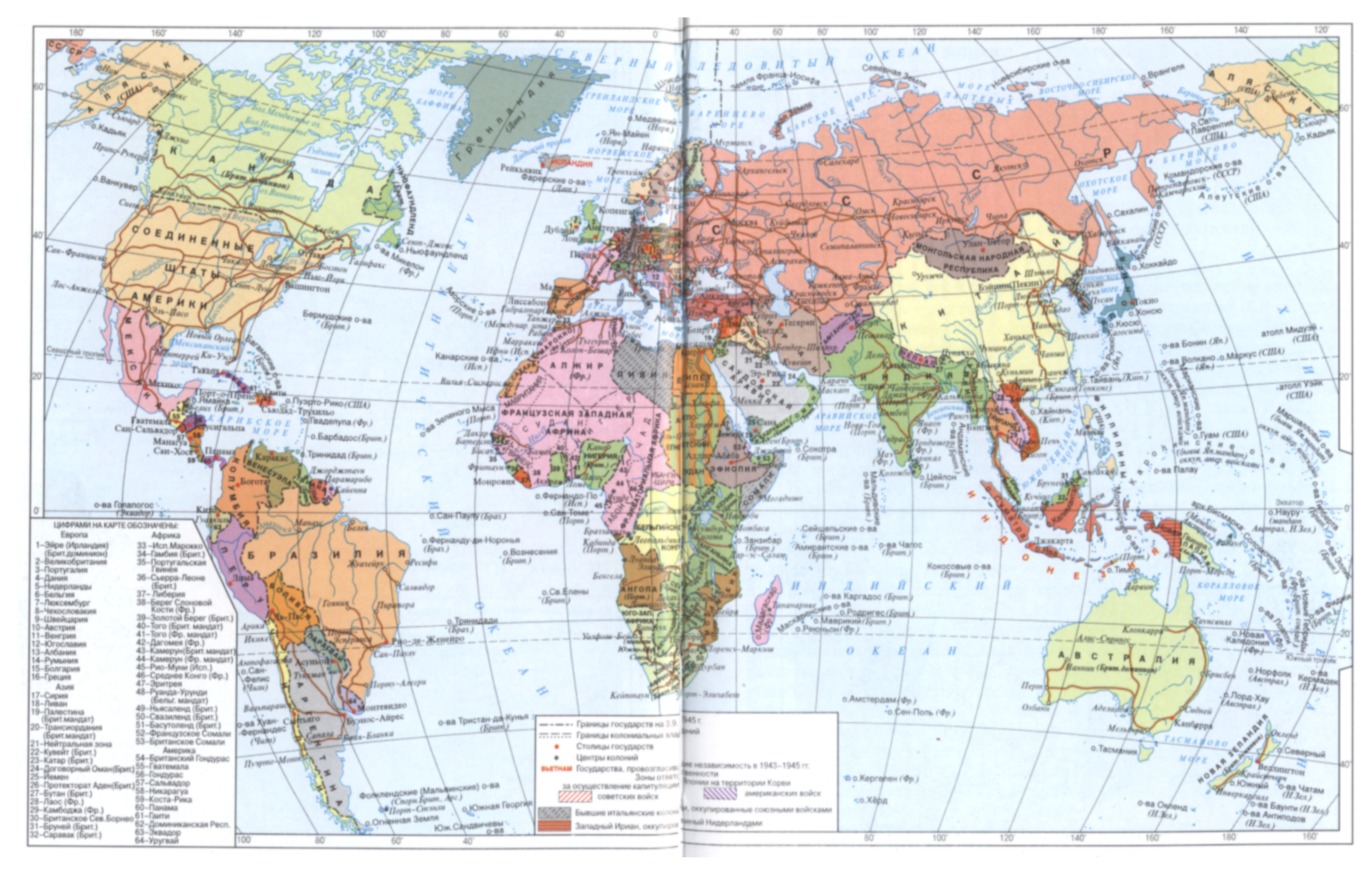


Военные действия на советско-германском фронте.
19 ноября 1942 года - декабрь 1943 года

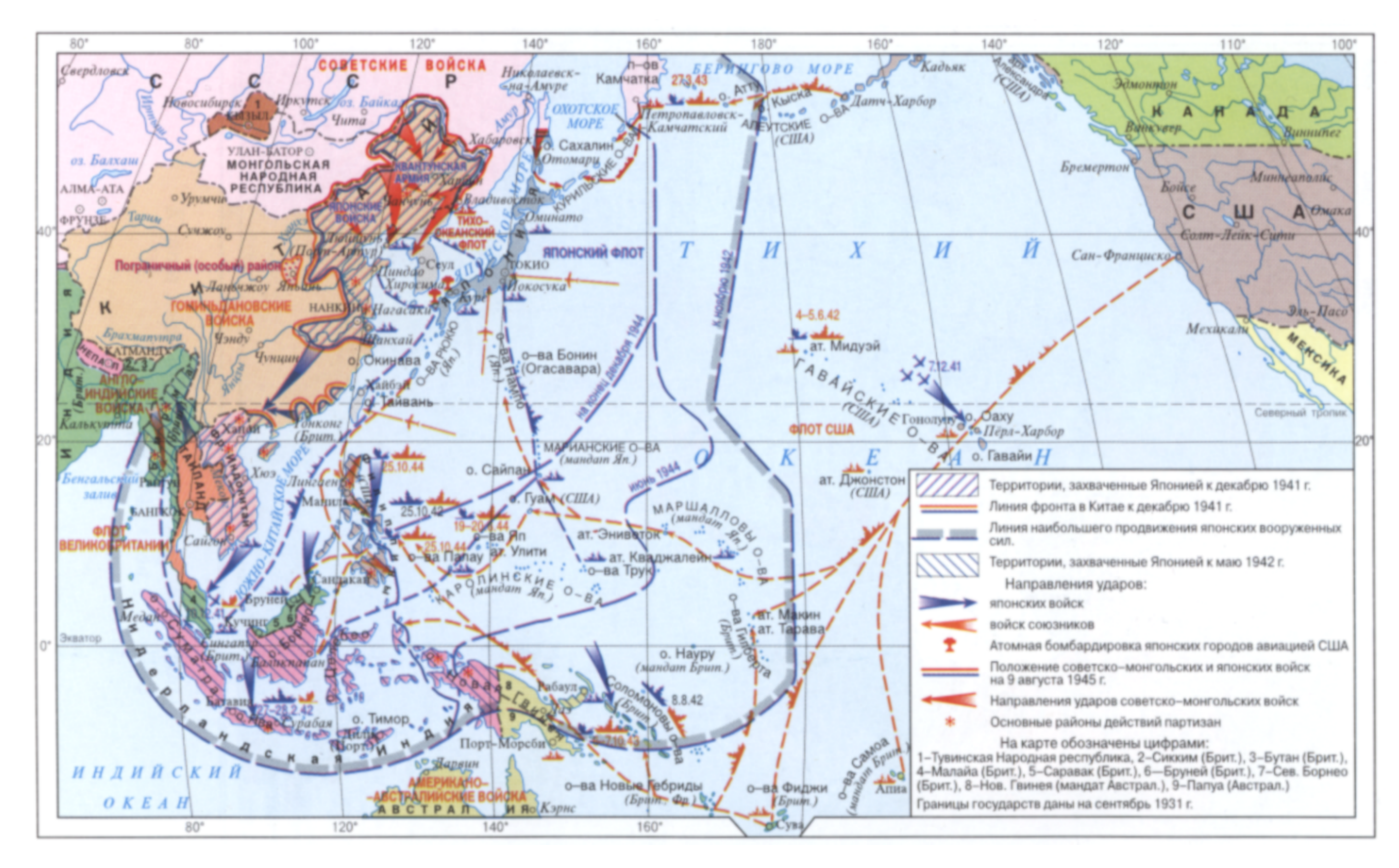
Военные действия на советско-германском фронте.
Январь 1944 года - май 1945 года



Военные действия в Западной Европе и Северной Африке. 1943 год - май 1945 года



Карта мира после второй мировой войны.
Сентябрь 1945 года



Военные действия на Тихом океане и в Азии. 1941-1945 годы

ны, я подошел к Трумэну. "Ну, как сошло?" - спросил я. - "Он не задал мне ни одного вопроса", - ответил президент. Таким образом, я убедился, что в тот момент Сталин не был особо осведомлен о том огромном процессе научных исследований, которым в течение столь длительного времени были заняты США и Англия и на который Соединенные Штаты, идя на героический риск, израсходовали более 400 миллионов фунтов стерлингов.

Таков был конец этой истории, насколько это касалось Потсдамской конференции. Советской делегации больше ничего не сообщали об этом событии, и она сама о нем не упоминала[45].

«Как Черчилль, так и многие другие англо-американские авторы, - писал Г.К. Жуков, - считали впоследствии, что вероятно И.В. Сталин действительно не понял значения сделанного ему сообщения. На самом деле, вернувшись с заседания, И.В. Сталин в моем присутствии рассказал В.М. Молотову о состоявшемся разговоре с Г. Трумэном. В.М. Молотов тут же сказал: "Цену себе набивают". И.В. Сталин рассмеялся: "Пусть набивают. Надо будет переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы"»[46].

Конференция и ее итоги широко освещались в мировой печати и радиопередачах как событие первостепенной важности.

По окончании конференции В.М. Молотов в подробном информационном письме советским послам и посланникам отмечал, что она окончилась с вполне удовлетворительными для СССР результатами[47]. Очевидно и то, что при принятии экономических решений компромиссы достигались, как правило, за счет Советского Союза.

Каким видели поведение на конференции главных действующих лиц другие ее участники? Член советской делегации посол СССР в США А.А. Громыко, а затем долгие годы министр иностранных дел, вспоминал: «Все участники находились в состоянии предельной сосредоточенности, а вначале она проявлялась еще и в том, что никто не улыбался. Только обостренным восприятием тех исторических дней объясняется то, что до сих пор перед моими глазами стоят многие картины заседаний... Когда говорил американский президент, все присутствовавшие выслушивали его очень внимательно. Они наблюдали за ходом и поворотами его мысли, за меткими суждениями, шутками. Все сознавали, что он высказывал мысли, которые имеют огромное значение в предстоящем строительстве здания мира.

Выступал или делал замечание премьер-министр Англии. Он умело и даже ловко формулировал свои мысли, умел блеснуть и шуткой. Чувствовалось, что он на "ты" не только с политикой, но и с историей, особенно новейшей...

Тем не менее как-то само собой получилось, что все присутствующие - и главные и неглавные участники - фиксировали взгляды на Сталине... Он говорил так, как будто кроме него присутствовали еще только двое. Ни малейшей скованности, никакого желания произвести эффект, ни единой шероховатости в изложении мысли у него не было.

Каждое слово у него звучало так, как будто было специально заготовлено для того, чтобы сказать его в этой аудитории и в этот момент»[48].

Академик В.Г. Трухановский (во время конференции - помощник генерального секретаря советской делегации) в своей книге о Черчилле писал: «Запомнилось, что члены "Большой тройки" по-разному вели себя за столом переговоров. Трумэн был в хорошем настроении, озирался по сторонам, рассматривал окружающих и, казалось, не особо вникал в суть споров. Зато его помощники были начеку и усердно отстаивали интересы США. В это время позиция американцев ужесточилась, они чувствовали прочность своего положения и старались максимально ее использовать.

Черчилль был раздражен, заметно нервничал. Очень многословный, он говорил, упершись тяжелым взглядом в стол перед собой. Причина его состояния была ясна: создатель антигитлеровской коалиции, ее лидер, Черчилль с 1943 г. утратил свою ведущую роль в "Большой тройке". Соотношение сил изменилось. Теперь лидировали США, второе место занял Советский Союз. Вопреки прогнозам союзников он пришел к финишу не обескровленным, а напротив, набравшим небывалую военную мощь... Угроза применения силы с советской стороны ни разу не прозвучала на конференции, но в поведении Сталина чувствовалось, что он рассматривает военную мощь СССР как важный козырь в переговорах. В качестве второго козыря он использовал обещание вступить в войну с Японией (на чем настаивали американцы, стремясь спасти жизни своих солдат). Сталин держался спокойно, уверенно и внимательно слушал все выступления, пристально глядя на оратора. Когда оппоненты возражали ему (чаще всего это был Черчилль, темпераментно провозглашавший: "Нет, мы никак не можем принять это русское предложение!"), Сталин индифферентно замечал: "Ну что ж, нам не к спеху, подождем, когда Вы будете готовы"»[49].

Среди опубликованных в Англии новых документов содержатся фрагменты разговора Сталина с Черчиллем после заседания конференции 17 июля. Сталин сообщил Черчиллю, что он отклонил просьбу Японии о посредничестве в переговорах между США и Японией. 18 июля Черчилль сказал Сталину, что 25 июля он на один день уедет в Англию в связи с выборами. Сталин выразил уверенность в том, что консервативная партия получит большинство в 80 депутатских мест[50]. Но, как известно, на выборах победили лейбористы, и Черчилль в Потсдам уже не вернулся.

* * *

Личные отношения между Сталиным и Черчиллем складывались, как показывают материалы книги, весьма сложно, противоречиво, едва ли не ежедневно наталкиваясь на препятствия, "столкновение характеров, человеческих страстей и темпераментов"[51]. Значение в этих условиях взаимопонимания трудно переоценить, и достигалось оно только при личных контактах. Сталин дважды принимал Черчилля в Москве и умело использовал это преимущество. В 1942 г., когда Черчилль, неудовлетворенный дискуссией, объявил об отъезде в Англию, Сталин при-

гласил британского премьера на свою квартиру. Кратковременная встреча с дочерью Сталина, ужин и ночная беседа изменили не только настроение Черчилля, но и весь итог встречи. По возвращении в Лондон Черчилль произнес в палате общин яркую речь о своем визите в Москву, значении англо-советского боевого союза и оценил Сталина в самых высоких выражениях. Черчиллю импонировали цепкая память Сталина, его исторические и военные знания, четкое и ясное выражение мыслей. И Сталин, и Черчилль провели немало застольных дискуссий, умели выпить, хотя и в разной степени, не теряя над собой контроля. "Женскую проблему" они никогда не обсуждали. И дело не только в возрасте. Черчилль, многодетный отец, прожил с любимой женой всю жизнь, а старших сына и дочь нередко брал с собой в зарубежные поездки. У Сталина первая жена умерла, их единственный сын погиб в гитлеровском концлагере; вторая жена, мать их дочери и сына, которую он по крайней мере в ранние годы совместной жизни искренне любил, застрелилась. Сталин ко времени первой встречи с Черчиллем уже многие годы был вдовцом.

Чувствительность Черчилля к поведению собеседника была исключительно велика, и он чаще всего не скрывал своего одобрения или негодования. Особенно нетерпимо он относился к видимым (и кажущимся) замечаниям, задевавшим его личное достоинство и "честь и Британской империи". Так, Сталин в одном из писем выразился об отправке союзных конвоев в СССР, как об "обязательстве". Британского премьера это привело в ярость, сдержав которую, он написал Сталину, что "это не обязательство и не соглашение, а скорее заявление о нашем торжественном и серьезном решении"[52]. Сталин продолжал настаивать, что это "обязательство"[53], в результате возник конфликт, для которого, думается, не было оснований.

Черчилль неоднократно в личных беседах заявлял, что "Сталин его никогда не обманывал", стремился к встречам со Сталиным и после своей речи в Фултоне (1946 г.)[54].

Переломной, видимо, была весна 1945 г. В Лондоне "советская угроза заменила нацистского врага". В Москве стало известно о британских планах войны против СССР. 7 ноября 1945 г. Черчилль посвятил часть своего выступления в палате общин выражению благодарности советскому народу и заявил в адрес Сталина: "Я лично не могу чувствовать ничего иного, помимо величайшего восхищения по отношению к этому подлинно великому человеку, отцу своей страны, правящему судьбой своей страны во времена мира и победоносному ее защитнику во время войны". 9 ноября это опубликовала газета "Правда". Реакция Сталина была категоричной. В очередном "Письме с юга" (Сталин находился в отпуске на Кавказе) он выговаривал "четверке" (В.М. Молотову, Г.М. Маленкову, Л.П. Берии и А.И. Микояну): "Считаю ошибкой опубликование речи Черчилля о восхвалении России и Сталина. Все это нужно Черчиллю, чтобы успокоить свою нечистую совесть и замаскировать свое враждебное отношение к СССР"[55]. Начиналась "холодная война"...

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941-1945. Том 4. Крымская конференция руководителей трех союзных держав - СССР, США и Великобритании (4—11 февраля 1945 г.): Сб. документов. М., 1979. С. 48-49 (далее - Крымская конференция...).

[2] *Patton G.* War as I knew it. Boston, 1947. P. 213.

[3] The Papers of Dwight D. Eisenhower. Baltimore; L., 1970. Vol. 4. P. 2407.

[4] Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. М., 1986. Т. 1. С. 340-341.

[5] The Papers of Dwight Eisenhawer. Vol. 4. P. 2412.

[6] KTB/OKW. Frankfurt a/M, 1961.Bd. 4. Halbband 2. S. 1053. Подробнее см.: *Кульков ЕМ. Операция* "Вахта на Рейне". М., 1986; Мировые войны XX века. М.: 2002. Т. 3. С. 180-183.

[7] *Gilbert M.* The Road to Victory. L., 1986. P. 1168-1172.

[8] Сталин ясно дал понять: "Русские должны знать, за что они будут вести войну [на Дальнем Востоке]" (CHAR 20/181. P. 11). См. подробнее: *Зимо¬нин В.П.* Последний очаг второй мировой. М., 2002.

В Архиве внешней политики МИД РФ сохранился распорядок работы конференции, который дает некоторое представление о ее ходе и расстановке сил на важнейших заседаниях и встречах:

РАСПИСАНИЕ на 4 февраля

11 час. 00 мин. - Генерал-лейтенант Грызлов посещает резиденцию Черчилля для уточнения на карте Премьер-министра линии советско-германского фронта.

12 час. 00 мин. - В.М. Молотов принимает Идена.

15 час. 00 мин. - И.В. Сталин и В.М. Молотов - с визитом у Черчилля.

16 час. 00 мин. - И.В. Сталин и В.М. Молотов - с визитом у Рузвельта.

17 час. 00 мин. - Заседание у Рузвельта.
От СССР присутствуют: И.В. Сталин, В.М. Молотов, Кузнецов, адмирал флота, Антонов, генерал армии, Худяков, маршал авиации, Громыко, посол в США, Гусев, посол в Лондоне, Павлов.

20 час. 00мин. - Ужин у Рузвельта (присутствуют от СССР - И.В. Сталин, В.М. Молотов и В.Н. Павлов).

РАСПИСАНИЕ на 5 февраля

12 час. 00 мин. - Встреча военных представителей Англии, СССР и США на Среднем объекте.
Присутствуют:
От СССР - генерал армии АНТОНОВ, Адмирал флота КУЗНЕЦОВ, Вице-адмирал КУЧЕРОВ, Маршал авиации ХУДЯКОВ, Генерал-лейтенант ГРЫЗЛОВ, М.М. ПОТРУБАЧ (от НКИД).
От Англии - Фельдмаршал БРУК, Маршал авиации Портал, Адмирал КЕНИНГХЕМ, Генерал ИСМЕЙ.
От США - Генерал МАРШАЛЛ, Генерал КИНГ, Адмирал ЛЕГИ, Генерал-майор КУТЕР.

13 час. 30 мин. - Завтрак у В.М. Молотова.
Присутствуют:

От Англии- ИДЕН, КАДОГАН, КЕРР, ТИКСТОН,
От США- СТЕТТИНИУС, ГАРРИМАН, БЕРНС, ПЭЙДЖ,
От СССР- МОЛОТОВ, ВЫШИНСКИЙ, МАЙСКИЙ, ГРОМЫКО, ГУСЕВ, ПАВЛОВ.

16 час. 00 мин. - Совещание в резиденции Рузвельта. Присутствуют:
От СССР- И.В. СТАЛИН, В.М. МОЛОТОВ, А.Я.ВЫШИНСКИЙ, И.М. МАЙСКИЙ, А.А. ГРОМЫКО, Ф.Т.ГУСЕВ, В.Н.ПАВЛОВ.

РАСПИСАНИЕ на 6 февраля

12 час. 00 мин. - В Ливадии - Совещание 3-х министров иностранных дел.
От СССР участвуют:
тт. Молотов,Вышинский, Майский, Гусев, Новиков, Аркадьев, Голунский,

12 час. 00 мин. - Встреча военных представителей СССР, Англии и США на Среднем объекте.
Присутствуют:
От СССР - генерал армии Антонов, Адмирал флота Кузнецов, Вице-адмирал Кучеров, Маршал авиации Худяков, Генерал-лейтенант Грызлов, Генерал-майор Вавилов, Полковник Кожевников, М.М. Потрубач (от НКИД).
От Англии - Фельдмаршал Брук, Фельдмаршал Александер, Адмирал Кэнингхэм, Адмирал Арчер, Маршал авиации Портал, Генерал Исмей, Генерал Лейког, Бригадир Корнуол Джонс, Коман¬дер Колеридж,
От США - Генерал Маршалл, Адмирал Кинг, Адмирал Кук, Генерал Кутер, Генерал Холл, Генерал Дин, Генерал Булл, Генерал Андерсон, Бри¬гадн.ген.Макфарлан, Капитан Грэйвс.

13 час. 30 мин. - В Ливадии завтрак у Стеттиниуса.
Присутствуют от СССР: тт. Молотов, Вышинский, Громыко и др.

16.00 мин. - В Ливадии совещание глав трех правительств.
Присутствуют от СССР: И.В. Сталин, В.М. Молотов, А.Я. Вышинский, И.М. Майский, А.А. Громыко, Ф.Т. Гусев, В.Н. Павлов.

РАСПИСАНИЕ на 7 февраля

12 час. 00 мин. - На среднем объекте совещание трех министров иностранных дел.
Присутствуют:
От СССР - тт. МОЛОТОВ, ВЫШИНСКИЙ, МАЙСКИЙ, ГУСЕВ, НОВИКОВ, ГОЛУНСКИЙ. + ПАВЛОВ
От Англии - ИДЕН, КАДОГАН, КЕРР, ТИКСТОН, ДИКСОН, ДЖЕББ, АЛЛЕН, ХАРРИСОН.
От США- СТЕТТИНИУС, ГАРРИМАН, МЭТТЬЮЗ, ХИСС, ПЭЙДЖ.

13 час. 30 мин. - На Среднем объекте завтрак у В.М. Молотова.
Присутствуют:
От СССР- тт. МОЛОТОВ, ВЫШИНСКИЙ, МАЙСКИЙ, ГУСЕВ, НОВИКОВ, ГОЛУНСКИЙ. + ПАВЛОВ
От Англии - ИДЕН, КАДОГАН, КЕРР, ТИКСТОН,
От США - СТЕТТИНИУС, МЭТТЬЮЗ, ХИСС, ПЭЙДЖ.

16 час. 00 мин. - В Ливадии совещание глав трех правительств.
От СССР присутствуют: тт. И.В. СТАЛИН, В.М. МОЛОТОВ, А.Я. ВЫШИНСКИЙ, И.М. МАЙСКИЙ, Ф.Т. ГУСЕВ, А.А. ГРОМЫКО, В.Н. ПАВЛОВ.

РАСПИСАНИЕ на 8 февраля

12 час. 00 мин. - В резиденции Черчилля - Совещание 3-х министров иностранных дел.
От СССР участвуют: тт. Молотов, Вышинский, Гусев, Громыко, Голунский, Павлов.

13 час. 30 мин. - Завтрак у Идена.
От СССР присутствуют: тт. Молотов, Вышинский, Гусев, Па-

15 час. 30 мин. - И.В.Сталин и В.М.Молотов посещают Рузвельта. (Переводит В.Н.Павлов).

16 час. 00 мин. - В Ливадии совещание глав трех правительств. От СССР присутствуют: тт. И.В. Сталин, В.М. Молотов, А.Я. Вышинский, И.М. Майский, А.А. Громыко, Ф.Т. Гусев, В.Н. Павлов.

21 час. 00 мин. - Ужин у тов. Сталина в честь Рузвельта и Черчилля.
(Список присутствующих будет дан дополнительно).

РАСПИСАНИЕ на 10 февраля

12 час. 00 мин. - В резиденции Черчилля - Совещание 3-х министров иностранных дел.
От СССР участвуют: тт. Молотов, Вышинский, Майский, Гусев, Громыко, Голунский, Подцероб.

15 час. 00 мин. Черчилль и Иден посещают Сталина.

16 час. 00 мин. В Ливадии совещание глав трех правительств.
От СССР присутствуют: тт. И.В. Сталин, В.М. Молотов, А.Я. Вышинский, И.М. Майский, А.А. Громыко, Ф.Т. Гусев, Б.Ф. Подцероб, В.Н. Павлов.

21 час. 00 мин. - Обед у Черчилля в честь И.В. Сталина и Рузвельта.

[9] Дневник советского посла в Великобритании (1934—1943), а затем заместителя наркома иностранных дел академика И.М. Майского готовится к изданию МИД РФ и Российской Академией наук.

[10] Крымская конференция... С. 272.

[11] Премьер-министр польского эмигрантского правительства в Лондоне в июле 1943 - ноябре 1944 г., лидер крестьянской партии.

[12] Т. Ромер - министр иностранных дел в польском эмигрантском правительстве в Лондоне в 1943 - 1944 гг.

[13] С. Грабский - председатель лондонской Рады Народовой, профессор.

[14] Т. Арцишевский - премьер-министр польского эмигрантского правительства в Лондоне; В. Рачкевич - президент польского эмигрантского правительства в Лондоне.

[15] Б. Берут - председатель Крайовой Рады Народовой; Э. Осубка-Моравский - премьер-министр и министр иностранных дел Временного польского правительства; М. Роля-Жимерский - Главнокомандующий Войска Польского, формирование которого началось в 1943 г. в СССР.

[16] Л. Желиговский - генерал, член лондонской Рады Народовой.

[17] Крымская конференция... С. 97-103.

[18] Имеется в виду дискуссия о принципе единогласия в Совете Безопасности будущей ООН.

[19] *Черчилль У.* Вторая мировая война / Пер. с англ. М., 1955. Т. 6. С. 365-366.

[20] Крымская конференция... С. 269-270.

[21] Там же. С. 270.

[22] *Черчилль У.* Указ. соч. С. 375.

[23] *Майский И.М.* Воспоминания советского дипломата. 1925-1945. 2-е изд. М.,1987. С. 764.

[24] *Черчилль У.* Указ. соч. С. 538.

В Форин оффис еще в сентябре 1944 г. отмечали "растущие признаки того, что начальники штабов и подчиненные им организации рассматривают СССР как врага номер один и даже рассчитывают [в борьбе с ним] на немецкую помощь" (PRO FO. 37143306. P. 7).

[25] Там же. С.552.

[26] Переписка. М., 1986. Т. 2. С. 215.

[27] Л. Окулицкий и его группа были в марте 1945 г. арестованы советскими военными властями. Им предъявили обвинение в организации и руководстве подпольной деятельностью в тылу Красной Армии. Военная Коллегия Верховного Суда СССР приговорила Л. Окулицкого к 10 годам заключения. Он умер в тюремной больнице в 1946 г. В 1990 г. реабилитирован. Подробнее см.: Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. Варшава; Москва, 2001. Т. 2. С. 1170 и др.

[28] Супруга В.М. Молотова.

[29] Клементина Черчилль, супруга британского премьер-министра, находилась в СССР по приглашению Советского правительства с 2 апреля до 11 мая 1945 г., совершила поездку по стране, встречалась со Сталиным и Молотовым. За большую работу по сбору средств для нашей страны была награждена орденом Трудового Красного Знамени.

[30] Имелись в виду непреднамеренные осложнения с организацией отправки в Англию британских военнопленных, освобожденных Красной Армией, недоговоренности о составе польского и румынского правительств, делегаций, приглашаемых на конференцию в Сан-Франциско (25 апреля - 26 июня 1945 г.), что рассматривалось в Лондоне как нарушение Советским Союзом соглашений, достигнутых на Крымской конференции.

31 АВП РФ. Ф. 17а. Оп. 1. Д. 14. Л. 211-215, и др.

[32] *Поздеева Л.В.* Лондон-Москва: Британское общественное мнение и СССР. 1939-1945. М., 2000. С. 293-294.

Незадолго до выборов Клементина говорила лорду Морану: "Уинстон всегда смотрел на мир как бы в шорах... Он ничего не знает о жизни простых людей. Он никогда не ездил в автобусе и только один раз был в метро (цит. по: *Трухановский В.Г.*. Уинстон Черчилль. М., 2003. С. 371).

[33] АВП РФ. Ф. 59а. Оп. 7. П. 13. Д. 6. Л. 357-358.

[34] *Черчилль У.* Указ соч. С. 574.

[35] PRO. CAB 120/161/55911. P. 1-29.

[36] Цит. по: *Трухановский В.Г.* Уинстон Черчилль. М.,2003. С. 354.

[37] *Feis H.* Between War and Peace: The Potsdam Conference. L., 1960. P. 125-126.

[38] Т.К. Жуков являлся главнокомандующим группой советских оккупационных войск в Германии и главноначальствующим Советской военной администрации в Германии.

[39] *Жуков Г.К.* Воспоминания и размышления. М, 1969. С. 705, 706. Для И.В. Сталина и В.М. Молотова был подготовлен специальный поезд, при общей протяженности маршрута от Москвы до Потсдама 1923 км (из них по территории СССР - 1095 км, по территории Польши - 597 км и по территории Германии - 234 км). Для обеспечения безопасности как в пути следования поезда, так и на станциях было направлено 1515 человек оперативного состава НКВД-НКГБ и 17 140 человек войск НКВД, которые охраняли на территории СССР плотностью - 6 человек, Польши - 10 человек, Германии - 15 человек на каждый километр пути. Кроме того, по пути следования специального поезда курсировали 8 бронепоездов войск НКВД, в том числе 2 бронепоезда на территории СССР, 2 - на территории Польши и 4 - на территории Германии.

Для размещения делегаций США и Великобритании были подготовлены два здания общей площадью 500 кв. м, оборудованные всеми необходимыми удобствами. Кроме того, для делегации США подготовлено 80 вилл, в том числе 10 особняков (АВП РФ. Ф. 0639. Оп. 1. П. 5. Д. 7. Л. 6).

[40] Истрия - полуостров в Адриатическом море, большая часть которого принадлежала Югославии. В 1944 г. Народно-освободительная армия Югославии освободила почти всю Истрию, в том числе и город Триест. В дальнейшем, за исключением Триеста, эти территории были воссоединены с Югославией.

[41] Берлинская (Потсдамская конференция)... С. 37—41.

[42] *Edmonds R.* The Big Three: Churchill, Roosevelt and Stalin. L., 1991. P. 432-434.

[43] Цит. no: *Jenkins R.* Churchill. L., 2001 P. 796.

[44] Берлинская (Потсдамская) конференция... С. 472-473.

[45] *Черчилль У.* Указ соч. С. 629-630.

[46] *Жуков Г.К.* Указ. соч. С. 713.

[47] Очерки истории министерства иностранных дел России. Т. 2. 1917-2002 гг. М., 2002. С. 326.

[48] *Громыко А.А.* Памятное. М., 1988. Кн. 1. С. 225-228.

[49] *Трухановский В.Г.* Указ. соч. С. 357-358.

[50] Churchill and Stalin: Documents from the British Archives. L., 2002. № 70, 71.

[51] *Чубарьян А.О.* Сталин, Черчилль и начало холодной войны. Доклад на семинаре "Черчилль и Сталин" [Лондон, 2002]. С. 3.

[52] Переписка... Т. 1. С. 196.

[53] Там же. С. 201.

[54] После смерти Сталина Черчилль также неоднократно обращался к советскому руководству с предложением о проведении встречи в верхах. Подробнее см.: *Фурсенко А.А. У.* Черчилль: "Создавать мосты, а не воздвигать барьеры". Неизвестные страницы истории холодной войны // Исторические записки. 2003. № 6(124). С. 5-16.

[55] "Союзники нажимают на тебя для того, чтобы сломить у тебя волю..." (Переписка Сталина с Молотовым и другими членами Политбюро по внешнеполитическим вопросам в сентябре-декабре 1945 г.) / Публ. В. Печатнова // Источник. 1999. № 2. С. 81-82.

СЛОВО ОБ АВТОРЕ

Видимо, это разумный обычай (к сожалению, далеко не всегда соблюдающийся) рассказывать в предисловии или послесловии об авторе книги. Конечно, книга, выйдя из типографии, начинает самостоятельную жизнь. Читатель оценивает книгу, а не автора. Но у каждого читателя есть интерес к личности автора. Сведения об авторе обогащают представления о книге. Узнав, каков "багаж" автора, как долго он вынашивал свой замысел, каков его научно-литературный опыт, читатель многое понимает глубже, основательнее.

Поэтому я охотно расскажу об Олеге Александровиче Ржешевском. Его биография, которой свойственны яркие индивидуальные черты, в то же время типична для представителей поколения ученых, выросших в советскую эпоху.

Олег Александрович родился в Ленинграде. Его отец Александр Георгиевич - участник гражданской войны и борьбы с басмачами в Средней Азии, впоследствии кинодраматург. Он написал сценарии ряда кинофильмов, в том числе нашумевшего фильма "Бежин луг" (режиссер С. Эйзенштейн), который так и не увидели зрители. Мать Елена Ивановна - геолог. Жизнь у родителей не сложилась, и сына оставили на воспитание бабушке Прасковье Андреевне, о которой он хранит светлую память, а также о соседке по "коммуналке" Лене - учительнице, благодаря которой его вскоре после начала учебы перевели во второй класс.

Из родительских неурядиц (и собственных увлечений) он, видимо, сделал вывод и выстроил семью - отраду. У них с Галиной Акимовной два сына Алексей и Игорь. Следуя отцу, они получили высшее военное образование, стали офицерами, но затем реформы вытеснили их из армии - надо было кормить свои семьи. У Алексея - две дочери, одна из них студентка. У Игоря - два сына. Занялись бизнесом, кажется получается.

Но вернемся к "главному действующему лицу". В 1939 г. Олег Александрович после кончины бабушки (мать работала на Колыме) переехал к отцу в город Истру. В 16 лет он предпринял самостоятельный шаг - поступил (продолжая учебу в школе) в Центральный аэроклуб СССР им. В.П. Чкалова, затем в военную авиашколу, по окончании которой до 1948 г. работал летчиком-инструктором на истребителях Лавочкина в Чугуевском военном училище. На его счету более двух тысяч самолето-вылетов. Он поставил "на крыло" около 30 летчиков. Получил первую правительственную награду. Но в отправке на фронт отказали (это была трагедия большинства инструкторов летных училищ), и перспективы службы в военной авиации становились неясными.

В 1948 г. поступил в знаменитый Военный институт иностранных языков, "кузницу" многих видных ученых, знатоков военного дела, писателей и общественных деятелей. Институт закончил с отличием и был направлен на работу в Группу советских оккупационных войск в Германии, где впервые возникла мысль о подготовке кандидатской диссертации по истории армии США, реализованная уже в Москве в 1967 г.

Решающее значение в становлении О.А. Ржешевского как историка имела встреча в том же году с членом-корреспондентом Академии наук генерал-лейтенантом П.А. Жилиным и последующая работа в Институте военной истории. Я раньше познакомился с трудами Олега Александровича, чем с ним самим, с каждым годом присматриваясь к его публикациям. Моя одноклассница известный историк Лидия Васильевна Поздеева, с которой он был в 1970 г. в командировке в Великобритании для работы в архивах и знакомства с конкретными материалами к 12-томному труду "История второй мировой войны", рассказала о его безупречном знании английского языка, высокой эрудиции и чувстве товарищества.

В 1979 г. академик Е. М. Жуков пригласил Олега Александровича на работу в Институт всеобщей истории. В настоящее время О.А. Ржешевский - научный руководитель Центра истории войн и геополитики Института, доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН. Будучи президентом Ассоциации историков второй мировой войны, он объединил ученых, вузовских преподавателей, занимающихся проблемами вооруженной борьбы, внешней политики, экономики первой половины века. Регулярно издается на русском и английском языках бюллетень Ассоциации, деятельность которой получила широкую известность за рубежом. Это нашло, в частности, свое отражение в том, что в 1990 г. Олег Александрович избран вице-президентом Международного комитета истории второй мировой войны. Автор

более десяти книг, опубликованных в нашей стране и за рубежом, он удостоен звания заслуженного деятеля науки РСФСР, премии А.В. Суворова.

В чем я вижу основные заслуги О.А. Ржешевского в области исторической науки?

Во-первых, он - историк-новатор, первопроходец неизведанных тем, автор и организатор их исследования. Уже первая крупная его работа "Война и история" (1976 г.), в которой анализируется историография США, посвященная второй мировой войне, привлекла внимание и была переиздана в 1984 г. Такова и его книга "Война и дипломатия" (1997 г.), изданная также в Великобритании и рассчитанная на историков-профессионалов, дипломатов и специалистов военного дела. Среди книг, разработанных по его инициативе и участии, следует отметить первый совместный труд российских и финских историков "Зимняя война 1939-1940", опубликованный в России и Финляндии и выдержавший три издания (1999-2000 гг.).

Как крупное достижение РАН за 2002 г. отмечен труд Института всеобщей истории "Мировые войны XX века" в четырех книгах, идея, концепция и руководство разработкой которого совместно с редколлегией является заслугой Олега Александровича. В написании труда приняло участие более 30 историков академических институтов и других научных учреждений. На его "счету" - организация ряда крупных российских и международных конференций, среди которых большое внимание общественности привлекла проведенная в 2001 г. в Москве конференция "1941 год. Мир в огне". В ней приняли участие историки России, Армении, Белоруссии, Германии, Китайской Народной Республики, США, Украины, Японии - всего 16 стран.

Во-вторых, он первооткрыватель ряда важных документов по истории международных отношений и войн XX в. Среди них - проекты предложенных Сталиным в 1941 г. секретных протоколов к англо-советскому договору, раскрывающие геополитические цели СССР в Великой Отечественной войне, во многом объясняющие последующую политику и стратегию нашего государства в этот период. Мастер документальных очерков, он публикует эти и другие открытия, как правило, в журнале "Новая и новейшая история". Вместе со своим коллективом он ввел в практический научный оборот понятие геополитических и цивилизационных причин возникновения войн XX в. и обострения межсоюзнических противоречий в переходный период от войн к миру. В труде "Мировые войны XX века" содержится более достоверное, чем в традиционной историографии, объяснение неготовности СССР к отражению агрессии и запоздалого приведения войск в боевую

готовность. Приказы наркома обороны и начальника Генерального штаба, подписанные 18-20 июня 1941 г., не оставляют сомнения в том, что руководство СССР, лично И.В. Сталин, принимая максимум мер для укрепления обороны страны, тем не менее исходили из того, что ближайшая цель - избежать в 1941 г. войны с Германией - реальна и достижима. Этот просчет имел тяжелейшие последствия.

При работе в архивах Великобритании и США автором книги найдены и опубликованы документы, указывающие, что в генеральных штабах западных держав уже на рубеже 1943-1944 гг. рассматривали СССР как "главного врага" и рассчитывали на германский вермахт как союзника в "неизбежном противоборстве". После кончины Ф. Рузвельта, сторонника послевоенного сотрудничества великих держав, авторитетнейшего арбитра в дискуссиях Большой тройки, стали разрабатываться конкретные англо-американские планы войны против СССР. Эти и другие важные открытия отечественных историков создали основу для более глубокого и всестороннего анализа истоков возникновения череды послевоенных международных конфликтов и войн.

В-третьих - работа "на будущее". У автора немало учеников, кандидатов и докторов наук и еще больше единомышленников среди талантливой молодежи, которых привлекает его творческое кредо: принцип историзма, исследование достижений страны и успехов вооруженных сил при ее защите как исторической основы национальной Иден, объединяющей общество и способствующей возрождению России. К поколениям, вступающим в жизнь, обращены его научно-популярные работы. Наиболее удачная среди них - совместная с Е.Н. Кульковым и М.Ю. Мягковым книга "Война 1941-1945. Факты и документы" (2001, 2004 гг.).

О.А. Ржешевский - член редколлегии журналов "Вопросы истории" и "Клио"; преподавал в МГУ, его лекции и выступления в МГИМО, других высших учебных заведениях, на международных научных конференциях всегда привлекают внимание. В памяти наше недавнее совместное с президентом Академии военных наук генералом армии М.А. Гареевым выступление на "чрезвычайном вечере" в Вашингтоне, посвященном 60-летию Сталинградской битвы. Вход был платный, но в зале - яблоку негде упасть. Итогом была телеграмма, присланная устроителями хорошо организованного вечера вопросов и ответов: "Гарееву, Полякову, Ржешевскому. Благодарим вас! Программа завершилась очень успешно, потому что в ней участвовали выдающиеся ученые. Вы помните, как все присутствующие в зале встали и устроили вам овацию. Такое случается крайне редко".

Нельзя, наконец, не упомянуть о многолетней работе автора по изданию в нашей стране книг наиболее крупных западных историков и мемуаристов. Он инициатор издания, редактор и, как правило, автор предисловия ряда таких книг. Среди них "Вторая мировая война" Б. Лиддел Гарта, "Крестовый поход в Европу" Д. Эйзенхауэра, "Большая стратегия" М. Говарда (100 тыс. экз.!), "Взлет и падение третьего рейха" У. Ширера, "Герои войны 1941-1945" Д. Аксела, "Сталинград. Битва, которая изменила историю" Д. Робертса. С изданием этих книг связан один из конфликтов, которые неизбежно встречаются у каждого творческого человека на его пути, усеянном многими шипами. В 1978 г. автор пережил донос, суть которого состояла в том, что он, начальник управления зарубежной военной истории Института военной истории полковник О.А. Ржешевский, под видом издания книг зарубежных деятелей занимается пропагандой англо-американского военного искусства. В Главном Политуправлении, куда его вызвали по получении этой "телеги", внимательно разобрались и нашли работу историка нужной и полезной.

Вы прочли книгу одного из крупнейших специалистов по истории международных отношений и войн XX в. Новый замысел автора - коллективный фундаментальный труд "Война и общество в XX веке". Пожелаем ему успеха.

Академик *Ю.А. Поляков*

2 марта 2004 г.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава четвертая

ЛОНДОН. 8-11 июня 1942 года.

CONTENS

Научное издание

РЖЕШЕВСКИЙ Олег Александрович

СТАЛИН И ЧЕРЧИЛЛЬ
ВСТРЕЧИ. БЕСЕДЫ. ДИСКУССИИ

Документы, комментарии
1941-1945

Утверждено к печати
Ученым советом Института всеобщей истории
Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *Н.Ф. Лейн*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *Г.И. Астахова*
Корректоры *А.Б. Васильев, Т.И. Шеповалова*

Подписано к печати 23.03.2004
Формат 60x90 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 35,5 + 0,5 вкл. Усл.кр.-отт. 38,3
Уч.-изд.л. 37,5 + 0,6 вкл. Тираж 2000 экз. (РГНФ - 300 экз.)
Тип. зак. 9851

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

ППП "Типография "Наука"
121099, Москва, Шубинский пер., 6

ГОТОВИТСЯ К ИЗДАНИЮ:

Мальков В. Л. **Пусть к имперству. Америка в первой половине XX века.**

После 1945 г. Соединенные Штаты Америки вошли в биполярный мир, став лидирующей державой, одной из двух сверхдержав. Монография дает представление о пути, проделанном США от индустриального общества до великой державы на рубеже XIX-XX вв. Важнейшее место уделено ключевым моментам истории: "прогрессивной эре", эпохе "нового курса", деятельности выдающихся политических лидеров, преемственности доктринальных внешнеполитических установок. Работа написана на основе архивных источников и новейших научных публикаций.

Для историков, политологов и более широкого круга читателей.

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА" РАН

Магазины "Книга-почтой"

121099 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52
197345 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7Б; (код 812) 235-40-64

Магазины "Академкнига" с указанием "Книга-почтой"

690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 ("Книга-почтой"); (код 4232) 45-27-91 antoli@mail.ru
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга-почтой"); (код 3432) 50-10-03 KNIGA@SKY.ru
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 ("Книга-почтой"); (код 3952) 42-96-20
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90 AKADEMKNIGA@KRASMAIL.RU
220012 Минск, проспект Ф. Скорины, 72; (код 10375-17) 232-00-52, 232-46-52
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00 akadkniga@voxnet.ru http://akadkniga.nm.ru
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79
103054 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96
113105 Москва, Варшавское ш., 9, Книж. ярмарка на Тульской (5 эт.); 737-03-33, 737-03-77 (доб. 50-10)
630901 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60 akademkniga@mail.ru
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 ("Книга-почтой"); (код 3832) 30-09-22 akdmn2@mail.nsk.ru
142290 Пущино Московской обл., МКР "В", 1 ("Книга-почтой"); (код 277) 3-38-80
443022 Самара, проспект Ленина, 2 ("Книга-почтой"); (код 8462) 37-10-60
191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65 ak@akbook.ru
199164 Санкт-Петербург, Таможенный пер., 2; (код 812) 328-32-11
194064 Санкт-Петербург, Тихорецкий пр-т, 4; (код 812) 247-70-39
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16; (код 812) 323-34-62
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 51-60-36 akademkniga@mail.tomsknet.ru
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга-почтой"); (код 3472) 24-47-74
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85

Черчилль о Сталине

«Сталин противоестественный человек. Нас ожидают тяжелые испытания» (август 1943 г.)

«Я лично не могу чувствовать ничего иного, помимо величайшего восхищения к этому подлинно великому человеку, отцу своей страны, правящему судьбой своей страны во время мира и победоносному её защитнику во время войны» (ноябрь 1945 г.)

Сталин о Черчилле

«Лидер Британской империи, самый мужественный из всех премьер-министров мира, сочетающий в себе политический опыт и военное руководство, человек, который в момент, когда вся Европа была готова пасть ниц перед Гитлером, заявил, что Англия не дрогнет и будет сражаться против Германии одна, даже без союзников» (февраль 1945 г.)

«Считаю ошибкой опубликование речи Черчилля о восхвалении России и Сталина. Все это нужно Черчиллю, чтобы успокоить свою нечистую совесть и замаскировать враждебное отношение к СССР» (ноябрь 1945 г.)

НАУКА